Л. ДЮШЕНЪ

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ

Томъ I

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПЯТАГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей проф. И. В. ПОПОВА и проф. А. П. ОРЛОВА

МОСКВА
1912.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Аббатъ Л. Дюшенъ, книга котораго предлагается вниманію русскихъ читателей въ настоящемъ переводѣ, является однимъ изъ самыхъ выдающихся историковъ церкви съ католической стороны. Его имя произносится съ равнымъ уваженіемъ учеными всѣхъ исповѣданій. Но въ Россіи онъ не пользуется большой извѣстностью, вѣроятно вслѣдствіе спеціальнаго характера своихъ главныхъ ученыхъ трудовъ. Поэтому нелишнимъ представляется дать нѣсколько краткихъ свѣдѣній о личности этого неутомимаго изслѣдователя и его заслугахъ предъ наукой.

Получивъ прекрасную научную подготовку подъ руководствомъ Де-Росси, знаменитаго археолога, открывшаго для міра сокровища римскихъ катакомбъ, Л. Дюшенъ занялъ въ 1878 г. каѳедру церковной исторіи при католическомъ факультетѣ въ Парижѣ, а въ 1895 г. былъ назначенъ директоромъ французскаго археологическаго института въ Римѣ, при которомъ состоитъ и до настоящаго времени. Широкой извѣстностью и почетнымъ именемъ въ наукѣ Дюшенъ обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ критическимъ работамъ въ области историческихъ памятниковъ, отличающихся необыкновенною сложностью и смутностью своего преданія. Въ прошедшемъ 1910 году парижская Академія Наукъ увѣнчала эти труды избраніемъ автора въ число своихъ членовъ. Изъ длиннаго списка литературныхъ произведеній ученаго критика мы остановимся лишь на важнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ для него работахъ.

Для исторіи папства однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ служитъ Liber Pontificalis. Это—собраніе жизнеописаній, которыя разсказываютъ намъ о происхожденіи, посвященіи, управленіи, постройкахъ, смерти и погребеніи папъ. Книга слагалась постепенно на протяженіи столѣтій изъ матеріаловъ неодинаковаго возраста и цѣнности, различныхъ по своему характеру и тенденціямъ. Важность памятника, сложность его исторіи и спутанность преданія привлекала къ нему вниманіе такихъ корифеевъ науки,

какъ покойный проф. Моммзенъ. Въ составъ его вошли древніе списки епископовъ, заимствованія изъ апокрифовъ и легендарныхъ сказаній о мученикахъ, подложные акты, сообщенія, основанныя на документахъ изъ папскаго архива, житія, составленныя придворными лѣтописцами папъ, начинавшими свой трудъ съ момента вступленія на апостольскій престолъ своихъ владыкъ и вносившихъ въ него записи по мѣрѣ того, какъ развертывались самыя событія. Однѣ изъ этихъ біографій написаны въ оффиціальномъ стилѣ, по сложившемуся постепенно шаблону. Онѣ, конечно, очень тщательно стираютъ тѣни, но въ своемъ придворномъ лицемѣріи и услужливости прекрасно отражаютъ руководящія начала папской политики и стремленія римскихъ первосвященниковъ. Другія жизнеописанія обнаруживаютъ личную заинтересованность ихъ авторовъ въ судьбѣ той или другой церковной партіи, а иногда и личную раздраженность. Только изслѣдованіе, вскрывающее все это, дѣлаетъ Liber Pontificalis доброкачественнымъ источникомъ въ рукахъ историка. Но нетрудно видѣть, сколько спеціальныхъ познаній, трудолюбія и силы критическаго анализа нужно было имѣть изслѣдователю, чтобы разобраться въ многочисленныхъ редакціяхъ памятника, разложить его на составные элементы, свести ихъ къ опредѣленнымъ источникамъ, выяснить характеръ и тенденціи послѣднихъ и тѣмъ самымъ установить относительную цѣнность каждаго изъ нихъ. Эта нелегкая задача была блестяще разрѣшена Дюшеномъ въ его диссертаціи на степень доктора, вышедшей въ 1877 г. подъ заглавіемъ Etude sur le Liber Pontificalis, и въ исчерпывающемъ огромный рукописный матеріалъ (110 манускриптовъ) изданіи самаго памятника, выпущенномъ въ 1886 и 1892 г.г. и озаглавленномъ: Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaires. Deux Vol. Изданіе это уже разошлось, несмотря на высокую цѣну (200 fr.).

Другимъ капитальнымъ трудомъ автора служитъ: Fastes episcopaux de l'ancienne Gaule. Vol. I. Les provinces du Sud-Est: Gaule narbonnaise, region des Alpes. 1894. Vol. II, L'Aquitaine et les Lyonnaise. 1900. Посвященный вопросу о распространеніи христіанства и исторіи епископскихъ каѳедръ въ Галліи, онъ основанъ на изученіи огромнаго сырого матеріала, сохранившагося въ видѣ легендъ о первоначальномъ происхожденіи той или другой провинціальной церкви, епископскихъ списковъ, агіографическихъ памятниковъ съ ихъ отрывочными и случайными упоминаніями о событіяхъ и лицахъ, игравшихъ извѣстную роль въ мѣстной исторіи.

Памятники этого рода представляютъ собою самое причудливое сплетеніе легенды съ дѣйствительными историческими воспоминаніями и для своей разработки требуютъ острой критики, вооруженной безукоризненнымъ методомъ. Анализъ этихъ темныхъ преданій, плодъ многолѣтнихъ изысканій автора, надолго останется образцомъ трудолюбивой, проницательной и осторожной критики, умѣющей изъ самаго смутнаго источника выдѣлить зерно исторической истины, и производитъ на читателя почти эстетическое впечатлѣніе красотою строгой и послѣдовательной мысли. Это—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, изученіе которыхъ воспитываетъ научный тактъ и вкусъ и содѣйствуетъ ихъ распространенію гораздо болѣе, чѣмъ всевозможные методологическіе рецепты.

Подобнымъ же характеромъ отличается изслѣдованіе Дюшена по исторіи древне-церковныхъ богослужебныхъ календарей, связанное съ изданіемъ текста и выясненіемъ источниковъ такъ называемаго мартиролога Іеронима, ложно приписаннаго этому плодовитому писателю и ученому западной церкви. (Martyrologium Hieronymianum ad fidem codicum adjectis prolegomenis ediderunt I. B. de Rossi et L. Duschesne. Paris 1894).

До сихъ поръ мы отмѣчали сочиненія Дюшена по критикѣ древнихъ текстовъ. Его Исторія христіанскаго культа (Origines du culte chretien. Etude sur la liturgie latine avant Charlemagne. Paris, 1899) представляетъ собою историческую монографію съ широкимъ содержаніемъ. Послѣ краткаго введенія о состояніи христіанскаго богослуженія въ I—II вв. и о развитіи восточной литургіи съ IV в., авторъ излагаетъ исторію латинской или точнѣе галликанской литургіи до Карла Великаго. Въ основу книги положено тщательное изученіе литургическихъ памятниковъ во всевозможныхъ ихъ формахъ и редакціяхъ, со свойственною автору проницательностью отдѣляющее первоначальное зерно отъ позднѣйшихъ наслоеній. Часть этихъ матеріаловъ впервые стала доступной для изученія благодаря близкому знакомству автора съ рукописными сокровищами различныхъ библіотекъ. Таковы изданныя имъ въ приложеніи къ этому труду 12 чинопослѣдованій (ordines) IX в. (pp. 439—464, 467—471).

Изъ мелкихъ, но важныхъ для исторіи церкви сочиненій Дюшена слѣдуетъ упомянуть его защиту документовъ (Gesta purgationis Caeciliani et Felicis), относящихся къ первоначальной исторіи донатизма (Le dossier du donatisme. Melanges d'archeologie d'histoire publiés par l'Ecole française de Rome 1890), и статью о

пасхѣ, проливающую совершенно новый свѣтъ на сущность разногласій, служившихъ предметомъ обсужденія на первомъ вселенскомъ соборѣ (La question de la pâque au concile de Nicée. Rev. de questions historiques t. XXVIII, 1880 p. 5—42).

„Исторія древней церкви" издана Дюшеномъ по просьбѣ его друзей. Это—плодъ его многолѣтняго преподаванія въ университетѣ, распространенный сначала среди его учениковъ въ видѣ литографированныхъ лекцій, а потомъ для печати пересмотрѣнный и согласованный съ новѣйшими изслѣдованіями. Книга выросла изъ живого изустнаго изложенія предмета предъ студенческой аудиторіей, что и наложило на нее свою печать. Это, конечно, не компиляція, а популярное изложеніе результатовъ, добытыхъ самостоятельнымъ изученіемъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ документовъ, но въ курсѣ лекцій авторъ естественно не могъ во всемъ объемѣ развернуть свою обширную эрудицію, не рискуя потеряться въ мелкихъ подробностяхъ и сдѣлать свои чтенія совершенно недоступными для слушателей. Курсъ не носитъ на себѣ внѣшнихъ признаковъ учености автора: количество ссылокъ на источники и литературу безъ труда можно было бы увеличить во много разъ, имена авторовъ и названія цитуемыхъ сочиненій приводятся иногда въ такой сокращенной формѣ, что едва ли могутъ представляться ясными для читателя, мало знакомаго съ древне-церковной литературой, нѣкоторыя положенія и факты остаются совсѣмъ безъ подтвержденія ссылками на источники, выдержки изъ документовъ иногда приводятся по памяти и отклоняются отъ подлиннаго текста, библіографія недостаточна и не расположена по отдѣламъ, облегчающимъ справки.

Ученый авторъ не загромождаетъ свой курсъ излишними подробностями. Вслѣдствіе утраты большей части христіанской литературы доникейскаго періода и фрагментарнаго характера большей части сохранившихся памятниковъ, къ этому древнѣйшему періоду исторіи церкви относится цѣлый рядъ вопросовъ, которые не допускаютъ непререкаемаго рѣшенія, а это порождаетъ множество разнообразныхъ мнѣній, гипотезъ, догадокъ и предположеній, въ лабиринтѣ которыхъ не легко оріентироваться. Эта сложность вопросовъ на широкій кругъ читателей дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, производя впечатлѣніе сомнительности, произвольности и предвзятости всѣхъ попытокъ воскресить въ деталяхъ минувшую жизнь древняго христіанства. Дюшенъ не вдается въ изложеніе и классификацію этихъ мнѣній. Онъ обладаетъ замѣчательной

способностью, устранивъ затемняющія подробности, намѣтить сущность проблемы, ясно поставить вопросъ, дать на него опредѣленный отвѣтъ и привести важнѣйшія доказательства въ пользу него.

Въ расположеніи матеріала авторъ не держится схемъ, общепринятыхъ въ курсахъ исторіи церкви. Онъ предпочитаетъ обнять его въ рядѣ очерковъ, цѣлостно воспроизводящихъ отдаленную эпоху первоначальнаго развитія христіанства. Это могло бы повести къ опущенію нѣкоторыхъ отдѣловъ. Но такой неполноты не замѣчается. Правда, нѣкоторые рецензенты, какъ напр. Люази, ставятъ автору въ упрекъ слишкомъ краткое изложеніе исторіи возникновенія и первоначальнаго распространенія христіанства. Этотъ упрекъ понятенъ въ устахъ спеціалиста по библейской критикѣ Нов. Зав., но столь же понятно уклоненіе отъ этой задачи Дюшена, область спеціальныхъ занятій котораго относится къ позднѣйшей эпохѣ. Сверхъ того сложность и отвѣтственность вопросовъ евангельской исторіи, требующихъ для себя и спеціальныхъ знаній и подробныхъ трактатовъ, достаточно объясняетъ и оправдываетъ тотъ фактъ, что во всѣхъ почти курсахъ исторіи церкви они излагаются кратко и имѣютъ значеніе какъ бы введенія. Съ большимъ основаніемъ можно было бы пожалѣть о нѣкоторой неполнотѣ въ изложеніи исторіи вѣроученія: значеніе Тертулліана въ исторіи догматовъ авторомъ едва затронуто, система Оригена дана въ слишкомъ общихъ чертахъ, ученіе монтанистовъ совсѣмъ опущено, идейная сторона дисциплинарныхъ движеній пройдена молчаніемъ. Вслѣдствіе этого для читателя не можетъ быть ясна идеалогія противоположныхъ теченій, о столкновеніи которыхъ такъ подробно разсказываетъ авторъ.

Вслѣдствіе перечисленныхъ особенностей курсъ Дюшена во многомъ уступаетъ другимъ ученымъ руководствамъ. Онъ не можетъ быть настольной книгой для начинающаго, въ которой всегда удобно сдѣлать необходимую справку. Мы не найдемъ здѣсь перечня источниковъ по каждому вопросу, свѣдѣній объ изданіи памятниковъ, полной библіографіи, обстоятельнаго изложенія и критики главнѣйшихъ гипотезъ. Нелегко найти здѣсь даже интересующій фактъ именно потому, что однородный матеріалъ разнесенъ по различнымъ главамъ. Но теряя въ смыслѣ учебнаго пособія, курсъ Дюшена выигрываетъ въ живости и наглядности изложенія. Отсутствіе именно этой ученой тяжеловѣсности и дѣлаетъ книгу доступной для широкаго круга читателей, пригодной именно для чтенія. Событія разсказаны въ ней полно, но безъ лишнихъ под-

робностей, живо и образно. Въ предисловіи къ своей Исторіи церкви Дюшенъ скромно называетъ себя популяризаторомъ, и дѣйствительно въ этомъ сочиненіи онъ выступаетъ преимущественно какъ популяризаторъ, но въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова: въ общедоступной формѣ онъ излагаетъ здѣсь достигнутые результаты спеціальныхъ изслѣдованій и своихъ собственныхъ критическихъ работъ.

Заслуги католическаго клира и монашества предъ наукой хорошо извѣстны. Ихъ трудамъ и самоотверженной преданности интересамъ знанія исторія церкви обязана колоссальными изданіями памятниковъ и цѣнными изслѣдованіями. Но безпристрастіе католическихъ историковъ нерѣдко и не безъ основанія подвергается сомнѣнію. Стѣсненные вѣроисповѣдными традиціями, схоластически разработанными до мелкихъ подробностей и не оставляющими никакой свободы ни для личнаго религіознаго порыва, ни для научной оригинальности, преслѣдуемые цензурой и находящіеся подъ вѣчной угрозой Index'а, они вынуждены или выступать открытыми защитниками предразсудковъ школы и политики куріи, или уклоняться отъ щекотливыхъ вопросовъ и широкихъ обобщеній. Среди нихъ Дюшенъ является довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Его ученое безпристрастіе и свобода духа общепризнаны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не перестаетъ быть истиннымъ католикомъ. Его сочиненія служатъ прекраснымъ доказательствомъ тому, что строго научный методъ, примѣненный къ изслѣдованію минувшей жизни церкви, не только не требуетъ отреченія отъ основныхъ истинъ христіанства, но легко уживается и съ конфессіональной точкой зрѣнія. Положеніе, занятое Дюшеномъ среди борющихся научныхъ теченій настоящаго времени, точно охарактеризовано имъ самимъ въ предисловіи къ Исторіи Церкви. „Существуетъ среднее направленіе, говоритъ онъ, представленное сужденіями серьезныхъ и здравомыслящихъ людей, и оно то становится авторитетомъ для всѣхъ спокойно судящихъ о предметѣ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что я считаю себя сторонникомъ этого направленія. Можетъ быть, это— самообольщеніе, но я чувствую одинаковое отвращеніе къ нелѣпостямъ иныхъ теорій, какъ и иныхъ легендъ“. Но и это среднее направленіе оказалось непріемлемымъ для римской куріи. 1 Сентября текущаго года консисторіальной конгрегаціей былъ изданъ циркуляръ, запрещающій чтеніе Исторіи древней церкви Дюшена въ итальянскихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Нѣкоторыя изъ выставленныхъ при этомъ обвиненій противъ

книги поражаютъ своей неосновательностью и несправедливостью. Автору ставятъ въ вину критическій методъ изслѣдованія и умолчаніе о сверхъестественномъ факторѣ въ исторіи. Но когда заводятъ рѣчь объ умолчаніи, судъ обыкновенно сводится къ чтенію въ мысляхъ, что же касается критическаго метода, то Дюшенъ руководился имъ не въ одной только Исторіи церкви, но на протяженіи всей своей многолѣтней ученой дѣятельности, протекавшей на глазахъ у церковной власти и ею поощряемой. Его упрекаютъ въ томъ, что гонителей христіанъ онъ представляетъ хорошими государями, побуждаемыми къ преслѣдованію христіанства основными политическими принципами римскаго государства. Но нельзя же итти противъ исторической очевидности, изображая Антонина Пія и Марка Аврелія извергами человѣчества за то, что они были несправедливы къ христіанамъ, и превознося Коммода потому только, что при немъ христіанамъ жилось сносно. При томъ же мысль, высказанная Дюшеномъ, давно уже вошла во всѣ католическіе учебники. Въ спискѣ обвиненій, направленныхъ противъ Дюшена, послѣднее мѣсто скромно занимаетъ упрекъ въ неправильномъ изображеніи состоянія римской церкви и ея прерогативъ. Вопросъ этотъ болѣе всѣхъ другихъ выводитъ изъ равновѣсія воинствующихъ представителей католической іерархіи, и, вѣроятно, этотъ именно пунктъ и послужилъ главною причиной возбужденія противъ курса Дюшена.

„Авторитетъ римской церкви, пишетъ ученый историкъ, скорѣе чувствовался, чѣмъ былъ точно выраженъ; чувствовался, во-первыхъ, самими римлянами, которые со времени св. Климента ни разу не уклонились отъ исполненія своего долга предъ христіанскимъ міромъ; чувствовался также и прочими, поскольку это чувство не сталкивалось со спеціальными интересами того или другого момента. Проявляя свой нравственный авторитетъ, римская церковь при полной неопредѣленности такихъ проявленій то содѣйствовала, то становилась помѣхой заинтересованнымъ сторонамъ. Пока она имъ не противорѣчила, у людей не хватало словъ для выраженія своего энтузіазма и уваженія, какое она имъ внушала, даже покорности, которую они считали для себя обязательной по отношенію къ ней. Во время же распри, какъ это обнаружилось, напр., во времена папъ Виктора и Стефана, прерогативы каѳедры св. Петра становились менѣе безспорны (стр. 360). Эти искреннія слова не могли, конечно, снискать одобренія въ лагерѣ боевого ультрамонтанства.

Самое осуждение книги произошло при довольно странныхъ обстоятельствахъ. Она была издана съ разрѣшенія римской цензуры въ 1906 г. Съ тѣхъ поръ она выдержала пять изданій, была переведена на англійскій и испанскій языки и очевидно получила очень широкое распространеніе. Церковная власть не возражала и не ставила для этого никакихъ препятствій. Но картина рѣзко измѣняется, какъ только возникъ вопросъ о переводѣ курса на итальянскій языкъ. Клерикальная газета „Unita Cattolica", издаваемая во Флоренціи, повела ожесточенную кампанію противъ перевода и выпустила отдѣльной брошюрой памфлетъ на Дюшена. 10 кардиналовъ, 5 архіепископовъ и 30 епископовъ поспѣшили выразить его автору свое сочувствіе. Весь этотъ шумъ показываетъ, что не со вчерашняго дня скоплялся какой-то горючій матеріалъ, для котораго изданіе итальянскаго перевода Исторіи древней церкви Дюшена послужило искрой, производящей взрывъ. Но, конечно, для непосвященнаго въ тайны партійныхъ отношеній и распрей въ средѣ католической іерархіи было бы рискованно на основаніи этого высказывать какія нибудь догадки.

Въ русскомъ обществѣ никогда не умиралъ интересъ къ вопросамъ религіи и ея исторіи. Небольшая группа лицъ, идущая навстрѣчу ему и посвящающая свои краткіе досуги переводу и редактированію выдающихся иностранныхъ произведеній религіознаго характера, льститъ себя надеждой, что ихъ настоящій первый опытъ будетъ встрѣченъ сочувственно русскимъ читателемъ.

И. Поповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во времена гоненія Діоклетіана, когда разрушали церкви, жгли священныя книги, а христіанъ изгоняли или заставляли измѣнять вѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Евсевій, спокойно работалъ надъ составленіемъ первоначальной исторіи христіанства. Это не былъ человѣкъ выдающагося ума, но терпѣливый, добросовѣстный труженикъ. Долгіе годы собиралъ онъ матеріалы для задуманной книги; ему удалось спасти ихъ отъ гибели и даже обработать ихъ. Такимъ образомъ, Евсевій Кесарійскій сталъ отцомъ церковной исторіи. Тѣмъ, кто принимается за тотъ же трудъ много времени спустя послѣ него, и тоже въ тяжелые дни, слѣдуетъ прежде всего вспомнить о немъ и объ его несравненныхъ заслугахъ. Еслибъ онъ не перерылъ съ безпримѣрною тщательностью палестинскія библіотеки, гдѣ ученый Оригенъ и епископъ Александръ собрали всю христіанскую литературу съ древнѣйшихъ временъ, наши свѣдѣнія о первыхъ трехъ вѣкахъ существованія церкви ограничивались бы весьма малымъ. Благодаря ему мы можемъ не то, чтобы не жалѣть о гибели всей этой литературы, но все-же составить себѣ понятіе о ней по довольно значительнымъ остаткамъ.

Однако Евсевій—не единственный нашъ источникъ. Нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ имъ древнихъ книгъ дошли до насъ; другія попали въ свое время въ руки неутомимыхъ читателей, передавшихъ потомству прочитанное, какъ св. Епифаній, Іеронимъ и Фотій. Исторія христіанской литературы древнѣйшей эпохи не является предпріятіемъ неосуществимымъ. Опыты подобнаго рода нерѣдки. Въ Германіи очень недавно появилась въ этой области замѣчательная работа О. Барденгевера [1]). Дѣятельный кружокъ Адольфа Гарнака уже лѣтъ тридцать собираетъ, какъ Евсевій передъ гоненіемъ, матеріалы для великой общей сводной работы. Эти подготовительныя работы становятся достояніемъ ученаго міра бла-

---

1) *Geschichte der altkirchlichen Litteratur*, Herder 1902—1903, 2 vol.

годаря періодическому изданію: *Texte und Untersuchungen* [1]) и въ особенности благодаря опубликованію двухъ работъ предварительнаго характера, посвященныхъ вопросамъ о древне-христіанской литературѣ въ церковномъ преданіи и ея хронологіи [2]).

Эти работы, наряду съ которыми можно бы назвать еще другія, вышедшія во Франціи [3]), Англіи и Италіи, очень много сдѣлали для разъясненія древнихъ памятниковъ и ихъ взаимнаго отношенія. Критическая разработка документовъ сильно подвинулась впередъ. Въ концѣ XVII столѣтія добросовѣстный и одаренный тонкимъ критическимъ тактомъ Тильмонъ положилъ въ основу своихъ изслѣдованій самое тщательное изученіе извѣстныхъ въ его время источниковъ. Онъ очень удивился бы, если бы воскресъ и увидѣлъ все, что наука открыла послѣ него.

Впрочемъ не слѣдуетъ думать, что успѣхи знанія существенно или замѣтно измѣнили традиціонные взгляды, выраженные имъ въ его объемистыхъ ученыхъ трудахъ. Частичные результаты, добытые послѣ столькихъ усилій и открытій, въ общемъ ведутъ къ оправданію взгляда ученыхъ критиковъ временъ Людовика XIV. Увлеченіе безразсудными системами, въ которыхъ особенно отличилась Тюбингенская школа, теперь прошло; правда, ихъ мѣсто заступили другія, ибо человѣческій умъ всегда плодовитъ на странныя теоріи, но существуетъ среднее направленіе, представленное сужденіями серьезныхъ и здравомыслящихъ людей, и оно-то становится авторитетомъ для всѣхъ спокойно судящихъ о предметѣ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что я считаю себя сторонникомъ этого направленія. Можетъ-быть, это — самообольщеніе, но я чувствую одинаковое отвращеніе къ нелѣпостямъ иныхъ теорій, какъ и иныхъ легендъ. Я даже думаю, что если бы пришлось выбирать, я бы все-таки отдалъ предпочтеніе легендамъ, куда по крайней мѣрѣ вложено немного поэзіи и народной души.

Итакъ, успѣхи ученыхъ изысканій могутъ служить мнѣ оправданіемъ въ томъ, что я предпринимаю настоящій трудъ,—трудъ скромный, имѣющій цѣлью ихъ изложеніе и популяризацію. Однако взялся я за перо только по совѣту и почти подъ давленіемъ многихъ лицъ; я вынужденъ былъ удовлетворить ихъ желаніямъ, чтобы меня оставили въ покоѣ [4]).

Эти лица не защитятъ меня отъ критики, такъ какъ большинство изъ нихъ не причастны къ литературной дѣятельности, но опытные и разумные люди извинятъ меня за то, что, желая сдѣлать свою книгу болѣе легкой для чтенія, я не вдавался въ критическія изысканія и не заполонилъ своего труда библіографіей. Они поймутъ также почему я не слишкомъ долго останавливался на самыхъ первыхъ моментахъ исторіи христіанства. Если бы я съ должной обстоятельностью взялся за обсужденіе вопросовъ, касающихся вообще основанія церкви и первыхъ шаговъ евангельской проповѣди, то я слишкомъ долго не подошелъ бы къ ближайшему предмету моей книги. Всякой вещи свое время и свое мѣсто. Да простятъ мнѣ также нѣкоторое стараніе ограничить кругъ своей любознательности. Я очень уважаю людей, которые хотятъ все знать, и преклоняюсь передъ изобрѣтательностью, съ какой они умѣютъ расширять при помощи увлекательныхъ гипотезъ кругозоръ точно провѣренныхъ данныхъ. Я лично предпочитаю твердую почву; я согласенъ лучше идти не такъ далеко, но подвигаться болѣе увѣренными шагомъ, *non plus sapere quam oportet sapere, sed sapere ad sobrietatem (не мудрствовать больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ мудрствовать, но мудрствовать въ умѣренности).*

Римъ, 22-го ноября 1905 г.

---

[1]) *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Litteratur*, Leipzig, Hinrichs.

[2]) *Geschichte der altchristlichen Litteratur*; 1 Theil: *Die Ueberlieferung und der Bestand* (1893); 2 Theil: *Die Chronologie* (1897—1904). Я долженъ упомянуть также о собраніи твореній христіанскихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ, издаваемомъ Берлинской академіей: нѣсколько томовъ уже появились въ свѣтъ.

[3]) Въ особенности P. Monceaux, *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne*, 1901.

[4]) Я долженъ признаться, что мной руководило также желаніе изъять изъ обращенія старый литографированный курсъ лекцій, изданный лѣтъ тридцать тому назадъ и, казалось мнѣ, слишкомъ устарѣвшій, чтобы не компрометировать моей репутаціи.

ГЛАВА I.

Римская имперія, какъ родина христіанства.

Средиземное море и древній міръ.—Римская имперія и ея сосѣди.—Евреи и ихъ религія.—Римскія провинціи и городское управленіе.—Нравы, идеи, религія: мистеріи, восточные культы.—Подготовка евангельской проповѣди.

Въ дни появленія христіанства Римская имперія мирно господствовала на всемъ побережьѣ Средиземнаго моря. Въ общемъ міровомъ строѣ она занимала то же мѣсто, что Европа въ наши дни, но она была болѣе обособлена. Не говоря уже объ Америкѣ, существованія которой тогда еще не подозрѣвали, многолюдное населеніе Китая, Индіи и внутренней Африки не знало Средиземнаго моря и въ свою очередь было неизвѣстно его народамъ. Съ этими почти сказочными въ то время странами можно было бы, правда, сноситься по Нилу и по двумъ заливамъ, окаймляющимъ Аравійскій полуостровъ и ведущимъ къ Индійскому океану: какъ разъ вдоль этихъ великихъ міровыхъ путей возникли съ самыхъ древнихъ временъ цвѣтущія государства,—Египетъ, Ассирія, Халдея, Сузіана [1]). Но несмотря на свое географическое положеніе, столь удобное для сношеній съ отдаленными странами, эти государства, повидимому, почти всегда оставались замкнутыми со стороны востока и распространяли свои завоеванія и свою цивилизацію къ Средиземному морю: именно въ этомъ направленіи столкнулись они наконецъ съ болѣе молодыми народами, которымъ предназначено было остановить ихъ распространеніе, положить конецъ ихъ исторіи и смѣнить ихъ въ политическомъ владычествѣ надъ западной Азіей.

Въ VI вѣкѣ до Рождества Христова страны Нила и Евфрата объединились подъ властью персовъ, предпріимчиваго народа, завоеванія котораго достигли съ одной стороны Эгейскаго моря и

[1]) Сузіана—область по лѣвой сторонѣ нижняго теченія Тигра. Прим. перев.

Дуная, съ другой береговъ Инда. Двѣсти лѣтъ спустя Александръ разрушилъ это непрочное царство и подчинилъ Востокъ грекамъ. Политическая организація, которою онъ пытался закончить свои блестящіе подвиги, была на самомъ дѣлѣ очень недолговѣчна, но значеніе македонскаго завоеванія состояло въ томъ, что оно положило начало эллинизму [1]) на Востокѣ. Въ этихъ странахъ, имѣвшихъ уже собственную древнюю и мощную цивилизацію, Александръ ввелъ порядки, которые ожидала совсѣмъ иная участь, чѣмъ какая постигла его монархію. Правда Иранъ скоро вернулъ себѣ независимость, зажилъ обособленной отъ греческихъ государствъ жизнью и увлекъ за собой своихъ старыхъ вассаловъ по Тигру и Евфрату. Но ни парѳянскимъ царямъ, ни ихъ преемникамъ Сассанидамъ, [2]) уже не удалось занять по отношенію къ Западу позицію Ассурбанипала и Дарія. Всякому ихъ распространенію въ этомъ направленіи была поставлена преграда. Хотя они были свидѣтелями паденія греческихъ государствъ, но мѣсто послѣднихъ заступили римскіе легіоны, и на долгіе вѣка граница была поставлена подъ ихъ охрану. Ставъ хозяиномъ Италіи, побѣдивъ Карѳагенъ и Грецію, Римъ въ 64 г. до Р. Х. разрушилъ царство Селевкидовъ; тридцать лѣтъ спустя онъ же захватилъ наслѣдство Птоломеевъ [3]). Вся область Средиземнаго моря отъ Антіохіи до Испаніи признала его власть. Цезарь присоединилъ сюда Галлію, Августъ раздвинулъ границы до Дуная, Клавдій—до Шотландіи. На сѣверѣ Римъ имѣлъ передъ собой лишь варварскія племена, на западѣ его границей былъ Атлантическій океанъ, на югѣ—пустыня. Лишь на востокѣ, со стороны рѣки Тигра и Арменіи, граничилъ онъ съ другимъ государствомъ, но столкновенія римлянъ съ парѳянами ослаблялись цѣлымъ рядомъ вдвинутыхъ между ними мелкихъ зависимыхъ государствъ отъ Чернаго моря до Краснаго.

1) Эллинизмомъ называется совокупность знаній, искусствъ, идей и учрежденій, которыя проникли изъ Греціи на Востокъ и, смѣшавшись съ мѣстными элементами, создали строй жизни, господствовавшій на Востокѣ все время владычества римлянъ, тоже въ значительной степени эллинизировавшихся. Характерными чертами эллинизма были: развитіе городского благоустройства и самоуправленія, промышленности, сношеній, усвоеніе идей и методовъ древней греческой философіи, подражаніе классическимъ образцамъ греческаго искусства, образованіе общаго для всѣхъ культурныхъ народовъ строя жизни и міровоззрѣнія, состоявшаго изъ общихъ идей, чувствъ и интересовъ; въ области религіи—синкретизмъ, смѣшеніе различныхъ религіозныхъ системъ безъ попытки возсоздать изъ нихъ стройное цѣлое. Прим. перев.

2) Сассаниды—потомки древнихъ персидскихъ царей. Прим. перев.

3) По смерти Александра Сирія досталась его военачальнику Селевку Никатору, Египетъ—Птоломею Лагу, по именамъ которыхъ названы были династіи. Прим. перев.

Въ одномъ изъ этихъ-то мелкихъ государствъ, въ Іудеѣ, возникло христіанство. Іудейство, которое ему предшествовало и его подготовило, было первоначально религіей небольшого народа, жившаго въ южномъ углу Сиріи; народъ этотъ составился изъ разныхъ племенъ, объединившихся сначала въ одно, а потомъ въ два царства, которыя просуществовали недолго и пали подъ ударами ассиріянъ и халдеевъ. Въ моментъ гибели послѣдняго царства (590 до Р. Х.), іудейская религія, постепенно очищенная подъ вліяніемъ вдохновенія пророковъ, сосредоточивалась вокругъ національнаго святилища въ Іерусалимѣ. Здѣсь воздавали поклоненіе Божеству, какъ единому истинному Богу и Господу, предъ которымъ всѣ прочія мнимыя божества были лишь идолами и демонами. Израиль позналъ Его, какъ творца и зиждителя міра, онъ помнилъ, что связанъ съ Нимъ особымъ древнимъ договоромъ, завѣтомъ. Творецъ міра Іегова былъ его Богомъ, какъ онъ въ свою очередь былъ народомъ Іеговы. Отсюда очень высокое мнѣніе его о своемъ достоинствѣ, о своемъ племени и призваніи; отсюда его несокрушимая вѣра въ свое предназначеніе и въ Того, Кто ему предначерталъ его.

Храмъ былъ разрушенъ, династія истреблена, самъ народъ разсѣянъ изгнанникомъ по отдаленнымъ странамъ. Израиль продолжалъ надѣяться, не взирая ни на что, и надежда его не была обманута. Персы разрушили царство Халдейское, завоевали и разграбили ненавистный Вавилонъ и дозволили іудеямъ возстановить свое святилище, сплотиться вокругъ него и даже укрѣпить Іерусалимъ. Съ національной независимостью пришлось проститься, но евреи нашли утѣшеніе въ томъ, что тѣснѣе скрѣпили узы, соединявшія сыновъ израильскихъ съ Іеговой и ихъ самихъ въ Іеговѣ. Монархи, царствовавшіе въ Сузахъ, даровали имъ широкую мѣстную автономію, которая была впослѣдствіи сохранена и Птоломеями, и Селевкидами до тѣхъ поръ, пока Антіохъ Епифанъ не возымѣлъ безумной мысли эллинизировать народъ Божій. Защищая свою вѣру, народъ поднялъ возстаніе, которое, увѣнчавшись успѣхомъ, привело къ образованію самостоятельнаго государства, управлявшагося первосвященниками изъ рода Асмонеевъ, потомками героевъ борьбы за независимость. Постепенно эти первосвященники превратились въ іудейскихъ царей. Этотъ государственный порядокъ продержался около ста лѣтъ, вплоть до появленія римлянъ. Помпей, покончивъ съ царствомъ Селевкидовъ и овладѣвъ Іерусалимомъ (63 г. до Р. Х.), въ общемъ не измѣнилъ

этого порядка. Антоній посадилъ на мѣсто послѣднихъ Асмонеевъ авантюриста изъ мѣстныхъ уроженцевъ—Ирода, получившаго прозваніе Великаго (40 г. до Р. Х.). Съ него начинается евангельское повѣствованіе. Послѣ его смерти (въ 750 г. по основаніи Рима и въ 4 г. до Р. Х.) его довольно обширное царство было раздѣлено на три части: та часть, въ которой находился Іерусалимъ, досталась его сыну Архелаю, владѣвшему ею до 6 г. по Р. Х., послѣ чего онъ былъ смѣщенъ и замѣненъ прокураторами, которые непрерывно управляли Іудеей вплоть до великаго возстанія 66 года, за исключеніемъ трехлѣтняго промежутка царствованія Ирода Агриппы (42—44 гг.).

Когда вспыхнуло возстаніе, христіанство уже существовало, и проповѣдь Евангелія начала прокладывать ему пути. Но вначалѣ она шла не на востокъ: лишь позднѣе христіанство укрѣпляется въ парѳянскомъ государствѣ; на первыхъ же порахъ все его вниманіе было направлено на греческій міръ и Римскую имперію.

Несмотря на безобразія, разыгрывавшіяся въ Римѣ, Римская имперія обезпечивала миръ, безопасность и даже свободу въ томъ смыслѣ, что она охотно поощряла развитіе городскихъ самоуправленій. Провинціи, управлявшіяся однѣ по назначенію сената ежегодно мѣнявшимися проконсулами, другія отъ имени императора легатами-пропреторами, составлялись изъ группы округовъ, управлявшихся каждый выборными властями города, служившаго метрополіей округа. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ городское устройство не было введено, самоуправленіе было организовано иначе. Чиновниковъ было немного, если не считать завѣдующихъ сборомъ податей; судъ, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій,—да и это исключеніе наблюдалось не вездѣ,—оставался въ вѣдѣніи городскихъ властей. Однако лица, пользовавшіяся правомъ римскаго гражданства, подлежали только римскимъ судамъ. Однѣ лишь пограничныя провинціи содержали въ своихъ предѣлахъ императорскія войска; охрана внутренняго мира была отнесена къ области мѣстныхъ дѣлъ и поручена городскимъ властямъ. Эта либеральная организа ція не причиняла существеннаго безпорядка: были приняты мѣры предосторожности, чтобы власть надъ городами не выходила изъ рукъ обезпеченныхъ классовъ; народная масса не имѣла никакого вліянія на мѣстное управленіе.

Міръ процвѣталъ при такомъ порядкѣ, греко-римская цивилизація быстро покоряла себѣ страны, гдѣ дотолѣ господствовали либо иной строй жизни, либо варварство. Въ деревнѣ сохранялся

еще прежній мѣстный языкъ,—кельтскій, пуническій, иберійскій, иллирійскій, сирійскій, египетскій, но въ городахъ рѣдко говорили на какомъ-нибудь языкѣ, кромѣ греческаго и латинскаго. Обширная сѣть дорогъ связывала всѣ части имперіи; по нимъ ходила императорская почта, ими же пользовались и частныя лица. Само Средиземное море было широкой дорогой, безопаснымъ и скорымъ путемъ сообщенія. Такъ какъ сношенія стали легче, они сдѣлались болѣе часты.

Однако въ этомъ громадномъ тѣлѣ было больше матеріальной жизни, чѣмъ умственной дѣятельности. Вѣкъ Августа миновалъ; блескъ поэзіи и краснорѣчія угасъ, ученые грамматики заступили мѣсто великихъ писателей. Сама философія была въ упадкѣ. Модныя школы, эпикурейская и стоическая, почти не занимались метафизикой; тѣ рѣдкіе умы, которые еще работали, какъ Сенека, отдавались вопросамъ нравственности. Въ Римѣ нѣсколько благородныхъ характеровъ, вродѣ Тразеи или Гельвидія Приска, служили живымъ протестомъ человѣческой совѣсти противъ тиранніи Цезарей и Флавіевъ и отголоскомъ погибшей свободы. Но ни эта самоотверженная оппозиція, ни умозрительная философія не имѣли сколько-нибудь значительнаго вліянія на римскую чернь или на массу населенія въ провинціяхъ.

Въ дѣлѣ религіи высшіе классы были настроены вообще скептически. Отъ старинныхъ культовъ Греціи и Рима осталась лишь оффиціальная обрядность. Старинная римская религія не заключала въ себѣ почти ничего, кромѣ обрядовъ; отвлеченные боги ея были лишены образовъ, поэзіи, иногда даже имени. Фантазія грековъ, напротивъ, сумѣла облечь въ блестящіе образы отвлеченныя идеи первобытнаго натурализма, сдѣлавъ изъ нихъ сверхъестественныхъ по силѣ, уму и красотѣ людей. Поэты воспѣвали подвиги и приключенія этихъ обаятельныхъ безсмертныхъ существъ, но изъ ихъ пантеона не создалось никакой серьезной теологіи, никакого вѣроученія. Правда, философія ухитрялась найти космогоническій смыслъ [1]) въ религіозныхъ миѳахъ, но такимъ путемъ она не столько объясняла ихъ, сколько подрывала къ нимъ довѣріе. Отвратившись отъ Олимпа предковъ, религіозное чувство ушло въ мистеріи, сулившія раскрыть вѣковѣчныя тайны, освободить плѣненную душу и обезпечить ей счастье въ будущей жизни. Но греческія таинства вовсе не привле-

[1]) Космогонія—ученіе о происхожденіи міра. Прим. перев.

кали простонародья; нѣкоторыя изъ нихъ, черезчуръ угрожавшія нравственности, были уже запрещены или подвергнуты строгому надзору.

Завоеваніе Востока и Египта внесло новые религіозные элементы: со всѣхъ сторонъ вторгались культы шумные, опьяняющіе, безнравственные, допускавшіе на свои празднества безъ разбора мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, рабовъ и свободныхъ. Изъ Египта перенесенъ былъ культъ Изиды и Сераписа, изъ Сиріи—Адониса и Астарты, изъ Персіи культъ Митры, изъ Фригіи—Кибелы и Сабазія. Всюду возникли безчисленныя братства въ честь этихъ новыхъ боговъ, и поклоненіе имъ дало религіозному чувству пищу, которой оно не находило болѣе въ оффиціальныхъ церемоніяхъ.

Послѣднія тоже потерпѣли видоизмѣненіе. Въ старинныхъ національныхъ святилищахъ продолжалось разумѣется отправленіе богослуженія, но рядомъ со старыми богами появилось новое, болѣе близкое и могущественное божество, которое стало для нихъ опаснымъ соперникомъ. Я разумѣю культъ Рима и Августа [1]). Этотъ культъ впервые появился въ провинціи при императорѣ Августѣ и распространился съ необычайной быстротой. Въ каждой провинціи уполномоченные отъ городовъ собирались ежегодно къ храму, посвященному Риму и императору. Эти уполномоченные избирали изъ своей среды жреца, на котораго въ теченіе слѣдующаго года возлагалось отправленіе культа отъ имени провинціи; онъ носилъ титулъ flamen (фламина), sacerdos (священникъ), ἀρχιερεύς (первосвященникъ). Здѣсь съ большой торжественностью приносились жертвы и справлялись общественныя игры, затѣмъ, послѣ повѣрки дѣятельности жреца, отслужившаго свой срокъ, делегаты расходились. Кромѣ этихъ торжествъ, справлявшихся цѣлой провинціей, Римъ и Августъ имѣли въ большинствѣ городовъ своихъ муниципальныхъ жрецовъ и храмы, а сверхъ того еще религіозныя братства. Связанный съ организаціей городскихъ муниципій и провинцій, которыя онъ соединялъ съ верховной властью имперіи своего рода религіозными узами, этотъ культъ вскорѣ сталъ важнѣйшей частью оффиціальной религіи.

Всѣ эти религіи, столь различнаго происхожденія и содержанія, существовали рядомъ, не исключая другъ друга. Каждый дѣлалъ

---

[1]) Въ этой формулѣ имя Августа не обозначаетъ именно императора Октавіана-Августа, но вообще живого Августа, царствующаго императора.

свой выборъ между ними по своему вкусу и удобству; допускалось служеніе всѣмъ культамъ, смотря по обстоятельствамъ. Передъ христіанствомъ открылось не пустое пространство: ему приходилось искоренять въ обращавшихся къ нему душахъ не только привязанность къ тому или иному особому культу, но и вообще извѣстную склонность къ языческимъ религіямъ, которыя постепенно наслоились и переплелись въ обыденномъ религіозномъ сознаніи человѣка.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что проповѣдь христіанства встрѣтила въ современномъ ему состояніи римской имперіи какъ благопріятныя условія, такъ и препятствія. Среди благопріятныхъ условій на первомъ мѣстѣ надо поставить всеобщій миръ, однообразіе языка и состоянія мысли, быстроту и безопасность сообщеній. На философію христіанство тоже могло смотрѣть, какъ на полезнаго союзника, въ виду тѣхъ ударовъ, которые она нанесла старымъ преданіямъ, и ея неспособности взамѣнъ ихъ создать нѣчто свое: о язычествѣ отцы церкви говорятъ языкомъ Лукіана [1]). Наконецъ, восточныя религіи, давшія кое-какую пищу религіозному чувству, не позволили ему умереть и помогли дождаться возрожденія чрезъ Евангеліе. Но наряду съ этими благопріятными обстоятельствами, сколько было препятствій! Римъ скоро вступилъ на путь гоненій; нѣсколько разъ предпринималъ онъ борьбу не на животъ, а на смерть съ христіанствомъ. Раціоналистическій духъ греческой философіи съ теченіемъ времени овладѣлъ догматической частью христіанскаго ученія и породилъ сотни разнообразныхъ ересей. Что же касается народныхъ культовъ, то хотя они и поддерживали до извѣстной степени религіозное чувство, но не отъ нихъ можно было ждать какого-либо содѣйствія въ борьбѣ съ себялюбивыми и постыдными страстями, которыя въ народахъ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, служатъ всегда главнымъ препятствіемъ дѣлу спасенія.

---

[1]) Лукіанъ Самосатскій, род. ок. 125 г. по Р. Х., осмѣявшій боговъ въ произведеніи „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“. Прим. перев.

ГЛАВА II.

Первобытная церковь въ Іерусалимѣ.

Іудейство въ Римской Имперіи и въ Палестинѣ.—Ученики Іисусовы: ихъ проповѣдь, ихъ организація.—Савлъ Тарсянинъ.—Первыя обращенія язычниковъ, склонныхъ къ іудейству.

„Спасеніе отъ іудеевъ", сказалъ Іисусъ самарянкѣ. Эти слова даютъ внѣшнюю характеристику евангельской проповѣди: ея исходная точка—въ Іерусалимѣ; она дошла до язычниковъ чрезъ посредство еврейскихъ колоній, разсѣянныхъ по всей имперіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ міру были открыты пути сообщенія, благодаря Александру и римлянамъ, іудейство стало выдѣлять изъ себя колоніи. Со времени плѣненія оно уже имѣло, внѣ своей колыбели—Палестины—важный центръ въ Вавилонѣ; однако послѣдній почти не заслуживаетъ вниманія историка первобытнаго христіанства. Совсѣмъ иное дѣло еврейская колонія въ Александріи, составлявшая около двухъ пятыхъ населенія этого большого города. Она дала міру, кромѣ филоновскихъ [1]) толкованій, каноническую книгу Премудрости и нѣсколько важныхъ апокрифическихъ [2]) произведеній. Впрочемъ, обращеніе въ христіанство Египта окутано глубокимъ мракомъ, и потому на этой колоніи останавливаться тоже не приходится. Въ остальныхъ частяхъ имперіи главные города заключали въ себѣ болѣе или менѣе многочисленное еврейское населеніе, занятое мелкой торговлей и стоявшее подъ охраной привилегій, нѣсколько разъ подтвержденныхъ со временъ первыхъ преемниковъ Александра. Сыны израильскіе собирались въ синагогахъ

1) Филонъ—(20 г. до Р. Х.—50 г. по Р. Х.) александрійскій еврей, философъ и знатокъ св. писанія, сблизившій іудейство съ греческой платоновской и стоической философіей, путемъ аллегорическаго толкованія Библіи. Прим. перев.

2) Апокрифами называются сочиненія, по своей литературной формѣ, а отчасти и по содержанію, близко соприкасающіяся съ книгами св. писанія (апокрифическія евангелія, дѣянія апостоловъ, посланія, апокалипсисы), но не признанныя церковью авторитетными и не вошедшія въ составъ канона. Они назывались апокрифами (отъ ἀπόκρυφος тайный, скрытый) какъ потому, что были изъяты изъ обращенія среди большой публики, такъ и потому, что ихъ авторы и обстоятельства происхожденія оставались неизвѣстны. Прим. перев.

слушать чтеніе и толкованіе священнаго писанія, совершать общія молитвы и обсуждать духовныя и свѣтскія дѣла мѣстной общины. Эта религіозная организація основывалась, во-первыхъ, на возможно полномъ обособленіи отъ язычниковъ, во-вторыхъ, на вѣрѣ въ Бога Израилева, на мессіанскихъ чаяніяхъ и на соблюденіи Закона, которое, однако, было смягчено подъ вліяніемъ окружающихъ условій и освободилось отъ узкаго формализма, царившаго въ Іерусалимѣ.

Въ Палестинѣ храмъ, какъ единое святилище религіи Іеговы, сохранялъ могущественное обаяніе. Священники, во главѣ которыхъ стояла аристократическая партія саддукеевъ, отстаивали строгое соблюденіе обрядовыхъ предписаній, но роскошь, безнравственность и религіозный индифферентизмъ, которымъ кичились вожди духовнаго сословія, ихъ угодливость по отношенію къ римскимъ властямъ, ихъ пренебреженіе къ мессіанскимъ чаяніямъ и къ ученію о воскресеніи мертвыхъ, оттолкнули отъ нихъ народъ, а въ нѣкоторыхъ даже подрывали до извѣстной степени уваженіе къ самому храму: изъ отвращенія къ нимъ люди уходили отъ оффиціальнаго святилища и его служителей, чтобы посвятить себя вдали отъ міра служенію Богу и точному соблюденію Закона. Это движеніе воплощалось въ сектѣ ессеевъ, жившихъ маленькими общинами по берегамъ Мертваго моря въ окрестностяхъ Энгадди.

Гонителями Іисуса Христа и его учениковъ были саддукеи-священники; что же касается ессеевъ, они продолжали существовать рядомъ съ нарождающимся христіанствомъ, и если присоединились къ нему, то лишь позднѣе. Фарисеи, столь часто обличаемые въ Евангеліи за ихъ лицемѣріе, ложную набожность и своеобразныя правила, не составляли отдѣльной секты: ихъ именемъ вообще обозначали людей, тщательно соблюдавшихъ Законъ и не только Законъ, но еще тысячи обычаевъ, которые они нагромоздили на него, придавая имъ такое же значеніе, какъ и основнымъ нравственнымъ заповѣдямъ. Но за то они крѣпко держались надежды на пришествіе Мессіи и вѣры въ воскресеніе мертвыхъ; за ихъ чрезмѣрной и самодовольной преданностью мелочнымъ обрядамъ таились задатки глубокой вѣры и благочестія, давшіе христіанству многочисленныхъ и вѣрныхъ послѣдователей.

Какъ и при какихъ обстоятельствахъ возникло въ религіозной атмосферѣ Палестины движеніе, которое привело къ основанію Церкви? Всѣ свѣдѣнія согласно указываютъ намъ, какъ на исходный пунктъ, на группу лицъ, жившихъ въ Іерусалимѣ въ послѣд-

ніе годы царствованія императора Тиберія (30—37). Эти первые вѣрующіе исповѣдывали имя и ученіе Іисуса изъ Назарета, только что передъ тѣмъ распятаго, при прокураторѣ Пилатѣ, по наущенію іудейскихъ властей. Многіе изъ нихъ знали Его при жизни, всѣ знали, что Онъ умеръ на крестѣ, всѣ одинаково вѣрили, что Онъ воскресъ, хотя лишь часть ихъ удостоилась Его явленій послѣ воскресенія. Они считали Его обѣщаннымъ и ожидавшимся Мессіей, Сыномъ Божіимъ, посланникомъ свыше, который долженъ былъ возстановить въ этомъ мірѣ царство справедливости и обезпечить добру торжество надъ зломъ. Онъ обѣщалъ основать царство, царствіе Божіе, откуда злые будутъ изгнаны и куда будетъ обезпеченъ доступъ всѣмъ, кто послѣдуетъ за Нимъ. Его смерть на крестѣ, правда, замедляла исполненіе обѣщанія, но оно должно было сбыться въ недалекомъ будущемъ. Залогомъ этого была побѣда надъ смертью, одержанная воскресшимъ Учителемъ: Онъ возсѣлъ теперь одесную Бога, своего Отца, и долженъ прійти снова, чтобы явить славу свою и основать свое царство.

Въ ожиданіи этого Его послѣдователи занимались распространеніемъ благой вѣсти, Евангелія, и умножали такимъ образомъ ряды избранныхъ. Они жили въ духовномъ единеніи: одна вѣра, одно ожиданіе тѣсно связывали ихъ другъ съ другомъ. Во главѣ ихъ стояли двѣнадцать человѣкъ, окружавшихъ Іисуса въ прежніе годы и жившихъ въ постоянномъ близкомъ общеніи съ Нимъ; они восприняли отъ Него ученіе, которое распространяли во имя Его, и могли засвидѣтельствовать Его чудеса. Близость къ Учителю не помѣшала имъ, правда, покинуть Его въ критическую минуту, и не безъ колебанія повѣрили они въ Его воскресеніе, но теперь ихъ убѣжденіе стало выше всякаго сомнѣнія и всякаго испытанія, что не замедлило обнаружиться.

Эта первая кучка вѣрующихъ оставалась глубоко проникнутой духомъ іудаизма. Между ними и набожными евреями не могло произойти раскола. Все, во что вѣрили, на что надѣялись, всѣ обряды, какіе выполняли искренно набожные люди ихъ народа,—все это составляло равнымъ образомъ предметъ ихъ вѣры, надежды и благочестивыхъ упражненій: тѣ, какъ и другіе, посѣщали храмъ и подчинялись общимъ предписаніямъ Моисеева закона. Одно отличало христіанъ: для нихъ Мессія не терялся въ туманномъ будущемъ; они Его нашли, ибо Онъ уже пришелъ и явилъ себя; они были увѣрены, что скоро вновь увидятъ Его.

Хотя въ этомъ не было ничего, выходящаго изъ круга еврейскихъ идей и стремленій, однако нельзя сказать, чтобы такая надежда и та община, которая образовалась подъ вліяніемъ ея, могли соотвѣтствовать желаніямъ или хотя бы остаться безразличными для еврейскаго священническаго сословія. Объявлять себя послѣдователемъ Іисуса, и въ особенности выдавать Его за надежду Израиля, значило протестовать противъ казни человѣка, котораго главари націи сочли опаснымъ, виновнымъ, достойнымъ смерти. Съ другой стороны народное движеніе, проявленія котораго такъ сильно напугали первосвященника, возникало вновь подъ другимъ видомъ. Вмѣсто шумныхъ возгласовъ шла тайная проповѣдь; но твердыхъ послѣдователей видимо было уже больше, чѣмъ во времена Іисуса, число ихъ прибывало съ каждымъ днемъ, среди нихъ зарождалась общественная организація; у нихъ были руководители, именно тѣ друзья, которыхъ съ самаго начала привлекъ къ себѣ Іисусъ въ Галилеѣ.

При такихъ условіяхъ ученикамъ Христа трудно было избѣжать притѣсненій со стороны еврейскихъ властей: они и начались, какъ это видно изъ книги Дѣяній [1]). Несмотря на арестъ и угрозы, апостолы смѣло нарушали запрещеніе и терпѣли бичеваніе и заключеніе въ тюрьмѣ, не давая себя этимъ застращать. Впрочемъ священники не могли дѣлать всего, что имъ угодно: прокураторъ какъ видно, не обнаруживалъ готовности къ новымъ казнямъ. Но ученикамъ Христа пришлось пережить и тяжелую минуту: Стефанъ, одинъ изъ первыхъ обращенныхъ, ревностный сотрудникъ апостоловъ, былъ обвиненъ въ хулѣ на храмъ и Моисеевъ законъ. Судя по рѣчи его, переданной книгой Дѣяній, кажется, что его проповѣдь дѣйствительно отличалась особенной горячностью. Какъ бы то ни было, синедріонъ, набравшійся смѣлости, быть можетъ, вслѣдствіе слабости прокуратора или же воспользовавшійся той минутой, когда эта должность оставалась еще незамѣщеной, вынесъ Стефану смертный приговоръ и побилъ его камнями по всѣмъ правиламъ традиціи. Вслѣдъ за этимъ событіемъ противъ вѣрныхъ были приняты суровыя мѣры, и испуганная община разсѣялась на нѣкоторое время. Страхъ, однако, не былъ продолжителенъ, и „Церковь", какъ ее уже начинали называть, не замедлила возродиться.

Ея внутреннее устройство, повидимому, было не особенно сложно. Вступленіе въ нее совершалось чрезъ крещеніе,—символъ пріобщенія къ Іисусу, во имя Котораго оно совершалось, и въ то же время обращенія, нравственнаго возрожденія, къ которому обязы-

[1]) Ср. Ев. отъ Матѳ. X, ст. 16—24, I посл. къ Ѳессал. 11, 14.

вался вѣрный. Ежедневная общая трапеза служила выраженіемъ и скрѣпленіемъ общинной жизни. Здѣсь совершалось таинство Евхаристіи, какъ осязательное и таинственное напоминаніе о невидимомъ Учителѣ. Въ первое время потребность совмѣстной жизни была такъ сильна, что вѣрные дошли до общности имуществъ. Отсюда развилось церковное управленіе: апостолы выбрали себѣ семь помощниковъ, ставшихъ первообразомъ діаконовъ. Немного позднѣе является промежуточный санъ, совѣтъ старѣйшинъ (*пресвитеровъ*), которые помогаютъ апостоламъ въ общемъ управленіи церковью и совѣщаются съ ними.

Хотя эта первая христіанская община быстро пріобрѣла значительные размѣры, но ей рано пришлось отказаться отъ надежды привлечь къ себѣ всѣхъ палестинскихъ іудеевъ. Ея проповѣдь натолкнулась не только на вражду духовныхъ властей, но и на противодѣйствіе общественнаго мнѣнія. Встрѣтивъ отпоръ въ Іерусалимѣ, ученіе стало распространяться внѣ его, какъ кажется, не столько по обдуманному плану, сколько подъ давленіемъ обстоятельствъ. Бѣгство, происшедшее послѣ смерти архидіакона Стефана, разсѣяло по дальнимъ странамъ многихъ вѣрующихъ энтузіастовъ, которые разнесли „благую вѣсть" по всей Палестинѣ и за предѣлами ея, въ Сиріи, Финикіи и даже на островѣ Кипрѣ. Въ Галилеѣ, первой родинѣ Евангелія, вѣроятно сохранилась группа старыхъ учениковъ; то же въ Дамаскѣ, въ Аравійскомъ государствѣ. При такихъ-то обстоятельствахъ и въ это самое время нарождающаяся церковь пріобрѣла самаго неожиданнаго новаго послѣдователя — Савла изъ Тарса, ревностнаго и ученаго блюстителя Закона, доселѣ яростнаго гонителя учениковъ Іисусовыхъ. Обратившись въ христіанство вслѣдствіе явленія ему Господа на дорогѣ изъ Іерусалима въ Дамаскъ, онъ сперва присоединился къ вѣрнымъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, а потомъ началъ проповѣдывать въ Аравіи.

Какъ всѣ первообращенные, Савлъ былъ кровный еврей, пропитанный, подобно своимъ соплеменникамъ, духомъ гордости и исключительности, руководившимъ ими во всѣхъ сношеніяхъ съ чужеземцами. Въ этомъ тѣсномъ міркѣ само собою разумѣлось, что царствіе Божіе предназначено для народа Божія, для той привиллегированной націи, на которую Богъ излилъ столько милостей, и которой даровалъ столько обѣтованій. Но такъ какъ народъ Божій въ общей массѣ показывалъ мало склонности вступать въ ряды послѣдователей Іисусовыхъ, то у послѣднихъ обнаружилось желаніе придать своей общинѣ болѣе широкое основаніе. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кого гоненіе заставило бѣжать изъ Іерусалима, обратились къ людямъ, уже расположеннымъ въ пользу еврейской религіи и до извѣстной степени соблюдавшимъ ее, какъ напр. вельможа царицы Эѳіопской или сотникъ Корнилій. Евангельская проповѣдь не миновала и самарянъ. Дѣянія разсказываютъ по этому поводу нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ, хорошо рисующихъ положеніе. Въ этихъ разсказахъ чувствуется, даже когда это не выражено прямо, что такія обращенія не обходились безъ затрудненій: принятіе въ лоно церкви сотника Корнилія съ его домочадцами вызвало у іерусалимскихъ христіанъ настолько сильныя возраженія, что ап. Петръ вынужденъ былъ защищаться ссылкой на божественное указаніе.

Описанныя событія и ростъ христіанской церкви имѣли мѣсто между 30 и 42 г.г.,—вотъ все, что можно сказать по части хронологіи, которая продолжаетъ оставаться очень неопредѣленной для отдѣльныхъ событій за недостаткомъ надежныхъ данныхъ. Въ 42 г. въ Іерусалимѣ вновь появился іудейскій царь, Иродъ Агриппа, внукъ Ирода Великаго, управлявшій уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тетрархіями Филиппа и Ирода Антипы (Заіорданская страна и Галилея). Водворенный въ святомъ городѣ по милости императора Клавдія, онъ царствовалъ здѣсь три года. Это было трудное время для христіанской общины. Агриппѣ былъ полный разсчетъ подлаживаться къ вождямъ священнической аристократіи; онъ сдѣлалъ себя орудіемъ ихъ ненависти къ ученикамъ Іисуса. Нѣкоторые изъ нихъ пострадали. Одинъ изъ самыхъ видныхъ апостоловъ, Іаковъ, сынъ Заведеевъ, былъ обезглавленъ, Петръ былъ арестованъ; ему угрожала та же участь, отъ которой онъ спасся только чудомъ.

Но вскорѣ Иродъ умеръ (44 г.), должность прокураторовъ была возстановлена, и христіане вновь обрѣли относительное спокойствіе.

Древнее преданіе относитъ къ этому времени разсѣяніе двѣнадцати апостоловъ, пребывавшихъ до тѣхъ поръ въ іерусалимской общинѣ. Оно можетъ быть достаточно объяснено гоненіями Ирода, направленными главнымъ образомъ противъ нихъ. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя [1]), Петръ все еще находился въ Іерусалимѣ.

---

1) Объ этомъ преданіи см. Harnack, *Chronologie*, t. I, S. 243, и Dobschütz, *Texte und Unters.* T. XI, H. I. S. 51. Гарнакъ придаетъ, кажется, слишкомъ много значенія этому преданію, которое повидимому ведетъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь апокрифическаго сочиненія, какъ Керигма (проповѣдь) Петра.

ГЛАВА III.

Антіохія и миссіонерство апостола Павла.

Іудеи-эллинисты.—Образованіе христіанской общины въ Антіохіи.—Путешествіе Савла и Варнавы въ горныя области Малой Азіи.—Положеніе обращенныхъ язычниковъ: внутреннія распри.—Ап. Павелъ въ Македоніи, Греціи и Ефесѣ.—Его возвращеніе въ Іерусалимъ.—Его положеніе въ кругу христіанъ изъ евреевъ.—Его посланія; его заключеніе подъ стражу.

Въ средѣ первобытнаго христіанства самымъ преданнымъ традиціи, самымъ консервативнымъ съ еврейской точки зрѣнія элементомъ были новообращенные изъ палестинскихъ іудеевъ, говорившіе на арамейскомъ языкѣ и потому совершенно недоступные внѣшнимъ вліяніямъ. Но встрѣчались, и даже въ самомъ Іерусалимѣ, евреи—выходцы изъ другихъ странъ, евреи по происхожденію и по вѣрѣ, но не по языку и мѣсту рожденія. Они были родомъ изъ еврейскихъ колоній, давно уже осѣвшихъ въ греческихъ странахъ. Въ нихъ сказывалось вліяніе среды, столь отличной отъ святого города. Несмотря на ихъ привязанность къ національнымъ преданіямъ и религіознымъ обрядамъ своей первоначальной родины, они слишкомъ близко соприкасались съ греческимъ міромъ, чтобы не сдѣлаться хоть немного доступными взглядамъ, отличнымъ отъ ихъ собственныхъ. Съ первыхъ же дней часть ихъ, жившая въ Іерусалимѣ, примкнула къ апостоламъ. Когда гоненіе разсѣяло на время іерусалимскую общину, нѣкоторые изъ этихъ обращенныхъ перенесли евангельскую проповѣдь въ города финикійскаго побережья, на островъ Кипръ и въ Антіохію. Среди уроженцевъ Кипра и Киренаики [1]) нашлись даже такіе, которые отваживались проповѣдывать Евангеліе антіохійскимъ „эллинамъ“, т.-е. людямъ, которые, какъ ни были расположены къ Богу Израиля, все-таки не принадлежали къ обрѣзаннымъ. Многіе изъ нихъ обратились, и такимъ образомъ возникло ядро антіохійской

[1]) Киренаика—область сѣверной Африки, нынѣ Барка. Пр. пер.

церкви, которая вскорѣ сдѣлалась какъ бы вторымъ центромъ развитія христіанства и особенно евангельской проповѣди.

Антіохійская церковь была организована Варнавой: кипрянинъ родомъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ и ревностныхъ учениковъ перваго призыва. Іерусалимская община, встревоженная сперва этимъ наплывомъ язычниковъ, послала его въ Антіохію съ порученіемъ уладить дѣло. Это былъ удачный выборъ. У Варнавы было достаточно широты ума, чтобы понять положеніе и предвидѣть будущность новой общины. Онъ привлекъ себѣ въ сотрудники Савла, новообращеннаго гонителя, который незадолго предъ тѣмъ вернулся къ себѣ на родину въ Тарсъ. Благодаря имъ, число вѣрныхъ возросло очень быстро. Именно въ Антіохіи ученики Іисуса впервые получили названіе христіанъ, т.-е. послѣдователей Мессіи, или Христа [1]).

Отсюда было предпринято первое далекое путешествіе съ цѣлью проповѣди. Это дѣло тоже было поручено Савлу и Варнавѣ. Они отправились сперва на островъ Кипръ и прошли его весь отъ Саламина до Пафа, гдѣ проконсулъ Сергій Павелъ, пораженный ихъ чудесами, принялъ христіанство. Оттуда они проѣхали въ Малую Азію и провели долгое время въ странствованіяхъ по разнымъ мѣстечкамъ Памфиліи, Писидіи и Ликаоніи. Они останавливались въ городахъ, гдѣ были еврейскія колоніи, являлись въ субботу въ синагогу и начинали тамъ свою проповѣдь. Послѣдняя никогда не имѣла большого успѣха у настоящихъ іудеевъ, но прозелиты, „люди, боящіеся Бога“, т.-е. язычники, болѣе или менѣе признававшіе іудейское единобожіе, воспринимали ее охотнѣе. Среди нихъ совершилось много обращеній и даже среди язычниковъ въ собственномъ смыслѣ, когда апостольская проповѣдь, изгнанная изъ синагоги, обратилась къ нимъ непосредственно. По прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ проповѣдники возвратились въ Антіохію; во всѣхъ городахъ, гдѣ они побывали, были основаны небольшія христіанскія общины, обособленныя отъ общинъ еврейскихъ, и отданныя подъ руководство ими же поставленныхъ старѣйшинъ, *пресвитеровъ*.

Савлъ, называвшійся теперь уже Павломъ, и его спутникъ Вар-

[1]) За исключеніемъ того мѣста Дѣяній (XI, 26), гдѣ отмѣчено появленіе этого наименованія, имя это встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ всего два раза (Дѣянія, XXVI, 28; I посланіе Петра, IV, 16), да и то, какъ названіе, употреблявшееся не-христіанами. Оно не встрѣчается равнымъ образомъ и у мужей апостольскихъ, кромѣ св. Игнатія, который былъ родомъ изъ Антіохіи (Harnack, *Mission*, 295.).

нава были радушно встрѣчены церковью. Вызванныя ихъ проповѣдью обращенія, а главное успѣхи, достигнутые ими среди язычниковъ, конечно, возбудили величайшій интересъ. Однако они остро ставили вопросъ, который вѣроятно уже поднимался, въ особенности въ антіохійской церкви: на какихъ условіяхъ слѣдовало принимать этихъ новообращенныхъ изъ язычества, или изъ среды іудейскихъ прозелитовъ? Нужно ли было требовать отъ нихъ исполненія всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, обязательныхъ для кровныхъ іудеевъ, и главное подвергать ихъ обрѣзанію? Были люди, которые не раздѣляли этого мнѣнія, и въ особенности сами проповѣдники. Но неуклонное соблюденіе закона нашло также многочисленныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ. Возникла распря, которую рѣшили представить на судъ апостоловъ и „старѣйшинъ“ въ Іерусалимѣ. Изъ Антіохіи была отправлена въ святой городъ депутація, въ которой приняли участіе Павелъ и Варнава. Сперва имъ пришлось бороться съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ, что и понятно было въ такой средѣ. Однако лица, стоявшія во главѣ церкви, въ особенности Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, „братъ Господень“, стали на сторону ихъ мнѣнія и дали ему перевѣсъ. Повидимому исходной точкой послужила та мысль, что какъ въ іудействѣ прозелиты всюду встрѣчались рядомъ съ кровными іудеями, причемъ и тѣ, и другіе допускались въ синагоги, такъ же точно и христіанскія церкви могли состоять изъ двухъ разрядовъ вѣрныхъ, равно принятыхъ въ лоно христіанства, но неодинаково стоящихъ къ іудейству. Объ этомъ рѣшеніи было сообщено антіохійской церкви въ письмѣ, которое отвезли ей два члена іерусалимской церкви: Іуда Варсава и Сила.

Казалось, все было улажено, но на дѣлѣ было далеко не такъ. Потерпѣвъ пораженіе въ принципіальномъ спорѣ, іудейскіе ревнители строгаго соблюденія закона обратились къ второстепенному. Имъ не удалось помѣшать проповѣди среди язычниковъ и принятію ихъ въ общину,—тогда они попытались отвести имъ въ ней особое мѣсто. Однимъ изъ пунктовъ, на которомъ проявлялась во всей силѣ еврейская щепетильность, былъ вопросъ о трапезѣ. Израильтянамъ стараго закала претило вкушать пищу съ необрѣзанными язычниками. Это было чрезвычайно важно для дѣла, такъ какъ главное, въ чемъ выражалась религіозная жизнь христіанской общины, была какъ разъ общая трапеза. Разъ вѣрные одной общины не могли ѣсть вмѣстѣ, исчезало общеніе, разрушалось единство. При такихъ взглядахъ образовалось бы не христіанское братство, а религіозное общество, размежеванное на два слоя, какъ это было впослѣдствіи въ манихейской сектѣ.

Въ Іерусалимѣ, гдѣ среда вся была еврейская, не чувствовали опасности. Дальновидный Павелъ приходилъ въ отчаяніе отъ того, что даже въ Антіохіи обрѣзанные обособлялись отъ необрѣзанныхъ. Когда Петръ прибылъ въ сирійскую столицу, Павелъ вначалѣ склонилъ его на свою сторону и убѣдилъ принять участіе въ трапезѣ съ необрѣзанными христіанами. Но іудейская партія слѣдила за главою апостоловъ. Изъ Іерусалима явились посланцы отъ Іакова, или выдававшіе себя за таковыхъ, и заставили его перемѣнить свой образъ дѣйствій. Его примѣръ побудилъ многихъ измѣнить свое поведеніе: самъ Варнава разошелся съ товарищемъ своихъ апостольскихъ трудовъ. Но Павелъ не сдался. Онъ открыто выступилъ противъ великаго столпа церкви и въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ его въ непослѣдовательности.

Трудно сказать, каковъ былъ непосредственный мѣстный исходъ этого столкновенія. Несомнѣнно одно, что взгляды Павла одержали въ концѣ концовъ побѣду въ строѣ христіанскаго общества. Это было неизбѣжно. Обращенные изъ іудеевъ всюду, кромѣ Палестины, были и все больше оказывались въ меньшинствѣ. Распространеніе христіанства, получившее первый толчекъ отъ нихъ, шло помимо нихъ.

Павелъ посвятилъ остатокъ своей жизни на то, чтобы добиться этого результата. Онъ вскорѣ вновь отправился въ Малую Азію уже не въ сопровожденіи Варнавы, съ которымъ былъ въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ по случаю недавняго столкновенія и по другимъ причинамъ [1]), а Силы, виднаго іерусалимскаго христіанина, проникшагося, очевидно, его воззрѣніями. Проходя Ликаонію, онъ привлекъ драгоцѣннаго сотрудника, Тимоѳея, у котораго отецъ былъ „эллинъ“, а мать еврейка. Онъ обрѣзалъ его, такъ какъ умѣлъ подчиняться требованіямъ обстоятельствъ и не хотѣлъ создавать себѣ ненужныхъ затрудненій. Фригіей и Галатіей онъ добрался до порта Троады въ Мизіи и оттуда переѣхалъ въ Македонію; затѣмъ онъ пробылъ нѣкоторое время въ Филиппахъ, Ѳессалоникахъ и другихъ мѣстахъ, моремъ достигъ Аѳинъ, гдѣ пробылъ недолго, и остановился наконецъ въ Коринѳѣ, гдѣ прожилъ 18 мѣсяцевъ (53—54 гг.). Таково было его такъ называемое второе миссіонерское путешествіе. Оттуда онъ направился моремъ

---

1) Дѣянія, XV, 36—39.

въ Ефесъ, гдѣ пробылъ очень недолго, и черезъ Кесарію Палестинскую возвратился въ Антіохію.

Онъ недолго здѣсь оставался и вскорѣ предпринялъ свое третье путешествіе. Пересѣкая Малую Азію съ востока на западъ, онъ прибылъ въ Ефесъ, гдѣ и поселился на три года (55—57 г.). Тамъ онъ встрѣтилъ двухъ старыхъ римскихъ христіанъ, Акилу и Прискиллу, у которыхъ онъ уже останавливался въ Коринѳѣ во время своего предыдущаго путешествія. Повидимому Акила съ женой не занимались проповѣдью. Однако, еще до прибытія Павла имъ случилось бесѣдовать съ однимъ александрійскимъ іудеемъ, Аполлосомъ, который проповѣдывалъ Евангеліе, но не зналъ другого крещенія, кромѣ Іоаннова. У него были ученики, которые подъ вліяніемъ Павла образовали первоначальное ядро ефесской церкви. Эта послѣдняя стала развиваться, благодаря проповѣди сперва въ синагогѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ это время не только Ефесъ, но и многія другія мѣстности провинціи Азіи [1]) услышали проповѣдь Евангелія. Наконецъ, апостолъ рѣшилъ еще разъ вернуться въ Сирію, но предварительно хотѣлъ повидать свои христіанскія общины въ Македоніи и Ахаѣ [2]). Онъ перезимовалъ (57—58 г.) въ Коринѳѣ и слѣдующей весной, проѣхавъ еще разъ по Македоніи и по побережью Азіи, онъ наконецъ отплылъ въ Финикію и Палестину. Къ празднику Пятидесятницы (58 г.) онъ прибылъ въ Іерусалимъ [3]).

Павелъ возвращался въ колыбель христіанства послѣ многихъ лѣтъ, потраченныхъ на евангельскую проповѣдь въ отдаленныхъ странахъ, куда никто не проникалъ раньше его. Онъ усѣялъ прочными и живучими общинами большую часть Малой Азіи, Македоніи и Ахайи. Благодаря ему въ большихъ городахъ—Ефесѣ, Ѳессалоникахъ, Коринѳѣ и многихъ другихъ—возникли свои церкви, исполненныя вѣры, любви и одушевленія. Легко догадаться, чего ему стоилъ такой результатъ; и самъ онъ упоминаетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ посланій [4]), гдѣ онъ перечисляетъ наряду съ тягостями путешествія—голодомъ, жаждой, нападеніемъ разбойниковъ и кораблекрушеніемъ,—послѣдствія своихъ

---

[1]) Такъ называлась у Римлянъ западная оконечность Малой Азіи. Пр. пер.
[2]) Нынѣшняя Греція. Пр. пер.
[3]) Объ этой датѣ много спорили. Гарнакъ въ *Chronologie*, B. I, S. 233 и слѣд. отодвигаетъ ее на 4—5 лѣтъ назадъ. Я не могу признать его доказательствъ, которыя, впрочемъ, достаточно опровергъ Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes*, 3 Aufl. B. I, S. 578.
[4]) 2 Корин. XI, XII.

столкновеній съ различными властями: бичеваніе, побиваніе камнями, избіеніе палками. Въ лицѣ его апостолъ уже соединялся съ мученикомъ. Никто столько не поработалъ, не перенесъ такихъ страданій за общую вѣру. Онъ несъ матери церквей въ Іерусалимѣ выраженіе преданности новыхъ общинъ и большую милостыню, какъ знакъ ихъ почтительной любви. Однако онъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ пріемѣ, какой онъ встрѣтитъ, и его опасенія, какъ оказалось вскорѣ, были вполнѣ основательны.

Духъ исключительности, на который десять лѣтъ тому назадъ натолкнулись вселенскія стремленія Павла, могъ быть побѣжденъ въ Антіохіи; въ Іерусалимѣ дѣло обстояло совершенно иначе. Апостолы давно покинули святой городъ. Всѣ люди, сколько-нибудь способные здѣсь къ воспринятію болѣе широкихъ идей, повидимому, послѣдовали за ними, перебрались въ Антіохію или занялись проповѣдью, стали миссіонерами. Оставшись одни, старые консерваторы могли только еще больше укрѣпиться въ своемъ направленіи. Во главѣ ихъ стоялъ Іаковъ „братъ Господень“, который еще во время пребыванія апостоловъ пользовался большимъ уваженіемъ и управлялъ вмѣстѣ съ ними мѣстной церковью. Это былъ человѣкъ общепризнанной святости, глубоко вѣрующій, но очень привязанный къ іудейскимъ обычаямъ и нерасположенный дѣлать уступки насчетъ ихъ обязательности. Въ кругу его единомышленниковъ смѣлыя новшества Павла были скорѣе терпимы, чѣмъ признаны. Отсюда шли тѣ вліянія, которыя на минуту разъединили антіохійскую общину и вызвали столкновеніе между Петромъ и Павломъ. Отсюда же отправлялись по слѣдамъ Павла въ Малую Азію и Грецію разные агенты, которые пытались вернуть къ чистому іудейству язычниковъ или прозелитовъ, обращенныхъ Павломъ, и принудить ихъ къ обрѣзанію; а чтобы достигнуть этого, они старались подорвать личный авторитетъ апостола язычниковъ.

Въ силу своихъ примирительныхъ тенденцій авторъ книги Дѣяній очень бѣгло упоминаетъ объ этихъ столкновеніяхъ и кризисахъ. Но къ тому времени, о которомъ идетъ теперь рѣчь, шесть посланій ап. Павла были уже въ обращеніи. Они точнѣе передаютъ событія. Въ двухъ посланіяхъ къ Ѳессалоникійцамъ, писанныхъ изъ Коринѳа во время перваго пребыванія апостола въ этомъ городѣ, еще ничего не говорится о противодѣйствіи со стороны ревнителей іудейства. Павелъ изливаетъ свою душу передъ излюбленными учениками; онъ напоминаетъ имъ объ испытаніяхъ, которыя имъ пришлось перенести со стороны евреевъ во дни первой пропо-

вѣди Евангелія. Эти испытанія не кончились: нужно умѣть переносить ихъ съ кротостью. Онъ съ радостью привѣтствуетъ поведеніе и настроеніе Ѳессалоникійцевъ, онъ гордится ими. Они охвачены ожиданіемъ скораго пришествія Господа: апостолъ отвѣчаетъ на ихъ вопросы и старается ихъ успокоить.

За этой идиллической перепиской слѣдуютъ посланія къ Коринѳянамъ. Оба они свидѣтельствуютъ о какомъ-то несогласіи, происшедшемъ между апостоломъ и его новообращенными. Послѣдніе подали ему своимъ поведеніемъ не одинъ поводъ къ жалобѣ, но что его еще больше огорчаетъ, такъ это то, что среди нихъ образовалось нѣсколько школъ, и что его авторитетъ подвергается сомнѣнію. Послѣ него иные проповѣдники побывали въ Коринѳѣ. Они обнаружили болѣе совершенное знаніе, чѣмъ онъ, но вѣдь онъ долженъ былъ ограничиваться начатками. Другіе представили вѣрительныя письма, въ которыхъ выхвалялись имена и авторитетъ великихъ апостоловъ, въ сравненіи съ которыми Павелъ былъ, по ихъ словамъ, лишь второразрядный миссіонеръ. Изъ всего этого возникло раздѣленіе Коринѳской церкви: есть въ ней партіи Аполлоса, партія Павла; иные ссылаются на Петра, а другіе на самого Христа.

Однако въ этихъ посланіяхъ нѣтъ еще ничего такого, откуда можно бы было заключить, что соперники апостола распространили въ Коринѳѣ юдаистическія тенденціи. Тонъ, которымъ онъ говоритъ объ обрѣзаніи и объ идоложертвенномъ [1]), скорѣе заставляетъ думать, что Павелъ съ этой стороны чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ.

Не то въ Галатіи. Въ этой странѣ, гдѣ Павелъ проповѣдывалъ уже въ свое первое путешествіе и гдѣ былъ съ тѣхъ поръ два раза, было нѣсколько христіанскихъ общинъ, которыя имѣли полное основаніе считать его своимъ руководителемъ по преимуществу. Туда явились проповѣдники отъ іудействующихъ христіанъ; они объявили имъ, что Павелъ — апостолъ сомнительный, и что ихъ спасеніе можетъ быть обезпечено только обрѣзаніемъ. Добродушные галаты дали себя убѣдить и обрѣзать. При этомъ извѣстіи Павелъ поспѣшилъ написать имъ пламенное посланіе, гдѣ его негодованіе на неосмысленность учениковъ боролось въ немъ съ отеческой нѣжностью, которую онъ продолжалъ къ нимъ пи-

1) I Корин. VII, 17—24, VIII—X.

тать. Павелъ не отличался терпѣливымъ характеромъ: іудействующимъ сильно достается въ Посланіи къ Галатамъ.

Мысли, которыя онъ изливаетъ здѣсь довольно возбужденно въ виду этихъ обстоятельствъ, повторяются въ спокойномъ разсужденіи Посланія къ Римлянамъ [1]). Оно было написано въ Коринѳѣ въ зиму, предшествовавшую возвращенію Павла въ Іерусалимъ.

Язычники и іудеи, всѣ—грѣшники, одни подъ закономъ, другіе внѣ закона. Іудеи не имѣютъ иныхъ преимуществъ передъ язычниками, какъ то, что состоятъ хранителями слова Божія. Спасеніе, оправданіе, т.-е. примиреніе съ Богомъ, дается только вѣрою. Это завѣтъ, положенный со временъ Авраама.

Грѣхъ царствуетъ отъ Адама, а грѣхомъ смерть. Такимъ же образомъ чрезъ Іисуса Христа, новаго Адама, дается благодать, которая живитъ. Законъ Моисеевъ, издревле безсильный, скорѣе созданный на то, чтобы вводить людей въ грѣхъ, чѣмъ оправдывать ихъ, теперь отмѣненъ и замѣненъ закономъ Христовымъ, закономъ свободы, который состоитъ единственно только въ обязанности слѣдовать Христу.

Это богословское ученіе устраняетъ сразу все моисеево законодательство, отрицаетъ не только его обязательность, но даже пользу. Законъ ни къ чему не служитъ, нѣтъ пользы быть іудеемъ. Здѣсь ап. Павелъ наталкивается сразу на существенный вопросъ, каково теперь положеніе Израиля? Вопреки своему національному чувству, еще очень сильному, апостолъ, не колеблясь, объявляетъ, что роль Израиля кончена или скорѣй прервана. Богъ, разгнѣванный его невѣріемъ, отвратился отъ него; нынѣ обѣтованіе дается язычникамъ. Израиль подобенъ отломленной масличной вѣтви, на мѣсто ея привито язычество. Впрочемъ, придетъ время, когда остатки народа Божія получатъ свою долю наслѣдства.

Это воззваніе, обращенное къ римскимъ христіанамъ и сейчасъ же переданное въ другія христіанскія церкви, вѣроятно, попало въ Іерусалимъ до прибытія туда Павла. Съ точки зрѣнія его враговъ оно было вѣроотступничествомъ [2]); онъ отвергалъ все: Законъ, обрѣзаніе, іудейскій образъ жизни, достоинство народа Божія. Легко представить себѣ, какой пріемъ ждалъ его въ святомъ го-

1) Къ Римл., I—XI. Прим. авт.

2) Именно этотъ терминъ влагаютъ Дѣянія въ уста іудействующихъ христіанъ Іерусалима: ἀποστασίαν διδάσκεις ἀπὸ Μωϋσέως. (учишь отступленію отъ Моисея) Дѣянія. XXI, 21.

родѣ. Національное чувство было въ эту минуту очень возбуждено. Управленіе жадныхъ и грубыхъ прокураторовъ все болѣе возстановляло противъ имперіи этотъ непокорный народъ. Священническое сословіе, бывшее не въ силахъ справиться съ фанатизмомъ зелотовъ, чувствовало, что его авторитетъ падаетъ; съ трудомъ сдерживаемое возмущеніе бурлило непрерывно вокругъ храма, возстаніе назрѣвало. Разумѣется, ученики Христовы, поглощенные своими собственными чаяніями, не увлекались въ эти крайности; но какъ могли они сохранить сдержанность въ этой яростно бушующей средѣ?

Встрѣченный друзьями, Павелъ посѣтилъ Іакова на другой день по пріѣздѣ. Онъ нашелъ тамъ совѣтъ старѣйшинъ въ сборѣ, разсказалъ имъ о своихъ апостольскихъ путешествіяхъ, объ основанныхъ имъ церквахъ, и несомнѣнно передалъ при этомъ деньги, собранныя въ пользу родоначальной церкви. Когда онъ кончилъ, его сперва поздравили, затѣмъ обратили его вниманіе на большое число обращенныхъ іудеевъ [1]), на ихъ необыкновенную преданность Закону и на дурную славу, какой онъ самъ пользовался среди нихъ. Чтобы разсѣять эти слухи, было только одно средство, именно—дать разительное доказательство, что его оклеветали и что онъ остался вѣрнымъ исполнителемъ Закона.

Павелъ, который ставилъ себѣ за правило быть всѣмъ ради всѣхъ, рѣшился на такой исходъ. Вмѣстѣ съ четырьмя вѣрными, давшими обѣтъ назарейства, онъ обрилъ себѣ голову, подвергся вмѣстѣ съ ними очищеніямъ по всѣмъ правиламъ обряда и совершилъ съ ними въ самомъ храмѣ рядъ особыхъ благочестивыхъ упражненій; послѣднія должны были продолжаться семь дней и закончиться жертвоприношеніемъ. Авторъ Посланія къ Римлянамъ, такъ рѣшительно распростившійся съ моисеевымъ закономъ, опять почувствовалъ всю тяжесть его на своихъ непокорныхъ плечахъ.

Испытаніе близилось къ концу, и Богъ вѣсть, что произошло бы, когда Павелъ вновь очутился бы передъ тѣми, по требованію которыхъ онъ подвергся ему, какъ вдругъ событія приняли неожиданный оборотъ. Если на Павла косо смотрѣли зелоты-христіане, то легко представить себѣ, какія чувства питали къ нему зелоты, оставшіеся іудеями. Эти послѣдніе, увидѣвъ его въ храмѣ, подняли бурю. Ему угрожала смерть, но начальникъ римскаго гарнизона взялъ его подъ стражу, оградилъ отъ ярости фанатиковъ и для

1) Πόσαι μυριάδες. (сколько тысячъ).

большей безопасности отправилъ его въ Кесарію къ прокуратору Феликсу. Тамъ на него принесли формальную жалобу главари іудейскаго священническаго сословія, но безуспѣшно. Въ концѣ концовъ, по его заявленію о своемъ римскомъ гражданствѣ и о правѣ предстать передъ судомъ самого императора, его отправили въ Римъ, продержавъ два года въ Кесаріи.

Такимъ образомъ Павелъ избѣжалъ внутреннихъ смутъ и сталъ въ положеніе защитника общей вѣры. Какъ Іисусъ, онъ былъ обвиненъ передъ римскими властями своими же соотечественниками-евреями.

Эти послѣдніе, впрочемъ, пылали равной ненавистью ко всѣмъ христіанамъ. Самъ Іаковъ, іудействующій Іаковъ, глава іудействующей церкви, почувствовалъ на себѣ ея силу. Въ 62 г. первосвященникъ Анна-младшій, воспользовавшись смертью прокуратора Феста, привлекъ его вмѣстѣ съ нѣсколькими другими христіанами на судъ синедріона, какъ нарушителя Закона, и приговорилъ его къ казни — побіенію камнями, что и было приведено въ исполненіе.

Воспользуемся этой минутой вынужденнаго перерыва внутреннихъ несогласій, чтобы дать себѣ отчетъ, каковы были съ точки зрѣнія христіанъ отношенія между древней еврейской религіей и новымъ элементомъ, внесеннымъ въ нее Евангеліемъ.

ГЛАВА IV.

Христіанство апостольскихъ временъ.

Исконная вѣра Израиля.—Законъ Моисеевъ и вѣра въ Іисуса Христа.—Вліяніе Библіи. — Конецъ міра. — Личность Христа: его божественность. Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель.—Христіанская жизнь: отреченіе отъ міра, объединеніе въ мѣстныя братства.—Религіозныя собранія на подобіе синагогъ.—Евхаристія, дары Святаго Духа.—Устройство нарождающихся церквей.

Кто бы онъ ни былъ—чистый іудей или язычникъ,—всякій обращенный евангельской проповѣдью дѣлался членомъ церкви чрезъ вѣру въ Іисуса Христа.

Онъ вѣрилъ, что Іисусъ—Мессія, котораго ожидалъ Израиль, что Онъ умеръ и воскресъ согласно тому, какъ это было предсказано въ священномъ писаніи іудеевъ [1]). Его вѣра во Христа была какъ бы заключена въ болѣе обширномъ вѣрованіи, предметомъ котораго было религіозное преданіе Израиля, какія бы ограниченія или толкованія ни вносилъ въ него тотъ или иной проповѣдникъ. Самому горячему ученику апостола Павла, если только онъ оставался вѣренъ главной мысли своего учителя, не могло притти въ голову представлять христіанство, какъ совершенно новую религію. Законъ Моисея можно было смягчить, но оставался Авраамъ, и съ нимъ цѣлый рядъ фактовъ, лицъ, вѣрованій, учрежденій, которые устанавливали связь Евангелія съ древнѣйшей исторіей, съ происхожденіемъ міра и Богомъ, Творцомъ его.

Это многовѣковое прошлое воплощалось въ глазахъ новообращеннаго въ набожномъ народѣ, полномъ жизненности въ своемъ центрѣ — Палестинѣ — и въ своихъ колоніяхъ, разбросанныхъ по греческому міру. Кромѣ того, оно было заключено въ священной литературѣ, послѣднія произведенія которой принадлежали уже современности. Если смотрѣть на Ветхій Завѣтъ, какъ на хранилище воспоминаній древняго Израиля, то онъ кончается Іосифомъ,

[1]) I Коринѳ. XV, 3 и сл.

который описалъ читателямъ своего времени, въ сущности главнымъ образомъ христіанамъ, ту катастрофу, въ которой погибъ іудейскій народъ. Въ послѣдующее время евреи скорѣе походятъ на отсталыхъ и отколовшихся христіанъ; до него, наоборотъ, христіане были передовыми евреями.

Каковы бы ни были однако эти временныя отношенія, несомнѣнно, что христіанство имѣетъ корни въ еврейскихъ преданіяхъ, что первыя потрясенія въ его исторіи можно сравнить съ переломомъ, который наступаетъ при разлукѣ ребенка съ матерью, что на исторію іудеевъ оно само всегда смотрѣло, какъ на предисловіе къ своей собственной, какъ на свой подготовительный періодъ, что священныя книги Израиля священны и для него, и что даже было время, когда у него другихъ и не было вовсе.

Въ силу этого на присоединеніе къ христіанству должны были смотрѣть, и въ дѣйствительности смотрѣли, какъ на сліяніе съ Израилемъ, расширившимъ свой кругозоръ, но по существу оставшимся вѣрнымъ себѣ. Насчетъ этой вѣрности, однако, мнѣнія стали расходиться уже весьма рано. Въ I вѣкѣ іудеи главнымъ образомъ заботились о своемъ національномъ законѣ, христіане же были заняты своимъ Учителемъ и Основателемъ. Тѣ изъ іудействующихъ христіанъ, которые отдавали предпочтеніе закону и допускали проповѣдь язычникамъ только въ видѣ исключенія, вскорѣ остались въ сторонѣ отъ общаго движенія; во II вѣкѣ ихъ причислили къ еретикамъ. Тѣ, которые позволяли язычникамъ пользоваться евангельской благодатью, но проводили черту нѣкотораго неравенства между ними и іудеями, были вскорѣ вынуждены пойти дальше, и это не столько подъ вліяніемъ именно ап. Павла, сколько въ силу общаго хода вещей. Въ концѣ концовъ необходимо было признать, что христіанство по существу не допускаетъ равенства между Моисеемъ и Іисусомъ Христомъ, что въ основѣ его лежитъ Христосъ, а не синайскій законодатель, что спасеніе въ вѣрѣ, а не въ соблюденіи Закона. Такова въ общемъ, за исключеніемъ Палестины, была точка зрѣнія, о которой свидѣтельствуютъ всѣ посланія апостола Павла, когда въ нихъ изображаются первыя христіанскія общины въ ихъ нормальномъ состояніи, а не въ минуты несогласій.

Что личные взгляды апостола шли дальше, это стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но, повидимому, нѣкоторыя его теоріи не нашли послѣдователей, напр. его ученіе о „вводящей въ грѣхъ“ силѣ Закона. Не доходя до послѣднихъ выводовъ Павла, вообще при-

знавали, что Законъ отмѣненъ, но что въ свое время онъ могъ имѣть лишь благое вліяніе; за нимъ признавалось значеніе тѣни, благодаря которой ярче выступаетъ новый свѣтъ Евангелія, или даже значеніе прообраза, несовершеннаго подобія, перваго опыта.

Представлять себѣ бывшихъ язычниковъ ярыми врагами Закона, какимъ является ап. Павелъ въ Посланіи къ Галатамъ, значило бы совершенно невѣрно понимать характеръ ихъ христіанскихъ убѣжденій. Большинство первообращенныхъ, которые носили названіе „христіанъ изъ язычниковъ", были люди, сильно зараженные іудействомъ. Нужно имѣть въ виду, что и самъ ап. Павелъ въ нѣкоторыхъ своихъ рѣчахъ конечно не вполнѣ себя передаетъ. Мы можемъ составить себѣ болѣе точное понятіе объ его обычномъ образѣ мыслей, считаясь съ тѣмъ, что церковь восприняла отъ него, а не останавливаясь исключительно на томъ, чѣмъ она пренебрегла, или что истолковала по своему.

Итакъ, въ общемъ іудейское религіозное преданіе, Ветхій Завѣтъ, получило признаніе въ христіанскомъ мірѣ. Отсюда для новообращенныхъ проистекало очень важное преимущество. Въ Библіи они находили исторію и какую исторію! Она уходила вглубь временъ гораздо дальше греческихъ сказаній,—я говорю о тѣхъ, которые оставались въ предѣлахъ здраваго смысла и не смѣшивали людей съ богами. Переносясь за предѣлы македонянъ, персовъ, самихъ евреевъ, по крайней мѣрѣ за предѣлы ихъ государствъ, читатель Библіи вступалъ въ древнѣйшія области египетской или халдейской археологіи и, что несравненно важнѣе, доходилъ до самаго происхожденіе міра [1]). Передъ взоромъ его изъ творческихъ рукъ Бога Всевышняго рождался міръ; зло возникло изъ злоупотребленія свободой; онъ видѣлъ, какъ родъ человѣческій впервые разселялся по землѣ, и какъ возникали его первыя учрежденія.

Кромѣ этихъ величественныхъ сказаній, въ Библіи было много и другихъ повѣствованій, обаяніе и практическая польза которыхъ скоро сдѣлались очевидны. Достаточно бросить взглядъ на памятники первобытнаго христіанскаго искусства, чтобы убѣдиться, какое плодотворное впечатлѣніе производили такіе разсказы, какъ исторія Іова, Даніила, Сусанны, трехъ отроковъ въ пещи вавилонской. Пророческія книги свидѣтельствовали о чаяніяхъ народа Божія; въ нихъ находили подробныя указанія на Мессію и на его царство; онѣ оправдывали отмѣну жертвоприношеній и другихъ обрядовъ Моисеева закона. Даже изъ нравоучительныхъ книгъ, наряду съ практическими житейскими правилами, извлекались важныя данныя о предвѣчной Мудрости. Что касается книги псалмовъ, то едва ли нужно о ней распространяться: ея чудныя молитвы всегда были на устахъ у христіанъ и легли въ основу христіанскаго богослуженія.

1) Мы теперь знаемъ, что стадіи этого развитія представлены въ Библіи гораздо короче, чѣмъ они были въ дѣйствительности; но здѣсь идетъ рѣчь объ исторіи, какъ ее понимали древніе, а не о той, границы которой постоянно раздвигаются на нашихъ глазахъ, благодаря открытіямъ археологіи.

Само собою разумѣется, что принимая или скорѣе сохраняя въ своемъ религіозномъ обиходѣ столь древнія и разнородныя книги, первыя христіанскія общины принимали и сохраняли вмѣстѣ съ тѣмъ и способъ пользованія ими, какой былъ въ обычаѣ до нихъ и вокругъ нихъ. Читалось ли Св. Писаніе публично на религіозныхъ собраніяхъ, служило ли темою для поученій, или матеріаломъ для полемики, оно всегда допускало толкованіе. Пріемы этого толкованія могли разниться, смотря по общественной средѣ и книгѣ, съ какой имѣли дѣло, но въ сущности всѣ толкованія сходились на томъ, что старались давать священнымъ текстамъ Писанія смыслъ, примѣнимый къ настоящему, независимо отъ того, соотвѣтствовалъ ли онъ мысли, которую усматривали въ нихъ въ самый моментъ ихъ возникновенія. Всѣ эти книги божественнаго происхожденія; то, что въ нихъ содержится, является ученіемъ самого Бога,—этотъ общій принципъ, много разъ провозглашенный церковью, составляетъ самую основу вѣры въ Священное Писаніе, какую исповѣдывали первые христіане и раньше ихъ іудеи.

Преданіе Израиля давало пищу христіанской мысли не только относительно прошлаго: оно направляло ее къ грядущему, въ область чаяній. Не слѣдуетъ дѣлать здѣсь слишкомъ большого различія между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, между каноническими книгами и апокрифами. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ одномъ настроеніи: мы близимся къ концу міра, Господь грядетъ для воздаянія, Мессія не замедлитъ явиться или возвратиться. Несмотря на брошенные кое-гдѣ намеки, свидѣтельствующіе, что ап. Павелъ минутами освобождался отъ этой навязчивой идеи, надо однако признать, что она тяготѣла надъ умами первыхъ поколѣній христіанъ.

Занятая началомъ или концомъ міра, мысль первыхъ послѣдователей Христа постоянно возвращалась къ ихъ настоящему религіозному состоянію. Они были христіанами благодаря Іисусу Христу,

потому что человѣкъ, называвшійся Іисусомъ, котораго большинство не видало, призвалъ ихъ къ Себѣ. Этотъ человѣкъ умеръ и воскресъ; возсѣвъ нынѣ одесную Бога, Онъ долженъ вскорѣ явиться вновь во всей Своей славѣ и вступить въ окончательную борьбу со зломъ. Кто былъ Онъ? Откуда явился этотъ религіозный вождь, полномочный представитель Бога на землѣ, судія рода человѣческаго? Въ качествѣ еврейскаго Мессіи Онъ имѣлъ исторію въ прошломъ: Онъ былъ предопредѣленъ Богомъ, провидѣнъ, предвозвѣщенъ, описанъ пророками. Однимъ изъ самыхъ высокихъ Его наименованій было — Сынъ Божій. Но по этому существенному пункту невозможно было держаться еврейскихъ воззрѣній. Ап. Павелъ, Іоаннъ и авторъ Посланія къ Евреямъ въ своемъ ученіи явно перешли за ихъ предѣлы, а это ученіе въ свою очередь служило лишь выраженіемъ общаго вѣрованія, еще не нашедшаго себѣ точной формулировки, но глубокаго и стойкаго. Хотя Іисусъ въ силу дѣйствительности Своей человѣческой природы принадлежитъ къ области видимаго, однако по Своей внутренней сущности Онъ относится къ области божественнаго,—какимъ образомъ, это должно было выясниться постепенно. Но существенная часть этого вѣрованія заложена была въ душахъ христіанъ уже съ перваго поколѣнія. Новый Завѣтъ отъ первой до послѣдней книги служитъ его выраженіемъ; вслѣдъ за Новымъ Завѣтомъ вся остальная христіанская литература первыхъ временъ, какъ православная, такъ и гностическая, предполагаетъ тоже основное вѣрованіе, признаваемое всѣми и твердо опирающееся на преданіе.

Здѣсь въ особенности нужно принять во вниманіе іудейское воспитаніе, черезъ которое прошла христіанская мысль. Въ сознаніи язычниковъ понятіе Бога не было строго опредѣленнымъ. Древніе боги Олимпа имѣли предковъ, родословная ихъ была извѣстна, нѣкоторые изъ нихъ были лишь обоготворенные герои. Македонскимъ, мавританскимъ и многимъ другимъ царямъ поклонялись какъ богамъ; императорамъ продолжали воздавать такое же поклоненіе. Однимъ богомъ больше или меньше,—это для язычника не составляло важности.

Совсѣмъ иначе дѣло представлялось уму, воспитанному на еврейскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. „Слушай, Израиль! Твой Богъ, Богъ Израиля—единъ". Этотъ догматъ какъ современныхъ, такъ и древнихъ іудеевъ заключаетъ въ себѣ все, что есть самаго глубокаго и въ то же время самаго несомнѣннаго въ ихъ религіи. Допустить божественность Іисуса Христа и Святого Духа значило

допустить, что Они причастны самому существу единаго Бога, что Они тождественны Ему, имѣя впрочемъ въ то же время нѣкоторыя особенности.

Таково христіанское вѣрованіе въ Троицу—не въ томъ конечно видѣ, въ какомъ оно было формулировано впослѣдствіи въ противовѣсъ преходящимъ ересямъ, а въ томъ, въ какомъ оно проникало общее сознаніе христіанъ и требовало себѣ признанія съ ихъ стороны. Общій уровень христіанъ перваго вѣка даже во времена апостоловъ находился въ этомъ отношеніи приблизительно въ томъ же положеніи, какъ и въ наши дни. Богословы знаютъ или по крайней мѣрѣ говорятъ по этому поводу значительно больше, но здѣсь рѣчь идетъ о религіи, а не о богословскихъ школахъ.

Однако Іисусъ не только Мессія и Сынъ Божій, Онъ еще Спаситель міра [1]). Онъ приметъ вѣрующихъ въ царствіе небесное, ибо они принадлежатъ Ему,—и они Его не только оттого, что вѣруютъ въ Него и соединились въ церковь, но и потому, что Онъ искупилъ ихъ отъ нѣкотораго духовнаго рабства. Онъ ихъ Искупитель, Своей смертью на крестѣ Онъ пріобрѣлъ право на нихъ. Не слѣдуетъ думать, что эта мысль, на которой такъ часто и усиленно настаивалъ ап. Павелъ, была плодомъ его личныхъ размышленій или—что легче допустить—особаго вдохновенія. Съ той минуты, какъ христіанское общество открыло доступъ въ свою среду язычникамъ и самарянамъ,—а это движеніе началось не съ апостола Павла—пришлось допустить, что главное въ дѣлѣ спасенія не Законъ, а вѣра, что соблюденіе закона Моисея не только не приносило никакой пользы, если человѣкъ въ то же время не былъ ученикомъ Христа, но что безъ перваго можно было свободно обойтись, такъ какъ оно давало лишь второстепенное преимущество. Поддерживалъ ли этотъ выводъ вѣру въ искупленіе или, наоборотъ, самъ былъ внушенъ ею,—ясно, что тутъ большой разницы нѣтъ. Съ другой стороны ап. Павелъ свидѣтельствуетъ [2]), что, прибывъ въ Іерусалимъ послѣ своего перваго путешествія, онъ изложилъ руководителямъ церкви, Петру, Іакову, Іоанну и другимъ то благовѣствованіе, которое онъ проповѣдывалъ язычникамъ, „дабы не напрасно подвизаться", какъ онъ говоритъ.

---

[1]) Это понятіе выражено въ знаменитой формулѣ *Іисусъ Христосъ Сынъ Божій Спаситель*, Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ; первыя буквы ея по гречески даютъ слово ἰχθύς (рыба), откуда и символъ рыбы (въ видѣ кольца, которое носили первые христіане, чтобы узнавать по немъ другъ друга. Пр. пер.).

[2]) Галат. II.

Спрашивается, что могъ онъ имъ излагать, если не касался столь существеннаго пункта, занимавшаго такое видное мѣсто въ его проповѣди? Такъ какъ онъ не встрѣтилъ возраженій, то надо думать, искупительное значеніе смерти Господа было съ тѣхъ поръ признано апостолами. Наконецъ, когда Павелъ пререкается съ іудействующими противниками насчетъ силы Закона, каковъ его главный доводъ? „Если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ“ [1]). Съ какой стати было бы ему приводить такое доказательство, если бы іудействующіе христіане не раздѣляли его вѣры въ искупленіе?

Такимъ образомъ воспитаніе первыхъ поколѣній христіанъ совмѣщало съ значительнымъ количествомъ заимствованій изъ іудейскаго религіознаго преданія совсѣмъ особыя вѣрованія, которыя, развиваясь далѣе, неизбѣжно должны были внести значительную разницу между обѣими религіями.

То, что можно отмѣтить въ ученіи, столь же ясно обнаруживается и въ учрежденіяхъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на устройство и жизнь христіанскихъ общинъ, которыя возникали по всему эллинизированному міру подъ вліяніемъ апостольской проповѣди. Посланія ап. Павла сообщаютъ намъ о нихъ цѣнныя свѣдѣнія.

Переходъ въ христіанство былъ шагъ, сопровождавшійся весьма важными послѣдствіями; приходилось во многихъ отношеніяхъ быть отлученнымъ отъ обычнаго строя жизни. Напримѣръ, театры и вообще общественныя игры, бывшія школами безнравственности, причислялись прежде всего къ „гордынѣ“ діавольской, отъ которой необходимо было отказаться. Съ такимъ же строгимъ осужденіемъ относились къ блуду. Само собой разумѣется, что приходилось порывать съ идолопоклонствомъ, но не всегда легко было избѣгнуть съ нимъ соприкосновенія: частная жизнь древнихъ была такъ сильно проникнута религіей! Бракъ и рожденіе, жатва и посѣвъ, принятіе и отправленіе общественной должности, семейные праздники,—все давало поводъ къ жертвоприношеніямъ съ возліяніями, куреніемъ ѳиміама и трапезой. По отношенію къ этой послѣдней Павелъ допускалъ уступки. Онъ строго воспрещалъ всякое участіе въ торжественныхъ пиршествахъ, справлявшихся въ стѣнахъ храмовъ, но то обстоятельство, что данный кусокъ мяса взятъ былъ отъ жертвы, не составляло въ его глазахъ рѣшительнаго препятствія къ употребленію его, лишь бы только оно

1) Тамъ же, II, 21.

никого не соблазнило. Въ этомъ проявлялось меньше требовательности, чѣмъ на соборѣ 51 г. въ Іерусалимѣ и въ синагогахъ по отношенію къ прозелитамъ.

Отрѣшившись отъ язычества, христіане должны были жить во взаимномъ общеніи. Каждая церковь представляла вполнѣ сложившееся общество, члены котораго, конечно, оставались въ зависимости податной и юридической отъ города и государства, но должны были избѣгать обращаться съ своими взаимными спорами къ какому-либо иному суду, кромѣ суда своей общины. Браки заключались только между единовѣрцами. Бракъ, заключенный до обращенія, если перешелъ въ христіанство только одинъ изъ супруговъ, расторгался не иначе, какъ по просьбѣ стороны, остававшейся въ язычествѣ. За исключеніемъ этого случая, разводъ былъ строго запрещенъ. Полное цѣломудріе пользовалось почтомъ и даже рекомендовалось въ виду близкаго конца міра, но не было нисколько обязательнымъ. Въ обыденной жизни христіанинъ долженъ былъ повиноваться властямъ и господамъ, если онъ былъ рабомъ; праздность порицалась, требовались честность и услужливость во взаимныхъ отношеніяхъ, радостный духъ, проистекающій отъ чистаго сердца, милосердіе и въ особенности гостепріимство.

Религіозная жизнь очень напоминала порядки синагоги. Собирались вмѣстѣ, чтобы молиться и читать Священное Писаніе, въ которомъ особенное вниманіе обращалось на прекрасные примѣры праведниковъ. Спеціально христіанскими элементами въ этомъ первоначальномъ культѣ была Евхаристія и *харизмы*, необычайные дары Св. Духа. Таинство Евхаристіи совершалось по вечерамъ послѣ скромной трапезы (агапы), которую вкушали вмѣстѣ; въ ней такимъ образомъ воспроизводили вечерю Господню наканунѣ Его страданій. Что касается проявленій Св. Духа, они обнаруживались въ разнообразныхъ формахъ: то въ исцѣленіяхъ и иныхъ чудесахъ, то въ видѣніяхъ (ἀποκαλύψεις), то въ „восхищеніи духа“, которое изливалось въ проповѣди о таинствахъ вѣры или о нравственныхъ обязанностяхъ (λόγος γνώσεως, λόγος σοφίας, πίστις). Самыми замѣчательными были даръ пророчества и дарованіе языковъ. Пророчествомъ называлась способность узнавать сокровенное, особенно тайны совѣсти. [1]) Этотъ преходящій даръ не должно смѣшивать съ пророческимъ служеніемъ, которое несли нѣкоторыя лица апостольскихъ временъ, напр. Іуда Варсава, Сила, Агавъ [2]), и даже

1) I Коринѳ. XIV, 24, 25.
2) Дѣянія, XI, 27, 28; XV, 22, 32, XXI, 10, 11.

позднѣйшаго поколѣнія, какъ дочери ап. Филиппа, Аммія, Кодратъ и другіе, о которыхъ рѣчь ниже. Равнымъ образомъ, дарованіе языковъ, благодаря которому апостольскую проповѣдь въ день сошествія Св. Духа могли понять люди разныхъ національностей, не имѣетъ ничего общаго съ глоссолаліей, описанной въ I Посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ. Въ послѣднемъ случаѣ ни самъ говорившій, ни слушатели его не понимали, что онъ говоритъ; связь между ними, или скорѣе между присутствующими и Св. Духомъ могла быть установлена только чрезъ посредство вдохновеннаго толкователя. Однако и помимо всякаго толкованія, въ странныхъ звукахъ, исходившихъ съ устъ говорившаго, уже по одному тону можно было различить молитву, хвалу и благодареніе.

Эти сверхъестественныя явленія, конечно, должны были поражать умы и поддерживать воодушевленіе первыхъ христіанъ. Но злоупотребленіе легко вкрадывалось сюда; самое пользованіе дарами Св. Духа могло повлечь за собой нежелательныя послѣдствія, разъ оно выходило изъ разумныхъ границъ. Коринѳская церковь существовала всего четыре года, и уже Павлу пришлось вмѣшаться, чтобы подчинить извѣстной дисциплинѣ вдохновеніе ея членовъ. Злоупотребленія скоро обнаружились даже въ совершеніи таинства Евхаристіи. Приходилось по возможности упрощать трапезу, которая была какъ бы ея первой частью; позднѣе трапезу отдѣлили отъ литургіи и наконецъ почти совершенно упразднили. Церковное поученіе заступило мѣсто первоначальныхъ проявленій *„слова мудрости“*. Видѣнія, пророчества, чудесныя исцѣленія, разумѣется, не могли исчезнуть совершенно, но такъ какъ они были не совмѣстимы съ правильнымъ богослуженіемъ, то постепенно исчезли изъ него.

Въ посланіяхъ апостоловъ мы не находимъ никакихъ подробностей относительно обрядовъ при присоединеніи къ церкви, которые однако уже довольно рано приняли вполнѣ опредѣленную форму, съ глубокимъ содержаніемъ. Павелъ предоставлялъ выполнять этотъ обрядъ своимъ сотрудникамъ [1]). Нѣкоторые обращенные, не довольствуясь собственнымъ крещеніемъ, крестились еще за своихъ умершихъ друзей и родныхъ [2]).

Среди даровъ Св. Духа нужно отмѣтить тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ внутренней организаціи общины [3]). Апостолъ

1) I Коринѳ. I, 14—17.
2) Тамъ же, XV, 29.
3) I Ѳессал. V, 12, 13.

Павелъ говоритъ о тѣхъ членахъ церкви, которые работаютъ на нее, руководятъ и поучаютъ, и объ обязанностяхъ вѣрныхъ по отношенію къ нимъ; упоминаетъ о дарѣ управленія, дарѣ вспоможенія [1]); скоро появились служенія епископовъ, діаконовъ, пресвитеровъ. Но вначалѣ дѣйствительная или высшая власть остается еще въ рукахъ проповѣдниковъ Евангелія, основателей церквей. Они имѣютъ несравненно высшее значеніе, чѣмъ тѣ новообращенные, къ услугамъ которыхъ они прибѣгаютъ на мѣстахъ въ дѣлѣ устройства общинной жизни во всѣхъ ея подробностяхъ.

Собранія христіанъ обыкновенно происходили въ частныхъ домахъ, особенно въ тѣхъ просторныхъ помѣщеніяхъ верхнихъ этажей, которыя всегда было въ обычаѣ устраивать на Востокѣ. Люди этихъ странъ умѣютъ устраивать собранія даже въ тѣснотѣ. Собранія происходили вечеромъ и часто продолжались всю ночь. Наряду съ еврейской субботой уже съ раннихъ поръ воскресеніе посвящалось богослуженію.

Нерѣдко ставился вопросъ, не были ли первыя христіанскія общины въ греческихъ областяхъ организованы по образцу языческихъ религіозныхъ обществъ. Между ними есть нѣкоторое сходство, напр., въ порядкѣ пріема членовъ; подобно товариществамъ общихъ трапезъ, діонисовымъ братствамъ и инымъ религіознымъ корпораціямъ, христіанскія церкви допускали безразлично иностранцевъ, рабовъ, женщинъ; посвященіе сопровождалось выполненіемъ извѣстнаго обряда, скоро пріобрѣтшаго внушительный характеръ; были установлены священныя трапезы. Но эта аналогія довольно поверхностна. Даже не обращая вниманія на разницу въ содержаніи вѣрованій и нравственныхъ предписаній, оставляя безъ вниманія разницу въ самыхъ формахъ поклоненія божеству, которыя у язычниковъ всегда связаны съ храмомъ, идоломъ и жертвою, мы видимъ коренное различіе въ обоснованіи и передачѣ духовной власти. Руководители языческихъ корпорацій всегда пользуются своей властью лишь временно, обыкновенно въ теченіе годового срока, между тѣмъ какъ христіанскіе діаконы и пресвитеры остаются въ этомъ званіи пожизненно. Полномочія первыхъ зависятъ отъ общины, которая ихъ назначила, и по отношенію къ которой они являются лишь исполнителями; послѣдніе, напротивъ того, говорятъ, дѣйствуютъ, управляютъ во имя Бога и апостоловъ; они ихъ помощники и представители.

1) I Коринѳ. XII, 28, κυβερνήσεις, ἀντιλήψεις.

Впрочемъ немного нужно историческаго чутья, чтобы понять, что первыя церкви, состоявшія изъ бывшихъ членовъ синагоги, должны были руководиться ея примѣромъ, и что апостолы-проповѣдники Евангелія, жившіе болѣе или менѣе продолжительное время среди іерусалимскихъ и антіохійскихъ христіанъ, распространяли уже установившіеся обычаи и традиціи. Не было никакой надобности перенимать у языческихъ учрежденій форму организаціи, которая уже была на-лицо. Къ тому же глубокое отвращеніе къ язычеству препятствовало какимъ-либо заимствованіямъ подобнаго рода.

Въ общемъ христіанскія общины организовались приблизительно такъ же, какъ еврейскія синагоги. Какъ послѣднія, онѣ составляли религіозныя общества, основанныя на единствѣ вѣры и надежды, но вѣры и надежды, которыя не признавали уже никакого различія расы и національности. Какъ и синагоги, христіанскія общины старались оградить себя отъ всякаго опаснаго соприкосновенія съ языческими учрежденіями и обычаями: общественная жизнь, которую они создали для своихъ членовъ, отличалась напряженностью и въ то же время кротостью, а управленіе, почти законченное во всѣхъ частяхъ, имѣло общую кассу, судъ и благотворительныя учрежденія. Даже въ отправленіи богослуженія сходство было еще очень велико: въ синагогѣ, какъ и въ церкви [1]), совершали молитвы, читали Библію и толковали ее; церковь прибавила къ этому только евхаристію и дары св. Духа. Въ это первое время аналогія шла еще дальше. Подобно тому, какъ евреи всѣхъ странъ смотрѣли на себя, какъ на братьевъ по Аврааму, Исааку и Іакову, такъ же и мѣстныя общины очень живо чувствовали свою братскую связь въ Іисусѣ Христѣ. И евреи и христіане одинаково обращали свои взоры къ Іерусалиму, который и въ тотъ историческій моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, еще оставался сердцемъ христіанства, какъ и іудейства. Но въ то время какъ взоры евреевъ обращались къ храму, средоточію ихъ воспоминаній и надеждъ, мысль христіанъ неслась къ мѣсту, гдѣ былъ водруженъ крестъ ихъ Учителя, гдѣ живы еще были свидѣтели Его воскресенія и откуда явились къ нимъ апостолы, по слову которыхъ повсюду сталъ нарождаться избранный народъ Новаго Завѣта.

---

[1]) Нужно замѣтить, что оба эти слова имѣютъ одно и то же значеніе— „собраніе" и что какъ то, такъ и другое употреблялись также для обозначенія самыхъ зданій, служившихъ мѣстомъ этихъ собраній.

ГЛАВА V.

Происхожденіе Римской церкви.

Еврейская колонія въ Римѣ. — Акила и Прискилла.—**Посланіе къ римлянамъ**.—Павелъ въ Римѣ.—Первые христіане римской **церкви**.—**Петръ въ Римѣ**.—Пожаръ 64 г. и гоненіе Нерона.

Еврейскіе цари изъ дома Асмонеевъ рано вступили въ сношенія съ Римомъ. Несомнѣнно, что благодаря имъ и возникла еврейская колонія въ Римѣ. Взятіе Іерусалима Помпеемъ (63 г. до Р. Х.) вызвало сразу сильный приливъ ея населенія [1]). Побѣдитель выбросилъ на римскій невольничій рынокъ огромное количество военно-плѣнныхъ. Проданные сперва въ рабство, затѣмъ отпущенные на свободу, они уже со временъ Августа и даже раньше составляли значительную группу, поселившуюся за Тибромъ [2]). Эта колонія не пользовалась, по крайней мѣрѣ прямо, привилегіями вродѣ тѣхъ, какія прежніе македонскіе цари или римскіе полководцы даровали столькимъ еврейскимъ общинамъ на греческомъ или эллинизированномъ Востокѣ. Тиверій не нарушилъ никакихъ обязательствъ, когда выслалъ ихъ изъ Рима въ 19 г. [3]); они уже тогда были такъ многочисленны, что 4000 чел. изъ нихъ были посланы на о. Сардинію сражаться съ варварами. Эта мѣра, внушенная Сеяномъ, была вызвана однимъ случаемъ обращенія въ іудейство, который показался ужъ черезчуръ выгоднымъ для еврейской колоніи. Послѣ паденія этого временщика (31 г.) строгости ослабѣли. Когда Филонъ пріѣхалъ въ Римъ защищать передъ Калигулой интересы александрійскихъ евреевъ (40 г.), римскіе іудеи уже вернули себѣ свое прежнее положеніе. Въ слѣдующемъ году (41 г.), или немного позднѣе, имп. Клавдій особымъ указомъ рас-

---

[1]) Schürer, *Geschichte des judischen Volkes*, 3 Anfl., t. III, S. 28.
[2]) Philon, *Leg. ad Caium*, 23.
[3]) Josephus, *Ant.* XVIII, 3,5, Tacitus, *Ann.*, II 85, Suetonius, *Tiberius*, 36.

пространилъ на нихъ вѣротерпимость [1]), однако, потомъ нашелъ нужнымъ принять противъ нихъ репрессивныя мѣры.

Къ этому именно времени относятся первые слѣды христіанства въ исторіи еврейской общины въ Римѣ. Дѣянія апостольскія и историкъ Светоній единодушно свидѣтельствуетъ о томъ, что евреи были изгнаны изъ столицы. По разсказу Діона Кассія, полиція, находя полное изгнаніе неудобоисполнимымъ, удовольствовалась тѣмъ, что запретила собранія [2]). Но несомнѣнно, что были и случаи высылки: въ 52 г. ап. Павелъ встрѣтилъ въ Коринѳѣ еврея Акилу и его жену Прискиллу, которые переселились туда вслѣдствіе указа Клавдія. Акила былъ родомъ изъ Понта; и онъ и жена его уже исповѣдывали христіанство. Эта подробность вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что Светоній говоритъ о причинѣ высылки: „Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit“ („изгналъ изъ Рима евреевъ, упорно производившихъ безпорядки по подстрекательству Христа“) [3]). Итакъ, въ Римѣ происходили безпорядки, вызванные евангельской проповѣдью, безпорядки, сходные съ тѣми, какіе по свидѣтельству книги Дѣяній происходили въ Іерусалимѣ, въ Малой Азіи, въ Ѳессалоникахъ, въ Веріи, въ Коринѳѣ, въ Ефесѣ. По разсказу Дѣяній, когда Акила и Прискилла принимали въ Коринѳѣ ап. Павла, они только что прибыли изъ Италіи; такимъ образомъ эдиктъ о высылкѣ и безпорядки, которые дали поводъ къ нему, относятся къ 51 или 52 г.

Въ исторіи римской церкви это—первое извѣстное намъ событіе, первое хронологическое указаніе, какое можно установить. Насколько позволяютъ судить аналогіи, эта дата должна быть довольно близка ко времени первой проповѣди Евангелія въ римскомъ обществѣ: Дѣянія всегда изображаютъ крупныя волненія въ еврейскихъ общинахъ, какъ немедленное слѣдствіе первой апостольской проповѣди. Когда ап. Павелъ писалъ свое Посланіе къ Римлянамъ, не позднѣе 58 г., церковь нѣкоторое время уже существовала тамъ, и Павелъ уже много разъ собирался ее посѣтить [4]).

Чья рука бросила божественное сѣмя въ эту почву, гдѣ ему суждено было принести такой роскошный плодъ—этого мы ни-

1) Josephus, *Ant.*, XIX, 5,2.
2) Дѣянія XVIII, 2, Suetonius, *Claudius*, 25, Dion, LX, 6.
3) Здѣсь обычное смѣшеніе χρηστός и χριστός. Римская чернь называла ихъ хрестіанами: quos.... vulgus Chrestianos appellabat. Таковъ настоящій смыслъ извѣстнаго свидѣтельства Тацита, *Ann.*, XV, 44 (Harnack, *Die Mission*, 297).
4) Ἀπὸ ἱκανῶν ἐτῶν—съ давнихъ лѣтъ. Посл. къ римл., XV, 23.

когда не узнаемъ. Предположеніе, что ап. Петръ былъ въ Римѣ уже въ первые годы царствованія Клавдія (42 г.) или даже при Калигулѣ (39 г.), слишкомъ слабо обосновано, чтобы историкъ могъ подъ нимъ подписаться. Ничто не доказываетъ, чтобы римскіе евреи, присутствовавшіе на праздникѣ Пятидесятницы во время сошествія Св. Духа, были обращены въ христіанство, и главное, чтобъ они распространяли его; сотникъ Корнилій, котораго Петръ обратилъ въ Кесаріи, не можетъ считаться непремѣнно уроженцемъ Рима; намъ неизвѣстно, какія послѣдствія имѣло для распространенія христіанства обращеніе проконсула о. Кипра Сергія Павла [1]).

Пусть тайна скрываетъ отъ насъ происхожденіе римской церкви; ограничимся замѣчаніемъ, что когда ап. Павелъ обращалъ къ ней свое посланіе (58 г.), она не только пережила кризисъ, сопровождавшій ея появленіе на свѣтъ, но уже организовалась, насчитывала множество членовъ, была извѣстна, даже знаменита своей вѣрой и своими подвигами.

Она уже въ то время пользовалась такимъ значеніемъ, что апостолъ язычниковъ не находилъ возможнымъ созидать на чужомъ основаніи [2]) и взять на себя обращеніе къ истинной вѣрѣ римскаго общества,—поприще, самое значительное и самое соблазнительное для его апостольскаго рвенія. Его единственнымъ желаніемъ было насладиться общеніемъ съ нею на пути въ Испанію, когда онъ отправится туда съ своей проповѣдью, а также нѣсколько пополнить религіозное вѣдѣніе, уже полученное римской паствой. Идеи, которыя онъ ей излагаетъ и которыя, повидимому, уже были сообщены и другимъ церквамъ, способъ ихъ изложенія, практическія увѣщанія, которыми онъ ихъ сопровождаетъ, даютъ намъ понять, изъ какихъ элементовъ слагалась молодая община. Какъ и большинство прочихъ, она возникла вслѣдствіе раскола въ мѣстномъ еврействѣ. Часть настоящихъ іудеевъ, вѣроятно еще большее количество полуобращенныхъ язычниковъ („боящихся Бога— φοβούμενοι τὸν θεόν“), вовлеченные въ него, образовали новое общество, въ которомъ они дружно жили,—первые имѣя мало надежды на то, что за ними послѣдуетъ много соотечественниковъ, послѣдніе съ видами на будущее евангельской проповѣди.

Эта почва была совершенно подобна той, на которой въ про-

1) Дѣянія—XIII, 12.
2) Ср. Римл. XV, 20. Прим. перев.

долженіи 12 лѣтъ работалъ Павелъ. Положеніе римской церкви было одинаково съ положеніемъ антіохійской, если оставить въ сторонѣ кратковременное пререканіе между Павломъ и Петромъ; таково же было оно и въ церквахъ галатійскихъ, македонскихъ, греческихъ, азійскихъ, пока іудействующая антипропаганда не внесла въ нихъ смуты. Нѣтъ возможности въ какой-либо опредѣленный моментъ точно установить пропорцію іудейско-христіанскихъ и языческо-христіанскихъ элементовъ, входившихъ въ составъ римской церкви. Одно несомнѣнно, что послѣ разрыва съ синагогой для проповѣди открывалась лучшая, даже гораздо лучшая будущность среди язычниковъ. Однако никакой борьбы еще не возникало. Іерусалимскіе фанатики здѣсь еще не появлялись; вопросы, поднятые ими въ Галатіи и въ другихъ мѣстахъ, не выдвигались еще въ Римѣ.

Каково было теченіе событій въ послѣдующіе годы? Павелъ, заключенный подъ стражу въ Іерусалимѣ и задержанный въ теченіе двухъ лѣтъ въ Палестинѣ, долженъ былъ отсрочить предполагаемое путешествіе въ Испанію. Прибывъ подъ стражей въ качествѣ обвиняемаго передъ судомъ императора въ Италію (61 г.), онъ нашелъ въ Путеолахъ христіанъ, которые оказали ему хорошій пріемъ; римскіе же христіане вышли ему навстрѣчу на Аппіеву дорогу.

Тотчасъ по пріѣздѣ [1]) онъ устроилъ себѣ свиданіе съ знатнѣйшими изъ іудеевъ (τοὺς ὄντας τῶν Ἰουδαίων πρώτους) Рима и началъ имъ проповѣдывать Евангеліе, какъ будто они его еще не слыхали. Результатъ былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать: нѣсколько человѣкъ приняли христіанство, главари же оказали упорное сопротивленіе [2]).

Заключеніе Павла продолжалось два года. Одно только изъ его тогдашнихъ произведеній, Посланіе къ Филиппійцамъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что дѣлалось вокругъ него. Выходцы изъ Іерусалима въ свою очередь добрались, наконецъ, до Рима; Евангеліе было возвѣщено не только друзьями, но и врагами апостола.

[1]) Согласно варіанту или очень древней глоссѣ къ XXVIII, 16, книги Дѣяній Павелъ вмѣстѣ съ другими узниками былъ порученъ охранѣ начальника квартала иностранцевъ (Castra peregrinorum). Этотъ кварталъ находился на Целійскомъ холмѣ, на востокъ отъ храма Клавдія, ближе къ нынѣшнему военному госпиталю. Павелъ добился разрѣшенія жить внѣ этого квартала extra castra. Ср. *Sitzungsber. d. Acad. d. Wiss. zu Berlin*, 1895, ss. 491—503 (Harnack und Mommsen).

[2]) Дѣянія, XXVIII.

Самъ онъ обращалъ на себя большое вниманіе въ „преторіи". Въ общемъ его пребываніе въ Римѣ было скорѣе полезно распространенію христіанства; христіане имѣли видъ скорѣй бодрый, чѣмъ подавленный. Этотъ успѣхъ смягчалъ для него чувство горечи, внушаемое противодѣйствіемъ іудействующихъ, которыхъ не обезоруживали даже оковы, влачимыя Павломъ за общую вѣру.

Наконецъ его дѣло было назначено къ слушанію. Какъ римскіе прокураторы Феликсъ и Фестъ, какъ самъ царь Агриппа II, императорскій судъ также не призналъ за Павломъ никакого проступка, заслуживающаго казни или тюремнаго заключенія.

Выпущенный на свободу, онъ несомнѣнно воспользовался ею, чтобы отправиться въ Испанію, гдѣ христіанство, повидимому, обязано своимъ происхожденіемъ его апостольской проповѣди [1]). Онъ посѣтилъ также свои христіанскія общины по берегамъ Эгейскаго моря; важныя указанія на это послѣднее путешествіе мы находимъ въ такъ назыв. Пастырскихъ посланіяхъ къ Титу и Тимоѳею.

Нѣкоторые изъ членовъ первобытной римской церкви извѣстны намъ по крайней мѣрѣ по своимъ именамъ. Раньше, чѣмъ прибыть въ Римъ, Павелъ уже имѣлъ тамъ много друзей; въ концѣ посланія къ римлянамъ онъ шлетъ поименное привѣтствіе двадцати четыремъ лицамъ: Акилѣ и Прискиллѣ, съ которыми онъ встрѣчался уже въ Коринѳѣ и въ Азіи, гдѣ они оказали ему крупныя услуги, и вокругъ которыхъ въ Римѣ собиралась небольшая группа христіанъ, или домашняя церковь; Епенету, самому первому послѣдователю Христа въ Ахаіѣ; Маріи, которая въ Римѣ много поработала для вѣры; Андронику и Юніи, прославившимся между апостолами и обратившимся ко Христу раньше самого Павла; Амплію, Урбану, Стахію, Апеллесу, Иродіону; Трифенѣ, Трифосѣ и Персидѣ, тремъ добрымъ труженицамъ о Господѣ; Руфу и его матери, Асинкриту, Флегонту, Ерму, Патрову и Ермію, которые также составляли съ нѣкоторыми другими особую группу; Филологу, Юліи, Нирею и сестрѣ его, Олимпану и другимъ съ ними, наконецъ двумъ кружкамъ, — Аристовула и Нарцисса. Это послѣднее имя безъ сомнѣнія принадлежитъ знаменитому вольноотпущеннику имп. Клавдія, тогда какъ Аристовулъ былъ внукъ Ирода Великаго, жившій въ Римѣ въ отличныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ же императоромъ. Выраженія Павла „изъ до-

[1]) I Clem., 5.

машнихъ Аристовула, Нарцисса" даютъ основаніе думать, что дѣло идетъ о кружкахъ вѣрующихъ изъ среды кліентовъ или домашней прислуги этихъ богачей [1]). Обращаясь къ филиппійцамъ съ посланіемъ изъ Рима, Павелъ между прочимъ посылаетъ имъ привѣтствіе отъ вѣрующихъ изъ „кесарева дома". Позднѣе въ заключеніи II посланія къ Тимоѳею упоминаются имена еще четырехъ римскихъ христіанъ: Еввула, Пуда, Лина и Клавдіи.

Этотъ Линъ должно быть то самое лицо, имя котораго стоитъ во главѣ списка римскихъ епископовъ. Имена Пуда и Прискиллы встрѣчаются въ легендахъ, лишенныхъ достовѣрности. Однако въ Римѣ уже въ IV вѣкѣ была церковь Пуда и другая Приска или Прискиллы. Это послѣднее имя было связано съ самымъ древнимъ римскимъ кладбищемъ, и на этомъ кладбищѣ сохранялись могилы Пуда и Прискиллы. На Ардейской дорогѣ нашли христіанскую усыпальницу, украшенную живописью эпохи Антониновъ, если еще не болѣе древней, и носящей имя нѣкоего Амплія [2]).

Около того времени, когда ап. Павелъ былъ освобожденъ, ап. Петръ прибылъ въ Римъ. Можетъ быть онъ и раньше бывалъ здѣсь; это возможно, но доказать этого нельзя. Не уцѣлѣло никакого свидѣтельства объ его апостольской дѣятельности въ этой средѣ. Дошедшія до насъ подъ его именемъ писанія, каноническія и иныя, не содержатъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ.

Но самый фактъ его пребыванія въ Римѣ имѣлъ такія послѣдствія и вызвалъ столь серьезные споры, что стоитъ отдать себѣ отчетъ въ основаніяхъ, которыя его подтверждаютъ.

Со второй половины II вѣка мы встрѣчаемъ точное и общераспространенное преданіе объ этомъ. Достаточно сослаться на Діонисія Коринѳскаго въ Греціи, Иринея въ Галліи, Климента и Оригена въ Александріи, Тертулліана въ Африкѣ. Что касается самого Рима, то около 200 года Кай указываетъ тамъ могилы апостоловъ [3]). Съ III вѣка, отстаивая свой авторитетъ, папы начинаютъ говорить о себѣ, какъ о преемникахъ ап. Петра; это преемство ни кѣмъ не оспаривалось. Когда только рѣчь заходила о преданіяхъ апостольскихъ временъ и о правахъ, которыя на нихъ основываются, весь христіанскій міръ признавалъ, что римская цер-

[1]) Lightfoot, *Philippians*, p. 175.
[2]) De Rossi, *Bull.*, 1881, 57—74.
[3]) Діонисій и Кай у Euseb., II, 25; Климентъ, тамъ же, VI, 14; Оригенъ, тамъ же III, I; Irenaeus, *Haer.*, III, I, 3 (ср. Euseb., V, 6, 8); Tertullianus *Praescr*, 36, *Adv. Marcion.*, IV, 5, *Scorp.*, 15, *De Baptismo*, 4.

ковь—церковь апостола Петра: тамъ онъ скончался и оставилъ послѣ себя свою каѳедру. Всѣ препирательства между Востокомъ и Западомъ не касаются этого пункта, и это особенно замѣчательно для обстоятельства, имѣвшаго такія важныя послѣдствія.

Но прослѣдить его можно гораздо далѣе конца или даже середины II вѣка. Въ своемъ Посланіи къ Римлянамъ [1]) св. Игнатій Антіохійскій имѣетъ въ виду римское апостольское преданіе и доказываетъ этимъ, что оно было уже извѣстно и признано въ Азіи и Сиріи. Уговаривая римскихъ христіанъ не препятствовать его мученичеству, онъ продолжаетъ: „Я не повелѣваю вамъ, какъ Петръ и Павелъ: тѣ были апостолами, а я только осужденный". Эти слова не равносильны утвержденію, что Петръ былъ въ Римѣ, но если бы было такъ въ дѣйствительности, то Игнатій не могъ бы выразиться иначе; если-же предположить, что Петръ не былъ въ Римѣ, то весь ходъ мысли Игнатія лишенъ основанія.

Впрочемъ нельзя думать, что смерть ап. Петра была событіемъ мало извѣстнымъ и скоро позабытымъ церковью. Не говоря уже о намекахъ на него, которые находятъ въ Апокалипсисѣ и въ Посланіи къ Евреямъ, послѣдняя глава четвертаго Евангелія [2]) содержитъ весьма прозрачное указаніе на мученическую кончину апостола. Чьему бы перу ни принадлежало это мѣсто Евангелія, несомнѣнно, что человѣкъ, писавшій его, жилъ во времена Траяна или очень недолго спустя.

Въ Римѣ воспоминанія, естественно, были еще живѣе. Св. Климентъ [3]) въ своемъ извѣстномъ отрывкѣ о гоненіи Нерона упоминаетъ объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ наряду съ Данаидами, Дирками и прочими жертвами, погибшими по случаю римскаго пожара. Обо всѣхъ нихъ онъ говоритъ, какъ объ одной замкнутой группѣ: всѣ вмѣстѣ они послужили для римлянъ и среди нихъ (ἐν ἡμῖν= среди насъ) великимъ примѣромъ мужества.

Даже самъ Петръ удостовѣряетъ свое пребываніе въ Римѣ. Его посланіе [4]) къ малоазійскимъ христіанамъ заканчивается привѣт-

[1]) Ignatius, *Ad Rom.*, 4.
[2]) Ев. отъ Іоанна, XXI, 18, 19. „Истинно, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь. Сказалъ же это (Іисусъ), давая разумѣть, какою смертію (Петръ) прославитъ Бога.
[3]) I Clem., 5, 6.
[4]) I посл. Петра V, 13. Если даже посланіе не принадлежитъ ап. Петру, то оно все же весьма древняго происхожденія; авторъ его, воспользовавшись именемъ апостола, остерегся бы обозначить мѣстомъ написанія его такой городъ, пребываніе въ которомъ Петра не было бы общеизвѣстнымъ.

ствіемъ, которое онъ имъ посылаетъ отъ имени вавилонской, т.-е. римской церкви: это условное обозначеніе очень извѣстно, хотя бы изъ Апокалипсиса.

Лѣтомъ 64 г. страшный пожаръ истребилъ главные кварталы Рима. Можетъ быть онъ не имѣлъ иной причины, кромѣ случайности, но общественное мнѣніе единодушно обвинило Нерона въ поджогѣ или по крайней мѣрѣ въ содѣйствіи распространенію пламени. Чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе, императоръ свалилъ вину на христіанъ. Они были схвачены въ большомъ количествѣ, наскоро осуждены и казнены. Нерону вздумалось превратить ихъ казнь въ зрѣлище: онъ устроилъ въ своихъ ватиканскихъ садахъ ночныя празднества, во время которыхъ несчастные, облитые смолой и объятые пламенемъ, бросали зловѣщій отблескъ на ристалища цирка. Тацитъ, изъ котораго мы почерпнули эти подробности, говоритъ объ „огромномъ множествѣ" (multitudo ingens). Изъ его словъ ясно, что никто не приписывалъ пожара христіанамъ; однако они все же пользовались дурной славой, ихъ называли „врагами рода человѣческаго", ходили росказни объ ихъ безпутной жизни; поэтому только вслѣдствіе ненависти къ Нерону могли рѣшиться проявить состраданіе къ христіанамъ.

Такова точка зрѣнія Тацита [1]), который распространилъ здѣсь на христіанъ свое пристрастное и презрительное отношеніе къ евреямъ. Остается незыблемымъ фактъ ужасныхъ сценъ въ Ватиканѣ и мученичества за вѣру множества христіанъ обоего пола, такъ какъ не щадили и женщинъ [2]). Апостолъ Петръ кажется дѣйствительно пострадалъ во время этихъ зловѣщихъ казней; могила его находилась на Ватиканѣ, близъ цирка Нерона, и преданіе относительно мѣста его мученической кончины, какъ бы далеко мы ни восходили, приводитъ насъ къ тому же мѣсту. Итакъ, мученичество его должно отнести къ 64 г. [3]). Но нельзя сказать того же относительно ап. Павла. Онъ также въ Римѣ обрѣлъ кровавый конецъ своего призванія, но ничто не доказываетъ, чтобы онъ былъ приговоренъ къ смерти въ связи съ римскимъ пожаромъ. Преданіе, которое вскорѣ утратило память о множествѣ мучениковъ 64 года, сблизило имена обоихъ апостоловъ и отнесло ихъ

[1]) О сужденіи Тацита см. Boissier, *Tacite*, 146.
[2]) Это—Данаиды и Дирки, о которыхъ говоритъ св. Климентъ. Прим. авт.
[3]) Евсевій относитъ ее къ 67 или 68 году, но такъ какъ онъ пріурочиваетъ къ тому же времени гоненіе Нерона, то его показаніе сомнительно. Гоненіе Нерона, то есть казни, описанныя Тацитомъ, начались лѣтомъ 64 г.

кончину не только къ одному и тому же году, но и къ одному и тому же дню.

Какъ бы то ни было, когда остатки римской общины вновь могли собраться и организоваться, юная церковь была уже освящена ненавистью Нерона, кровью мучениковъ и воспоминаніемъ о двухъ величайшихъ апостолахъ. Еще при ихъ жизни она была въ большой чести у христіанъ; Павелъ, столь мало щадившій своихъ коринѳянъ и осыпавшій такими упреками галатовъ и азійцевъ, римлянамъ расточалъ лишь похвалы; посланіе, съ которымъ онъ къ нимъ обратился и которое поставлено во главѣ его посланій въ церковномъ канонѣ, было данью уваженія апостола къ ихъ добродѣтелямъ. Что же касается ап. Петра, то фактъ, что римляне были его послѣдними непосредственными учениками, давалъ имъ важное преимущество. Сейчасъ же вслѣдъ за ватиканскими ужасами началась (66 г.) іерусалимская трагедія. Христіане святого города избѣгли гибели, постигшей ихъ народъ, только тѣмъ, что разсѣялись. Еще нѣкоторое время продолжали говорить объ іерусалимской церкви, но она уже не находилась въ Іерусалимѣ; этимъ именемъ обозначали рядъ мелкихъ общинъ, разбросанныхъ по всей Палестинѣ, въ особенности на востокъ отъ Іордана; отрѣзанныя отъ остального христіанскаго міра, онѣ все болѣе и болѣе замыкались въ себѣ вслѣдствіе того, что говорили на своемъ семитическомъ языкѣ и оставались непреклонными приверженцами Закона. Христіанство утрачивало свое первоначальное средоточіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда римская церковь достаточно созрѣла для того, чтобы заступить его мѣсто. Столица имперіи скоро сдѣлалась метрополіей для всѣхъ христіанъ.

ГЛАВА VI.

Первыя ереси.

Религіозная пытливость и богословіе первыхъ христіанъ.—Посланія къ Ефесянамъ и Колоссянамъ.—Сѣятели лжеученій.—Іудейскій трансцендентализмъ.—Христологія ап. Павла.—Ереси по даннымъ Пастырскихъ посланій и Апокалипсиса.—Николаиты и Керинояне.—Ереси по даннымъ посланій св. Игнатія.

По первымъ посланіямъ ап. Павла видно, какой свободой пользовалась тогда Евангельская проповѣдь. Миссіонеры шли по внушенію св. Духа то въ страны, еще не слышавшія евангельской проповѣди, то въ города, гдѣ уже были христіанскія общины. Павелъ воздерживался отъ послѣдняго: онъ поставилъ себѣ за правило „не созидать на чужомъ основаніи"; если онъ довольно долго пробылъ въ Римѣ, то это было противъ его желанія. Но не всѣ были такъ щепетильны. Отсюда возникали столкновенія между лицами, между разными авторитетами, даже между ученіями. Доктрина, внѣдряемая вначалѣ, была разумѣется очень проста: какъ я старался показать, она вмѣщалась въ рамки еврейскаго религіознаго міросозерцанія. Но ревность первыхъ христіанъ была слишкомъ пылка, чтобы оставаться въ бездѣйствіи. Въ области мысли она проявила себя въ ненасытной жаждѣ познанія. Второе пришествіе Христа, его время, условія и послѣдствія, образъ и продолжительность, чуть не мѣстоположеніе его царствія,—все это въ высшей степени возбуждало любознательность и вызывало то напряженіе умственной дѣятельности, о которой свидѣтельствуютъ Посланія къ Ѳессалоникійцамъ. Когда покончили со спорами объ обязательности Закона и о взаимныхъ отношеніяхъ ветхаго Израиля и новоявленной церкви, личность ея Основателя въ свою очередь заняла умы. Какъ существовалъ Онъ раньше появленія въ міръ? Какое мѣсто отвести Ему между небожителями? Въ какихъ отношеніяхъ находился Онъ прежде и находится теперь къ тѣмъ таинственнымъ силамъ, которыя отчасти библейскія преданія, но особенно умо-

зрѣнія еврейскихъ школъ [1]) ставили между міромъ и безконечно совершеннымъ Существомъ?

Какъ эти, такъ и другіе вопросы вызывали разъясненія, которыя нарастали, наслаивались на первоначальное зерно христіанскаго ученія. Это то, что ап. Павелъ назвалъ надстройкой (ἐποικοδομή), изъ которой проистекаетъ высшее знаніе (ἐπίγνωσις). Онъ допускаетъ это дальнѣйшее развитіе религіознаго ученія и даже самъ усердно работаетъ въ этомъ направленіи. Но онъ не скрываетъ отъ себя, что есть разные способы развитія первоначальнаго ученія и что, подъ предлогомъ дополненія, его легко можно исказить [2]).

Это именно и случилось въ азійскихъ церквахъ, какъ доказываютъ посланія ап. Павла, обращенныя къ нимъ изъ римскаго заточенія. Я говорю о Посланіяхъ къ Ефесянамъ и Колоссянамъ. Первое имѣло, повидимому, характеръ окружнаго посланія, отдѣльные экземпляры котораго были разосланы въ разныя церкви. Оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ мѣстныхъ указаній. Напротивъ, въ Посланіи къ колоссянамъ точно названы тѣ, кому оно предназначалось. Его сопровождаетъ короткая записка, Посланіе къ Филимону.

Эти посланія переносятъ насъ въ пограничную область между Фригіей и старинными областями Лидіи и Каріи. Три крупныхъ города — Іераполь, Лаодикія, Колоссы—расположены были здѣсь на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга по долинѣ Лика. Павелъ лично не проповѣдывалъ въ этой части Азіи; однако его признавали здѣсь авторитетомъ, духовнымъ главою; вѣроятно онъ посылалъ сюда кого-либо изъ своихъ сотрудниковъ. Пока онъ былъ въ узахъ, его посѣтилъ Епафрасъ, одинъ изъ главныхъ церковныхъ дѣятелей этой области, и освѣдомилъ его о положеніи дѣлъ внутри этихъ общинъ. Павелъ рѣшилъ написать тѣ два посланія, о которыхъ я уже упоминалъ; приводимыя мною ниже извлеченія даютъ понятіе о догматическихъ затрудненіяхъ, волновавшихъ умы азійскихъ христіанъ.

Посл. къ Колоссян. I, 15—20: (Іисусъ Христосъ) „есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари; ибо Имъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Имъ

---

1) Послѣдователей раввинскихъ ученій.
2) I Корин. III, 11—16.

и для Него создано, и Онъ есть прежде всего и все Имъ стоитъ. И Онъ есть глава тѣла Церкви; Онъ начатокъ, первенецъ изъ мертвыхъ, дабы имѣть Ему во всемъ первенство: ибо благоугодно было Отцу, чтобы въ Немъ обитала всякая полнота, и чтобы посредствомъ Его примирить съ собою все, умиротворивъ чрезъ Него, кровью креста Его, и земное и небесное".

Посл. къ Колоссян. гл. II: „Желаю, чтобы вы знали, какой подвигъ имѣю я ради васъ и ради тѣхъ, которые въ Лаодикіи и Іераполѣ, и ради всѣхъ, кто не видѣлъ лица моего въ плоти. Дабы утѣшились сердца ихъ, соединенныя въ любви для всякаго богатства совершеннаго разумѣнія, для познанія тайны Бога и Отца и Христа, въ которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія. Это говорю я, *чтобы кто-нибудь не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами,* ибо хотя я и отсутствую тѣломъ, но духомъ нахожусь съ вами, радуясь и видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей во Христа. Посему какъ вы приняли Христа Іисуса Господа, такъ и ходите въ Немъ, будучи укоренены и утверждены въ Немъ и укрѣплены въ вѣрѣ, какъ вы научены, преуспѣвая въ ней съ благодареніемъ. *Смотрите братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіей и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу,* ибо въ немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно, и вы имѣете полноту въ Немъ, который есть глава всякаго начальства и власти; въ Немъ вы и обрѣзаны обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, совлеченіемъ грѣховнаго тѣла плоти, обрѣзаніемъ Христовымъ; бывши погребены съ Нимъ въ крещеніи, въ Немъ вы и совоскресли вѣрою въ силу Бога, который воскресилъ Его изъ мертвыхъ, и васъ, которые были мертвы во грѣхахъ и въ необрѣзаніи плоти вашей, оживилъ вмѣстѣ съ Нимъ, простивъ вамъ всѣ грѣхи, истребивъ рукописаніе постановленій на насъ, которое было противъ насъ и которое Онъ взялъ отъ среды и пригвоздилъ ко кресту, отнявъ силы у начальствъ и властей, властно подвергъ ихъ позору, восторжествовавъ надъ ними Собою.

Итакъ, никто да не осуждаетъ васъ за пищу или питіе, или за какой-нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу: это есть тѣнь будущаго, а тѣло во Христѣ. Никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ Ангеловъ, вторгаясь въ то, чего не видѣлъ, безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ и не держась главы, отъ которой все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо, растетъ возрастомъ Божіимъ. Итакъ, если вы со Христомъ умерли для стихій міра, то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій: не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся (это все истлѣваетъ отъ употребленія), — по заповѣдямъ и ученію человѣческому? — Это имѣетъ только видъ мудрости въ самовольномъ служеніи, смиренномудріи и изнуреніи тѣла, въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти".

Изъ этихъ текстовъ ясно, что люди, противъ которыхъ ополчался ап. Павелъ, стремились ввести: 1) соблюденіе праздниковъ, новомѣсячій и субботъ, 2) воздержаніе отъ извѣстныхъ видовъ пищи и обряды, выражавшіе смиреніе, 3) поклоненіе ангеламъ. Можетъ быть рѣчь шла еще объ обрѣзаніи (II, 11), на которое, повидимому, намекаетъ слово уничиженіе. Все это имѣетъ довольно большое сходство съ іудействомъ, но это уже не полемика Посланія къ Галатамъ. Рѣчь идетъ не о противоположности между вѣрой и Закономъ, но объ особыхъ обрядахъ, связанныхъ съ опредѣленнымъ ученіемъ, которое пытались установить въ качествѣ дальнѣйшаго развитія апостольской проповѣди.

За этой обрядностью вскрывается особая догматика, преобладающая черта которой—чрезвычайное значеніе, придаваемое ангеламъ [1]). Апостолъ Павелъ не вдается въ подробности, онъ скорѣе излагаетъ свое ученіе, чѣмъ разбираетъ ученіе противниковъ. Но настойчивость, съ какою онъ утверждаетъ, что все сотворено Іисусомъ Христомъ и ради Него, что ему принадлежитъ первое мѣсто въ дѣлѣ творенія и искупленія, ясно доказываетъ, что колосскіе учители старались умалить значеніе Спасителя въ глазахъ фригійскихъ христіанъ.. Дальше мы увидимъ, какъ еретическія ученія противополагали ангеловъ Богу, приписывали имъ созданіе міра и отвѣтственность за зло какъ нравственное, такъ и физи-

---

1) Ессеи придавали особую силу знанію именъ ангеловъ (Iosephus, *Bell. jud.*, 11, 8,7); они тоже подвергали себя разнаго рода аскетическимъ лишеніямъ. Хотя секта была связана съ опредѣленнымъ мѣстомъ, но были ессеи и внѣ Энгадди, по городамъ, гдѣ они жили среди другихъ евреевъ, соблюдая свои собственные обычаи. Поклоненіе ангеламъ возобновилось въ Азіи въ IV вѣкѣ и именно въ окрестностяхъ Лика. Знаменитое святилище Михаила Архангела въ Хоняхъ близъ древнихъ Колоссъ (Bonnet, *Narratio de miraculo a Michaele Archangelo Chonis patrato*; ср. *Bull. critique*, 1890, 441), можно отнести къ тому же времени. Лаодикійскій соборъ (правило 35) указываетъ на религіозные кружки, которые собирались въ честь ангеловъ и призывали ихъ по ихъ именамъ. Кромѣ трехъ ангеловъ, упоминаемыхъ въ Библіи, у евреевъ были извѣстны многіе другіе: Уріилъ, Іереміилъ и друг.

ческое. Здѣсь отношеніе между Богомъ и ангелами совсѣмъ иное. Ангелы не враги Божьи, ибо имъ воздается поклоненіе и въ нихъ видятъ завершителей дѣла спасенія, незаконченнаго Христомъ. Однако, эти посредники между Богомъ и міромъ, это различіе, полагаемое въ родѣ пищи, это приниженіе плоти—все это черты, которыя позволяютъ сближать лжеученія, которыя ап. Павелъ былъ вынужденъ искоренять въ Колосской церкви, съ идеями іудействующихъ гностическихъ сектъ, которыя вскорѣ передъ нами предстанутъ [1]).

Таково высшее знаніе, ἐπίγνωσις, которому учитъ апостолъ. Развитіе объективной вѣры представляетъ собою развитіе понятія о Христѣ. Нетрудно замѣтить, что выраженія, употребленныя въ этихъ посланіяхъ, не имѣютъ въ виду отношеній между Христомъ и его небеснымъ Отцомъ. Выраженіе „Слово“ не было произнесено; Павелъ въ немъ не нуждается, потому что его занимаетъ лишь отношеніе между Христомъ и тварью: Христа хотятъ низвести на степень ангела, апостолъ возвышаетъ Его надъ всякой тварью и не только отводитъ Ему первое мѣсто, но видитъ въ Немъ смыслъ, цѣль и виновника творенія.

Ученіе о церкви связано съ этимъ высокимъ понятіемъ о Христѣ [2]). Церковь есть совокупность существъ, на которыхъ простирается дѣло спасенія. Богъ распространяетъ его въ качествѣ безвозмезднаго дара на всѣхъ людей безъ различія происхожденія: на грековъ и іудеевъ, варваровъ и скиѳовъ, рабовъ и свободныхъ. Сложившаяся такимъ образомъ церковь все получила отъ Іисуса Христа: Онъ ея оправденіе, ея жизненное начало, глава, вождь. Онъ сошелъ съ неба, чтобы учредить ее, совершивъ на крестѣ дѣло спасенія; восшедши на небеса, Онъ продолжаетъ въ ней распространеніе и завершеніе Своего дѣла. Онъ установилъ въ ея лонѣ различныя степени церковнаго служенія—апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ, пастырей, учителей—съ тѣмъ, чтобы привлечь святыхъ къ общему дѣлу, въ священное зданіе, которое есть тѣло Христа. Дѣйствіемъ Христа, чрезъ посредство этихъ орудій, мы

---

1) Предполагаютъ иногда, что Павелъ имѣетъ здѣсь въ виду ересь гностиковъ, потому, что онъ говоритъ объ эонахъ и плеромѣ. Но здѣсь самъ Павелъ, а не его противники, употребляетъ эти термины и не въ томъ смыслѣ, какой они впослѣдствіи пріобрѣли у валентиніанъ. Гностики заимствовали у Павла эти названія, точно такъ же, какъ у Іоанна они взяли слова „Логосъ“ „Зоэ“ (жизнь) и проч.

2) Посл. къ Ефес. IV; ср. Посл. къ Колос. III, 11.

всѣ возрастаемъ въ единой вѣрѣ и познаніи, предметъ которыхъ все тотъ же Сынъ Божій, осуществляемъ свое призваніе, достигаемъ въ мѣру возраста мужа совершенна, которая есть обладаніе Христомъ во всей Его полнотѣ.

Такимъ образомъ въ церкви всякое ученіе проистекаетъ отъ Іисуса Христа, всякій успѣхъ въ знаніи происходитъ отъ Него и стремится къ лучшему познанію Его и Его *плеромы*, той полноты Божества, какая обитаетъ въ Немъ. Вся жизнь христіанина отъ Него исходитъ и къ Нему стремится; эта глубокая мысль нашла себѣ позднѣе образное выраженіе въ Альфѣ и Омегѣ св. Іоанна.

Опасность, угрожавшая этому развитію вѣроученія, заключалась въ суетныхъ мудрствованіяхъ лжеучителей; измѣнчивыя какъ вѣтеръ или случайности игры, порожденныя человѣческой испорченностью, они коварно вводили въ заблужденіе людей, еще не утвержденныхъ въ истинной вѣрѣ [1]). Павелъ намекаетъ даже, что эти теоріи, чуждыя преданію, клонились къ оправданію плотскихъ грѣховъ.

Дальнѣйшій ходъ событій болѣе, чѣмъ оправдалъ опасенія апостола. Правда, документы, которыми мы располагаемъ для оцѣнки этихъ первыхъ стадій въ развитіи ересей, переносятъ насъ ко времени, довольно далекому отъ той эпохи, когда Павелъ писалъ къ колоссянамъ; къ тому же они носятъ скорѣе полемическій, чѣмъ описательный характеръ. Изъ нихъ однако ясно вытекаетъ, что задолго до появленія знаменитыхъ гностическихъ школъ въ царствованіе Адріана, сходныя съ ними ученія проникали понемногу всюду, вызывая раздѣленіе между вѣрующими, извращая Евангеліе и стремясь превратить его въ своего рода оправданіе человѣческихъ слабостей.

О такомъ состояніи церкви свидѣтельствуютъ такъ называемыя Пастырскія посланія, изъ которыхъ два къ Тимоѳею, кажется, имѣютъ въ виду обстоятельства, происходившія въ Азіи. Личность проповѣдниковъ ересей не остается уже неизвѣстной какъ въ Посланіи къ Колоссянамъ; имена ихъ названы. Это—Гименей, Филетъ, Александръ. Они выдаютъ себя за учителей Закона; ихъ ученія—басни іудейскаго происхожденія; они обращаются къ умамъ слабымъ, любопытнымъ, мучимымъ страстною жаждой познанія, въ особенности къ женщинамъ, занимаютъ ихъ пустыми и хитрыми вопросами, миѳами, безконечными родословіями. Въ практической

---

1) *Ad Ephes.* IV. 17—24.

части ученія они внушали отвращеніе къ браку и къ нѣкоторымъ родамъ пищи. Что касается воскресенія, они считали его уже совершившимся, т.-е. не признавали иного воскресенія кромѣ нравственнаго. Помимо опасности, какой подвергалась сама вѣра въ собесѣдованіяхъ съ этими мнимыми учителями, здѣсь скрывался источникъ споровъ, ослабляющихъ узы любви.

Пастырскія посланія говорятъ намъ объ огорченіи св. Павла при видѣ столькихъ плевелъ въ его апостольской жатвѣ. Въ другихъ историческихъ памятникахъ, свидѣтельствующихъ объ ересяхъ и о заботахъ, какія онѣ возбуждали въ высшихъ руководителяхъ церкви, мы встрѣчаемъ не только печаль, но и негодованіе. Сюда относятся: посланіе ап. Іуды, II посланіе ап. Петра, Откровеніе св. Іоанна. Еретиковъ обличаютъ, какъ теоретиковъ безнравственности, которые превращаютъ божественную благодать, Евангеліе, въ орудіе похоти; ихъ ожидаютъ самыя страшныя наказанія отъ праведнаго суда Божьяго. Здѣсь опять идетъ рѣчь объ утонченныхъ миѳахъ, искусно составленныхъ; другія подробности тоже вызываютъ порицаніе, но оно отличается болѣе энергіей, чѣмъ ясностью.

Въ семи посланіяхъ, которыми начинается Откровеніе, св. Іоаннъ также говоритъ съ большимъ возбужденіемъ. Въ азійскихъ церквахъ свирѣпствуетъ пропаганда, ведущая къ безнравственности; она разрѣшаетъ блудъ и употребленіе въ пищу идоложертвеннаго мяса. Ученіе, связанное съ этой распущенной моралью, не излагается совсѣмъ; оно только охарактеризовано сильнымъ выраженіемъ: „глубинъ сатанинскихъ“. Лжеучители выдаютъ себя за апостоловъ,—а они не таковы; почитаютъ себя іудеями, но они—„сборище сатанинское“. Дважды [1]) они названы по имени: это—Николаиты.

Конечно не по такимъ свѣдѣніямъ можно составить себѣ ясное понятіе объ ересяхъ, распространенныхъ въ Азіи во времена Апокалипсиса; преданіе тоже не проливаетъ на это никакого свѣта. Св. Ириней знаетъ объ ереси Николаитовъ [2]) только изъ текста Апокалипсиса; онъ подводитъ итогъ сказанному о нихъ тамъ словами: indiscrete vivunt (живутъ безпорядочно). Климентъ Александрійскій освѣдомленъ столь же мало. Однако оба автора единогласно связываютъ секту николаитовъ съ именемъ діакона Николая, упоминаемаго въ Дѣяніяхъ апостоловъ [1]); но это отнюдь не доказано [2]).

[1]) II, 6, 14.

[2]) Irenaeus, I, 26; III, 11, Clemens, *Strom*, II, 118; III, 25, 26. Описаніе Ипполита (Pseudo-Tert., 48; Epiph.; 25, 26; Philastr., 33; Photius, cod. 232) относится къ ученію офитовъ.

Николаиты не единственные еретики, которыхъ встрѣчалъ авторъ Откровенія. Поликарпъ разсказывалъ, что Іоаннъ, ученикъ Господа, войдя однажды въ Ефесѣ въ баню и, увидѣвъ тамъ нѣкоего Керинѳа, тотчасъ же вышелъ, говоря: „бѣжимъ отсюда, зданіе можетъ обрушиться, ибо въ немъ находится Керинѳъ, врагъ истины“ [3]). Св. Ириней, сохранившій намъ этотъ разсказъ Поликарпа, сообщаетъ [4]) нѣкоторыя подробности объ ученіи Керинѳа, а св. Ипполитъ добавляетъ [5]) нѣсколько чертъ къ его изложенію. Изъ ихъ словъ видно, что Керинѳъ былъ въ общемъ іудейскій учитель, преданный соблюденію субботы, обрѣзанію и другимъ обрядамъ. Какъ и палестинскіе эвіониты, онъ училъ, что Іисусъ былъ сынъ Іосифа и Маріи, что Богъ (ἡ ὑπὲρ τὰ ὅλα αὐθεντία) слишкомъ высоко паритъ надъ міромъ, чтобы заниматься имъ иначе, какъ чрезъ посредниковъ. Одинъ ангелъ сотворилъ вселенную, другой далъ Законъ; этотъ послѣдній есть Богъ іудеевъ. Оба они настолько ниже Верховнаго Существа, что не имѣютъ о немъ никакого понятія. Во время крещенія Іисуса божественная сила, исходящая отъ Верховнаго Божества,—Христосъ (по Иринею), Святой Духъ (по Ипполиту)—сошелъ на Него и обиталъ въ Немъ до начала Его страданій [6]).

Лѣтъ двадцать спустя послѣ появленія Апокалипсиса, чрезъ провинцію Азію спѣшно проводили Игнатія, еп. Антіохійскаго, приговореннаго къ смерти за исповѣданіе христіанской вѣры и осуж-

[1]) Дѣянія, VI, 5; это былъ одинъ изъ семи первыхъ діаконовъ: „И Николая антіохійца, обращеннаго изъ язычниковъ“; никакихъ дальнѣйшихъ подробностей не имѣется. Климентъ, свидѣтельствуя о безнравственности секты, снимаетъ это обвиненіе съ Николая, о которомъ онъ передаетъ слѣдующій разсказъ. Николай имѣлъ любовницу, въ которую былъ чрезвычайно влюбленъ. Когда апостолы упрекнули его въ этомъ, онъ привелъ ее въ собраніе и предложилъ уступить ее желающему. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ съ своей единственной женой, отъ которой имѣлъ сына образцоваго поведенія и дочерей, оставшихся дѣвственницами. Его правиломъ было—изнурять плоть (Παραχρῆσθαι τῇ σαρκί пренебрегать, злоупотреблять плотію). Также выражается и евангелистъ Матѳей. Для нихъ эти слова имѣли аскетическій смыслъ, но сектанты толковали ихъ въ безнравственномъ смыслѣ.

[2]) Harnack, *Chronologie* s. 536 Anm.

[3]) Irenaeus, *Haer.*, III, 3, ср. Eusebius, IV, 14.

[4]) *Haer.*, I, 26.

[5]) Въ изображеніи Pseudo-Tert. 48; Epiph., 28; Philastr., 36. *Philosophumena* (VII, 33) лишь воспроизводятъ слова св. Иринея.

[6]) По словамъ Ипполита, Керинѳъ училъ, что Іисусъ еще не воскресъ, но воскреснетъ съ другими праведниками. Это неправдоподобное утвержденіе опровергается свидѣтельствомъ св. Иринея.

деннаго на растерзаніе дикими звѣрями въ Римѣ. Въ посланіяхъ, которыя ему удалось написать нѣкоторымъ церквамъ этой области, онъ въ свою очередь касается положенія догматическихъ вопросовъ и предостерегаетъ вѣрующихъ отъ распространяемыхъ среди нихъ ересей.

Что прежде всего поражаетъ его, — это склонность къ партійности и къ расколу. Въ Филадельфіи онъ собственными глазами видѣлъ собранія еретиковъ.

„Нѣкоторые изъ нихъ [1]) хотѣли обмануть меня по слабости плоти моей, но Духъ не впадаетъ въ заблужденіе, ибо Онъ отъ Бога. Онъ знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ, и разоблачаетъ все тайное. Я вскричалъ среди ихъ рѣчей, вскричалъ громкимъ голосомъ: держитесь епископа, пресвитеровъ и діаконовъ. Нѣкоторые изъ нихъ подумали, что я говорю такъ потому, что знаю объ ихъ раздѣленіи, но—свидѣтель мнѣ Тотъ, ради Кого я ношу цѣпи,—не плоть, не человѣкъ открыли мнѣ это. Духъ гласитъ и поучаетъ: не дѣлайте ничего безъ епископа, блюдите вашу плоть, какъ храмъ Божій, любите согласіе, бѣгите раздоровъ, подражайте Іисусу Христу, какъ и Онъ Отцу“.

Собранія эти созывались по почину странствующихъ проповѣдниковъ, которые ходили изъ города въ городъ, сѣя плевелы. Имъ не всегда это удавалось. Такъ, по дорогѣ изъ Филадельфіи въ Смирну, Игнатій встрѣтилъ еретическихъ проповѣдниковъ, возвращавшихся изъ Ефеса, гдѣ они не имѣли никакого успѣха [2]). По всей вѣроятности, Игнатій зналъ этихъ еретиковъ до своего прибытія въ Азію и старался предостеречь здѣшнія церкви противъ новаго для нихъ врага, къ которому самъ онъ уже привыкъ.

Ученіе, которое внушали слушателямъ на этихъ собраніяхъ, прежде всего клеймится названіемъ іудейства. Конечно, рѣчь идетъ уже не о простой іудейской приверженности къ Закону, а объ умозрѣніяхъ, въ которыхъ сплетаются три элемента: обрядовый законъ, Евангеліе и фантазіи, чуждыя тому и другому. Іудейскіе обряды, которые раньше отстаивались ради ихъ собственной цѣнности, и какъ средство спасенія, теперь служатъ указаніемъ, внѣшней оболочкой для довольно странныхъ религіозныхъ ученій. Игнатій часто возвращается къ соблюденію субботы, обрѣзанію и инымъ обрядамъ, которые онъ считаетъ устарѣлыми. Онъ настаиваетъ на

---

1) *Ad Philadelph.* VII.
2) *Ad Ephes.* IX.

авторитетѣ Новаго Завѣта и пророковъ: эти послѣдніе связаны съ Евангеліемъ и косвенно противополагаются Закону.

Христологія еретиковъ,—единственная часть ихъ ученія, о которой имѣются ясныя указанія,—носитъ характеръ докетизма. „Будьте глухи [1]), когда вамъ разсказываютъ о чемъ-либо помимо Христа, потомка Давидова, сына Маріи, который дѣйствительно родился, который вкушалъ пищу и питье, былъ дѣйствительно гонимъ при Понтіѣ Пилатѣ, дѣйствительно распятъ, который дѣйствительно умеръ предъ лицомъ неба, земли и преисподней, который дѣйствительно воскресъ силою Бога Отца.... [2]). Если Онъ страдалъ только по видимости, какъ это утверждаютъ нѣкоторые безбожники, т.-е. невѣрующіе, которые сами живутъ только по видимости, то-зачѣмъ я въ оковахъ? Почему жажду я бороться съ звѣрями? Напрасно ли я умру“? Эти выраженія относятся не только къ дѣйствительности смерти и воскресенія Спасителя; они обнимаютъ всю земную жизнь Его. Они имѣютъ въ виду не ученіе Керинѳа, которое можно назвать докетизмомъ въ несобственномъ смыслѣ, но настоящій докетизмъ, напр. Сатурнила и Маркіона, для которыхъ Іисусъ Христосъ во все время земной жизни имѣлъ лишь видимость плоти.

На счетъ эсхатологіи (ученія о концѣ міра) нѣтъ указаній, но настойчивость, съ какою Игнатій подчеркиваетъ дѣйствительность воскресенія Христа и надежду на личное воскресеніе, заставляетъ думать, что еретики отвергали также вѣру въ воскресеніе плоти [3]). Это отрицаніе лишало христіанскую мораль самой вѣской санкціи. Слова Посланія къ филадельфійцамъ: „блюдите ваше тѣло, какъ храмъ Божій“—даютъ поводъ думать, что новыя ученія вели къ безнравственности, однако этотъ доводъ слишкомъ слабъ. Новые еретики подвергаютъ церковь опасности не столько своей распущенностью, сколько духомъ партійности.

Ученіе, которое св. Игнатій противополагаетъ этой незаконной проповѣди, слабо развито въ его посланіяхъ. По его мнѣнію Ветхій Завѣтъ былъ истинной, хотя несовершенной религіей; теперь онъ отмѣненъ. Мученикъ Игнатій не превращаетъ его въ рядъ

---

1) *Ad Trall.* IX, X.
2) Слѣдуетъ замѣтить сходство со вторымъ членомъ апостольскаго символа вѣры.
3) Ср. *Polycarp. Ad Philipp.* VII: „Тотъ, кто не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти,—антихристъ; кто не вѣритъ свидѣтельству креста, тотъ отъ діавола, кто искажаетъ слова Господни въ духѣ своихъ страстей и говоритъ, что не будетъ ни воскресенія, ни суда, тотъ первородный сынъ сатаны“.

иносказаній [1]), но видитъ въ немъ введеніе къ Евангелію. Христологія Игнатія представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ чертъ. Іисусъ Христосъ воистину Богъ и воистину человѣкъ: „Богъ Нашъ [2]), Іисусъ Христосъ, по устроенію Божію былъ зачатъ во чревѣ Маріи изъ сѣмени Давида, но отъ Святаго Духа; Онъ родился и крестился, чтобы Своимъ страданіемъ очистить и воду“. Игнатій рѣшительно настаиваетъ на Его бытіи до воплощенія: „Одинъ есть только врачъ [3]) тѣлесный и духовный, рожденный и нерожденный, Богъ во плоти, въ смерти истинная жизнь, отъ Маріи и отъ Бога, сперва подверженный, а потомъ неподверженный страданію, Господь нашъ Іисусъ Христосъ“. Ученіе о Словѣ Божіемъ также извѣстно св. Игнатію: „Одинъ есть Богъ, явившій себя чрезъ Іисуса Христа, Сына Своего, Который есть Его Слово, произнесенное послѣ молчанія [4]), Который во всемъ благоугодилъ Пославшему Его“. Это явленіе во времени не мѣшаетъ Іисусу Христу быть внѣ и выше времени, существовать прежде всѣхъ вѣкъ у Бога Отца [5]).

Въ это отдаленное время ереси выростали на почвѣ еврейскаго мозаизма. Всѣ лжеучители—это законники, преданные обрѣзанію, субботѣ и инымъ обрядамъ. Но они учили не только объ обязательности Закона: ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ простодушными іерусалимскими книжниками и ихъ учениками-фарисеями, поглощенными каноническимъ правомъ и толкованіями къ нему. Они—настоящіе богословы, которые широко пользуются сравнительнымъ равнодушіемъ своихъ единовѣрцевъ ко всему, что не касается соблюденія Закона, чтобы предаваться своимъ ученымъ фантазіямъ. Но они не ограничиваются и этимъ. Къ безъ того уже мелочнымъ Моисеевымъ обрядамъ они присоединяютъ еще рѣзко выраженный аскетизмъ, дѣвство, питаніе одной растительной пищей и воздержаніе

[1]) Какъ напр. Pseudo-Barnabas.
[2]) *Ad Ephes.*, XVIII.
[3]) Тамъ же VII.
[4]) *Ad Magnes.* VIII. Въ древнихъ изданіяхъ было сказано: ὅς ἐστιν αὐτοῦ Λόγος ἀΐδιος, οὐκ ἀπὸ σιγῆς προελθών (Который есть Его предвѣчное Слово, не изъ молчанія происшедшее). Св. Игнатій, повидимому, опровергаетъ здѣсь валентиніанство, по которому Слово дѣйствительно исходитъ изъ Молчанія (σιγή), супруги вѣчной Глубины. Этимъ пользовались, какъ аргументомъ противъ подлинности этого посланія и остальныхъ. Но Цанъ доказалъ (*P P. apost.*, II, 36), что словъ ἀΐδιος οὐκ нѣтъ въ самыхъ надежныхъ спискахъ. Они представляютъ вставку той эпохи, когда Προέλευσις (исхожденіе) Слова во времени было отвергнуто и осуждено православными богословами. Но это ученіе долго пользовалось популярностью, какъ видно будетъ далѣе.
[5]) *Ad Polycarp.* III; *Ad Magnes.* VI.

отъ вина. Тѣ изъ нихъ, которые приняли христіанство, связываютъ съ своими „іудейскими баснями“ новыя данныя, внесенныя Евангеліемъ, и стараются внушить ихъ новообращеннымъ вмѣстѣ съ своими правилами строгой жизни. Въ общемъ то были—іудействующіе гностики, которые въ первоначальной церкви предшествовали вторженію философскаго гностицизма.

ГЛАВА VII.

Епископская власть.

Угроза христіанскому братству со стороны ереси.—Необходимость іерархіи.— Положеніе ея въ Іерусалимѣ и Антіохіи.- Устройство церкви во времена Ап. Павла —Совѣтъ епископовъ, діаконы.—Единоличный епископатъ, его происхожденіе. — Кажущееся противорѣчіе между епископатомъ единоличнымъ и коллегіальнымъ.

Большинство историческихъ памятниковъ, на которые мы до сихъ поръ ссылались, говорятъ объ азійскихъ церквахъ; но можно думать, что таково же было положеніе почти всюду. Оно было очень серьезно. Былъ поставленъ вопросъ, останется ли христіанство вѣрно Евангелію, или первоначальная простая проповѣдь будетъ поглощена приливомъ чуждыхъ ей доктринъ. Неужели эта чистая религія, унаслѣдовавшая все, что было лучшаго въ Израилѣ, эта здоровая нравственность, это довѣрчивое, спокойное благочестіе,—неужели все это будетъ отдано безъ защиты въ жертву пропагандистамъ всякихъ причудливыхъ ученій и безнравственнымъ шарлатанамъ? Послѣдніе были многочисленны и разнообразны; они перебѣгали отъ одной церкви къ другой подъ видомъ пророковъ или апостоловъ, ссылаясь на Ветхій Завѣтъ, на авторитетъ Евангелія, преувеличивая значеніе соображеній своей туманной философіи, способной сбить съ толку простодушныхъ людей.

Какъ оградиться отъ нихъ? Въ эту первую эпоху церковь еще не располагала ни вполнѣ опредѣлившимся канономъ священнаго Писанія, ни общепризнаннымъ символомъ вѣры, ни даже твердо установленной духовной властью, которая была бы увѣрена въ себѣ и опиралась на прочную традицію. Въ христіанскихъ собраніяхъ слово также свободно предоставлялось каждому, какъ и въ синагогахъ; если рѣчи принимали нежелательный оборотъ, председателю собранія было конечно не трудно остановить оратора, но если бы онъ сталъ сопротивляться, если бы затѣялъ споръ, что можно было бы возражать людямъ, которые ссылались на авторитетъ

или великихъ восточныхъ апостоловъ, или ученыхъ законниковъ, или даже на Святаго Духа и на Него въ особенности? Мы видѣли, какъ трудно было ап. Павлу ввести въ границы вдохновеніе своихъ коринѳянъ. А какъ помѣшать проповѣди внѣ собраній общины, образованію кружковъ, вслѣдствіе котораго, даже помимо догматическихъ заблужденій, распадался братскій союзъ первыхъ дней?

Оставался лишь одинъ выходъ, это—усилить въ мѣстной общинѣ власть объединяющихъ и руководящихъ органовъ. Поэтому неудивительно, что самые древніе памятники, касающіеся ересей, въ то же время являются самыми древними свидѣтельствами о развитіи церковной іерархіи. Пастырскія посланія подробно останавливаются на выборѣ пресвитеровъ или епископовъ, на ихъ обязанностяхъ и дѣлахъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію; эти же вопросы являются почти единственной темой посланій св. Игнатія. Поэтому намъ слѣдуетъ теперь поближе ознакомиться съ происхожденіемъ іерархическаго управленія въ христіанскомъ обществѣ.

Мы видѣли, что первоначальная община въ Іерусалимѣ находилась сперва подъ руководствомъ двѣнадцати апостоловъ съ Петромъ во главѣ. Совѣтъ старѣйшинъ, *пресвитеровъ*, и коллегія изъ семи діаконовъ дополняли эту организацію. Позднѣе, „братъ Господень“, Іаковъ, стоитъ наряду съ апостолами, раздѣляя съ ними высшую власть въ церкви. Послѣ ихъ разсѣянія онъ одинъ замѣстилъ ихъ и сталъ главой мѣстной церкви. По смерти его (61 г.), ему назначили въ преемники тоже родственника Господа, Симеона, который дожилъ приблизительно до 110 г. Эта іерусалимская іерархія представляетъ намъ точь-въ-точь тѣ же степени, которыя впослѣдствіи были приняты всюду.

О второй, антіохійской, общинѣ мы менѣе освѣдомлены. Во главѣ ея мы видимъ сперва кругъ, въ составъ котораго входятъ или апостолы, или носители Духа (харизматики). Затѣмъ, все покрывается мракомъ вплоть до царствованія Траяна. Къ этому времени антіохійская церковь управлялась уже такъ, какъ и Іерусалимская. Епископъ Игнатій занималъ такое же положеніе, какъ Симеонъ въ Іерусалимѣ. Иногда онъ титулуется епископомъ не антіохійскимъ, а сирійскимъ [1], откуда можно заключить, что въ этихъ странахъ тогда существовали только двѣ отдѣльныя церкви: Іерусалимская для христіанъ изъ іудеевъ и Антіохійская для сирійскихъ эллинистовъ. При сирійскомъ епископѣ, какъ и при

---

1) *Ad Roman.* II и IX, *Ad Magnes.* XIV, *Ad Trall.* XIII.

іерусалимскомъ, состояли пресвитеры и діаконы. Преданіе сохранило имя одного изъ предшественниковъ Игнатія, Эвода. Чрезъ его посредство іерархія связывала себя съ апостольскимъ вѣкомъ.

Во время своихъ благовѣстническихъ путешествій ап. Павелъ не могъ не заложить въ основанныхъ имъ общинахъ начатка церковной организаціи; авторъ книги Дѣяній [1]) именно такъ и представляетъ дѣло, разсказывая какъ апостолъ ставилъ по всѣмъ городамъ *пресвитеровъ*. Однако эти мѣстные руководители церкви рѣдко упоминаются въ его посланіяхъ. Въ самыхъ раннихъ посланіяхъ говорится больше объ отдѣльныхъ служеніяхъ власти, чѣмъ о твердо установленныхъ должностяхъ[2]), а тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о нихъ, вниманіе обращено болѣе на странствующее вселенское апостольство, чѣмъ на мѣстное управленіе. Такъ, Посланіе къ Ефесянамъ [3]) перечисляетъ одновременно апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ, пастырей и учителей; не всѣ эти наименованія имѣютъ свой спеціальный смыслъ, а три первыя не относятся къ мѣстной организаціи церкви. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы носители церковнаго сана среди новообращенныхъ могли имѣть въ глазахъ апостоловъ большое значеніе. Всѣ они были недавно обращены и едва отстали отъ язычества; истинными главами церкви все еще были непосредственные провозвѣстники Евангелія.

Однако составъ церковнаго управленія уже былъ на-лицо, назывался даже тѣми самыми именами, которыя впослѣдствіи остались въ употребленіи. Въ надписаніи своего Посланія къ Филиппійцамъ, написаннаго ок. 63 г., ап. Павелъ обращается къ „святымъ во Христѣ Іисусѣ, находящимся въ Филиппахъ, съ епископами и діаконами“. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, по дорогѣ въ Іерусалимъ, онъ созвалъ „пресвитеровъ“ Ефеса и поручилъ ихъ заботамъ юную церковь, гдѣ Св. Духъ поставилъ ихъ „епископами“ [4]). Уже отсюда видно, что между пресвитерами и епископами

1) XIV, 23.

2) I Ѳессал. V, 12, 13: *τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν καὶ προϊσταμένους ὑμῶν ἐν Κυρίῳ καὶ νουθετοῦντας ὑμᾶς*; (трудящихся у васъ, и предстоятелей вашихъ въ Господѣ и вразумляющихъ васъ). I Кор., XII, 28: *κυβερνήσεις, ἀντιλήψεις* (управленія, вспоможенія).

3) IV, 11: *τοὺς μὲν ἀποστόλους, τοὺς δὲ προφήτας, τους δὲ εὐαγγελιστάς, τοὺς δὲ ποιμένας καὶ διδασκάλους* (однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями).

4) Дѣянія, XX. Рѣчь по формѣ выраженія, очевидно, принадлежитъ автору Дѣяній, но не подлежитъ сомнѣнію, что ап. Павелъ поручилъ ефесскую общину тѣмъ пресвитерамъ или епископамъ, которыхъ онъ тамъ поставилъ.

не дѣлали различія и что управленіе церковью было коллегіальнымъ. Ефесская церковь, какъ и Филиппійская, находилась подъ руководствомъ группы лицъ, которыя были въ то же время пресвитерами и епископами.

Этотъ порядокъ, или, если угодно, этотъ способъ выраженія продержался весьма долго. По посланіямъ ап. Петра и ап. Іакова[1]), мѣстная церковь находилась подъ руководствомъ „пресвитеровъ“, въ Пастырскихъ посланіяхъ, отводящихъ столько мѣста избранію и обязанностямъ церковныхъ властей, они именуются то пресвитерами, то епископами. Посланіе св. Климента (около 97 г.), имѣющее здѣсь весьма важное значеніе, такъ какъ оно было написано по поводу споровъ о церковной іерархіи, рисуетъ намъ мѣстную церковь подъ управленіемъ епископовъ и діаконовъ. То же видимъ мы и въ недавно открытомъ Ученіи XII апостоловъ. Терминологія здѣсь та же, что и въ Посланіи къ Филиппійцамъ. Около 115 г. Филиппійская церковь получила посланіе отъ Поликарпа, еп. Смирнскаго; въ немъ рѣчь идетъ лишь о пресвитерахъ и діаконахъ [2]). Ермъ[3]) такъ же говоритъ о римской церкви своего времени; то же можно сказать о II посланіи Климента, римскомъ или коринѳскомъ памятникѣ, современномъ Ерму. Эти послѣднія произведенія доводятъ насъ приблизительно до половины II вѣка.

Много спорили объ этихъ свидѣтельствахъ и объ ихъ видимомъ противорѣчіи съ преданіемъ, согласно которому единоличная епископская власть восходитъ къ самому возникновенію церкви и является въ іерархическомъ строѣ носительницей апостольскаго преданія. Мнѣ кажется, что вѣрность преданія менѣе затронута въ этомъ вопросѣ, чѣмъ утверждаютъ, лишь бы его ставили просто, безъ придирокъ и предвзятости. Что епископъ является преемникомъ апостоловъ, это—мысль, которая въ точности соотвѣтствуетъ совокупности извѣстныхъ фактовъ. Первыя христіанскія общины находились сперва подъ руководствомъ апостоловъ разныхъ степеней, которымъ они были обязаны своимъ основаніемъ, а также и другихъ членовъ изъ среды проповѣдниковъ Евангелія. Такъ какъ всѣ эти проповѣдники согласно своему назначенію были людьми странствующими и работающими въ разныхъ мѣстахъ, то основатели церквей вскорѣ стали поручать спеціально подгото-

1) I посл. ап. Петра V, 1—5, Іаков. V, 14.

2) V, VI.

3) Vis. III, 5, 1; Sim. IX, 27. Онъ тоже употребляетъ названіе епископа, но въ общемъ смыслѣ безъ отношенія къ собственной церкви.

вленнымъ и болѣе почтеннымъ изъ новообращенныхъ отправленіе постоянныхъ обязанностей, необходимыхъ для ежедневной жизни общины: совершеніе евхаристіи, проповѣдь, подготовленіе къ крещенію, предсѣдательство на собраніяхъ, управленіе имуществомъ общины. Рано или поздно миссіонеры вынуждены были предоставить эти молодыя общины самимъ себѣ; и управленіе ими перешло тогда всецѣло къ руководителямъ, вышедшимъ изъ ихъ собственной среды[1]). Стоялъ ли во главѣ одинъ или нѣсколько епископовъ, епископство являлось наслѣдіемъ апостоловъ. Не менѣе очевидно и то, что чрезъ апостоловъ, учредившихъ ее, эта іерархія восходила къ моменту возникновенія церкви и получила свои полномочія отъ тѣхъ, кому Іисусъ Христосъ ввѣрилъ Свое дѣло.

Но можно пойти еще далѣе и доказать, что хотя единоличная епископская власть въ извѣстныхъ отношеніяхъ представляетъ позднѣйшую стадію развитія церковной іерархіи, однако она, насколько можно судить, не чужда первоначальнымъ учрежденіямъ.

Во-первыхъ, лучшимъ примѣромъ послѣднихъ является устройство родоначальной церкви въ Іерусалимѣ, гдѣ тотчасъ же послѣ того, какъ апостолы разошлись, было введено единоличное управленіе. Есть основанія думать, что монархическій епископатъ съ начала II вѣка сталъ традиціоннымъ и въ антіохійской церкви, когда Игнатій сообщилъ ему такой блескъ. Въ своихъ посланіяхъ къ разнымъ азійскимъ церквамъ онъ очень настойчиво совѣтуетъ держаться епископа, главы мѣстной церкви, чтобы устоять противъ натиска ересей. Именно вслѣдствіе этого свидѣтельства объ учрежденіи епископской власти, подлинность его посланій такъ долго подвергалась сомнѣнію въ извѣстныхъ кругахъ. Но Игнатій говоритъ о единоличномъ епископствѣ не какъ о новомъ учрежденіи; если онъ призываетъ вѣрныхъ въ Азіи тѣсно сомкнуться около епископа, то съ неменьшей настойчивостью говоритъ онъ и о другихъ степеняхъ іерархіи. Его наставленія сводятся къ слѣдующему: „сплотитесь вокругъ вашихъ духовныхъ начальниковъ“. То обстоятельство, что эти начальники представляютъ собою скорѣе трехстепенную, чѣмъ двухстепенную іерархію, не имѣетъ большого значенія въ ходѣ его разсужденій; но онъ говоритъ объ этомъ, какъ о

---

[1]) Возможно, что, какъ думаетъ Гарнакъ (*Texte und Unters.* XV, Heft. 3), два маленькихъ посланія II и III Іоан. сохранили намъ воспоминаніе объ этой перемѣнѣ и столкновеніяхъ, которыя она вызвала кое-гдѣ.

существующемъ фактѣ, традиціонномъ и никѣмъ неоспариваемомъ; ему не было нужды рекомендовать его [1]).

Такимъ же точно неоспоримымъ традиціоннымъ учрежденіемъ является единоличная епископская власть въ половинѣ II вѣка въ западныхъ христіанскихъ общинахъ, въ Римѣ, въ Ліонѣ, въ Коринѳѣ, въ Аѳинахъ, на островѣ Критѣ, какъ и въ болѣе восточныхъ областяхъ. Нигдѣ нѣтъ и слѣда протеста противъ внезапнаго и такъ сказать революціоннаго переворота, который бы превратилъ общинную власть изъ коллегіальной въ монархическую. Уже въ то время была возможность, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прослѣдить цѣпь епископовъ съ апостольскихъ временъ. Егезиппъ, совершившій длинное путешествіе и побывавшій въ различныхъ церквахъ, нашелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ списки епископовъ или самъ составилъ ихъ по мѣстнымъ документамъ и воспоминаніямъ. Преемственный рядъ римскихъ епископовъ извѣстенъ намъ чрезъ св. Иринея, аѳинскихъ—чрезъ св. Діонисія Коринѳскаго: первый начинается именами апостоловъ Петра и Павла, второй именемъ Діонисія Ареопагита. Въ Римѣ послѣдовательность епископовъ была извѣстна такъ хорошо и такъ точно установлена хронологически, что по ней исчислялось время другихъ событій. Говорили объ ересяхъ, появившихся въ епископство Аникиты, Пія, Игина. Въ полемикѣ, возникшей по поводу празднованія Пасхи, Ириней пользуется тѣми же хронологическими датами, восходя еще далѣе—до Телесфора и Сикста I, т.-е. до временъ Траяна и св. Игнатія [2]).

---

[1]) Если бы мы яснѣе понимали смыслъ „ангеловъ“ азійскихъ церквей, о которыхъ идетъ рѣчь въ началѣ Апокалипсиса, можетъ быть слѣдовало бы видѣть въ нихъ символическое обозначеніе епископовъ этихъ церквей, и это было бы совсѣмъ неудивительно, потому что между Апокалипсисомъ и посланіями Игнатія не прошло и двадцати лѣтъ. Однако это толкованіе не вполнѣ достовѣрно.

[2]) Впечатлѣніе, получаемое отъ этой хронологіи, имѣло бы не столь важное значеніе,—хотя все же сохранило бы свою силу,—если бы мы признали съ Гарнакомъ (*Chronologie*, t. I, 158 и сл.), что все это лѣтосчисленіе взято изъ маленькой хроники римскихъ епископовъ, временъ Марка Аврелія, которою будто бы пользовался св. Ириней и разные послѣдующіе хронологи и историки ересей. Но существованіе этого первичнаго Liber pontificalis далеко не доказывается тѣми доводами, которые приводятся въ пользу него, и было бы очень неосторожно разсуждать, опираясь на такой сомнительный документъ. Даже допустивъ дѣйствительное существованіе текста, который Гарнаку, по его мнѣнію, удалось возстановить, надо было бы еще объяснить, какимъ образомъ, если Римъ не имѣлъ (единоличныхъ) епископовъ раньше Аникиты, можно было черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти послѣдняго представить его преемникомъ цѣлаго ряда епископовъ и увѣрить въ этомъ какъ мѣстныхъ читателей, для которыхъ была очевидно предназначена эта хроника,

Что можно заключить изъ этого, какъ не то, что единоличная епископская власть существовала уже въ странахъ, расположенныхъ къ западу отъ Азіи, въ тѣ времена, когда были написаны и „Пастырь“ Ерма, и Бесѣда, извѣстная съ именемъ Климента, и Ученіе XII апостоловъ, и посланіе св. Климента, и что, слѣдовательно, свидѣтельство этихъ древнихъ памятниковъ о коллегіальномъ епископатѣ нисколько не исключаетъ единоличнаго? Въ концѣ II вѣка авторъ Мураторіева фрагмента говоритъ, что Ермъ составилъ свое произведеніе весьма недавно, въ бытность брата его, Пія, епископомъ римской церкви: nuperrime temporibus nostris, sedente cathetra (sic) urbis Romae ecclesiae Pio episcopo fratre eius. Итакъ, Ермъ какъ будто знакомъ только съ коллегіальнымъ епископатомъ, а между тѣмъ онъ писалъ во время управленія единоличнаго епископа, которымъ былъ его родной братъ. Во времена императора Коммода одинъ учитель—модалистъ [1]) неоднократно появлялся передъ церковными властями въ Смирнѣ. Ипполитъ, разсказывая объ этомъ [2]), употребляетъ здѣсь выраженіе „пресвитеры“. Между тѣмъ несомнѣнно, что въ Смирнѣ въ то время былъ одинъ епископъ.

Впрочемъ, на коллегіальное епископство, съ котораго вѣроятно началась во многихъ мѣстахъ организація церкви, нельзя было смотрѣть какъ на законченное учрежденіе; оно должно было преобразоваться уже очень скоро. Посредствомъ комиссіи можно управлять только въ томъ случаѣ, если она находится подъ предсѣдательствомъ одного начальника, который держитъ ее въ рукахъ, вдохновляетъ, направляетъ и дѣйствуетъ за нее. Вѣроятно, въ эти древнѣйшія времена коллегіи епископовъ наряду съ своими предсѣдателями не имѣли болѣе значенія, чѣмъ нынѣшніе каноники (епархіальные совѣты) наряду съ своими епископами. Судя по нѣкоторымъ довольно смутнымъ воспоминаніямъ, удержавшимся въ преданіи, они довольно долго сохраняли за собой право посвященія, что теперь составляетъ отличительную принадлежность епископской власти. Александрійскіе пресвитеры по смерти своего епископа приступали къ замѣщенію его должности, не только избирая ему

такъ и людей, въ родѣ Егезиппа, Иринея, Тертулліана, Ипполита, стоявшихъ достаточно въ курсѣ дѣла, чтобы быть хорошо освѣдомленными.

1) Модалисты учили, что Лица св. Троицы представляютъ лишь разныя формы, *модусы*, проявленія единаго Божества: такъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ оно проявилось въ лицѣ Бога Отца, въ Новомъ въ формѣ Сына, потомъ Св. Духа. Это ученіе было отвергнуто церковью, какъ еретическое въ III вѣкѣ. Пр. пер.

2) *Adv. Noetum*, I.

преемника, но и посвящая его [1]). Такое положеніе вещей создалось, очевидно, въ то время, когда въ Египтѣ не было иной церкви, кромѣ александрійской; не было бы ничего удивительнаго, если бы одинаковое положеніе привело къ тѣмъ же послѣдствіямъ въ Антіохіи, Римѣ, Ліонѣ,—вездѣ, гдѣ мѣстныя церкви имѣли въ своемъ вѣдѣніи очень обширную область.

Можно объяснить себѣ также обычай называть однимъ именемъ и руководителя, и его совѣтниковъ. Мы сами говоримъ о клирѣ, о священникахъ, приходѣ, хотя между настоятелемъ церкви и младшими священниками есть значительная разница въ степени власти. Точно также можно было, говоря о римскихъ пресвитерахъ или коринѳскихъ епископахъ, обозначать однимъ именемъ двѣ высшія степени церковной іерархіи. Но естественный ходъ вещей велъ къ сосредоточенію власти въ однѣхъ рукахъ; эта перемѣна, если только въ этомъ была какая-нибудь перемѣна, принадлежала къ числу тѣхъ, которыя совершаются сами собой, нечувствительно, безъ потрясеній. Предсѣдатель епископскаго совѣта въ Римѣ, Александріи, Антіохіи и во многихъ другихъ мѣстахъ достаточно выдавался среди своихъ собратьевъ, чтобы память о немъ безъ особаго труда сохранялась отдѣльно. „Церковь Божія, пребывающая въ Римѣ“, могла унаслѣдовать въ своей совокупности высшую власть своихъ основателей-апостоловъ; эта власть сосредоточивалась въ коллегіи пресвитеровъ-епископовъ; одинъ изъ нихъ преимущественно воплощалъ ее и управлялъ ею. Между этимъ предсѣдателемъ и единоличнымъ епископомъ послѣдующихъ вѣковъ нѣтъ существеннаго различія.

1) См. тексты, которое собралъ F. Cabrol въ своемъ *Dictionnaire d'archeologie chretienne*, t. I, p. 1204. Ср. *Canones Hippolyti*, c. 10.

ГЛАВА VIII.

Христіанство и государство.

Отношеніе къ еврейскимъ властямъ въ Палестинѣ.—Положеніе религій въ греко-римской имперіи.—Особенность положенія іудейства и христіанства.—Смѣшеніе христіанъ съ евреями и послѣдующее различеніе ихъ римскими властями.—Запрещеніе христіанскаго исповѣданія.—Мѣры противъ христіанъ.—Указъ Траяна.—Соображенія государственной пользы и евангельская проповѣдь.

Первая свѣтская власть, съ которой пришлось считаться христіанству, была власть правителей еврейскаго народа. По смерти Ирода Великаго (за 4 года до Р. Х.) его владѣнія были подѣлены, какъ сказано выше, между тремя его сыновьями, Филиппомъ, Иродомъ Антипой и Архелаемъ. Филиппу достались главнымъ образомъ земли по ту сторону Іордана до границы царства набатейскаго; Антипа получилъ сѣверъ—Галилею, Десятиградіе и Перею; Архелай центръ и югъ—Самарію, Іудею и Идумею. Архелай былъ скоро (6 г. по Р. Х.) устраненъ и замѣщенъ римскимъ прокураторомъ. Филиппъ сохранилъ свою тетрархію, какъ тогда говорили, до самой смерти, до 34 г.; Антипа пережилъ его, но въ концѣ концовъ былъ въ свою очередь смѣщенъ (39 г.). Владѣнія Филиппа, присоединенныя одно время (34—37 г.г.) къ провинціи Сиріи, были пожалованы Калигулой (37) внуку Ирода Великаго Ироду Агриппѣ, который въ 39 г. наслѣдовалъ тетрархію Антипы и добился въ концѣ концовъ, что ему передали и область прокуратора съ Іерусалимомъ и окрестными странами. Царство Ирода Великаго было такимъ образомъ возстановлено. Всѣ эти государи упоминаются на первыхъ страницахъ исторіи христіанства, но они въ общемъ имѣли мало отношенія къ нарождающейся церкви. Иродъ Антипа, казнившій Іоанна Крестителя, игралъ лишь второстепенную роль въ страстяхъ Христа. Незамѣтно, чтобы онъ или его братъ Филиппъ безпокоили послѣдователей Евангелія, которые могли находиться во владѣніяхъ каждаго изъ нихъ. Самъ Агриппа сталъ враждебенъ къ нимъ только по занятіи іерусалимскаго престола. Тамъ было мѣстопребываніе главнаго врага, еврейскаго священническаго сословія, вліяніе котораго безраздѣльно господ-

ствовало въ великомъ національномъ совѣтѣ или синедріонѣ, подобномъ сенатамъ греческихъ городовъ. Эта, до извѣстной степени муниципальная (городская), власть распространялась лишь на провинцію, подчиненную прокуратору. Въ мелкихъ іудейскихъ государствахъ и тѣмъ болѣе въ странахъ, подчиненныхъ другимъ правителямъ, какъ Дамаскъ, вліяніе синедріона могло быть лишь нравственнымъ и религіознымъ. Но даже въ своей собственной области эта власть не была неограничена. Такъ въ Іудеѣ одинъ лишь прокураторъ имѣлъ jus gladii (право приговаривать къ смертной казни), и онъ не всегда былъ расположенъ служить орудіемъ ненависти священниковъ. Оттого-то казни были такъ малочисленны: кромѣ самого Іисуса, исторія упоминаетъ только св. Стефана, Іакова Заведеева и Іакова брата Господня, съ которыми поступили рѣшительно. Священники наверстывали зато на менѣе суровыхъ мѣрахъ—бичеваніи и заключеніи въ тюрьму.

Послѣ смерти Ирода Агриппы I (44 г.), его царство было вновь подчинено прокураторамъ. Однако уже съ 50 г. сынъ его, Агриппа II, бывшій въ большой милости у императора Клавдія, получилъ вмѣстѣ съ маленькимъ княжествомъ Халкидой въ Антиливанѣ право надзора надъ храмомъ и назначенія первосвященника; три года спустя онъ промѣнялъ свое княжество на царство, которое было для него образовано по ту сторону Іордана изъ прежней тетрархіи Филиппа и части тетрархіи Антипы. Христіанамъ не приходилось жаловаться на него. Во время суда надъ ап. Павломъ, въ присутствіи римскаго прокуратора, онъ скорѣе выказалъ расположеніе къ нему; когда ап. Іаковъ, „братъ Господень“ былъ побитъ камнями по приговору первосвященника Анны младшаго, онъ сильно разгнѣвался и не замедлилъ отрѣшить его отъ должности. Наконецъ, во время возстанія іерусалимская христіанская община удалилась именно въ его владѣнія. Этотъ доброжелательный къ ней царь прожилъ до 100 г.

Но положеніе христіанъ въ Палестинѣ было слишкомъ исключительно, чтобы на немъ долго останавливаться. Перенесемъ свой взоръ на всю область имперіи и посмотримъ, въ какихъ условіяхъ внѣшней безопасности оказались тамъ христіанскія общины.

Въ древнія времена признавалось основнымъ принципомъ, что человѣкъ имѣетъ обязанности[1]) передъ Божествомъ, и что

---

[1]) Mommsen, *Religionsfrevel nach römischen Recht*, въ *Historische Zeitschrift*, t. LXIV (1890), S. 421 и особенно *Römisches Strafrecht* (1899), S. 567 et sqq.

каждый гражданинъ даннаго государства обязанъ исполнить долгъ передъ богами *своего* отечества. Римлянинъ обязанъ былъ поклоняться богамъ Рима, аѳинянинъ—богамъ Аѳинъ и такъ далѣе. Съ другой стороны онъ не только былъ свободенъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ богамъ чужого государства, но ему даже возбранялось служить имъ. Религія по существу своему была національной; присоединиться къ чужому культу было бы такъ же предосудительно, какъ поступить на службу въ иностранную армію или отдать чужому государству часть своей политической дѣятельности.

Этотъ принципъ не исключалъ возможности отправленія чужеземнаго культа въ предѣлахъ государства, лишь бы онъ отправлялся исключительно иностранцами, проживающими въ немъ (метеками, incolae), ибо, устраненные отъ національнаго культа народа, среди котораго жили, они были бы вовсе лишены религіи, если бы имъ не дозволялось исповѣдывать свою собственную. Но это сосѣдство не влекло за собой сліянія религій, не уменьшало раздѣляющихъ ихъ преградъ, не ослабляло обязанностей каждаго гражданина по отношенію къ его собственнымъ богамъ.

Обособленность религій, соотвѣтственная разграниченію государствъ, должна была пошатнуться вслѣдствіе сліянія послѣднихъ. Право римскаго гражданства, распространяясь на жителей и гражданъ городовъ, отличавшихся прежде по своимъ правамъ отъ Рима, должно было вести къ распространенію самой римской религіи. Мѣстные культы не могли быть уничтожены; ни Фортуна въ Пренестѣ, ни Діана въ Ариціи не могли считаться лишенными божественности и права на поклоненіе потому только, что граждане Ариціи и Пренесты стали римскими гражданами и въ качествѣ таковыхъ должны были исполнять обязанности по отношенію къ Вестѣ, Юпитеру Капитолійскому и другимъ богамъ царствующаго города. Какъ римскіе боги стали богами новыхъ гражданъ Рима, такъ боги послѣднихъ сдѣлались богами для Рима. Это сліяніе божествъ, сдѣлавшееся принципомъ политики, повлекло скоро важныя послѣдствія... Присоединеніе южной Италіи къ Римскому государству ввело въ его пантеонъ всѣхъ боговъ разнообразныхъ греческихъ племенъ, имѣвшихъ на италійской территоріи древнія и славныя колоніи.

Это, по римскому выраженію adlectio in divorum ordinem (причисленіе къ сонму боговъ), происходило съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. До насъ дошли свѣдѣнія о томъ, какъ

это совершилось по отношенію къ Аполлону и Асклепію. Во многихъ случаяхъ это происходило путемъ отождествленія: Арей былъ признанъ Марсомъ, Афродита—Венерой и такъ далѣе.

Такими религіозными сближеніями можно было удовлетворить потребности, вызванныя присоединеніемъ греческихъ земель или колонизаціей Запада, и это уже было великое дѣло. Но какъ съ той, такъ и съ другой стороны оставались національныя религіи, не умѣщавшіяся въ рамкахъ ни греческаго политеизма, ни религій латинской Италіи.

Повелители имперіи не могли имѣть намѣренія отнять боговъ у своихъ дальнихъ подданныхъ; можно удостовѣрить, что они тщательно избѣгали этого; все, что они позволили себѣ въ этомъ направленіи, было запрещеніе нѣкоторыхъ обрядовъ, противныхъ добрымъ нравамъ, какъ человѣческія жертвоприношенія, оскопленіе, обрѣзаніе. Что же касается кельтской религіи, то Августъ пошелъ дальше и вовсе запретилъ ее для римскихъ гражданъ.

Нельзя однако сказать, чтобы эти чужеземныя религіи слились когда-нибудь съ римской государственной религіей. Изида, Астарта, Митра, такъ же какъ Тевтатъ и Одинъ, пользовались терпимостью, но никогда не достигли оффиціальнаго признанія. Кельтская религія почти исчезла, благодаря успѣхамъ римской цивилизаціи, или точнѣе распространенію латинскаго или римскаго права гражданства. То же можно сказать о религіяхъ иберійскихъ, мавританскихъ, иллирійскихъ, подвергшихся тѣмъ же вліяніямъ. Восточнымъ религіямъ жилось труднѣе, но онѣ не только удержались на родной почвѣ, но получили широкое распространеніе въ греческомъ мірѣ, въ Италіи и далеко за ея предѣлами.

Сперва ихъ распространеніе было встрѣчено довольно непріязненно: грекъ и въ особенности римлянинъ, преданный своимъ традиціямъ, не рѣшались принимать участіе въ этихъ чужеземныхъ культахъ; но подъ конецъ имперія стала такой смѣшанной, что это отвращеніе исчезло. Римляне самаго высокаго общественнаго положенія стали посѣщать восточные храмы, и не только на Востокѣ, какъ пилигримы, а и въ самомъ Римѣ молились на подворьяхъ этихъ храмовъ, находившихся по сосѣдству съ Капитоліемъ.

Это фактическое сліяніе облегчалось отсутствіемъ исключительности со стороны чужеземныхъ религій. Поклоннику Изиды не приходило въ голову, что онъ можетъ быть неугоденъ Юпитеру Капитолійскому; въ IV вѣкѣ представители самыхъ древнихъ римскихъ родовъ совмѣщали въ своемъ лицѣ римское жреческое до-

стоинство съ обязанностями жреца восточныхъ культовъ. Можно было состоять членомъ коллегіи понтифексовъ или авгуровъ и въ то же время принять посвященіе чрезъ тавроболы по обрядамъ религіи Митры или даже предсѣдательствовать на тавроболахъ [1]).

Не таково было положеніе іудейской и христіанской религій. Какъ та, такъ и другая религія отличались безусловною исключительностью, и эта исключительность основывалась вовсе не на патріотическомъ чувствѣ, а была принципіальной. Богъ Израиля и христіанъ не былъ Богомъ опредѣленнаго народа, однимъ изъ боговъ. Это былъ единый Богъ, Богъ всѣхъ людей, Творецъ міра, законодатель и судія всего человѣчества. Остальные боги были лишь ложными богами, обожествленными людьми, демонами, идолами; они не шли въ счетъ. Всякій культъ, кромѣ своего, считался здѣсь нечестивымъ; религіи городовъ, народовъ, имперіи, были лишь мнимыми религіями, обольщеніями дьявола, противъ которыхъ каждый человѣкъ имѣлъ право и обязанность протестовать.

Эти боги, эти разные культы, огульно осуждавшіеся какъ іудеями, такъ и христіанами, въ этомъ именно осужденіи и вызываемой имъ общей реакціи, находили нѣчто, объединяющее ихъ: язычество стояло лицомъ къ лицу съ единобожіемъ; вражда, какую оно вызывало, возбуждала въ немъ извѣстную степень самосознанія.

Оно не только сознавало, гдѣ общій врагъ, но и гдѣ общій другъ и покровитель. Имъ было римское государство. Хотя римскій Пантеонъ подраздѣлялся на нѣсколько этажей, и сирійская богиня напр. помѣщалась ниже Юпитера или Аполлона, но между разными религіями царило извѣстное общеніе. Если не всѣ боги были богами отечества, то ни одинъ изъ нихъ не противополагался рѣзкимъ образомъ центральной группѣ римскихъ боговъ, къ которымъ со временъ имперіи прибавились двѣ новыя фигуры, пользовавшіяся всеобщимъ почитаніемъ, богиня Рима (Roma) и богъ Августъ. Эти послѣдніе, представленные и какъ бы воплощенные на землѣ во всѣхъ носителяхъ верховной власти, придавали другимъ богамъ новое обаяніе, не мало содѣйствовавшее къ уясненію оффиціальнаго понятія о божествѣ. Люди, не признававшіе этого, находились очевидно внѣ національной религіи, поскольку имперія имѣла таковую; они считались безбожниками, атеистами.

Пока евреи пользовались политической самостоятельностью, ихъ колоніи за предѣлами палестинскаго центра могли считаться за-

[1]) Жертвоприношеніе быка въ честь Митры. Прим. перев.

висимыми отъ него, а ихъ религія могла сойти за чужеземную, дозволенную и даже обязательную для членовъ еврейскаго народа, гдѣ бы они не поселились. Преемники Александра выказали очень благожелательное отношеніе къ этимъ еврейскимъ колоніямъ. Они не только ихъ терпѣли, но имъ покровительствовали, ихъ поощряли. Въ эпоху римскаго завоеванія евреи могли предъявить римскимъ проконсуламъ льготныя грамоты, гдѣ признавалось ихъ существованіе и имъ спеціально были дарованы разныя привилегіи относительно празднованія субботы, принесенія присяги и военной службы. Римляне признали все это за ними. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такихъ льготъ не существовало, и особенно въ Римѣ, побѣдители руководились общимъ началомъ своей политики по отношенію къ чужеземнымъ религіямъ и оставляли евреевъ въ покоѣ. Однако положеніе осложнялось и произволу открывался просторъ въ томъ случаѣ, когда евреи являлись въ то же время и римскими гражданами, а это бывало нерѣдко. Въ первомъ столѣтіи по Р. Х. чистокровные евреи достигали въ имперіи довольно высокихъ должностей; другіе же, и въ несравненно большемъ числѣ, были въ царствованіе Тиберія завербованы въ нездоровую сардинскую армію, или изгнаны изъ Италіи [1]). Эти послѣдніе или родители ихъ были раньше рабами; отпущенные на волю, они стали римскими гражданами. Но можно представить себѣ и другой случай, а именно когда іудейство находило себѣ послѣдователей среди языческаго міра. Пока дѣло шло только о признаніи единобожія, еврейскихъ нравственныхъ правилъ и даже соблюденія нѣкоторыхъ обычаевъ, какъ, напр., празднованія субботы или воздержанія отъ свиного мяса, не могло возникать никакихъ затрудненій, въ особенности, разумѣется, для мелкаго люда и лицъ, не пользующихся правомъ римскаго гражданства. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда прозелитами являлись представители высшихъ классовъ, аристократическихъ семействъ, когда обращеніе въ іудейство было доведено до конца со всѣми

[1]) Tacitus, *Ann.*, II, 85. Actum et de sacris Aegyptiis Judaicisque pellendis, factumque Patrum consultum ut quatuor millia libertini generis ea superstitione infecta quis idonea aetas in insulam Sardiniam veherentur coercendis illic latrociniis, et si ob gravitatem caeli interissent, vile damnum; ceteri cederent Italia nisi certam ante diem profanos ritus exuissent. (Разсуждали также объ изгнаніи египетскихъ и іудейскихъ религій и сенатъ постановилъ, чтобы четыре тысячи вольноотпущенниковъ, зараженныхъ этимъ суевѣріемъ, годныхъ по возрасту, были отправлены на островъ Сардинію для подавленія тамъ разбоевъ, такъ какъ невеликъ ущербъ, если бы они и погибли, вслѣдствіе нездороваго климата, а чтобы прочіе покинули Италію, если къ опредѣленному сроку не оставятъ чужихъ обрядовъ).

его послѣдствіями—до обрѣзанія и иныхъ обрядовъ, подразумѣвавшихъ полное присоединеніе обращеннаго къ іудейскому обществу, тогда дѣло принимало видъ извѣстной формы отреченія отъ принадлежности къ числу гражданъ Рима; такой человѣкъ становился вѣроотступникомъ, измѣнникомъ.

Поэтому прозелиты въ собственномъ смыслѣ слова были, повидимому, очень рѣдкимъ явленіемъ даже раньше, чѣмъ Адріанъ воспретилъ обрѣзаніе или Северъ издалъ весьма суровые законы противъ совращенія въ іудейство.

По теоріи разрушеніе іерусалимскаго храма должно было бы повлечь за собой упраздненіе или запрещеніе еврейскаго культа. Но на дѣлѣ этого не случилось. Веспасіанъ, какъ человѣкъ практическій, убѣдился, что здѣсь дѣло шло не только о національности, что іудейство переживетъ еврейское государство и даже храмъ. Онъ ограничился тѣмъ, что передалъ Юпитеру Капитолійскому ту дань дидрахмы, которую сыны Израиля нѣкогда платили Іеговѣ и его святилищу. Ставъ невольными данниками великаго римскаго божества, евреи не могли пожаловаться на него или скорѣе на государство, которое ссылалось на его покровительство. Имъ предоставили свободу и даже льготы, какими они пользовались раньше. Такимъ образомъ іудейство продолжало быть разрѣшенной религіей (religio licita). Христіанство, наоборотъ, очень скоро стало запрещенной религіей (religio illicita); это произошло, какъ только выяснилась разница между нимъ и іудействомъ.

До этого дошли не сразу. Римскіе правители провинцій были людьми положительными и неохотно вмѣшивались въ сектанскіе споры. Имъ было довольно трудно при поверхностномъ взглядѣ отличить христіанъ отъ евреевъ и понять, почему послѣдніе такъ недоброжелательно относились къ первымъ. Проконсулъ Ахайи Галліонъ встрѣтилъ тѣ же затрудненія, что и Пилатъ, когда ап. Павелъ столкнулся съ коринѳскими евреями; таково же было положеніе проконсуловъ Феста и Феликса, когда іерусалимскій первосвященникъ возбудилъ передъ ними обвиненіе противъ Павла. Еще раньше этого римская полиція, дознавшись, что евреи слишкомъ волнуются въ спорѣ о какомъ-то Хрестѣ (Chrestus), примирила враждующія стороны общимъ изгнаніемъ, выславъ изъ Рима и тѣхъ и другихъ.

Такая неосвѣдомленность не могла длиться долго. Евреи не могли допустить, чтобъ ненавистная секта пользовалась ихъ льготами, и—что еще важнѣе—компрометировала бы ихъ крайностями

своей пропаганды. Они не преминули разъяснить дѣло властямъ. Уже со временъ Траяна было запрещено исповѣдывать христіанство. Плиній[1]) прежде, чѣмъ сдѣлаться правителемъ Виѳиніи въ 112 г., ни разу не присутствовалъ на судѣ при допросѣ христіанъ, (cognitiones de christianis), но зналъ, что ихъ судили и приговаривали къ тяжкимъ наказаніямъ. Наступилъ моментъ, когда высшая власть, завѣдующая этимъ, рѣшила, что самый фактъ принадлежности къ христіанству является наказуемымъ дѣяніемъ. Когда именно наступилъ этотъ моментъ? Это очень трудно рѣшить. До Траяна обыкновенно насчитываютъ два гоненія: Нерона и Домиціана, но факты, которые относятъ къ этимъ гоненіямъ—казни римскихъ христіанъ, ложно обвиненныхъ въ поджогѣ Рима въ 64 г., и смерть нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыхъ Домиціанъ устранилъ подъ предлогомъ ихъ безбожія,—являются нѣсколько исключительными, и могли бы быть объяснены безъ труда и помимо всякаго оффиціальнаго воспрещенія христіанства. Слѣдовательно они могли имѣть мѣсто раньше изданія запрещенія и не имѣютъ большого значенія въ интересующемъ насъ здѣсь вопросѣ.

Посланіе ап. Петра внушаетъ вѣрнымъ: „только бы не пострадалъ (πασχέτω) кто изъ васъ, какъ убійца или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое (ἀλλοτριεπίσκοπος); а если какъ христіанинъ, то не стыдись“ [2]). Страданія, которыя имѣетъ въ виду апостолъ,—это наказанія, которымъ можно было подвергнуться со стороны властей, обязанныхъ преслѣдовать воровъ, убійцъ и т. п., то-есть со стороны законнодѣйствующихъ судовъ. Естественно предположить, что эти слова были написаны не прежде, чѣмъ этотъ судъ началъ дѣйствовать противъ христіанъ, именно какъ таковыхъ. Еслибъ можно было съ точностью и достовѣрностью установить годъ, когда написано это посланіе, намъ было бы дано весьма цѣнное указаніе для рѣшенія настоящаго вопроса.

Высшія власти имперіи, въ разсматриваемое время, не разъ имѣли случай получить свѣдѣнія объ отношеніи христіанскихъ общинъ къ іудейству и дѣйствующему законодательству. Трудно напр. предположить, чтобы судъ надъ ап. Павломъ не обратилъ ихъ вниманія на эти предметы. Тоже можно сказать относительно по-

---

1) Plinius, *Ep.*, X, 96.
2) I Петра IV, 15.

жара Рима и гоненія, возбужденнаго тогда противъ тѣхъ, кого „чернь называла христіанами“.

По свидѣтельству, которое дошло до насъ, правда въ немного позднѣйшей передачѣ [1]), Титъ проводилъ различіе между обѣими религіями и рѣшился сжечь храмъ іерусалимскій потому именно, что надѣялся уничтожить ту и другую сразу. Домиціанъ задался цѣлью увеличить поступленіе налога дидрахмы; онъ сталъ взыскивать его не только съ тѣхъ, кто формально числился евреемъ, но и съ тѣхъ, кто скрывалъ свое происхожденіе, или, не будучи евреемъ по происхожденію, жилъ по-еврейски и уклонялся отъ занесенія своего имени въ списки плательщиковъ. Это взысканіе, которое велось очень строго, естественно потребовало тщательныхъ разслѣдованій вѣроисповѣднаго положенія евреевъ и христіанъ. Независимо отъ этихъ извѣстныхъ намъ фактовъ, можно съ увѣренностью предположить, что были и многіе другіе, которые могли привлечь вниманіе законодателя и побудить его придти къ тому или иному рѣшенію.

Разъ христіанство было воспрещено, исповѣданіе его давало поводъ всякому частному обвинителю вчинать дѣло въ подлежащемъ судебномъ учрежденіи; о немъ могли также доводить до свѣдѣнія полиціи и тѣмъ вызывать извѣстныя мѣры со стороны администраціи,—въ Римѣ префекта, а въ провинціи правителей провинцій и ихъ помощниковъ. Такъ какъ это было уголовное дѣло, то оно почти всегда восходило на судъ правителей провинцій [2]); во всякомъ случаѣ они неизмѣнно являются на сцену во всѣхъ разсказахъ о мученикахъ.

Не разъ, вслѣдъ за Тертулліаномъ, пытались доискаться, къ какому разряду преступленій отнесенъ былъ фактъ принадлежности къ христіанству. Я думаю, что это споръ о словахъ. Юридическій языкъ римлянъ не имѣлъ особаго термина для обозначенія отре-

[1]) Одинъ отрывокъ Сульпиція Севера (*Chron.*, II, 30) считается заимствованнымъ изъ потерянной для насъ части Исторіи Тацита. На военномъ совѣтѣ, который засѣдалъ наканунѣ взятія Іерусалима, Титъ высказывался за разрушеніе храма, „чтобы тѣмъ полнѣе истребить религію христіанъ и іудеевъ, такъ какъ эти религіи, хотя и взаимно враждебныя, отправляются отъ того же источника: христіане вышли изъ іудеевъ; когда корень будетъ вырванъ, стволъ легко погибнетъ“ („*quo plenius Judaeorum et Christianorum religio tolleretur; quippe has religiones licet contrarias sibi, isdem tamen ab auctoribus profectas: Christianos ex Judaeis extitisse: radice sublata stirpem facile perituram*“). Іосифъ приписываетъ Титу совсѣмъ другія намѣренія.

[2]) Нѣкоторые города продолжали пользоваться неограниченнымъ правомъ уголовнаго суда. Ихъ суды вѣроятно осудили не одного мученика, но свѣдѣній объ этомъ у насъ нѣтъ.

ченія отъ національной религіи. Выраженіе *crimen laesae Romanae religionis* (оскорбленіе римской религіи), которое встрѣчается однажды у Тертулліана, точно выражало бы понятіе, о которомъ идетъ рѣчь, но оно не было употребительнымъ; напротивъ, преступленіе оскорбленія величества (*crimen laesae majestatis*) было точно опредѣлено закономъ. Въ то время, о которомъ мы говоримъ и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ поднимался вопросъ, между обоими выраженіями не было большой разницы. Обвинитель, который захотѣлъ бы дѣйствовать, соблюдая всѣ формальности, можетъ быть могъ бы вчинить противъ христіанина дѣло объ оскорбленіи величества. Я не знаю, былъ ли такой случай [1]).

На практикѣ на христіанъ доносили, ихъ разыскивали, судили и осуждали, какъ христіанъ. Какія бы отвратительныя обвиненія ни взводило на нихъ общественное мнѣніе, ихъ никогда не осуждали за чародѣйство, дѣтоубійство, кровосмѣшеніе, богохульство или оскорбленіе величества. Тертулліанъ, который, какъ всѣ апологеты, очень распространялся по поводу этихъ клеветъ и ихъ нелѣпости, рѣшительно утверждаетъ, что онѣ вовсе не служили поводомъ къ обвинительнымъ приговорамъ: „ваши приговоры имѣютъ въ виду лишь сознаніе въ принадлежности къ христіанству. Ни одно преступленіе не упоминается въ нихъ, единственное преступленіе заключается въ имени, потому что въ этомъ состоитъ истинная причина всей ненависти къ намъ [2])“. Онъ приводитъ формулу этихъ приговоровъ. „Что же, наконецъ, читаете вы по вашимъ дощечкамъ? *Такой-то, христіанинъ.*—Отчего вы не прибавляете: *и человѣкоубійца* [3])“?

Плиній, какъ онъ самъ признается, не зналъ, должно ли преслѣдовать христіанина какъ таковаго, или же карать его за тѣ преступленія, которыя предполагаются самымъ наименованіемъ: *nomen ipsum si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia nomini*. Въ своемъ от-

[1]) Единственный случай, который могъ бы быть принятъ за подобное вчинаніе дѣла, разсказанъ Іустиномъ во второй Апологіи, гл. 2. Одна женщина въ Римѣ обвинялась своимъ мужемъ въ принадлежности къ христіанству. Онъ „предъявилъ противъ нея обвиненіе, говоря, что она христіанка“. (κατηγορίαν πεποίηται λέγων αὐτὴν χριστιανὴν εἶναι). Было ли это дѣйствительно обвиненіе передъ настоящимъ уголовнымъ судомъ (quaestio) или простой доносъ въ полицію?

[2]) „Sententiae vestrae nihil nisi christianum confessum notant; nullum criminis nomen extat, nisi nominis crimen est; haec etenim est revera ratio totius odii adversus nos“ (*Ad. nationes*, I, 3).

[3]) „Denique quid de tabella recitatis? Illum christianum. Cur non et homicidam? (*Apol.*, 2). Судья обязанъ былъ *читать* приговоръ, отсюда упоминаніе о дощечкахъ.

вѣтѣ Траянъ не останавливается собственно на этомъ сомнѣніи, но ясно показываетъ, что самое имя подлежало преслѣдованію, и это же заключеніе вытекаетъ изо всѣхъ документовъ, апологій, разсказовъ о мученикахъ и т. д. Впрочемъ, этотъ отвѣтъ императора содержитъ двѣ подробности, хорошо доказывающія, что принадлежность къ христіанству считалась преступленіемъ не наряду съ прочими. Судья не долженъ—такъ предписываетъ императоръ—разыскивать христіанъ, но только карать ихъ (очевидно смертною казнью) въ томъ случаѣ, если на нихъ донесли и они изобличены: *conquirendi non sunt; si deferantur et arguantur, puniendi sunt.*—Далѣе, если они заявятъ, что отрекаются отъ христіанства и докажутъ это принесеніемъ жертвы богамъ, ихъ слѣдуетъ прощать за раскаяніе: *ita tamen ut qui negaverit se christianum esse idque re ipsa manifestum fecerit, id est supplicando diis nostris quamvis suspectus in praeteritum veniam ex poenitentia impetret.* Если бы христіане были тѣмъ, чѣмъ ихъ представляла клевета, то непонятно, почему содѣянныя ими преступленія не подлежали бы суду и не карались. Уголовный судъ постановляетъ приговоръ не по настроенію обвиняемыхъ во время засѣданія суда, а по наличности проступковъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ. Также необычайно и предписаніе не разыскивать ихъ: *conquirendi non sunt.* Если бы дѣло шло о преступныхъ и опасныхъ лицахъ, полиція обязана была бы выслѣживать ихъ.

Указъ Траяна—цѣнное доказательство того ложнаго положенія, въ которомъ находилось правительство вслѣдствіе успѣховъ христіанской проповѣди. Мы видѣли выше, что какъ принципы, такъ и традиціи обязывали его положить предѣлъ ея распространенію. Неронъ и Домиціанъ были плохими императорами; насилія, отъ которыхъ терпѣли въ ихъ царствованіе христіане наравнѣ со многими другими, очевидно падаютъ на ихъ личную отвѣтственность и стоятъ въ связи съ самыми дурными чертами ихъ характера; христіанскіе писатели-полемисты справедливо указываютъ, что эти изверги начинаютъ собой рядъ гонителей. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что репрессивныя мѣры противъ распространенія христіанства, мѣры, принятыя, повидимому, въ то время въ императорскомъ совѣтѣ, внушены были традиціонными принципами и соображеніями государственной пользы [1]).

[1]) Искорененіе ересей государственной властью, которое столь долго и такъ повсемѣстно признавалось необходимымъ, основывалось на тѣхъ же принципахъ, что и гоненія римскаго правительства противъ нараждающагося христіанства.

Вопросъ только въ томъ, не превзошли ли мѣру, предписывая предавать смертной казни за одну принадлежность къ христіанству? Такіе законы легко издавать, но какъ ихъ примѣнять? Плиній былъ испуганъ огромнымъ количествомъ привлеченныхъ къ отвѣтственности христіанъ всѣхъ возрастовъ и общественныхъ положеній; они находились всюду: въ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ. Храмы опустѣли, населеніе перестало справлять языческіе праздники, приносить жертвы, такъ что жертвенныя животныя не находили больше покупателей. Но важнѣе самой многочисленности христіанъ была ихъ невинность: правитель самъ провѣрилъ ее разными способами, и между прочимъ, разумѣется, пыткой, которой онъ подвергъ двухъ діакониссъ. Ихъ собранія, совмѣстныя трапезы, оказалось, происходили въ границахъ самой строгой благопристойности; ихъ взаимныя обязательства не имѣли никакихъ преступныхъ умысловъ, и какъ разъ наоборотъ, они клялись всегда воздерживаться отъ воровства, разбоя, прелюбодѣянія, клятвопреступленія и т. д.

При такихъ условіяхъ, какъ мудрому императору не быть въ затруднительномъ положеніи? Вѣдь нельзя же было отдать палачамъ все населеніе Италіи и провинцій и преслѣдовать съ такой строгостью людей, добродѣтели которыхъ удостовѣрялись самими властями. Отсюда смягченіе при практическомъ примѣненіи законовъ, сдержанность въ розыскахъ, прощеніе всѣмъ отступникамъ.

Послѣ Траяна другіе императоры, въ той же мѣрѣ, какъ онъ, проявляли желаніе смягчить послѣдствія закона. Адріанъ писалъ въ этомъ смыслѣ разнымъ правителямъ провинцій, въ частности проконсулу Азіи, К. Минуцію Фундану [1]); послѣдній документъ дошелъ до насъ. Апологетъ Мелитонъ [2]) могъ ссылаться Марку Аврелію на эти письма, а также и на другія, обращенныя Антониномъ къ городамъ: Лариссѣ, Θессалоникѣ, Аѳинамъ и Ахейскому собранію (κοινόν) [3]).

[1]) Euseb., IV, 9. Евсевій нашелъ этотъ документъ на латинскомъ языкѣ въ приложеніи къ первой апологіи Іустина. Онъ перевелъ его на греческій языкъ. Именно этотъ текстъ читается теперь въ рукописяхъ Іустина. Было высказано неосновательное предположеніе, что Руфинъ вмѣсто того, чтобы снова перевести этотъ документъ на латинскій языкъ, обратился къ рукописямъ св. Іустина, чтобъ отсюда взять подлинный текстъ. Это было бы очень удивительно для такого автора.

[2]) Euseb., *H. E.* IV, 26.

[3]) Указы Антонина Пія азійскому собранію и Марка Аврелія римскому сенату (по дѣлу о молніеносномъ легіонѣ), относящіеся до христіанъ, подложны. Ихъ обыкновенно печатаютъ въ приложеніяхъ къ Апологіямъ св. Іустина. Первый изъ нихъ внушилъ довѣріе Евсевію, который воспроизвелъ его (приписавъ Марку Аврелію). *H. E.* IV, 13.

Во всѣхъ этихъ документахъ, поскольку мы ихъ знаемъ, выступаетъ забота не о милосердіи, но о томъ, чтобы не перейти границъ. Не слѣдуетъ думать, что они доставили христіанамъ завидное спокойствіе: сочиненія послѣднихъ показываютъ, что въ царствованіе этихъ добрыхъ императоровъ они постоянно жили въ ожиданіи мученической смерти и свыкались съ этой мыслью. Нѣсколько случаевъ точно извѣстныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ подтверждаютъ это. Мученики, имя и судьба которыхъ по счастливой случайности дошли до насъ, нисколько не имѣютъ вида исключительныхъ жертвъ. Дѣло въ томъ, что борьба шла не только между правительствомъ и христіанствомъ; сюда примѣшивались мѣстныя страсти, вспышки общественнаго мнѣнія, мятежи всякаго рода, давленія на умы городскихъ властей или даже правителей провинцій. Этимъ именно вліяніямъ отъ времени до времени противодѣйствовалъ здравый смыслъ императора. Но онъ не всегда выступалъ противъ нихъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вмѣшивался, онъ все-таки принималъ во вниманіе формальную почву закона, который съ самаго начала опирался и не переставалъ опираться на соображенія государственной необходимости.

Въ общемъ, хотя императоры II вѣка и не дали себя увлечь въ политику истребленія христіанъ, они все же далеко не обезпечили имъ безопаснаго существованія. Если они воздерживались отъ рѣшительныхъ мѣръ Деція или Діоклетіана, то вѣроятно вслѣдствіе пренебрежительнаго равнодушія къ этимъ распрямъ между сектами и ученіями, а можетъ быть и потому, что они слишкомъ полагались на силу сопротивленія другихъ сектъ или философской мысли. Въ III вѣкѣ, когда эти силы обнаружили свою несостоятельность и опасность распространенія христіанства стала болѣе угрожающей, правительственное давленіе усиливалось временами, но не отличалось послѣдовательностью. Было слишкомъ поздно: Церковь была недосягаема, и правительство оказалось побѣжденнымъ.

ГЛАВА IX.

Распаденіе іудействующаго христіанства.

Смерть Іакова, брата Господня.—Возстаніе 66 года, выселеніе іерусалимской церкви.—Мятежъ Баръ-Кохеба: Элія Капитолина.—Епископы изъ іудействующихъ христіанъ.—Евангеліе отъ евреевъ.—Отношеніе къ остальнымъ христіанамъ.—Егезиппъ.—Эвіониты.—Элказаиты.

Въ то время, какъ дѣло ап. Павла разбиралось въ Римѣ передъ императорскимъ судилищемъ, іудействующая церковь въ Іерусалимѣ переживала въ свою очередь крайне важный кризисъ. Когда умеръ прокураторъ Фестъ, его преемнику, Альбину, потребовалось время, чтобы добраться до Палестины. Вслѣдствіе этого наступилъ промежутокъ замѣшательства и анархіи. Первосвященникомъ въ то время былъ Анна II, сынъ Анны, упоминаемаго въ разсказѣ о страстяхъ Господнихъ, и родственникъ Ананіи, игравшаго роль въ исторіи ап. Павла [1]). Онъ не меньше ихъ ненавидѣлъ „назареевъ". Поспѣшивъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, онъ направилъ свой ударъ на ихъ мѣстнаго главу, Іакова, брата Господня. Повидимому эта личность пользовалась въ Іерусалимѣ всеобщимъ уваженіемъ не только христіанъ, но и самихъ евреевъ; молва объ его подвигахъ воздержанія, объ его продолжительныхъ молитвахъ въ храмѣ долгое время передавалась изъ устъ въ уста. Народъ звалъ его праведнымъ, защитой народа (obliam). Это не защитило его однако отъ ненависти высшихъ священниковъ.

Анна собралъ синедріонъ, вызвалъ на судъ Іакова и нѣкоторыхъ другихъ христіанъ и добился для нихъ смертнаго приговора. Іаковъ со своими сподвижниками былъ побитъ камнями близъ храма. Тамъ же его и погребли; сто лѣтъ спустя на этомъ мѣстѣ возвышался еще могильный столбъ [2]).

---

1) Дѣянія, XXIII, XXIV.

2) См. у Евсевія *H. E.* II, 23, разсказы Іосифа и Егезиппа объ этихъ событіяхъ. Ср. Iosephus, *Ant.*, XX, 9, I.

Анна поплатился за свою смѣлость. По этому дѣлу были поданы жалобы прокуратору, который находился на пути изъ Александріи, и царю Агриппѣ II, который тотчасъ же смѣстилъ первосвященника.

Дѣло происходило въ 62 году. Четыре года спустя, въ прокураторство Гессія Флора, преемника Альбина, въ Іерусалимѣ вспыхнуло давно назрѣвавшее возстаніе. Осенью 66 года римскій гарнизонъ былъ перерѣзанъ, и мятежъ сразу охватилъ Іудею и сосѣднія области. Попытка сирійскаго легата, Цестія Галла, вновь овладѣть святымъ городомъ потерпѣла неудачу. Въ слѣдующемъ году Веспасіанъ, которому Неронъ поручилъ усмиреніе мятежа, покорилъ Галилею, но смерть императора (68 г.) и смуты, послѣдовавшія за нею, остановили дальнѣйшее усмиреніе. Въ это время Іерусалимъ сдѣлался жертвой партійныхъ раздоровъ и террора. Первосвященникъ Ананія и всѣ вожди священнической аристократіи были перебиты мятежниками; разбойники и фанатики оспаривали другъ у друга храмъ и укрѣпленія; всюду царила анархія, пожары, убійства. Это былъ уже не святой городъ, а преддверіе ада.

Христіане, получивъ чрезъ своихъ вождей указаніе свыше [1]), рѣшились покинуть городъ. Они переселились въ Пеллу въ Десятоградіи, въ царство Агриппы II. Пелла была греческимъ и языческимъ городомъ; однако они устроились тамъ. Долгое время спустя Юлій Африканъ (ок. 230 г.) отмѣтилъ другія группы [2]) іудействующихъ христіанъ въ Кохабѣ, въ странѣ за-іорданской и въ Назаретѣ галилейскомъ. Въ IV столѣтіи оставалась еще одна группа въ Береѣ (Алепо) въ сѣверной Сиріи [3]). Нельзя сказать съ точностью, когда выдѣлились онѣ изъ іерусалимской общины или изъ Пеллы [4]).

Христіане остались въ разсѣяніи и послѣ войны. Не могло быть и рѣчи о возвращеніи въ Іерусалимъ, который до такой степени сравняли съ землей, что трудно было догадаться, что здѣсь

---

1) Κατά τινα χρησμὸν τοῖς αὐτόθι δοκίμοις δι᾽ ἀποκαλύψεως ἐκδοθέντα. Euseb. *H. E.* III, 5.
2) Eusebius. *H. E.*, I, 7, 14.
3) Epiphanius, *Haer.*, XXIX, 7.
4) *Дидаскалія апостоловъ*,—сочиненіе, составленное около середины III вѣка,—повидимому, появилось въ средѣ, находившейся подъ нѣкоторымъ вліяніемъ іудейскихъ или іудействующихъ общинъ. Ср. Harnack, *Chronologie*, t. II, 495.

жили когда-то. Въ теченіе послѣдующихъ 60 лѣтъ тамъ находился лишь лагерь десятаго легіона (leg. X Fretensis). Императоръ Адріанъ рѣшилъ основать на этомъ мѣстѣ новый городъ, разумѣется языческій, съ храмомъ, который долженъ былъ возвышаться на мѣстѣ прежняго святилища. Это оскверненіе святыни, какъ и во времена Антіоха Епифана, вызвало возстаніе среди остатковъ Израиля. Вождь возстанія, Симонъ Баръ-Кохеба, встрѣтившій поддержку со стороны знаменитаго раввина Акибы, выдавалъ себя евреямъ за вѣчно ожидаемаго ими Мессію. Іерусалимскій легіонъ былъ изгнанъ изъ своего лагеря; нѣкоторое время евреи занимали развалины своего священнаго города. Но Іерусалимъ не имѣлъ прежняго стратегическаго значенія: рѣшительный бой съ повстанцами произошелъ по сосѣдству съ нимъ, въ Бетерѣ. Возстаніе было подавлено послѣ трехлѣтней кровопролитной войны (132—135 г.г.), изъ которой Палестина вышла разоренной и обезлюдѣвшей.

Іудействующіе христіане не могли признать Баръ-Кохебу за Мессію Израиля и отказались принять участіе въ возстаніи. Они поплатились за это, потому что повстанцы преслѣдовали ихъ со всѣмъ ожесточеніемъ, какое можно себѣ представить въ такихъ случаяхъ [1]). Побѣда римлянъ обезпечила спокойствіе ихъ общинамъ, которыя продолжали свое незамѣтное существованіе. Замыслы Адріана были осуществлены: на мѣстѣ Іерусалима была воздвигнута римская колонія Элія Капитолина со своими свѣтскими зданіями, театромъ, языческими капищами. На томъ холмѣ, гдѣ прежде стоялъ храмъ, былъ сооруженъ Капитолій въ честь Юпитера и поставлена статуя императора. Не забыли и мѣстъ священныхъ для христіанъ: на Голгоѳѣ былъ воздвигнутъ храмъ Венеры. Пребываніе въ новомъ городѣ было запрещено евреямъ подъ страхомъ смерти. При такихъ условіяхъ іудействующіе христіане должны были держаться отъ него въ отдаленіи, что они и сдѣлали. Въ іудейско-христіанскомъ мірѣ власть, повидимому, очень долго оставалась въ рукахъ родственниковъ Спасителя: Іаковъ былъ „братъ Господень“; Симонъ, который занялъ его мѣсто въ качествѣ главы іерусалимской церкви и дожилъ до царствованія Траяна, также былъ родственникомъ Христа. Два сына другого „брата Господня“, Іуды, были выданы полиціи Домиціана. Ихъ отправили въ Римъ, и самъ императоръ допрашивалъ ихъ. Онъ убѣ-

---

1) Iustinus, *Apol.* I, 31.

дился, что такіе ничтожные люди не могли быть ему опасны, и что царствіе небесное ничѣмъ не грозитъ римской имперіи. Сыны Давида были возвращены на родину, гдѣ они сдѣлались „предстоятелями церквей“ [1]). Епископъ Симеонъ не отдѣлался такъ дешево; мы знаемъ по Егезиппу, что онъ претерпѣлъ мученичество при Траянѣ, въ то время когда Аттикъ былъ правителемъ Палестины (ок. 107 г.) [2]). Во времена Юлія Африкана въ серединѣ III вѣка были еще *Desposyni* (люди Господни), которые пользовались большимъ уваженіемъ въ кругахъ христіанъ изъ іудеевъ [3]). Евсевій [4]) сообщаетъ списокъ древнихъ епископовъ іерусалимскихъ, которые по его словамъ шли въ непрерывномъ порядкѣ до временъ іудейскаго возстанія при Адріанѣ (132 г.). Первые два, Іаковъ и Симеонъ, доводятъ насъ до 107 г.; такимъ образомъ на остальныя 25 лѣтъ приходится 13 епископовъ, что уже слишкомъ много. Если принять весь списокъ и хронологическую границу Евсевія, то естественно допустить, что въ него вошли епископы не только Пеллы, но и нѣкоторыхъ другихъ колоній первобытной іерусалимской общины.

Евангеліе, которымъ пользовались эти древніе христіане, было бы болѣе интереснымъ свидѣтельствомъ о нихъ, если бы оно дошло до насъ въ болѣе полномъ видѣ. Это было, разумѣется, еврейское, т.-е. арамейское евангеліе; оно довольно рано было переведено на греческій языкъ и получило тогда названіе евангелія отъ Евреевъ καθ' Ἑβραίους. Бл. Іеронимъ [5]) часто говоритъ о немъ; онъ зналъ еще его семитскій текстъ, который онъ иногда отождествляетъ съ еврейскимъ подлинникомъ евангелія отъ Матѳея [6]). Это заставляетъ предполагать, что между каноническимъ евангеліемъ отъ Матѳея и евангеліемъ „отъ Евреевъ“ было довольно замѣтное сходство. Однако, поскольку можно судить по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, различія были немаловажныя. Евангеліе это, повидимому, не менѣе древне, чѣмъ наши синоптическія евангелія [1]), но совершенно независимо отъ нихъ; оно вѣроятно было составлено въ средѣ христіанской общины въ Пеллѣ [2]).

Какъ разъ изъ Пеллы происходилъ Аристонъ, авторъ утраченнаго нынѣ діалога между Папискомъ и Язономъ, написаннаго съ цѣлью распространенія христіанскаго вѣроученія: еврей вступаетъ здѣсь въ споръ съ іудействующимъ христіаниномъ и убѣждается его доводами. Это сочиненіе появилось вскорѣ послѣ возстанія Баръ-Кохебы; Евсевій почерпнулъ изъ него нѣсколько свѣдѣній объ этомъ событіи [3]).

Эту Пелльскую церковь, даже вмѣстѣ съ ея колоніями въ Сиріи и Палестинѣ, нельзя считать представительницей всего іудействующаго христіанства. „Разсѣяніе“ (Діаспора) [4]) всюду, понемногу и въ особенности въ крупныхъ центрахъ, какъ въ Александріи, насчитывало въ своей средѣ евреевъ, обращенныхъ въ христіанство, но не считавшихъ себя свободными отъ исполненія іудейскаго Закона. Широкая терпимость [5]) ко всему, что касается ученія, господствовавшая въ средѣ евреевъ, позволяла имъ принимать христіанство, но сами они оставались евреями. Съ другими христіанами, существованіе которыхъ они конечно допускали, ихъ отношенія должны были слагаться приблизительно такъ же, какъ они установились въ Антіохіи съ одобренія Петра и Варнавы и къ великому негодованію Павла. Іустинъ [6]) зналъ христіанъ этого рода; онъ полагалъ, что они спасутся, лишь бы они не принуждали вѣрующихъ иного происхожденія вести ихъ образъ жизни; онъ однако зналъ, что его мнѣніе не раздѣлялось всѣми, и что были люди, отказывавшіеся отъ общенія съ іудействующими христіанами.

Іустинъ говоритъ только объ отдѣльныхъ личностяхъ, онъ не даетъ свѣдѣній о положеніи общинъ и объ отношеніяхъ послѣднихъ къ представителямъ великой церкви. Егезиппъ, въ концѣ

---

1) Егезиппъ, цитируемый Евсевіемъ,—*H. E.* III, 20.
2) Евсевій *H. E.* III, 32. Дата 107 г. взята изъ его Хроники.
3) Евсевій *H. E.* I, 7.
4) Тамъ же IV, 5.
5) Св. Епифаній (*Haer.* XXIX, 9) зналъ о его существованіи, но говоритъ о немъ, какъ человѣкъ, который никогда не имѣлъ случая его видѣть.
6) То же и святой Епифаній. Со времени Папія шла рѣчь о еврейскомъ текстѣ евангелія Матѳея, котораго никто не видалъ и который естественно было отождествить съ тѣмъ текстомъ, какой былъ въ ходу у назареевъ.

---

1) Синоптическими называются первыя три евангелія. Прим. перев.
2) Zahn, *Kanongeschichte* II, 642 и сл.; Harnack. *Chronologie* I, 631 и сл.; Cp. Hilgenfeld, *N. T. extra canonem*, вып. IV, 15 и изслѣдованіе Handmann'а въ *Texte und Untersuchungen*, 1888.
3) *H. E.* IV, 6. Тексты, касающіеся Аристона изъ Пеллы, собраны Гарнакомъ въ *Altchrist. Litteratur*, B. I, S. 92.
4) Колоніи евреевъ, разсѣянныя по греко-римскому міру.
5) О ней можно составить себѣ понятіе, если принять во вниманіе, что дозволялось держаться мнѣній Филона или Акибы, вѣрить въ воскресеніе мертвыхъ или въ конечное уничтоженіе, ожидать Мессію или осмѣивать эту надежду, философствовать въ духѣ Экклезіаста или Премудрости Соломоновой.
6) *Dial.*, 47.

II вѣка, болѣе точенъ. Онъ изображаетъ „Церковь", т.-е. іерусалимскую церковь, сперва вѣрною преданію, затѣмъ волнуемой разными ересями, начало которыхъ положилъ нѣкій Θебутій съ досады, что не попалъ въ епископы. По мнѣнію Егезиппа всѣ эти ереси имѣютъ своимъ источникомъ разныя еврейскія секты — ессеевъ, галилеянъ, гемеробаптистовъ, масботеевъ, самарянъ, саддукеевъ, фарисеевъ. Этотъ перечень заключаетъ довольно разнородныя имена, но общая мысль вѣрна и подтверждается фактами. Какъ и іудейство, изъ котораго она возникла, эта іудействующая христіанская церковь придавала чрезмѣрное значеніе исполненію Закона и недостаточно защищала себя отъ догматическихъ измышленій.

Егезиппъ былъ іудействующимъ (христіаниномъ); таково мнѣніе Евсевія, который былъ знакомъ со всѣми его твореніями, и это, повидимому, подтверждается его обыкновеніемъ ссылаться на евангеліе отъ Евреевъ, частымъ употребленіемъ еврейскихъ словъ и наконецъ его близкимъ знакомствомъ съ исторіей іерусалимской церкви.

Видно, что эта послѣдняя представляется ему православной и достойной почитанія; однако онъ не чувствовалъ себя оторваннымъ отъ родной почвы ни въ римской, ни въ коринѳской средѣ. Онъ собиралъ свѣдѣнія о преемствѣ епископовъ и о томъ, какъ они хранили первоначальное преданіе. По его словамъ, все шло тамъ согласно Закону, пророкамъ и Господу.

Оптимистическій взглядъ Іустина и Егезиппа не повліялъ на преданіе; неблагопріятное мнѣніе объ іудействующихъ христіанахъ получило перевѣсъ со временъ Иринея и Оригена [1]. Въ глазахъ этихъ писателей іудействующее христіанство было сектой, и именно сектой эвіонитовъ (ἐβιωναῖοι). Это наименованіе, изъ котораго не замедлили вывести имя воображаемаго основателя секты, Эвіона, означаетъ бѣдность его носителей. Іудействующіе христіане въ Сиріи съ самаго начала получили прозвище назареевъ [2], которое

[1] Irenaeus, *Adv. haer.* I, 26, III, 11, 15, 21; IV, 33, V, 1. Origen., *Adv. Celsum.* II, 1; V, 61, 65; *in Matth.*, XVI, 12.—Tertullianus *Praescr.* 33. *Syntagma* Ипполита (въ *Praescr.*, 48 и Philastrius, 37) и *Philosophumena* (VII, 34) черпаютъ изъ Иринея и не сообщаютъ ничего интереснаго.

[2] Это—терминъ, употребляемый св. Епифаніемъ, именно въ гл. XXIX его *Панарія*, которую онъ посвящаетъ этой сектѣ. Названіе эвіонеевъ онъ прилагаетъ только къ особому еретическому ученію, о которомъ рѣчь впереди. Для обозначенія іудействующихъ христіанъ бл. Іеронимъ употребляетъ просто слово *назареи;* но видно, что для него назареи и эвіониты въ сущности одно и то же.

упоминается уже въ Дѣяніяхъ апостольскихъ [1]; его очевидно произвели отъ имени Спасителя,—Іисусъ изъ Назарета. Возможно, что они себя называли или ихъ прозвали „эвіонимъ" безъ намѣренія унизить. Не сказано ли въ Евангеліи: „блаженны бѣдные" [2]? Позднѣе ихъ противники изъ среды великой церкви, гордые своимъ ученіемъ о божественной природѣ Христа, связали съ этимъ именемъ понятіе о бѣдности ученія и сдѣлали его презрительной кличкой. Оригенъ въ противоположность св. Иринею хорошо видѣлъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ ересью въ настоящемъ смыслѣ этого слова, подобной ереси Керинѳа или Карпократа, а съ запоздалымъ пережиткомъ іудействующаго христіанства первыхъ временъ. По описанію св. Иринея эвіониты отличались вѣрнымъ соблюденіемъ требованій моисеева закона [3], обрѣзанія и проч.; они питали великое почтеніе къ Іерусалиму и во время молитвы обращались въ его сторону; они учили, что міръ созданъ самимъ Богомъ, и въ этомъ ихъ отличіе отъ всякаго рода гностиковъ. Они были особенно преданы Закону, пророковъ толковали искусственно [4]. Такова ихъ дань іудейству. Что же касается ихъ христіанства, то они пользовались только однимъ евангеліемъ отъ Матѳея [5], отвергали посланія ап. Павла, считая его отступникомъ, а Спасителя признавали сыномъ Іосифа. Однако здѣсь мнѣнія расходились: Оригенъ свидѣтельствуетъ, что одни допускали, другіе отвергали чудо Его рожденія.

Такимъ образомъ, замыкаясь въ рамкахъ моисеева закона, іудействующіе христіане незамѣтно дошли до отдѣленія отъ великой церкви. Несмотря на извѣстные индивидуальные оттѣнки въ ихъ средѣ и на извѣстные благопріятные отзывы о нихъ, это отдѣленіе обнаружилось уже къ концу II столѣтія.

Оно выражалось даже въ полемикѣ. Къ концу II вѣка нѣкій Симмахъ, эвіонитъ, извѣстный тѣмъ, что перевелъ Ветхій Завѣтъ на греческій языкъ, написалъ противъ нападокъ остальныхъ христіанъ сочиненіе въ защиту взглядовъ своихъ единовѣрцевъ [6].

[1] Дѣянія, XXVI, 5.

[2] Еванг. отъ Матѳея, V, 3; Еванг. отъ Луки, VI, 20.

[3] Въ *Philosophumena* говорится, что если Іисусъ получилъ имя Христа Божія, то это за Его вѣрность Моисееву закону.

[4] Quae autem sunt prophetica, curiosius exponere nituntur. (что касается пророческихъ книгъ,—стараются изъяснять ихъ искусственно).

[5] Его смѣшиваютъ съ евангеліемъ Евреевъ.

[6] Евсевій *H. E.* VI, 16, 17, сообщаетъ, что Оригенъ получилъ эти книги отъ нѣкоей Юліаны изъ Кесаріи каппадокійской (ср. Palladius, *H. Lausiaca*, 147), а та получила ихъ въ наслѣдство отъ самого Симмаха. Многіе латинскіе авторы IV и V вв. говорятъ о симмахіанахъ, какъ о сектѣ іудействующихъ

Въ крупныхъ еврейскихъ колонiяхъ эвiониты были разсѣяны всюду понемногу. Греческiй переводъ ихъ евангелiя былъ уже съ весьма раннихъ поръ, со временъ Траяна, извѣстенъ въ Египтѣ; названiе „Евангелiе отъ евреевъ“ было безъ сомнѣнiя дано ему въ отличiе отъ другого евангелiя, принятаго въ этой области — „Евангелiя отъ египтянъ“, бывшаго въ обращенiи среди христiанской общины въ Александрiи. Гораздо далѣе, среди народовъ южной Аравiи, гдѣ iудейство привлекло уже и не переставало привлекать многочисленныхъ послѣдователей, христiанство было проповѣдано въ iудействующей формѣ. Пантенъ, посѣтившiй эту страну во времена Марка Аврелiя, нашелъ здѣсь Евангелiе отъ Евреевъ [1], которое по преданiю было принесено ап. Варѳоломеемъ, первымъ проповѣдникомъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ.

Однако даже со всѣми своими развѣтвленiями (дiаспорой), iудействующая церковь оставалась малолюдной. Она безъ сомнѣнiя потерпѣла при Траянѣ и Адрiанѣ отъ тѣхъ бѣдствiй, которыя обрушились на еврейскiй народъ. Во времена Оригена она занимала не видное положенiе. Великiй толкователь отвергалъ [2] предположенiе, будто 144000 избранныхъ Израиля въ Апокалипсисѣ представляютъ iудействующихъ христiанъ: такое число кажется ему для этого слишкомъ преувеличеннымъ. Такъ какъ Оригенъ писалъ два вѣка спустя послѣ Христа, то его исчисленiя должны охватывать 5—6 поколѣнiй. Слѣдовательно, онъ не предполагалъ, чтобы iудействующихъ было очень много.

Въ IV вѣкѣ еще существовали назареи; Евсевiй, св. Епифанiй, бл. Iеронимъ, въ особенности послѣднiй, были знакомы съ ними. О нихъ заходитъ рѣчь большею частью по поводу ихъ евангелiя; отзывы объ ихъ ученiи неблагопрiятны [3]. Тамъ и сямъ можно подмѣтить у нихъ нѣкоторые слѣды влiянiя великой церкви или даже сближенiя съ нею. Слiянiе совершилось, вѣроятно, путемъ единичныхъ присоединенiй. Ни одна изъ общинъ iудействующихъ христiанъ не вошла, въ качествѣ таковой, въ составъ восточныхъ патрiархiй.

Таковъ былъ незамѣтный и жалкiй конецъ iудействующаго христiанства. По мѣрѣ того, какъ церковь развивалась въ греко-римскомъ мiрѣ, она покидала свою колыбель; она должна была освободиться отъ iудействующихъ такъ же, какъ отъ самого iудейства. Во время своего послѣдняго путешествiя въ Iерусалимъ ап. Павелъ испыталъ насилiе со стороны евреевъ и недоброжелательное отношенiе со стороны iудействующихъ христiанъ, а защиту и относительное покровительство нашелъ у римлянъ. Это положенiе представляется символическимъ.

Но ап. Павлу приходилось считаться не только съ iудействующими законниками. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути утонченное iудейство, которое соединяло съ моисеевыми предписанiями еще особые обряды и аскетическiя упражненiя, дополняя въ то же время простыя вѣрованiя Израиля мудреными религiозными и философскими измышленiями. Ессеи въ Палестинѣ, Филонъ и ему подобные въ iудейскомъ разсѣянiи въ разныхъ видахъ были одушевлены однимъ и тѣмъ же стремленiемъ къ усовершенствованiю преданiя. Оно скоро дало себя почувствовать и въ первобытныхъ христiанскихъ общинахъ. На это высшее iудейское ученiе опирались учители, противъ которыхъ боролся ап. Павелъ въ своихъ посланiяхъ къ азiйскимъ церквамъ и съ которыми позднѣе познакомился св. Игнатiй. Въ частности выраженiемъ его служитъ ученiе Керинѳа. Во II вѣкѣ это движенiе, повидимому, немного, улеглось, по крайней мѣрѣ оно не бросается болѣе въ глаза среди шума, поднятаго сектами гностиковъ. Лѣтъ сто послѣ Керинѳа и Игнатiя мы слышимъ вновь проповѣдь iудействующаго христiанства подобнаго же типа [1]. Во времена папы Каллиста (217—222 г.), нѣкiй Алки-

---

христiанъ. (Victorinus Rhetor, *In Gal.* I, 19; II, 26; Philastrius, *Haer.*, 62; Ambrosiast., *In Gal., prooemium*; Augustinus, (*Contra Faustum*, XIX, 4, 17; *Contra Cresconium* I, 31). Во времена бл. Августина она насчитывала уже весьма мало послѣдователей. Св. Епифанiй говоритъ о Симмахѣ, какъ о самарянинѣ, обращенномъ въ iудейство, *De mens. et pond.*, 18. Это свѣдѣнiе не подтверждается другими, ср. Harnack, *Chronologie*, t. II, 164.

1) Евсевiй, разсказывающiй объ этомъ (*H. E.*, V, 10), отождествляетъ по обычаю это еврейское евангелiе съ первоначальнымъ текстомъ евангелiя отъ Матѳея.

2) *In. Joh. I, 1.*

3) „Quid dicam de Hebionitis qui christianos se simulant? Usque hodie per totas Orientis synagogas inter Iudaeos haeresis est quae dicitur Minaeorum et a Pharisaeis nunc usque damnatur, quos vulgo Nazaraeos nuncupant, qui credunt in Christum filium Dei natum de virgine Maria et eum dicunt esse qui sub Pontio Pilato passus est et resurrexit, in quem et nos credimus. Sed dum volunt et Judaei esse et Christiani, nec Iudaei sunt nec christiani“. (Что сказать объ эвiонитахъ, которые выдаютъ себя за христiанъ? До настоящаго времени существуетъ среди iудеевъ во всѣхъ восточныхъ синагогахъ ересь, все еще осуждаемая фарисеями и именуемая ересью минеевъ. Обыкновенно ихъ называютъ назареями. Они вѣруютъ во Христа, Сына Божiя, рожденнаго отъ Дѣвы Марiи и таковымъ называютъ Того, Кто страдалъ при Понтiи Пилатѣ и воскресъ, въ Кого вѣруемъ и мы. Но желая быть и iудеями и христiанами, они не оказываются ни iудеями, ни христiанами)“. Hieron. *Ep. ad. August.*, 89.— Св. Епифанiй, не колеблясь, причисляетъ ихъ къ еретикамъ (*Haer.*, XXIX).

1) *Philosoph.* IX, 13; ср. Origen. (Euseb. *H. E.* VI, 38) и Epiph. *Haer.*, XXX.

віадъ, прибывшій изъ Апамеи въ Сиріи, былъ представителемъ его въ Римѣ. Онъ принесъ съ собой мистическую книгу, которая была будто бы ниспослана нѣкоему праведнику, по имени Элкасай, въ 3 г. царствованія Траяна (100 г.)[1]) въ баснословной странѣ Серовъ. Элкасай получилъ ее отъ ангела ростомъ въ двадцать пять схеновъ или девяносто шесть миль, называвшагося Сыномъ Божіимъ; подлѣ него было существо женскаго пола такой же величины—Святой Духъ[2]). Откровеніе заключается лишь въ проповѣди покаянія, или скорѣе очищенія чрезъ крещеніе, непрестанно возобновляемое. Крещаемый погружался въ воду, призывая семь свидѣтелей, т.-е. Небо, Воду, Святыхъ духовъ, Ангеловъ молитвы, Елей, Соль и Землю. Этотъ обрядъ, по ихъ мнѣнію, не только очищалъ отъ грѣха, но излѣчивалъ отъ бѣшенства и другихъ болѣзней. Имѣлись заклинанія, состоявшія изъ сирійскихъ словъ, произносившихся навыворотъ. Эта секта, повидимому, не имѣла большого успѣха внѣ своей родины, гдѣ она очевидно раздробилась, ибо св. Епифаній зналъ нѣсколько ея разновидностей, которыя описалъ подъ именемъ оссеевъ, эвіонеевъ, сампсеевъ. Въ его время всѣ они были сосредоточены въ области къ востоку отъ Мертваго моря и Іордана. Изъ семьи Эльказая были еще въ живыхъ двѣ женщины, которыхъ ихъ единовѣрцы очень почитали, Марѳуза и Марѳана.

Эти сектанты соблюдали еврейскіе обычаи, но держались своихъ взглядовъ на канонъ св. Писанія. Пророковъ они отвергали, изъ Моисеева закона устраняли все, что касается жертвоприношеній; они унижали ап. Павла и отвергали его посланія. Новый Завѣтъ начинался евангеліемъ, изъ котораго св. Епифаній сохранилъ намъ нѣсколько отрывковъ. Сектанты считали этотъ текстъ написаннымъ ап. Матѳеемъ отъ имени всѣхъ двѣнадцати апостоловъ[3]). Среди нихъ обращались также сказанія объ апостолахъ, содержавшіяся въ особыхъ книгахъ, какъ „Керигмы (поученія) Петра“, изъ кото-

[1]) Нѣтъ ничего невозможнаго, что такая книга существовала и даже была составлена во времена Траяна. Основнымъ ея содержаніемъ была проповѣдь покаянія; непонятно, почему элказаиты Алкивіада,—если они сами сочинили ее—отодвинули такъ далеко призывъ къ покаянію. Въ этихъ случаяхъ призывъ влечетъ за собой скорый откликъ. Стоитъ вспомнить проповѣдь Ерма, почти современную проповѣди Элказая. Ср. Harnack, *Chronologie*, t. II, S. 167, 537.

[2]) Слово *духъ* въ семитическихъ языкахъ женскаго рода.

[3]) Нужно строго остерегаться смѣшивать съ этимъ позднимъ произведеніемъ евангеліе Евреевъ, о которомъ шла рѣчь выше, и въ особенности очень древній сборникъ Изреченій (*Logia*), о которомъ говоритъ Папій и который, повидимому, послужилъ однимъ изъ первоисточниковъ нашего каноническаго евангелія отъ Матѳея. Именемъ этого апостола въ особенности пользовались

рыхъ образовались Клементины[1]), и „Восхожденія св. Іакова“, на которыя ссылается св. Епифаній. Въ этихъ разнообразныхъ произведеніяхъ усиленно проповѣдуется аскетизмъ, особенно растительная пища и отвращеніе отъ вина. Даже для евхаристіи вино замѣнялось водой. Христологія имѣетъ сходство съ христологіей Керинѳа и эвіонитовъ: Іисусъ, сынъ Маріи и Іосифа[2]), возвысился до степени божества въ моментъ своего крещенія чрезъ соединеніе съ эономъ Христомъ; послѣдняго одни отождествляли съ Св. Духомъ, другіе съ Адамомъ, третьи, наконецъ, съ высшимъ ангеломъ, созданнымъ раньше всей прочей твари, воплощавшагося уже въ Адамѣ и другихъ лицахъ Ветхаго Завѣта. О томъ, какое отношеніе имѣлъ этотъ Христосъ къ ангелу, носившему имя Сына Божія, умалчивалось.

Эти ученія и обряды въ общемъ не представляютъ ничего особенно новаго. Это—старыя „іудейскія басни“ временъ ап. Павла, которыя пытаются подновить, ссылаясь на новое откровеніе и подкрѣпляя себя литературными произведеніями, составленными съ этой цѣлью.

составители апокрифовъ. Климентъ Александрійскій (*Paedag.*, II, 1) представляетъ себѣ ап. Матѳея ревностнымъ вегетаріанцемъ. Не знаю, откуда онъ это взялъ, но это обстоятельство должно было расположить въ его пользу элказаитовъ.

[1]) Новыя изслѣдованія о Клементинахъ (Waitz *Die Pseudo-Klementinen въ Texte und Untersuch.*, XXV. *H.* 4, ср. Harnack, *Chronologie*, II 518 и сл.), установили въ слѣдующихъ чертахъ ихъ происхожденіе. Во-первыхъ, въ концѣ II вѣка или началѣ III была составлена книга, озаглавленная *Поученія* (Керигмы) *Петра*, предисловіемъ къ которымъ было письмо Петра къ Іакову съ приложеннымъ къ нему „свидѣтельствомъ для получающихъ“. (Migne, *P. G.*, t. II p. 25). Это было произведеніе въ духѣ іудействующаго христіанства, враждебное ап. Павлу и сходное по мыслямъ съ ученіемъ Алкивіада. Около того же времени появилась книга церковнаго происхожденія, антигностическаго направленія, повѣствовавшая о борьбѣ Петра съ Симономъ, какъ съ представителемъ всѣхъ ересей. Эти двѣ книги были слиты довольно поздно въ III столѣтіи и образовали ортодоксальный романъ, въ которомъ выступаетъ личность Климента Римскаго (Περίοδοι Πέτρου); письмо послѣдняго къ ап. Іакову служило ему предисловіемъ. (Ibid. p. 32). Изъ этого климентова романа создалось отдѣльно двѣ редакціи, извѣстныя подъ именемъ Recognitiones и Homiliae; послѣднія мы имѣемъ въ греческомъ текстѣ, а Recognitiones въ латинскомъ переводѣ Руфина, и въ неполномъ Сирскомъ переводѣ. Обѣ эти редакціи—также православныя, но только съ точки зрѣнія древнѣйшихъ споровъ, ибо духъ лукіановой и аріанской школы проглядываетъ во многихъ мѣстахъ.

[2]) Однако нѣкоторые, какъ и среди эвіонитовъ, допускали чудесное рожденіе.

ГЛАВА X.

Произведенія христіанской литературы.

Посланія ап. Павла. Евангелія. Ученики, переселившіеся въ Азію: Филиппъ, Аристіонъ, Іоаннъ.—Преданіе объ ап. Іоаннѣ. Произведенія Іоанна. Устное преданіе и синоптическія Евангелія. Другія каноническія книги. Разныя произведенія: Дидахе, посланіе Варнавы, книги, приписываемыя ап. Петру.—Климентъ, Ермъ и прочіе „мужи апостольскіе“.

Съ того момента, какъ прерывается разсказъ Дѣяній, и до середины II вѣка, документы по исторіи христіанства становятся очень рѣдки, и ихъ слишкомъ трудно подобрать въ извѣстномъ порядкѣ или даже истолковать, чтобы по нимъ можно было составить послѣдовательный историческій разсказъ. Главныя черты уже указаны выше: возрастающій успѣхъ евангельской проповѣди, использованіе ею результатовъ, добытыхъ или подготовленныхъ іудейской пропагандой, упроченіе универсальнаго характера новой религіи, взаимное обособленіе христіанскихъ и іудействующихъ общинъ, первыя проявленія смѣлыхъ мнѣній, предвѣщавшихъ будущія ереси, устойчивость преданія, всюду находившаго себѣ опору въ мѣстной іерархіи, окрѣпшей и уяснившей кругъ своихъ полномочій, внѣшнія опасности вслѣдствіе нелегальнаго существованія.

Таковы общія черты положенія; онѣ естественно вытекали изъ условій, при которыхъ распространялось и утверждалось христіанство. Другой фактъ общаго характера и весьма важный по послѣдствіямъ подлежитъ теперь нашему разсмотрѣнію: это появленіе христіанской литературы.

Мы говорили уже о посланіяхъ ап. Павла, которыя въ общемъ являются древнѣйшими памятниками христіанской письменности. Если оставить въ сторонѣ *Пастырскія посланія*, которыя, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ, принадлежатъ къ нѣсколько позднѣйшему времени, всѣ прочія группируются между 53 и 62 годами. Хотя они были сперва написаны для хри-

стіанскихъ общинъ иногда отдаленныхъ другъ отъ друга, однако изъ нихъ довольно рано составился сборникъ. Климентъ и Поликарпъ, повидимому, имѣли его въ рукахъ.

Сложнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ темнѣе исторія Евангелій. Постараюсь вкратцѣ передать то немногое, что о ней извѣстно.

Какъ мы видѣли выше, не всѣ изъ первыхъ послѣдователей Христа остались въ Іерусалимѣ, но еще задолго до осады Іерусалима началось разсѣяніе вслѣдствіе ли мѣстныхъ гоненій или въ интересахъ проповѣди. Апостолы разошлись по разнымъ мѣстамъ, а съ ними много другихъ крупныхъ личностей, какъ напр., Сила, сопутствовавшій Павлу въ его второмъ путешествіи. Іудейская война должна была еще болѣе ускорить этотъ исходъ и занести въ далекіе края очевидцевъ самаго зарожденія христіанства. Переселенцы эти естественно принадлежали къ разряду людей съ болѣе широкимъ кругозоромъ, не боявшихся жить вдали отъ Палестины, среди язычниковъ. Азія приняла къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ числѣ ихъ находился евангелистъ Филиппъ, одинъ изъ семи іерусалимскихъ діаконовъ. Во время своего послѣдняго путешествія (58 г.) ап. Павелъ встрѣтилъ его въ Кесаріи, гдѣ онъ поселился, и пользовался здѣсь его гостепріимствомъ. У Филиппа было въ то время четыре дочери дѣвственницы и пророчицы[1]). Семья эта переселилась потомъ во Фригію, въ Іераполь, городъ, какъ уже видно это по названію, славившійся своими языческими святилищами. Папій, епископъ Іерапольскій (въ первой половинѣ II вѣка), зналъ этихъ пророчицъ и записалъ ихъ разсказы [2]). Поликратъ, бывшій въ концѣ того же вѣка епископомъ въ Ефесѣ, разсказываетъ, что двѣ изъ нихъ, хранившія дѣвство и умершія въ преклонныхъ лѣтахъ, были похоронены съ отцомъ въ Іераполѣ, а третья въ Ефесѣ [3]). Изъ его словъ видно, что въ областяхъ Азіи Филиппа Іерапольскаго смѣшивали уже съ одноименнымъ ему апостоломъ, однимъ изъ двѣнадцати. Это смѣшеніе получило распространеніе. Кромѣ Филиппа и его дочерей, преданіе запомнило еще имя нѣкоего Аристіона, которому недавно описанная рукопись приписываетъ второканоническое окончаніе

---

[1]) Дѣянія, XXI, 8, 9.
[2]) Euseb. *H. E.* III, 39.
[3]) Климентъ Александрійскій (*Strom.*, III, 6, 53; ср. Euseb. *H. E.*, III, 30) разсказываетъ, что у ап. Филиппа были дочери и что онъ ихъ выдалъ замужъ. Возможно, что это относится къ евангелисту Филиппу, и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ ограничить число замужнихъ дочерей, о которыхъ говоритъ Климентъ, двумя.

Евангелія отъ Марка[1]), и какого-то Іоанна, прозваннаго по противоположности Старцемъ (πρεσβύτερος). Оба они были „учениками Господа“. Они жили до глубокой старости, такъ что Папію довелось еще при ихъ жизни записать нѣкоторыя ихъ поученія.

Надъ этими немного уже неясными воспоминаніями паритъ образъ ап. Іоанна, сына Зеведеева, которому преданіе приписываетъ Апокалипсисъ, четвертое Евангеліе и три посланія изъ числа соборныхъ. Вопросъ, онъ ли дѣйствительно авторъ всѣхъ этихъ произведеній, является въ настоящее время весьма спорнымъ. Оспариваютъ даже самый фактъ его пребыванія въ Азіи.

Не вдаваясь во всѣ подробности этихъ проблемъ, необходимо отмѣтить здѣсь ихъ главныя основанія.

Апокалипсисъ несомнѣнно есть произведеніе какого-то пророка Іоанна, который является въ немъ облеченнымъ высокимъ авторитетомъ въ глазахъ азійскихъ и фригійскихъ церквей. Книга его была написана на небольшомъ островѣ Патмосѣ, куда авторъ ея былъ сосланъ за вѣру. Онъ именуетъ себя различнымъ образомъ, но никогда не называетъ апостоломъ. Напротивъ, самый тонъ, какимъ онъ говоритъ о „двѣнадцати апостолахъ Агнца“ (XXI, 14), производитъ такое впечатлѣніе, что онъ выдѣляетъ себя изъ ихъ высокочтимой среды.

Однако самый древній авторъ, упоминающій объ Апокалипсисѣ, Св. Іустинъ, не колеблясь, приписываетъ его ап. Іоанну[2]); также и позднѣйшіе писатели, за немногими лишь исключеніями, которыя, повидимому, внушены скорѣе догматическими соображеніями, чѣмъ данными противоположнаго преданія. Св. Іустинъ около 135 года долго жилъ въ Ефесѣ, т.-е. лѣтъ сорокъ спустя послѣ того времени, къ какому обыкновенно относятъ появленіе Апокалипсиса.

Если принять преданіе, самымъ древнимъ представителемъ котораго является Іустинъ, пребываніе ап. Іоанна въ Азіи не подлежитъ сомнѣнію, но остается еще подъ вопросомъ, можно ли приписать ему Евангеліе, и въ настоящемъ положеніи спора немногіе критики склоняются къ этому.

Здѣсь не только молчаніе Апокалипсиса противополагается преданію, но и молчаніе Папія, который упоминаетъ о св. Іоаннѣ, какъ объ обыкновенномъ апостолѣ, и какъ будто вовсе не знаетъ, что онъ имѣлъ особенныя отношенія къ азійской области. Нако-

[1]) Маркъ XVI, 9—20.
[2]) *Dial.*, 81.

нецъ, еще знаменательнѣе молчаніе св. Игнатія: онъ не только ни однимъ словомъ не обмолвился объ ап. Іоаннѣ въ своихъ посланіяхъ къ азійскимъ церквамъ, но, поставляя на видъ ефесянамъ ихъ связь съ апостолами, онъ упоминаетъ исключительно объ ап. Павлѣ. Поликарпъ въ посланіи къ филиппійцамъ хранитъ такое же молчаніе.

Въ Римѣ апостольское преданіе обосновано совсѣмъ иначе. Оно имѣетъ за себя первое посланіе Петра и посланіе Климента—два документа перваго вѣка. Игнатій, который не думаетъ ссылаться на ап. Іоанна передъ ефесскими христіанами, съ живостью напоминаетъ римскимъ объ ихъ особой близости къ апп. Петру и Павлу.

Однако, оставляя въ сторонѣ Апокалипсисъ, я не думаю, чтобы слѣдовало придавать слишкомъ большое значеніе молчанію Игнатія и Поликарпа. Можно удивляться, что ихъ посланія умалчиваютъ объ ап. Іоаннѣ, но упоминается ли въ нихъ объ Апокалипсисѣ и его авторѣ? Однако, во всякомъ случаѣ, послѣдній,—отожествляли его или нѣтъ съ сыномъ Зеведея,—былъ первостепеннымъ религіознымъ авторитетомъ для азійскихъ церквей. Можно было бы разсчитывать встрѣтить какіе-нибудь намеки на его личность, видѣнія, посланія въ увѣщаніяхъ, обращенныхъ Игнатіемъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, къ вѣрующимъ въ Ефесѣ, Смирнѣ и другихъ азійскихъ городахъ, однако, на дѣлѣ Игнатій ничего о нихъ не упоминаетъ. Болѣе того, въ самой серединѣ IV вѣка, когда пребываніе въ Азіи ап. Іоанна было общепризнаннымъ фактомъ, біографъ св. Поликарпа, разсказывая первоначальную исторію азійскихъ церквей отъ Павла до Поликарпа, подробно описывая возведеніе въ санъ знаменитаго смирнскаго епископа, ни разу при этомъ не называетъ ап. Іоанна, и это въ книгѣ, героя которой св. Ириней и Евсевій, уже съ давнихъ поръ изображали ученикомъ сына Зеведеева. Не удивительно ли такое молчаніе? Можно ли заключить отсюда, что жители Смирны въ IV вѣкѣ не знали еще, что ап. Іоаннъ былъ въ Азіи?

Итакъ, не слѣдуетъ слишкомъ много извлекать изъ факта молчанія Игнатія и Поликарпа; что же касается Папія, то и его молчаніе не является болѣе убѣдительнымъ[1]), ибо отъ него уцѣлѣло

[1]) Георгій Монахъ (Hamartolos) отмѣтилъ въ первой редакціи своей Хроники подъ царствованіемъ Нервы, что Папій во второй книгѣ *Logia* сообщалъ, будто ап. Іоаннъ былъ преданъ смерти Іудеями (Ср. Марка X, 39). Это мѣсто было выпущено Георгіемъ въ окончательной редакціи его Хроники (см. edit. de Boor, coll. Teubneri, t. II, p. 447).

лишь нѣсколько фразъ, и никто не можетъ утверждать, чтобы онъ имѣлъ другое мнѣніе объ авторѣ Апокалипсиса, чѣмъ его современникъ Іустинъ.

Остается молчаніе самого Апокалипсиса. Но можно ли считать себя въ правѣ, что нибудь рѣшительно доказывать на основаніи качествъ, какія себѣ приписываетъ или не приписываетъ авторъ такой необычайной книги? Онъ говоритъ не въ качествѣ апостола или свидѣтеля евангельскихъ событій и благовѣстника, а какъ пророкъ прославленнаго Христа, пребывающаго на небесахъ, руководящаго оттуда вѣрующими въ Него и напоминающаго имъ о Своемъ близкомъ пришествіи. Можно спросить, какая ему была нужда называть себя именемъ, не относящимся къ тому служенію, которое онъ исполнялъ, оглашая свои видѣнія?

Итакъ, кажется, что между возможными толкованіями этихъ различныхъ формъ умолчанія можно найти такія, которыя не стоятъ въ противорѣчіи съ весьма рано засвидѣтельствованнымъ преданіемъ. А въ такомъ случаѣ лучше еще держаться послѣдняго, не скрывая отъ себя, однако, что имѣются другія преданія, болѣе обоснованныя.

Поступающіеся этимъ преданіемъ должны признать авторомъ Апокалипсиса „пресвитера Іоанна", о которомъ упоминаетъ Папій. Довольно естественно приписать ему и два небольшія посланія св. Іоанна, авторъ которыхъ именуетъ себя старцемъ и даже старцемъ по преимуществу (ὁ πρεσβύτερος), что вполнѣ соотвѣтствуетъ свидѣтельству Папія.

Что касается Евангелія и перваго посланія ап. Іоанна, двухъ очень родственныхъ другъ другу памятниковъ, то они не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ Азіей. Ап. Іоаннъ могъ, и не вступая въ предѣлы Азіи, написать ихъ. Но я не намѣренъ касаться здѣсь поднятыхъ по этому поводу вопросовъ. Достаточно напомнить, что можно прослѣдить слѣды этого Евангелія до сочиненій Іустина, Папія, Поликарпа и Игнатія, и что Папій и Поликарпъ были знакомы также и съ первымъ посланіемъ Іоанна. Поэтому можно сказать, что вся совокупность этихъ произведеній— Апокалипсисъ, Евангеліе, Посланія были извѣстны въ Азіи съ первыхъ годовъ II вѣка. Однако эти древнія свидѣтельства все еще умалчиваютъ объ авторѣ. Преданіе въ этомъ отношеніи начинается лишь съ Татіана и св. Иринея. Нужно сказать, что съ этихъ поръ оно становится очень яснымъ и опредѣленнымъ.

Я не хочу этимъ сказать, чтобы противъ этого не возставали.

Евангеліе отъ Іоанна, такъ же какъ и его Апокалипсисъ, пришлось защищать[1]) противъ возраженій и притомъ соображеніями, въ которыя современные споры не внесли ничего существенно новаго. Еще долго будутъ разсуждать о томъ, что оно не похоже на прочія Евангелія, и о томъ, возможно ли человѣку, близкому ко Христу, представлять себѣ въ такомъ видѣ своего Учителя, приписывать Ему тѣ или иныя рѣчи, о неправдоподобіи философскаго развитія у палестинскаго рыбака, которое предполагается его знакомствомъ съ философской идеей Логоса.

Но Логосъ встрѣчается также и въ Апокалипсисѣ, т.-е. въ самой не александрійской книгѣ, какую только можно себѣ представить. То развитіе, которое вызываетъ сомнѣнія, когда рѣчь идетъ объ апостолѣ Іоаннѣ, необходимо допустить, приписывая Апокалипсисъ Пресвитеру Іоанну, вышедшему изъ той же среды. Что же касается возможнаго и невозможнаго въ области евангельской исторіи, то полезно вспомнить, что и синоптическія Евангелія разнятся между собой, и сгладить эти различія не всегда легко. Впрочемъ, намъ весьма трудно начертать независимо отъ частныхъ фактовъ (a priori) правила, какими долженъ бы былъ руководствоваться столь исключительный видъ литературныхъ произведеній. Несомнѣнно одно, что для публики этихъ первыхъ временъ совпаденіе разсказовъ и точность подробностей не имѣли того же значенія, что для насъ. Мы не въ правѣ приравнивать наши современныя требованія къ тѣмъ, съ какими должны были считаться священные писатели[2]).

Каковы бы ни были результаты этого спора, если даже будутъ приняты нѣкоторыя заключенія еще нуждающіяся въ доказатель-

---

[1]) Въ числѣ противниковъ особенно должно отмѣтить „Алоговъ" въ началѣ монтанистическаго движенія. Замѣчательно, что эти противники новаго пророчества, которые въ остальномъ держались одной линіи съ православной церковью, вздумали оспаривать подлинность Іоанновыхъ книгъ. Ихъ происхожденіе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ, не было столь ясно, какъ происхожденіе посланій апостола Павла (Объ Алогахъ см. главу XV нашего труда).

[2]) Другія евангелія, кромѣ каноническихъ, были составлены для христіанъ этихъ древнихъ временъ, и были приняты, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ кругахъ. Есть основаніе ими пользоваться, если желательно дать себѣ отчетъ въ томъ, что было возможно или невозможно предложить этой публикѣ. Авторъ евангелія отъ Петра предполагаетъ существованіе нашихъ четырехъ каноническихъ Евангелій. Однако просто невѣроятно, до какой степени ему безразлично было, согласоваться или нѣтъ съ своими предшественниками. Легенда объ Іудѣ (см. ниже), несовмѣстимая съ каноническими евангеліями, тѣмъ не менѣе принимается Папіемъ. Дальше я скажу объ отношеніи апокриѳическихъ Дѣяній апостола Павла къ Дѣяніямъ Апостоловъ.

ствахъ, несомнѣннымъ останется одинъ важный фактъ: какой-то Іоаннъ, „ученикъ Господень“, пришлецъ изъ Палестины, долго жилъ въ Азіи, и церкви этой страны почитали его первостепеннымъ авторитетомъ, принимали его руководство и даже предостереженія,[1]) чтили, въ немъ преклонный возрастъ, добродѣтели и самовидца первыхъ дней христіанства. Онъ жилъ такъ долго, что стали говорить, будто онъ никогда не умретъ; однако, онъ умеръ, но о немъ сохранилось весьма живое воспоминаніе. Знавшіе его считали это для себя честью и любили повторять его слова. Св. Ириней со словъ Папія разсказываетъ о пресвитерахъ, жившихъ съ Іоанномъ, ученикомъ Господнимъ; онъ съ большимъ благоговѣніемъ собиралъ все сказанное ими. Поликарпъ, котораго еп. ліонскій зналъ въ своемъ дѣтствѣ, былъ изъ числа этихъ пресвитеровъ (presbyteri). Могила Іоанна въ Ефесѣ была извѣстна и почитаема. Легенда, разумѣется, не замедлила украсить это воспоминаніе. Въ концѣ II вѣка Поликратъ, епископъ ефесскій, называетъ Іоанна священникомъ, носящимъ золотую дощечку (на головной повязкѣ), т.-е. онъ видитъ въ немъ іудейскаго первосвященника. Климентъ Александрійскій сохранилъ намъ трогательный разсказъ о томъ, какъ престарѣлый апостолъ бѣжалъ, чтобы спасти заблудшагося юношу [2]). Тертулліану уже извѣстно, что въ Римѣ Іоаннъ былъ брошенъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ: его жизнь, чудеса и кончина, или скорѣе таинственное успеніе, прославлялись въ одномъ изъ древнѣйшихъ сказаній объ апостолахъ [3]).

---

[1]) Были, однако, одиночные протесты, какъ видно изъ 3-го посланія апостола Іоанна.

[2]) Во время одного изъ своихъ миссіонерскихъ путешествій апостолъ Іоаннъ замѣтилъ въ толпѣ слушателей сильнаго, красиваго юношу съ искрящимися глазами. Угадавъ, какія возможности скрываются въ немъ, апостолъ поручилъ новообращеннаго попеченію мѣстнаго епископа. Но послѣдній оказался недостаточно бдительнымъ. Получивъ крещеніе, юноша сначала увлекся разгульной жизнью и кончилъ тѣмъ, что сталъ во главѣ разбойничьей шайки. Узнавъ объ этомъ, апостолъ Іоаннъ безъ провожатыхъ отправился въ станъ разбойниковъ и велѣлъ отвести себя къ ихъ начальнику. Когда юноша узналъ его, то отъ стыда бросился бѣжать, но старецъ, собравъ всѣ свои силы, побѣжалъ за нимъ, умоляя его остановиться. Цѣль этого подвига всепрощающей любви была достигнута: юноша раскаялся и возвратился къ церкви. (Климентъ Александрійскій, „Кто изъ богатыхъ спасется?“, 42). *Примѣчаніе редактора.*

[3]) Трудно допустить, чтобы эти азійскія воспоминанія, какимъ бы авторитетомъ они ни пользовались, могли относиться къ двумъ Іоаннамъ — одному ученику и другому Апостолу,—которые оба жили бы въ Азіи. Папій ясно различаетъ двухъ Іоанновъ, но онъ не ставитъ ихъ обоихъ въ отношеніе къ своей странѣ. Іоаннъ Азійскій былъ или Апостолъ или простой ученикъ: нужно признать что нибудь одно. Если отступить отъ принятаго мнѣнія, приходится допустить, что ученикъ Іоаннъ былъ отождествленъ съ сыномъ Зеведея, какъ

Престарѣлые азійскіе учители, изреченія которыхъ дошли до насъ благодаря Папію и Иринею, являются послѣдними представителями устнаго преданія. Очевидно, что въ началѣ, когда Новый Завѣтъ еще не сложился, а Евангелія въ частности или не были написаны, или не пользовались широкой извѣстностью, жили только этимъ преданіемъ. Такое положеніе было не безопасно, ибо извѣстно, съ какой легкостью искажается преданіе, не закрѣпленное въ письменности.

То, что ввѣрено памяти человѣка, легко поддается искаженію со стороны его воображенія или увлеченій его краснорѣчія. Въ той средѣ, гдѣ жилъ Папій, ходили разсказы о томъ, что Христосъ дожилъ до преклоннаго возраста (aetas senior) [1]), что Іуда не повѣсился, какъ сказано въ Евангеліи, а распухъ до такой степени, что не могъ больше проходить даже по улицамъ, по которымъ свободно проѣзжали колесницы; глаза его исчезли подъ вздувшимися вѣками... наконецъ, умирая, онъ издавалъ такое зловоніе, что жители принуждены были покинуть мѣсто, гдѣ онъ жилъ, и что оно смердило еще во время жизни разсказчика [2]). Апокалипсисъ предвѣщалъ тысячелѣтнее царство праведниковъ до всеобщаго воскресенія. Тема эта была довольно богато разработана. Въ тысячелѣтнемъ царствѣ будутъ произрастать лозы въ десять тысячъ вѣтвей; на каждой вѣтви будетъ десять тысячъ отростковъ и на каждомъ отросткѣ десять тысячъ кистей съ десятью тысячами ягодъ каждая; и каждая ягода будетъ давать двадцать пять метретъ вина. Съ пшеницей дѣло будетъ обстоять также [3]). И эти предсказанія выдавались за изреченія самого Христа. Іуда, невѣрующій еще прежде своего предательства, позволялъ себѣ возраженія и спросилъ, какимъ образомъ Богъ можетъ произвести такое плодородіе. „Узнаютъ это тѣ, отвѣтилъ Христосъ, которые войдутъ въ это царство“.

Филиппъ діаконъ съ апостоломъ Филиппомъ. Исторія о двухъ гробницахъ, о которой Діонисій Александрійскій сообщаетъ въ видѣ слуха (Euseb., VII, 25) не подтверждается археологическими памятниками Ефеса: въ Ефесѣ говорили лишь объ одномъ святилищѣ и объ одномъ Іоаннѣ.

[1]) Irenaeus, II, 22, 5, Cp. *Patres Apost.*, ed. Gebhart et Harnack. B. II, p. 112. Это можно извлечь и изъ Евангелія Іоанна, VIII, 57.

[2]) *PP. App.*, l. c. p. 94.

[3]) Irenaeus, V, 33, 3; *PP. App.*, l. c. p. 87. Эти слова объясняютъ презрѣніе, которое питали къ хиліазму греческіе учители III и IV вв. Во время Папія снисходительнѣе смотрѣли на такія предсказанія. Они встрѣчаются въ апокрифическихъ книгахъ Еноха и Варуха, а также въ Талмудѣ. Прим. авт.

Настало время принять писаныя Евангелія и придерживаться ихъ повѣствованій. Мы очень слабо освѣдомлены относительно редакціи и перваго появленія этихъ авторитетныхъ текстовъ, а такъ же и о томъ, какъ они были сначала приняты. Сверхъ того общаго факта, что Евангелія были даны церкви апостолами или ихъ непосредственными учениками, результаты, къ которымъ приводитъ насъ самая освѣдомленная, проницательная и даже самая смѣлая критика, всегда имѣютъ нѣчто неясное и гадательное, что можно принимать лишь съ сомнѣніемъ и въ видѣ предварительной гипотезы. Въ занимающемъ насъ вопросѣ самымъ древнимъ внѣшнимъ свидѣтельствомъ, на которое можно опереться, служатъ переданныя Паціемъ слова пресвитера Іоанна объ Евангеліяхъ Марка и Матѳея [1]). „Маркъ, истолкователь Петра, говоритъ Папій старательно, но не держась порядка, записывалъ свои воспоминанія о словахъ и дѣяніяхъ Христа. Онъ самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему, но впослѣдствіи былъ съ Петромъ, который разсказывалъ сообразно съ требованіями своей проповѣди, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господа передать по порядку. Поэтому Маркъ не заслуживаетъ упрековъ за то, что писалъ, какъ запомнилъ. Онъ заботился лишь объ одномъ: ничего не опустить изъ слышаннаго и передать только правду“. Черпая, повидимому, изъ того же источника, Папій продолжаетъ: „Матѳей записалъ бесѣды Господа (Logia) по-еврейски [2]); а всякій толковалъ ихъ какъ могъ“. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, что говорилъ пресвитеръ Іоаннъ о третьемъ Евангеліи. Его апологетическая оцѣнка Евангелія Марка, повидимому, предполагаетъ возраженія, выдвинутыя кѣмъ-то противъ этого Евангелія. Іоаннъ отстраняетъ ихъ, но онъ держался того мнѣнія, что Маркъ не представляетъ собой совершенства, что повѣствованіе, записанное не слушателемъ апостола, а непосредственнымъ свидѣтелемъ, повѣствованіе полное и, главное, болѣе послѣдовательное, имѣло бы нѣкоторое преимущество передъ вторымъ Евангеліемъ. Идеалъ этотъ не могъ быть найденъ имъ въ Евангеліи отъ Матѳея, въ которомъ дана та же послѣдовательность событій, что и у Марка, и греческій текстъ котораго не казался ему достаточно установившимся. Лука тоже подлежитъ исключенію, ибо онъ, какъ и

---

[1]) Eusebius, *H. E.*, III, 39.
[2]) Очевидно вдвинутыя въ рамки повѣствованія.

Маркъ, не былъ непосредственнымъ ученикомъ Христа. Остается Іоаннъ. Не выражается ли въ этомъ косвенное предпочтеніе четвертаго Евангелія?

Эти соображенія довольно соотвѣтствуютъ мысли, которая всплываетъ двумя, тремя поколѣніями позднѣе и согласно съ которой четвертый Евангелистъ болѣе или менѣе подтверждаетъ тексты остальныхъ трехъ Евангелистовъ, стараясь въ то же время пополнить ихъ иначе задуманнымъ изложеніемъ.

Восходя за предѣлы бесѣды пресвитера Іоанна, мы вступаемъ въ область гаданій.

Христіанская проповѣдь немыслима безъ нѣкотораго повѣствованія о жизни ея Основателя. Апостолы съ самыхъ первыхъ дней должны были разсказывать о своемъ Учителѣ, напоминать о Немъ тѣмъ, которые знали Его, и возвѣщать о Немъ никогда невидавшимъ Его.

Изъ этого устнаго и естественно неодинаковаго евангелія должны были съ раннихъ поръ произойти различныя и, въ свою очередь, неполныя редакціи, которыя, комбинируясь между собою и передаваясь черезъ болѣе или менѣе многочисленныя посредства, образовали въ концѣ-концовъ три текста, которые мы называемъ синоптическими, равно какъ и нѣсколько другихъ, непринятыхъ церковью, но тоже весьма древнихъ. Здѣсь я намѣренъ въ особенности остановиться на Евангеліи отъ Евреевъ и Евангеліи отъ Египтянъ. Первое было составлено на арамейскомъ языкѣ и принято іудействующей церковью въ Палестинѣ, а затѣмъ переведенное на греческій языкъ (καθ' Ἑβραίους), оно распространилось по ея колоніямъ, особенно въ Египтѣ. Здѣсь оно очутилось въ соперничествѣ съ другой редакціей, бывшей въ употребленіи у христіанъ изъ язычниковъ, Евангеліемъ отъ Египтянъ (κατ' Αἰγυπτίους). Таковы, по крайней мѣрѣ, самыя вѣроятныя предположенія, высказанныя до сихъ поръ о происхожденіи и назначеніи этихъ Евангелій.

Возможно, что наши синоптическія Евангелія первоначально были предназначены для мѣстнаго употребленія, какъ Евангеліе Евреевъ и Египтянъ. Но имена, которыми они украшались, всюду завоевывали имъ довѣріе. Можетъ быть, Евангелія отъ Марка и Луки читались сначала въ Римѣ и Коринѳѣ, Матѳея—гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но всѣ они скоро распространились за предѣлами своей первоначальной среды. Рано они стали извѣстны въ Азіи, гдѣ, повидимому, было написано четвертое Евангеліе. Разъ

евангельскіе тексты были собраны, ихъ стали сличать между собой. Написанныя съ весьма относительнымъ стремленіемъ къ точности въ подробностяхъ и къ строгости въ хронологіи, непосредственно вдохновленныя не всегда одинаковыми задачами, они представляли различія, на которыхъ вниманіе не могло не остановиться. Отсюда попытки пополнить или исправить одно на основаніи другого, или даже слить ихъ разсказы въ одно связное повѣствованіе. Дошедшія до насъ рукописи, а также выдержки изъ Евангелій у древнихъ авторовъ носятъ слѣды этой работы; нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ весьма глубокой древности. Другія же, не имѣя за собой такого свидѣтельства, навязываются намъ своимъ правдоподобіемъ. Здѣсь, впрочемъ, опасно утверждать что-либо опредѣленное. Надежнѣе не слишкомъ углубляться въ потемки, гдѣ можно испортить глаза, не достигнувъ сколько-нибудь цѣнныхъ результатовъ.

Къ тому же, для исторіи христіанскаго развитія имѣетъ важность не то, что можно было бы назвать доисторическимъ періодомъ существованія Евангелій, а послѣдствія ихъ вліянія на религіозную жизнь церкви.

Къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда появились Евангелія, и къ послѣдующему поколѣнію восходитъ извѣстное количество произведеній, которыя, будучи приписаны самимъ апостоламъ или другимъ виднымъ дѣятелямъ, стяжали себѣ большое уваженіе. Большая часть изъ нихъ составлены въ видѣ писемъ; всѣ вообще они отличаются религіозно-поучительнымъ или назидательнымъ характеромъ. Можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ первоначально были проповѣдями, произнесенными на собраніи христіанъ. Ихъ читали при богослуженіи послѣ или вмѣстѣ съ Священнымъ Писаніемъ. Когда признали нужнымъ установить христіанскую библію, Новый Завѣтъ, нѣкоторыя изъ этихъ произведеній нашли тамъ себѣ мѣсто.

Такимъ образомъ, Посланіе къ Евреямъ, сперва анонимное, затѣмъ приписанное одними Варнавѣ, другими Павлу, въ концѣ концовъ было приложено въ видѣ дополненія къ сборнику посланій ап. Павла. Составился и другой сборникъ—соборныхъ посланій, т.-е. обращенныхъ ко всей церкви въ ея совокупности; онъ долго оставался въ незавершенномъ видѣ и, смотря по мѣсту, въ него включали большее или меньшее количество посланій. Со временемъ число семь возобладало. Эти семь посланій составляютъ три вышеупомянутыя посланія Іоанна, два посланія Петра, одно Іуды и, наконецъ, одно ап. Іакова.

Кромѣ этихъ произведеній, за которыми церковь признала божественное вдохновеніе и сочла ихъ достойными занять мѣсто между каноническими писаніями, имѣются другія, свидѣтельствующія намъ объ убѣжденіяхъ нашихъ предковъ по вѣрѣ. Апостолы, по мѣрѣ того, какъ число ихъ убывало, и особенно послѣ того, какъ всѣ они умерли, пріобрѣтали въ глазахъ вѣрующихъ все большее и большое значеніе.

Казалось, будто одни апостолы имѣли право говорить къ Церкви. Даже послѣ своей смерти они продолжали поучать и назидать. Небольшое, весьма древнее сочиненіе, составленное не позднѣе временъ Траяна—Ученіе XII Апостоловъ (Διδαχή)—якобы написанное ими, содержитъ вкратцѣ предписанія обще-нравственнаго свойства и совѣты насчетъ организаціи общинъ и отправленія богослуженія. Это—достойный вниманія прототипъ всѣхъ сборниковъ апостольскихъ уставовъ или каноновъ, положившихъ начало восточному и западному церковному праву. Долгое время въ обращеніи было посланіе, сперва анонимное, а затѣмъ приписанное Варнавѣ; въ своей назидательной части оно очень близко „Ученію XII Апостоловъ“. Это послѣднее и посланіе Варнавы, повидимому, имѣютъ въ своей основѣ болѣе раннее произведеніе, въ которомъ нравственныя правила излагались въ видѣ описанія двухъ путей—добра и зла. Но Псевдо-Варнава не ограничивается изложеніемъ нравственныхъ правилъ; его посланіе содержитъ еще ученіе или скорѣе полемику противъ іудействующихъ. Послѣдняя вовлекаетъ автора въ настоящія крайности. По его мнѣнію Ветхій Завѣтъ былъ написанъ для христіанъ, а не для Израиля, который, будучи обольщенъ сатаной, никогда не понималъ его. Это странное положеніе доказывается изъ самого Писанія, которое подвергается самому неумѣренному аллегорическому толкованію.

Кромѣ своихъ двухъ каноническихъ посланій, Петръ является патрономъ еще другихъ произведеній: Проповѣди Петра (Κήρυγμα), Апокалипсиса Петра, Евангелія Петра; отъ нихъ уцѣлѣли лишь отрывки. Первая изъ этихъ книгъ—самая древняя. То, что отъ нея уцѣлѣло, даетъ понятіе объ увѣщаніяхъ въ духѣ средняго направленія въ христіанствѣ, безъ уклоненія вправо или влѣво; съ трудомъ можно найти здѣсь нѣсколько характерныхъ чертъ, подтверждающихъ древность памятника, о которой намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ. Апокалипсисъ, пользуясь разсказомъ о сошествіи Христа въ адъ, описываетъ въ назиданіе живущимъ муки, ожидающія грѣшниковъ въ другомъ мірѣ. Что же касается Еван-

гелія, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ всѣ четыре каноническія, но тѣмъ не менѣе весьма древняго (приблизительно около 110—130 г.г.), то оно имѣетъ смѣлыя особенности. Въ средѣ, въ которой оно возникло, евангельская исторія начала улетучиваться подъ вліяніемъ докетизма. Повѣствованіе въ общемъ не уклонялось отъ традиціонныхъ рамокъ, но пополнялось разсказами, искаженными фантазіей или даже нѣкоторыми богословскими тенденціями.

Всѣ упомянутыя до сихъ поръ произведенія считались, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ церквахъ, священными; они пользовались честью публичнаго чтенія въ собраніяхъ христіанъ.

Такое же значеніе имѣло посланіе римской церкви, обращенное около 97 года къ коринѳской и составленное епископомъ Климентомъ. Другой памятникъ, проповѣдь, а не посланіе, и проповѣдь, неизвѣстно гдѣ произнесенная—въ Римѣ, Коринѳѣ или даже въ другомъ мѣстѣ—была присоединена въ рукописяхъ къ посланію и пользовалась авторитетомъ имени Климента.

Такимъ образомъ, получилось два посланія св. Климента. Климента не безъ основанія считали ученикомъ апостоловъ и мужемъ апостольскимъ. Обаяніе, которымъ пользовались апостолы, распространялось и на него.

Другое римское произведеніе, Пастырь Ерма, тоже удостоилось чести публичнаго чтенія во многихъ церквахъ. Оно несомнѣнно выдавало себя за боговдохновенное. Даже романъ, посвященный личности св. Павла (Acta Pauli), довольно позднее произведеніе II вѣка, въ иныхъ мѣстахъ причислялся къ священнымъ книгамъ.

Другія не менѣе и даже, быть можетъ, болѣе древнія произведенія, чѣмъ только что названныя, не пользовались такимъ уваженіемъ. Я особенно имѣю въ виду семь посланій св. Игнатія и посланіе св. Поликарпа, которыя восходятъ до времени Траяна и приписываются высоко чтимымъ лицамъ. То же можно сказать объ утраченной книгѣ Папія Іерапольскаго „Объясненія Господнихъ изреченій“.

Каковы бы ни были ихъ извѣстность и авторитетъ, всѣ эти книги имѣютъ то общее, что были написаны для церкви, и что она признала въ нихъ то вдохновеніе, которое одушевляетъ и ее. Это—книги эсотерическія, обращенныя къ членамъ церкви и предназначенныя для утвержденія вѣры и оживленія христіанскаго чувства. Неудивительно, что, благодаря ихъ общему характеру, сначала не старались установить между ними тѣхъ точныхъ разграниченій,

изъ которыхъ позднѣе возникли разные каноны Новаго Завѣта, и, наконецъ, канонъ, нынѣ принятый всѣмъ христіанскимъ міромъ. Христіанство съ раннихъ поръ, съ самаго конца перваго вѣка, обладало извѣстнымъ количествомъ книгъ, принадлежавшихъ собственно ему, а не унаслѣдованныхъ имъ отъ Синагоги. Онѣ содержали въ главныхъ чертахъ и основныхъ данныхъ его собственное преданіе, въ которомъ уже намѣчались существенныя черты его развитія въ области ученія и учрежденій. Это—фактъ весьма важнаго значенія, и не взирая на нѣкоторыя спорныя подробности, фактъ неопровержимый.

ГЛАВА XI.

Гносисъ [1]) и Маркіонизмъ.

Первыя ереси и іудейскія спекуляціи. Враждебное отношеніе къ Богу Израиля: Симонъ Волхвъ и ему подобные.—Сатурнилъ Антіохійскій.—Сирійскій гносисъ.—Гностическія школы александрійскаго происхожденія: Валентинъ, Василидъ, Карпократъ.—Сущность гносиса — Гностическая экзегетика. — Деміургъ и Ветхій Завѣтъ.—Евангеліе и преданіе.—Гностическія братства.—Пропаганда въ Римѣ.—Маркіонъ.—Его принципы, ученіе, основанныя имъ церкви.—Устойчивость православія.—Еретическая литература.—Православная полемика.

Мы видѣли, что ересь возникла одновременно съ Евангеліемъ. Поле отчее едва лишь было засѣяно, какъ плевелы уже показываются рядомъ съ добрыми ростками. Отсюда постоянная тревога у руководителей первоначальныхъ общинъ, сказывающаяся въ посланіяхъ ап. Павла, въ Пастырскихъ посланіяхъ, въ Апокалипсисѣ, въ посланіяхъ ап. Петра, ап. Іуды и св. Игнатія. Насколько эти писанія позволяютъ судить объ оспариваемыхъ ученіяхъ, послѣднія можно, повидимому, свести къ слѣдующимъ положеніямъ.

1. Природа и законъ, будетъ ли то естественный законъ или законъ Моисеевъ [2]), суть произведенія духовъ, стоящихъ ниже Бога Отца, Вышняго и Истиннаго Бога.

---

[1]) *Гносисъ* или гностицизмъ—такъ называется цѣлое религіозное направленіе, корни котораго скрывались еще въ дохристіанской древности. Оно раздѣлилось на множество отдѣльныхъ сектъ, сильно различавшихся между собою въ подробностяхъ вѣроученія. Его отличительной чертой служитъ синкретизмъ, смѣшеніе и попытка примиренія въ одной системѣ самыхъ разнородныхъ религіозныхъ и философскихъ элементовъ. Названіе гносисъ (знаніе) въ приложеніи къ этому направленію вошло въ употребленіе потому, что этимъ именемъ характеризовали сущность и преимущества своей религіи сами послѣдователи ея. Они выдавали себя за носителей тайнаго знанія о происхожденіи и цѣли міра, объ образѣ совершенія таинствъ, служащихъ порукой спасенія, о способѣ начертанія и произношенія магическихъ знаковъ и формулъ, страшныхъ для темныхъ силъ. Безъ такого знанія, по мнѣнію гностиковъ, спасеніе невозможно. Прим. перев.

[2]) Довольно странно, что никому не пришло въ голову разграничить природу и нравственность и отнести ихъ къ двумъ различнымъ принципамъ. Это можно приписать вліянію библейскаго круга идей. Имѣя дѣло съ Библіей, невозможно полагать различія между Творцемъ и Законодателемъ.

2. Этотъ Вышній Богъ явилъ себя въ Іисусѣ Христѣ.

3. Истинный христіанинъ можетъ и долженъ освободиться изъ подъ власти силъ, сотворившихъ міръ и давшихъ законъ, дабы приблизиться къ Богу Отцу.

Эти положенія нельзя разсматривать какъ простое искаженіе апостольскаго ученія. Очевидно, сюда вошли христіанскія начала, но за исключеніемъ мѣста, отведеннаго Іисусу Христу и Его дѣлу, остальное стоитъ отдѣльно и легко объясняется эволюціей еврейской мысли, получающей возбужденіе со стороны философской любознательности грековъ. Чтобъ дать себѣ въ томъ отчетъ, достаточно вспомнить существенные пункты ученія Филона [1]). Богъ, по его мнѣнію, существо безконечное; Онъ не только выше всякаго несовершенства, но и всякаго совершенства, даже всякаго опредѣленія. Внѣ Его и независимо отъ Него существуетъ матерія, на которую Онъ воздѣйствуетъ черезъ посредство многообразныхъ силъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ Слову. Эти силы и самое Слово изображаются то какъ имманентныя Богу, то какъ отличныя отъ Него ипостаси; они сближаются то съ идеями Платона, то съ дѣйствующими причинами стоиковъ, то съ ангелами Библіи и демонами язычниковъ. Міръ созданъ ими изъ предвѣчнаго матеріальнаго начала. Нѣкоторыя изъ нихъ заключены въ человѣческія тѣла [2]), и отъ несоотвѣтствія ихъ божественной природы съ чувственной оболочкой происходитъ нравственный конфликтъ между долгомъ и хотѣніемъ. Цѣль нравственной жизни—побѣда духа надъ плотскими влеченіями. Главное средство къ тому—аскетизмъ; съ Божіей помощью полезно также знаніе и хорошо направленная дѣятельность. Этимъ путемъ душа приближается къ Богу и въ будущей жизни соединится съ Нимъ, даже въ этой жизни, въ состояніи экстаза ей можетъ быть дано временное обладаніе Имъ.

Итакъ, Богъ далеко отстоитъ отъ міра и соприкасается съ нимъ лишь черезъ исходящихъ отъ Него посредниковъ; нѣкоторыя божественныя начала существуютъ въ человѣчествѣ, какъ бы заключенныя въ узы матеріи, отъ которой они стремятся освободиться.

Вотъ самая сущность гностицизма. Остается только ввести сюда личность Христа и Его искупительную дѣятельность, цѣль которой

---

[1]) Ясное и сжатое изложеніе у Schürer'а, *Geschichte des jüdischen Volkes*, II, S. 867.

[2]) Одушевленныя тѣла; Филонъ былъ трихотомистомъ.

возвратить къ Богу затерянныя на землѣ частицы божества. Съ этимъ добавленіемъ мы получаемъ какъ разъ тѣ самыя ученія, которыя оспаривались древнѣйшими христіанскими писателями. Однако, чтобы дойти до чистаго гносиса, нужно сдѣлать еще одинъ шагъ: антагонизмъ, допускаемый между Богомъ и матеріей, нужно перенести въ среду небожителей; творца нужно представить себѣ болѣе или менѣе явнымъ врагомъ Вышняго Бога, а въ дѣлѣ спасенія противникомъ искупленія.

Чтобы придти къ этому, надо было открыто порвать съ религіозными представленіями Израиля. Ни Филону, столь почитавшему свою религію, ни учителямъ закона, „іудейскія басни“ которыхъ оспаривались апостолами, не могло придти въ голову причислить Бога Авраама, Исаака и Іакова къ разряду злыхъ духовъ.

1. Симонъ и простонародный гносисъ.

Но можно представить себѣ среду, гдѣ знаніе Библіи имѣло достаточное распространеніе, чтобы служить опорою для богословскихъ умозрѣній, и гдѣ, однако, не чувствовалось стѣсняющей почтительности по отношенію къ Іерусалимскому Богу. Эта среда не есть плодъ воображенія, она дѣйствительно существовала среди самарянъ. Поэтому преданіе отцовъ церкви въ изложеніи исторіи ересей согласно указываетъ на Самарію, какъ на ихъ исходную точку, и на Симона Гиттонскаго [1]), прозваннаго Волхвомъ, какъ на ихъ перваго родоначальника. Это, разумѣется, слѣдуетъ принять съ нѣкоторыми оговорками: ни Эвіона, ни Киринѳа нельзя считать духовными потомками Симона.

Итакъ, въ исторіи христіанства гносисъ въ собственномъ смыслѣ впервые появляется въ Самаріи, старой соперницѣ Іерусалима. Симонъ поучалъ уже въ странѣ, которая была его родиной, когда Филиппъ явился туда съ проповѣдью Евангелія. Онъ „передъ тѣмъ волхвовалъ и совращалъ народъ самарійскій, выдавая себя за кого-то великаго. За нимъ слѣдовали всѣ отъ малаго до большого, говоря: сей есть сила Божія, великая сила“ (Дѣян. VIII). Положеніе, занятое имъ, является какъ бы самарянскимъ слѣпкомъ съ положенія Христа въ Галилеѣ и Іудеѣ. По свидѣтельству Дѣяній, онъ присоединился къ христіанству, которое проповѣдывалъ сначала Филиппъ, а затѣмъ апостолы Петръ и Іоаннъ, и принялъ крещеніе.

[1]) Гиттонъ—небольшое мѣстечко Самарійскаго округа.

Пораженный дѣйствіями Духа среди новообращенныхъ, онъ сдѣлалъ попытку получить за деньги отъ апостоловъ силу совершать такія же чудеса. Притязаніе это было отвергнуто. Тѣмъ не менѣе въ Самаріи Симонъ былъ у себя дома, и ему было дано одержать верхъ надъ Духомъ Святымъ. Св. Іустинъ, который былъ родомъ изъ той же страны, передаетъ, [1]) что въ его время почти всѣ Самаряне почитали Симона за бога, за бога вышняго и господствующаго надъ всѣми силами. Одновременно поклонялись и его Мысли (Ἔννοια), которая, подобно ему, воплотилась въ женщинѣ по имени Елена. Св. Ириней сообщаетъ больше подробностей объ ученіи Симона. „Существуетъ, по ученію Симона, Высшая Сила, sublimissima Virtus, имѣющая соотвѣтствующее женское начало, свою Мысль. Исходя отъ Отца, Мысль создала ангеловъ, а они въ свою очередь создали міръ. Но такъ какъ ангелы не хотѣли казаться тѣмъ, чѣмъ были въ дѣйствительности, т.-е. твореніемъ Енноіа, то они удержали ее, поработили, заключили въ женское тѣло, и затѣмъ заставили пересѣляться изъ одной женщины въ другую. Она воплощалась въ Еленѣ, супругѣ Менелая и, наконецъ, сдѣлалась проституткой въ Тирѣ. Вышняя Сила явила себя іудеямъ въ видѣ Сына—въ Іисусѣ; въ Самаріи въ видѣ Отца—въ Симонѣ; въ другихъ странахъ въ видѣ Духа Святаго“. Вмѣшательство Бога въ дѣла міра было вызвано, во-первыхъ, необходимостью освободить Енноіа, а затѣмъ дурнымъ управленіемъ ангеловъ. Пророки были вдохновлены ими, поэтому они не заслуживаютъ вниманія. Вѣрующіе въ Симона могутъ, посредствомъ волхвованія, побѣждать господствующихъ въ мірѣ духовъ. Что же касается дѣлъ, то они не имѣютъ значенія, потому что спасаетъ благодать Божія; законъ—дѣло ангеловъ и служитъ лишь орудіемъ порабощенія. Ириней прибавляетъ, что Симонъ и Елена служили среди членовъ секты предметомъ божескаго поклоненія, что имъ воздвигали статуи, изображавшія ихъ въ видѣ Юпитера и Минервы.

Что же касается христологіи, то Симонъ училъ, что Вышняя Сила, дабы не быть узнанной во время своего нисхожденія въ міръ, послѣдовательно принимала видъ различныхъ ангеловъ и, наконецъ, въ Іисусѣ облеклась въ человѣческій образъ; такимъ образомъ среди людей Христосъ казался человѣкомъ, хотя не былъ имъ въ дѣйствительности; въ Іудеѣ Онъ предалъ Себя на видимыя страданія, не испытывая ихъ въ дѣйствительности.

[1]) *Apol.*, I, 26, 56; *Dial.* 120.

Быть можетъ, въ этомъ изложеніи есть черты, которыя относятся къ позднѣйшему развитію ученія, послѣдовавшему за первоначальнымъ основаніемъ секты. Но въ общемъ онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что говоритъ Іустинъ, и что мы читаемъ въ Дѣяніяхъ. Это постоянное вниманіе къ Библіи, даже когда авторитетъ ея не признается, эта смѣсь дуалистическихъ идей и греческихъ обрядовъ, эта магія,—все это вполнѣ соотвѣтствуютъ самарійской средѣ, этой благословенной странѣ религіознаго синкретизма. Гносисъ, получившій болѣе полное развитіе въ другомъ мѣстѣ, намѣчаетъ уже здѣсь свои характерныя особенности: абстрактный Богъ, міръ, созданный низшими небесными существами, божество, отчасти умалившее себя въ человѣчествѣ, и освобожденіе его посредствомъ искупленія. Здѣсь, въ Вышней Силѣ и первой Мысли (Симонъ, Елена), можно даже видѣть какъ бы первый намекъ на брачныя пары сизигій валентиновой системы.

Черта достойная замѣчанія, что иниціаторъ этого религіознаго движенія выдаетъ себя за воплощеніе божества: это очевидное подражаніе Евангелію.

Древніе авторы сближаютъ съ сектой Симона секту другого самарянина, Менандра Каппаретейскаго; упоминается также о нѣкоемъ Досиѳеѣ, предшественникѣ самого Симона, а быть можетъ даже и христіанства, и о какомъ-то Клеовіи [1]). Менандръ училъ въ Антіохіи. Всѣ эти главари сектъ дѣйствовали, повидимому, какъ Симонъ, и приписывали себѣ божественное происхожденіе. Послѣдователи ихъ были скромнѣе.

Однимъ изъ первыхъ, на кого обращается наше вниманіе, является Сатурнилъ [2]) Антіохійскій; онъ заставилъ говорить о себѣ не задолго до Траяна [3]). По его ученію Богъ Отецъ, котораго никто не можетъ ни наименовать, ни познать, сотворилъ ангеловъ, архангеловъ, силъ и проч.. Чувственный міръ созданъ семью ангелами. Они сотворили человѣка по лучезарному образу Всевышняго Бога, явившемуся имъ на мгновеніе, но произведеніе ихъ было сначала

[1]) Егезиппъ у Евсевія, *H. E.*, IV, 22; Ириней, *Haer.* I, 23; Tert., *De Praescr.*, 46.

[2]) Имя этого гностика въ передачѣ латинскихъ церковныхъ писателей читается Сатурнинъ, а у греческихъ—Саторнилъ. Авторъ переводимаго труда называетъ его Сатурнилъ. Прим. перев.

[3]) Упоминается Іустиномъ, *Dial.* 35, и Егезиппомъ, l. c. То, что о немъ извѣстно, изложено у Иринея I, 24; другіе авторы, трактующіе объ ересяхъ, заимствуютъ у послѣдняго. Во всѣхъ этихъ памятникахъ Сатурнилъ занимаетъ мѣсто между группой Симона и великими гностиками временъ Адріана.

очень не совершенно. Первобытный человѣкъ ползалъ по землѣ и не могъ подняться. Богъ сжалился надъ нимъ, такъ какъ призналъ въ немъ нѣкоторое подобіе Себѣ; Онъ послалъ ему искру жизни, которая завершила его строеніе. Со смертью искра эта освобождается и возвращается къ своему божественному началу.

Богъ іудеевъ является однимъ изъ ангеловъ міросоздателей. По ихъ внушенію говорили пророки, а нѣкоторые даже по внушенію ихъ врага, сатаны. Эти ангелы-міросоздатели возстали противъ Бога; Спаситель пришелъ, чтобы покорить ихъ и іудейскаго бога въ особенности. Спаситель исходитъ отъ Всевышняго Бога [1]). Онъ не рожденъ и безплотенъ. Кромѣ торжества надъ іудейскимъ богомъ и ему подобными, онъ имѣлъ въ виду спасеніе людей или скорѣе только тѣхъ, которые въ искрѣ жизни имѣютъ божественное начало и доступны спасенію [2]).

Бракъ и чадородіе считались въ сектѣ дѣломъ сатаны. Большинство сатурниліанъ воздерживалось отъ мяса животныхъ и, повидимому, это воздержаніе было причиной особеннаго успѣха секты.

Здѣсь, несмотря на враждебное отношеніе къ іудейству, мы встрѣчаемъ еще библейское ученіе объ ангелахъ, но небесныя сизигіи отсутствуютъ, основатель секты не претендуетъ на божественное достоинство, наконецъ, мораль отличается аскетическимъ характеромъ. Все это—черты, отличающія гносисъ Сатурнила отъ гносиса Симона. Его рѣзко выраженный докетизмъ, его Спаситель, имѣющій лишь одну видимость человѣка, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что, какъ мы уже отмѣтили, озабочивало св. Игнатія, который тоже былъ родомъ изъ Антіохіи и подобно Сатурнилу принадлежалъ къ современникамъ Траяна.

Эти первобытныя ереси, какъ кажется, не пользовались большимъ успѣхомъ внѣ сферы ихъ возникновенія. Св. Іустинъ, отъ котораго мы знаемъ, что почти всѣ самаряне во времена Антонина Пія были учениками Симона, говоритъ, что эта секта въ другихъ мѣстахъ имѣла лишь весьма мало послѣдователей [3]). На

[1]) Это естественный выводъ изъ самой системы, но въ памятникѣ ничего объ этомъ не говорится.

[2]) Въ изложеніи св. Иринея здѣсь замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность. Сначала кажется, что всѣ люди имѣютъ искру жизни, божественный элементъ, затѣмъ это преимущество ограничивается разрядомъ привиллегированныхъ лицъ.

[3]) Столѣтіе спустя послѣ Іустина, Оригенъ (*Cels.* I, 57) утверждаетъ, что во всемъ мірѣ найдется не болѣе тридцати симоніанъ.

основаніи ложнопонятой надписи [1]), онъ полагалъ, что Симонъ былъ почтенъ въ Римѣ статуей, воздвигнутой ему государственными властями. Но мало вѣроятія, чтобы Симонъ Волхвъ распространялъ свою дѣятельность такъ далеко отъ родины. Все, что передаютъ объ его пребываніи въ Римѣ и о борьбѣ, которая будто произошла у него тамъ съ Петромъ, можно отнести теперь въ область легенды. Менандръ обѣщалъ своимъ ученикамъ, что они не умрутъ. Во времена Іустина нѣкоторые изъ нихъ были еще живы.

Особенный успѣхъ, которымъ Симонъ пользовался въ Сиріи, далеко еще не исчерпываетъ всего успѣха гносиса. Вслѣдствіе ли развитія или подражанія, но въ этой странѣ произошло необычайное размноженіе сектъ, которыя св. Ириней тѣсно связываетъ съ симонизмомъ и сравниваетъ съ грибами. Онъ называетъ ихъ общимъ именемъ гностиковъ и описываетъ нѣсколько ихъ разновидностей [2]). Эту именно категорію сектъ довольно часто обозначаютъ подъ именемъ офитскихъ (ὄφις, змѣя); но названіе это, повидимому, можно отнести лишь къ нѣкоторымъ изъ нихъ—къ тѣмъ, у которыхъ библейскій змѣй игралъ особенную роль. Имена небесныхъ эоновъ и соотношеніе, установленное между метафизическими измышленіями и библейской исторіей, разнятся болѣе или менѣе, смотря по системѣ. Но на самой вершинѣ мірозданія мы всегда находимъ Неизреченное Существо и высшую Мысль (Енноіа, Барбело и др.), отъ которыхъ происходятъ огдоады и гебдомады; вездѣ также фигурируетъ эонъ (Пруникосъ, Софія и т. п.), подвергающійся несчастію, вслѣдствіе котораго часть божественныхъ искръ попадаетъ въ низшія сферы. Съ этой божественной катастрофой связано происхожденіе Деміурга, часто называемаго Іалдабаотомъ. Деміургъ находится въ полномъ невѣдѣніи относительно міра, который выше его; онъ считаетъ себя единымъ истиннымъ Богомъ и любитъ говорить объ этомъ въ Библіи, написанной по его вдохновенію. Но божественныя искры должны освободиться отъ оковъ низшаго міра; для этого эонъ Христосъ, одинъ изъ первыхъ въ Плеромѣ, соединяется съ человѣкомъ Іисусомъ и начинаетъ въ немъ дѣло спасенія.

---

[1]) Извѣстное смѣшеніе древняго сабинскаго божества Semo Sancus, Deus Fidius (Семонъ Санкъ, богъ договоровъ), съ Simo sanctus Deus (Симонъ святой богъ).

[2]) *Haer*. I, 29—31. Ни Іустинъ, ни Егезиппъ не выдѣляютъ этихъ еретиковъ въ особый разрядъ; я полагаю, что они подразумѣваютъ ихъ подъ общимъ названіемъ симоніанъ.

2. Валентинъ, Василидъ, Карпократъ.

Вслѣдъ за первымъ порывомъ возбужденія въ сирійскихъ странахъ, самарійскій гностицизмъ не замедлилъ найти дорогу въ Египетъ. Нѣкоторые изъ его различныхъ сектъ пустили здѣсь корни и продержались почти до IV в. Цельсу извѣстны были эти разновидности „гностиковъ“, и онъ даже читалъ ихъ произведенія [1]). Въ дѣтствѣ Оригенъ проживалъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ однимъ учителемъ, родомъ изъ Антіохіи, по имени Павломъ, который былъ въ большомъ почетѣ у александрійскихъ еретиковъ [2]). Отрывки ихъ литературы находятъ теперь въ коптскихъ рукописяхъ и папирусахъ. Но наибольшій успѣхъ былъ пріобрѣтенъ ими не прямо, а черезъ посредство гораздо болѣе извѣстныхъ гностическихъ системъ, съ которыми связаны имена александрійцевъ: Василида, Валентина и Карпократа.

Появленіе этихъ ересей относится древними авторами ко времени импер. Адріана [3]) (117—138 г.). Изложенная подробно и подвергнутая критикѣ св. Иринеемъ, система Валентина изъ всѣхъ трехъ наиболѣе извѣстна и, очевидно, получила наибольшее распространеніе. Отмѣтимъ ея главныя черты.

Во главѣ невидимаго и неизреченнаго міра находится Первосущій Отецъ, Глубина нерожденная, со своей супругой, Сиге (Молчаніемъ). Когда онъ „восхотѣлъ сотворить“, онъ оплодотворилъ Сиге, которая родила подобное ему существо, Умъ (Νοῦς) [4]), и одновременно женское начало, относящееся къ Уму, какъ Сиге къ Глубинѣ. Эта подруга Ума есть Истина. Глубина и Сиге, Умъ и и Истина—первые четыре эона—образуютъ первую четверицу (tetrada). Отъ Ума и Истины рождаются Слово и Жизнь, а отъ нихъ Человѣкъ и Церковь. Такимъ образомъ изъ восьми высшихъ эоновъ составляется восмерица (огдоада).

---

[1]) Оригенъ, *Contra Celsum*, V, 61, 62; VI, 24—28.

[2]) Euseb., *H. E.*, VI, 2.

[3]) Въ своей хроникѣ Евсевій болѣе точенъ. Подъ 134 г. значится: Basilides haeresiarcha his temporibus apparuit. (Въ это время появился ересеархъ Василидъ). Не ясно къ какому особому событію относится это замѣчаніе.

[4]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда мужской или женскій родъ для отвлеченныхъ понятій имѣетъ столь важное значеніе, переводъ представляетъ особенныя трудности, такъ какъ часто случается, что слово при переводѣ на другой языкъ мѣняетъ родъ.

Но размноженіе эоновъ не остановилось на этомъ. Отъ первой изъ двухъ послѣднихъ брачныхъ паръ рождаются пять, а отъ второй шесть новыхъ брачныхъ паръ, что составляетъ въ общей совокупности тридцать эоновъ: пятнадцать мужескаго и пятнадцать женскаго пола, распредѣленныхъ на три группы: огдоада (восмерица), декада (десятерица) и додекада (двоенадесятица). Эти три группы образуютъ вмѣстѣ Плерому: совершенное царство неизреченныхъ духовъ.

До сихъ поръ мы еще находимся въ области отвлеченій; чтобы перенестись отсюда въ чувственный міръ, требовался переходъ, и этимъ переходомъ служитъ нарушеніе гармоніи эоновъ, безпорядокъ, нѣчто въ родѣ первороднаго грѣха.

На послѣдней ступени Додекады и всей Плеромы находится брачная пара: Вожделѣнный и Премудрость (Θελητός καὶ Σοφία) [1]). Софіа, Премудрость, внезапно исполняется желаніемъ познать таинственнаго Отца, Глубину. Но это первоначало всѣхъ вещей доступно познанію лишь первороднаго Сына, Ума. Желаніе Премудрости является такимъ образомъ беззаконнымъ желаніемъ, страстью. Эта неудовлетворенная страсть есть гибель для возымѣвшаго ее существа. Премудрости грозитъ полное уничтоженіе и разсѣяніе въ безконечномъ, но она встрѣчаетъ Предѣлъ всего (ὅρος), положенный Отцемъ въ видѣ грани вокругъ Плеромы. Остановленная имъ, она приходитъ въ себя и возвращается къ прежнему состоянію. Но обуреваемая неудовлетворенной страстью, она зачинаетъ, а такъ какъ эонъ, супругъ ея, былъ непричастенъ этому зачатію, то оно было неестественнымъ, а отсюда и плодомъ отъ него было нѣчто несовершенное по существу. Это существо, называемое на языкѣ валентиніанъ Ахамотъ (Hachamoth), похоть Премудрости, было извергнуто изъ Плеромы.

Чтобы въ средѣ послѣдней не возникло снова безпорядка, подобнаго внесенному туда Премудростью въ минуту увлеченія страстью, вторая брачная пара эоновъ, Умъ и Истина, рождаютъ шестнадцатую пару— Христа и Св. Духа, который въ сизигіи является существомъ женскаго рода [2]). Эти два новые эона научили другихъ уважать гра-

---

[1]) Σοφία, по-гречески скорѣе означаетъ искусство, чѣмъ мудрость. Мудрости болѣе соотвѣтствуетъ слово σωφροσύνη, которое довольно вѣрно передаетъ понятіе о нравственной мудрости. Σοφός скорѣе человѣкъ находчивый, чѣмъ честный, скорѣе Улиссъ, чѣмъ Аристидъ.

[2]) Здѣсь, какъ и въ имени Ахамотъ, мы имѣемъ дѣло съ слѣдами восточнаго вліянія: духъ въ семитическихъ нарѣчіяхъ—слово женскаго рода.

ницы своей природы и не стремиться познать непостижимое. Эоны проникаются этой проповѣдью; такимъ образомъ единство Плеромы возстновляется и гармонія ея достигаетъ совершенства. И тутъ, въ порывѣ благодарности къ Всевышнему Отцу, соединяя свои силы и совершенства, всѣ они вмѣстѣ рождаютъ тридцать третьяго эона, Іисуса Спасителя.

Однако Ахамотъ, страсть премудрости, оставалась внѣ божественной Плеромы. Послѣдняя посылаетъ къ ней одного за другимъ двухъ визитаторовъ. Одинъ изъ нихъ, Христосъ, даетъ этому подобію аристотелевской матеріи нѣкотораго рода субстанціальную форму съ зародышемъ сознанія. Вслѣдствіе этого Ахамотъ приходитъ къ сознанію своего собственнаго несовершенства и испытываетъ рядъ страстей: печаль, страхъ, отчаяніе, невѣдѣніе. Второй визитаторъ, эонъ Іисусъ, отдѣляетъ отъ нея эти страсти. Подъ вліяніемъ этого второго воздѣйствія рождается неодушевленная (ὑλική) и одушевленная субстанція (ψυχική); первая образовалась изъ страстей Ахамотъ, вторая отъ ея обращенія къ болѣе совершенному состоянію послѣ удаленія страстей. Въ этомъ улучшенномъ состояніи она становится способна къ зачатію. Одинъ взглядъ на ангеловъ, сопровождавшихъ Спасителя, уже оплодотворяетъ ее, и она зачинаетъ такимъ образомъ третью субстанцію, духовную (πνευματική).

До сихъ поръ мы находимся еще въ предвореніи низшаго міра, Кеномы, который противостоитъ Плеромѣ. Видимый міръ еще предстоитъ создать; а пока вызваны къ бытію только три субстанціи, изъ которыхъ онъ долженъ образоваться: матеріальная, психическая, и пневматическая. Долженъ, наконецъ, сначала произойти Творецъ. Онъ не будетъ имъ въ собственномъ смыслѣ слова, ибо элементы для его творческой дѣятельности существовали до него. Ахамотъ не можетъ извлечь его изъ духовной (пневматической) субстанціи, надъ которой она не имѣетъ никакой власти; поэтому она производитъ его изъ душевной (психической) субстанціи. Созданный такимъ образомъ, Творецъ, или Деміургъ, въ свою очередь облекаетъ въ форму всякое одушевленное (психическое) или матеріальное (гилическое) бытіе. Онъ—отецъ перваго, творецъ второго, создатель и царь того и другого. Между сотворенными такимъ образомъ существами нужно различать семь небесъ, они же—семь ангеловъ, но не семь чистыхъ духовъ (πνεύματα). Деміургъ дѣйствуетъ, какъ слѣпой; самъ того не сознавая, онъ старается воспроизвести Плерому въ той низшей сферѣ, въ которой онъ дѣйствуетъ. Ахамотъ въ Кеномѣ соотвѣтствуетъ Глубинѣ,

Деміургъ—перворожденному Уму, ангелы или небеса другимъ эонамъ. Въ невѣдѣніи всего, что выше и совершеннѣе его, Деміургъ считаетъ себя единственнымъ творцемъ и владыкой вселенной. Это онъ и возвѣстилъ чрезъ пророковъ: „Я—Богъ, и нѣтъ другого Бога кромѣ меня“. Ему обязанъ существованіемъ человѣкъ со стороны своей матеріальной и животной природы (илики и психики). Но извѣстное количество людей выше другихъ; это—пневматики или люди духовной природы. Они не всецѣло произошли отъ Деміурга; въ нихъ проникла духовная субстанція, родившаяся отъ Ахамотъ; благодаря этому высшему элементу, они представляютъ собою избранныхъ рода человѣческаго[1]). Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ дѣло спасенія. Изъ трехъ категорій людей, первые, матеріальные (илики), не могутъ спастись. Они неминуемо погибнутъ вмѣстѣ съ матеріей, изъ которой они созданы. Духовные (пневматики) не нуждаются въ спасеніи; они—избранные по природѣ. Средину между тѣми и другими занимаютъ психики; для нихъ спасеніе возможно, но они не могутъ достичь этого безъ помощи свыше.—Искупленіе совершается собственно для нихъ. Искупитель состоялъ изъ четырехъ элементовъ: первый, не будучи матеріальнымъ, имѣетъ видимость матеріи, но достаточно и этой видимости, такъ какъ матерія не подлежитъ спасенію, второй элементъ—психическій, третій—пневматическій, четвертый—божественный. Божественнымъ элементомъ въ лицѣ Искупителя былъ Іисусъ, послѣдній эонъ. Итакъ, три послѣдніе элемента произошли отъ Деміурга, Ахамотъ и Плеромы. Однако, эонъ Іисусъ вселился въ Искупителя лишь въ моментъ крещенія, а когда Спаситель предсталъ передъ Пилатомъ, то вновь вознесся въ Плерому, взявъ съ собой пневматической элементъ и оставивъ на страданія психическій, облеченный въ его матеріальную видимость.

Конецъ человѣчества наступитъ, когда истощится творческая сила Деміурга. Ахамотъ, преобразившись, наконецъ, въ небеснаго эона, получитъ мѣсто въ Плеромѣ и сдѣлается супругой Іисуса-Спасителя. Вмѣстѣ съ ней войдутъ туда и духовные (пневматики) люди; они сочетаются бракомъ съ ангелами, которые образуютъ

---

[1]) Существуютъ, если можно такъ выразиться, три области: Плерома, гдѣ пребываютъ эоны, Огдоада, гдѣ находится Ахамотъ-Софія, Гебдомада—мѣстопребываніе Деміурга; далѣе есть три державныхъ начала: Глубина, Ахамотъ и Деміургъ и три разряда существъ: абстракціи божественныхъ свойствъ (эоны), абстракціи низшаго бытія (матерія, душа, духъ) и чувственный міръ.

сонмъ вокругъ Спасителя. Деміургъ займетъ мѣсто Ахамотъ и поднимется такимъ образомъ на одну ступень въ лѣствицѣ существъ. За нимъ послѣдуютъ тѣ изъ „психиковъ“, которые достигли своего назначенія; прочіе вмѣстѣ съ матеріальными людьми погибнутъ въ общемъ пламени, которое уничтожитъ всю матерію.

На языкѣ обыденной жизни эти три категоріи людей соотвѣтствуютъ: валентиніанамъ, обыкновеннымъ христіанамъ и нехристіанамъ. Первые и послѣдніе безповоротно предназначены—одни къ жизни вѣчной, другіе къ уничтоженію. Валентиніанинъ можетъ жить, какъ ему угодно, и каковы бы ни были его поступки, они не отражаются на духовной природѣ его существа: духъ не зависитъ отъ плоти и неотвѣтствененъ за нее. Можно себѣ представить отсюда, каковы были нравственныя послѣдствія этого ученія.

Валентинъ былъ довольно снисходительный еретикъ. Разумѣется, онъ предоставлялъ своимъ послѣдователямъ много льготъ на этомъ свѣтѣ, а на томъ—всѣ преимущества вѣчнаго прославленія, но онъ допускалъ, что люди, принадлежащіе къ великой церкви, обыкновенные христіане, могутъ добродѣтельной жизнью достичь извѣстнаго благополучія. Самому Деміургу, отвѣтственному создателю, творенія котораго такъ сильно критиковались въ другихъ сектахъ, предназначался здѣсь весьма почетный удѣлъ.

Валентиновскій гносисъ съ начала до конца построенъ на идеѣ брака. Начиная съ самыхъ отвлеченныхъ началъ бытія и до ихъ конечнаго завершенія, мы видимъ лишь сизигіи, браки и произрожденіе. Въ этомъ, какъ и въ нравственныхъ выводахъ, онъ скорѣе напоминаетъ Симоновскую, нежели Сатурниловскую систему. Василидъ, [1]) наоборотъ, скорѣе приближается къ Сатурнилу; символомъ длинной эволюціи отъ отвлеченнаго къ конкретному онъ беретъ не половыя отношенія, а нѣчто другое. Его эоны такъ же, какъ ангелы у Сатурнила, безбрачны. Но сложность его системы столь же велика, какъ и у Валентина.

Отъ Нерожденнаго Отца происходитъ Нусъ, отъ Нуса Логосъ, отъ Логоса Фронесисъ, отъ Фронесисъ Софія и Динамисъ, произ-

---

[1]) Въ изложеніи системы Василида я полагаюсь на св. Иринея (I, 24), которому слѣдуетъ и св. Ипполитъ въ своей Syntagma (Pseudo-Tert., Epiph., *Haer.* 24; Philastr., 32) *Philosophumena* даютъ совершенно другое понятіе о системѣ, но по памятникамъ, происхожденіе которыхъ внушаетъ сомнѣніе. Климентъ александрійскій сохранилъ намъ нѣсколько любопытныхъ чертъ, но лишь относительно нравственной стороны ученія.

водящія другія существа: силы, власти, ангеловъ.—Ими заселяется первое небо. Но существуетъ не менѣе 365 небесъ; то, которое мы видимъ, есть послѣднее. На немъ живутъ ангелы міросоздатели; во главѣ ихъ стоитъ Богъ іудеевъ. Онъ вознамѣрился подчинить всѣ народы покровительствуемой имъ націи. Отсюда произошло столкновеніе между нимъ и другими ангелами. Чтобы возстановить миръ и освободить человѣка отъ тиранніи деміурговъ, Всевышній Отецъ посылаетъ на землю Нусъ, который въ Іисусѣ принимаетъ человѣческій образъ. Въ моментъ страстей, Искупитель обмѣнивается видимостью съ Симономъ Киренейскимъ, который и былъ распятъ вмѣсто него. Поэтому нѣтъ никакого основанія поклоняться распятому и въ особенности терпѣть во имя его мученичество. Спасеніе заключается въ знаніи истиннаго положенія вещей, какимъ его представляютъ василидіане.

Ветхій Завѣтъ былъ отвергнутъ, какъ написанный по внушенію міросоздателей. Магія, дающая власть надъ этими злыми духами, была въ большомъ почетѣ у василидіанъ. Они пользовались заклинательными формулами. Самой извѣстной между ними было слово *Abraxas* или *Abrasax*, буквы котораго, сложенныя по ихъ цифровому значенію (по-гречески), даютъ число 365, соотвѣтствующее количеству высшихъ міровъ. Мораль была построена на началахъ детерминизма [1]), какъ и въ системѣ Валентина. Вѣра есть дѣло природы, а не воли. Страсти имѣютъ нѣкоторый родъ субстанціальности. Ихъ называли придатками; это—качества животныхъ, связанныя съ разумнымъ началомъ, которое оказывается такимъ образомъ снабженнымъ причудливыми инстинктами волка, обезьяны, льва, козла и т. д. [2]). Не затронутая сама по себѣ прегрѣшеніями, въ которыя ее вовлекли страсти, духовная душа тѣмъ не менѣе несетъ ихъ послѣдствія: всякій грѣхъ долженъ быть искупленъ и дѣйствительно искупается страданіями въ этой или иной жизни, ибо допускалось переселеніе душъ.

Кажется, что въ нравственной жизни василидіане сначала руководились правилами общей морали. Климентъ Александрійскій [3]) утверждаетъ, что Василидъ и его сынъ Исидоръ допускали бракъ

---

1) Детерминизмъ—философское ученіе, отрицающее свободу воли и признающее, что всѣ человѣческія дѣйствія и рѣшенія воли предопредѣлены внѣшними или внутренними причинами. Прим. перев.

2) Сравните эту черту съ страстями Агамотъ въ валентиновской системѣ.

3) *Strom.*, III, 1 и слѣд.

и отвергали безнравственность; но послѣдователи Василида, современные Клименту, не остались вѣрны въ этомъ отношеніи предписаніямъ своего учителя. Въ концѣ III в. секта имѣла прочно установленную репутацію безнравственности.

Какъ и валентиновская секта, она была преимущественно школой.

Тоже можно сказать и о гносисѣ Карпократа [1]). Карпократъ былъ александріецъ, какъ Валентинъ и Василидъ. Жена его, Александра, была родомъ съ о. Кефалленіи; у него былъ отъ нея необычайно одаренный сынъ, Епифанъ; онъ умеръ 17 лѣтъ, написавъ книгу „О справедливости“. Епифана стали почитать за бога въ Кефалленіи, какъ Симона въ Самаріи. Островитяне воздвигли ему въ г. Самахъ храмъ и музей, гдѣ въ его честь совершались жертвоприношенія и литературныя празднества.

Карпократъ былъ философъ-платоникъ, болѣе или менѣе зараженный христіанскимъ гностицизмомъ. Онъ признавалъ единаго Бога, отъ котораго происходитъ цѣлая іерархія ангеловъ. Чувственный міръ созданъ ими [2]). Человѣческія души сперва окружали Бога Отца; затѣмъ упали въ матерію и должны быть освобождены изъ нея, чтобы вернуться къ своему первоначальному состоянію. Іисусъ, сынъ Іосифа, родившійся въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и прочіе люди, и подверженный на ряду съ ними закону переселенія душъ, могъ, припомнивъ все, видѣнное имъ во время своего перваго существованія, и получивъ помощь свыше, восторжествовать надъ міродержцами и вознестись къ Отцу. Всѣ могутъ, какъ онъ, по его примѣру и тѣми же средствами, дойти до презрѣнія къ міроздателямъ и спастись отъ нихъ. Въ этомъ они могутъ имѣть такой же и даже большій успѣхъ, чѣмъ онъ. Порядокъ этого освобожденія сопряженъ съ переходомъ во всякія условія жизни и съ исполненіемъ всякаго рода дѣлъ. Если мѣра ихъ не завершена въ настоящей жизни, какъ это обыкновенно бываетъ, то она восполняется послѣдовательнымъ переселеніемъ душъ, пока не будетъ совершено положеннаго числа ихъ. Впрочемъ, по существу поступки безразличны, лишь мнѣніе дѣлитъ ихъ на хорошіе и дурные. Справедливость, которой училъ Епифанъ, есть въ сущности

---

1) Ириней I, 25; другіе заимствуютъ у него, кромѣ Климента александрійскаго, *Strom.*, III, 2, который сохранилъ важные отрывки изъ Περὶ δικαιοσύνης Епифана.

2) Въ изложеніи св. Иринея не сказано, чтобъ эти ангелы возмутились противъ Бога Отца; но эту черту нужно предположить, и св. Епифаній утверждаетъ это.

равенство въ распредѣленіи имуществъ. Эти послѣднія, и женщины въ томъ числѣ, должны принадлежать всѣмъ совершенно такъ же, какъ дневной свѣтъ.

По нѣкоторымъ изъ этихъ чертъ можно распознать вліяніе Платона. Миѳъ Федра является прививкой къ Евангелію.

Магія пользовалась большимъ почетомъ у послѣдователей Карпократа. Ихъ культъ имѣлъ весьма опредѣленныя языческія формы. Мы уже видѣли, какъ они почитали своихъ основателей. Они имѣли также скульптурныя и живописныя изображенія Іисуса Христа, будто бы воспроизведенныя съ портрета, написаннаго по приказанію Пилата; они украшали ихъ цвѣтами, вмѣстѣ съ изображеніями Пиѳагора, Платона, Аристотеля и прочихъ мудрецовъ.

Св. Ириней не хочетъ вѣрить, чтобъ эти сектанты простирали свои нравственные принципы до ихъ крайнихъ выводовъ и предавались всѣмъ мерзостямъ, которыя ими оправдывались. Но онъ свидѣтельствуетъ объ испорчености ихъ нравовъ и о соблазнѣ, производимомъ ею. Онъ упрекаетъ карпократіанъ въ томъ, что они порочатъ христіанство, и спрашиваетъ ихъ, какъ они могутъ ссылаться на Іисуса, Который въ своемъ Евангеліи учитъ совсѣмъ другой морали.

Карпократіане имѣли на это готовый отвѣтъ. Они увѣряли, что Іисусъ имѣлъ тайное ученіе, которое ученики его довѣрили лишь надежнымъ людямъ.

3. Гностическое ученіе.

Безполезно углубляться дальше въ описаніе гностическихъ сектъ. Въ ихъ разнообразіи легко уловить нѣсколько общихъ и основныхъ идей.

1. Богъ, творецъ міра и законодатель Ветхаго Завѣта, не есть истинный Богъ. Надъ нимъ, на недосягаемой высотѣ, существуетъ Богъ-Отецъ, высшее начало всѣхъ существъ.

2. Богъ Ветхаго Завѣта не вѣдаетъ истиннаго Бога, и міръ вмѣстѣ съ нимъ не зналъ о Немъ до явленія Іисуса Христа, Который произошелъ отъ истиннаго Бога.

3. Между истиннымъ Богомъ и тварью существуетъ весьма сложная система посредствующихъ существъ божественнаго происхожденія; въ ихъ рядахъ такъ или иначе обнаруживается разстройство, нарушающее гармонію. Чувственный міръ, а часто

также и создатель его, происходятъ вслѣдствіе этого первороднаго грѣха.

4. Часть человѣчества, такъ или иначе происшедшая отъ небеснаго міра, стоящаго выше Деміурга, доступна искупленію. Іисусъ Христосъ сошелъ на землю, чтобы освободить ее.

5. Такъ какъ воплощеніе не могло привести къ тѣсному единенію между божествомъ и проклятой матеріей, то евангельская исторія истолковывается или въ смыслѣ нравственнаго и преходящаго соединенія божественнаго эона съ конкретной личностью Іисуса, или же въ смыслѣ простой человѣческой видимости.

6. Итакъ, не было ни страданій, ни дѣйствительнаго воскресенія Христа; будущее предопредѣленныхъ ко спасенію не связано съ воскресеніемъ тѣла.

7. Затерявшаяся въ человѣкѣ частица божества, т.-е. предопредѣленная ко спасенію душа, не солидарна съ угнетающей ее плотью. Нужно стараться умертвить плоть аскетизмомъ (ригористическая тенденція), или по крайней мѣрѣ не вѣрить, что духъ отвѣтственъ за ея слабости (либертинистическая тенденція [1]).

Такія идеи, очевидно, не могли найти себѣ оправданія въ Ветхомъ Завѣтѣ, который къ тому же былъ повсемѣстно отвергнутъ какъ написанный по внушенію Деміурга. Великая церковь крѣпко держалась за Библію Израиля и находила способъ для примиренія Іеговы съ Отцемъ Небеснымъ. Гностикамъ это не удавалось. Изъ письма Птоломея къ Флорѣ [2]) можно видѣть, какая экзегетика практиковалась въ средѣ валентиніанъ. При помощи ссылокъ на нѣкоторые евангельскіе тексты Моисеевъ законъ сводится здѣсь къ тремъ различнымъ авторитетамъ: Моисею, старѣйшинамъ Израильскимъ и Богу. Въ томъ, что дано отъ Бога, различаются истинныя заповѣди—десятословіе и предписанія естественной нравственности, которыя Христосъ пришелъ исполнить, а не упразднить, — ложныя заповѣди, какъ заповѣдь возмездія, которая была отринута Христомъ, наконецъ заповѣди, имѣющія значеніе лишь тѣни, образа, какъ обрядовые законы. Но ясно, что этотъ божественный законъ, состоящій изъ хорошихъ и дурныхъ предписаній, не можетъ быть приписанъ безконечно-совершенному Существу, такъ же, впрочемъ, какъ и противнику всякаго добра. Такимъ образомъ онъ

---

[1]) *Либертинизмъ*—распущенность. Прим. перев.

[2]) Epiph., *Haer.* XXXIII, 3—7, переиздано съ комментаріями Гарнакомъ въ *Sitzungsberichte* Берлинск. академіи наукъ, 1902 S.. 507—541.

есть произведеніе посредствующаго Бога, творца міра. Флора, говоритъ учитель въ заключеніе, не должна смущаться, слыша разсужденія, что злой духъ и посредствующій духъ (Деміургъ) произошли отъ всесовершеннаго Существа: „съ Божіей помощью узнаешь это и ты, получивъ апостольское преданіе, которое и мы приняли по преемству, вмѣстѣ съ обычаемъ провѣрять всякое ученіе ученіемъ Спасителя“.

Эту экзегетическую постановку, въ сущности, легко понять. — Для религіозныхъ мыслителей II в., такъ же какъ и для насъ, оцѣнка природы и закона есть непрерывное искушеніе. Человѣкъ въ правѣ жаловаться на грубость силъ природы и не за себя только, но и за всѣхъ живыхъ существъ; другими словами, съ своей весьма ограниченной точки зрѣнія, онъ естественно находитъ, что міръ дурно созданъ. Также и законъ, установленный для общихъ случаевъ, пренебрегаетъ и не можетъ не пренебрегать тысячами частныхъ обстоятельствъ, что нерѣдко представляетъ его въ нелѣпомъ и несправедливомъ свѣтѣ. Надъ этимъ міромъ и его скорбями человѣческое сердце чуетъ безконечное милосердіе, обнаруживающееся въ любви, а не въ простой справедливости. Представьте себѣ грека, воспитаннаго въ такомъ духѣ, и поставьте его въ отношеніе къ Библіи. Ветхій Завѣтъ представитъ ему образъ страшнаго бога, который несомнѣнно творитъ, но тотчасъ караетъ весь родъ людской за грѣхъ первой человѣческой четы и, раскаявшись въ томъ, что позволилъ ему размножиться, за исключеніемъ одной семьи уничтожаетъ его вмѣстѣ съ большей частью животныхъ, очевидно, неповинныхъ во вмѣняемыхъ людямъ грѣхахъ; этотъ богъ вступаетъ въ союзъ съ племенемъ авантюристовъ, защищаетъ его отъ другихъ народовъ, толкаетъ его на завоевательныя и хищническія экспедиціи, требуетъ своей части въ добычѣ и руководитъ избіеніемъ побѣжденныхъ, награждаетъ его законодательствомъ, гдѣ рядомъ съ справедливыми встрѣчаются странныя и неудобоисполнимыя предписанія. Просвѣщенные евреи и вмѣстѣ съ ними христіане объясняли эти досадныя черты искусными аллегоріями. Мы не можемъ въ этомъ слѣдовать за ними, но тѣмъ не менѣе мы выходимъ изъ затрудненія, объясняя все болѣе и болѣе утончающееся въ хронологической послѣдовательности священныхъ текстовъ появленіе этихъ несообразностей постепеннымъ одухотвореніемъ идеи Бога у древнихъ. Но такое объясненіе было недоступно древности. Гностическіе мыслители не искали въ аллегоріяхъ того, что черпали въ нихъ православные. Такъ какъ имъ нужно было,

чтобъ кто нибудь несъ отвѣтственность за природу и законъ, они возложили ее на Бога Израиля. Наоборотъ, Евангеліе, гдѣ по ихъ признанію звучало совершенно иное настроеніе, казалось имъ откровеніемъ высшаго милосердія и полнаго совершенства.

Это распредѣленіе ролей могло казаться остроумнымъ, но въ сущности оно лишь отодвигало рѣшеніе вопроса о происхожденіи зла. Деміургъ объяснялъ природу и законъ. Но какъ объяснить самого Деміурга? Какъ увидимъ, Маркіонъ вовсе не искалъ разрѣшенія этой загадки. Другіе выходили изъ затрудненія, вводя между всевышнимъ Богомъ и Деміургомъ цѣлый рядъ эоновъ, совершенство которыхъ убывало по мѣрѣ ихъ удаленія отъ Существа Первоначальнаго, и вслѣдствіе этого могло произойти нарушеніе порядка, которое и произошло въ дѣйствительности. Это произвольное и неполное разрѣшеніе вопроса не приминуло однако возбудить живѣйшую критику.

Ясно, почему въ этихъ системахъ Евангеліе Христа являлось главнымъ и, по правдѣ сказать, единственнымъ аргументомъ. Оно было получено въ писаныхъ текстахъ, въ числѣ которыхъ съ раннихъ поръ находились наши четыре каноническія Евангелія [1]), а также и въ спеціальныхъ преданіяхъ—записаныхъ или устныхъ. Эти преданія имѣли претензію воспроизводить не только всѣмъ извѣстную евангельскую исторію, но и тайныя бесѣды, чаще всего относимыя ко времени послѣ воскресенія. Спаситель объясняетъ здѣсь апостоламъ, Маріи Магдалинѣ и другимъ приближеннымъ къ Нему женщинамъ глубочайшія тайны гносиса. Отсюда произошли евангелія Ѳомы, Филиппа, Іуды, Малые и Великіе вопросы Маріи, Евангеліе Совершенства и проч. Другія книги приписывались древнимъ праведникамъ: Иліѣ, Моисею, Аврааму, Адаму, Евѣ и особенно Сиѳу, который въ извѣстныхъ кругахъ игралъ весьма важную роль. Въ сектахъ такъ же, какъ и въ великой церкви, имѣлись вдохновенные пророки, рѣчи которыхъ собирались, и изъ нихъ составлялись новыя категоріи священныхъ книгъ: такъ было съ пророками Мартіадомъ и Марсіаномъ у „архонтиковъ“.

Василидіане опирались на преданіе, полученное отъ нѣкоего Главкія, который былъ будто бы истолкователемъ ап. Петра. Существовало еще евангеліе Василида, содержаніе котораго было заимствовано изъ ев. Матѳея и Луки, а также пророки Варкавва и Варкофъ (Пархоръ), на книги которыхъ были составлены комментаріи

[1]) Гностики никогда не ссылаются ни на Дѣянія, ни, разумѣется, на Апокалипсисъ.

Исидоромъ, сыномъ Василида. Самъ глава секты написалъ на свое евангеліе двадцать четыре книги „Эзгегетикъ“. Валентинъ, въ свою очередь ссылался на ученика апостоловъ, Θевду, учителемъ котораго былъ будто бы ап. Павелъ, секта же его пользовались Евангеліемъ Истины.

Таковы были авторитеты. Ученіе мало-по-малу распространялось и возникали небольшіе кружки посвященныхъ, которые вообще стремились вначалѣ совмѣстить свои тайныя ученія съ обычной религіозной жизнью христіанскихъ общинъ. Но ихъ скоро разоблачали, и тогда они составляли изъ себя независимыя общины; здѣсь они свободно развивали свои системы, проводили новообращенныхъ чрезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ посвященій и совершали обряды, имѣвшіе въ ихъ глазахъ глубокій мистическій смыслъ. Внѣшній культъ всегда имѣлъ для нихъ большое значеніе. Говорить чувству, возбуждать воображеніе—это было у нихъ однимъ изъ главныхъ средствъ религіознаго воздѣйствія. Они не отказывали себѣ въ употребленіи странныхъ выраженій, повтореніи или произнесеніи наоборотъ еврейскихъ словъ и всѣхъ пріемахъ колдовства. Посредствомъ этого они дѣйствовали на слабые и безпокойные умы, жаждавшіе тайныхъ знаній, посвященій, мистерій, на послѣдователей орфизма и восточныхъ культовъ.

Три школы—Валентина, Василида и Карпократа,—особенно первыя двѣ, имѣли, повидимому, большой успѣхъ у себя на родинѣ. Климентъ Александрійскій очень часто говоритъ о Василидѣ и Валентинѣ; онъ много изучалъ ихъ книги.—Внѣ Египта василидовская секта не имѣла такого успѣха, какъ валентиновская. Валентинъ рано переселился въ Римъ, гдѣ проживалъ долгое время при папахъ Гигинѣ, Піѣ и Аникитѣ [1]). По словамъ Тертулліана, Валентинъ жилъ здѣсь сначала въ средѣ вѣрующихъ, пока его

[1]) Iren., III, 4, 3 Οὐαλεντῖνος μὲν γὰρ ἦλθεν εἰς Ῥώμην ἐπὶ Ὑγίνου, ἤκμασε δὲ ἐπὶ Πίου καὶ παρέμεινεν ἕως Ἀνικήτου. (Валентинъ пришелъ въ Римъ при Гигинѣ, процвѣталъ при Піѣ и пробылъ до времени Аникиты). Тертулліанъ (*Praescr.* 30) какъ будто говоритъ, что Маркіонъ и Валентинъ были нѣкоторое время православными и членами римской церкви, in catholicae primo doctrinam credidisse apud ecclesiam Bomanensem sub episcopatu Eleutheri benedicti (сначала исповѣдывали каѳолическую вѣру въ римской церкви въ епископство блаженнаго Елевѳерія). Имя Елевѳерія ошибочно поставлено здѣсь вмѣсто другого имени. Впрочемъ, весьма трудно согласовать это свѣдѣніе съ свидѣтельствомъ Епифанія, который сообщаетъ, что Валентинъ родился въ Египтѣ (онъ точно указываетъ гдѣ), получилъ въ Александріи греческое образованіе, затѣмъ занимался распространеніемъ своего ученія сначала въ Египтѣ, потомъ въ Римѣ, наконецъ на о. Кипрѣ, гдѣ онъ окончательно отдѣлился отъ церкви. (*Haer.* XXXI, 2. 7).

опасная пытливость и проповѣдь не вынудили отлучить его сперва временно, а потомъ и окончательно отъ христіанской общины [1]).

Событіе это не помѣшало сектѣ Валентина понемногу распространяться всюду. Во времена Тертулліана между еретическими сообществами наибольшимъ успѣхомъ пользовалась „коллегія“ валентиніанъ. Система учителя принималась здѣсь, но съ нѣкоторыми измѣненіями, породившими разныя школы. Самыми извѣстными учителями были Гераклеонъ, Птоломей, Маркъ, Θеодотъ, извѣстные намъ по св. Иринею и Клименту александрійскому.

Карпократъ, или по крайней мѣрѣ его ересь, также заявили о себѣ въ Римѣ. Во времена папы Аникиты (около 155 года), одна женщина, принадлежавшая къ этой сектѣ, Маркеллина, прибыла въ Римъ и навербовала себѣ здѣсь много послѣдователей.

4. Маркіонъ.

Когда сирійскіе шарлатаны распространяли восточный гносисъ съ его магіей, эонами странныхъ названій и семитической мишурой, когда изысканные учители украшали философскимъ стилемъ эти причудливыя измышленія, примѣняя ихъ ко вкусу александрійцевъ, когда тѣ и другіе могли добиться лишь учрежденія высшаго или низшаго разряда ложъ для посвященныхъ,—нашелся человѣкъ, который задумалъ извлечь изъ всего этого хлама нѣсколько простыхъ мыслей, отвѣчавшихъ на запросы души обыкновенныхъ людей, и на этомъ основаніи построить религію, религію христіанскую, но новую, антиіудейскую и дуалистическую, и дать ей форму уже не тайнаго братства, а церкви. Человѣкъ этотъ былъ Маркіонъ.

Маркіонъ былъ родомъ изъ Синопа, широко извѣстнаго порта на Понтѣ Евксинскомъ. Отецъ его былъ епископомъ, а самъ онъ разбогатѣлъ отъ мореплаванія. Маркіонъ прибылъ въ Римъ [2])

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (*Adv. Valent.*, 4) Тертулліанъ указываетъ причину отпаденія Валентина въ досадѣ, которая была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что его кандидатура на епископскую каѳедру потерпѣла неудачу: ему предпочли исповѣдника. Въ этомъ исповѣдникѣ видѣли римскаго мученика Телесфора и вслѣдствіе этого связывали эту исторію съ Римомъ. Но Ириней, отъ котораго мы знаемъ, что Телесфоръ ἐνδόξως ἐμαρτύρησεν, (со славою скончался мученически), не даетъ ни малѣйшаго повода думать, что онъ избѣгъ смерти и получилъ такимъ образомъ возможность воспользоваться praerogativa martyrii. Впрочемъ, далеко не несомнѣнно, что этотъ эпизодъ изъ жизни Валентина нужно отнести именно въ Римъ, а не въ Александрію.

[2]) По разсказу, который восходитъ къ св. Ипполиту (Pseudo-Tert., 51; Epiphan. *Haer*, XLII, 1), онъ покинулъ свою родину потому, что соблазнилъ одну дѣвушку, вслѣдствіе чего былъ отлученъ здѣсь отъ церкви. Ни

около 140 г. и сначала вмѣшался въ среду церковной паствы. Онъ даже пожертвовалъ общинѣ довольно крупную сумму въ 200.000 сестерцій (приблизительно 16,000 руб.).

Эта щедрость была, быть можетъ, разсчитана на то, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, которое начинало смущаться его рѣчами. Дѣло въ томъ, что лица, стоявшія во главѣ церкви, затребовали отъ Маркіона объясненій относительно его вѣры; онъ далъ ихъ въ формѣ письма. Впослѣдствіи православные полемисты часто ссылались на этотъ документъ.

Маркіонъ былъ послѣдователемъ ап. Павла. Указанная апостоломъ противоположность между вѣрой и закономъ, благодатью и праведностью, Ветхимъ и Новымъ Завѣтами составляла для него самую основу религіи. Павелъ съ грустью покорился необходимости разойтись со своими братьями во Израилѣ. У Маркіона этотъ разрывъ превратился въ рѣшительную враждебность. По его мнѣнію откровеніе Іисуса Христа и Ветхій Завѣтъ безусловно несовмѣстимы.

Нужно выбирать между безконечной любовью и высшимъ милосердіемъ, вѣстникомъ которыхъ былъ Іисусъ, и жестокой справедливостью, ссылающейся на Бога Израиля. Не слѣдуетъ, убѣждалъ онъ римскихъ пресвитеровъ, вливать молодое вино въ старые мѣхи, или пришивать новой заплаты къ слишкомъ ветхой одеждѣ. Въ цѣломъ рядѣ антитезъ суть его мыслей вскрывалась яснѣе. Іудейскій Богъ, Богъ твари и закона, не можетъ быть тождественъ Отцу милосердія, а въ такомъ случаѣ его нужно признать существомъ низшимъ сравнительно съ послѣднимъ.

Такимъ образомъ Маркіонъ, подобно гностикамъ, приходитъ къ дуализму, но исходя при этомъ совсѣмъ изъ иныхъ основаній. Его не интересуетъ ни метафизика, ни космологія; онъ не старается ни заполнить разстояніе между конечнымъ и безконечнымъ цѣлымъ сонмомъ эоновъ, ни изслѣдовать, вслѣдствіе какой катастрофы въ области сверхчувственнаго можно себѣ объяснить безпорядокъ въ чувственномъ мірѣ. Въ его глазахъ Искупитель есть явленіе истиннаго и благого Бога. Онъ спасаетъ людей от-

---

св. Ириней, ни Тертулліанъ не знаютъ этой исторіи, хотя и не питаютъ особой нѣжности къ Маркіону. Еще менѣе достовѣрное свѣдѣніе заключается въ анонимномъ прологѣ къ четвертому евангелію. Согласно этому свидѣтельству, Маркіонъ пришелъ изъ Понта съ рекомендаціей отъ вѣрующихъ этой страны въ Ефесъ, но скоро былъ изобличенъ и отлученъ св. Іоанномъ (Wordsworth, *N. T. latine*, *sec ed. s. Hieron.*, t. I, fasc. 4 (1895) p. 490; ср. Philastrius, 45).

кровеніемъ Того, отъ Кого Онъ произошелъ, и дѣломъ креста. Но такъ какъ Онъ ничѣмъ не можетъ быть обязанъ Творцу, то онъ имѣлъ лишь видъ человѣка.

Въ 15 годъ царствованія Тиверія, онъ внезапно явилъ себя въ Капернаумской синагогѣ. Даже призрачно Христосъ не рождался и не возросталъ. Видимость его началась лишь съ проповѣди и длилась во все время евангельской исторіи, не исключая и страстей.

Не всѣ люди, а только часть ихъ будетъ спасена. Они обязаны жить въ самомъ строгомъ воздержаніи, какъ относительно пищи и питья, такъ и половыхъ потребностей; бракъ воспрещается. Крещеніе можетъ быть разрѣшено состоящимъ въ бракѣ только въ томъ случаѣ, если они разойдутся.

Эти основныя мысли Маркіона не слагаются въ стройную систему. Не вполнѣ ясно, какъ онъ объясняетъ происхожденіе своего справедливаго бога, и какимъ образомъ жертва на крестѣ могла имѣть для него такую цѣну, разъ она совершилась призрачно.

Маркіонъ не считалъ себя обязаннымъ объяснять все и особенно предлагать полную систему пытливости резонеровъ. Его религіозная душа вполнѣ примирялась съ тайной. Но легче отрицать богословіе, чѣмъ обходиться безъ него. Маркіонъ имѣлъ личныя отношенія къ гностикамъ, и это оказало вліяніе на его образъ мыслей. Преданіе поставляетъ его, въ самомъ Римѣ, въ связь съ однимъ сирійцемъ, Кердономъ, который прибылъ туда ранѣе его. Не легко разобраться по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ объ этой личности, въ какой мѣрѣ онъ могъ повліять на Маркіона, и въ какой моментъ школа его слилась съ сектой великаго новатора. Быть можетъ, онъ-то и убѣдилъ Маркіона предать проклятію не только законъ, но и самое твореніе, и послѣдовательно свести евангельскую исторію къ абсолютному докетизму.

Какъ бы то ни было, и къ какому бы времени мы не пріурочили его отношеніе къ Кердону, Маркіонъ въ концѣ концовъ убѣдился, что римская церковь не послѣдуетъ за нимъ въ его, доведенномъ до крайности, павлинизмѣ. Разрывъ произошелъ въ 144 г. [1]). Маркіону вернули сумму, пожертвованную имъ въ общественную кассу, но удержали изложеніе его вѣроисповѣданія. Въ Римѣ тотчасъ возникла маркіонитская община и не замедлила достигнуть процвѣтанія. Это положило начало широкому движенію,

---

[1]) Годъ этотъ сохранялся въ памяти секты (Tert., *Adv. Marc.*, I, 19; ср. Harnack, *Chronologie*, t. I, S. 306).

которое, благодаря дѣятельной пропагандѣ, въ весьма короткое время распространилось по всему христіанскому міру.

Ученіе Маркіона не опиралось ни на тайныя преданія, ни на пророческое вдохновеніе. Оно нисколько не стремилось согласовать себя съ Ветхимъ Завѣтомъ, способъ толкованія котораго былъ буквальный, безъ малѣйшаго аллегоризма. Отсюда слѣдовало полное отреченіе отъ Ветхаго Завѣта. Изъ Новаго Завѣта, или скорѣе изъ совокупности апостольскихъ писаній, были оставлены лишь посланія ап. Павла и третье Евангеліе; далѣе, самое собраніе посланій ап. Павла не заключало въ себѣ Пастырскихъ посланій, а въ десяти принятыхъ посланіяхъ, какъ и въ текстѣ ев. Луки, были сдѣланы сокращенія. Маркіонъ полагалъ, что галилейскіе апостолы лишь очень несовершенно поняли Евангеліе, что они ошибочно почитали Христа за посланника Творца. Поэтому Господь воздвигъ Павла, чтобы исправить ихъ ученіе. Но и въ посланіяхъ Павла были мѣста, благопріятныя Творцу. Маркіонъ призналъ ихъ позднѣйшими вставками.

Къ этому сокращенному Новому Завѣту вскорѣ присоединилась книга Антитезъ (противопоставленій), написанная основателемъ секты. То было лишь собраніе текстовъ, доказывающихъ противоположность между Ветхимъ Завѣтомъ и Евангеліемъ, между всеблагимъ Богомъ и Творцомъ. Эти священныя книги, равно какъ почитаніе Маркіона и соблюденіе его ригористической морали, были общимъ достояніемъ всѣхъ маркіонитскихъ церковныхъ общинъ.

5. Церковь и Гносисъ.

Церковныя общины не могли благопріятно отнестись ко всѣмъ этимъ ученіямъ. Согласіе обоихъ завѣтовъ, дѣйствительность евангельской исторіи, цѣнность обычной нравственности слишкомъ прочно укоренились въ преданіи и религіозномъ воспитаніи, чтобы ихъ легко было расшатать. Нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы какая-нибудь церковь въ полномъ составѣ поддалась совращенію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ вожаки секты не старались объ этомъ. Въ Римѣ въ особенности, какъ исключительно важномъ пунктѣ, были, говорятъ, сдѣланы различныя попытки Валентиномъ, Кердономъ и Маркіономъ съ цѣлью захватить руководительство надъ церковью.

Въ концѣ II в. между отправляющими свои обязанности римскими пресвитерами[1]) мы еще встрѣчаемъ гностика Флорина. Очень интересно положеніе занятое Ермомъ. Онъ энергично настаивалъ на божественности Творца. Вотъ первая заповѣдь Пастыря: „прежде всего вѣруй, что Богъ единъ, что Онъ все создалъ и устроилъ, все вызвалъ отъ небытія къ бытію и все содержитъ“. Столь же настойчиво онъ провозглашалъ отвѣтственность души въ дѣлахъ плоти: „смотри никогда не приходи къ мысли, что эта плоть погибнетъ, и не злоупотребляй ею въ какой-либо нечистотѣ. Если ты оскверняешь плоть свою, то оскверняешь и Духа Святагô; если же осквернишь Духа Святаго, ты не будешь жить[2])“. Двумя этими наставленіями Ермъ предостерегалъ свою общину отъ опасности, угрожавшей вѣрѣ и нравственности—отъ дуализма и либертинизма. Въ другихъ мѣстахъ онъ набрасываетъ портреты какъ проповѣдниковъ ересей, такъ и ихъ слушателей.

„Вотъ, говоритъ онъ, сѣятели чуждыхъ ученій, совращающіе съ „пути истиннаго служителей божьихъ, грѣшниковъ въ особенности, „не давая имъ обратиться и внушая безумныя ученія. Есть, однако, основаніе надѣяться, что они въ свою очередь обратятся. „Ты видишь, что уже многіе изъ нихъ вернулись съ тѣхъ поръ, „какъ ты сообщилъ имъ мои предписанія, другіе еще обратятся“.

Вслѣдъ за учителями описываются ученики: „это вѣрующіе, они „вѣруютъ, но ихъ трудно просвѣтить; они дерзки, самодовольны, „хотятъ все знать и ничего не знаютъ. Дерзость довела ихъ до „помраченія разума; нелѣпая опрометчивость обуяла ихъ; они хвалятся великой проницательностью; и охотно и произвольно превращаются въ учительствующихъ, но у нихъ нѣтъ здраваго смысла .. Великое зло дерзость и пустое самомнѣніе: многіе погибли „отъ нихъ. Есть такіе, которые, сознавая свое заблужденіе, обратились къ искренней вѣрѣ и подчинились тѣмъ, кто имѣетъ дѣйствительное разумѣніе. Другіе тоже могутъ обратиться, ибо они „не злые люди, а скорѣе глупцы“ [3]).

Это было написано въ то время, когда Валентинъ и другіе извѣстные учители распространяли свои доктрины въ римскомъ христіанскомъ обществѣ. Если рѣчь идетъ о нихъ, то Ермъ проявилъ большой оптимизмъ.

---

1) Ириней у Евсевія, V, 15. 20.—Какъ скоро мнѣнія Флорина стали извѣстны, его конечно лишили сана.
2) Эта мысль ещё выразительнѣе развита въ такъ назыв. II посл. Климента
3) Sim. V, 7; IX, 22.

Но имѣлъ ли онъ въ виду утонченныя фантазіи Валентина, или, что весьма вѣроятно, болѣе вульгарный гносисъ, вывезенный изъ Сиріи и Азіи, надо сознаться, что высшее богословіе гностиковъ съ ихъ плеромами, огдоадами, архонтами и всѣмъ персоналомъ небесныхъ эоновъ, повидимому, не произвело на него большого впечатлѣнія, и что онъ даже не усматривалъ въ немъ особенно серьезной опасности. Простоту ума и прямоту сердца онъ считаетъ въ этомъ случаѣ неодолимой защитой.

Онъ былъ правъ относительно людей обыкновеннаго уровня; но какъ выше сказано, философскія мечтанія имѣли все-таки своихъ послѣдователей, а покаяніе, проповѣдуемое Ермомъ, было менѣе заманчиво, чѣмъ гностическое оправданіе [1]). Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что рѣчи церковныхъ властей обнаруживаютъ вообще больше опасеній и негодованія, чѣмъ проповѣдь смѣлаго пророка. Послѣдній, впрочемъ, повидимому, не зналъ Маркіона; по крайней мѣрѣ можно утвердительно сказать, что онъ не зналъ о великой пропагандѣ маркіонитской церкви, гораздо болѣе опасной соперницы каѳолическаго христіанства, чѣмъ школы сирійскихъ авантюристовъ и александрійскихъ учителей.

Впечатлѣнія св. Поликарпа и св. Іустина были менѣе оптимистичны. Престарѣлый смирнскій епископъ, жизнь котораго была очень продолжительна, былъ знакомъ съ Маркіономъ до его поѣздки въ Римъ. Затѣмъ онъ встрѣтилъ его послѣ разрыва съ церковью, и на вопросъ Маркіона, узнаетъ ли онъ его, отвѣчалъ: „узнаю первенца Сатаны“ [2]). Іустинъ не только включилъ Маркіона въ число еретиковъ, опровергаемыхъ въ его Syntagma [3]), направленной противъ всѣхъ ересей, но посвятилъ ему еще другую Syntagma—спеціальный трактатъ [4]). Первая изъ этихъ двухъ работъ была уже издана, когда онъ писалъ свою первую Апологію (около 152 г.), гдѣ дважды возвращается къ еретику. „Нѣкій Маркіонъ изъ Понта, пишетъ онъ, проповѣдуетъ еще въ настоящее „время другого Бога, болѣе великаго, чѣмъ Создатель. Благодаря „содѣйствію демоновъ, онъ убѣдилъ многихъ и во всѣхъ странахъ

1) Церковное покаяніе въ то время было сопряжено съ тяжелой покаянной дисциплиной—постами и другими аскетическими лишеніями, которыми грѣшникъ стремился умилостивить гнѣвъ Божій, гностики же надѣялись достигнуть спасенія при помощи таинствъ и обрядовъ, дѣйствующихъ въ силу самого ихъ совершенія и ни къ чему не обязывающихъ. (Прим. ред).
2) Iren., *Haer.*, III, 3.
3) Iustinus, *Apol.*, I, 26.
4) Iren., *Haer.*, IV, 6.

„(κατὰ πᾶν γένος ἀνθρώπων) поносить и отрекаться отъ Бога, создавшаго эту вселенную... Многіе слушаютъ его, какъ будто онъ „одинъ обладаетъ истиной, и смѣются надъ нами. Однако у нихъ „нѣтъ никакого доказательства тому, что они утверждаютъ. Какъ „овцы, умыкаемыя волками, они глупѣйшимъ образомъ предаютъ себя на съѣденіе этихъ атеистическихъ ученій и демоновъ“.

Тонъ этихъ рѣчей показываетъ, насколько рана была чувствительна, и каковъ былъ на первыхъ порахъ успѣхъ Маркіона.

Гностики много написали. Это было естественно, разъ они считали себя призванными посвящать избранную интеллигенцію въ тайны высшаго знанія. Не менѣе естественно, что пораженіе этой религіозной партіи повлекло за собой исчезновеніе ея литературы; поэтому до послѣдняго времени гностическія сочиненія были извѣстны лишь постольку, поскольку о нихъ сообщали православные писатели. Указанія заглавій, разрозненныя ссылки, изложеніе различныхъ системъ, очевидно извлеченное изъ произведеній сектантовъ,—вотъ все, что до насъ дошло этимъ путемъ [1]). Слѣдуетъ, однако, отмѣтить одно исключеніе: это изложенное выше письмо Птоломея къ Флорѣ, сохраненное Епифаніемъ; изъ него видно, что гностическое ученіе обосновывало себя ссылками на библейскія и христіанскія данныя.

Съ нѣкоторыхъ поръ египетскія рукописи начинаютъ открывать намъ въ коптскихъ переводахъ подлинныя сочиненія древнихъ еретиковъ. То, что до сихъ поръ найдено, исходитъ не отъ александрійскихъ школъ Василида, Валентина и Карпократа, а отъ сектъ сирійскаго происхожденія, которыя св. Ириней описываетъ [2]) подъ общимъ названіемъ гностиковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у него передъ глазами было одно изъ этихъ произведеній: глава, которую онъ посвящаетъ гностикамъ типа Варвеліотовъ (I, 29), представляетъ собой лишь довольно неполное извлеченіе изъ него [3]).

1) Гарнакъ имѣлъ терпѣніе составить тщательный списокъ всѣмъ этимъ библіографическимъ указаніямъ, *Die Ueberlieferung und der Bestand des altchristlichen Literatur*, *S.* 144—231.
2) *Haer.*, I, 29 и слѣд.
3) Это сочиненіе, носившее, повидимому, названіе Евангелія отъ Маріи или Апокрифа Іоанна, содержится въ рукописномъ папирусѣ, хранящемся нынѣ въ Берлинѣ. За нимъ слѣдуетъ другое, уже систематическое сочиненіе, озаглавленное „Премудрость Іисуса Христа“ и Дѣянія св. Петра гностическаго происхожденія, гдѣ впервые разсказанъ случай съ его параличной дочерью, которая была имъ исцѣлена, а затѣмъ вновь предана недугу (Петронилла). Относительно этихъ документовъ, которые будутъ изданы въ т. II сборника Carl Schmidt'a (см.

Другія менѣе древнія [1]) сочиненія, относящіяся приблизительно къ серединѣ III в., свидѣтельствуютъ о любопытныхъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ тѣхъ же сектахъ. Извѣстно, что въ этомъ странномъ мірѣ рано обнаружились двѣ нравственныя тенденціи: одна аскетическая, другая потворствовавшая самымъ отвратительнымъ извращеніямъ. Найденныя книги защищаютъ первую и очень опредѣленно нападаютъ на вторую.

Одновременно съ этой еретической литературой развивается полемика противъ гносиса православныхъ писателей. Одни опровергали преимущественно отдѣльныя секты: Валентинъ и Маркіонъ, послѣдній въ особенности, подали поводъ къ многочисленнымъ опроверженіямъ. Другіе предприняли составленіе списковъ сектъ и любили подчеркивать ихъ странности, противополагая имъ трезвое, вселенское и традиціонное ученіе истинной церкви. Эта тема обработывалась съ раннихъ поръ. Св. Іустинъ уже писалъ противъ всѣхъ ересей, когда онъ издавалъ свою Апологію [2]). Егезиппъ тоже обсуждалъ этотъ предметъ, но не въ спеціальной книгѣ, а въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Все это болѣе или менѣе утрачено, но зато мы имѣемъ произведеніе св. Иринея, книгу обстоятельную, которая хотя и направлена спеціально противъ валентиновской секты, но содержитъ изложеніе главныхъ ересей, доведенное до со-

слѣд. примѣч.), можно получить предварительныя свѣдѣнія въ *Sitzungsberichte*
Берлинск. академіи, 1896, стр. 839.
1) Собраны Карломъ Шмидтомъ въ патристическомъ сборникѣ Берлинской
Академіи. (Здѣсь разумѣется предпринятое Берлинской Академіей наукъ сово-
купное изданіе всѣхъ памятниковъ греческой церковной литературы трехъ пер-
выхъ вѣковъ *Die Griechischen Ghristlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhun-*
derte). Изданіе его озаглавлено *Koptisch Gnostiche Schriften*. Второй томъ будетъ
заключать въ себѣ документы, перечисленные въ предшествующей ссылкѣ; первый
томъ (1905) воспроизводитъ тѣ, которые находятся въ двухъ манускриптахъ: *Aske-*
vianus на пергаментѣ (*Brit. Mus. Add.* 5114), и *Brucianus* на папирусѣ, храня-
щемся въ Бодл. библ. въ Оксфордѣ. Askevianus содержитъ въ себѣ компиляцію,
которой дали неправильное наименованіе Pistis Sophia. По мнѣнію Гарнака, то, что
въ этой смѣси доступно пониманію, можно отождествить съ „Малыми вопро-
сами Маріи“, о которыхъ упоминаетъ св. Епифаній (*Haer.*, XXVI, 8). Однако „Ве-
ликіе вопросы Маріи“, на которые одновременно ссылается св. Епифаній, какъ
на памятникъ, исходящій изъ той же среды, принадлежали къ непристойному на-
правленію, чего нельзя сказать о Pistis Sophia. Въ Бруціанскомъ кодексѣ прежде
всего содержится произведеніе въ двухъ книгахъ, въ которыхъ Шмидтъ признаетъ
двѣ книги Йеу (Ιεου), упомянутыя въ Pistis Sophia, затѣмъ фрагментъ общаго харак-
тера, который несомнѣнно примыкаетъ къ ученіямъ сетіанъ или архонтиковъ,
описанныхъ св. Епифаніемъ, *Haer.* XXXIX и XL. Какъ бы мы ни отнеслись къ
предлагаемымъ отождествленіямъ, достовѣрно одно, что произведенія, заключа-
ющіяся въ этихъ двухъ рукописяхъ, исходятъ отъ одной группы еретиковъ.
2) Σύνταγμα κατὰ πασῶν γεγενημένων αἱρέσεων (*Apol.* I, 26).

временной ему эпохи. За нимъ слѣдуетъ Ипполитъ, который въ двухъ разныхъ формахъ и въ два разные момента своей литературной дѣятельности составлялъ списокъ сектъ. Его первое произведеніе, „Syntagma противъ всѣхъ ересей“, теперь утрачено, но его можно возстановить, благодаря свидѣтельству Фотія [1]) и сохранившимся извлеченіямъ [2]) изъ него. Впрочемъ, Ипполитъ, подобно Иринею, не ограничивался гностическими системами, но касался и другихъ ересей: 32-ой и послѣдней была модалистическая ересь Ноэта. Во второмъ своемъ трудѣ „Опроверженіе всѣхъ ересей“, болѣе извѣстномъ подъ заглавіемъ *Философумена*, онъ пошелъ нѣсколько далѣе.

Въ литературѣ послѣдующихъ временъ нужно отвести первое мѣсто обширному труду св. Епифанія, *Панарію*. Эта—компиляція, которую легко подвергать критикѣ съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія, но ея составные элементы извлечены изъ весьма цѣнныхъ источниковъ: Синтагмы Ипполита, сочиненія св. Иринея и многочисленныхъ еретическихъ книгъ. Эти памятники извѣстны автору; онъ ссылается на нихъ, приводитъ изъ нихъ выписки. Сюда нужно также отнести и непосредственно имъ самимъ сдѣланныя наблюденія надъ уцѣлѣвшими сектами. Произведенія Филастрія изъ Брешіи, бл. Августина, Ѳеодорита имѣютъ рядомъ съ Панаріемъ второстепенную цѣнность.

1) Что и сдѣлалъ R. A. Lipsius, *Die Quellenkritik des Epiphanius*. Wien, 1865.
2) Cod. 121.
3) Списокъ ересей, приводимый въ концѣ *De Praescriptionibus* Тертулліана, есть не болѣе какъ краткое изложеніе Синтагмы Ипполита; это небольшое произведеніе относится, повидимому, приблизительно къ 210 г. Епифаній (ок. 377) и Филастрій (ок. 385), первый въ особенности весьма широко использовалъ Синтагму. Наконецъ, глава о Ноэтѣ, которая составляетъ заключеніе труда, дошла до насъ совершенно отдѣльно.

ГЛАВА XII.

Распространеніе и апологія христіанства во II вѣкѣ.

Притягательная сила христіанства, его вѣрованій и чаяній.—Зрѣлище христіанскаго мученичества и братской любви.—Нерасположеніе къ христіанамъ.—Враждебность философовъ.—Цельсъ и его „Истинное слово".—Апологія христіанства.—Защита его передъ императорами: Кодратъ, Аристидъ, Іустинъ, Мелитонъ, Аполлинарій, Мильтіадъ, Аѳинагоръ.—Маркъ Аврелій и христіане.—Апологіи, предназначенныя для широкаго круга читателей: Таціанъ.

Христіанство продолжало распространяться, несмотря на направленные противъ него законы. Къ концу царствованія Марка Аврелія, то-есть полтора вѣка спустя послѣ своего появленія, оно существовало уже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ. Христіанскія общины имѣлись въ Испаніи, Галліи, Германіи, Африкѣ, Египтѣ, даже за Евфратомъ и за предѣлами римской имперіи. Евангельская проповѣдь началась съ еврейскихъ общинъ и съ ихъ прозелитовъ, но не замедлила обратиться и непосредственно къ язычникамъ. Эта проповѣдь, соперничавшая съ еврейскою, которую она впрочемъ скоро вытѣснила совсѣмъ, удерживая всѣ преимущества еврейской религіи, отличалась еще большей способностью приспособленія. Греческому, римскому, египетскому многобожію она противопоставляла ученіе объ единомъ и верховномъ Богѣ, идолопоклонству—поклоненіе въ духѣ, кровавымъ жертвамъ, шумнымъ оффиціальнымъ празднествамъ—весьма простыя религіозныя упражненія, молитвы, чтеніе, проповѣдь, общія трапезы; разнузданности нравовъ, которой вовсе не могли сдерживать древнія религіи,—строгую нравственность, поддерживаемую контролемъ общинной жизни. Общечеловѣческіе вопросы о происхожденіи міра и о назначеніи человѣка находили удовлетвореніе въ ученіяхъ, извлеченныхъ изъ священныхъ книгъ, древнихъ, почтенныхъ и гораздо болѣе авторитетныхъ, чѣмъ вымыслы поэтовъ. Ученіе объ ангелахъ и демонахъ, въ особенности послѣднее, помогало рѣшить

многіе вопросы относительно происхожденія и могущества религіозныхъ заблужденій. Понятіе о сатанѣ и его воинствѣ служило достаточнымъ объясненіемъ зла вообще и всѣхъ бѣдъ въ частности, и это ученіе являлось оплотомъ противъ конкуррирующей пропаганды дуалистическаго культа Митры.

На все это еще до христіанства опирались евреи. Но христіане придали этимъ идеямъ болѣе опредѣленное выраженіе, выставивъ предметомъ любви, благодарности и поклоненія для человѣческаго рода основателя своей религіи Іисуса, Сына Божія, принесшаго откровеніе и спасеніе, вочеловѣчившагося, сѣдящаго нынѣ одесную Бога-Отца, чтобъ вновь явиться вскорѣ въ качествѣ верховнаго Судьи и Царя избранныхъ. Вся духовная жизнь христіанъ была устремлена къ Нему, къ исторіи Его жизни, какъ ее передавало новое священное писаніе, къ Его грядущему явленію, предмету твердаго упованія. Болѣе того: въ извѣстномъ смыслѣ Іисусъ присутствовалъ между ними; черезъ Евхаристію Онъ жилъ посреди и внутри вѣрующихъ. Христіанамъ дано было еще иного рода соприкосновеніе съ невидимымъ божествомъ: въ чудесныхъ дарахъ Св. Духа, пророчествахъ, видѣніяхъ, экстазахъ, чудесныхъ исцѣленіяхъ. Вслѣдствіе всего этого въ христіанскихъ общинахъ и отдѣльныхъ личностяхъ создавалось религіозное напряженіе, энтузіазмъ, который слѣдуетъ признать однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ распространенія христіанства: души покорялись притягательной силѣ божественнаго.

И эта притягательная сила должно быть была очень велика, ибо въ тѣ времена кандидатъ въ христіане тѣмъ самымъ становился кандидатомъ въ мученики. Никто не могъ скрывать отъ себя, что, переходя въ христіанство, человѣкъ становился какъ бы внѣ закона. Стоило только полиціи обратить на него вниманіе, или ему имѣть зложелательныхъ сосѣдей,—и онъ подвергался тяжкимъ карамъ, чаще всего смертной казни. Но само мученичество имѣло для нѣкоторыхъ притягательную силу; для огромнаго большинства оно несомнѣнно было очень сильнымъ средствомъ убѣжденія. Твердость исповѣдника, ясность духа, съ какой онъ переносилъ пытку и шелъ на казнь, увѣренность его взора, обращеннаго къ небесамъ,—все это было ново, поразительно и заражало другихъ [1]).

---

[1]) Маркъ Аврелій (De rebus suis, XI, 3) отмѣчаетъ эту манеру держать себя, но не одобряетъ ея. Можетъ быть, на нее намекаетъ Эпиктетъ (Arrian, *Diss.*, IV, VII, 6), если галилеяне, о которыхъ онъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, въ самомъ дѣлѣ христіане.

Другимъ, можетъ быть болѣе обыкновеннымъ, но не менѣе сильнымъ средствомъ привлеченія служило братство, теплая и глубокая любовь, которая связывала членовъ христіанской общины. Между ними не давали себя чувствовать различія въ общественномъ положеніи, классѣ, племени и родинѣ. Общія усилія были направлены къ тому, чтобы стереть ихъ. Что Іисусу было до того, былъ ли Его послѣдователь патрицій или пролетарій, рабъ или свободный, грекъ или египтянинъ? Всѣ они были и называли другъ друга братьями; собранія часто назывались агапами (вечери любви); христіане помогали другъ другу просто, безъ шума и высокомѣрія. Общины непрерывно обмѣнивались между собой совѣтами, свѣдѣніями, матеріальной помощью. Почитая за счастье принадлежать къ „Церкви Божіей“ у себя на родинѣ, вѣрующіе не менѣе счастливы были чувствовать себя членами великаго народа Божія, Церкви въ ея цѣломъ, Церкви вселенской и считали себя предназначенными стать вскорѣ гражданами царствія Божія. Живительное согрѣвающее вліяніе всего этого не идетъ ни въ какое сравненіе съ языческими братствами, похоронными и религіозными корпораціями, единственными обществами, которыя можно еще сравнивать съ христіанскими. Сколь многіе должны были говорить о нихъ: какъ ихъ религія проста и чиста! Какую вѣру они имѣютъ въ своего Бога и Его обѣтованія! Какъ они любятъ другъ друга! Какъ они счастливы въ своемъ кругу [1])!

Однако общая масса оставалась нечувствительной къ этимъ привлекательнымъ сторонамъ. Многіе едва замѣчали христіанство, или даже вовсе не замѣчали его, ибо оно далеко еще не всюду было распространено. Другіе проявляли къ нему величайшее отвращеніе. Не говоря уже о томъ, что дѣло шло о новомъ культѣ или, лучше сказать, о новомъ образѣ жизни, занесенномъ изъ варварской страны и распространявшемся сначала представителями презрѣннаго племени, насчетъ христіанства и особенно христіанскихъ собраній носились самые ужасные и очень упорные слухи. Христіане считались безбожниками, нечестивыми; у нихъ не было Бога или, скорѣе, они поклонялись богу съ ослиной головой; когда на своихъ собраніяхъ они оставались въ тѣсномъ кругу, они будто бы предавались постыдному разврату и принимали участіе въ людоѣдскихъ пиршествахъ. Этотъ вздоръ разсказывали всюду,

1) О притягательной силѣ нарождающагося христіанства см. Harnack—*Die Mission und Ausbreitung des Christenthums in den ersten drei Jahrhunderten*, 1902, 72—209.

и есть основаніе думать, что онъ былъ пущенъ въ обращеніе въ самую раннюю пору. Народъ вѣрилъ ему, свѣтскіе люди повторяли его, и онъ находилъ себѣ откликъ даже среди серьезныхъ и умныхъ людей. Послѣдніе, впрочемъ, имѣли свои причины быть недовольными христіанствомъ. Они упрекали христіанъ въ ихъ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ, въ ихъ обособленности, бездѣйствіи и какъ бы измѣнѣ не только римской религіи, но и обыденной жизни и обычнымъ общественнымъ обязанностямъ. Все это проскальзываетъ въ сужденіяхъ Тацита и Светонія. Въ глазахъ Тацита христіанство—отвратительное суевѣріе, христіане—люди ненавистные, преступные, достойные высшихъ каръ. Светоній [1]) тоже говоритъ о пагубномъ суевѣріи.

Что касается риторовъ и философовъ, то трудно себѣ представить, до какой степени христіанство ихъ раздражало. Они видѣли въ немъ соперника: руководство душами, къ которому они во времена мудрыхъ императоровъ искренно считали себя призванными, переходило на ихъ глазахъ къ безвѣстнымъ проповѣдникамъ безъ дипломовъ, безъ оффиціальнаго положенія, даже безъ научнаго образованія. Это новое ученіе, которое неизвѣстные, ничтожные люди внушали женщинамъ и дѣтямъ, безпокойнымъ и робкимъ умамъ, привлекало несравненно больше послѣдователей, чѣмъ самыя прекрасныя лекціи присяжныхъ ораторовъ. Зато не скупились они на проклятія ему, или изустныя, какъ циникъ Кресцентъ [2]), съ которымъ имѣлъ дѣло св. Іустинъ, или письменныя, какъ Фронтонъ, учитель Марка Аврелія, и въ особенности философъ Цельсъ. Фронтонъ вѣрилъ Ѳіестскимъ пиршествамъ и укорялъ за нихъ христіанъ [3]). Мы весьма недостаточно знаемъ другія его возраженія. Напротивъ того, книга Цельса, подъ заглавіемъ „Истинное слово“, можетъ быть возстановлена почти цѣликомъ по цитатамъ Оригена, который подвергъ ее разбору долго спустя послѣ ея появленія въ свѣтъ [4]).

1) *Nero*, 16.

2) Вопреки почти общеприиятому мнѣнію, я не думаю, чтобы риторъ Аристидъ имѣлъ въ виду христіанъ въ упрекахъ, какими заканчивается его рѣчь *πρὸς Πλάτωνα* (*or.* 46). Все, что онъ говоритъ тамъ, скорѣе относится къ философамъ болѣе или менѣе циническаго образа мыслей, вродѣ Кресцента, Перегрина и др. Въ одномъ мѣстѣ (402, Dindorf) онъ ихъ отождествляетъ съ *τοῖς ἐν τῇ Παλαιστίνῃ δυσσεβέσι*, т.-е, съ палестинскими евреями.

3) *Octavius*, 9, 31. Весьма возможно, что языческій собесѣдникъ въ діалогѣ Минуція Феликса, Цециліанъ, много почерпнулъ изъ рѣчи Фронтона, но подробности пиршествъ—единственное, что приведено со ссылкой на него.

4) Aubé—*Histoire des persécutions*, II, 277.

Въ этомъ произведеніи Цельсъ обращается къ христіанамъ, вышучивая ихъ за ихъ вѣрованія. Онъ по крайней мѣрѣ далъ себѣ трудъ изучить предметъ, о которомъ писалъ. Онъ не повторяетъ ходячихъ сплетенъ; онъ прочелъ Библію и много книгъ христіанскихъ писателей. Онъ знакомъ съ ихъ разногласіями и прекрасно различаетъ между гностическими сектами и „великой Церковью“. Христіанство у него сперва опровергается съ точки зрѣнія іудейства отъ лица нѣкоего еврея, приводящаго доводы противъ Іисуса Христа. Затѣмъ Цельсъ выступаетъ отъ своего имени и сразу нападаетъ на обѣ религіи іудейскую и христіанскую, отстаивая безусловное превосходство греческихъ религіозныхъ и философскихъ идей, критикуя библейскую исторію и фактъ воскресенія Христова, утвержая, что апостолы и ихъ преемники прибавили къ первоначальнымъ нелѣпостямъ еще новыя. Однако онъ не всегда проявляетъ слѣпую нетерпимость; нѣкоторыя черты въ христіанствѣ ему нравятся, именно нравственное ученіе Евангелія и ученіе о Логосѣ. Онъ кончаетъ даже тѣмъ, что призываетъ христіанъ отказаться отъ своего религіознаго и политическаго обособленія, присоединиться къ общей религіи ради блага государства, римскаго отечества, которое ослаблялось этими раздорами. Въ сущности послѣднее обстоятельство именно и было тѣмъ, что его безпокоило. Цельсъ былъ свѣтскій человѣкъ, очень образованный, но практическаго направленія. Философія интересовала его вообще, какъ всякаго благовоспитаннаго человѣка, но онъ не былъ поборникомъ ни одной изъ существующихъ сектъ. Онъ защищалъ установленную религію не по глубокому убѣжденію, но потому, что порядочный человѣкъ долженъ имѣть религію, само собою разумѣется, общепринятую, государственную религію.

„Истинное слово“, появившееся къ концу царствованія Марка Аврелія, повидимому, не произвело большого впечатлѣнія на тѣхъ, къ кому оно было обращено. Христіанскіе писатели II вѣка нигдѣ не говорятъ о немъ. Лишь случайно около 246 г. оно попало въ руки Оригена, который никогда не слыхалъ раньше ни о книгѣ, ни объ авторѣ.

А между тѣмъ Цельсъ не былъ неизвѣстностью. Онъ былъ въ числѣ друзей Лукіана, посвятившаго ему свою книгу о „Лжепророкѣ“. Лукіанъ тоже писалъ о христіанахъ, но со свойственнымъ ему легкомысліемъ, мимоходомъ. Христіане послужили ему матеріаломъ для нѣсколькихъ штриховъ его знаменитой каррикатуры, озаглавленной „Смерть Перегрина“. Но нельзя сказать, чтобы онъ именно боролся

противъ нихъ. Скорѣе онъ оказалъ имъ услугу своими безконечными насмѣшками надъ богами и современными ему вѣрованіями. Въ своемъ „Лжепророкѣ“ онъ безъ горечи свидѣтельствуетъ, что христіане были не менѣе его строги къ религіознымъ самозванцамъ.

Съ своей стороны христіане чрезвычайно дорожили доброй славой своей религіи. Они не могли терпѣть, чтобы клеветали на ихъ собранія. Правда, что отъ такой клеветы защита невозможна; глупость человѣческая, которая ихъ питаетъ, непреоборима. Развѣ въ наши дни мы не видимъ постоянно, какъ возрождается и воздвигается нелѣпое обвиненіе евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ? Однако, все же надо было протестовать. Помимо того, при хорошихъ императорахъ естественны были попытки объясниться съ властями, дать имъ понять, что ученики Христовы не заслуживаютъ преслѣдованій. А такъ какъ ненависть къ христіанамъ находила себѣ подъ перомъ философовъ и риторовъ литературное выраженіе, то не слѣдовало ли тѣмъ „братьямъ“, которыхъ Богъ одарилъ надлежащими талантами, употребить ихъ въ дѣло для общей защиты?

Такъ возникли апологіи, однѣ изъ которыхъ дошли до насъ, а другія оставили болѣе или менѣе замѣтные слѣды.

Сперва надлежитъ отмѣтить тѣ, которыя предназначались для императоровъ. Начало имъ было положено со временъ Адріана (117—138). Именно этому государю была представлена апологія Кодрата. Повидимому этотъ Кодратъ — тождественъ съ тѣмъ Кодратомъ, который около этого времени жилъ въ Азіи и пользовался большой славой миссіонера и пророка. Его сочиненіе, читавшееся еще во времена Евсевія [1]), не дошло до насъ. По словамъ Евсевія, Кодрата побудило написать его то обстоятельство, что „нѣкоторые злые люди старались обижать нашихъ“. Указаніе немного туманное, но оно довольно хорошо соотвѣтствуетъ тому положенію вещей, которое по отношенію къ Азійской провинціи вскрывается въ указѣ на имя Фундана. Кодратъ говорилъ въ своей апологіи о людяхъ, исцѣленныхъ или воскрешенныхъ Спасителемъ, которые жили еще въ его время [2]).

---

1) *H. E.* IV, 3, ср. о пророкѣ Кодратѣ, III, 37 и V, 17.

2) Εἰς τοὺς ἡμετέρους χρόνους. Данное мѣсто воспроизведено Евсевіемъ l. c. Это не значитъ: до временъ Адріана. Папій, который, повидимому, читалъ апологію Кодрата (*Text. und Unters.*, t. V, 170), сдѣлалъ изъ нея невѣроятный выводъ—до вѣка Адріана (ἕως Ἀδριανοῦ ἔτων). Кодратъ, писавшій между 117 и 138 г. г., вполнѣ могъ относиться къ 80—100 годамъ, какъ къ своей эпохѣ.

Императору Антонину (138—161) были предназначены апологіи Аристида и Іустина [1]. Первый былъ аѳинскимъ философомъ. Его защитительная рѣчь была найдена лишь въ послѣднее время [2]. Она очень проста. Это—сравненіе понятій о Божествѣ у варваровъ, грековъ, евреевъ и христіанъ, отдающее, разумѣется, полное преимущество послѣднимъ и восхваляющее ихъ нравы и благотворительность. Есть намеки на то, что они подвергаются клеветамъ, но авторъ не входитъ въ подробности. Равнымъ образомъ здѣсь нѣтъ никакого протеста противъ законодательныхъ притѣсненій. Апологія начинается съ разсказа государю о впечатлѣніи, произведенномъ на автора созерцаніемъ міра, о выводахъ, сдѣланныхъ имъ на этомъ основаніи о природѣ Божества, о почитаніи, какое слѣдуетъ воздавать Ему, и какое Ему дѣйствительно воздается въ разныхъ группахъ человѣчества. Эти подраздѣленія человѣчества напоминаютъ „Проповѣдь Петра“ [3]. Впрочемъ Аристидъ не преминулъ указать императору для болѣе подробнаго ознакомленія на „христіанскія книги“.

Іустинъ извѣстенъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ Аристидъ, однако до насъ не дошли всѣ его труды, даже и апологетическіе. Но мы имѣемъ его апологіи, или скорѣй апологію, съ которой онъ около 152 г. обратился къ императору Антонину Пію. Какъ и Аристидъ, Іустинъ былъ философъ, т.-е. жилъ гражданиномъ міра, странствуя изъ города въ городъ въ своемъ короткомъ плащѣ и разнося всюду свое свободное слово. Родомъ изъ Неаполя Палестинскаго [4], въ Самарійской странѣ, онъ прошелъ разныя школы. Нѣкоторое время привлекали его платоники, но онъ не нашелъ у нихъ полнаго удовлетворенія для своей души. Ему довелось присутствовать при сценахъ мученичества, которыя глубоко потрясли его и заставили призадуматься надъ цѣнностью вѣрованій, обладавшихъ силою сообщать такую стойкость. Находясь въ та-

---

1) По отношенію въ Аристиду нелегко выбрать между этими крайними датами; однако болѣе вѣроятно, что онъ писалъ въ первое десятилѣтіе (138—147).

2) *The apology of Aristides* (Rendel Harris et Armitage Robinson въ *Textes and Studies* of Cambridge t. I. 1891). Вступленіе было сперва открыто на армянскомъ языкѣ, затѣмъ весь текстъ найденъ въ сирійской рукописи на Синаѣ, наконецъ, греческій оригиналъ былъ опознанъ въ сочиненіи, напечатанномъ уже давно,—легендѣ о Варлаамѣ и Іосафатѣ (Boissonade — Anecdota graeca, IV, 239—255 pp. Migne, *P. G.*, t. XCVI, p. 1108—1124: Ἐγώ, βασιλεῦ, προνοίᾳ θεοῦ...)

3) См. выше стр. 99.

4) Въ настоящее время Наблусъ, близъ мѣстоположенія древняго Сихема.

комъ душевномъ настроеніи, онъ имѣлъ бесѣду съ какимъ-то таинственнымъ старцемъ и не замедлилъ обратиться. Ставъ христіаниномъ, онъ ничего не измѣнилъ ни въ своей наружности философа, ни въ образѣ жизни: это облегчало ему возможность бесѣдовать съ народомъ и излагать ему евангельское ученіе, распространителемъ и защитникомъ котораго онъ сейчасъ же сдѣлался. Онъ обратился въ христіанство около 133 г., безъ сомнѣнія въ Ефесѣ, гдѣ недолго спустя (ок. 135 г.) онъ имѣлъ собесѣдованіе съ ученымъ евреемъ, по имени Трифономъ. Затѣмъ онъ прибылъ въ Римъ, гдѣ пробылъ долгое время. Онъ писалъ очень много и не только противъ внѣшнихъ враговъ [1], но и противъ еретическихъ школъ, достигшихъ въ ту пору полнаго процвѣтанія [2].

Его апологія обращена къ императору [3] Антонину Августу, къ его соправителямъ Марку Аврелію и Люцію Веру, къ сенату и римскому народу: „въ защиту тѣхъ, которыхъ ненавидитъ и преслѣдуетъ весь родъ человѣческій, одинъ изъ среды ихъ Іустинъ, сынъ Приска, внукъ Вакхія, изъ Флавіи—Неаполя, что въ Сиріи Палестинской, представляетъ это обращеніе и ходатайство“. Прежде всего онъ (4—12) заявляетъ протестъ о томъ, что христіанъ не должно преслѣдовать за одно имя, которое они носятъ, но лишь за преступленія, если они ихъ совершаютъ. Онъ опровергаетъ затѣмъ (13 — 67) клеветы, взводимыя на нихъ, и, показавъ, ихъ несостоятельность, объясняетъ, каковы христіане на самомъ дѣлѣ. Здѣсь онъ излагаетъ христіанское ученіе о нравственности, описываетъ христіанскія собранія и столь оклеветанныя таинства,—крещеніе и причащеніе. Откуда, — обращается онъ съ неоднократнымъ вопросомъ, — столько ненависти, клеветъ, преслѣдованій? Въ этомъ виновны, по его мнѣнію, демоны. Ихъ вліяніемъ онъ объясняетъ не только враждебное настроеніе обще-

---

1) Евсевій (IV, 18) говоритъ о двухъ сочиненіяхъ „Къ грекамъ“, Πρὸς Ἕλληνας, изъ которыхъ одно между прочимъ касалось природы демоновъ, другое носило спеціальное заглавіе „Опроверженіе“, Ἔλεγχος. Въ третьемъ сочиненіи „О единодержавіи Божіемъ“ онъ доказывалъ единство Божіе, опираясь одновременно на св. писаніе и на греческія книги. Наконецъ, четвертое сочиненіе задавалось различными вопросами относительно души, указывало отвѣты, данные на нихъ философами, и обѣщало впослѣдствіи отвѣтъ на нихъ самого автора.

2) Книгу—противъ всѣхъ ересей (*Apol.*, I, 26) и другую книгу противъ Маркіона (Irenaeus, IV, VI, 2) мы знаемъ только по заглавіямъ. Можетъ быть, онѣ составляли одно нераздѣльное произведеніе.

3) Это заглавіе, дошедшее до насъ въ испорченномъ видѣ, дало поводъ ко многимъ спорамъ, указаннымъ въ *Chronologie* Harnack'a, s. 279 и сл.

ственнаго мнѣнія и правительства, но также и раздѣленіе, внесенное въ христіанскую среду еретиками, Симонами, Менандрами, Маркіонами. Еще до пришествія Христа злые демоны преслѣдовали вдохновенныхъ Словомъ Божіимъ (λόγος σπερματικός) древнихъ мудрецовъ, которые тоже были, въ извѣстномъ смыслѣ, христіанами, какъ Гераклитъ и особенно Сократъ. Этотъ послѣдній, подобно Христу и христіанамъ, былъ приговоренъ къ смерти по обвиненію въ безбожіи и враждѣ къ оффиціально признаннымъ богамъ [1]).

Все это высказано довольно безпорядочно, рѣзко, неправильнымъ языкомъ. Такъ говорили философы того времени. Критическая часть тоже оставляетъ желать многаго. Говоря о легендѣ LXX толковниковъ, Іустинъ превращаетъ Ирода въ современника Птоломея Филадельфа, ошибаясь на двѣсти лѣтъ. На островѣ среди Тибра онъ прочелъ посвященіе богу Семону-Санку и отсюда вывелъ, будто Симонъ Волхвъ, которому онъ много удѣляетъ вниманія, былъ въ Римѣ, и будто правительство оказало ему божескія почести.

Къ своей апологіи Іустинъ присоединилъ рескриптъ Адріана къ Минуцію Фундану [2]), копію котораго онъ можетъ быть досталъ во время своего пребыванія въ Ефесѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ вновь взялся за перо подъ впечатлѣніемъ трехъ смертныхъ приговоровъ, постановленныхъ префектомъ Урбикомъ надъ христіанами. Это то, что принято называть его второй апологіей [3]). Здѣсь онъ прямо обращается къ общественному мнѣнію римлянъ, вновь протестуя противъ ничѣмъ не оправдываемыхъ строгостей и отзываясь на разныя нареканія.

Іустинъ не ограничивался писательствомъ; онъ любилъ говорить въ публичныхъ мѣстахъ. Служа мишенью ненависти философовъ, онъ не стѣснялся съ ними, обзывая ихъ обжорами и лжецами.

---

1) Іустинъ никогда не называетъ Эпиктета. Трудно предположить, чтобы онъ никогда не слыхалъ о немъ, но онъ могъ не знать тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія объ этомъ „святомъ“ философѣ. Хотѣлось бы знать, простеръ ли бы онъ свое уваженіе къ древнимъ мудрецамъ и на него. Ясно, что о „De rebus suis“ имп. Марка Аврелія онъ не могъ имѣть свѣдѣній.

2) См. выше стр. 75.

3) Евсевій (IV, 18) говоритъ о двухъ апологіяхъ Іустина, обращенныхъ— одна къ Антонину, другая къ Марку Аврелію. Онъ безъ сомнѣнія принялъ приложеніе къ единственной апологіи за отдѣльную апологію. Во всякомъ случаѣ это приложеніе не можетъ относиться ко времени Марка Аврелія, ибо упомянутый тамъ префектъ Рима Урбикъ служилъ при Антонинѣ ранѣе 160 г.

Одному цинику, по имени Кресценту [1]), который любилъ изрыгать хулу на христіанъ, пришлось особенно съ нимъ посчитаться. Между ними произошелъ публичный споръ, который былъ занесенъ въ протоколъ. Побѣда осталась не за Кресцентомъ. Іустинъ по великой наивности хотѣлъ, чтобы императоры прочли отчетъ объ этомъ спорѣ, но у Кресцента было другое оружіе, и Іустинъ вскорѣ замѣтилъ, что тотъ старается подвести его подъ смертный приговоръ, что было вовсе нетрудно.

Послѣ апологіи Іустинъ написалъ свой Разговоръ съ Трифономъ [2]), гдѣ онъ возстановилъ, несомнѣнно съ дополненіями, тотъ свой споръ съ еврейскимъ совопросникомъ, который онъ имѣлъ въ Ефесѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Этотъ трудъ имѣетъ чрезвычайную цѣнность для исторіи споровъ между христіанами и евреями и первоначальнаго христіанскаго богословія [3]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Маркъ Аврелій царствовалъ единодержавно (169—177), ему были представлены двѣ апологіи азійскими епископами, Мелитономъ Сардійскимъ и Аполлинаріемъ Іерапольскимъ. Въ то время гоненія возобновились съ новой силой въ ихъ провинціи; администрація получила, повидимому, новыя и строгія распоряженія. Изъ апологіи Мелитона мы имѣемъ лишь отрывки, сохраненные у Евсевія [4]). Въ нихъ епископъ развиваетъ ту мысль, что христіанство, родившееся въ царствованіе Августа, такъ же старо, какъ имперія и римскій міръ, и что гонителями его были лишь дурные государи, какъ Неронъ и Домиціанъ, враги общественнаго блага. Въ общемъ новая религія приноситъ счастье имперіи, и Мелитонъ почти намекаетъ о возможности соглашенія между ними. Это было слишкомъ оптимистично для того времени, когда онъ писалъ, но его идеѣ суждено было восторжествовать.

Изъ апологіи Аполлинарія до насъ не дошло ничего, если только не изъ нея взятъ отрывокъ этого автора, гдѣ Евсевій [5]) нашелъ упоминаніе о Молніеносномъ Легіонѣ. Третья апологія,

---

1) О Кресцентѣ см. *Apol.*, II, 3, 11; Tatianus, *Oratio*, 157.

2) Неизвѣстно, гдѣ былъ написанъ „Разговоръ“, можетъ быть не въ Римѣ.

3) Чтобы довершить перечень сочиненій Іустина нужно прибавить его „Пѣвецъ“, упоминаемый Евсевіемъ. Извѣстно, что многія апокрифическія произведенія прикрываются именемъ философа-мученика.

4) *H. E.*, IV, 26, § 6—11.

5) V, 5.

также принадлежащая перу азійца, Мильтіада, повидимому, относится къ тому же времени [1]).

За то мы имѣемъ полный текстъ четвертаго сочиненія въ этомъ родѣ, апологіи Аѳинагора [2]), предназначенной императорамъ Марку Аврелію и Коммоду (177—180). Аѳинагоръ былъ, какъ и Аристидъ, аѳинскимъ философомъ. Онъ развиваетъ хорошимъ слогомъ и стройнѣе, чѣмъ Іустинъ, обычныя мысли апологетовъ. Христіане не таковы, какими ихъ воображаютъ. Они, конечно, отвергаютъ идолопоклонство и многобожіе, но не то же ли дѣлаютъ лучшіе философы? Согласно съ доводами разума, они провозглашаютъ, что Богъ единъ, и ихъ монотеизмъ прекрасно совмѣщается съ ученіемъ о Словѣ и Духѣ Святомъ. Отвратительныя преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, — гнусныя клеветы, ихъ нравственность, напротивъ того, очень чиста, даже строга... Какъ можно посылать на казнь людей, которые такъ мыслятъ, такъ живутъ?

Для христіанъ дѣйствительно наступали тяжелыя времена. Недаромъ апологіи размножились въ царствованіе Марка Аврелія. Мудрый императоръ ничего не понялъ въ христіанствѣ. Онъ не допускалъ, чтобы стоило изучать такія секты, или ослаблять ради нихъ строгость законодательства въ имперіи. Христіане тщетно пытались заставить философа выслушать ихъ; имъ пришлось имѣть дѣло лишь съ правителемъ тѣмъ болѣе суровымъ, чѣмъ болѣе онъ былъ добросовѣстенъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Слѣдуетъ добавить, что бѣдствія, которыя омрачили это царствованіе, много содѣйствовали взрыву народной ненависти, давно раздуваемой непрерывными успѣхами христіанства. Мелитонъ говоритъ о новыхъ указахъ, (καινὰ δόγματα), которые повлекли за собой много жертвъ въ Азіи; въ Греціи тоже, по свидѣтельству Аѳинагора, гоненія сдѣлались нестерпимыми. Какъ разъ въ это время, въ послѣдніе годы Марка Аврелія, произошли знаменитыя событія въ Ліонѣ и Карѳагенѣ (мученики въ Сцилли), отмѣчающія для насъ начало исторіи христіанства въ Галліи и Африкѣ.

Послѣ Марка Аврелія снова водворилось спокойствіе. Сынъ его, Коммодъ, одинъ изъ самыхъ негодныхъ императоровъ, какихъ

1) Евсевій (V, 17) говоритъ, что она была адресована πρὸς τοὺς κοσμικοὺς ἄρχοντας (къ мірскимъ властителямъ).
2) Евсевій о ней не упоминаетъ.

только видѣлъ Римъ, имѣлъ по крайней мѣрѣ благую мысль не притѣснять христіанъ.

Однако это не заставило ихъ прекратить составленіе своихъ апологій. Общественное мнѣніе было къ нимъ безпощаднѣе, чѣмъ государь; нужно было его просвѣтить, чтобы оно измѣнилось; христіане чувствовали это. Апологіи, предназначенныя для императоровъ Адріана, Антонина и Марка Аврелія, далеко не исчерпываютъ всего того, что написано христіанами въ свою защиту. Въ текстахъ или въ библіографическихъ перечняхъ до насъ дошла цѣлая литература трактатовъ „Къ грекамъ" (πρὸς Ἕλληνας). Въ этомъ родѣ писательства, независимо отъ своихъ апологій, выдѣляется Іустинъ [1]). Одинъ изъ его учениковъ, Таціанъ, любившій странствовать, какъ и онъ, оставилъ намъ „Слово къ эллинамъ". Послѣ Антіохійскаго епископа Ѳеофила остались три книги въ томъ же направленіи, предназначенныя для нѣкоего Автолика. Трактатъ Аѳинагора о воскресеніи плоти является лишь приложеніемъ къ его апологіи. Мелитонъ, Мильтіадъ, Аполлинарій также упражнялись въ этого рода литературѣ [2]). Другія книги такого же содержанія дошли до насъ безъ имени ихъ авторовъ или съ подложными именами; таковы: Посланіе къ Діогнету и три сочиненія: „Рѣчь къ эллинамъ", „Увѣщательное слово къ эллинамъ" (λόγος παραινετικὸς πρὸς Ἕλληνας), „О монархіи", обращавшіяся съ именемъ св. Іустина.

Изъ всей этой литературы мы остановимся лишь на Посланіи къ Діогнету, какъ образцѣ хорошаго слога, изящество и примирительный тонъ котораго нисколько не ослабляютъ горячности убѣжденія, и на рѣчи Таціана, обладающей совершенно противоположными свойствами. Вмѣсто того, чтобы озаглавить свой трудъ „Словомъ къ грекамъ", Таціанъ могъ бы его назвать „Обвиненіемъ противъ грековъ". Это—произведеніе, полное презрѣнія и гнѣва.

1) См. выше прим. 1-е на стр. 137.
2) Мелитонъ—περὶ ἀληθείας; Аполлинарій—произведеніе подъ такимъ же заглавіемъ въ двухъ книгахъ; пять книгъ πρὸς Ἕλληνας (его „περὶ εὐσεβείας", упоминаемое Фотіемъ, должно быть, то же, что апологія); Мильтіадъ—πρὸς Ἕλληνας въ двухъ книгахъ (Euseb., IV, 26, 27, V, 17). Все это утрачено.
3) Ихъ заглавія довольно точно соотвѣтствуютъ потеряннымъ книгамъ Іустина, но достовѣрно извѣстно, что они не принадлежатъ ему. „Слово къ эллинамъ" представляетъ изложеніе причинъ, побудившихъ автора его принять христіанство. Писатель III вѣка, нѣкій Амвросій, довольно свободно передѣлалъ его, и эта работа дошла до насъ въ сирійскомъ переводѣ (Cureton—*Spicil. syr.*, 1885 ср. Harnack въ *Sitzungsberichte d. Acad. zu Berlin*, 1896. p. 627).

Родившись за предѣлами имперіи, въ странѣ сирійскаго языка, Таціанъ прошелъ греческую школу и воспринялъ западную цивилизацію. Но этотъ чуждый ему міръ не внушаетъ ему ни уваженія, ни любви. Вовсе несклонный относиться, подобно Іустину, съ почтеніемъ къ древнимъ мудрецамъ и находить въ ихъ твореніяхъ нѣкоторое сходство съ пророческими книгами, Таціанъ бичуетъ цѣликомъ всю эллинскую культуру—обряды и ученія, поэтовъ и философовъ. Это—родоначальникъ язвительной апологетики, которая, желая обратить людей, начинаетъ съ того, что осыпаетъ ихъ бранью. Предшественникъ Тертулліана, онъ, какъ и тотъ, въ концѣ концовъ откололся отъ церкви, но это произошло съ нимъ позднѣе. Въ то время, когда написано было Слово, Іустинъ еще былъ живъ, и незамѣтно, чтобы разница во взглядахъ привела къ разрыву между ними.

Очень трудно отдать себѣ отчетъ, какое впечатлѣніе произвела вся эта апологетическая литература. Незамѣтно, чтобы она пріостановила примѣненіе репрессивныхъ законовъ. Возможно, что апологеты кое-гдѣ измѣнили настроеніе образованныхъ людей. Но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ вліянія. Въ сущности, что дало возможность Церкви жить подъ дѣйствіемъ преслѣдовавшихъ ее законовъ и восторжествовать надъ равнодушіемъ, презрѣніемъ и клеветой, это не доводы и рѣчи, а внутренняя сила, которая такъ ярко проявила себя въ добродѣтели, любви, въ пламенной вѣрѣ христіанъ героической эпохи. Вотъ что привлекало ко Христу, вотъ что плѣнило самихъ апологетовъ, что привело римлянъ къ обоготворенію Распятаго Іудея и заставило греческіе умы воспринять такіе догматы, какъ ученіе о воскресеніи мертвыхъ.

ГЛАВА XIII.

Римская церковь отъ Нерона до Коммода.

Еврейская знать и еврейскіе нравы.—Обращенія въ іудейство среди римской аристократіи.—Христіане изъ династіи Флавіевъ.—Климентъ и посланіе къ Коринѳской церкви.—Игнатій въ Римѣ.—Пастырь Ерма.—Покаяніе.—Христологія Ерма.—Первые папы.—Римскіе еретики.—Посѣщенія Рима Поликарпомъ и Егезиппомъ.—Мученики. — Епископъ Сотиръ. — Гностическія школы во времена Марка Аврелія.—Эволюція маркіонизма: Апеллесъ.—Молніеносный легіонъ.—Мученическая кончина Аполлонія.

Римская община быстро возродилась послѣ тяжкаго испытанія 64 года. Тѣ изъ вѣрующихъ, которые избѣгли гибели, вскорѣ дождались паденія изверга-гонителя Нерона (68 г.). Два года спустя, возставшій противъ имперіи Іерусалимъ палъ послѣ долгой осады; храмъ былъ сожженъ, а награбленныя изъ него сокровища несли по улицамъ Рима за тріумфальной колесницей побѣдителей—Веспасіана и Тита.

Крушеніе еврейскаго царства привело въ Римъ огромное количество еврейскихъ плѣнниковъ. Конечно, не среди этихъ фанатиковъ могла найтись почва для христіанской проповѣди. Но среди евреевъ существовала цѣлая группа, сложившаяся еще до конца войны. Представители этой группы, люди богатые и вліятельные, старались держаться въ непосредственной близости къ царствующему дому. Уцѣлѣли отпрыски дома Ирода; Вереника долго пользовалась благосклонностью Тита. Іосифъ жилъ среди этого избраннаго общества, написалъ здѣсь исторію своего народа, стараясь обойти въ ней то, что могло бы не понравиться побѣдителямъ. Все это содѣйствовало нѣкоторому разцвѣту іудейства, разумѣется, не іудейства, какъ политической единицы, роль котораго была окончательно сыграна, а іудейской философіи и религіи. Несмотря на недавнее возстаніе іудеевъ и его подавленіе, о которомъ наглядно напоминала тріумфальная арка Тита, не считалось неприличнымъ выказывать извѣстныя симпатіи къ евреямъ, хорошо при-

нятымъ при императорскомъ дворѣ, почитать ихъ религію и даже отчасти слѣдовать ей. Покоренная Іудея, какъ раньше, непосредственно послѣ завоеванія ея Помпеемъ, все еще внушала побѣдителямъ почтеніе къ себѣ. Правда, это продолжалось недолго. Послѣ прекращенія династіи Флавіевъ и уже послѣ смерти Тита, еврейская родовая и умственная аристократія утратила свое вліяніе при дворѣ. Однако эта мимолетная мода на іудейство не могла не усилить того давнишняго воздѣйствія, какое восточный монотеизмъ оказывалъ на традиціонныя вѣрованія римскаго высшаго общества. Уже въ ту эпоху, о которой мы теперь говоримъ, — какъ показываютъ нѣкоторые несомнѣнные факты—христіанская проповѣдь дѣлала завоеванія даже въ средѣ римской аристократіи. Теперь ужъ не одни иностранцы, мелкій людъ, рабы или наемники императорскаго двора исповѣдывали христіанство: въ эту раннюю пору христіанство проникаетъ въ фамиліи Помпоніевъ, Ациліевъ, даже Флавіевъ, менѣе родовитой, но за то царствующей фамиліи. Уже при Неронѣ знатная матрона Помпонія Грецина [1]) привлекла вниманіе своимъ скромнымъ и уединеннымъ образомъ жизни. Ее обвинили въ приверженности къ восточнымъ суевѣріямъ, но мужъ ея А. Плавцій заявилъ о своемъ правѣ, какъ главы дома, судить ее, и объявилъ ее невиновной. Она еще была въ живыхъ при Домиціанѣ. Очень вѣроятно, что она была христіанкой. М. Ацилій Глабрій, бывшій консуломъ въ 91 г., и двоюродный братъ Домиціана Флавій Климентъ, консулъ 95 г., были также, послѣдній навѣрное, а первый весьма вѣроятно, членами римской церкви. Самое древнее кладбище, находившееся въ исключительномъ и общемъ пользованіи у римскихъ христіанъ — кладбище Присциллы, было устроено на виллѣ Ациліевъ на Саларійской дорогѣ [2]). На Ардеатинской дорогѣ кладбище Домициллы было расположено на землѣ, принадлежавшей Флавіи Домициллѣ, женѣ консула Климента [3]). Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь не просто платоническое сочувствіе христіанству: эти знатные послѣдователи Христа входили въ жизненные интересы общины и удовлетворяли ея нуждамъ.

[1]) Tacitus, *Annal.*, XIII, 32; христіанскія надписи III вѣка, упоминающія *Помпоніевъ Бассовъ* и даже *Помпонію Грецину* (De Rossi—*Roma sott.* t. II, pp. 281, 362).
[2]) De Rossi—*Bullet.* 1889, 1890.
[3]) Corp. Inscript. Lat., t. VI, № 16246, ср. 948 и 8942.

Вскорѣ они дали ей также и мучениковъ. Домиціанъ, мрачный и подозрительный тиранъ, не ограничился въ своихъ преслѣдованіяхъ философами и политическими дѣятелями, у которыхъ могло оставаться какое-нибудь сожалѣніе о свободѣ прежнихъ временъ или какое-нибудь чувство собственнаго достоинства. Будучи строгимъ блюстителемъ нравовъ, бдительнымъ стражемъ старыхъ преданій римской жизни, онъ пришелъ къ убѣжденію, что іудейскіе и христіанскіе нравы подрываютъ ихъ. Климентъ и жена его Домицилла „были обвинены въ безбожіи,—обвиненіе, жертвой котораго становились многія лица, державшіяся іудейства. Одни изъ нихъ были казнены, другія лишились своего имущества“ [1]). Консулъ былъ казненъ въ самый годъ своего консульства (95 г.); Флавія Домицилла была сослана на островъ Пандатарію, другая Флавія Домицилла, ихъ племянница, была заточена на о. Понтіи [2]). Однако двое изъ сыновей Климента получили отъ Домиціана права наслѣдниковъ. Онъ далъ имъ имена Веспасіана и Домиціана и поручилъ ихъ воспитаніе извѣстному ритору Квинтиліану, но затѣмъ самъ былъ убитъ (96 г.). Это событіе положило конецъ владычеству дома Флавіевъ, хотя онъ продолжалъ еще существовать, и нѣкоторые члены этой фамиліи исправляли еще общественныя должности. Христіанство удержалось между потомками консула-мученика. Христіаниномъ былъ сынъ старшаго брата Веспасіана, Флавій Сабинъ, погибшій въ 69 г. во время борьбы приверженцевъ его брата со сторонниками Вителлія. Будучи префектомъ Рима во времена Нерона, онъ долженъ былъ быть свидѣтелемъ въ 64 г. пожара столицы и избіенія христіанъ. Можетъ быть нѣкоторое впечатлѣніе отъ этого не пропало даромъ. Въ послѣдніе годы его жизни въ немъ замѣчалась особенная кротость, умѣренность, отвращеніе къ кровавымъ распрямъ, за что горячія головы называли его трусомъ [3]).

[1]) Dion Cassius. LXVII, 14; ср. Sueton. *Domician.* 15.
[2]) Евсевій въ своей Хроникѣ ad ann. Abr. 2110 (ср. *H. E.*, III, 18) говоритъ со словъ одного лѣтописца Бруттія о другой Флавіи Домициллѣ, дочери сестры консула, которая будто бы была сослана на о. Понтію. Такъ какъ онъ не упоминаетъ о ссылкѣ консула съ женой, то можно бы подумать, что онъ смѣшиваетъ эту Флавію Домициллу съ другою. Однако острова названы разные, и св. Іеронимъ, посѣтившій Понтію, видѣлъ тамъ комнаты, въ которыхъ обитала „знаменитѣйшая изъ женъ“, сосланная за вѣру при Домиціанѣ. Легенда о святыхъ Нереѣ и Ахиллѣ заставляетъ предполагать, что Домицилла умерла и была погребена въ Террацинѣ. Я полагаю, что Tillemont (*Hist. eccl*, t. II, 224), De-Rossi (*Bull.*, 1875, 72—77) и Achelis *Texte und* (*Unters.* t. XI, 249) правы, различая двухъ Флавій Домициллъ.
[3]) Mitem virum, abhorrere a sanguine et coedibus;... in fine vitae alii segnem, multi moderatum et civium sanguinis parcum credidere (мужъ кроткій, имѣвшій

Христіане изъ дома Флавіевъ имѣли свою усыпальницу на Ардеатинской дорогѣ. Впослѣдствіи былъ открытъ монументальный портикъ, который велъ въ эту усыпальницу, равно какъ и обширная галлерея, украшенная очень древней живописью. Несомнѣнно, что здѣсь и были погребены останки консула-мученика и самыхъ старинныхъ членовъ его фамиліи. Нѣсколько далѣе была найдена греческая надгробная надпись нѣкоего Флавія Сабина и сестры его Тиціаны, затѣмъ обломокъ надписи, которая могла служить указаніемъ на семейную усыпальницу Флавіевъ sepulc RUM flavi ORUM [1]).

Все, что мы знаемъ объ этихъ знатныхъ послѣдователяхъ христіанства, дошло до насъ чрезъ языческихъ писателей, сообщенія которыхъ поясняются намъ надписями и другими памятниками катакомбъ [2]). Письменныхъ данныхъ христіанскаго происхожденія у насъ вовсе не имѣется. Въ эти древнія времена христіанская община въ Римѣ должна была насчитывать многихъ членовъ, бывшихъ свидѣтелями самаго зарожденія ея; авторитетъ этихъ спутниковъ или учениковъ первоначальныхъ апостоловъ былъ здѣсь очевидно такъ же великъ, какъ въ Азіи авторитетъ *пресвитеровъ*. Они служили опорой для преданія, подъ ихъ покровительствомъ зарождалась церковная іерархія. Можно предполагать также, что нѣкоторыя книги Новаго Завѣта, какъ, напр. евангелія Марка и Луки, Дѣянія апостоловъ, первое посланіе ап. Петра, Посланіе къ евреямъ, сложились среди римской общины раньше или позже взятія Іерусалима и что тамъ же были собраны во едино посланія ап. Павла. Но обо всемъ этомъ у насъ нѣтъ надежнаго свидѣтельства [3]).

Посланіе св. Климента выводитъ насъ изъ области мрака. Къ концу царствованія Домиціана въ Коринѳской церкви возникли раздоры. Образовалась партія молодыхъ противъ старѣйшинъ общины, устранены были изъ пресвитерскаго совѣта нѣсколько членовъ, „поставленныхъ апостолами или послѣ нихъ другими

отвращеніе къ кровопролитію и убійствамъ;... въ концѣ его жизни, нѣкоторые считали его человѣкомъ недѣятельнымъ, а большинство—человѣкомъ сдержаннымъ и щадящимъ кровь гражданъ). (Tacit. *Hist.*, III, 65, 75).

[1]) De Rossi—*Bull.* 1865, 33—47; 1874; 17, 1875, 64.

[2]) Сказаніе о мученичествѣ св. Нерея и Ахиллы, христіанскій романъ V вѣка, выводитъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ Флавію Домициллу (съ о. Понтіи). Оно упоминаетъ также о консулѣ Климентѣ и папѣ того же имени, но изъ него ничего нельзя извлечь для историческаго изслѣдованія.

[3]) Впрочемъ за исключеніемъ перваго посланія ап. Петра. Ср. выше стр. 41.

славными людьми (ἐλλόγιμοι) съ одобренія всей церкви". Раздоръ этотъ огласился и былъ во вредъ доброй славѣ христіанскаго имени [1]). Узнавъ о происшедшемъ, римская церковь сочла своей обязанностью вмѣшаться. Въ это время она была угнетена неожиданными и чередовавшимися одно за другимъ бѣдствіями. Но какъ только открылась возможность, римскіе христіане отправили въ Коринѳъ трехъ уполномоченныхъ, Клавдія Эфеба, Валерія Бито и Фортуната, которые съ молодости и до преклонныхъ лѣтъ, какихъ къ тому времени уже достигли, были дѣятельными членами римской церкви. Несомнѣнно люди, столь давно обратившіеся въ христіанство, были знакомы съ апостолами. Имъ поручено было засвидѣтельствовать коринѳской общинѣ чувства и пожеланія римлянъ; послѣдніе къ тому же вручили имъ посланіе, написанное отъ имени всей римской церкви [2]). Намъ извѣстно, что посланіе это было редактировано епископомъ Климентомъ, который въ самыхъ достовѣрныхъ спискахъ римскихъ папъ стоитъ на третьемъ мѣстѣ послѣ апостоловъ.

Климентъ, котораго Оригенъ отождествляетъ съ одноименнымъ ему [3]) сподвижникомъ ап. Павла, помогавшимъ его проповѣди въ Филиппахъ, [4]) былъ во всякомъ случаѣ въ такомъ возрастѣ, что могъ, какъ это передаетъ св. Ириней, лично знать апостоловъ и бесѣдовать съ ними [5]). Онъ никакъ не могъ быть родственникомъ консула Флавія Климента. Правда, онъ очень уважаетъ римскій строй вещей; онъ говоритъ о „*нашихъ*" государяхъ, о воинахъ, подчиненныхъ „*нашимъ*" военачальникамъ; къ военной дисциплинѣ онъ относится съ восхищеніемъ, однако его близкое знакомство со священнымъ писаніемъ, Ветхимъ и даже Новымъ Завѣтомъ (посланія ап. Павла, ап. Петра, ап. Іакова, Посланіе къ евреямъ), скорѣе заставляетъ думать, что личность его сложилась подъ іудейскимъ вліяніемъ. Быть можетъ, онъ былъ вольноотпущенникомъ фамиліи Флавіевъ. Какъ бы то ни было, его Посланіе представляетъ собою прекрасное свидѣтельство того, какимъ мудрымъ и практическимъ характеромъ уже въ тѣ давнія времена было проникнуто римское благочестіе. Онъ говоритъ здѣсь сперва о неудобствахъ, какія влечетъ за собой раздоръ (3—6), затѣмъ призываетъ къ повиновенію

[1]) I *Clem.* 1, 2, 44, 47.

[2]) „Церковь Божія, обитающая въ Римѣ, церкви Божіей, обитающей въ Коринѳѣ"....

[3]) *In Ioh.* I, 29. Отождествленіе ненадежно.

[4]) Къ Филипп. IV, 3.

[5]) *Haer.* III, 3.

волѣ Божіей (7—12), изображаетъ величіе наградъ, обѣщанныхъ Богомъ простымъ и праведнымъ душамъ (13—26), и доказываетъ необходимость порядка въ церкви примѣрами дисциплины римскихъ армій и священнической іерархіи въ Ветхомъ Завѣтѣ (37—42). Переходя затѣмъ къ Новому Завѣту, авторъ выясняетъ, что священство ведетъ свое начало отъ апостоловъ и Іисуса Христа, что оно имѣетъ законный авторитетъ и ему должно повиноваться (42—47). Онъ призываетъ коринѳянъ къ раскаянію и совѣтуетъ имъ возвратиться къ миру и порядку и понести спасительное наказаніе; если миру препятствуетъ присутствіе нѣкоторыхъ лицъ, пусть они отправятся въ добровольное изгнаніе. Что же касается церкви, то она должна молиться за непокорныхъ (48—58); довольно рѣзкимъ переходомъ авторъ тутъ же самъ подаетъ примѣръ: Климентъ помѣщаетъ въ посланіи пространную молитву (59—61), которая имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ коринѳскимъ распрямъ. Она, безъ сомнѣнія, представляетъ собою не установленный текстъ римской литургіи конца I вѣка, но образецъ того, какъ содержаніе евхаристической молитвы раскрывалось предстоятелями христіанскихъ богослужебныхъ собраній.

Посланіе заканчивается повтореніемъ даннаго увѣщанія и привѣтствіями. Отъ начала до конца оно проникнуто глубокимъ чувствомъ безхитростной вѣры и разумнаго благочестія. Въ немъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ своеобразныхъ чертъ, которыя иной разъ поражаютъ насъ въ произведеніяхъ древнихъ авторовъ. Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ обычныхъ христіанскихъ мыслей, выраженныхъ самымъ естественнымъ образомъ. Не замѣтно также какого-либо безпокойства относительно еретическихъ разногласій. Римская церковь наслаждалась въ это время полнѣйшимъ внутреннимъ миромъ.

Можно думать, что представители римской церкви достигли большого успѣха въ Коринѳѣ, ибо посланіе Климента было отнесено тамъ къ числу книгъ, которыя читались одновременно со священнымъ писаніемъ на воскресныхъ собраніяхъ: такое мѣсто занимало оно 70 лѣтъ спустя во времена епископа Діонисія [1]). Впрочемъ оно и стало извѣстно намъ первоначально по одному изъ древнѣйшихъ списковъ греческой Библіи [2]). Немного лѣтъ спустя

---

1) *Euseb.*, IV, 23, § 11.
2) Манускр. *A* Британскаго Музея, V вѣка. Послѣ того была открыта еще другая рукопись XI ст., равнымъ образомъ латинскій и сирійскій переводы его. Въ рукописи *A* есть большой пробѣлъ въ концѣ посланія.

послѣ того, какъ оно было составлено, св. Поликарпъ имѣлъ его передъ собой и пользовался имъ, наравнѣ съ апостольскими посланіями.

Лѣтъ черезъ двадцать послѣ коринѳской смуты и посланія св. Климента, римляне имѣли случай назидаться бесѣдами и зрѣлищемъ мученичества св. Игнатія Антіохійскаго. Объ этомъ событіи мы имѣемъ свѣдѣнія изъ посланія самого мученика, написаннаго изъ Азіи къ римлянамъ [1]). Содержаніе посланія чрезвычайно своеобразно. Исповѣдникъ вѣры, присужденный на съѣденіе звѣрямъ и отправленный изъ Сиріи на казнь въ Римъ, имѣетъ основаніе опасаться, что римскіе его единовѣрцы помѣшаютъ цѣли его путешествія. Онъ самымъ настоятельнымъ образомъ убѣждаетъ ихъ не препятствовать его мученической кончинѣ. Повидимому, они могли спасти его, хотя не совсѣмъ ясно, какимъ именно образомъ [2]). „Оставьте меня въ добычу звѣрямъ, чрезъ нихъ я приближусь къ Богу. Я пшеница Господня, пусть я буду размолотъ зубами звѣрей, чтобы стать чистымъ хлѣбомъ Христовымъ. Поощряйте ихъ лучше, чтобы они стали моей могилой, чтобы ничего не оставили отъ моего тѣла; тогда мое погребеніе никому не доставитъ заботы.... Я не повелѣваю вамъ, какъ Петръ и Павелъ, ибо тѣ были апостолами, а я—узникъ приговоренный (къ смерти), они были свободными, а я до сего часа — рабъ; но если я умру, то стану отпущенникомъ Іисуса Христа, въ Немъ я воскресну къ свободѣ“.

Это столь трогательное посланіе не только показываетъ, какая жажда мученичества томила Игнатія, но и то высокое уваженіе, которое антіохійскій епископъ питалъ къ великой римской церкви. Оно начинается длиннымъ и краснорѣчивымъ привѣтствіемъ, гдѣ онъ больше, чѣмъ въ посланіяхъ къ другимъ церквамъ, расточаетъ хвалебныя обращенія: „Первенствующая церковь въ столицѣ римскаго народа.... Церковь, первенствующая въ любви (или въ дѣлахъ милосердія)“ [3]). Очевидно Игнатій представляетъ себѣ римскую цер-

---

1) Существуютъ сказанія о мученической кончинѣ св. Игнатія; но ни одно изъ нихъ не имѣетъ исторической цѣнности.
2) Совершенно неправдоподобно, чтобы они могли добиться его помилованія; въ крайнемъ случаѣ они могли дать ему средства бѣжать. Но мысль о бѣгствѣ не могла придти въ голову по крайней мѣрѣ предстоятелемъ церкви, которые должны были раздѣлять мнѣніе св. Игнатія о мученичествѣ и его значеніи.
3) ἥτις προκάθηται ἐν τόπῳ χωρίου Ῥωμαίων.... προκαθημένη τῆς ἀγάπης.

ковь, какъ первенствующую между другими церквами и въ христіанскомъ братолюбіи.

Онъ добился, чего желалъ, — свободы пострадать за Христа. Безъ сомнѣнія, „пшеница Господня“ была перемолота дикими звѣрями въ Колизеѣ, тогда только что отстроенномъ [1]). Но не звѣри только участвовали въ его погребеніи. Нѣсколько вѣрующихъ изъ числа его паствы прибыли въ Римъ [2]), чтобы присутствовать при его послѣднихъ минутахъ; они собрали его останки и перевезли ихъ въ Сирію [3]).

Римляне имѣли еще епископа мученика, Телесфора, погибшаго при Адріанѣ (ок. 135 г.) славной смертью, какъ передаетъ св. Ириней [4]); но онъ не сообщаетъ о томъ никакихъ подробностей.

Современники Климента, Игнатія и Телесфора имѣли также случай знать и слышать пророка Ерма, повѣдавшаго церкви свои видѣнія и наставленія, которыя онъ потомъ собралъ въ своей знаменитой книгѣ „*Пастырь*“.

Столь странная по формѣ книга Ерма сохранила намъ драгоцѣнный образецъ того, что можно бы назвать пророческой литературой Новаго Завѣта, т.-е. литературой, которая могла произойти отъ новозавѣтныхъ пророковъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она до насъ дошла, она была закончена въ то время, когда братъ автора, епископъ Пій, занималъ каѳедру въ Римѣ [5]), т.-е. около 140 г. Но она имѣла уже цѣлый рядъ редакцій. Самый древній текстъ ея [6]) долженъ быть отнесенъ къ царствованію Траяна и епископству Климента.

Ермъ былъ римскимъ христіаниномъ, по общественному положенію вольноотпущенникомъ, сельскимъ землевладѣльцемъ, женатымъ и отцомъ семейства, которое не доставляло ему никакого утѣшенія. Его сельскохозяйственныя работы и семейныя непріят-

---

1) Открытіе его послѣдовало въ 80 г.

2) *Rom.*, 9.

3) Могила св. Игнатія находилась на кладбищѣ за Дафнейскими воротами. При Ѳеодосіи II (408—450) антіохійскій храмъ Судьбы (Τυχαῖον) былъ превращенъ въ церковь и освященъ во имя св. Игнатія. Останки его были торжественно перенесены туда. (*Evagr. H. E.*. 1, 16).

4) *Chronol.* III, 3: ὅς ἐνδόξως ἐμαρτύρησεν.

5) Мураторіевъ фрагментъ.

6) *Visio* II. Я принимаю здѣсь въ общемъ заключенія Гарнака (*Chronol.*, 257 и сл.). По его мнѣнію, пророчество Ерма прошло слѣдующія формы: 1) *Vis.* II (только основа), 2) *Vis.* I-III, 3) *Vis.* I-IV, 4) *Vis.* V, *Mandata* и восемь первыхъ притчей; это—„Пастырь“ въ точномъ смыслѣ слова; 5) соединеніе первыхъ четырехъ видѣній съ „Пастыремъ“, прибавляя сюда IX *Simil.*; 6) то же съ прибавленіемъ X *Simil itudo*.

ности, однако, не мѣшали ему постоянно витать духомъ въ сферѣ христіанскихъ упованій, и непрестанно думать какъ о своемъ спасеніи, такъ и другихъ людей. Это былъ простой и весьма малообразованный человѣкъ. Какъ и всѣ вѣрующіе того времени, онъ до извѣстной степени былъ знакомъ съ Ветхимъ и нѣкоторыми произведеніями Новаго Завѣта. Однако единственная книга, на которую онъ прямо ссылается, относится къ апокрифамъ [1]). Чувствуя внутренее побужденіе повѣдать міру свои воззрѣнія на нравственное обновленіе, онъ облекъ ихъ въ форму откровеній. Въ первой древнѣйшей части своей книги, „Видѣніяхъ“, онъ бесѣдуетъ съ женщиной, олицетворяющей Церковь. Въ двухъ другихъ частяхъ, „*Заповѣдяхъ*“ (*Mandata*) и „*Притчахъ*“ (*Similitudines*) откровеніе исходитъ отъ другого воображаемаго лица, *Пастыря*, откуда произошло окончательно установившееся заглавіе книги.

Идетъ ли рѣчь отъ имени Церкви или Пастыря, выражена ли мысль прямо или облекается въ символическую форму, всюду проглядываетъ одна и та же тенденція. Вѣрующіе, и изъ нихъ прежде всего самъ авторъ,—далеко не таковы, какими они должны бы быть, какими обѣщались сдѣлаться. Есть однако средство исправленія—покаяніе. Ермъ получилъ порученіе свыше внушить христіанской общинѣ, что Богъ проститъ тѣхъ, кто покается. Поэтому онъ проповѣдуетъ о необходимости покаянія для крещеныхъ уже христіанъ, какъ апостолы проповѣдывали покаяніе при крещеніи во освященіе вѣрнаго. Это—второе покаяніе, другая милость, дарованная Богомъ передъ временемъ окончательнаго сведенія счетовъ съ землею.

Главный интересъ книги заключается не столько въ этой основной мысли, сколько въ подробностяхъ ея развитія. Изъ перечисленія у Ерма отдѣльныхъ грѣховъ и описанія различныхъ условій, въ которыхъ живутъ грѣшники, мы можемъ составить себѣ понятіе о внутренней жизни римской церкви въ первой половинѣ II вѣка [2]).

Въ тѣ времена, въ царствованіе Траяна и Адріана, христіанскія общины не пользовались вполнѣ прочнымъ спокойствіемъ. Несмотря на мягкіе указы, исходившіе отъ этихъ императоровъ, христіанъ

---

1) Утраченная теперь книга *Элдадъ и Модадъ*.

2) Можно даже сказать „Церкви вообще“, такъ какъ въ книгѣ заключается мало особенныхъ чертъ, и повсемѣстная популярность ея заставляетъ предполагать, что она отвѣчала общему положенію дѣла.

постоянно тревожили, привлекали къ суду, требовали отъ нихъ отреченія отъ своей вѣры. Если они соглашались, ихъ сейчасъ же отпускали, если нѣтъ, то предавали смерти.

Передъ такой альтернативой многіе обнаруживали слабость, и случаи такіе повторялись ежедневно. Отреченіе стало уже довольно обычнымъ грѣхомъ. Степень преступленія была различна. Нѣкоторые ограничивались простымъ отреченіемъ ради временныхъ выгодъ, другіе прибавляли къ нему еще надругательство надъ святыней: они не стыдились открыто произносить хулу на своего Бога и братьевъ по вѣрѣ. Находились даже такіе, которые измѣняли братьямъ и доносили на нихъ. Но съ другой стороны, Церковь гордилась многочисленными мучениками. Не всѣ были равны по заслугамъ. Нѣкоторые трепетали передъ пытками и нерѣшительно исповѣдывали свою вѣру, хотя въ послѣднюю минуту слушались голоса совѣсти и проливали свою кровь за вѣру. Ермъ проводитъ различіе между ними и болѣе мужественными мучениками, у которыхъ не было ни минуты колебанія. Впрочемъ, всѣ они входятъ въ составъ мистическаго зданія, представляемаго Церковью Господнею; впереди нихъ стоятъ лишь апостолы. Кромѣ мучениковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, онъ говоритъ объ исповѣдникахъ, которые хотя понесли извѣстныя лишенія за вѣру, но которымъ не пришлось пролить за нее своей крови.

Въ общемъ жизнь христіанской общины шла довольно правильнымъ путемъ. Однако было не мало недостатковъ и даже пороковъ, которые требовали исправленія. Духъ партійности порождалъ распри, злословіе, вражду. Иные слишкомъ дорожили мірскими благами. Дѣловыя сношенія, общественныя обязанности заставляли многихъ входить въ очень близкія связи съ языческимъ обществомъ, что влекло за собой серьезныя опасности. Начинали забывать объ евангельскомъ братолюбіи, сторонились общихъ собраній, избѣгали стоять на равной ногѣ съ мелкимъ людомъ, который, разумѣется, составлялъ главную часть христіанской общины. Вѣра страдала отъ этого, въ концѣ концовъ люди становились христіанами только по имени. При постоянномъ общеніи съ язычниками нѣкоторые мало по малу утрачивали даже память о своемъ крещеніи; ихъ охладѣвшія вѣрованія поддавались малѣйшему искушенію, и они отрекались отъ нихъ по ничтожнымъ поводамъ. Люди мѣняли свою вѣру безъ всякаго гоненія, просто прельщенные обаятельными философскими ученіями, къ которымъ слишкомъ охотно стали прислушиваться.

Даже среди болѣе твердыхъ въ вѣрѣ обнаруживались слабости, весьма плачевныя въ нравственномъ отношеніи. Плоть была немощна. Однако, эти временныя слабости были еще исправимы: ихъ можно было искупить покаяніемъ. Большею опасностью въ глазахъ Ерма было колебаніе въ вѣрѣ (διψυχία); онъ часто возвращается къ этому состоянію души, когда она какъ будто двоится, колеблясь между признаніемъ и отрицаніемъ.

Само духовенство было небезупречно: діаконы измѣняли своему назначенію заботиться о матеріальныхъ нуждахъ общины, обращали въ свою пользу деньги, предназначенныя для вдовъ и сиротъ; встрѣчались пресвитеры неправосудные, надменные, небрежные къ своимъ обязанностямъ, одержимые честолюбіемъ.

Книга Ерма—подробная исповѣдь римской церкви. Не слѣдуетъ удивляться, что она разоблачаетъ столько прискорбныхъ явленій: по самому характеру своему ей приходится больше говорить о дурныхъ сторонахъ, чѣмъ о свѣтлыхъ, объ исключеніяхъ чаще, чѣмъ о нормѣ. Несмотря на это невыгодное (для характеристики церкви) обстоятельство, легко замѣтить, что, по мнѣнію Ерма, число добродѣтельныхъ христіанъ превосходило число грѣшниковъ всѣхъ видовъ. Напримѣръ, въ Притчѣ VIII нравственное состояніе христіанъ выражено символически въ образѣ ивовой вѣтви, которую каждый христіанинъ получилъ отъ ангела Господня и обязанъ возвратить послѣ извѣстнаго промежутка времени: одни возвращаютъ ее изсохшею, расщепленной, сгнившею, другіе—наполовину сухой, наполовину зеленою, третьи—на двѣ трети зеленою и такъ далѣе. Эти различныя состоянія свѣжести соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ нравственнаго паденія. Большинство христіанъ, однако, возвращаетъ ее столь же цвѣтущею, какою они получили ее, что означаетъ, что они остались вѣрны обѣтамъ, даннымъ при крещеніи.

Равнымъ образомъ, хотя Ермъ неоднократно говоритъ о распряхъ между пресвитерами и другихъ слабостяхъ клира, онъ все же знаетъ и такихъ, которые достойны всякой похвалы; онъ хвалитъ ихъ благотворительность, гостепріимство; онъ отводитъ имъ мѣсто среди апостоловъ, въ самомъ основаніи своей мистической башни.

Въ общемъ отъ этой картины получается впечатлѣніе, что хотя церковь и въ тѣ весьма отдаленныя времена не состояла исключительно изъ святыхъ, но она имѣла ихъ въ большомъ числѣ и даже ихъ было большинство.

Ермъ никогда не говоритъ о евреяхъ, рѣдко о язычникахъ. Книга его предназначена исключительно для вѣрующихъ: ему нѣтъ дѣла до того, что происходитъ внѣ церкви. Мы выше уже говорили объ его отношеніи къ зарождающимся ересямъ. Онѣ не представляются ему въ видѣ законченныхъ ученій, ни тѣмъ болѣе организованными сектами, соперничающими съ главной общиной. Ему извѣстны только отдѣльные проповѣдники, которые приходятъ и уходятъ, сѣя чуждыя ученія, вѣчно стремятся къ познанію и въ сущности ничего не знаютъ. Ермъ, который во всемъ дорожитъ прежде всего нравственной стороной дѣла, упрекаетъ ихъ въ томъ, что они отвлекаютъ грѣшниковъ отъ покаянія. Онъ также спрашиваетъ себя, что выйдетъ изъ этихъ заблудшихъ учителей. Онъ не отчаивается въ ихъ спасеніи: иные уже вернулись на путь истинный и даже прославились своими добродѣтелями; и другіе также вернутся, по крайней мѣрѣ можно на это надѣяться.

Покаяніе, проповѣдуемое Ермомъ, представляетъ средство искупить грѣхи, совершенные послѣ крещенія. Иные учатъ, что послѣ крещенія уже нѣтъ возможности получить отпущеніе грѣховъ. Не таково его убѣжденіе: и послѣ крещенія можно получить прощеніе и даже самыхъ тяжкихъ грѣховъ, но само собою разумѣется, что это вторичное обращеніе должно быть рѣшительнымъ; нельзя проводить свою жизнь въ безконечныхъ колебаніяхъ между грѣхомъ и раскаяніемъ [1]. Ермъ не упоминаетъ ни о какихъ внѣшнихъ видахъ покаянія, какіе мы встрѣчаемъ вскорѣ послѣ него. Онъ не говоритъ ни объ исповѣди, ни объ отпущеніи; что же касается дѣлъ умилостивленія, то онъ ихъ, разумѣется, допускаетъ, но рѣшительно настаиваетъ на ихъ безполезности въ тѣхъ случаяхъ, когда они не сопровождаются внутреннимъ и искреннимъ обращеніемъ.

Онъ упоминаетъ о практикѣ общественныхъ постовъ, установленныхъ всею общиной, о такъ называемыхъ стояніяхъ, и критикуетъ не самое установленіе и не идею поста вообще, а неосновательную вѣру, какую питали нѣкоторые въ спасительность этихъ упражненій. Постъ долженъ прежде и болѣе всего состоять

[1] *Mand.* IV, 3; *Simil.* VIII, 6. Ермъ еще не очень рѣшительно высказывается по отношенію къ вновь впавшимъ въ грѣхъ: „Этотъ человѣкъ не будетъ имѣть успѣха; трудно ему будетъ спастись“. Если порой кажется, что онъ исключаетъ возможность прощенія для нѣкоторыхъ грѣшниковъ, виновныхъ въ тяжкихъ проступкахъ, то все-таки видно, что эти грѣшники сами отстраняются отъ покаянія.

въ нравственномъ исправленіи, въ строгомъ соблюденіи закона Божія, затѣмъ въ дѣлахъ милосердія. Въ дни поста нужно питаться лишь хлѣбомъ и водой; сбереженное изъ обычныхъ расходовъ должно быть обращено въ пользу бѣдныхъ.

Человѣкъ простого склада ума, озабоченный исключительно нравственымъ возрожденіемъ, Ермъ не былъ склоненъ къ богословскимъ умозрѣніямъ. Однако и въ Пастырѣ встрѣчаются въ этомъ отношеніи мѣста, возбуждающія недоумѣніе.

Въ его V-й Притчѣ намъ обрисовывается характеръ его воззрѣній на домостроительство искупленія, Троицы и воплощенія. Эти воззрѣнія высказываются имъ по оригинальному поводу: Ермъ хочетъ внушить убѣжденіе въ пользѣ сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлъ. Подобная тема не даетъ, повидимому, почвы для метафизическихъ разсужденій, но какъ разъ именно здѣсь они и выступаютъ на сцену.

Пастырь начинаетъ съ притчи. У одного человѣка есть помѣстье и многочисленные слуги; отъ отдѣляетъ часть этого помѣстья и разводитъ виноградникъ, затѣмъ одному изъ своихъ слугъ даетъ порученіе подвязать лозы, но тотъ не только подвязываетъ ихъ, но еще и очищаетъ виноградникъ отъ плевелъ. Господинъ очень доволенъ имъ; посовѣтовавшись съ сыномъ и друзьями, онъ объявляетъ, что добрый слуга раздѣлитъ наслѣдство съ сыномъ. Послѣдній устраиваетъ пиръ и посылаетъ доброму слугѣ часть приготовленныхъ яствъ, слуга же дѣлится съ товарищами по службѣ и получаетъ за это новую похвалу.

Таково содержаніе притчи. Объясненіе же ея слѣдующее: помѣстье—міръ, хозяинъ его—Богъ, создатель всего; виноградникъ—Церковь, общество вѣрующихъ всѣхъ временъ; сынъ хозяина—Святой Духъ [1]); слуга—Іисусъ Христосъ; друзья и совѣтники—шесть высшихъ ангеловъ. Дѣло, совершенное Христомъ, символизируется въ трехъ дѣйствіяхъ: подвязкѣ лозъ, искорененіи плевелъ и раздѣлѣ присланныхъ яствъ. Колья, къ которымъ подвязывается лоза,—низшіе ангелы, которымъ Спаситель поручилъ храненіе Церкви; истребленіе плевелъ есть искупленіе, искоренившее грѣхъ; раздѣлъ пищи—евангельская проповѣдь.

Какъ видно изъ этого объясненія, до воплощенія существуютъ толь-

[1] Слова Filius autem Spiritus Sanctus est (Сынъ же есть св. Духъ) стоятъ въ древнемъ латинскомъ переводѣ; эти соблазнительныя слова исчезли изъ греческаго текста и изъ другого латинскаго перевода.

ко два божественныхъ Лица—Богъ и Святой Духъ, взаимное отношеніе которыхъ опредѣляется, какъ отношеніе отца къ сыну. Стало быть здѣсь Святой Духъ отождествляется со Словомъ [1]), предвѣчнымъ Христомъ. Эта мысль впрочемъ выступаетъ и нѣсколько ниже. „Духа Святого, который существовалъ предвѣчно и создалъ все, Богъ вселилъ въ избранную Имъ плоть. Эта плоть, въ которой обиталъ Духъ Святой, служила Духу во всей святости и чистотѣ, не омрачая Его ни единымъ пятномъ. За эту святую жизнь, за помощь Духу и непрестанное сотрудничество съ Нимъ, всегда бодрое и мужественное, Богъ допустилъ плоть пріобщиться Духу Святому... Онъ имѣлъ совѣщаніе съ сыномъ Своимъ и славными ангелами, чтобы плоть эта, безупречно служившая Духу, получила мѣстопребываніе и награду за труды свои. Будетъ награда всякой плоти, которая, получивъ въ себя Духа Святого, сохранитъ себя незапятнанной".

Въ общемъ Троица Ерма состоитъ, повидимому, изъ Бога Отца, изъ второго божественнаго Лица (Сынъ Божій, Духъ Святой) и наконецъ изъ Спасителя, ставшаго Богомъ за свои заслуги. Эта черта въ богословскомъ умозрѣніи Ерма представляется точной параллелью тѣмъ своеобразнымъ разсказамъ, которые мы встрѣчаемъ у древнихъ азійскихъ носителей христіанской традиціи. Если можно удивляться, что люди, въ родѣ пресвитера Іоанна и его родичей, могли разсказывать такія фантастичныя исторіи, то не менѣе трудно понять, какимъ образомъ римскій пророкъ въ своихъ богословскихъ умозрѣніяхъ допускаетъ подобныя же странности.

Однако то, что въ его воззрѣніяхъ заслуживаетъ критики, не бросается въ глаза съ перваго взгляда. А что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе,—это мысли о пользѣ добрыхъ дѣлъ и нравственной чистоты. Эти мысли опираются на всегда умѣстный примѣръ Спасителя. Только на третьемъ планѣ въ изложеніи проступаютъ черты, которыя не легко удовлетворительнымъ образомъ примирить съ нашими воззрѣніями. Древніе, повидимому, не замѣтили ихъ. „Пастырь" былъ принятъ во всемъ христіанскомъ мірѣ II-го вѣка, какъ книга высокаго авторитета въ вопросахъ вѣры; ее читали на собраніяхъ одновременно со священнымъ писаніемъ, не ставя ее однако наравнѣ съ нимъ. Понемногу ея авторитетъ сталъ падать:

[1]) Ермъ никогда не употребляетъ термина „Слово" равнымъ образомъ какъ, впрочемъ, и слова—Христосъ. Имя Іисусъ также не встрѣчается въ „Пастырѣ".

ригористы въ родѣ Тертулліана ставили ей въ упрекъ ея снисходительность къ грѣшникамъ; образованные люди смущались ея своеобразнымъ слогомъ и странностію формы видѣній [1]). Аріане ссылались на нее въ виду ея знаменитаго ученія о божественномъ единствѣ [2]). Но и это не поколебало ея авторитета, и послѣ Климента Александрійскаго и Оригена еще св. Аѳанасій продолжалъ высоко чтить ее и употреблять, какъ пособіе для нравственнаго наставленія оглашенныхъ. Какъ и посланіе Климента, „Пастырь" Ерма удостоился чести быть вписаннымъ въ однѣ рукописи съ текстомъ Библіи. Такъ, его нашли въ концѣ извѣстнаго *Синайскаго кодекса*.

Какъ уже было сказано выше, „Пастырь" былъ законченъ и окончательно вышелъ въ свѣтъ въ то время, когда братъ Ерма еп. Пій занималъ епископскую каѳедру въ Римѣ. Пій былъ девятымъ преемникомъ апостоловъ. Изъ его восьми предшественниковъ, списокъ которыхъ дошелъ до насъ чрезъ св. Иринея, одинъ только Климентъ пріобрѣлъ извѣстность своими посланіями, а Телесфоръ своимъ мученичествомъ. О Линѣ и Анаклетѣ, первыхъ по списку, сказать ничего нельзя, за исключеніемъ лишь того, что Линъ, быть можетъ, то самое лицо, которое подъ этимъ именемъ упоминается во второмъ Посланіи къ Тимоѳею. Также неизвѣстны остались преемники Климента—Еварестъ, Александръ, Сикстъ. Послѣ Телесфора епископствовалъ предшественникъ Пія, Гигинъ. Для опредѣленія хронологическаго порядка, въ какомъ чередовались епископы, мы не имѣемъ иного источника, какъ списокъ, первая редакція котораго можетъ быть восходитъ до временъ императора Коммода и папы Елевѳерія, а можетъ быть и нѣсколько выше. Тамъ послѣ каждаго имени поставлены числа. Ихъ общая сумма даетъ 125 лѣтъ. Отсчитывая отъ 189 г.,—года смерти папы Елевѳерія, назадъ, мы подходимъ къ 64 г., какъ разъ къ году предполагаемой мученической кончины апостола Петра. Такимъ образомъ хронологія первыхъ папъ должна бы быть установлена въ слѣдующемъ видѣ:

[1]) Бл. Іеронимъ (*in Habacuc*, I, 14) отзывается о немъ очень рѣзко (*liber ille apocryphus stultitiae condemnandus*—эта апокрифическая невѣжественная книга заслуживаетъ презрѣнія) по поводу ангела Тегри, которому по Ерму (*Vis.* IV, 2) поручена охрана хищныхъ звѣрей. Св. Амвросій и св. Августинъ никогда не говорятъ о немъ; Просперъ Аквитанскій возражалъ Кассіану, ссылавшемуся на него, что это книга, лишенная всякаго авторитета (*Adv. Coll.*, 13). Согласно св. Іерониму (*De Viris ill.*, 10), ея почти не знали въ латинской половинѣ имперіи. Однако, существуетъ два древнихъ латинскихъ текста ея.

[2]) *Mandat.* I. Cp. Athanas. *De decr. Nic.* 18; *Ad. Afros*, 5.

Линъ	12	лѣтъ	приблизительно	отъ	65	г.	до	76	года
Анаклетъ	12	„	„	„	77	„		88	„
Климентъ	9	„	„	„	89	„		97	„
Еваристъ	8	„	„	„	98	„		105	„
Александръ	10	„	„	„	106	„		115	„
Сикстъ	10	„	„	„	116	„		125	„
Телесфоръ	11	„	„	„	126	„		136	„
Гигинъ	4	„	„	„	137	„		140	„
Пій	15	„	„	„	141	„		155	„
Аникита	11	„	„	„	156	„		166	„
Сотиръ	8	„	„	„	167	„		174	„
Елевѳерій	15	„	„	„	175	„		189	„

Но эти указанія годовъ, даже если предположить, что они намъ переданы точно, должны быть разсматриваемы лишь какъ приблизительныя, при опредѣленіи которыхъ откидывались или округлялись доли года. Поэтому не слѣдуетъ строго держаться лѣтосчисленія, которое отсюда вытекаетъ. Въ единственномъ случаѣ, гдѣ мы имѣемъ возможность подвергнуть эти цифры точной провѣркѣ, вышеприведенная таблица оказывается невѣрной. Св. Поликарпъ прибылъ въ Римъ самое позднее въ 154 г. и былъ здѣсь принятъ папою Аникитой.

Какова бы ни была цѣнность этой хронологіи, послѣдовательный списокъ римскихъ папъ представляетъ драгоцѣнный документъ. Очевидно слѣдуетъ думать, что апостольскимъ преемникамъ въ управленіи церковью содѣйствовала коллегія пресвитеровъ, которая вмѣстѣ съ ними руководила христіанской общиной, предсѣдательствовала на ея собраніяхъ, разбирала споры, привлекала новыхъ послѣдователей и обучала ихъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, діаконы и діакониссы [1]) особо завѣдывали спеціально хозяйственной стороной и дѣлами благотворительности. Въ разговорномъ языкѣ епископъ не всегда ясно выдѣлялся надъ коллегіей своихъ помощниковъ, а духовенство не обособлялось рѣзко отъ общей массы христіанъ. Такъ какъ общинная жизнь была очень высоко развита, то все происходившее касалось скорѣе всей общины, чѣмъ ея руководителей.

---

[1]) См. эпитафію одной діакониссы (вдовы) Флавіи Арки (De Rossi *Bull.* 1886, p. 90, ср. мои *Origines du culte chretien*, p. 342, ed. 3).

О ересяхъ, завезенныхъ въ Римъ, впервые заговорили къ концу царствованія Адріана, во времена епископа Гигина. Сюда переселились Валентинъ Александрійскій, Кердонъ и Маркіонъ и старались не только распространить свои ученія среди вѣрующихъ, но, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, даже овладѣть управленіемъ церкви. Трудно предположить, чтобы еще ранѣе этого времени Римъ не видалъ какого-нибудь пришельца съ Востока изъ тѣхъ лжеучителей, какими съ давнихъ поръ кишѣла Сирія и Азія. Повидимому, Ермъ знавалъ подобныхъ; судя по тому, что онъ говоритъ, они не имѣли въ Римѣ большого успѣха. Валентинъ со своей стройной философской системой, со своей экзегетикой и примирительными наклонностями добился большаго вниманія и успѣлъ основать школу. Онъ прожилъ въ Римѣ долгое время при преемникахъ Гигина Піѣ и Аникитѣ. Прибывшій около того же времени Маркіонъ нѣсколько лѣтъ держался въ общеніи съ Церковью, хотя и не безъ труда, такъ какъ однажды онъ былъ вынужденъ представить письменное оправданіе своей вѣры. Но подобныя отношенія не могли продолжаться долго; въ 144 г. произошелъ разрывъ и, соперничая съ великой церковью, возникла отдѣльная маркіонитская община. На первыхъ порахъ она имѣла большой успѣхъ. Іустинъ философъ, жившій тогда въ Римѣ и боровшійся перомъ и словомъ противъ различныхъ модныхъ ересей, велъ спеціальную полемику противъ Маркіона. Однако этотъ послѣдній выдержалъ ударъ. Онъ еще находился въ Римѣ во времена Аникиты, когда сюда прибылъ въ 154 г. почтенный Поликарпъ, епископъ смирнскій, предпринявшій это путешествіе съ цѣлью уладить съ римской церковью нѣсколько спорныхъ пунктовъ и главное вопросъ о праздкованіи Пасхи, насчетъ котораго между азійцами и римлянами существовало разногласіе. Можно себѣ представить, какой благоговѣйный интересъ въ христіанахъ вызвало появленіе этого знаменитаго старца, знавшаго очевидцевъ евангельскихъ событій и принявшаго ученіе отъ азійскихъ апостоловъ. Аникита принялъ его радушно и добровольно предоставилъ ему свое предсѣдательское мѣсто на литургійныхъ собраніяхъ. Уже самой своей личностью Поликарпъ былъ чрезвычайно мощнымъ выраженіемъ христіанскаго преданія. Поэтому его присутствіе произвело сильное впечатлѣніе въ средѣ отщепенцевъ: многіе ушли изъ своихъ сектъ и вернулись въ лоно великой церкви. Однажды онъ встрѣтился съ Маркіономъ, котораго еще раньше видалъ въ Азіи.—„Узнаешь ли меня?“ спросилъ еретикъ.—„Да, отвѣтилъ Поликарпъ: узнаю пер-

венца сатаны". Аникита не могъ согласиться съ воззрѣніями Поликарпа на празднованіе Пасхи, но и ему равнымъ образомъ не удалось склонить Поликарпа на сторону римскихъ обычаевъ. Впрочемъ они не разошлись изъ-за этого, и азійцы, жившіе въ Римѣ, продолжали, не взирая на это легкое разногласіе, принимать участіе въ евхаристіи, наравнѣ съ членами мѣстной общины. Такое положеніе вещей длилось уже давно, со времени епископства Сикста [1]). Наконецъ Поликарпъ дружески распростился съ римлянами и ихъ епископомъ, которые немного мѣсяцевъ спустя узнали, что онъ запечатлѣлъ свою долголѣтнюю и достойную жизнь мученической кончиной.

Народъ стекался въ Римъ со всѣхъ сторонъ. Школа карпократіанъ изъ Александріи прислала сюда проповѣдницу Маркеллину, которая пріобрѣла много послѣдователей. Среди окружавшихъ Маркіона тогда уже выдѣлялся одинъ ученикъ, Апеллесъ, подъ вліяніемъ котораго впослѣдствіи маркіонитское ученіе приняло новый видъ. Іустинъ, всегда ревностный въ защитѣ вѣры, получилъ подкрѣпленіе отъ другого философа, прибывшаго изъ дальней Ассиріи—Таціана, который нѣкоторое время помогалъ ему вести полемику противъ циниковъ. Изъ Палестины прибылъ Егезиппъ, странствующій изслѣдователь ученій и преданій. Онъ могъ разсказать римлянамъ много интереснаго о древнихъ христіанахъ своей страны, а съ своей стороны собралъ отъ римлянъ свѣдѣнія не только о современномъ состояніи ихъ церкви, но и о прошедшихъ временахъ, такъ какъ онъ, повидимому, вывезъ изъ Рима списокъ римскихъ епископовъ, закончившійся Аникитой [2]). Онъ самъ продолжилъ его до Елевѳерія, во время епископства котораго издалъ

---

[1]) Iren. *Haer.* III, 3 (по-гречески у Евсевія IV, 4). Посланіе Виктору у Евсевія V, 24.

[2]) Euseb. IV, 22. Извѣстно вѣчное препирательство изъ-за текста διαδοχὴν ἐποιησάμην μέχρις Ἀνικήτου (я составилъ списокъ преемства епископовъ до Аникиты); слово διαδοχὴν (преемство) должно быть было подставлено на мѣсто первоначальнаго διατριβὴν (пребываніе) и смыслъ его вѣроятно былъ таковъ: „я прожилъ (въ Римѣ) до времени Аникиты". Такъ именно понялъ Руфинъ. Впрочемъ Руфинъ часто толкуетъ вкось и вкривь. Съ одной стороны μέχρις Ἀνικήτου довольно трудно поддается объясненію. Егезиппъ долженъ былъ бы сказать, что онъ прибылъ въ Римъ ἐπὶ Πίου или Ὑγεινοῦ. Между тѣмъ онъ не говоритъ этого въ сосѣднемъ текстѣ, предполагать же, что онъ уже сказалъ это раньше, мы имѣемъ мало основаній. Съ другой стороны, контекстъ рѣчи поддерживаетъ предположеніе, что здѣсь дѣло идетъ о спискѣ епископовъ: „А Аникитѣ наслѣдовалъ Сотиръ, а Сотиру Елевѳерій". Это какъ будто показываетъ, что авторъ въ тотъ моментъ думалъ о спискѣ, начинающемся естественно съ основанія Церкви и остановившемся на епископѣ Аникитѣ. Я впрочемъ признаю, что выраженіе διαδοχὴν ἐποιησάμην несостоятельно; здѣсь что-нибудь выпало изъ текста.

свои путевыя воспоминанія. Онъ былъ знакомъ съ нимъ въ Римѣ, гдѣ тотъ былъ діакономъ Аникиты.

Таковъ былъ характеръ христіанской жизни въ Римѣ къ концу царствованія Антонина. Весь христіанскій міръ, какъ будто сговорившись, посылалъ сюда самыхъ выдающихся своихъ представителей: патріарха Азіи Поликарпа, суроваго понтійскаго сектанта Маркіона, великаго учителя александрійскаго гносиса Валентина, проповѣдницу Маркеллину, сирійскаго іудействующаго христіанина Егезиппа, философовъ и апологетовъ Іустина и Таціана. Это былъ какъ бы микрокосмъ, отраженіе въ миніатюрѣ всего тогдашняго христіанства. Тотъ фактъ, что христіане свободно путешествуютъ, ведутъ споры, распри, проповѣдуютъ, молятся, повидимому исключаетъ возможность думать, что—все это люди, преслѣдуемые закономъ. А между тѣмъ это было именно такъ. Всѣ они живутъ съ мыслью о мученической смерти. Ермъ и Іустинъ говорятъ о ней на каждомъ шагу, Маркіонъ также, Поликарпъ и Іустинъ были осуждены за вѣру на смерть. Правда, на престолѣ сидитъ Антонинъ, а Римская имперія никогда не имѣла лучшаго повелителя. Но христіанство продолжаетъ быть запрещенной религіей, и судьи въ Римѣ, какъ и въ провинціи, продолжаютъ преслѣдовать его на основаніи закона. Прекрасный храмъ, воздвигнутый добродѣтельнымъ императоромъ внизу Священной дороги въ честь его покойной супруги Фаустины, блисталъ тогда всею свѣжестью своего мрамора; онъ видалъ не одну партію христіанъ, ведомыхъ отъ судейскихъ мѣстъ на форумѣ къ мѣсту казни. Однако единственныя имена римскихъ мучениковъ, которыя дошли до насъ отъ той эпохи,—тѣ, о которыхъ говоритъ Іустинъ въ своей апологіи [1]): Птоломей, Люцій и третій, имени котораго онъ не называетъ,—казненные по приговору префекта Урбика.

Іустинъ самъ подвергался большой опасности: циническій философъ Кресцентъ, которому такъ доставалось отъ Іустина, не терялъ его изъ вида. Быть можетъ именно изъ-за него Іустинъ покинулъ Римъ. Вернувшись сюда въ началѣ царствованія Марка Аврелія, онъ на этотъ разъ, кажется уже безъ содѣйствія Кресцента, палъ жертвой свой религіозной ревности. Онъ былъ арестованъ съ другими христіанами, изъ коихъ нѣкоторые были неофиты, имъ же обращенные. Они предстали на судъ префекта Рустика (163—167), который, удостовѣрившись въ томъ, что они

---

[1]) II, 2.

христіане, велѣлъ ихъ бить плетьми и обезглавить. Сотоварищи Іустина были довольно разнообразны. Среди нихъ была одна женщина по имени Харито, и пять мужчинъ: каппадокіецъ Евельпистъ, рабъ императора, нѣкій Іераксъ изъ Иконіи и еще трое, Харитонъ, Пеонъ и Либеріанъ [1]).

Отъ всѣхъ этихъ древнихъ поколѣній римской церкви намъ остался монументальный и весьма цѣнный памятникъ—верхній и первоначальный ярусъ кладбища Присциллы. До сихъ поръ еще можно разобрать надгробныя надписи: онѣ кратки, одни лишь имена, сопровождаемыя иногда пожеланіемъ *Миръ тебѣ*. Кое-гдѣ древняя живопись украшаетъ комнаты, въ которыхъ могли помѣститься для похоронныхъ собраній небольшія группы лицъ. Другія усыпальницы того же вѣка встрѣчаются на югъ отъ Рима; позднѣе онѣ были включены въ кладбища, извѣстныя подъ именами Претекстата, Домициллы и Каллиста, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ размѣровъ и правильности присцилліанскихъ галлерей. Очевидно, послѣднія представляютъ древнѣйшее общее кладбище римской церкви.

Около того времени, когда св. Іустинъ пострадалъ за вѣру, которую такъ долго защищалъ, управленіе римской церковью перешло изъ рукъ Аникиты къ Сотиру. О немъ мы знаемъ лишь одно: что онъ, подобно своему предшественнику Клименту, написалъ посланіе къ коринѳской церкви. Поводъ къ нему былъ однако совсѣмъ иной: письмо Сотира препровождено было съ приложеніемъ суммы, предназначенной на помощь бѣднымъ и исповѣдникамъ, осужденнымъ на каторгу. Римская церковь, отличавшаяся богатствомъ и благотворительностью, охотно удѣляла часть своихъ средствъ менѣе достаточнымъ христіанскимъ общинамъ. Это уже обратилось въ обычай, удержавшійся до послѣднихъ гоненій. Письмо Сотира до насъ не дошло; мы знаемъ о немъ только изъ

---

[1]) Сказаніе о мученичествѣ св. Іустина съ товарищами дошло до насъ въ византійскомъ сборникѣ Метафраста. Это единственное подлинное произведеніе этого рода, которое сохранилось у насъ относительно римскихъ мучениковъ. Большинство повѣствованій о нихъ представляетъ лишь благочестивые романы безъ всякаго серьезнаго значенія. Конечно, они заключаютъ въ себѣ интересныя указанія на мѣста погребеній и состояніе святилищъ въ V—VI вѣкахъ, но и только. Въ частности нѣтъ возможности полагаться на ихъ хронологію, на имена императоровъ и префектовъ, которыя они приводятъ крайне неисправно.—Я долженъ замѣтить также, что древнѣйшіе римскіе календари (они начинаютъ появляться со временъ Константина) никогда не упоминаютъ мучениковъ II вѣка. Это зависитъ отъ того, что обычай праздновать годовщину смерти мучениковъ и вообще покойниковъ привился въ Римѣ только въ третьемъ вѣкѣ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ надгробныхъ надписей: самыя древнія никогда не обозначаютъ дня смерти.

того отвѣта, который былъ данъ на него епископомъ коринѳскимъ Діонисіемъ и отъ котораго сохранилъ намъ нѣсколько отрывковъ Евсевій [1]).

Рядомъ съ великой церковью еретики продолжали свою пропаганду. Секта валентиніанъ сорганизовалась. Въ Римѣ у нея было два извѣстныхъ учителя, прямыхъ ученика Валентина, Гераклеонъ и Птоломей. Первый внесъ нѣкоторое измѣненіе въ ученіе о происхожденіи эоновъ. Въ первоначальной системѣ они всегда распредѣлялись попарно. Гераклеонъ внесъ въ Плерому монархическій принципъ, поставивъ во главѣ всего единое существо, не имѣвшее соотвѣтственнаго товарища женскаго пола; отъ него произошла первая пара супружескихъ эоновъ, а слѣдовательно также и всѣ остальные. Это былъ очень плодовитый писатель. Климентъ Александрійскій и Оригенъ часто на него ссылаются. Самымъ замѣчательнымъ изъ его произведеній былъ комментарій на евангеліе отъ Іоанна [2]). Что касается Птоломея, то онъ и его послѣдователи были предметомъ полемики св. Иринея; гностическое ученіе Валентина болѣе всего извѣстно въ той формѣ, какую ему придалъ или сохранилъ Птоломей. Во времена Марка Аврелія на Западѣ появился еще нѣкій Маркъ, съ которымъ церковь давно уже боролась въ Азіи. У св. Иринея, св. Ипполита и Тертулліана встрѣчаются еще другія имена: Секундъ, Александръ, Коларбазъ, Ѳеотимъ; намъ неизвѣстно, какіе оттѣнки они внесли въ гностическую систему, да, по правдѣ сказать, это и не важно.

Раздѣленія среди гностиковъ происходили не только на почвѣ вѣроученія; обрядность тоже давала поводъ къ разногласіямъ. Обычный порядокъ крещенія годился лишь для „психиковъ"; для посвященія же „пневматиковъ" требовалось нѣчто иное. Наиболѣе здравомыслящіе оспаривали это, говоря, что разъ гносисъ вещь духовная, то возрожденіе посвященнаго должно происходить единственно путемъ знанія тайны. Другіе, однако, придумали торжественно вводить принимаемаго новичка въ брачную комнату; этотъ обрядъ вполнѣ соотвѣтствовалъ гностическому представленію о небесной плеромѣ. Но большинство предпочитало обрядъ, предста-

---

[1]) *H. E.* IV, 23. Гарнакъ полагаетъ, что посланіе Сотира можно отождествить съ II посланіемъ Климента. Я не могу согласиться съ этимъ.

[2]) Отрывки Гераклеона помѣщены вслѣдъ за произведеніями св. Иринея. Ср. изд. Brook'a въ *Text and Studies of Cambridge*, t. I, fasc. 4.

влявшій сколокъ съ церковнаго. Посвящаемаго крестили водой, произнося формулы, въ родѣ слѣдующей: „во имя непознаваемаго Отца всѣхъ вещей;—Истины, матери всего;—Того, кто сшелъ въ лицѣ Іисуса съ небесъ, (эонъ Христа)“. Пользовались также и еврейскими словами [1]): „во имя Ахамотъ и т. д.“ Посвящаемый отвѣчалъ: „Я укрѣпленъ и искупленъ; я искупилъ свою душу и т. д.“ Присутствующіе восклицали: „Миръ всѣмъ, на комъ почіетъ это имя“. Затѣмъ совершали помазаніе благовоннымъ масломъ. Иногда смѣшивали елей съ водою и такимъ образомъ объединяли два сакраментальные акта. Этотъ обрядъ носилъ названіе аполитрозы или искупленія. Для умирающихъ или покойниковъ былъ другой обрядъ: имъ сообщали формулы, при помощи которыхъ они могли одолѣть на томъ свѣтѣ низшихъ духовъ и Деміурга, и, отдавъ первымъ свои матеріальныя частицы, а второму свою животную душу (ψυχή),—подняться до высшихъ областей, предназначенныхъ для чисто-духовной души (πνεῦμα) [2]).

Маркіонъ умеръ вѣроятно почти въ одно время съ Поликарпомъ и Іустиномъ. „Святѣйшій учитель“, какъ называли его сектанты [3]), продолжалъ пользоваться среди нихъ большимъ почитаніемъ. Они представляли его пребывающимъ на небесахъ съ Христомъ и ап. Павломъ: Павелъ возсѣдаетъ по правую, а Маркіонъ по лѣвую сторону Спасителя [4]).

Единодушно воздавая почитаніе памяти своего основателя, они однако далеко не были согласны въ толкованіи его ученія. Какъ мы видѣли, въ послѣднемъ были нѣкоторыя несообразности, о которыхъ учитель ни мало не безпокоился. Послѣ него пытались ихъ распутать [5]). Исходной точкой маркіонизма была противоположность Бога благого и Бога справедливаго. Когда въ это ученіе проникла метафизика, ей нетрудно было вывести изъ него два основныхъ и существенно противоположныхъ начала. Въ этомъ заключалось ученіе двухъ маркіонитскихъ знаменитостей временъ Марка Аврелія,—Потита и Василика. Была еще школа Синероса и Лукана [6]), которая, раздвояя низшее божество на добраго и злого бога, приходила такимъ путемъ къ признанію трехъ божественныхъ началъ. Эта форма маркіонитской Троицы имѣла такой успѣхъ, что совершенно затмила первоначальное двоебожіе. Въ III и IV вѣкахъ маркіонитовъ часто представляли людьми, исповѣдующими трехъ боговъ [1]).

[1]) Св. Ириней транскрибируетъ и даже переводитъ эти еврейскія формулы, но не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться его переводамъ.
[2]) Iren. *Haer.* I, 21.
[3]) Tertull. *Praescr.* 20.
[4]) Origen. *In Luc*, 25.
[5]) См. любопытный текстъ Родона у Евс. V, 13.
[6]) Этого послѣдняго Родонъ не упоминаетъ. См. Pseudo-Tert., и Tertull., *De Resurr*, 2; ср. Epiphan. *Haer.*, 43.

Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ теперь, наиболѣе виднымъ учителемъ секты былъ нѣкій Апеллесъ, который попытался устранить явный или скрытый дуализмъ и вернуться къ единому принципу. Онъ сперва жилъ въ Римѣ подлѣ главы секты, затѣмъ переѣхалъ въ Александрію [2]), откуда вернулся въ столицу, долго спустя. Родонъ, знавшій его лично, рисуетъ очень любопытный портретъ его: это былъ почтенный старецъ строгаго образа жизни; его сопровождала ясновидящая, по имени Филомена, галлюцинаціи которой онъ записалъ въ книгѣ *Откровеній* [3]). Родонъ, улучивъ поводъ для спора съ нимъ, желалъ дознаться, какъ примиряетъ онъ свое ученіе съ маркіонитствомъ. Но Апеллесъ, быстро утомившись отъ преній, въ которыхъ перевѣсъ былъ не на его сторонѣ, сказалъ, „что безполезно стараться разрѣшить всѣ эти вопросы,—что лучше было бы каждому оставаться при своихъ вѣрованіяхъ,—что всѣ вѣрующіе въ Распятаго будутъ спасены, лишь бы вели добродѣтельную жизнь. Что касается доказательствъ, что существуетъ именно единое начало, то онъ, Апеллесъ, охотно отказывается отъ этой задачи; съ него довольно, что онъ лично убѣжденъ въ этомъ. Затѣмъ, на пророковъ опираться нельзя: они противорѣчатъ другъ другу и лгутъ наперебой“ [4]).

Эволюція мысли Апеллеса возбудила въ Родонѣ живой интересъ. Апеллесъ признаетъ —говоритъ онъ — единый принципъ вполнѣ согласно съ нашимъ ученіемъ“. Однако было и различіе. Благодаря св. Епифанію, мы имѣемъ нѣчто въ родѣ изложенія апеллесовой системы, которое, повидимому, принадлежитъ его перу. „Существуетъ единый благой Богъ, единый принципъ, одна несказанная

[1]) Напр. Діонисій Римскій у Аѳанасія, *De decr. Nicaen.*, 26.
[2]) Тертулліанъ приписываетъ этотъ отъѣздъ ссорѣ съ Маркіономъ изъ-за какой-то женщины. Онъ также говоритъ, что Филомена была грязнаго поведенія. Во время своихъ экстатическихъ состояній она находилась въ общеніи съ младенцемъ, который выдавалъ себя то за Христа, то за ап. Павла.
[3]) Φανερώσεις. Онъ написалъ также книгу подъ заглавіемъ „Syllogismi“, гдѣ горячо нападалъ на Моисея и пророковъ. Оригенъ привелъ ея отрывокъ (*In Gen*, II, 2). Другіе воспроизведены въ сочиненіи Амвросія „De Paradiso“. Ср. *Texte und Untersuchungen* VI[3], ss. 111.
[4]) Euseb., V, 13.

невыразимая сила. Этотъ единый Богъ, единый принципъ вовсе не заботится о томъ, что происходитъ въ нашемъ мірѣ. Онъ сотворилъ (ἐποίησε) другого бога, который затѣмъ создалъ все,— небо, землю и все, что на ней. Но этотъ второй богъ не былъ благимъ (ἀπέβη δὲ οὐκ ἀγαθός), и всѣ его созданія вышли изъ его рукъ крайне несовершенными" [1]. Въ метафизическомъ отношеніи это очень похоже на аріанство, но съ присоединеніемъ маркіонитской идеи о благости, какъ о существенномъ и непередаваемомъ аттрибутѣ Бога.

Апеллесъ смягчилъ также рѣзкій докетизмъ Маркіона. Іисусъ Христосъ у него уже не призракъ; Онъ имѣлъ тѣло, происшедшее не отъ матери изъ человѣческаго рода, а непосредственно составленное изъ четырехъ элементовъ. Съ этимъ тѣломъ Онъ былъ въ дѣйствительности распятъ и являлся своимъ ученикамъ послѣ воскресенія. Восходя на небо, Онъ возвратилъ его элементы природѣ.

Въ остальномъ Апеллесъ слѣдовалъ преданію своего учителя. Обходясь безъ докетизма, онъ устранялъ одно изъ самыхъ главныхъ возраженій. Что же касается его идеи сдѣлать творца міра въ свою очередь твореніемъ высшаго Бога, то ясно, что ему надо было или придти къ этому именно воззрѣнію, или откровенно допустить съ Потитомъ и Василикомъ два одинаково вѣчныхъ божественныхъ начала. Внутри маркіонизма это создало положеніе однородное съ тѣмъ, какое обнаружилось въ православной церкви при столкновеніи аріанства съ ученіемъ о единосущіи [2]. Апеллесъ такой же еретикъ въ отношеніи къ Маркіону, какъ Арій—въ отношеніи къ каѳолической церкви.

Противникъ Апеллеса, Родонъ, былъ родомъ азіецъ, давно переселившійся въ Римъ. Онъ познакомился тамъ съ Таціаномъ и сталъ его ученикомъ, но онъ не послѣдовалъ за нимъ ни въ его дальнѣйшихъ путешествіяхъ, ни въ его богословскихъ странностяхъ. Евсевій имѣлъ предъ своими глазами нѣсколько его сочиненій. Важнѣйшее изъ нихъ, посвященное нѣкоему Каллистіону, было направлено противъ маркіонитовъ и въ немъ-то ему и довелось

---

1) *Haer.* XLIV, 2.

2) Объ Апеллесѣ см. въ особенности, что говоритъ о немъ его современникъ Родонъ въ названномъ сочиненіи. Тертулліанъ написалъ цѣлую книгу *Adversus Apellaicos*; она утрачена. См. *Adv. Marc.* III, 11; IV, 17; *Praescr.* 6, 30, 34; *De carne Christi* 6, 8: *De anima* 23, 36; см. также Ипполита *Syntagma* (Epiph., 43, Pseudo-Tertull. 51, Philastr. 47); *Philosophum.* VII, 38.

очертить личность Апеллеса. Онъ написалъ также сочиненіе о шестодневѣ (Ἑξαήμερον).

Въ эпоху епископства Сотира въ Римъ пришло удивительное извѣстіе, что римское войско подъ начальствомъ самого императора было спасено молитвами кучки солдатъ-христіанъ. По крайней мѣрѣ таковъ былъ разсказъ, ходившій по христіанскому міру. Вѣрно то, что войско подвергалось опасности. Извѣстно также, что въ минуту крайности римляне обратились ко всѣмъ богамъ, которымъ только могли молиться солдаты, принадлежавшіе къ разнымъ религіямъ. Но когда на Марсовомъ полѣ воздвигли колонну въ память побѣдъ Марка Аврелія въ Германіи, честь совершившагося чуда приписали государственнымъ богамъ. На знаменитыхъ барельефахъ этой колонны и теперь еще можно видѣть Юпитера Дождепика (pluvius), изливающаго изъ своихъ волосъ, рукъ, всей своей фигуры благодѣтельные потоки дождя, спасшаго легіоны отъ жажды и пораженія.

Колонна Антонина была еще недостроена, когда, около 175 г., мѣсто папы Сотира занялъ Елевѳерій, старшій діаконъ Аникиты. Несмотря на услуги, оказанныя Молніеноснымъ легіономъ, гоненія всюду усилились. Мы скоро увидимъ, какъ Елевѳерій вступилъ въ сношенія съ ліонскими мучениками и ихъ посланцемъ, св. Иринеемъ. Въ тѣ времена въ Римѣ и въ Галліи было много толковъ о появившихся во Фригіи новыхъ пророкахъ. Римской церкви пришлось въ этомъ дѣлѣ занять опредѣленное положеніе; мы ниже увидимъ, къ какой сторонѣ она примкнула.

Послѣ смерти Марка Аврелія сынъ его Коммодъ, уже болѣе 3-хъ лѣтъ бывшій его соправителемъ, остался одинъ во главѣ имперіи. Извѣстно, что его сердце ничуть не было расположено къ моральнымъ правиламъ его отца. Можетъ быть поэтому онъ и оставилъ христіанъ въ покоѣ. Впрочемъ послѣдніе имѣли поддержку среди его приближенныхъ; его возлюбленная, Марція, была христіанкой. Въ той средѣ, гдѣ она жила, ея поведеніе не могло соотвѣтствовать евангельскому идеалу, но она по крайней мѣрѣ старалась по возможности смягчать императорской милостью суровость запретительныхъ законовъ противъ христіанъ. Ея прежній опекунъ, евнухъ Гіацинтъ, засѣдавшій тогда въ совѣтѣ пресвитеровъ, поддерживалъ въ ней эти ея добрыя чувства [1].

---

1) *Philosoph.* IX, 12.

Но и Марціи не всегда удавалось ея заступничество. Какъ разъ въ царствованіе Коммода былъ казненъ ученый философъ Аполлоній [1]). Къ нему, правда, отнеслись съ нѣкоторой особенной благожелательностью [2]). Его судилъ не префектъ Рима, а преторскій префектъ Переннія (180—185 г.) отъ имени самого императора. Дошедшіе до насъ отрывки допроса показываютъ, что Переннія употребилъ всяческія усилія, чтобы спасти обвиняемаго.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Елевѳерія уже смѣнилъ папа Викторъ (190 г.), Марція добилась помилованія всѣмъ исповѣдникамъ, работавшимъ по приговору суда въ рудникахъ о. Сардиніи. Викторъ передалъ ей списокъ ихъ, а она вручила указы о помилованіи пресвитеру Гіацинту, который съѣздилъ въ Сардинію и вернулся оттуда съ освобожденными исповѣдниками.

---

[1]) ἐπὶ παιδείᾳ καὶ φιλοσοφίᾳ βεβοημένον говоритъ Евсевій; св. Іеронимъ (*De viris ill.*, 42, ср. 53, 70), приписываетъ ему званіе сенатора.

[2]) Процессъ Аполлонія помѣщенъ въ собраніи древнихъ martyria, составленномъ Евсевіемъ. Онъ даетъ краткое изложеніе ихъ въ своей Исторіи Церкви (V, 21). Недавно напечатаны были двѣ переработки этого произведенія, одна по-армянски (*Sitzungsberichte d. Acad. d. Wiss. zu Berlin* 1893, 728), другая погречески (*Anal. Bolland*, XIV, 286). Судя по этимъ даннымъ, первоначальный текстъ возбуждаетъ нѣкоторыя недоразумѣнія. См. комментаріи Harnack'а (*Sitzungsberichte d. Acad. zu Berlin. ibid.*); Mommsen'а (*ibid.* 1894, p. 497), Neumann'а (*Der Römische Staat und die allgemeine Kirche*, t. I, 79) и *Geffcken'а* (*Sitzungsberichte d. Göttingen phil. hist. cl.* 1904, p. 262). Исторія о казненномъ доносчикѣ, хотя его доносъ служитъ исходной точкой уголовнаго дѣла, весьма неправдоподобна. Эта черта, о которой говоритъ одинъ лишь Евсевій, можетъ быть происходитъ отъ путаницы: несчастная случайность, происшедшая съ доносчикомъ, могла превратиться въ разсказѣ въ законную кару.

ГЛАВА XIV.

Мѣстныя церкви во II вѣкѣ.

Христіанство въ Италіи и Галліи.—Ліонскіе мученики.—Ириней.—Евангельская проповѣдь въ Африкѣ: сциллійскіе мученики.—Аѳинская церковь.—Діонисій Коринѳскій и его посланія.—Азійская, Фригійская, Виѳинская и Ѳракійская церкви.—Мученичество Поликарпа.—Азійскіе епископы: Мелитонъ и Аполлинарій.

Римская церковь, жившая въ это первое столѣтіе своего существованія такой напряженной жизнью, не могла не сдѣлаться центромъ, откуда распространялся свѣтъ христіанства. Далеко извѣстная съ самаго своего зарожденія своимъ авторитетомъ, учительными трудами, ревностью и благотворительностью, она не могла не имѣть вліянія, а порою и прямого воздѣйствія въ распространеніи Евангелія на близлежащія страны. Однако мы не знаемъ относительно этого воздѣйствія никакихъ подробностей: нѣтъ ни одного свидѣтельства объ образованіи или существованіи какой-либо иной группы христіанъ въ Италіи въ теченіе всего второго столѣтія [1]). Древнѣйшія сѣверныя церкви, Равеннская, Миланская, Аквилейская, возрастъ которыхъ можетъ быть опредѣленъ лишь приблизительно, не восходятъ далѣе эпохи Северовъ. Можно думать, что на югѣ, напр., въ Кампаніи или окрестностяхъ Рима, церкви могли быть основаны и ранѣе, но это—лишь предположеніе. Притомъ нужно было бы еще знать, въ какой степени эти группы вѣрующихъ достигли правильной организаціи и въ какой мѣрѣ онѣ обособлялись отъ того, что называлось римской церковью. У древнихъ авторовъ, писавшихъ въ это время, или позднѣе, но объ томъ же періодѣ, рѣчь идетъ только о римской церкви.

---

[1]) Когда ап. Павелъ высадился въ Путеолѣ въ 61 г., онъ былъ встрѣченъ группой вѣрующихъ, жившихъ здѣсь (Дѣянія, XXVIII, 14). Весьма возможно, что эта группа организовалась и держалась въ тѣсномъ единеніи съ Римской церковью, но мы объ этомъ ничего не знаемъ.

Въ Галліи, равно какъ и въ Африкѣ, первые шаги христіанства покрыты мракомъ неизвѣстности. Есть предположенія, но только предположенія, о существованіи во второмъ вѣкѣ христіанской колоніи въ Марсели. При Маркѣ Авреліи была церковь въ Ліонѣ и другая въ Віеннѣ. Немного позднѣе св. Ириней говоритъ о церквахъ, находящихся въ германскихъ провинціяхъ и въ странахъ кельтовъ. Можно слѣдовательно предполагать уже въ тѣ отдаленныя времена нѣкоторое распространеніе христіанства въ древней Галліи. Ліонская церковь была центромъ распространенія его, церковью-матерью. Она имѣла членовъ изъ азійцевъ и фригійцевъ, но также и изъ мѣстныхъ жителей; среди нихъ были лица, пользовавшіяся общественнымъ уваженіемъ, какъ Веттій Эпагатъ и врачъ Александръ. 90-лѣтній старецъ епископъ Поѳинъ и пресвитеръ Ириней руководили маленькой общиной. Великое испытаніе постигло ее въ 177 году. На христіанъ, тогда еще очень малочисленныхъ, смотрѣли весьма недоброжелательно: вѣрили или притворялись, что вѣрятъ, возмутительнымъ клеветамъ, которыя всюду связывались съ собраніями вѣрующихъ. Имъ отказывали въ помѣщеніяхъ, запрещали имъ посѣщать бани или изгоняли ихъ съ рынка; они терпѣли брань, побои и тысячи притѣсненій. Въ концѣ концовъ враждебные толки усилились до того, что вмѣшались власти. Городскія власти и трибунъ когорты, стоявшей гарнизономъ въ Ліонѣ, арестовали нѣсколькихъ христіанъ и подвергли ихъ пыткѣ съ ихъ рабами, изъ коихъ иные были язычниками. Большинство христіанъ держались стойко, хотя палачи, подстрекаемые толпой, довели пытку до крайнихъ предѣловъ жестокости. Однако нашлись и отступники, около десятка. Но особенно тяжело было то, что рабы-язычники не поколебались удостовѣрить дѣйствительность фактовъ убійства дѣтей и сценъ разврата.

Эти разслѣдованія не были завершены никакимъ приговоромъ, такъ какъ легатъ Ліонской провинціи былъ въ отсутствіи. Исповѣдниковъ, снятыхъ съ дыбы въ окровавленномъ видѣ, бросили въ отвратительныя темницы, оставивъ безъ пищи и ухода. Оставшіеся на свободѣ братья старались помочь имъ, преодолѣвая тысячи опасностей. Нѣсколько человѣкъ умерло въ тюрьмѣ, между ними епископъ Поѳинъ. Отступниковъ не отдѣлили отъ остальныхъ. Тронутые состраданіемъ къ нимъ исповѣдниковъ и укрѣпленные ихъ примѣромъ, они почти всѣ раскаялись въ своей слабости и вновь исповѣдали вѣру.

По возвращеніи легата было вынесено нѣсколько смертныхъ

приговоровъ. Діаконъ віеннскій Санктъ [1]), новообращенный Матуръ, обнаружившій необычайное мужество, раба Бландина, довольно слабаго тѣлосложенія, азіецъ Атталъ Пергамскій, одинъ изъ столповъ ліонской церкви, были присуждены на съѣденіе звѣрямъ и отправлены въ циркъ. Санктъ и Матуръ, которыхъ сперва жгли на раскаленномъ стулѣ, затѣмъ бросили на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ, первые получили вѣнецъ мученичества. Въ этотъ день звѣри не тронули Бландины; ее отвели обратно въ тюрьму съ Атталомъ, который оказался римскимъ гражданиномъ.

Послѣ этого легатъ счелъ нужнымъ спросить мнѣніе императора. Маркъ Аврелій, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтилъ, что нужно отпустить отрекшихся отъ христіанства и казнить остальныхъ. Было устроено послѣднее засѣданіе суда. Къ великому удивленію судьи и присутствующихъ, отступники превратились въ исповѣдниковъ; едва нѣсколько человѣкъ изъ нихъ воспользовались возможностью выйти на свободу.

Это было какъ разъ въ то время, когда со всѣхъ частей Галліи народъ стекался въ Ліонъ на праздники, справлявшіеся въ храмѣ Рима и Августа у слiянія Соны и Роны. Цирковыя игры были обязательной частью увеселеній. Легатъ велѣлъ обезглавить христіанъ, имѣвшихъ званіе римскихъ гражданъ. Для хищныхъ звѣрей ихъ осталось достаточно. Атталъ былъ отданъ имъ, несмотря на свое званіе. Онъ пострадалъ на первомъ же представленіи вмѣстѣ съ врачемъ фригійцемъ Александромъ, арестованнымъ непосредственно передъ самою казнію. Другіе послѣдовали за ними; въ заключеніе были казнены 15-лѣтній отрокъ Понтикъ и достойная удивленія Бландина, которая до послѣдней минуты поддерживала своимъ примѣромъ и словомъ мужество своихъ товарищей. Останки мучениковъ были сожжены палачами, а пепелъ брошенъ въ Рону. Когда все было кончено, всѣ эти мрачныя и славныя событія были изложены въ посланіи, адресованномъ къ азійскимъ и фригійскимъ братьямъ отъ имени „рабовъ Христовыхъ, живущихъ въ Віеннѣ и Ліонѣ [2])“.

---

1) Τὸν διάκονον ἀπὸ Βιέννης. Это выраженіе какъ будто указываетъ, что Санктъ былъ главой христіанской общины въ Віеннѣ.

2) Если Віенна названа сперва, то это можетъ имѣть только значеніе вѣжливости ліонцевъ по отношенію къ собратьямъ изъ Віенны. Событіе имѣетъ главное отношеніе къ Ліону: очевидно, что ліонскія городскія власти не могли распоряжаться въ Віеннѣ; полномочія самого легата на Віенну не простирались. Санктъ, діаконъ Віенны, вѣроятно былъ задержанъ въ Ліонѣ; ни объ одномъ віенцѣ рядомъ съ нимъ нѣтъ упоминанія.

Въ этомъ же посланіи ліонская церковь высказывала свой взглядъ по вопросу о монтанизмѣ. Сюда было присоединено нѣсколько посланій по тому же предмету, писанныхъ исповѣдниками. Многія изъ нихъ были также обращены къ азійскимъ и фригійскимъ братьямъ; другое посланіе, предназначенное для римскаго папы Елевѳерія, было отвезено ему пресвитеромъ Иринеемъ. Заключительное привѣтствіе гласило такъ: „Привѣтъ тебѣ въ Богѣ, папа Елевѳерій, нынѣ и всегда. Мы просили нашего брата и сообщника Иринея [1]) отвезти вамъ эти письма и представляемъ его вамъ, какъ человѣка, ревнующаго о дѣлѣ Христовомъ. Если бы мы полагали, что санъ что-нибудь прибавляетъ достоинству человѣка, мы бы представили его вамъ прежде всего, какъ пресвитера церкви [2]).“

Это порученіе на время удалило Иринея изъ Галліи. Послѣ катастрофы ему, какъ епископу, выпала на долю обязанность собрать остатки ліонской общины. Въ теченіе мира, послѣдовавшаго за гоненіемъ Марка Аврелія, ему пришлось посвятить себя сперва своимъ обязанностямъ пастыря и миссіонера. Исполненіе этихъ обязанностей усложнялось въ Галліи различіемъ языковъ. Въ Ліонѣ, городѣ преимущественно съ латинскимъ населеніемъ, не достаточно было греческаго языка, а за предѣлами города надо было говорить по-кельтски. Съ другой стороны гностическія ученія распространялись въ Галліи такъ же, какъ и всюду. Птоломей личной проповѣдью и своими сочиненіями привлекалъ новыхъ сторонниковъ; азіецъ Маркъ, на родинѣ встрѣтившій сильное противодѣйствіе, возмѣщалъ свои неудачи, овладѣвая простыми и набожными душами христіанъ Ронской долины. Ириней въ обличеніе этихъ еретиковъ, равно какъ и многихъ другихъ (ибо въ такого рода трудѣ матеріалъ для работы осложняется), написалъ большое сочиненіе, отъ котораго до насъ дошли значительные отрывки по-гречески и полный латинскій переводъ. Его „Опроверженіе лжеименнаго знанія“[3]) появилось въ свѣтъ около 185 г. Въ послѣдующіе годы мы видимъ его участникомъ въ дѣлахъ римской церкви, которыми онъ всегда очень интересовался.

Такимъ же образомъ и въ Африкѣ завѣса, закрывающая первоначальную исторію христіанской церкви, приподнимается надъ сце-

1) Τὸν ἀδελφὸν ἡμῶν καὶ κοινωνόν.
2) Этотъ тонъ нѣсколько страненъ. Невольно вспоминаются африканскіе исповѣдники, самомнѣніе которыхъ причинило столько непріятностей св. Кипріану.
3) Ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως.

нами мученичества. Можно естественно предположить, что христіанская вѣра рано появилась въ крупномъ центрѣ, Карѳагенѣ, и оттуда распространилась внутрь страны. Объ этомъ распространеніи свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что при проконсулѣ Вигилліи Сатурнинѣ (180 г.), первомъ, который обнаружилъ нѣкоторую энергію въ преслѣдованіи христіанъ, таковые оказались въ маленькомъ городкѣ Сцилли, очень удаленномъ отъ метрополіи. Двѣнадцать человѣкъ изъ нихъ, семь мужчинъ и пять женщинъ, предстали предъ проконсуломъ въ Карѳагенѣ 17 іюля 180 г., и вслѣдствіе отказа „возвратиться къ римскимъ обычаямъ“ всѣ были приговорены къ смерти и казнены. Это былъ уже не первый случай пролитія христіанской крови въ Африкѣ. Наименованіе первомученика въ IV столѣтіи усвояли нѣкоему Намфамо изъ Мадавра въ Нумидіи. Изъ сочиненій Тертулліана выводятъ заключеніе, что къ концу II вѣка христіане были уже очень многочисленны какъ въ Карѳагенѣ, такъ и во всей провинціи; но онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей; онъ называетъ только четыре города: Утину, Адруметъ, Тисдру и Ламбезу. О современныхъ ему карѳагенскихъ епископахъ онъ не говоритъ ни одного слова.

По ту сторону Адріатическаго моря евангельская проповѣдь уже во времена апостольскія затронула нѣкоторые пункты побережья въ Далмаціи [1]) и Эпирѣ: Никополь упоминается въ посланіяхъ ап. Павла [2]). Сынъ ересіарха Василида Епифанъ былъ родомъ съ острова Кефалоніи [3]). На греческомъ материкѣ коринѳская церковь, основанная ап. Павломъ и уже упоминавшаяся у насъ выше въ связи съ именемъ св. Климента, сохраняла весьма вліятельное положеніе. Егезиппъ на пути въ Римъ видѣлся и бесѣдовалъ въ Коринѳѣ съ мѣстнымъ епископомъ Примомъ.

Царствованіе Антонина было тяжелымъ для христіанъ въ этихъ странахъ. Какъ всегда и вездѣ, ихъ больше преслѣдовала вражда мѣстныхъ властей, чѣмъ императорскихъ чиновниковъ. Рвеніе послѣднихъ умѣрялось Антониномъ: въ царствованіе Марка Аврелія Мелитонъ могъ ссылаться на указы предшествовавшаго императора, адресованные то Ахайскому собранію [4]), то городскимъ властямъ въ Аѳинахъ, Ларисѣ и Ѳессалоникахъ.

1) II посл. къ Тимоѳею, IV, 10.
2) Посл. къ Титу, III, 12.
3) См. выше стр. 115.
4) Πρὸς πάντας Ἕλληνας: это—общее собраніе ахайскихъ городовъ, которое происходило въ Коринѳѣ.

Діонисій, занявшій коринөскую каөедру послѣ Прима, пользовался большимъ уваженіемъ. Къ нему отовсюду обращались за совѣтомъ, и посланія его быстро распространялись въ христіанскомъ мірѣ [1]). Изъ нихъ, можетъ быть еще при его жизни, былъ составленъ сборникъ; онъ попалъ въ руки Евсевію, который извлекъ изъ него много интереснаго для своей Исторіи. Кромѣ посланія, полученнаго римлянами [2]), одно посланіе Діонисія было обращено къ лакедемонской церкви, которую онъ призывалъ къ истинному ученію, къ сохраненію мира и единства, а другое посланіе—къ аөинской церкви, которая переживала кризисъ, чуть не сдѣлавшійся роковымъ: аөиняне, потерявъ во время одного изъ гоненій своего епископа Публія, пресытились и вѣрой и жизнью христіанской и почти возвратились къ язычеству. Къ счастію рвеніе ихъ новаго епископа, Кодрата, вернуло ихъ на истинный путь. Въ этомъ посланіи Діонисій говорилъ аөинянамъ объ ихъ первомъ епископѣ, Діонисіи Ареопагитѣ, обращенномъ въ христіанство апостоломъ Павломъ.

На Критѣ тогда уже было не менѣе двухъ церквей, въ Гортинѣ и въ Кноссосѣ. Діонисій обратился къ гортинской церкви, съ ея епископомъ Филиппомъ во главѣ, съ привѣтствіями по поводу проявленнаго ею мужества, очевидно во время какого-нибудь гоненія; въ то же время онъ предостерегалъ ее противъ еретиковъ. Быть можетъ, по настоянію Діонисія Филиппъ написалъ сочиненіе противъ маркіонитовъ [3]). Въ посланіи къ кноссіанамъ Діонисій совѣтуетъ ихъ епископу Пиниту не преувеличивать требованій воздержанія и считаться со слабостью человѣческой природы. Въ своемъ отвѣтѣ Пинитъ благодарилъ коринөскаго епископа, но просилъ его начать преподаніе критянамъ и болѣе твердой пищи, не боясь подниматься выше элементарныхъ наставленій. Діонисій писалъ также и къ болѣе отдаленнымъ церквамъ—никомидійской, амастрійской, а равно и одной знатной женщинѣ по имени Хрисофорѣ.

Этотъ сборникъ посланій бросаетъ лишь скудный свѣтъ на со-

---

1) Находились недобросовѣстные люди, которые поддѣлывали ихъ, чтобы подкрѣпить свои собственныя мнѣнія его авторитетомъ. Евсевій обозначаетъ эти письма выраженіемъ *καθολικαὶ πρὸς τὰς ἐκκλησίας ἐπιστολαί* (каөолическія посланія къ церквамъ), что, повидимому, соотвѣтствуетъ ихъ заглавію. *H. E.* IV, 23.

2) См. выше стр. 163.

3) Euseb., IV, 25.

стояніе греческихъ христіанскихъ общинъ на исходѣ II вѣка. О странахъ сѣвернѣе Греціи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній [1]).

По ту сторону Эгейскаго моря христіанство имѣло, какъ и въ Греціи, старые и глубокіе корни. Вокругъ главной изъ основанныхъ ап. Павломъ ефесской церкви очень скоро стали образовываться группы другихъ; александрійско-троадская, лаодикійская, колосская, іерапольская упомянуты въ его посланіяхъ, кромѣ того въ Апокалипсисѣ названы смирнская, пергамская, сардійская, филадельфійская и өіатирская. О церквахъ въ Магнезіи (Меандрской) и въ Траллахъ говорится въ посланіяхъ св. Игнатія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ начала второго вѣка существовало еще много другихъ церквей, первыя извѣстія о которыхъ относятся къ болѣе позднему времени.

За Азіей (въ тѣсномъ значеніи этого имени) на фригійскомъ плоскогорьѣ было тоже много христіанскихъ общинъ. Чисто земледѣльческая Фригія была населена народомъ простымъ и миролюбивымъ; туземные культы, начало которыхъ восходило къ баснословной древности, не испытали глубокаго еллинскаго вліянія. Здѣсь около извѣстныхъ святилищъ происходили многолюдныя религіозныя собранія, культовый церемоніалъ которыхъ отличался крайне возбужденнымъ и бурнымъ характеромъ. Экзальтированные жрецы, руководившіе этими собраніями, галлы и корибанты, — по всему свѣту славились своими религіозными неистовствами.

Во время перваго своего миссіонерскаго путешествія ап. Павелъ остановился въ Антіохіи Писидійской и Иконіи на юго-восточной границѣ Фригіи. Немного позднѣе онъ дважды проѣзжалъ черезъ нее, отправляясь изъ Сиріи въ Македонію и Азію. Самъ ли онъ основалъ тамъ новыя общины, или христіанство распространилось изъ сосѣднихъ церквей Иконіи, Антіохіи Писидійской и Іераполя, но фактъ тотъ, что къ концу II вѣка эта страна была уже почти наполовину христіанской.

Въ Виөиніи и по берегамъ Чернаго моря христіанство распространилось также очень рано. Правитель Плиній жаловался Траяну на эту заразу суевѣрія, „которая овладѣвала не только городами, но селеніями и полями, оставляла храмы пустыми и торговцамъ жертвенными животными причиняла разореніе“. Около

---

1) Со временъ ап. Павла и до IV столѣтія единственный памятникъ, говорящій о македонскихъ церквахъ,—посланіе св. Поликарпа къ церкви филиппійской, написанное во время путешествія св. Игнатія ок. 115 г.

этого времени или немного спустя отецъ Маркіона былъ епископомъ синопскимъ. При Маркѣ Авреліи рѣчь идетъ объ амастрійской и никомидійской церквахъ; Діонисій Коринѳскій въ посланіи къ никомидійскимъ христіанамъ убѣждалъ ихъ противиться маркіоновой проповѣди; амастрійцамъ, имѣвшимъ епископомъ нѣкоего Пальма, онъ изъяснялъ нѣкоторые тексты св. Писанія, излагалъ имъ истинное ученіе о бракѣ и воздержаніи и совѣтовалъ быть снисходительными къ покаявшимся грѣшникамъ и къ еретикамъ, которыхъ коснулась благодать Божія. Изъ этого виѳинскаго очага христіанство проникло во Ѳракію, гдѣ мы около того же времени находимъ двѣ церкви въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, въ Дебельтѣ и Анхіалѣ [1]), упоминающихся въ исторіи монтанизма.

Послѣ ап. Павла, своего перваго апостола, христіане азійской провинціи не имѣли недостатка въ знаменитыхъ вождяхъ. Тимоѳей, повидимому, нѣкоторое время руководилъ этими церквами. Какъ мы видѣли выше, онѣ оказали гостепріимство многимъ свидѣтелямъ евангельскихъ событій, изгнаннымъ изъ своей страны іудейской войной или выселившимся по какимъ-нибудь инымъ причинамъ. Такимъ путемъ сюда были принесены преданія первобытной іерусалимской церкви. Діаконъ Филиппъ съ своими дочерьми поселился въ Іераполѣ, на порогѣ Фригіи; ап. Іоаннъ, повидимому, жилъ преимущественно въ Ефесѣ. Въ царствованіе Домиціана онъ былъ сосланъ на островъ Патмосъ, откуда написалъ посланіе къ семи церквамъ и сообщилъ имъ книгу своихъ видѣній. Семь посланій, заключенныхъ въ Апокалипсисѣ, и два маленькихъ посланія Іоаннова сборника свидѣтельствуютъ объ его авторитетѣ въ азійскихъ церквахъ и рисуютъ его одновременно грознымъ и кроткимъ, какимъ его образъ является и въ преданіи [2]).

Гоненіе, пережить которое пришлось престарѣлому апостолу, кажется, пощадило его послѣдніе годы. Но въ Азіи мученики появились очень рано. Апокалипсисъ упоминаетъ Антипу Пергамскаго, замученнаго близъ жилища Сатаны, т.-е. знаменитаго храма Зевса-Асклепія.

Ереси терзали азійскихъ христіанъ еще во времена ап. Павла; мы видѣли отзвуки ихъ и въ Апокалипсисѣ, и въ посланіяхъ св. Игнатія. Мы говорили уже о томъ, что каждая церковь въ этихъ

[1]) На Бургасскомъ заливѣ.
[2]) О писаніяхъ ап. Іоанна см. выше стр. 90 и слѣд.

странахъ уже во времена Траяна находилась подъ управленіемъ трехсоставной іерархіи—епископа, пресвитеровъ и діаконовъ. Одинъ изъ этихъ епископовъ, Поликарпъ Смирнскій, намъ уже извѣстенъ. Около того же времени епископъ іерапольскій Папій собралъ въ одной книгѣ, къ великому сожалѣнію нынѣ утраченной, церковныя преданія и опыты изъясненій Писанія. Въ общеніи съ епископами и въ большомъ почетѣ у вѣрныхъ здѣсь долго жили старые христіане первыхъ временъ церкви, передававшіе много личныхъ воспоминаній, а также пророки и пророчицы, къ вдохновенію которыхъ относились съ большимъ уваженіемъ, какъ напримѣръ дочери Филиппа, Аммія филадельфійская, апологетъ Кодратъ.

Изъ того факта, что этотъ послѣдній былъ писателемъ и притомъ такимъ, который не боялся обращаться прямо къ императору, видно, что даръ пророчества не исключалъ обычной литературной дѣятельности. Вскорѣ, какъ на пророка, стали ссылаться на ученаго епископа Сардійскаго Мелитона.

Поликарпъ увѣнчалъ свое долгое и плодотворное епископское служеніе мученичествомъ. Вскорѣ послѣ его возвращенія изъ Рима въ Смирнѣ вспыхнулъ духъ фанатизма. На улицахъ раздались крики: „долой безбожниковъ!“ Требовали смерти Поликарпа. Тотъ не показывался въ Смирнѣ, ѣздилъ изъ города въ городъ, ободряя вѣрныхъ и предсказывая о своей близкой мученической кончинѣ. Въ это время человѣкъ двѣнадцать христіанъ, среди которыхъ былъ нѣкій Германикъ, были осуждены и отданы на растерзаніе звѣрямъ. Преслѣдованіе возбудило духъ гонимыхъ; нѣкоторые, между ними фригіецъ Квинтъ, сами выдали себя властямъ. Квинтъ слишкомъ понадѣялся на свои силы: въ послѣднюю минуту онъ палъ духомъ. Тѣмъ временемъ Поликарпъ былъ захваченъ неподалеку отъ Смирны и доставленъ въ циркъ, гдѣ проконсулъ велѣлъ привести его въ свою ложу. Когда отъ него потребовали, чтобы онъ прокричалъ: „долой безбожниковъ!“ онъ подчинился и произнесъ эти слова очевидно совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ языческая толпа; но когда ему приказали проклясть Христа, онъ отвѣтилъ: „вотъ уже 86 лѣтъ, какъ я служу Ему; Онъ никогда не дѣлалъ мнѣ зла, это мой Царь и Спаситель, какъ же мнѣ проклинать Его?“.. Онъ былъ сожженъ живымъ [1]).

[1]) Смирнскіе христіане послали филомелійскимъ (въ самой глубинѣ Малой Азіи) разсказъ о мученичествѣ Поликарпа. Это произведеніе—самое древнее изъ тѣхъ, которыя носятъ названіе Мученическихъ Актовъ. По мнѣнію Гарнака (*Texte und Unt.* t. III подъ конецъ; ср. *Chronol.*, t. I, 362), слѣдовало бы от-

Послѣ него наибольшую извѣстность въ христіанской Азіи пріобрѣлъ Мелитонъ. Намъ остались мелкіе отрывки изъ его произведеній, списокъ которыхъ приводитъ Евсевій. Этотъ списокъ заслуживаетъ вниманія. Кромѣ апологетическихъ сочиненій, о которыхъ шла рѣчь выше [1]), Мелитонъ писалъ на разнообразныя философскія и религіозныя темы:—о природѣ человѣка, о чувствахъ, о душѣ, тѣлѣ и умѣ, о созданіи (человѣка) и рожденіи Спасителя, о діаволѣ, объ Апокалипсисѣ Іоанна, о вѣрѣ, о крещеніи, о воскресномъ днѣ, о Церкви, о гостепріимствѣ, о Пасхѣ, о пророкахъ, вѣроятно, въ связи съ нарождавшимся монтанизмомъ [2]). Мы имѣемъ отъ него еще адресованное къ нѣкоему Онисиму предисловіе къ своего рода „цвѣтнику“ изъ текстовъ Ветхаго Завѣта (Ἐκλογαί), которые авторъ считалъ относящимися къ Спасителю. Прежде чѣмъ предпринять этотъ трудъ, онъ счелъ нужнымъ съѣздить въ Палестину и провѣрить на мѣстѣ истинность содержанія древней Библіи. Оттуда онъ вывезъ списокъ, заключавшій всѣ книги Ветхаго Завѣта, сохранившіяся на еврейскомъ языкѣ, за исключеніемъ книги Эсфирь. Онъ заимствовалъ свои выдержки исключительно изъ этихъ книгъ и распредѣлилъ ихъ на шесть частей. Послѣднее сочиненіе Мелитона носило заглавіе „Ключъ“; но неизвѣстно, въ чемъ заключалось его содержаніе [3]).

Кромѣ этихъ литературныхъ трудовъ Мелитонъ оставилъ послѣ себя славу великаго святого [4]). Азійскіе епископы насчитывали

нести къ эпохѣ Марка Аврелія и Л. Вера (161—169 г.) мученическую кончину св. Карпа, Папила и Агаѳоники, казненныхъ въ Пергамѣ. Разсказъ о мученичествѣ этихъ святыхъ (Harnack. *Tex. und. Unt.* Ш, 440), достовѣренъ, но, я думаю, не полонъ. Судя по единственной сохранившейся рукописи, мученичество Агаѳоники было настоящимъ самоубійствомъ, однакоже оно вызываетъ у зрителей мысли: „жалкіе приговоры! Несправедливые порядки!“ Ясно, что Агаѳоника была судима, какъ оба другихъ ея товарища, и что часть текста, относящаяся къ этому мѣсту, пропала. Календари IV вѣка приписываютъ Карпу санъ епископа (пергамскаго?), а Папилу—діакона. Изъ разсказа видно, что Папилъ былъ гражданиномъ Ѳіатиръ. На вопросъ, есть ли у него дѣти, онъ отвѣтилъ, что они у него есть „ въ Богѣ“ во всѣхъ провинціяхъ и городахъ. Я думаю, что это надо понимать, скорѣе, согласно Еван. отъ Матѳея XII, 48—50, чѣмъ въ смыслѣ особаго отношенія Папила къ проповѣди Евангелія въ Азіи.

1) Стр. 139.

2) См. слѣдующую главу.

3) Кардиналъ Питра потратилъ много времени и труда въ поискахъ за этимъ „Ключемъ“. Онъ полагаетъ, что нашелъ его въ латинскомъ сборникѣ позднѣйшихъ временъ, который онъ издалъ съ чрезвычайной тщательностью. (*Spic. Solesm*, t. II и III).

4) Μελίτωνα τὸν εὐνοῦχον, τὸν ἐν ἁγίῳ πνεύματι πάντα πολιτευσάμενον (евнухъ Мелитонъ, который все дѣлалъ по внушенію Св. Духа), какъ замѣчаетъ Посланіе Поликрата Ефесскаго. Euseb. V. 24.

тогда въ своей средѣ много и другихъ знаменитостей: Папирія, заступившаго мѣсто Поликарпа во главѣ смирнской церкви, Сагарія, епископа лаодикійскаго, претерпѣвшаго мученичество при проконсулѣ Сергіи Павлѣ (ок. 167 г.), Ѳразея, епископа Евменіи во Фригіи, пострадавшаго въ Смирнѣ, Аполлинарія, епископа Іерапольскаго, ученаго и апологета, подобно его сотоварищу въ Сардахъ [1]). Св.Ириней, уроженецъ Азіи, знавшій и слышавшій въ дѣтствѣ Поликарпа, припоминаетъ старыхъ „пресвитеровъ“, преданія которыхъ онъ любилъ противопоставлять гностическимъ новшествамъ. Одинъ изъ нихъ написалъ противъ Марка, ученика Валентина, сатиру въ ямбическихъ стихахъ, отъ которой до насъ дошелъ отрывокъ [2]).

По этимъ немногимъ памятникамъ и обломкамъ, уцѣлѣвшимъ отъ цѣлаго ряда историческихъ невзгодъ, можно видѣть, насколько христіанство въ Азіи было уже живымъ и дѣятельнымъ. Римъ и Азія—вотъ два главныхъ христіанскихъ центра во II вѣкѣ; внѣ ихъ не происходитъ ничего важнаго. Въ Азіи не случается ни одного событія, которое не встрѣтило бы немедленнаго отклика въ Римѣ, и наоборотъ. Сообщеніе по морю, всѣмъ доступное, облегчало сношенія. Поликарпъ, Маркіонъ, Іустинъ, Таціанъ, Родонъ, Ириней, Атталъ Пергамскій, Александръ Фригіецъ, (изъ нихъ три послѣдніе,—переселенцы въ Ліонъ), показываютъ намъ примѣры этого. Сюда можно присоединить Аверкія, епископа Іерапольскаго, который изъ глубины Фригіи прибылъ въ Римъ, гдѣ онъ могъ лицезрѣть великолѣпіе столицы и жить посреди народа, „отмѣченнаго славной печатью“, какъ онъ называетъ христіанскій народъ [3]). Впрочемъ споры о монтанистскихъ пророчествахъ, о Пасхѣ и о модализмѣ еще яснѣе выставятъ на видъ этотъ постоянный обмѣнъ сношеній между почитаемыми азійскими церквами и великой столицей Запада.

---

1) См. выше 139 стр.

2) Iren. Haer. 1, 15. Отрывки изъ преданія „Пресвитеровъ“ были собраны и помѣщаются въ новѣйшихъ изданіяхъ Мужей апостольскихъ.

3) Объ эпитафіи Аверкія я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, изложенномъ въ моей статьѣ *L'épitaphe d'Abercius*, помѣщенной въ 1895 г. въ *Mélanges* de l'Ecole Française de Rome, t. XV, p. 154.

ГЛАВА XV.

Монтанизмъ.

Монтанъ и его сопророчицы.—Небесный Іерусалимъ.—Осужденіе экстатическаго пророчества.—Пепузскіе святые.—Осужденіе монтанизма въ Ліонѣ и Римѣ.—Тертулліанъ и Проклъ.—Пережитки монтанизма во Фригіи.

Монтанистское движеніе [1]) началось во фригійской Мизіи во время проконсульства Грата, въ мѣстечкѣ по имени Ардава [2]). Монтанъ, который согласно нѣкоторымъ преданіямъ былъ сначала жрецомъ Кибелы, будучи христіанскимъ неофитомъ, обратилъ на себя вниманіе экстазами и изступленіями, во время которыхъ онъ держалъ странныя рѣчи. Въ эти минуты онъ словно отрѣшался отъ своей личности; его устами говорилъ не онъ, а какой-то божественный вдохновитель. Вскорѣ впали въ такое же состояніе и присоединились къ Монтану двѣ женщины—Приска (или Прискилла) и Максимилла. Это вызвало большую молву не только въ глухой провинціи, гдѣ находилась деревушка Ардава, но во всей Фригіи и Азіи и вплоть до Ѳракіи. По мнѣнію сторонниковъ новыхъ пророковъ, то было—откровеніе міру Параклета; другіе же отказывались признать это и утверждали, что эти пророки—одержимы демонами.

Параклетъ настойчиво возвѣщалъ о новомъ пришествіи Христа и явленіи горняго Іерусалима, который долженъ былъ снизойти съ небесъ и, явившись въ облакахъ, утвердиться на землѣ. Указывалось и опредѣленное мѣсто, гдѣ онъ долженъ появиться, а именно: на равнинѣ, расположенной на другомъ краю Фригіи, между двумя городками Пепузой и Тиміономъ. Когда и по какому поводу прибылъ сюда Монтанъ и его спутницы—съ точностью неизвѣстно;

[1]) См. примѣчаніе въ концѣ главы.
[2]) Мѣсто нахожденія этой деревушки не установлено; ее надо искать въ мало еще изслѣдованной области, распространяющейся къ востоку отъ Баликезри по направленію къ Макестозу и Риндакозу.

за ними слѣдовало безчисленное множество народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совершенно охваченныхъ движеніемъ, христіанское населеніе покидало свое мѣстожительство [1]). Въ лихорадочномъ ожиданіи послѣдняго дня не могло быть рѣчи объ отчизнѣ, семьѣ, земныхъ удобствахъ. Браки расторгались, соблюдалось общее пользованіе имуществомъ и строжайшій аскетизмъ. Напряженіе умовъ поддерживалось рѣчами экстатиковъ: въ нихъ присутствовалъ Параклетъ, ему внимали и подкрѣплялись его вѣщаніями.

Однако, дни, мѣсяцы, годы проходили, а небесный Іерусалимъ все не появлялся. Вслѣдъ за первой эпохой увлеченія послышались многочисленные протесты со стороны земной церкви. Конечно, ничего нельзя было возразить относительно православія пророковъ; они находили себѣ даже опору въ обстоятельствахъ и средѣ того времени. Евангеліе отъ Іоанна, въ полной силѣ своей зарождавшейся славы, обращало мысль къ Параклету; Апокалипсисъ давалъ неотразимыя по изобразительности описанія небеснаго Іерусалима и тысячелѣтняго царствованія. Притомъ немногіе изъ христіанъ въ Азіи, да и въ другихъ странахъ, не связывали съ мыслію о кончинѣ міра ожиданій небеснаго Іерусалима и тысячелѣтняго царства. Что же касается до права пророковъ обращаться къ христіанскому народу во имя Божье,—оно освящалось преданіемъ и обычаемъ.

Изъ „Ученія 12 апостоловъ“ и Новаго Завѣта видно, какое мѣсто пророчество занимало въ жизни первобытныхъ общинъ. Епископъ сардійскій Мелитонъ слылъ за пророка; до него Кодратъ, Аммія и дочери Филиппа обладали тѣмъ же даромъ. Великая слава утвердилась за ними. Аскетизмъ, практиковавшійся монтанистами, не переходилъ границъ дозволеннаго, хотя и выражался въ формахъ, не бывшихъ обязательными въ другихъ христіанскихъ кругахъ. Онъ не вдохновлялся какой-нибудь дуалистической идеей, какъ аскетизмъ гностиковъ и маркіонитовъ; все, что въ немъ могло быть крайняго, имѣло себѣ оправданіе въ мысли о близкой кончинѣ міра.

[1]) Монтанистическое переселеніе не представляетъ исключительнаго явленія. Ипполитъ (*In Dan.*, IV, 8) разсказываетъ объ однородномъ фактѣ, случившемся въ его время. Одинъ сирійскій епископъ увелъ въ пустыню на срѣтеніе Христа громадную толпу христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кончилось тѣмъ, что несчастныхъ арестовали, какъ разбойниковъ. Другой епископъ, изъ Понта, предсказалъ кончину міра, имѣющую наступить въ теченіе ближайшаго года; его паства распродала свой скотъ и побросала поля, чтобъ приготовиться къ великому дню. Въ III в. въ Каппадокіи возникаетъ вопросъ о какой-то пророчицѣ, двинувшей цѣлыя толпы народа на дорогу къ Іерусалиму (Cypr. ep. LXXV, 10).

Однако, эти внезапныя экзальтаціи, переселенія, указанія на время и мѣсто пришествія Христа, вызывали глубокое смущеніе въ христіанскихъ общинахъ, изъ коихъ многія въ теченіе уже вѣкового періода слишкомъ свыклись съ этимъ міромъ, чтобы жить эсхатологическими ожиданіями. Пророкамъ не замедлили поставить на видъ необычайный характеръ ихъ выступленій. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, равно какъ и въ Новомъ, пророки вѣщали не въ состояніи изступленія. Общеніе, которое устанавливалось черезъ пророческое откровеніе между Богомъ и людьми, не исключало дѣйствія личности пророковъ. Они провозвѣщали во имя Божіе, но, провозвѣщая, оставались самими собою. Слушая же Монтана и его пророчицъ, внимали непосредственно самому Параклету, совсѣмъ наподобіе того, какъ въ нѣкоторыхъ языческихъ святилищахъ боги непосредственно вѣщали устами пиѳій. „Человѣкъ есть лира,—вѣщалъ вдохновенный голосъ въ Монтанѣ,—а я—смычекъ, вызывающій звуковое колебаніе.... Я не ангелъ, и не посланникъ, а Господь Вседержитель“. Это поражало необычайностью, крайностью и вызывало порицаніе.

Возможно, что уже Мелитонъ занялся этимъ вопросомъ въ своихъ книгахъ о пророчествѣ, изъ которыхъ до насъ дошли лишь заглавія [1]). Аполлинарій, еп. іерапольскій, рѣшительно выступилъ противъ новыхъ пророковъ [2]). Другой, весьма видный дѣятель въ азійскомъ христіанскомъ мірѣ, Мильтіадъ, написалъ сочиненіе, гдѣ доказывалъ, „что пророкъ не долженъ пророчествовать, находясь въ изступленіи“. Ему возражали тѣ изъ монтанистовъ, которые были не чужды писательской дѣятельности [3]). Впрочемъ, каѳолики не ограничивались письменной полемикой; они прибѣгали и къ совершенно другимъ средствамъ. Сотасъ, еп. анхіальскій, во Ѳракіи, пытался прибѣгнуть къ заклинаніямъ противъ Прискиллы; два фригійскихъ епископа Зотикъ Команскій и Юліанъ Апамейскій отправились въ Пепузу и пытались обличить духа, пребывавшаго въ Максимиллѣ. Но попытки эти не удались, благодаря сопротивленію сектантовъ.

Движеніе распространялось въ Азіи, сѣя всюду смятеніе въ умахъ. Во многихъ мѣстахъ происходили соборы, на которыхъ разсматривался и обсуждался вопросъ о пророкахъ. Церковное еди-

1) *Περὶ πολιτείας καὶ προφητῶν*, Περὶ *προφητείας* (О многобожіи и пророкахъ; О пророчествѣ). (Eus., *H. E.*, IV, 26)
2) Euseb. *H. E.* IV, 27; V, 16, 19.
3) Euseb. *H. E.*, V, 17.

неніе въ концѣ концовъ нарушилось: противники Параклета предали сектантовъ отлученію. Нѣкоторые изъ этихъ противниковъ, увлеченные рвеніемъ, не побоялись усомниться въ авторитетности священныхъ книгъ, на которыя ссылались монтанисты: они цѣликомъ отвергали всѣ писанія св. Іоанна, Апокалипсисъ какъ и Евангеліе. Таково происхожденіе религіозной секты, которую подъ именемъ алоговъ опровергалъ позднѣе св. Епифаній [1]).

Если Монтану не удалось всецѣло овладѣть азійскими церквами, то онъ добился все-таки глубокаго раздѣленія между ними. Небесный Іерусалимъ не явился на землѣ; но зато движеніе завершилось основаніемъ земного Іерусалима. Измѣнили названіе г. Пепузы: его переименовали въ новый Іерусалимъ. Онъ сдѣлался святымъ мѣстомъ и какъ бы метрополіей Параклета. Необходимость дать средства къ существованію массѣ народа, стекавшейся сюда на первыхъ порахъ, побудило сектантовъ организоваться. На-ряду съ Монтаномъ рано встрѣчаются другіе дѣятели, которые были вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него видными авторитетами: нѣкто Алкивіадъ [2]), Ѳеодотъ, названный въ одномъ изъ нашихъ документовъ [3]) первымъ администраторомъ (ἐπίτροπος) пророчества, наконецъ Ѳемизонъ, написавшій для его защиты и распространенія нѣчто въ родѣ окружнаго посланія [4]). Послѣдній, какъ говорили, былъ исповѣдникомъ. Монтанисты дѣйствительно не уклонялись отъ мученичества; они охотно ссылались на свои заслуги въ этомъ отношеніи.

Все это весьма порицалось противниками. Живой критикѣ подвергалась финансовая организація секты, сборщики подаяній, платные проповѣдники. Увѣряли, что пророки и пророчицы вели пріятную, даже роскошную жизнь на средства своихъ поклонниковъ. „Будемъ судить ихъ по дѣламъ ихъ,—говорили въ то время.—Намащается ли, подкрашивается ли, наряжается ли когда пророкъ?

1) Алоги выдвигали между прочимъ то возраженіе противъ Апокалипсиса, что тамъ идетъ рѣчь о ѳіатирской церкви, которая не существовала въ ихъ время. Св. Епифаній (*Haer.* LI, 33) соглашается съ фактомъ, но только для конца II и начала III в., и объясняетъ его тѣмъ соображеніемъ, будто ѳіатирскіе христіане всѣ перешли въ монтанизмъ, отъ котораго отреклись впослѣдствіи. Однако обращенія въ монтанизмъ недостаточно для объясненія тезиса, что ѳіатирской церкви не существовало. Нужно допустить, что эта христіанская община въ теченіе 2 в. временно исчезла.
2) Euseb. *H. E.*, V, § 3 *τὴν τῶν κατὰ Μιλτιάδην* (очевидно слѣд. замѣнить *Μιλτιάδην*—*Ἀλκιβιάδην*) *λεγομένων αἵρεσιν* (ересь называемыхъ алкивіадянами). Сл. V, 3, § 4, гдѣ секта обозначается слѣдующимъ образомъ: *οἱ ἀμφὶ τὸν Μοντανὸν καὶ Ἀλκιβιάδην καὶ Θεόδοτον* (сущіе съ Монтаномъ и Алкивіадомъ и Ѳеодотомъ).
3) Euseb. *H. E.* V. 16, § 14, 15.
4) id. V, 16, § 17; 18, § 5.

Играетъ ли онъ въ кости? Даетъ ли взаймы подъ проценты? [1]). Возбуждали сомнѣнія относительно дѣвства Прискиллы, которая, какъ говорили, такъ же, какъ и подруга ея Максимилла, бросила мужа, чтобы сойтись съ Монтаномъ. Ѳемизонъ былъ лже-исповѣдникъ: онъ купилъ свое освобожденіе. Исповѣдничество другого, весьма чтимаго въ сектѣ лица, нѣкоего Александра, будто бы имѣло еще меньшую цѣнность. Если онъ и вызывался когда на судъ, то не въ качествѣ христіанина, а по обвиненію въ разбоѣ. Дѣло это случилось во время проконсульства Емилія Фронтина [2]), въ немъ можно было удостовѣриться въ ефесскихъ архивахъ.

Монтанъ и Прискилла умерли первые. Максимилла осталась одна. Противодѣйствіе, оказываемое сектѣ, причиняло ей большое страданіе. Параклетъ стеналъ въ ней: „меня преслѣдуютъ, какъ волка. Я не волкъ, я—Слово, Духъ и Сила“. Наконецъ и она умерла, предсказавъ войны и возмущенія. Недоброжелатели увѣряли, что она повѣсилась; тоже говорили и о Монтанѣ; что же касается Ѳеодота, то разсказывали, что однажды во время экстаза онъ поднялся къ небу и, упавши, убился. Эти сплетни переданы черезъ Анонима [3]) Евсевіемъ, но онъ рѣшительно заявляетъ, что на нихъ нельзя полагаться. Онъ вполнѣ правъ. Не такими росказнями можно уяснить себѣ столь значительное религіозное движеніе, какимъ было монтанистское. Смерть пророковъ не утишила его. Черезъ 13 лѣтъ послѣ кончины Максимиллы, анкирская христіанская община раскололась по поводу новаго пророчества. Долгое время пришлось еще спорить и писать противъ монтанистовъ и не только въ Малой Азіи, но и въ Антіохіи, Александріи и въ западныхъ церквахъ. Серапіонъ, еп. антіохійскій, опровергалъ ихъ въ посланіи, адресованномъ къ Карику и Понтію; на немъ было нѣсколько епископскихъ подписей съ протестами противъ новаторовъ [4]). Климентъ Александрійскій отмѣчаетъ книгу „о Пророчествѣ“ въ своихъ Строматахъ [5]), въ которыхъ онъ самъ намѣревался обсуждать тотъ же вопросъ. Но особенно важно прослѣдить исторію монтанизма на западѣ.

Съ 177 г., со временъ ліонскихъ мучениковъ, новое пророчество возбуждало страсти въ Галліи и Римѣ. Юная ліонская церковь,

[1]) ib. V, 18, § 11.
[2]) Годъ этого проконсульства такъ же неизвѣстенъ, какъ и годъ проконсульства Грата.
[3]) Объ этомъ авторѣ см. стр. 189.
[4]) Euseb. *H. E.* V, 19.
[5]) *Strom.*, IV, 13. 93; ср. I, 24, 158; V, 13, 88; VII, 18, 108.

насчитывавшая между своими членами азійцевъ и фригійцевъ, могла быть освѣдомлена о томъ, что творилось въ Азіи. Въ Римѣ этотъ вопросъ тоже былъ поднятъ рано, и какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, вызвалъ сначала великую тревогу. Ліонскіе исповѣдники изъ нѣдръ тюрьмы писали по этому поводу „братіи въ Азіи и Фригіи, а также Елевѳерію, епископу римскому“. Эти посланія были занесены въ знаменитый документъ о ліонскихъ мученикахъ, вмѣстѣ съ сужденіями „галльскихъ братій“ о пророческомъ духѣ, открывшемся черезъ Монтана, Алкивіада и Ѳеодота. Евсевій, имѣвшій этотъ документъ передъ глазами, отзывается о немъ какъ о мудромъ и весьма православномъ,—однако, читая его, чувствуешь, что онъ не вполнѣ отрицательно относится къ фригійскому движенію. Св. Ириней, доставившій эти посланія въ Римъ, не можетъ быть причисленъ къ противникамъ монтанизма. Можно думать, что ліонскіе христіане скорѣе рекомендовали терпимость и поддержаніе церковнаго мира. Мы не можемъ судить ни о томъ, какое впечатлѣніе это вмѣшательство могло произвести на Елевѳерія, ни о томъ, сколько прошло времени, пока римская церковь приняла опредѣленное рѣшеніе. Кажется, что и въ Римѣ также находили, что не было причины предавать другъ друга отлученію. Тертулліанъ разсказываетъ, что рѣшеніе не было неблагопріятнымъ для пророковъ, и что папа отправилъ уже въ этомъ смыслѣ примирительныя посланія, какъ вдругъ изъ Азіи прибылъ исповѣдникъ, по имени Праксей, который привезъ ему новыя свѣдѣнія и сумѣлъ отклонить его отъ первоначально принятаго рѣшенія [1]).

Такимъ образомъ монтанистическому вдохновенію не удалось достигнуть признанія въ Римѣ. Возможно, что тамъ въ продол-

[1]) *Adv. Prax.*, I: „Nam idem (Praxeas) episcopum Romanum agnoscentem iam prophetias Montani, Priscae, Maximillae, et ex ea agnitione pacem ecclesiis Asiae et Phrygiae inferentem, falsa de ipsis prophetis et ecclesiis eorum asseverando, praedecessorum eius auctoritates defendendo, coegit et litteras pacis revocare iam emissas et a proposito recipiendorum charismatum concessare“ (Ибо этотъ самый Праксей, сообщивъ римскому епископу,—уже имѣвшему извѣстія о пророчествѣ Монтана, Приски и Максимиллы, и на основаніи этихъ извѣстій объявившему общеніе мира съ азійскими и фригійскими церквами,—ложныя свѣдѣнія какъ о самихъ пророкахъ, такъ и объ ихнихъ церквахъ, заставилъ его (папу), подъ предлогомъ охраненія преданій его предшественниковъ, и посланныя уже грамоты мира взять обратно, и воздержаться отъ намѣренія признать харисматическія дарованія (фригійскихъ пророковъ).—Папа не названъ, но трудно предположить, чтобы рѣчь шла о другомъ, а не Елевѳеріи. Это колебаніе было бы менѣе понятно позднѣе, когда азійскія церкви заняли опредѣленное положеніе противъ монтанистическаго движенія. Съ другой стороны довольно естественно, что римское рѣшеніе было принято одновременно съ рѣшеніемъ галльскихъ христіанъ.

женіе нѣкотораго времени ограничились лишь извѣстной осторожностью [1]).

Споры по поводу празднованія Пасхи были мало пригодны, чтобъ поддержать авторитетъ азійскаго епископата въ глазахъ римской церкви. Однако, въ концѣ-концовъ была занята болѣе рѣшительная позиція. Съ первыхъ годовъ III в., какъ то видно изъ мученическихъ актовъ Перепетуи и сочиненій Тертулліана, надо было выбирать между общеніемъ съ церковью или привязанностію къ новымъ пророчествамъ.

Итакъ, движеніе было задержано на Западѣ такъ же, какъ и въ Азіи, но пропаганда тѣмъ не менѣе продолжалась. За смертью пророковъ, возраженія, поднимавшіяся противъ ихъ экстазовъ, должны были постепенно исчезнуть. Все, что могло быть крайняго и предосудительнаго во фригійской организаціи и пепузскихъ собраніяхъ, было менѣе на виду за предѣлами Азіи. Что скорѣе бросалось въ глаза на разстояніи,—это большая нравственная строгость монтанистовъ. Ихъ посты, ихъ особенности въ нравственномъ ученіи, не имѣли ничего такого, что православные аскеты не практиковали бы уже съ давнихъ поръ. Что же касается видѣній, экстазовъ, пророчествъ,—это также не было необычнымъ явленіемъ. Во многихъ странахъ христіане строгой жизни, энтузіасты, люди, жившіе ожиданіями второго Христова пришествія, чувствовали расположеніе къ новому пророчеству.—Проживъ довольно долгое время въ настроеніи, которое можно было бы назвать монтанистскимъ, Тертулліанъ кончилъ тѣмъ, что открыто примкнулъ къ Монтану, Прискиллѣ и Максимиллѣ (около 205 г.). Въ то время онъ уже не могъ этого сдѣлать иначе, какъ порвавъ связь съ каѳолической церковью, но и это соображеніе его не остановило. Африканскіе монтанисты поставили его себѣ главой и даже стали называться тертулліанистами. Здѣсь не мѣсто говорить о произведеніяхъ Тертулліана, изданныхъ до и послѣ его разрыва съ церковью. Достаточно будетъ замѣтить, что самое значительное изъ его монтанистическихъ сочиненій, трактатъ „Объ экстазѣ“ (De extasi), раздѣленный на семь книгъ, не дошелъ до насъ. Въ седьмой книгѣ онъ старался опровергнуть Аполлонія [2]). Тертулліанисты просуществовали до временъ бл. Августина, который вернулъ въ

[1]) Тертулліанъ вовсе не говоритъ, чтобъ папа, имѣвшій сношеніе съ Праксеемъ, осудилъ новое пророчество; по его словамъ, онъ, довѣрившись Праксею, лишь измѣнилъ намѣренію признать это пророчество всенародно.

[2]) Объ этомъ антимонтанистическомъ писателѣ см. стр. 189.

лоно каѳолической церкви ихъ послѣднихъ карѳагенскихъ сторонниковъ [1]).

Около этого самаго времени представителемъ монтанистовъ въ Римѣ былъ нѣкто Прокулъ или Проклъ, къ которому Тертулліанъ питалъ глубокое почтеніе. Св. Ипполитъ занимается монтанистами, но не очень сильно возстаетъ противъ нихъ; онъ полемизируетъ противъ ихъ постовъ и особенно противъ ихъ довѣрія къ Монтану и его пророчицамъ. Другой римскій писатель Кай написалъ діалогъ противъ Прокла, отъ котораго до насъ дошло лишь нѣсколько строкъ [2]). Секта, повидимому, не пустила глубокихъ корней на римской почвѣ, такъ какъ послѣ св. Ипполита объ ней больше не слышно.

Во Фригіи она существовала гораздо дольше. Новый Іерусалимъ продолжалъ пользоваться почитаніемъ. Онъ былъ родоначальной общиной. Массовое переселеніе сюда скоро смѣнилось ежегодными паломничествами. Здѣсь справлялся одинъ большой праздникъ, Пасха или Пятидесятница, начинавшійся съ поста, проводившійся сперва въ мрачной обстановкѣ, и завершавшійся затѣмъ великимъ ликованіемъ. Пророковъ и ихъ первыхъ приспѣшниковъ смѣнила прочная организація. Первое мѣсто занимали патріархи, ниже которыхъ стояли кеноны (Kenoni) [3]). Эти двѣ степени представляли, повидимому, общее управленіе секты; мѣстная іерархія, епископы, пресвитеры и т. д. находились въ подчиненіи у нихъ. Въ началѣ движенія женщины играли видную роль; онѣ и навсегда сохранили въ сектѣ болѣе значительное положеніе, чѣмъ въ церкви. Въ послѣдней тоже имѣлись пророчицы, такія же какъ и у монтанистовъ; въ ней уже были и въ теченіе еще долгаго времени продолжали существовать діакониссы. По словамъ св. Епифанія [4]) монтанисты допускали женщинъ къ пресвитерскому и епископскому сану. Онъ сообщаетъ также, что на ихъ церемо-

[1]) August. *Contra haereses*, 86. Очевидно обычное въ Карѳагенѣ наименованіе сектантовъ тертулліанистами, заставило Августина предположить, что это была отличная отъ монтанистовъ секта, и что Тертулліанъ, бывъ сперва монтанистомъ, разошелся съ катафригійцами и основалъ особую секту. Во время узурпатора Евгенія (392—394) одной знатной тертулліанисткѣ Октавіанѣ, прибывшей въ Римъ изъ Африки, удалось устроить свое богослуженіе въ церкви свв. Процеса и Мартиніана на Авреліанской дорогѣ (*Praedestinatus*, c. 86). Изъ этого факта слѣдуетъ, что въ это время монтанисты въ Римѣ не имѣли мѣста собранія.

[2]) Eus., II, 25; III, 28; III, 31; ср. VI, 20.

[3]) Cenonas (въ винительномъ падежѣ), по блаж. Іерониму; отсюда вывели термины Κοινωνοί или Οἰκόνομοι

[4]) *Haer.* XLIX.

ніяхъ часто появлялись семь дѣвъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зажженными свѣтильниками въ рукахъ. Онѣ предавались экстатическому воодушевленію, плакали о грѣхахъ міра и возбуждали слезы среди присутствовавшихъ. Въ его время секта была извѣстна подъ разными наименованіями: прискилліанистовъ, квинтилліанистовъ, таскодругитовъ, артотиритовъ. Первыя два названія произошли отъ извѣстныхъ монтанистовъ; названіе таскодругитовъ производится отъ двухъ фригійскихъ словъ, изъ которыхъ первое означаетъ указательный палецъ руки, другое — носъ. Повидимому, нѣкоторые сектанты во время молитвы вкладывали себѣ палецъ въ носъ. Что же касается артотиритовъ, ихъ прозваніе происходило отъ того, что въ своихъ мистеріяхъ они употребляли хлѣбъ и сыръ. Все это не имѣетъ большой достовѣрности. Еще больше основаній не довѣрять очевидно клеветническимъ слухамъ, будто у нихъ практиковался обрядъ кровопусканія у ребенка посредствомъ уколовъ [1]).

Гораздо больше удостовѣрена особенность монтанистовъ въ опредѣленіи времени Пасхи. Въ эпоху споровъ между православными относительно различныхъ способовъ исчисленія дня Пасхи они рѣшились остановиться на опредѣленномъ числѣ, 6-го апрѣля по юліанскому календарю [2]).

Но всѣ эти подробности о монтанистахъ послѣдующихъ временъ имѣютъ лишь относительный интересъ. Важны происхожденіе и характеръ первоначальнаго движенія такъ же, какъ и положеніе, занятое церковью относительно его. Несмотря на напряженіе, съ какимъ ожидалось еще въ ту пору, въ концѣ II в., пришествіе Христа, несмотря на глубокое уваженіе къ пророческому дару и его различнымъ проявленіямъ, церковь не дала Монтану увлечь ее отъ ея путей: хотя она не отреклась ни отъ профетизма вообще, ни отъ эсхатологическихъ чаяній, но она удержала свое преданіе, противопоставивъ его религіознымъ авантюрамъ, и—авторитетъ своей іерархіи, въ противовѣсъ притязаніямъ частнаго вдохновенія.

Примѣчанія объ источникахъ исторіи монтанизма и его хронологіи.

1. Источники.—Наибольшое количество свѣдѣній объ ученіи монтанистовъ можно почерпнуть изъ сочиненій Тертулліана; но Тертулліанъ писалъ приблизительно полъ-вѣка спустя послѣ возникновенія монтанизма, когда естественно предположить уже нѣкоторое дальнѣйшее его развитіе. Къ тому же, въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ монтанизмомъ, принесеннымъ издали и приспособленнымъ къ условіямъ, довольно отличнымъ отъ тѣхъ, при которыхъ онъ возникъ сначала. Что же касается до происхожденія его во Фригіи, то мы располагаемъ двумя сочиненіями, или скорѣе отрывками двухъ сочиненій, сохраненными Евсевіемъ, *H. E.* V, 16, 17. Они оба антимонтанистическія. Первое—обращенное къ нѣкоему Авиркію Маркеллу, который довольно естественно отождествляется съ Аверкіемъ еп. іерапольскимъ (около конца II в.),—распадалось на три книги. Авторъ писалъ 13 лѣтъ спустя послѣ смерти Максимиллы. Въ этотъ промежутокъ времени не пришлось сѣтовать ни о войнѣ, ни о гоненіи. Трудно опредѣлить, къ какому времени относятся тринадцать лѣтъ такого мира. Всего вѣрнѣе, мнѣ кажется, отнести ихъ къ царствованію Коммода (17 марта 180—31 дек. 192), по необходимости растянувъ время на нѣсколько мѣсяцевъ, когда Пертинаксъ и Дидій Юліанъ управляли имперіей. Другая работа, произведеніе нѣкоего Аполлонія, явилась 40 лѣтъ спустя послѣ перваго выступленія Монтана. Пользуясь этими документами, не слѣдуетъ забывать, что это—полемическія книги, и притомъ весьма горячаго полемическаго характера. Св. Епифаній (*Haer.*, XLVIII, 2 и слѣд.) и Дидимъ въ своемъ трактатѣ о св. Троицѣ пользуются антимонтанистическими произведеніями, которыя можетъ быть и не тождественны съ поименованными. Изъ числа монтанистическихъ сочиненій мы располагаемъ лишь нѣсколькими изреченіями „Параклета", которыя дошли до насъ, благодаря Тертулліану или вышеупомянутымъ полемическимъ книгамъ. Кажется, что секта обладала оффиціальнымъ сборникомъ, составленнымъ нѣкіимъ Астеріемъ Урбаномъ (Euseb., *H. E.* V, 16 § 17). То, что осталось отъ монтанистскихъ оракуловъ, собрано Bonwetsch'емъ въ концѣ его книги о монтанизмѣ (стр. 197): *Die Geschichte des Montanismus*, Erlangen, 1881,—лучшая монографія объ этомъ религіозномъ движеніи [1]).

2. *Хронологія*. Наши оба фригійскіе авторы точно знаютъ время первыхъ выступленій монтанизма. Анонимъ указываетъ на него съ опредѣленностью: „во время проконсульства Грата". Къ несчастію, намъ еще неизвѣстно, къ какому году отнести этого про-

[1]) ibid. XLVIII, 14; XLIX, 2.
[2]) Sozom, *H. E.*, VII, 8.

[1]) См. статью о монтанизмѣ того же автора въ энциклопедіи Herzog-Hauck. t. XIII (1903) s. 417.

консула. Хроника Евсевія относитъ возникновеніе монтанизма къ 172 г., а св. Епифаній (*Haer.* XLVIII, 1) къ 19 г. царствованія Антонина Пія, слѣдов. къ 156-7 гг. Выборъ между этими двумя датами не легокъ. Въ христіанскомъ мірѣ на западѣ монтанизмъ сталъ занимать собой умы лишь въ 177 г. Будемъ ли мы придерживаться св. Епифанія, или Евсевія, придется допустить для этого движенія болѣе или менѣе продолжительный подготовительный періодъ. Изъ вышесказаннаго относительно даты книги „Анонима" къ Аверкію Маркеллу, этотъ памятникъ слѣдуетъ отнести къ 193 г., и смерть Максимиллы послѣдовала приблизительно незадолго до смерти Марка Аврелія, около 180 г. Оба другіе пророка Монтанъ и Прискилла умерли раньше ея. Всякій споръ былъ бы рѣшенъ, если бы какая нибудь надпись открыла намъ точную дату проконсульства Грата. Къ сожалѣнію эпиграфическія открытія, давшія столько опредѣленнаго насчетъ хронологіи проконсуловъ, не имѣющихъ значенія для исторіи, до сихъ поръ ничего не хотятъ дать намъ относительно Грата.

ГЛАВА XVI.

Вопросъ о праздновании Пасхи.

Пасха у христіанъ.—Различія въ соблюденіи праздника.—Столкновеніе между азійскимъ и римскимъ обычаями.—Папа Викторъ и св. Ириней.—Отмѣна азійскаго обычая.

Обычай посвящать одинъ изъ семи дней недѣли преимущественно на служеніе Богу былъ заимствованъ церковью изъ еврейской обрядности. Не отмѣняя для іудействующихъ христіанъ соблюденія субботы, церковь съ весьма раннихъ поръ ввела почитаніе воскреснаго дня, которое ознаменовывалось гораздо болѣе богослужебными собраніями, чѣмъ пріостановкой ручного труда. Такихъ собраній было два: всенощное бдѣніе—въ ночь съ субботы на воскресенье и литургія—утромъ. Въ связи съ этимъ явилось соблюденіе стояній или постовъ, весьма рано пріуроченныхъ къ средамъ и пятницамъ [1]). Что же касается праздниковъ и постовъ еврейскаго календаря, то для христіанъ не было никакого основанія соблюдать ихъ и ихъ предали забвенію. Однако, одинъ изъ этихъ священныхъ дней, праздникъ Пасхи или опрѣсноковъ, ежегодно напоминалъ о страданіяхъ Господа. Можно было не дорожить болѣе воспоминаніями, которыя Израиль связывалъ и понынѣ еще связываетъ съ пасхальной годовщиной, но нельзя было забыть, что въ эти самые дни Господь принялъ смерть за спасеніе міра. Такимъ образомъ праздникъ Пасхи сохранился, но въ праздновании его отпали обрядовыя подробности, соблюдавшіяся у евреевъ [2]).

Однако, благодаря тому, что съ самаго начала не договорились на этотъ счетъ, скоро обнаружились различія въ праздновании

---

[1]) Воскресенье упомянуто въ Дѣян. XX, 7 по поводу одного случая, относящагося къ 57 г. „Ученіе 12 апостоловъ" и „Пастырь" Ерма упоминаютъ о стояніяхъ.

[2]) Закланіе Агнца могло совершаться только въ храмѣ. Дѣйствительно, праздникъ Пасхи спеціально справлялся въ Іерусалимѣ. Впрочемъ и внѣ Іерусалима въ этотъ день въ семьяхъ совершалась трапеза религіознаго характера.

христіанской Пасхи. Въ Азіи держались 14-го числа перваго еврейскаго мѣсяца или 14-го низана [1]); въ Римѣ и почти всюду не придерживались строго этого числа, ибо дорожили тѣмъ, чтобы праздникъ пришелся въ воскресенье, принимая впрочемъ это число во вниманіе, чтобы опредѣлить, къ какому именно воскресенью пріурочить пасхальное торжество.

Эта разница въ дняхъ естественно находилась въ соотвѣтствіи съ различнымъ пониманіемъ праздника. Согласно евангелистамъ, событіе, происшедшее 14-аго низана или на слѣдующій день, это—смерть Христа, а въ воскресенье было Его возстаніе изъ мертвыхъ. Ни то, ни другое великое событіе не могло оставаться въ забвеніи. Почитаніе воскресенья тотчасъ же вызвало соотвѣтственное почитаніе великой пятницы. Обычный постъ соблюдали на этой недѣлѣ съ особенной строгостью, при чемъ бо́льшею частью продолжали его до утра воскресенья. Такимъ образомъ христіане посвящали скорби по своемъ Учителѣ все то время, которое Онъ пребывалъ во власти смерти.

Въ Азіи, гдѣ дорожили совпаденіемъ съ 14-мъ низана, исходной мыслью была, повидимому, та, что Христосъ есть истинный пасхальный Агнецъ. Поэтому, вечеромъ этого дня вмѣсто ритуальной еврейской трапезы совершалась евхаристія. Въ дѣйствительности, по преданіямъ синоптическихъ евангелій, Господь былъ распятъ не 14-аго, а 15-аго числа, но за большой точностью не гнались, и Голгоѳскую жертву съ легкой натяжкой пріурочивали къ ея символическому прообразу—закланію пасхальнаго Агнца [2]). Впрочемъ, четвертое евангеліе вскорѣ сгладило это несоотвѣтствіе, перенеся страданія Христа съ 15-аго на 14-ое число.

Какъ же азійцы поступали послѣ этого, чтобы праздновать воскресеніе Христово?—Посвящали ли они ему третій день послѣ 14-аго низана или ближайшее къ нему воскресенье, или выдѣляли его въ особый праздникъ,—объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Все, что мы знаемъ относительно этого, заключается лишь въ томъ, что предпасхальный постъ—ибо они тоже соблюдали его—оканчивался у нихъ 14-го числа.

---

1) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что день у древнихъ считался съ вечера до вечера, а не съ полуночи до полуночи. Пасхальнаго агнца закалали послѣ полудня 14-аго числа. Вечерняя же трапеза уже относилась къ 15-ому числу (праздникъ опрѣсноковъ).

2) Символъ Агнца для обозначенія Спасителя весьма древняго происхожденія (Дѣян. VIII, 32; I посл. Петра, I, 19; Іоан. I, 29, 36; Апок. во мн. мѣст.).

Понятно, что изъ такого неопредѣленнаго положенія могли возникнуть распри, что дѣйствительно и случилось, даже между самими азійцами. Лаодикійская церковь въ 167 г. была приведена въ волненіе значительнымъ споромъ по поводу празднованія Пасхи. Объ этомъ предметѣ писали Мелитонъ Сардійскій [1]) и Аполлинарій Іерапольскій [2]). Они оба были приверженцами 14-аго нисана, четыренадесятниками. Мы точно не знаемъ, въ чемъ заключался лаодикійскій споръ. Достовѣрно только то, что Аполлинарій отстаивалъ 14-ое число, опираясь на евангеліе Іоанна и отказываясь допустить, чтобъ Господь совершилъ Пасху наканунѣ Своей смерти [3]). Расходился ли онъ съ Мелитономъ, и въ этомъ ли пунктѣ состоялъ предметъ ихъ разногласія, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно.

Но главный предметъ спора, который рано или поздно долженъ былъ возникнуть, заключался въ разногласіи между мѣстнымъ азійскимъ обычаемъ праздновать Пасху 14-аго нисана и почти общепринятымъ обычаемъ праздновать этотъ день въ воскресенье. Разногласіе было весьма явное. Оно сознавалось въ Римѣ уже во времена Траяна и Адріана. Азійцы тогда насчитывались тамъ уже въ большомъ количествѣ; еще папы Сикстъ и Телесфоръ ежегодно видѣли, что они празднуютъ Пасху въ одинъ день съ евреями. Азійцы утверждали, что они дѣйствуютъ правильно; ихъ оставляли въ покоѣ, продолжая слѣдовать другому обычаю и не затѣвая съ ними распри.

Позднѣе это разногласіе сочли достойнымъ вниманія и постарались устранить его. Во время своего путешествія въ Римъ, Поликарпъ пытался убѣдить папу Аникиту, что обычай приверженцевъ 14-го нисана есть единственно пріемлемый. Ему не удалось это, но и Аникитѣ не удалось склонить престарѣлаго учителя принять римскую систему. Разстались они однако въ миролюбивомъ настроеніи. При преемникѣ Аникиты, Сотирѣ, отношенія стали какъ будто

---

1) Eus. IV, 26.

2) Поликратъ опредѣленнымъ образомъ ссылается на Мелитона въ числѣ своихъ авторитетовъ, но не упоминаетъ объ Аполлинаріи. Однако въ отрывкахъ послѣдняго, которые сохранились до насъ въ „Пасхальной хроникѣ", онъ выражается языкомъ приверженцевъ 14-го нисана. Ипполитъ и Климентъ Александрійскій говорятъ: „Христосъ—истинная Пасха"; Аполлинарій говоритъ: „14-ое есть истинная Пасха"—выраженіе въ которомъ чувствуется какой-то оттѣнокъ.

3) Текстъ сохранился въ *Пасхальной хроникѣ* (Migne, *P. G*, T. XCII, p. 80) Аполлинарій упрекалъ своихъ противниковъ въ томъ, что они вносятъ противорѣчія между евангеліями.—Онъ очевидно считалъ возможнымъ согласить синоптиковъ съ ев. отъ Іоанна. Послѣ многихъ изслѣдователей и я пытался сдѣлать это. Лучше признать, что въ этомъ пунктѣ мы оказывается не въ состояніи согласить евангелистовъ.

натянутыми. Къ этому времени относится лаодикійская смута: вопросъ началъ возбуждать страсти. Около 190 г. папа Викторъ, второй преемникъ Сотира, рѣшилъ положить этому разногласію конецъ. Онъ изложилъ свои взгляды азійскимъ епископамъ и обратился къ Поликрату, епископу ефесскому, съ просьбой созвать ихъ на соборъ. Поликратъ дѣйствительно собралъ ихъ, но они настаивали на своемъ древнемъ обычаѣ. Ефесскій епископъ отвѣтилъ отъ ихъ имени папѣ Виктору очень рѣшительнымъ посланіемъ, гдѣ перечислялъ всѣхъ выдающихся христіанъ Азіи, начиная съ апостоловъ Филиппа и Іоанна. Самъ онъ происходилъ изъ семьи, издавна посвятившей себя служенію церкви, ибо до него семь родственниковъ его были епископами. Всѣ святые, всѣ епископы, которыхъ онъ перечисляетъ, соблюдали 14-ый день. Онъ заявляетъ свою рѣшимость также соблюдать его, „не страшась угрозъ, ибо написано: лучше повиноваться Богу, нежели людямъ“.

Оказалось однако, что только азійцы держались этой практики. Состоялись другіе епископскіе соборы по этому поводу. Всѣ соборныя посланія, сборникъ которыхъ изслѣдовалъ Евсевій, склонялись къ празднованію воскреснаго дня. Въ Палестинскомъ соборѣ приняли участіе епископы: Ѳеофилъ кесарійскій, Нарцисъ іерусалимскій, Кассій тирскій, Кларъ птолемаидскій и нѣкоторые другіе. Они заявили, что имѣютъ обыкновеніе вступать въ соглашеніе съ александрійской церковью относительно опредѣленія дня Пасхи. Осроенскіе епископы высказались въ томъ же духѣ. Ихъ обычай не могъ расходиться съ антіохійской практикой, о которой мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ. Понтійскіе епископы подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго епископа амастрійскаго Пальма, Вакхилъ епископъ коринѳскій, и Ириней отъ имени христіанскихъ церквей въ Галліи, въ которыхъ онъ первенствовалъ, выразили тѣ же убѣжденія.

Подкрѣпленный согласіемъ столькихъ епископовъ, Викторъ пошелъ дальше. Онъ задумалъ нанести рѣшительный ударъ сопротивленію азійцевъ, отлучивъ ихъ отъ общенія съ церковью. Но посланія, написанныя имъ въ этомъ смыслѣ, не были такъ сочувственно приняты, какъ его ссылки на преданіе. Ириней, а за нимъ многіе другіе епископы, вступились; признавая правоту точки зрѣнія римской церкви, они не допускали, чтобы изъ-за такого второстепеннаго вопроса относились къ почтеннымъ церквамъ, основаннымъ апостолами, какъ къ разсадникамъ ереси, и отторгали ихъ отъ христіанской семьи.

Можно думать, что Викторъ отказался отъ своихъ суровыхъ мѣръ, но достовѣрно извѣстно одно, что въ общемъ азійскія церкви въ концѣ концовъ приняли римскій обычай. Въ IV в., а именно на никейскомъ соборѣ, не было уже разговора объ этомъ вопросѣ. Были въ то время приверженцы 14-го нисана; но даже въ Азіи они составляли маленькую секту, совершенно внѣ общенія съ каѳолической церковью [1]).

Въ данное время въ Римѣ обнаружилось нѣкоторое сопротивленіе, очевидно между проживавшими тамъ азійцами. Нѣкій Властъ устроилъ тамъ что-то вродѣ раскола. Ириней, который зналъ его, писалъ ему по этому поводу [2]), но эта оппозиція Власта была непродолжительна [3]).

---

1) См. объ этомъ мою замѣтку „*La question de la Pâque au concile de Nicée*“ въ „*Revue des questions historiques*“. *Juillet* 1880.

2) Περὶ σχίσματος (Eus., V, 15, 20); ср. Pseudo-Tert., 53.

3) Въ Philosophumen'ахъ, написанныхъ лѣтъ 40 спустя, приверженцы 14-го нисана характеризуются, какъ совершенно исключительныя личности: τινὲς φιλόνεικοι τὴν φύσιν, ἰδιῶται τὴν γνῶσιν, μαχιμώτεροι τὸν τρόπον (нѣкіе по природѣ спорщики, по умственному развитію невѣжды, по характеру сварливцы) (VIII, 18).

ГЛАВА XVII.

Распри въ Римѣ.—Ипполитъ.

Императоры Коммодъ и Северъ.—Папа Зефиринъ и діаконъ Каллистъ. Ипполитъ. — Христологія адопціанъ: Ѳеодотіане.—Римскіе алоги и монтанисты; Кай.—Ученіе о Логосѣ. – Школа модалистовъ: Праксей, Ноэтъ, Эпигонъ, Клеоменъ, Савеллій.—Колебанія Зефирина.—Осужденіе Савеллія.—Расколъ Ипполита: Philosophumena. — Ученіе Каллиста и его правленіе.—Литературныя произведенія Ипполита, его кончина, память о немъ.—Римская церковь послѣ Ипполита.—Папа Фабіанъ и пресвитеръ Новаціанъ.

Со временъ Нервы и Траяна императоры наслѣдовали другъ другу по праву усыновленія и мудро правили государствомъ. Отцовская привязанность Марка Аврелія воскресила систему естественнаго престолонаслѣдія: это было великимъ бѣдствіемъ для имперіи. При сынѣ его Коммодѣ воскресла въ Римѣ сумасбродная тираннія Калигулы и Нерона. Монархъ былъ поглощенъ циркомъ, гдѣ чернь рукоплескала его гладіаторскимъ талантамъ; порядочные люди были придавлены терроромъ, подвергались преслѣдованіямъ; преторіанская гвардія стала главнымъ орудіемъ управленія: таковъ былъ строй правленія, который водворился благодаря тому, что императоръ-философъ допустилъ до престола своего сына. Этотъ режимъ длился тринадцать лѣтъ.

31 декабря 192 г. морганатическая супруга Коммода, Марція, найдя свое имя въ спискѣ обреченныхъ на смерть въ ближайшую ночь, упредила мужа и положила конецъ оргіи. Преторіанцевъ склонили объявить императоромъ стараго военачальника Пертинакса, строгость котораго скоро, однако, такъ имъ надоѣла, что они умертвили его. Тутъ кандидатами на престолъ явились два сенатора. Дидій Юліанъ былъ щедрѣе и потому былъ избранъ и навязанъ гвардіей сенату и народу. Эта передача верховной власти по усмотрѣнію римскаго гарнизона не понравилась пограничнымъ арміямъ. Ихъ командиры: Северъ, Нигеръ, Альбинъ, были всѣ провозглашены императорами. Северъ, начальствовавшій въ Панноніи, первый прибылъ въ Римъ и укрѣпилъ свое положеніе въ немъ. Потомъ, условившись предварительно съ Альбиномъ, командовавшимъ войсками въ Бретани и уже провозглашеннымъ императоромъ въ Галліи, Северъ предпринялъ борьбу съ Нигеромъ, своимъ соперникомъ на Востокѣ, и побѣдилъ его. Затѣмъ, обратившись противъ Альбина, онъ отдѣлался и отъ него и остался единымъ повелителемъ имперіи,—суровымъ (severus) не только по имени, но и на дѣлѣ. Порядокъ возстановился, границы вновь были поставлены подъ надежную защиту, парѳяне опять узнали силу римскихъ армій, которыя на этотъ разъ дошли до Персидскаго залива.

Северъ отнесся къ христіанамъ такъ же сурово, какъ и ко всѣмъ вообще. Противъ его жестокостей выступалъ съ протестомъ Тертулліанъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ, относящихся къ 197 г., Ad martyres, Ad Nationes, Apologeticus. Северъ даже усугубилъ стѣснительные законы и особымъ указомъ запретилъ совращенія въ христіанскую вѣру. Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Папа Викторъ умеръ въ это царствованіе въ 198 или 199 г. Его мѣсто занялъ Зефиринъ. Начиная съ него, исторія римской церкви становится нѣсколько болѣе извѣстной намъ. Это былъ простой и необразованный человѣкъ. Немедленно по избраніи онъ выписалъ изъ Анціума нѣкоего Каллиста, проживавшаго тамъ въ своеобразномъ уединеніи,—сдѣлалъ его своимъ соправителемъ по дѣламъ церкви и въ частности поручилъ ему завѣдывать кладбищемъ. „Кладбище“ до того времени было на виллѣ Ациліевъ на Саларійской дорогѣ. Каллистъ перенесъ его на Аппіеву дорогу, близъ которой уже находилось нѣсколько весьма древнихъ семейныхъ усыпальницъ, обозначенныхъ именами Претекстата, Домициллы и Луцины. Съ III вѣка эти усыпальницы сдѣлались ядромъ обширныхъ некрополей, гдѣ папамъ была отведена особая погребальная комната. Хотя продолжали погребать и на кладбищѣ Присциллы, а также устраивать усыпальницы и въ другихъ мѣстахъ, однако новое кладбище стало особенно важнымъ. Его связали съ именемъ Каллиста, хотя изъ всѣхъ папъ третьяго вѣка именно онъ не былъ тамъ погребенъ.

О Каллистѣ много говорили при предшествующихъ папахъ. Его заклятый врагъ Ипполитъ разсказываетъ, что онъ сперва былъ

рабомъ нѣкоего Карпофора, христіанина изъ дворца цезаря [1]); его хозяинъ довѣрилъ ему капиталы для банкирской конторы, которую держалъ въ кварталѣ общественнаго бассейна [2]). Каллистъ запутался въ неудачныхъ аферахъ, и, спасаясь отъ гнѣва Карпофора, пытался бѣжать. Онъ уже садился на корабль въ Порто, какъ вдругъ увидалъ своего хозяина; Каллистъ бросился въ воду, былъ вытащенъ, взятъ подъ стражу и посаженъ въ тюрьму. Подъ давленіемъ кредиторовъ своего раба, среди которыхъ было много христіанъ, Карпофоръ выпустилъ его. Каллистъ взялся достать денегъ. У него и на самомъ дѣлѣ были должники среди евреевъ. Онъ отправился къ нимъ въ синагогу; тамъ поднялся по этому поводу страшный шумъ: евреи стали жаловаться, что онъ помѣшалъ отправленію ихъ богослуженія, и потащили своего кредитора къ римскому префекту Фусціану, обвиняя его въ оскорбленіяхъ и обличая въ принадлежности къ христіанству. Несмотря на заступничество Карпофора, его рабъ за принадлежность къ христіанству былъ приговоренъ къ каторгѣ на о. Сардинію.

Это произошло во время епископства Елевѳерія [3]). Нѣсколько времени спустя сардинскіе исповѣдники были, какъ сказано выше, освобождены по просьбѣ Марціи [4]). Каллистъ не стоялъ въ спискѣ, данномъ Марціи папой Викторомъ, тѣмъ не менѣе пресвитеръ Гіацинтъ, посланный папою въ Сардинію, добился согласія прокуратора на освобожденіе его вмѣстѣ съ другими. Такимъ образомъ онъ вернулся въ Римъ, но послѣ всѣхъ своихъ приключеній у многихъ не пользовался доброй славой. Викторъ отправилъ его въ Анціумъ и далъ ему ежемѣсячную пенсію. Состоя въ положеніи исповѣдника на пенсіи, онъ попалъ въ совѣтъ папы Зефирина, безъ сомнѣнія въ званіи діакона. Быть можетъ въ этомъ своемъ 8—10-лѣтнемъ уединеніи онъ успѣлъ обогатить свой умъ, однако, онъ, кажется, всегда былъ больше дѣятелемъ и администраторомъ, чѣмъ опытнымъ богословомъ.

Въ Римѣ не было недостатка въ богословахъ. Среди пресвитеровъ былъ первоклассный богословъ, Ипполитъ, ученикъ Иринея. Распри, которыя онъ впослѣдствіи имѣлъ со своими епископами,

---

1) Безъ сомнѣнія Маркъ Аврелій Карпофоръ *C. I. L.* VI, 13040; ср. De Rossi *Bull*, 1866, p. 3.
2) Этотъ бассейнъ былъ вскорѣ затѣмъ замѣненъ банями Каракаллы.
3) Фусціанъ былъ префектомъ съ 185 или 186 г. до весны 189.
4) См. выше стр. 168.

а въ особенности то обстоятельство, что онъ всегда писалъ по-гречески, между тѣмъ какъ вскорѣ послѣ него языкъ этотъ началъ выходить изъ употребленія въ Римѣ, содѣйствовали забвенію большинства его произведеній. Но изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ мало-по-малу открываютъ ихъ на свѣтъ Божій, и теперь уже можно убѣдиться, что великій римскій писатель не имѣетъ повода завидовать литературной славѣ своего александрійскаго сотоварища Оригена. Послѣдній былъ съ нимъ лично знакомъ; въ одно изъ своихъ путешествій въ Римъ во времена Зефирина онъ однажды присутствовалъ на проповѣди Ипполита, и тотъ сумѣлъ во время рѣчи упомянуть о знаменитомъ александрійцѣ [1]).

Вообще Римъ не переставалъ быть излюбленнымъ мѣстомъ встрѣчи, какъ христіанскихъ мыслителей, такъ и всякихъ религіозныхъ авантюристовъ. Они продолжали сюда стекаться, какъ во времена Адріана и Антонина, поддерживая постоянное броженіе вокругъ церкви или даже въ самыхъ ея нѣдрахъ. Отсюда возникли любопытные споры, предвѣстники тѣхъ споровъ, которые возбудили столь серьезныя волненія въ IV и послѣдующихъ столѣтіяхъ.

Первые христіане, какъ мы уже не разъ говорили, всѣ были согласны въ признаніи божественности Іисуса Христа. Плиній разсказывалъ, что они поютъ гимны Христу, воздавая Ему поклоненіе, какъ Богу, quasi Deo. „Братія,—говоритъ авторъ проповѣди, извѣстной съ именемъ Климента—мы должны объ Іисусѣ Христѣ помышлять, какъ о Богѣ“ [2]). Но въ какомъ смыслѣ Онъ Богъ? Какъ согласовать Его божественность со строгимъ единобожіемъ, которое христіане исповѣдывали наравнѣ съ Израилемъ? Здѣсь начинались разногласія. Если оставить въ сторонѣ гностиковъ, очень ясно выражавшихъ свое воззрѣніе на божественную природу Спасителя, но расходившихся съ остальными христіанами въ понятіи о Богѣ, всѣ высказывавшіяся по этому поводу воззрѣнія могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ типамъ: первыя гласили, что Іисусъ Христосъ есть Богъ, ибо Онъ воплотившійся Сынъ Божій, другія утверждали, что Іисусъ—Богъ, потому что Богъ усыновилъ Его и возвелъ въ божеское достоинство. Первое пониманіе основано на ясныхъ выраженіяхъ ап. Павла и Іоанна, которые оба прямо учатъ о предвѣчномъ существованіи Сына Божія до Его воплощенія во вре-

---

1) Hieron. *De viris ill.*, 61.
2) Δεῖ ἡμᾶς φρονεῖν περὶ Ἰησοῦ Χριστοῦ ὡς περι Θεοῦ. (II Clem., 1).

мени. Апостолъ Павелъ не употреблялъ термина: „Логосъ“ для обозначенія предвѣчнаго Христа. Этотъ терминъ появляется у ап. Іоанна, а такъ какъ его произведенія значительно позднѣйшаго происхожденія, по сравненію съ посланіями ап. Павла и первоначальною христіанскою проповѣдью, и не сразу были признаны, то въ первый періодъ слѣдуетъ отличать основное и общепринятое ученіе о предвѣчномъ Христѣ отъ той особой формы, какую придалъ ему спеціальный терминъ: „Логосъ“. Апологеты, начиная съ Іустина, очень настаивали на этомъ терминѣ, но это было философское понятіе, и выводы, какіе можно было изъ него извлечь, большею частью были недоступны пониманію простыхъ вѣрующихъ.

Эти послѣдніе—за исключеніемъ палестинскихъ эвіонитовъ, которые упорно продолжали смотрѣть на Іисуса, какъ на великаго пророка, и видѣли въ его титулѣ Сына Божія лишь одинъ изъ аттрибутовъ его мессіанскаго достоинства,—либо остерегались испытывать умомъ свои вѣрованія въ божественность Спасителя (таковыхъ было конечно большинство), или мыслили эту божественность въ формѣ одного изъ двухъ указанныхъ понятій,—воплощенія или усыновленія. Ермъ, видимо, держится адопціанской терминологіи. Онъ, правда, имѣетъ представленіе о существованіи божественнаго лица, извѣстнымъ образомъ отличнаго отъ Бога Отца: таковымъ лицомъ у него является Сынъ Божій или Святой Духъ. Съ этимъ божественнымъ Лицомъ Спаситель въ теченіе Своей земной жизни находился въ непрерывномъ общеніи, однако это общеніе не соотвѣтствуетъ тому, что впослѣдствіи назвали „ипостаснымъ единствомъ“. По завершеніи Своего дѣла Онъ былъ въ награду за Свои заслуги удостоенъ обожествленія.

Эти идеи у Ерма не развиты положительнымъ образомъ. Онѣ проскальзываютъ въ одномъ мѣстѣ его книги по поводу другихъ вопросовъ, всего болѣе способныхъ отвлечь вниманіе читателя отъ этихъ идей. Тѣмъ не менѣе замѣчателенъ фактъ, что человѣку, занимавшему положеніе Ерма, могло притти въ голову подобное воззрѣніе и притомъ съ полной увѣренностью въ его правильности. Впрочемъ мы увидимъ, что этотъ фактъ стоитъ въ связи съ другими проявленіями адопціонистической системы.

Въ правленіе папы Виктора въ Римъ прибылъ богатый христіанинъ изъ Византіи по имени Ѳеодотъ [1]). Его прозывали Ѳеодотомъ кожевникомъ, потому что онъ нажилъ себѣ состояніе этимъ родомъ промышленности. Это былъ очень образованный человѣкъ. Онъ началъ развивать богословское ученіе, согласно которому Іисусъ былъ человѣкъ, какъ и всѣ другіе, за исключеніемъ, впрочемъ, своего чудеснаго рожденія; выросшій въ обычныхъ условіяхъ, онъ проявлялъ однако высокую святость; во время крещенія на берегахъ Іордана Христосъ, иначе говоря Святой Духъ, сошелъ на него въ видѣ голубя: такъ получилъ онъ даръ творить чудеса. Но онъ не сталъ отъ этого Богомъ. Въ это достоинство онъ былъ возведенъ лишь по своемъ воскресеніи. Впрочемъ не всѣ ѳеодотіане признавали его Богомъ и въ такомъ смыслѣ.

Викторъ не задумался осудить такое ученіе. Ѳеодотъ былъ отлученъ отъ церкви [1]). Онъ упорствовалъ и приверженцы его оказались достаточно многочисленными, чтобы составить особую церковь. Другой Ѳеодотъ, по положенію банкиръ, и нѣкій Асклепіодотъ, оба ученики византійца, отыскали римскаго исповѣдника, по имени Наталиса, согласившагося за жалованіе взять на себя обязанности епископа новой секты. Однако онъ не остался вѣренъ ей. Ему въ видѣніяхъ являлся Спаситель съ суровыми упреками, а такъ какъ онъ не внималъ имъ, то „святые ангелы“ однажды ночью подвергли его столь сильному бичеванію, что съ разсвѣтомъ онъ отправился къ папѣ Зефирину, бросился въ ноги ему, духовенству и міррянамъ и просилъ о помилованіи. Надъ нимъ сжалились и вновь приняли въ общеніе. Лишь немного позднѣе (около 230 г.?) появляется другой учитель этой секты, нѣкій Артемонъ или Артема, который кажется прожилъ долго и имѣлъ въ ней извѣстное значеніе.

Такова внѣшняя исторія секты; въ ученіе же ея нужно вникнуть поближе. По краткому изложенію его, дошедшему до насъ [2]), видно, что ѳеодотіане допускали на-ряду съ Богомъ другую божественную силу, называвшуюся у нихъ Христомъ, или Святымъ Духомъ. То же самое мы встрѣчаемъ и у Ерма [3]). Своеобразная

[1]) О двухъ Ѳеодотахъ и ихъ сектѣ мы знаемъ изъ сочиненій св. Ипполита: 1) *Syntagma* (Pseudo-Tert., 53; Epiph., LIV, LV; Philastr, 50); ср. *Contra Noëtum*, 3; 2) *Philosophumena* VII, 35; X, 23; 3) *Малый Лабиринтъ*, (Euseb. *H. E.*, V, 28).

[1]) Ипполитъ разсказываетъ, будто Ѳеодотъ отрекся отъ Христа въ Византіи и его ученіе было выдвинуто имъ для оправданія себя. Онъ-де отрекся не отъ Бога, а отъ человѣка. Этотъ разсказъ маловѣроятенъ, ибо даже съ точки зрѣнія Ѳеодота онъ отрекся отъ Господа и Спасителя всѣхъ христіанъ, и его проступокъ во всякомъ случаѣ былъ бы чрезвычайно тяжелымъ.

[2]) Согласно *Philosophumena*.

[3]) Съ тою разницей, что у Ерма не встрѣчается терминъ: Христосъ, а только: Сынъ Божій.

черта, подчеркнутая св. Ипполитомъ въ ученіи Θеодота банкира,— культъ Мелхиседека, котораго онъ отождествлялъ съ Сыномъ Божіимъ, Святымъ Духомъ. Эта мысль, возникшая изъ неправильнаго толкованія посланія къ Евреямъ, встрѣчается и внѣ секты θеодотіанъ и долгое время спустя послѣ нея [1]). Когда ее связали съ ученіемъ объ адоптивномъ обоженіи Христа, она привела къ тому, что Христу отвели мѣсто ниже Мелхиседека. Дѣйствительно, Сынъ Божій (Мелхиседекъ) не можетъ не считаться выше добраго слуги (Христа), которымъ онъ руководилъ, и возвышенію котораго онъ способствовалъ. Поэтому и жертва приносилась ему. „Христосъ былъ избранъ ради насъ, чтобы призвать насъ съ нашихъ различныхъ путей къ сему (единственному) вѣдѣнію; онъ былъ избранъ и помазанъ Богомъ, ибо отвратилъ насъ отъ идоловъ, указавъ намъ истинный путь“ [2]). Это точь въ точь то же толкованіе, какое Ермъ даетъ въ своей притчѣ дѣлу Спасителя.

Отсюда нѣтъ ничего удивительнаго, что эта школа искала себѣ предшественниковъ въ предыдущихъ поколѣніяхъ богослововъ. Сектанты утверждали, что они вѣрны древнему преданію, сохранявшемуся въ Римѣ до папы Виктора и нарушенному только при Зефиринѣ. Это уже было прежде всего неточно, ибо θеодотіанъ осудилъ именно Викторъ; съ другой стороны многіе древніе писатели, какъ Іустинъ, Мильтіадъ, Таціанъ, Климентъ, Ириней, Мелитонъ, утверждали божественность Христа, признавая его одновременно Богомъ и человѣкомъ. Многіе псалмы и гимны, составленные съ изначальныхъ временъ Церкви вѣрующими, выражали то же вѣрованіе [3]). Это все—вѣрно, но отмѣченныя сейчасъ писанія или свидѣтельствовали о простой вѣрѣ въ божественность Христа, или изъясняли эту божественность при помощи понятія о Логосѣ, подъ вліяніемъ Евангелія отъ Іоанна. Это не исключаетъ возможности, что тамъ и сямъ незамѣтно и безъ претензіозной настойчивости распространялись и другія воззрѣнія. Не надо забывать, что сколь ни кажется намъ неудовлетворительнымъ богословское ученіе θеодотіанъ, оно имѣло послѣдователей до конца IV вѣка, и что еще бл. Августинъ [4]), наканунѣ своего

[1]) Самъ св. Епифаній удостовѣряетъ это (*Haer.* LV, 5, 7); въ его времена авторъ *Quaestiones Veteris et Novi Testamenti*, писавшій свои произведенія въ Римѣ, держался тѣхъ же взглядовъ (*P. L.*, T. XXXV, p. 2329).
[2]) Epiph, LV, 8.
[3]) „*Малый Лабиринтъ*“ у Евсевія, V, 28.
[4]) *Confes.* VII, 19.

обращенія, вполнѣ искренно думалъ, что оно является выраженіемъ христіанской ортодоксіи.

Особенная черта этой школы—ея связь съ позитивной философіей. Аристотель пользовался въ ней большимъ уваженіемъ, равно какъ и Теофрастъ съ Эвклидомъ и Галліеномъ. Тамъ занимались силлогистическими упражненіями, даже злоупотребляли ихъ примѣненіемъ къ Библіи. Библейская критика, низкаго полета и въ корнѣ враждебная всякому аллегоризму, часто приводила къ подправкамъ и искаженіямъ священнаго текста. Θеодотіане держались, повидимому, того же канона, какъ и церковь; они не исключали, подобно алогамъ, произведеній ап. Іоанна, какъ ни трудно было ихъ примирить съ θеодотіанскимъ ученіемъ. Но ихъ экземпляры св. Писанія вовсе не походили на принятый въ церкви текстъ; они даже между собою весьма разнились. Были тексты Асклепіада, Θеодота, Гермофила, Аполлонида, не отличавшіеся взаимной согласованностію.

„Малый лабиринтъ“, откуда мы черпаемъ эти свѣдѣнія,—единственное сочиненіе, гдѣ сохранились слѣды этой библейско-критической работы. Оно было направлено спеціально противъ Артемы [1]), и важные признаки заставляютъ думать, что оно было написано Ипполитомъ въ послѣдніе годы жизни. Не первый разъ великій римскій учитель нападалъ на θеодотіанъ; онъ имъ уже посвятилъ особыя замѣчанія сперва въ своей Синтагмѣ, а затѣмъ въ Философуменахъ.

Ипполитъ имѣлъ дѣло также и съ алогами. Мы видѣли выше, какъ эта партія образовалась въ Азіи во время перваго проявленія монтанистскихъ пророковъ, когда произведенія ап. Іоанна еще настолько недавно вошли въ употребленіе, что не было явнымъ безуміемъ оспаривать ихъ авторитетъ. Оппозиція алоговъ, кажется, была направлена преимущественно противъ употребленія или, вѣрнѣе, злоупотребленія понятіемъ о Параклетѣ у фригійскихъ энтузіастовъ,—противъ ихъ видѣній и пророчествъ. Незамѣтно, чтобы отрицательное отношеніе алоговъ отразилось въ области христологіи. Св. Ириней обошелъ ихъ молчаніемъ. Бороться съ ними счелъ своимъ долгомъ Ипполитъ въ книгѣ подъ загла-

[1]) Отрывки, направленные противъ Артемы, приводимые Евсевіемъ безъ имени автора и относимые Θеодоритомъ (*Haeret. fab.*, 11, 5) къ книгѣ, озаглавленной „Малый лабиринтъ“, повидимому дѣйствительно принадлежатъ перу Ипполита. Фотій (cod., 48) приписываетъ ему (смѣшивая его съ Каемъ) книгу „Противъ ереси Артемы“. Впрочемъ заглавіе „Малый лабиринтъ“ предполагаетъ существованіе Большого Лабиринта, а послѣднее выраженіе прилагалось къ *Philosophumena*, какъ это видно изъ самаго текста книги (X, 5).

віемъ: „Въ защиту Евангелія отъ Іоанна и Апокалипсиса“, значительная часть которой, вѣроятно, вошла въ главу, посвященную св. Епифаніемъ алогамъ [1]). Эти яростные противники монтанистовъ, быть можетъ, послѣдовали за ними въ Римъ, гдѣ въ это время о послѣдователяхъ Параклета было много толковъ. У послѣднихъ было много вождей, которые не во всемъ были между собой согласны; между ними нѣкій Эсхинъ и Прокулъ или Проклъ [2]), пользовавшійся большимъ уваженіемъ Тертулліана [3]). Проклъ сталъ писать въ защиту новыхъ пророчествъ. Ему возражалъ римскій христіанинъ [4]), по имени Кай, который въ опроверженіе противниковъ сослался на могильные памятники Ватикана и Остіевой дороги, посвященные памяти апостоловъ Петра и Павла. Книга Кая была изложена въ формѣ діалога и заключала очень горячую критику Апокалипсиса, составленіе котораго авторъ приписывалъ Керинѳу, точь въ точь какъ думали и алоги [5]). Ипполитъ не счелъ себя вправѣ пройти молчаніемъ такое утвержденіе и написалъ противъ Кая *Capita* (*Главы*), нѣкоторые отрывки изъ которыхъ были недавно найдены [6]).

Но уже въ первые годы епископства Зефирина его энергія обратилась на иного рода полемику. Изгнанные изъ Церкви ѳеодотіане продолжали производить волненіе за ея предѣлами; въ нѣдрахъ самой христіанской общины образованные и даже необразованные люди страстно дебатировали этотъ вопросъ.

Нужно было выяснить, какъ слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ понимать божество, воплотившееся въ Іисусѣ Христѣ. Исходя изъ словъ ап. Іоанна: „Слово плоть бысть“, многіе писатели, особенно апологеты, развивали филоновскую теорію Логоса. Кромѣ того, что они хотѣли такимъ путемъ примирить свою собственную вѣру со своимъ философскимъ воспитаніемъ, они чрезъ это пріобрѣтали

1) *Haer*, LV.
2) Pseudo-Tert. 52, 53; ср. *Philosophumena*, VIII, 19.
3) *Adv. Valent.* 5.—О Проклѣ см. у Евсевія II, 25; III, 31; VI, 20.
4) Фотій называетъ его (cod. 48) священникомъ; но это можетъ объясняться тѣмъ, что онъ смѣшалъ Кая съ Ипполитомъ.
5) Незамѣтно, чтобы Кай распространилъ свои критическіе труды и на четвертое Евангеліе. Евсевій (VI, 20), очень внимательно отмѣтившій его библейскія труды, не пропустилъ бы этого безъ вниманія.
6) О Каѣ см. у Евсевія (III, 28; VI, 20). Несторіанскій епископъ Эбедъ Іисусъ (XIV вѣка) даетъ перечень сочиненій Ипполита, въ которыхъ „Главы противъ Кая“ отмѣчены, какъ сочиненіе отдѣльное отъ трактата „Въ защиту Евангелія отъ Іоанна и Апокалипсиса“ (Assemani. *Bibl. Or.*, t. III; p. 15). Gwynn отмѣтилъ недавно отрывки этихъ „Главъ“ въ неизданномъ комментаріи Діонисія Баръ-Салиби на Апокалипсисъ (см. *Text. u. Unt.*, VI, 122 и сл.).

точку опоры у образованныхъ слушателей или читателей, передъ которыми имъ приходилось защищать христіанство. Самъ Цельзъ одобряетъ ученіе о Логосѣ. Но что такое въ дѣйствительности былъ Логосъ? Въ сущности, въ какія бы формы ни отливалась мысль апологетовъ, Логосъ былъ для нихъ Богомъ, который проявилъ Себя и дѣйствовалъ внѣ Своего премірнаго бытія, сдѣлалъ Себя доступнымъ для познанія. Богъ невыразимъ, непредставляемъ, непознаваемъ; между Нимъ и міромъ нуженъ посредникъ. Этотъ посредникъ не можетъ быть инымъ, какъ божественнымъ Лицемъ: Слово исходитъ отъ Бога. Къ Нему должно быть отнесено все внѣшнее дѣйствованіе Божества, и прежде всего твореніе міра, затѣмъ явленія Божества въ Ветхомъ Завѣтѣ (теофаніи), наконецъ воплощеніе.

Итакъ, каково же отношеніе между Логосомъ, доступнымъ человѣку Богомъ, и Отцомъ, недоступнымъ Богомъ? Въ этомъ заключалась вся трудность вопроса. Слово исходитъ отъ Бога, изъ сущности Отца: ἐκ τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας, какъ выразился впослѣдствіи въ томъ же смыслѣ никейскій символъ вѣры. Но Слово уже становится инымъ по отношенію къ Отцу, это—другой Богъ, говоритъ безъ обиняковъ св. Іустинъ. Однако ни это рѣзкое выраженіе, ни всѣ другія, употребленныя древними авторами по бѣдности богословскаго языка, не должно понимать въ такомъ смыслѣ, который бы выходилъ за предѣлы того, что мы подразумѣваемъ подъ различіемъ Лицъ. Слабымъ пунктомъ въ этой теоріи является скорѣе то, что различіе между Лицами не понималось какъ вѣчное, необходимо вытекающее изъ внутренней природы Божества. Христіанскимъ послѣдователямъ Платона Слово нужно было лишь для раскрытія вопросовъ, касающихся внѣшняго міропорядка. Логически предшествуя творенію, Слово предшествуетъ ему и въ хронологическомъ отношеніи: и только. Греческій терминъ, Логосъ, со своимъ двойнымъ значеніемъ: Разумъ и Слово, благопріятствовалъ такому порядку идей. Какъ божественный Разумъ, Логосъ всегда существовалъ въ Богѣ; какъ Слово, Онъ исшелъ отъ Бога опредѣленнымъ образомъ и въ извѣстное время. Эта мысль иногда яснѣе выражалась терминами: имманентный Логосъ и изреченный Логосъ (Λόγος ἐνδιάθετος и Λόγος προφορικός).

Какъ и всѣ попытки примирить религію съ философіей, это ученіе имѣло свои слабыя стороны. Оно было навѣяно главнымъ образомъ и прежде всего извѣстной космологической теоріей, чуждой христіанскому преданію, разработанной скорѣе или чистыми платониками, или мыслителями школы Филона, а также

и въ особенности гностиками всѣхъ видовъ. Единство божественнаго начала, Монархія, какъ тогда выражались, была сохранена лишь благодаря системѣ распредѣленія (οἰκονομία) божественныхъ Лицъ, построенной по типу плеромы, чтобы заполнить пропасть между Безконечнымъ и конечнымъ. Здѣсь лицо единаго Логоса заступало роль цѣлой серіи эоновъ, архонтовъ и деміурговъ. Разъ дошли до конечнаго міра, до творенія, трудности кончались. Логосъ—творецъ проявлялъ Себя въ Своихъ твореніяхъ, особенно въ человѣкѣ, сообщалъ ему нужную мудрость, открывалъ Себя въ здравой философіи грековъ и іудейскихъ пророкахъ, наконецъ, преподалъ черезъ Іисуса Свое высшее ученіе. Дальше этого теорія не шла. То, что составляетъ сущность и своеобразное содержаніе христіанства, спасеніе черезъ Іисуса Христа, почерпалось единственно изъ церковнаго преданія.

Эти слабыя стороны и пробѣлы богословскаго ученія о Логосѣ объясняютъ, почему оно было принято съ столь малымъ увлеченіемъ не только христіанской массой, но даже такими лицами, какъ св.Ириней, у которыхъ преданіе имѣло исключительное значеніе. Богъ Творецъ и Іисусъ Сынъ Божій, Спаситель,—вотъ два полюса, между которыми вращается мысль великаго ліонскаго епископа. Нельзя сказать, чтобы онъ не былъ знакомъ съ воззрѣніями, которыя распространялись кругомъ него, но они не имѣли руководящаго вліянія на ходъ его мысли. Ириней не былъ главой школы, но главой церкви. Естественно, что другіе пастыри раздѣляли его образъ мыслей, и это возвращаетъ насъ къ Риму, въ моментъ, когда сторонники ученія о Логосѣ столкнулись съ противодѣйствіемъ церковнаго авторитета.

Это столкновеніе однако вскрылось не прямо: богословское ученіе о Логосѣ сперва встрѣтило оппозицію со стороны другой богословской школы. Издавна въ Азіи были люди, которые не хотѣли допустить никакого посредника между міромъ и Богомъ, въ особенности въ дѣлѣ искупленія, и заявляли, что признаютъ лишь одного Бога,—того, который воплотился въ Іисусѣ Христѣ. Наименованія Отца и Сына, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствовали только различнымъ видамъ, временнымъ проявленіямъ Божества [1]), а вовсе не относились къ различнымъ божественнымъ лицамъ. Это—то направленіе, которое получило названіе модалионизма.

[1]) Ср. подобныя же мысли, противъ которыхъ ратуетъ св. Іустинъ въ своемъ разговорѣ съ Трифономъ, гл. 128.

лизма. Теоретики Логоса, которые столь явно держались Платона, упрекали своихъ противниковъ въ приверженности къ Гераклиту и Зенону. Въ дѣйствительности же модалисты преимущественно старались отстоять божественность Спасителя и этимъ сперва завоевали сочувствіе. Къ несчастью они плохо взялись за дѣло и имъ пришлось остаться безъ поддержки.

Это ученіе проникло въ Римъ еще при папѣ Елевѳеріи. Именно въ его время явился сюда изъ Азіи исповѣдникъ Праксей. Римская церковь, всецѣло занятая вопросомъ о Монтанѣ и его пророчествѣ, еще колебалась, предать ли монтанизмъ осужденію, и скорѣе была склонна къ противному, когда Праксей принесъ такія свѣдѣнія, что настроеніе сразу измѣнилось, и церковь высказалась противъ фригійцевъ. Праксей былъ модалистъ. Распространеніемъ своихъ идей онъ далъ Тертулліану поводъ сказать, что совершилъ въ Римѣ два діавольскихъ дѣла,—изгналъ Параклета и распялъ Бога Отца. Этой послѣдней остротой весьма скоро воспользовались, чтобы осмѣять новое ученіе. Она въ самомъ дѣлѣ выражала довольно вѣрно одинъ изъ выводовъ ученія, наиболѣе противорѣчащій св. Писанію. Модалистовъ прозвали патрипассіанами. Ученіе Праксея распространилось также и въ Карѳагенѣ, пользуясь, по словамъ Тертулліана, людскимъ невѣжествомъ. Но оно встрѣтило и противника въ лицѣ самого Тертулліана. Онъ сдѣлалъ о немъ представленіе церковнымъ властямъ, и Праксей вынужденъ былъ не только дать обѣщаніе исправиться, но и подписать письменное въ томъ обязательство [1]). Водворилась тишина.

Около того же времени въ Смирнѣ Ноэтъ, имя котораго тоже дало поводъ къ остротамъ [2]), былъ привлеченъ за подобное же ученіе къ суду смирнскихъ „пресвитеровъ", которые обратились къ нему съ порицаніемъ. Онъ осложнилъ свое положеніе тѣмъ, что называлъ себя Моисеемъ, а своего брата Аарономъ,—странность, подъ которой, повидимому, скрывались чрезмѣрныя притязанія. Въ первый разъ ему удалось оправдаться. Но такъ какъ онъ продолжалъ развивать свои догматическія ученія и собиралъ около себя кружокъ послѣдователей, то его вновь призвали къ пресвитерскому суду. На этотъ разъ онъ говорилъ болѣе откровенно и объявилъ—характерное признаніе,—что онъ во всякомъ случаѣ не дѣлаетъ ничего вреднаго, проповѣдуя ученіе, которое служитъ

[1]) Tertul. *Adv. Prax.*, I.
[2]) Νοητός означаетъ постигаемый, а ἀνόητος—безразсудный.

къ большему прославленію Іисуса Христа: „Я знаю только одного Бога; никто иной, а только Онъ, родился, страдалъ и умеръ“. Ноэтъ былъ отлученъ отъ церкви [1]).

Такимъ образомъ модалистическія идеи уже дважды подверглись осужденію, въ Карѳагенѣ и въ Смирнѣ, когда онѣ вторично попытали счастья въ Римѣ. Ученикъ Ноэта Эпигонъ поселился въ столицѣ и открылъ школу, во главѣ которой онъ вскорѣ былъ замѣненъ нѣкіимъ Клеоменомъ, а этого смѣнилъ немного позднѣе Савеллій. Въ Римѣ была уже школа ѳеодотіанъ, которая даже преобразовала себя въ церковь. Новые учители оказались въ полномъ противорѣчіи съ ѳеодотіанами. Можно думать, что послѣ неудачъ, испытанныхъ въ Африкѣ и въ Азіи, они смягчили то, что въ ихъ рѣчахъ всего болѣе производило невыгодное впечатлѣніе на христіанъ; поэтому ихъ сперва хорошо приняли, какъ простые вѣрующіе, не подозрѣвавшіе ничего дурного, такъ и епископъ Зефиринъ, мало свѣдущій въ тонкостяхъ богословія, заботившійся, какъ и должно, прежде всего о церковномъ мирѣ. Онъ оставилъ въ покоѣ и учителей, и ихъ школу. Послѣдніе напирали главнымъ образомъ на терминъ *монархія*, который почти соотвѣтствовалъ термину „единосущіе“, впослѣдствіи вошедшему въ употребленіе, и служилъ для выраженія единобожія во всей его строгости. Только и разговору было, что о монархіи. Какъ мы видѣли, гностики тоже ввели этотъ принципъ въ свою плерому; подъ вліяніемъ Апеллеса маркіонизмъ также измѣнился въ эту сторону. Православный людъ охотно присоединялся къ этому движенію; онъ всегда готовъ былъ защищать божественную монархію. Даже монтанисты стали подъ это знамя; извѣстная часть ихъ, во главѣ съ Эсхиномъ, приняла модалистское ученіе. Другіе же, съ Прокломъ во главѣ, держались иныхъ взглядовъ.

Общимъ врагомъ было ученіе о Логосѣ [2]), которое въ Римѣ отстаивалъ Ипполитъ, въ Африкѣ Тертулліанъ. Православные упрекали его главнымъ образомъ въ томъ, что оно вводитъ двухъ боговъ. Нужно было въ самомъ дѣлѣ обладать нѣкоторой философской подготовкой и даже сознательно удерживаться отъ того, чтобы не видѣть въ Логосѣ, какимъ Ипполитъ и Тертулліанъ представляли Его себѣ, второго Бога, отличнаго отъ истиннаго Бога и

---

1) Hippol. *Contra Noëtum*, 1. (Ср. Epiph. *Haer.*, LVII); *Philosoph.* IX. 7.

2) Можно удивляться, что люди, признававшіе четвертое евангеліе, высказали такое отвращеніе къ системѣ, которая столь близка къ нему. Они отвѣчали на это: „Вы странно называете Сына Словомъ. Іоаннъ, правда, дѣлаетъ то же, но онъ привыкъ употреблять аллегоріи“. (Hippol. *C. Noët.*, 15).

подчиненнаго Ему. Но какъ избѣжать этой Харибды, не попадая въ Сциллу патрипассіанства? Добродушный Зефиринъ въ концѣ концовъ сбился и не зналъ, чего держаться. Онъ любилъ говорить, совсѣмъ какъ Ноэтъ и его приверженцы: „Я знаю только одного Бога, Іисуса Христа, и кромѣ Него нѣтъ другого, который бы пострадалъ и умеръ“. Но онъ же прибавлялъ: „Умеръ не Отецъ, а Сынъ“. Это значило просто повторять тѣ самыя понятія, которыя нужно было примирить,—традиціонныя положенія о единствѣ Божіемъ, о воплощеніи и о различіи между Отцомъ и Сыномъ. Зефиринъ не погрѣшалъ въ отношеніи къ преданію, но онъ ничуть не разрѣшалъ спорныхъ вопросовъ.

Ипполитъ, который предлагалъ извѣстное рѣшеніе, но никакъ не могъ расположить къ нему своего епископа, все болѣе и болѣе приходилъ въ раздраженіе. За спиной Зефирина онъ видѣлъ его совѣтника Каллиста и обрушивался на него. Поэтому, когда Зефиринъ умеръ, а Каллистъ былъ избранъ на его мѣсто, онъ уже не колебался, сталъ открыто протестовать и отдѣлился отъ церкви съ нѣкоторымъ числомъ послѣдователей. Этотъ важный шагъ произвелъ много шума. Каллистъ не хотѣлъ допустить, чтобы про него говорили, будто расколъ произошелъ отъ того, что онъ покровительствуетъ лжеученіямъ: онъ осудилъ Савеллія за ересь [1]). Но съ другой стороны онъ не допускалъ, чтобы Ипполитъ навязывалъ ему свои взгляды. Ученый богословъ остался въ печальномъ положеніи главы отколовшейся церкви и сохранилъ его и въ теченіе епископства преемниковъ Каллиста, Урбана и Понтія.

Его нетерпимость вылилась въ книгѣ, которую мы неправильно называемъ *Philosophumena*. Это—опроверженіе всѣхъ богословскихъ ученій, несогласныхъ съ православіемъ, понимаемомъ, разумѣется, въ духѣ автора. Все содержаніе раздѣлено на девять книгъ, съ приложеніемъ десятой, заключающей повтореніе всего сказаннаго. Первыя четыре посвящены философскимъ и миѳологическимъ системамъ грековъ и варваровъ. Затѣмъ идутъ разныя гностическія секты и иныя христіанскія ереси до Ноэта и Каллиста, послѣ которыхъ остаются лишь элькезаиты [2]) и іудеи. Ипполитъ уже не впервые вступалъ въ борьбу съ ересями. По крайней мѣрѣ за двадцать лѣтъ до того онъ составилъ списокъ ихъ, начиная съ До-

---

1) Τὸν Σαβέλλιον ἀπέωσεν ὡς μὴ φρονοῦντα ὀρθῶς (отлучилъ Савеллія, какъ не правомудрствующаго).

2) См. выше. стр. 85—86.

сиѳея [1]) и кончая ересью Ноэта, тридцать второю по счету. До насъ не дошелъ этотъ трудъ, носившій названіе *Syntagma*, но онъ вошелъ почти цѣликомъ въ компиляцію св. Епифанія [2]). Ипполитъ излагалъ въ немъ различныя еретическія ученія, а затѣмъ опровергалъ ихъ по методу св. Иринея, оспаривая ихъ доводы и библейскія толкованія. Совершенно другого пріема онъ придерживается въ *Philosophumena*: онъ заключается въ приравненіи каждой еретической богословской системы къ какой-нибудь философской или языческой теоріи, предварительно опровергнутой или осмѣянной, ибо авторъ владѣетъ злымъ языкомъ. Ипполитъ никогда не отличался кротостью, но между временемъ написанія *Синтагмы* и *Лабиринта* характеръ его сталъ еще болѣе желчнымъ. Въ особенности о Каллистѣ онъ не можетъ говорить безъ раздраженія. Поэтому-то нельзя полагаться на то, что онъ о немъ говоритъ. Недостаточно отбросить внушенныя ненавистью его толкованія идей и поступковъ Каллиста; даже самые факты нельзя допустить безъ оговорокъ такъ, какъ онъ ихъ передаетъ [3]).

Такъ напримѣръ трудно приписать Каллисту то вѣроизложеніе, которое Ипполитъ выдаетъ, какъ его исповѣданіе. „Есть лишь одинъ божественный духъ, называемый различными именами, — Слово, Отецъ, Сынъ. Послѣднее имя имѣетъ отношеніе къ воплощенію. Собственно говоря, Сынъ это —видимое существо, человѣкъ. Будучи обожествленъ черезъ воплощеніе, онъ отождествляется съ Отцомъ; такимъ образомъ Отецъ и Сынъ—единый Богъ, одно лицо, а не два. Отецъ сострадалъ Сыну, ибо не слѣдуетъ говорить, что Отецъ подвергся страданіямъ“.

Тертулліанъ также былъ знакомъ съ этимъ ученіемъ о „состраданіи“ [4]), но онъ не приписываетъ его Каллисту, и его книга

---

[1]) См. выше. стр. 106.

[2]) Его находятъ также въ сочиненіи Филастра противъ ересей и въ приложеніи къ книгѣ *Praescriptiones* Тертулліана (45—53). Заключеніе дошло до насъ въ самостоятельномъ видѣ въ формѣ проповѣди противъ Ноэта.

[3]) Другого рода оговорки вызываетъ изученіе документовъ, встрѣчающихся исключительно въ *Philosophumena*, относительно нѣкоторыхъ сектъ,—документовъ, въ которыхъ замѣтно общее ихъ происхожденіе и можетъ быть рука фальсификатора. Такъ, кажется, пока слѣдуетъ оставить подъ сомнѣніемъ то, что говорится про наассеновъ, ператовъ, сиѳитовъ, Іустина Гностика и то, что прибавлено къ предшествовавшимъ преданіямъ о Симонѣ, Василидѣ, докетахъ. См. Salmon въ *Hermathena*, 1885, 389; Stähelin въ *Text.*, *und Unt.*, t. VI[3].

[4]) *Adv. Praxeam*, 27: „Obducti distinctione Patris et Filii quam manente conjunctione disponimus... aliter ad suam nihilominus sententiam interpretari conantur ut aeque in una persona utrumque distinguant Patrem et Filium, dicentes Filium carnem esse, id est hominem, id est Iesum; Patrem autem spiri-

противъ Праксея по времени составленія, быть можетъ, предшествуетъ епископству послѣдняго. Повидимому, здѣсь мы имѣемъ нѣчто вродѣ эволюціи ученія модалистовъ: нѣсколько грубое патрипассіанство первыхъ временъ видѣло угрозу своему существованію въ отношеніи къ себѣ Зефирина и Каллиста,—и потому вѣроятно сторонники модализма сочли умѣстнымъ смягчить его.

Но смягченіе было произведено въ немъ очень поверхностное, и непонятно, какъ могъ бы Каллистъ принять его подъ свое покровительство послѣ того, какъ осудилъ Савеллія. Полемисты всегда имѣютъ наклонность передѣлывать тѣ взгляды, противъ которыхъ они борются, и набрасывать тѣнь на своихъ противниковъ, дѣлая невыгодныя для нихъ сближенія съ предосудительными ученіями. Возможно, впрочемъ, что недовѣріе, какое внушало ученіе о Логосѣ, боязнь двоебожія [1]), преобладавшая забота о сохраненіи единства Божества, вмѣстѣ съ несовершенствомъ богословской терминологіи, иногда приводили борцовъ за православіе къ невѣрнымъ понятіямъ и въ особенности къ неудачнымъ выраженіямъ.

Несмотря на страстныя утвержденія Ипполита, несомнѣнны два факта, основанные на его же свидѣтельствѣ: первый,—что Каллистъ осудилъ Савеллія, второй,—что онъ не осудилъ Ипполита. Послѣдній отдѣлился самъ. Какое бы недовѣріе ни возбуждало его ученіе, оно избѣжало оффиціальнаго осужденія. Въ послѣдующемъ поколѣніи оно открыто проповѣдывалось римскимъ пресвитеромъ Новаціаномъ и имѣло послѣдователей еще въ серединѣ

---

tum, id est Deum, id est Christum. Et qui unum eundemque contendunt Patrem et Filium jam incipiunt dividere illos potius quam unare.

.... 29: „Nec compassus est Pater Filio; sic enim directam blasphemiam in Patrem veriti, diminui eam hoc modo sperant, concedentes jam Patrem et Filium duos esse, si Filius quidem patitur, Pater vero compatitur. Stulti et in hoc. Quid est enim compati, quam cum alio pati“? (Будучи вынуждаемы признать отличіе Отца отъ Сына, которое мы утверждаемъ съ сохраненіемъ связи между Ними,... они (модалисты) тѣмъ не менѣе пытаются иначе истолковать это отличіе, приспособительно къ своему ученію,—именно такъ, что въ одномъ и томъ же лицѣ различаютъ и Отца и Сына, утверждая, что Сынъ—это плоть, т.-е. человѣкъ, или Іисусъ, а Отецъ—это духъ, т.-е. Богъ или Христосъ. Отсюда, тѣ самые люди, которые настаиваютъ, что Отецъ и Сынъ—тождественны, начинаютъ Ихъ раздѣлять больше, чѣмъ соединять...29: Не сострадалъ Отецъ Сыну; ибо (модалисты), устрашившись явнаго богохульства по отношенію къ Отцу, надѣются ослабить его такимъ путемъ: допуская, что Отецъ и Сынъ—два лица, утверждаютъ, что страдалъ конечно Сынъ, а Отецъ (только) сострадалъ. Но они оказываются глупцами и въ этомъ пунктѣ. Ибо, что̀ значитъ сострадать, какъ не страдать вмѣстѣ съ другимъ?).

[1]) Ипполитъ (*Philosophum.* IX, II) жалуется, что Каллистъ приписалъ ему вѣрованіе въ двухъ боговъ: ἀπεκάλει ἡμᾶς διθέους (называетъ насъ двубожниками).

IV столѣтія. Однако ни Новаціанъ, ни позднѣйшіе представители этой теоріи не принадлежали къ истинному традиціонному направленію, которое должно было привести къ никейской ортодоксіи. Послѣдняя выросла не изъ богословской теоріи Логоса, разработанной апологетами и послѣ нихъ Ипполитомъ и Тертулліаномъ, а изъ простого благочестиваго преданія первыхъ вѣковъ, нашедшаго скорѣе защиту, чѣмъ объясненіе, у св. Иринея, изложеннаго папами Зефириномъ и Каллистомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно обращалось, и получившаго позднѣе, въ лицѣ ихъ преемника Діонисія, достойнаго истолкователя.

Каллистъ подвергся рѣзкимъ нападкамъ со стороны Ипполита не за одну только свою доктрину. Антипапа напалъ съ неменьшею желчностью на его управленіе церковью. Если вѣрить ему, Каллистъ объявлялъ прощеніе всѣмъ грѣшникамъ, охотно принималъ тѣхъ, кого изгоняли отъ себя сектанты, не позволялъ смѣщать нарушившихъ свой долгъ епископовъ, допускалъ двоеженцевъ въ составъ духовенства и разрѣшалъ клирикамъ жениться; онъ терпѣлъ также тайные браки между знатными женщинами и выходцами изъ низшихъ слоевъ. Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ не всегда легко отличить ложныя утвержденія отъ недоброжелательныхъ толкованій дѣйствительныхъ фактовъ [1]). По первому пункту свидѣтельство Ипполита отчасти подтверждается Тертулліаномъ, выпустившимъ свою книгу De Pudicitia, въ видѣ протеста противъ торжественнаго объявленія папою, очевидно Каллистомъ, прощенія, простиравшагося не на всѣхъ грѣшниковъ, какъ увѣряетъ Ипполитъ, но только на извѣстный разрядъ ихъ. Съ нѣкотораго времени въ церкви было принято, что отлученіе отступниковъ, убійцъ и прелюбодѣевъ должно быть безсрочнымъ. Каллистъ ослабилъ эту строгость по отношенію къ прелюбодѣямъ и подобнымъ грѣшникамъ. „Я слышу,—говоритъ Тертулліанъ,—о появленіи новаго и притомъ очень рѣшительнаго эдикта. Первосвященникъ, т.-е. епископъ надъ епископами, высказался. Я—говоритъ онъ—отпускаю грѣхи прелюбодѣянія и блуда каждому, кто въ нихъ принесетъ покаяніе“. За этимъ слѣдуетъ очень язвительная колкость. Ригористы всѣхъ толковъ, монтанисты наравнѣ съ послѣдователями Ипполита, были очень возмущены. Но нельзя сказать, что они были правы. Во всякомъ случаѣ, ставя обязанностію для кающихся грѣшниковъ искусъ покаянія, Каллистъ не создавалъ для

1) Объ этомъ см. De Rossi, *Bull.*, 1866, 23—33; 65—67.

нихъ очень легкихъ условій. Объ этомъ можно судить по собственнымъ словамъ Тертулліана. Вотъ картина, или скорѣй карикатура, которую онъ даетъ, на возсоединеніе грѣшниковъ съ церковію. „Ты вводишь—говоритъ онъ, обращаясь къ папѣ,—ты вводишь въ церковь кающагося прелюбодѣя, который приноситъ свои мольбы собранію братьевъ. Вотъ онъ, во власяницѣ, покрытый пепломъ—въ плачевномъ видѣ и способный вызвать ужасъ. Онъ падаетъ ницъ посреди собранія передъ вдовами и священниками, онъ хватается за края ихъ одежды, лобызаетъ слѣды ихъ ногъ, обнимаетъ ихъ колѣна. Въ это время ты говоришь рѣчи народу, ты будишь общую жалость къ печальной судьбѣ кающагося. Добрый пастырь, добродушный папа, ты разсказываешь притчу о пропавшей овцѣ, чтобы тебѣ привели твою заблудшую козу; ты обѣщаешь, что впредь она больше не сбѣжитъ“...

Къ счастью для своей славы Ипполитъ писалъ не одни памфлеты. Его работы по толкованію св. Писанія значительны; онѣ обнимаютъ всю его совокупность, начиная съ книги Бытія и кончая Апокалипсисомъ. Рѣдко подвергаетъ онъ изъясненію цѣлыя книги, какъ онъ сдѣлалъ это съ книгой пророка Даніила. Кромѣ этихъ экзегетическихъ трудовъ, онъ писалъ также объ Антихристѣ, о происхожденіи зла, о сущности вселенной, о воскресеніи; послѣдняя книга была посвящена императрицѣ Маммеѣ. Мы видѣли, съ какой горячностью нападалъ онъ на еретиковъ вообще и на современныхъ ему въ особенности; особую книгу посвятилъ онъ борьбѣ съ маркіонитами. Повидимому онъ занимался и каноническими вопросами: его имя встрѣчается въ различныхъ позднѣйшихъ сборникахъ, которые въ той или иной степени дѣйствительно происходятъ отъ него. Вопросъ о праздновани Пасхи также привлекъ его вниманіе. Онъ разсмотрѣлъ общіе принципы его въ своей книгѣ о Пасхѣ. Впослѣдствіи онъ задумалъ освободить христіанъ отъ еврейской зависимости въ вычисленіи времени Пасхи, составивъ лично пасхальныя таблицы, основанныя на 8-лѣтнемъ кругѣ. Этотъ кругъ былъ несовершененъ; новый разсчетъ скоро разошелся съ астрономическими явленіями и его пришлось оставить. Но въ то время открытіе произвело сильное впечатлѣніе. Послѣдователи Ипполита воздвигли ему статую; она сохранилась до насъ [1]): учитель изображенъ сидящимъ на каѳедрѣ, на бокахъ

1) Она была найдена въ XVI вѣкѣ близъ его могилы и теперь находится въ Лютеранскомъ музеѣ. Голова ея современнаго происхожденія.

которой помѣщены знаменитыя таблицы. Немного позади былъ начертанъ списокъ его произведеній. Судя по исходной точкѣ пасхальнаго круга, памятникъ этотъ относится къ 222 году,— тому самому, въ какой умеръ Каллистъ [1]).

Послѣднимъ трудомъ Ипполита была, кажется, книга *Хроникъ*, отъ которой до насъ дошли отрывки или передѣлки на разныхъ языкахъ, такъ какъ эта книга пользовалась большимъ распространеніемъ. Ипполитъ довелъ ее до послѣдняго года царствованія Александра Севера (235); между прочимъ въ ней заключались интересныя географическія описанія [2]).

Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были написаны раньше раскола, но многія, именно пасхальныя таблицы и хронологическія сочиненія, относятся ко времени, когда Ипполитъ претендовалъ на званіе главы римской церкви и сталъ въ оппозицію законнымъ папамъ, Каллисту, Урбану, Понтію. Начавшееся гоненіе способствовало прекращенію этого раздора. Послѣ спокойной эпохи царствованія Александра Севера воцареніе Максимина Ѳракійца опять вернуло черные дни. Новыя мѣры преслѣдованія обрушились главнымъ образомъ на духовенство. Въ Римѣ были арестованы вожди

---

[1]) Во времена Константина Великаго Каллиста причисляли къ папамъ-мученикамъ. Годовщина его памяти отнесена на 14 октября въ филокаліевой таблицѣ Depositiones martyrum, 336 года, какъ и годовщины Понтія, Фабіана, Корнилія и Сикста II. Двое изъ нихъ были казнены (Фабіанъ и Сикстъ II), двое другихъ умерли въ изгнаніи. О Каллистѣ мы не знаемъ ничего подобнаго; смерть его приходится въ эпоху царствованія Александра Севера, когда врядъ ли были мученики. Вслѣдствіе этого пытались установить связь между его ссылкой въ Сардинію, какъ о ней разсказываетъ Ипполитъ, съ тѣмъ поклоненіемъ, которое воздавалось ему послѣ смерти. Но это невозможно. Каллистъ умеръ черезъ 33 года послѣ того, какъ пострадалъ за вѣру, и тридцать лѣтъ спустя по возвращеніи изъ ссылки. Между тѣмъ мы видимъ, что Луцій, который былъ сосланъ, вернулся и вскорѣ затѣмъ умеръ, не былъ причисленъ къ мученикамъ. Такимъ образомъ ссылка, изъ которой пострадавшій вернулся домой, не давала ему права на мученическій вѣнецъ. Изъ этихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ можно вывести предположеніе, что Каллистъ погибъ во время какого-нибудь столкновенія христіанъ съ язычниками независимо отъ законнаго преслѣдованія. Память о немъ въ Римѣ уже въ половинѣ IV вѣка была связана съ двумя мѣстами—Транстевериномъ, гдѣ папа Юлій воздвигъ базилику Св. Маріи *juxta Callistum*, и съ Авреліанской дорогой, гдѣ находилась его гробница. Странно, что его похоронили тамъ, такъ далеко отъ кладбища, которымъ онъ самъ завѣдывалъ, которое всегда носило его имя и на которомъ были похоронены всѣ его преемники III вѣка. Народная смута, причинившая его смерть, могла бы также объяснить, почему онъ погребенъ на Авреліановой дорогѣ, если вѣрить легендѣ, которая обозначаетъ мѣстомъ дѣйствія смуты Транстеверинъ. Авреліанская дорога—ближайшая къ тому мѣсту, гдѣ совершено было убійство.

[2]) Долго думали, что въ ней помѣщенъ и списокъ папъ. Открытіе греческаго текста заставляетъ покинуть эту мысль. (A. Bauer. *Texte und Unters.* t. XXIX [1905], p. 156).

обѣихъ партій: законный епископъ Понтій и антипапа Ипполитъ. Оба были приговорены къ ссылкѣ въ сардинскіе рудники. Сблизившись среди бѣдствій каторги, оба исповѣдника въ концѣ концовъ примирились. Ипполитъ въ послѣднія минуты жизни убѣждалъ своихъ послѣдователей возсоединиться съ остальными вѣрующими. Его секта не пережила его. Когда церковь вновь обрѣла миръ, его тѣло было перевезено въ Римъ вмѣстѣ съ тѣломъ Понтія, тоже умершаго на гибельномъ для здоровья островѣ. Они были преданы землѣ въ одинъ и тотъ же день 13 августа, одинъ на кладбищѣ Каллиста, рядомъ съ прочими папами, а другой въ склепѣ на Тибуртинской дорогѣ. Его друзьямъ позволили водрузить тамъ его статую [1]). Поклоненіе, какое воздавали мученику за вѣру, заставило въ концѣ концовъ забыть о томъ, что онъ былъ виновникомъ раскола. Дамасъ, жившій столѣтіемъ позже Ипполита, знаетъ его, какъ мученика; до него дошли также свѣдѣнія о примиреніи Ипполита съ церковію послѣ уклоненія въ схизму, но такъ какъ Дамасъ имѣлъ объ этомъ расколѣ весьма слабое понятіе, онъ отождествилъ его съ новаціанскимъ [2]).

Сочиненія Ипполита, которыя могли бы спасти его отъ забвенія, въ Римѣ вскорѣ исчезли изъ обращенія. Въ слѣдующемъ поколѣніи римское духовенство уже стало говорить и писать по латыни. На Востокѣ званіе римскаго епископа, которое присвоилъ себѣ Ипполитъ въ заголовкахъ своихъ трудовъ, вскорѣ стало вызывать недоумѣніе у свѣдующихъ людей, не находившихъ его имени въ спискахъ епископовъ. Евсевій не знаетъ, гдѣ онъ былъ епископомъ, и, что всего удивительнѣе, св. Іеронимъ и Руфинъ столь же мало освѣдомлены [3]). Папа Геласій (около 495 г.) по странному недоразумѣнію удѣляетъ ему каѳедру въ Бострѣ [4]). Другіе [5]), менѣе свѣдующіе въ исторіи папъ, оставляли за нимъ званіе римскаго епископа, не останавливаясь передъ затрудненіемъ,

---

[1]) Быть можетъ, Ипполитъ жилъ въ этомъ мѣстѣ.

[2]) Пруденцій—*Peristeph.*, XI—почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ надписи Дамаса: *Hippolytus fertur* (Ihm, № 37), но онъ смѣшиваетъ мученика Тибуртинской дороги съ другимъ мученикомъ Ипполитомъ, прозваннымъ Нонномъ, память котораго праздновалась въ Порто 22 августа, и прикрашиваетъ исторію обоихъ чертами, заимствованными изъ миѳа объ Ипполитѣ, сынѣ Тезея.

[3]) Euseb.—VI, 20, 22; Hier.—*De viris*, 61; Rufin.—*H. E.* VI, 16.

[4]) Thiel—*Epp. Rom. Pontif.*, p. 545. Впрочемъ Геласій введенъ былъ въ заблужденіе однимъ греческимъ документомъ. См. трудъ L. Saltet объ источникахъ Ѳеодоритова *Эраниста*, напечатанный въ *Revue d'histoire ecclésiastique* de Louvain 1905 p. 546 и сл.

[5]) Аполлинарій (Mai, *Script. Veter.*, I, 173).

какое отсюда возникало. Наконецъ позднѣе[1]) при появленіи легенды о другомъ мученикѣ Ипполитѣ, погребенномъ въ Порто, примирились на томъ, что писатель Ипполитъ былъ епископомъ въ римскомъ Портѣ.

Въ самомъ Римѣ Ипполитъ сохранилъ, по крайней мѣрѣ въ богослужебномъ обиходѣ и историческихъ преданіяхъ, званіе римскаго пресвитера. Такъ титулуетъ его *Liber pontificalis*. Въ концѣ VI вѣка онъ былъ представленъ на мозаикѣ въ базиликѣ св. Лаврентія съ пресвитерскими аттрибутами. Но въ то время уже былъ въ ходу странный романъ изъ эпохи гоненія Декія: онъ повѣствуетъ о событіяхъ, завязавшихся въ Вавилонѣ, а закончившихся въ Римѣ, и рисуетъ чрезвычайно разнообразныя сцены мученичества, однѣ римскія, другія персидскія, однѣ подлинныя, другія вымышленныя. Ипполитъ является дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ сценахъ. Онъ исполняетъ здѣсь обязанности вице-префекта Рима и, какъ таковой, имѣетъ порученіе стеречь св. Лаврентія въ заключеніи; затѣмъ онъ обращается въ христіанство и умираетъ мученикомъ со своей кормилицей Конкордіей и восемнадцатью другими лицами. Странное превращеніе![2])

Максиминъ былъ низвергнутъ въ 236 году и убитъ въ слѣдующемъ году. Его указы не могли имѣть продолжительнаго дѣйствія; римская церковь опять обрѣла миръ, которымъ наслаждалась до временъ царствованія Каракаллы. Антеросъ, избранный на мѣсто отправленнаго въ изгнаніе еп. Понтіана, заступалъ его мѣсто лишь нѣсколько недѣль. Ему наслѣдовалъ Фабіанъ, который управлялъ церковью до гоненія Декія. Фабіану приписываютъ постройки, воздвигнутыя на римскихъ кладбищахъ, а также распредѣленіе города на участки между семью діаконами[3]). Это, безъ сомнѣнія, было началомъ церковныхъ приходовъ, того оффиціальнаго распредѣленія клира и церковной администраціи, которое удержалось въ Римѣ на многіе вѣка. Фабіану пришлось внѣ Рима вмѣшаться въ крупное африканское событіе—низложеніе Привата, епископа Ламбезы; Оригенъ послалъ ему памятную записку, въ которой оправ-

---

[1]) Уже въ Пасхальной хроникѣ (ок. 640 г.).

[2]) Въ этомъ видѣ до сихъ поръ изображается жизнь Ипполита въ римскомъ бревіаріи и въ мартирологѣ.

[3]) Либеріанскій списокъ: Hic regiones divisit diaconibus et multas fabricas per cymiteria fieri jussit (Онъ раздѣлилъ между діаконами городскіе районы,—и озаботился постройкой на кладбищахъ многихъ зданій). Объ его чудесномъ избраніи см. у Евсевія—V. 29.

дывался отъ обвиненій, возводимыхъ на его ученіе[1]). Богословскія науки продолжали разрабатываться въ Римѣ. Мѣсто Ипполита заступилъ новый ученый, Новаціанъ, отъ котораго до насъ дошло нѣсколько сочиненій.

Эти сочиненія написаны по-латыни: мы дошли до того времени, когда римская церковь перемѣнила языкъ, замѣнивъ греческій латинскимъ[2]). Главное изъ произведеній Новаціана—трактатъ о Троицѣ, посвященный опроверженію гностическаго ученія, ѳеодотіанъ и савелліанъ. Планъ сочиненія составленъ по символу вѣры въ его трехъ главныхъ членахъ: „Вѣрую въ Бога Отца вседержителя... и въ Іисуса Христа, Его единороднаго Сына... и въ Духа Святаго". Авторъ обнаруживаетъ глубокое знаніе Св. Писанія, разсужденія его сжаты, изложеніе ясно, понятія довольно точны. Имѣя столько предшественниковъ въ полемикѣ, онъ воспользовался ихъ трудами. Отсюда, его ученіе о Троицѣ[3]), хотя и удерживаетъ теорію о двойственномъ состояніи Логоса, все же болѣе полно и точно, чѣмъ у его предшественниковъ[4]). Но Новаціанъ былъ не только богословомъ: онъ былъ также искуснымъ риторомъ, который тщательно отдѣлывалъ и украшалъ свой слогъ, искусно располагалъ свой матеріалъ и умѣлъ доставить читателю отдохновеніе отъ анализа текстовъ, дѣлая мѣстами отступленія въ прекрасномъ ораторскомъ стилѣ.

Какъ и Ипполитъ, онъ былъ пресвитеромъ римской церкви. Быть можетъ, онъ исполнялъ тѣ же обязанности, какъ александрійскіе и африканскіе пастыри-учители; послѣдніе, кромѣ просвѣщенія оглашенныхъ, руководили еще молодыми чтецами[5]). Возвышеніе Новаціана въ санъ пресвитера не обошлось безъ затрудненій. Духовенство его не любило. Вѣроятно, его талантъ нажилъ ему враговъ. Во́-время сумѣли припомнить, что онъ былъ крещенъ не по обычному обряду, а во время болѣзни, по допускаемому въ такихъ случаяхъ сокращенному обряду. Однако, на эти возраже-

---

[1]) Объ этихъ двухъ фактахъ см. далѣе гл. XIX и XX.

[2]) Однако современныя надгробныя надписи папскихъ могилъ еще составлялись по-гречески; до насъ дошли относящіяся къ Антеросу, Фабіану, Луцію, Гайю († 296). Латинская надпись Корнилія, повидимому, явилась позднѣе III вѣка.

[3]) Этотъ терминъ не упоминается ни разу въ текстѣ Новаціана.

[4]) Нужно отмѣтить, однако, что эта теорія позднѣе считалась далеко не православной. Арнобій Младшій (Діалогъ Арнобія съ Серапіономъ, I, 11; Migne—*P. L.* t. LIII, 256), давая образецъ аріанскаго ученія, списываетъ важнѣйшія мѣста послѣдней главы Новаціана, разумѣется, не называя автора.

[5]) Cyprian. *Ep.* XXIX.

нія не обратили вниманія, оттого ли, что большинство въ общемъ сочувствовало ему, или отъ того, что папѣ Фабіану казалось важнымъ ввести такого выдающагося человѣка въ совѣтъ своихъ пресвитеровъ. Въ обычныхъ условіяхъ Новаціанъ могъ дѣйствительно оказать крупныя услуги, но его ораторскій талантъ и ученость, вызывавшіе большое восхищеніе въ извѣстныхъ группахъ, вскружили ему немного голову. Это не былъ вполнѣ основательный человѣкъ: наступившее вскорѣ гоненіе, и въ особенности церковныя распри, которыя оно породило, обнаружили недостатки его характера [1]).

---

[1]) Письмо Корнилія къ Фабію Антіохійскому (Euseb. VI, 43).

ГЛАВА XVIII.

Христіанская александрійская школа.

Египетъ подъ властью грековъ и римлянъ.—Начало христіанства.—Александрійское училище: Пантенъ.—Климентъ и его произведенія: христіанскій гносисъ.—Оригенъ, его выступленіе и преподаваніе въ Александріи.—Разрывъ съ еп. Димитріемъ: Оригенъ въ Кесаріи.—Его литературная дѣятельность и кончина.—Произведенія Оригена.—Синтезъ ученія, заключающагося въ Περὶ ἀρχῶν.

Когда римляне завладѣли Египтомъ, онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій воздѣлывалъ пшеницу на илистой почвѣ Нила и собиралъ ее весной подъ жгучими лучами безпощаднаго солнца. Длинная и однообразная исторія его повѣствуетъ о постоянномъ порабощеніи народа. Мѣсто древнихъ туземныхъ царей заняли персидскіе чиновники, ихъ смѣнили македонскіе цари, а затѣмъ римскіе намѣстники: кормило правленія переходило изъ рукъ въ руки, но не было перемѣнъ ни въ формѣ, ни въ характерѣ управленія.

Задолго до Александра городъ Милетъ имѣлъ контору въ Навкратіи, на западномъ рукавѣ Нила, но египетскій эллинизмъ зародился лишь съ македонскаго завоеванія. То былъ своеобразный эллинизмъ: по существу военный и монархическій, но вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщенный и главное торговый. Александрія была его святилищемъ. Основанная самимъ героемъ, хранительница его гробницы, она сдѣлалась резиденціей царей, происходившихъ отъ его товарища по оружію, Птоломея, сына Лага. Александрійскій музей, обширное научное и учебное учрежденіе, устроенное по образцу греческихъ ассоціацій, сдѣлалось вскорѣ центромъ для всѣхъ философовъ, мыслителей, поэтовъ, артистовъ, математиковъ всего міра. Защищенный островомъ Ѳаросомъ, портъ открылъ сокровища Египта для міровой торговли, тогда какъ до тѣхъ поръ страна была замкнута, въ родѣ Китая. Отсюда расходились внутрь страны цѣлыя толпы греческихъ торговцевъ, авантюристовъ и мастеровъ. Они разселялись почти всюду, смѣшивались съ населе-

ніемъ и въ концѣ-концовъ образовали египто-эллиническую помѣсь, являвшуюся переходной ступенью между чистымъ эллинизмомъ и коренной древне-египетской культурой. Само собою разумѣется, что послѣдняя не преминула оказать вліяніе на побѣдителей. Плодомъ всѣхъ этихъ вліяній явилось весьма пестрое, дѣятельное, работящее населеніе, выносливое въ трудѣ и вообще покорное, если его держать въ уздѣ.

1-го августа 30 г. до Р. Х. Октавій овладѣлъ Александріей [1]). Древній Египетъ сдѣлался съ тѣхъ поръ римской провинціей, или вѣрнѣе владѣніемъ императора, которое непосредственно управлялось людьми изъ личнаго штата кесаря, доставлявшими доходы въ его личную кассу. Префектъ, по сословію просто римскій всадникъ, былъ его мѣстнымъ представителемъ; два или три должностныхъ лица, какъ напримѣръ александрійскій судья и предсѣдатель Музея, назначались императоромъ, все прочее предоставлено было префекту. Онъ между прочимъ долженъ былъ священнодѣйствовать на религіозныхъ торжествахъ, заступая мѣсто фараона [2]).

Всюду въ другихъ мѣстахъ римляне покровительствовали или даже сами вызывали развитіе городскихъ учрежденій. Въ Египтѣ, гдѣ они не встрѣтили ни одного организованнаго на выборныхъ началахъ городского управленія съ его совѣтомъ и собственной магистратурой, они оставили все въ прежнемъ положеніи. Сама Александрія представляла изъ себя толпу управляемыхъ, а не организованныхъ гражданъ. Только при Септиміи Северѣ она получила совѣтъ или сенатъ, но безъ магистратуры; въ томъ же положеніи была Птолемаида въ верхнемъ Египтѣ. Единственное исключеніе составлялъ городъ Антиной, получившій городское устройство отъ Адріана. Остальная страна дѣлилась на *номы*,—округи весьма древняго происхожденія. Коренныхъ египтянъ держали въ сторонѣ отъ римскаго общества; они не могли дѣлаться римскими гражданами иначе, какъ приписавшись предварительно къ жителямъ Алексан-

[1]) Для ознаменованія этого событія было учреждено оффиціальное празднество; оно осталось въ христіанскомъ календарѣ въ праздникѣ 1-го авг., посвященномъ Маккавеямъ и ап. Петру въ узахъ. О римскомъ Египтѣ см. Lumbroso, *L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani*, Rome 1882.

[2]) Онъ также предводительствовалъ войскомъ. Въ Египтѣ начальники легіоновъ не были, какъ въ другихъ мѣстахъ, легатами изъ сенаторскаго званія, которыхъ нельзя было бы подчинить простому всаднику, какимъ былъ египетскій префектъ, они были изъ praefecti castrorum. Августъ воспретилъ сенаторамъ и самымъ вліятельнымъ всадникамъ пребываніе въ Египтѣ. Для этихъ важныхъ особъ опасались соблазновъ среды, слишкомъ благопріятной для искателей власти.

дріи, что было не такъ просто. Даже послѣ Септимія Севера и Каракаллы египтяне продолжали составлять въ имперіи низшую касту, которая никогда и не получила настоящихъ правъ. Національный египетскій или коптскій языкъ удержался въ деревняхъ, маленькихъ городкахъ, а также въ низшихъ классахъ большихъ городовъ: въ немъ различали нѣсколько нарѣчій.

Греческія легенды играли въ религіи незначительную роль; самое большее, если онѣ дали нѣсколько мотивовъ—орнаментовъ къ древнимъ національнымъ культамъ, слишкомъ прочно укоренившимся на египетской почвѣ, чтобы уступить мѣсто чужимъ богамъ. Въ самой Александріи громадный храмъ Сераписа царилъ съ высоты своего искусственнаго холма надъ суетливой торговой жизнью грековъ. Боги Нила покоряли себѣ побѣдителей. Птоломеямъ пришлось облечься въ санъ ихъ верховныхъ жрецовъ и принять въ сферѣ религіи наслѣдіе фараоновъ.

Впрочемъ, египетскій культъ не избѣжалъ оппозиціи: ее онъ нашелъ въ вернувшемся въ Египетъ Израилѣ. Евреи образовали въ Александріи значительную общину, достигавшую одной трети всего населенія. Съ ними далеко не обращались, какъ съ врагами. Они имѣли своего начальника племени или этнарха и свой національный совѣтъ; они пользовались полной свободой для своихъ религіозныхъ отправленій. Тѣмъ не менѣе среди этого чуждаго міра они кончили тѣмъ, что забыли свой языкъ и для нихъ пришлось переводить св. Писаніе на греческій языкъ. Близость Музея влекла ихъ къ литературѣ. Подъ этимъ вліяніемъ зародилась экзегетика Филона, въ которой для древней религіи народа Божія грозила опасность расплыться въ философскихъ мечтаніяхъ. Изъ Александріи же пошла вся литература, проводившая еврейскія и монотеистическія идеи, гдѣ мнимыя сивиллы и творцы поэтическихъ апокрифовъ наперерывъ упражнялись въ нападкахъ на боговъ, храмы и жертвоприношенія.

Появленіе христіанства въ Египтѣ покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ Новомъ Завѣтѣ страна эта ни разу не упоминается; въ немъ не видно ни одного дѣйствующаго лица изъ Александріи, за исключеніемъ Аполлоса, который игралъ довольно безцвѣтную роль во времена ап. Павла, въ качествѣ странствующаго миссіонера и то не на своей родинѣ, а въ Азіи и Греціи [1]). Въ перво-

[1]) Весьма возможно, но отнюдь не доказано, что нѣкоторыя апостольскія произведенія, какъ напр., посланія къ Евреямъ и Варнавы, имѣютъ извѣстное

начальной христіанской литературѣ Евангеліе отъ Египтянъ—единственная книга, какъ будто происходящая изъ этой страны. Валентинъ, Василидъ, Карпократъ—первые египетскіе христіане, имена коихъ появляются въ исторіи [1]). Во времена папы Аникиты изъ Александріи въ Римъ прибыла проповѣдница Маркелина. Туда бѣжалъ Апеллесъ послѣ своей ссоры съ Маркіономъ и оттуда же вернулся со своей ясновидящей Филоменой. Но не слѣдуетъ думать, что эти еретическія теченія исчерпываютъ все александрійское христіанство. Эти секты именно потому, что онѣ только секты, предполагаютъ существованіе церкви, „Великой Церкви", какъ говоритъ Цельсъ; эти заблужденія именно потому, что они носятъ имена своихъ основателей, свидѣтельствуютъ о существованіи православной традиціи. Послѣдняя опиралась въ Египтѣ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ, на епископскую организацію. Юлій Африканъ могъ вписать въ свою *Хронику*, изданную въ 221 г., имена десяти епископовъ, предшественниковъ того Димитрія, который занималъ каѳедру въ его время [2]). Послѣдній вступилъ на нее приблизительно въ 189 г. До него лѣтописецъ называетъ по порядку Анніана, Авилія, Кердона, Прима, Іуста, Евменія, Марка, Келадіона, Агриппина, Юліана. Указаны и годы ихъ управленія. Намъ нѣтъ никакого интереса приводить ихъ здѣсь, ибо даже, допустивъ ихъ полную точность, мы не знаемъ ни одного событія которое можно было бы къ нимъ пріурочить [3]). Преданіе, о которомъ свидѣтельствуетъ Евсевій [4]) въ началѣ IV в., не подтверждая его, гласило, что евангелистъ Маркъ первый проповѣдывалъ Евангеліе въ Египтѣ и основалъ церковь въ Александріи. Въ восточной части города, въ мѣстечкѣ подъ названіемъ Буколія, показывали усыпальницу, гдѣ покоилось тѣло апостола вмѣстѣ съ останками епископовъ, его преемниковъ [5]).

———

отношеніе къ александрійской общинѣ. Знаменитые терапевты, описанные въ книгѣ „*О созерцательной жизни*" (справедливо или нѣтъ приписываемой Филону), не имѣютъ ничего общаго съ первобытнымъ христіанствомъ. Объ этой книгѣ, которая является еще загадкой, см. Schürer, *Gesch. des judischen Volkes*, 4 ed., t. III, s. 535.

[1]) Св. Іустинъ (см. *Apol*. I. 29) говоритъ о молодомъ христіанинѣ изъ Александріи, жившемъ во времена египетскаго префекта Феликса.

[2]) См. объ этомъ у Harnack'a *Chronologie*, t. I, s. 202. Списокъ Юлія Африкана извлеченъ изъ указаній Евсевія.

[3]) Въ итогѣ цифры эти составляютъ 128 лѣтъ. Слѣдовательно рядъ епископовъ начинается приблизительно съ 61 г.

[4]) II. 16.

[5]) *Acta S. Petri. Alex.* (Migne *P. G.*, T. XVIII, c. 461, см. Lumbroso, *L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani*, p. 185). Если Ев. Маркъ одно и

Даже во времена еп. Димитрія, продолжительный епископатъ котораго совпалъ съ правленіемъ папъ Виктора, Зефирина, Каллиста и Урбана, исторія александрійской церкви продолжаетъ оставаться довольно туманной: единственное, что выступаетъ изъ этого тумана—это знаменитая школа.

Мы уже видѣли въ Римѣ много школъ, какъ возвышенной экзегетики, такъ и богословія. Многія изъ нихъ имѣли столкновенія съ церковью, которая нашла себя вынужденной ихъ осудить. Но не всегда бывало такъ, и даже, когда происходили разногласія, школа осуждалась не какъ школа, а какъ органъ вредной проповѣди. Другими словами, церковь не осуждала богословія вообще, но лишь превратное богословіе. Если подобныя учрежденія могли существовать въ Римѣ, съ позитивнымъ складомъ его жизни, то что же должно было происходить въ Александріи, этой метрополіи науки и литературы, подъ сѣнью Музея—великаго святилища эллинской премудрости, съ знаменитой библіотекой и лицомъ къ лицу съ древне-еврейскими школами, гдѣ жива была еще память Филона, и вблизи новыхъ гностическихъ школъ, гдѣ блистали Василиды и Карпократы? Христіанство, пріобрѣтая себѣ столькихъ послѣдователей между образованными людьми, не могло не поступиться кое-чѣмъ для нихъ и до извѣстной степени приспособиться къ складу ихъ умственной жизни. Мы не имѣемъ, однако, никакого основанія думать, что оно шло имъ навстрѣчу очень охотно. Не похоже, чтобъ православное училище въ томъ видѣ, какъ оно рисуется намъ во времена Коммода, было основано однимъ изъ древнихъ епископовъ. Если въ концѣ концовъ оно стало однимъ изъ учрежденій александрійской церкви и служило для обученія оглашенныхъ, то тѣмъ не менѣе оно, повидимому, возникло благодаря частнымъ усиліямъ, такъ же, какъ и подобныя ему школы въ Римѣ.

Не слѣдуетъ забывать, что большая часть населенія Александріи состояла изъ промышленнаго и торговаго люда, и что Музей вліялъ скорѣе на весь эллинскій міръ, чѣмъ на непосредственно окружающую его среду. Христіанская масса даже въ Александріи могла имѣть лишь очень ограниченную потребность въ умозрѣ-

———

то же лицо, что Іоаннъ-Маркъ, о которомъ говорится въ Дѣяніяхъ Апостоловъ и посланіяхъ ап. Павла и ап. Петра, то александрійское преданіе встрѣчается съ весьма важнымъ возраженіемъ, ибо Діонисій Александрійскій (Euseb. VII, 52) разсказываетъ исторію Марка, ничѣмъ не намекая на особенное отношеніе его къ египетской столицѣ.

ніяхъ. Училище могло интересовать всегда лишь болѣе или менѣе ограниченный кругъ образованныхъ людей. Остальные, какъ будто, чувствовали къ нему больше недовѣрія, чѣмъ почтенія. Таково было общее настроеніе. Греческая культура была уже сама по себѣ подъ подозрѣніемъ. Вдохновляясь ею для изъясненія христіанскаго преданія, гностики пришли къ плачевнымъ результатамъ [1]), въ чемъ александрійскіе христіане имѣли очень наглядный опытъ. Мы говоримъ это для того, чтобы не могло возникнуть заблужденій относительно размѣровъ дѣйствительнаго значенія этой знаменитой богословской школы. Первые наставники ея остались неизвѣстными. Самый древній изъ нихъ, имя котораго дошло до насъ, Пантенъ, былъ обращенный въ христіанство стоикъ, урожденецъ Сициліи [2]). Онъ, говорятъ, отправился проповѣдывать вѣру „индійцамъ", у которыхъ будто бы нашелъ евангеліе на еврейскомъ языкѣ, занесенное туда ап. Варѳоломеемъ [3]). Вернувшись въ Александрію, онъ принялъ на себя руководство школой и въ числѣ своихъ учениковъ имѣлъ Климента, своего будущаго преемника, и Александра, который позднѣе управлялъ церквами въ Каппадокіи и Іерусалимѣ. Отъ него не уцѣлѣло ничего. Хотя Евсевій говоритъ объ его произведеніяхъ, однако не видно, чтобъ они имѣлись въ обращеніи [4]).

Иначе дѣло обстоитъ съ произведеніями его преемника,—Климента, отъ котораго сохранилось достаточно, чтобъ дать намъ понятіе о преподаваніи въ александрійскомъ училищѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе II вѣка.

Т. Флавій Климентъ, какъ указываетъ его имя, происходилъ вѣроятно отъ какого-нибудь отпущенника одноименнаго съ нимъ христіанскаго консула. Сперва онъ былъ язычникомъ [5]), но, обратившись, онъ поочередно слѣдовалъ за разными учителями, которыхъ онъ перечисляетъ, не называя по имени, въ одномъ мѣстѣ своихъ *Строматовъ* [6]). То были: грекъ—іоніецъ, другой грекъ изъ

---

1) См. объ этомъ de Faye, *Clement d'Alexandrie*, p. 126 и слѣд. Ср. *Strom*, I. 1, 18, 19, 43, 99; VI 80, 89, 93 и т. д.

2) О Пантенѣ см. у Евсевія Ц. И. V, 10, 11. (ср. Clemen., *Strom* I, 11); VI, 13, 14, 19.

3) Euseb. *H. E.* V, 10, не очень увѣренъ во всемъ этомъ. Εἰς Ἰνδοὺς ἐλθεῖν λέγεται, ἔνθα λόγος εὑρεῖν αὐτόν (говорятъ, онъ ходилъ къ индійцамъ; тамъ, говорятъ, онъ нашелъ...). Слова Индія, индіецъ имѣли еще въ то время неопредѣленное значеніе, они могли обозначать столь же легко современный Іеменъ или Абиссинію, какъ и Индостанъ. См. объ этомъ стр. 84.

4) Euseb. *H. E.* V. 10, ср. Clem., *Strom* I. 1, 11 и слѣд; Eclog., 27.

5) Euseb. *Praep.* II, 2, 14.

6) *Strom* I, II.

Великой Греціи, третій изъ Келесиріи (Антіохіи?), египтянинъ, ассиріецъ (Таціанъ?), палестинецъ, обращенный изъ іудейства. Наконецъ, онъ встрѣтилъ Пантена въ Египтѣ и обрѣлъ около него душевный миръ.

Александрійское училище было какъ разъ той средой, какой онъ искалъ и какая была по немъ. Здѣсь не проклинали философіи древнихъ грековъ; къ ней даже не относились какъ къ чему то безразличному. Въ ней находили, какъ уже ранѣе призналъ это св. Іустинъ, нѣкоторый отблескъ того самаго божественнаго Логоса, котораго христіанство почитало въ Іисусѣ Христѣ. Богословская наука, понимаемая въ столь широкомъ смыслѣ, разрабатывалась здѣсь не только въ интересахъ апологетики, но и какъ средство личнаго усовершенствованія. То былъ православный гносисъ: онъ не изощрялся въ разработкѣ ученій о Творцѣ (Деміургѣ); онъ не заносился ни въ безумныя мечтанія о Пleромѣ, ни въ крайности непосильнаго аскетизма; но такъ же, какъ и тотъ гносисъ, онъ отводилъ своимъ послѣдователямъ привиллегированное положеніе въ сонмѣ вѣрующихъ. Христіанинъ-гностикъ въ своей религіозной жизни былъ богаче, чѣмъ обыкновенные христіане. Онъ спасался не такъ, какъ всѣ; онъ зналъ болѣе другихъ; его нравственный идеалъ былъ выше ихъ идеала.

Это высшее ученіе въ свое оправданіе ссылалось на особое преданіе, какъ и ученіе Валентина и Василида. „Господь послѣ Своего воскресенія ввѣрилъ знаніе Іакову праведному, Іоанну и Петру, которые передали его другимъ апостоламъ, а эти—семидесяти, въ числѣ коихъ былъ Варнава" [1]). Черезъ Пантена это преданіе дошло до Климента. Мы не знаемъ, въ какое время онъ замѣстилъ своего учителя въ качествѣ руководителя школы. Онъ пользовался извѣстностью, какъ писатель, еще до папы Виктора, т.-е. приблизительно въ то время, когда Ириней оканчивалъ свой крупный трудъ [2]). Быть можетъ къ этому первому періоду слѣдуетъ отнести подлинное, дошедшее до насъ сочиненіе—„*Протрептикъ*", а также восемь книгъ его *Гипотипозъ*, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь отрывки. Объ этомъ послѣднемъ трудѣ Евсевій [3]) говоритъ съ нѣкоторой осторожностью и ограничивается перечисленіемъ священныхъ книгъ, подлинныхъ или спорныхъ, о которыхъ тамъ имѣ-

---

1) Выдержка изъ VII кн. Гипотипозъ Климента, приводимая у Евсевія, Ц. И. II. 1.

2) Euseb. V. 28, § 4.

3) *H. E.* VI. 14.

лось упоминаніе. Фотій дѣлаетъ болѣе содержательный, но и болѣе компрометирующій анализъ этого труда [1]). Климентъ училъ о вѣчности матеріи; Сынъ является у него тварью [2]); онъ вѣрилъ въ переселеніе душъ и въ существованіе нѣсколькихъ міровъ до сотворенія человѣка. Исторія Адама и Евы у него была разсказана постыднымъ и нечестивымъ образомъ (αἰσχρῶς τε καὶ ἀθέως).

По Клименту Слово облеклось лишь въ подобіе плоти. Впрочемъ, онъ допускалъ два или три Слова, какъ видно изъ слѣдующаго: „Сынъ также именуется Словомъ, тѣмъ же именемъ, какъ Слово Отчее; но не Онъ сталъ плотію, не Слово Отчее, а Сила Божія, нѣкоторое порожденіе Его Слова, ставши разумомъ (νοῦς γενόμενος), обитаетъ въ сердцахъ человѣческихъ“.

Эти осуждаемыя Фотіемъ ученія могли быть выражены у Климента съ меньшей рѣзкостью, поскольку они выступаютъ у Климента разсѣянными среди экзегетическихъ комментаріевъ. Фактъ, что отмѣченные богословскіе выпады Климента не помѣшали ему быть принятымъ въ число александрійскихъ пресвитеровъ.

Этотъ союзъ между церковью и школой въ лицѣ Климента принесъ ощутительную пользу послѣдней. Прочія книги Климента не даютъ повода къ тѣмъ же возраженіямъ, какъ Гипотипозы. Главныя изъ нихъ Строматы и Педагогъ. Первая содержитъ въ себѣ преимущественно теоретическое ученіе; вторая имѣетъ скорѣе цѣлью нравственное воспитаніе ученика. Строматы представляютъ собою 7 цѣльныхъ книгъ, изъ коихъ четыре первыя написаны ранѣе Педагога. Окончивъ этотъ послѣдній трудъ, Климентъ вновь принялся за Строматы, которыя не успѣлъ довести до конца [3]).

Клементъ былъ весьма крупнымъ ученымъ. Онъ обладалъ основательнымъ знаніемъ всей библейской и христіанской подлинной и апокрифической литературы, и не только ортодоксальной, но и гностической. Не менѣе былъ онъ знакомъ съ произведеніями языческихъ поэтовъ и философовъ. Выдержки, которыми изобилуютъ его сочиненія, сохранили намъ значительное количество отрывковъ изъ утраченныхъ книгъ [4]).

1) Cod. 109.
2) Свидѣтельство Фотія объ этомъ подтверждается Руфиномъ (Hieron. *Apol. adv. lib. Rufini*, II, 17).
3) Восьмая книга, или скорѣе то, что со временъ Евсевія принято обозначать такъ, представляетъ собою сборникъ выдержекъ изъ языческихъ философовъ; она, вѣроятно, на-ряду съ „Отрывками изъ Θеодота“ и „Извлеченіями изъ пророковъ“ должна была служить матеріаломъ для продолженія сочиненія.
4) Возможно, что онъ не всегда бралъ ихъ изъ первыхъ рукъ, а почерпалъ изъ сборниковъ.

Это не былъ синтетическій умъ. Онъ часто перебрасывается отъ одного предмета къ другому и доставляетъ не мало труда тому, кто ищетъ въ его произведеніяхъ обдуманнаго плана и въ особенности дѣйствительнаго его выполненія. Въ началѣ своего Педагога онъ какъ будто намѣчаетъ планъ и указываетъ на различіе между тремя функціями, какія Слово выполняетъ черезъ Свой органъ: Оно обращаетъ (Προτρεπτικός), воспитываетъ (Παιδαγωγός, моральное образованіе), обучаетъ (Διδασκαλικός, интеллектуальное образованіе).

Если Строматы, какъ это вѣроятно, отвѣчаютъ этому третьему назначенію, то отсюда явствуетъ, что христіанинъ-гностикъ, какъ его понималъ Климентъ, нисколько не нуждался въ синтезѣ. Все произведеніе состоитъ изъ разсужденій, расположенныхъ безъ достаточной связи. Это тѣмъ болѣе странно, что соперничавшія школы Валентина и Василида отличались наоборотъ синтетической формой своего ученія. Пополнить этотъ пробѣлъ предстояло Оригену.

Климентъ не завершилъ своего поприща въ Александріи. Въ 202 году на Египетъ обрушилось гоненіе. Такъ какъ это гоненіе главнымъ образомъ имѣло въ виду оглашенныхъ, то оно должно было разразиться надъ учрежденіемъ, которымъ руководилъ Климентъ. Первыя двѣ книги Строматъ, написанныя имъ въ это время, содержатъ не одинъ намекъ на эти критическія обстоятельства. Въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ удалиться. Немного спустя мы встрѣчаемъ его въ Кесаріи Каппадокійской подлѣ еп. Александра, который былъ ученикомъ Климента, перешедшимъ къ нему отъ Пантена. Тамъ тоже было жестокое гоненіе; Александръ былъ брошенъ въ тюрьму; Климентъ сталъ вмѣсто него управлять церковью; онъ ободрялъ вѣрующихъ и привлекалъ новыхъ послѣдователей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ 211 или 212 году самъ Александръ въ посланіи [1]), написанномъ къ антіохійской церкви, которое Климентъ взялся доставить по назначенію. Онъ былъ извѣстенъ антіохійскимъ вѣрующимъ.

Въ другомъ посланіи [2]), написанномъ около 215 году и адресованномъ Оригену, Александръ говоритъ о немъ, уже какъ объ умершемъ.

Кромѣ книгъ по богословской педагогикѣ Климентъ написалъ и другія, менѣе умозрительнаго характера, какъ напр., его знаменитая

1) Отчасти сохраненное Евсевіемъ. Ц. И. VI. 11. Клименту расточаются здѣсь великія хвалы.
2) Euseb. *H. E.* VI, 14.

бесѣда: „Кто изъ богатыхъ спасется", которую мы имѣемъ почти цѣликомъ, и его поученія о постѣ и о злословіи. Онъ принялъ участіе въ спорахъ, поднявшихся въ его время по поводу Пасхи. Его книга объ этомъ предметѣ [1]) имѣла отношеніе къ аналогичному произведенію Мелитона; другая книга, посвященная его другу Александру, судя по ея заглавію „Церковный канонъ противъ іудействующихъ", относится къ тому же разряду.

Богословскія странности еще не составляютъ самаго слабаго мѣста въ твореніяхъ Климента. Можно сдѣлать ему, также какъ Оригену и, безъ сомнѣнія, ихъ предшественникамъ, существенный упрекъ въ томъ, что они придаютъ знанію, и именно религіозному знанію, чрезмѣрную цѣнность. Вѣрующій гностикъ, т.-е богословъ, по ихъ понятіямъ, въ религіозномъ отношеніи стоитъ выше простого вѣрующаго. Правда, что такое представленіе очень разнится отъ еретическаго различія между психиками и пневматиками,—различія, основаннаго на природномъ свойствѣ душъ. Однако, какъ и тамъ, оно исходитъ изъ философіи Платона, согласно которой научное образованіе, вмѣсто того, чтобы увеличивать отвѣтственность человѣка, составляетъ придатокъ къ его нравственной цѣнности. Александрійское училище имѣло притязаніе выпускать не только болѣе образованныхъ, но и качественно лучшихъ христіанъ. Такое притязаніе было трудно согласить съ общими принципами церковной организаціи. Мѣстная церковь въ концѣ концовъ почувствовала это, и, смягчая характеръ школы то въ томъ, то въ другомъ вопросѣ, мало-по-малу пріобщила къ себѣ это учрежденіе, которое могло нарушить необходимое единство церковной жизни.

О Климентѣ въ точности неизвѣстно, родился ли онъ въ Аѳинахъ или въ Александріи. Что касается Оригена, одно имя его достаточно указываетъ, что онъ былъ египетскимъ урожденцемъ [2]). Его родители были христіане и занимали почетное положеніе. Его отецъ Леонидъ былъ его первымъ учителемъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ горѣлъ энтузіазмомъ; все экзальтировало его,—наука, мученичество, аскетическая жизнь. Леонидъ по доносу былъ осужденъ за принадлежность къ христіанству (202—3). Сынъ его, не имѣя возможности умереть вмѣстѣ съ нимъ, убѣждаетъ его пострадать за вѣру. Лишенный отцовскаго достоянія, которое было конфисковано, онъ находитъ средства къ пропитанію и поддержкѣ многочисленной семьи, во главѣ которой онъ очутился всего 17 лѣтъ отъ роду. Школа для оглашенныхъ была только что разорена гоненіемъ; но примѣры мучениковъ послужили поводомъ къ обращенію въ христіанство благородныхъ язычниковъ, которые стали собираться вокругъ этого юноши, извѣстнаго столько же своей ученостью, какъ и религіознымъ одушевленіемъ. Епископъ Димитрій принимаетъ его въ качествѣ катехизатора. Но эдиктъ Севера повлекъ за собою новыя жертвы изъ кружка только что возстановившейся школы. Юный учитель провожаетъ своихъ учениковъ [1]) на мученичество; другіе группируются около него. Ничто не останавливаетъ его рвенія; онъ кончаетъ тѣмъ, что навлекаетъ на себя всю ярость фанатичныхъ язычниковъ.

Наступаютъ болѣе мирные дни. На смѣну мужества, проявленнаго въ разгаръ гоненія, у Оригена является увлеченіе аскетизмомъ. Въ подвигахъ умерщвленія своей плоти Оригенъ былъ предшественникомъ Антонія и Иларіона. Еслибъ отъ него зависѣло, церковное христіанство не уступало бы въ аскетизмѣ самымъ нетерпимымъ къ своей плоти философамъ и наиболѣе ожесточеннымъ врагамъ ея – гностикамъ и монтанистамъ. Онъ въ этомъ отношеніи зашелъ слишкомъ далеко. Во времена св. Іустина [2]) одинъ молодой александрійскій христіанинъ, чтобъ опровергнуть позорныя клеветы на христіанскіе нравы, просилъ разрѣшенія у египетскаго префекта подвергнуть себя оскопленію. Оригенъ не просилъ разрѣшенія, а самовольно совершилъ это, полагая такимъ образомъ уничтожить самую возможность подозрѣній, какія могли возбудить у враговъ христіанства его занятія катехизаціей.

Узнавъ объ этой, внушенной благородными мотивами, но неразумной, жертвѣ, еп. Димитрій однако оставилъ Оригена во главѣ школы. Юный учитель сдѣлался вскорѣ славой Александріи. Отдаваясь преподаванію ученикамъ, число которыхъ возрастало изо дня въ день, онъ не переставалъ самъ учиться. Іустинъ, Таціанъ, Климентъ, перешедшіе въ христіанство изъ язычества,

---

[1]) Euseb. IV, 26; V, 13.

[2]) Оно происходитъ отъ имени египетскаго божества Оруса. О біографіи Оригена см. особенно VI кн. Церковной Исторіи Евсевія, считаясь съ апологетическими цѣлями ея автора. Онъ могъ быть освѣдомленъ отъ лицъ, имѣвшихъ личныя отношенія съ Оригеномъ; кесарійская библіотека заключала въ себѣ всѣ произведенія учителя; что же касается его писемъ, то ихъ собралъ самъ Евсевій (VI, 36); они доставили ему много біографическихъ подробностей.

[1]) Плутархъ, братъ Иракла, Серенъ, Ираклитъ, Иронъ, другой Серенъ, женщина Ираиса, Василидъ, Потаміена, Маркелла. Euseb. VI, 4, 5.

[2]) *Apolog.* I, 29.

получили сперва философское, а потомъ богословское образованіе. Оригенъ слѣдовалъ обратному порядку. Воспитанный въ принципахъ христіанской вѣры, онъ сперва взялъ отъ свѣтской науки лишь общіе начатки знанія, особенно грамматики. Лишь позднѣе [1]), по мѣрѣ того, какъ онъ сознавалъ необходимость ознакомиться съ ученіями, противъ которыхъ ему приходилось бороться, онъ принялся за изученіе эллинской философіи и еретическихъ сочиненій. Онъ сталъ тогда слушать уроки Аммонія Сакка, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ учениковъ, который былъ старше его, нѣкіимъ Иракломъ, пятью годами раньше его поступившимъ въ эту школу [2]). Давая полный просторъ своему мощному уму въ изысканіяхъ по всѣмъ областямъ науки, онъ въ то же время старался провѣрить преданіе и разобрать, каково было въ дѣйствительности истинное ученіе церкви. Мнѣ кажется, подъ вліяніемъ этой мысли онъ совершилъ около 212 г. поѣздку въ Римъ, „желая, по его словамъ, узрѣть эту столь древнюю церковь“ [3]). Будучи очень смѣлымъ въ толкованіи Библіи экзегетомъ, онъ, болѣе чѣмъ кто либо другой, сознавалъ также необходимость посредствомъ критическихъ изысканій точно установить текстъ Библіи. Онъ выучился еврейскому языку и тщательно разыскивалъ еврейскіе переводы Писанія, независимые отъ перевода LXX-ти, чтобы провѣрить послѣдній. Его путешествія представляли удобныя условія для такихъ поисковъ. Мы постоянно встрѣчаемъ его на пути въ Римъ, Грецію, Никополь Эпирскій, Никомидію, Антіохію, Палестину и Аравію. Ираклъ, уже посвященный Оригеномъ въ его ученіе, во время его отсутствія руководилъ школой. Не всегда одна любознательность заставляла учителя пускаться въ путешествіе. Его слава, какъ ученаго христіанина, побуждала знатныхъ лицъ, жаждавшихъ христіанскаго просвѣщенія, выписывать его къ себѣ. Такъ легатъ, управлявшій Аравіей, послалъ за нимъ

[1]) Euseb. VI, 19.

[2]) Порфирій у Евсевія, VI, 19. § 5, 13. Аммоній Саккъ считается первымъ учителемъ неоплатонической школы. Отъ него мы не имѣемъ никакихъ сочиненій. Порфирій (тамъ же) говоритъ, будто Аммоній, будучи воспитанъ въ христіанствѣ, отказался отъ него, чтобы сдѣлаться язычникомъ. Указаніе это не вполнѣ достовѣрно, ибо тутъ же Порфирій, вопреки исторической правдѣ, приписываетъ Оригену противоположную эволюцію. Что же касается Евсевія, то онъ спуталъ здѣсь философа Аммонія Сакка съ другимъ Аммоніемъ, авторомъ нѣсколькихъ книгъ, между прочимъ трактата „О согласіи Моисея съ Христомъ“, быть можетъ также „о согласіи между Евангеліями“,—трактата, на который Евсевій ссылается въ своемъ письмѣ къ Карпіану.

[3]) Euseb. VI, 14.

нарочнаго, а около 218 г. одна изъ представительницъ царствующаго дома, Маммея, мать будущаго императора Александра Севера, выписала его изъ Антіохіи, давъ ему свиту всадниковъ.

Незадолго до этого путешествія, во время разгрома Александріи войсками Каракаллы, Оригенъ вынужденъ былъ бѣжать; онъ укрылся въ Палестинѣ у епископовъ Ѳеоктиста кесарійскаго и Александра элійскаго. Эти преданные наукѣ пастыри, гордясь возможностью показать своей паствѣ знаменитаго александрійскаго катехизатора, убѣдили его проповѣдывать въ ихъ церквахъ не только оглашеннымъ, но и самимъ вѣрующимъ. Димитрій сильно возсталъ противъ этого, по его мнѣнію, нарушенія каноническаго порядка и вытребовалъ обратно своего духовнаго сына. Палестинскіе епископы оправдывались ссылкой на прежніе подобные случаи [1]).

Прошло еще 15 лѣтъ. Гордясь успѣхомъ и славой своей школы, епископъ александрійскій предоставлялъ Оригену учить по своему усмотрѣнію и нисколько не помышлялъ наложить запретъ на его смѣлыя мысли, которыя около этого времени Оригенъ сталъ выражать въ своихъ главнѣйшихъ произведеніяхъ, особенно въ своей знаменитой книгѣ „О началахъ“ [2]). Амвросій, бывшій для него столь же щедрымъ, какъ и преданнымъ другомъ, предоставилъ въ его распоряженіе цѣлый персоналъ стенографовъ и переписчиковъ. Такимъ образомъ толкованія учителя пользовались самой широкой извѣстностью даже внѣ школы.

Это положеніе было омрачено разрывомъ Оригена съ епископомъ. Вызванный въ Ахаію, чтобы бороться тамъ съ какими-то ересями, Оригенъ при проѣздѣ своемъ черезъ Палестину былъ посвященъ въ пресвитеры своими друзьями, епископами элійскимъ и кесарійскимъ. Димитрій воздержался отъ возведенія Оригена въ санъ пресвитера. Оставляя его міряниномъ, онъ ограничилъ его публичное учительство наставленіемъ оглашенныхъ и запретилъ всякую проповѣдь въ церкви. Но онъ иначе поступилъ съ Иракломъ, который былъ допущенъ въ пресвитерскую среду, не отрекаясь для этого отъ философскихъ занятій и даже не снявъ плаща философа [3]). Быть можетъ александрійскій обычай уже тогда не

[1]) Евелпиду разрѣшено было проповѣдывать Неономъ, епископомъ Ларандскимъ; Павлинъ получилъ подобное же разрѣшеніе отъ Цельза, еп. Иконійскаго, Ѳеодосій—отъ Аттика Синнадскаго. Личности эти только тѣмъ и извѣстны (Euseb. VI, 19).

[2]) Περὶ ἀρχῶν.

[3]) Оригенъ у Евсев., VI, 19.

допускалъ посвященія евнуховъ [1]). Евсевій намекаетъ, а бл. Іеронимъ открыто заявляетъ, что епископъ дѣйствовалъ исключительно подъ вліяніемъ мелкой зависти. Это возможно. Палестинскіе епископы, которымъ Димитрій запрещалъ допускать Оригена къ проповѣди, потому что онъ не былъ пресвитеромъ, очевидно хотѣли устранить это препятствіе. Они не держались относительно евнуховъ такихъ же правилъ, какъ ихъ александрійскій собратъ, и не видѣли также никакихъ препятствій къ посвященію вѣрующаго изъ другой церкви [2]). Какъ бы то ни было Димитрій возсталъ противъ этого весьма энергично, но предъявляя однако другихъ возраженій, кромѣ добровольнаго оскопленія. Оригенъ послѣ поѣздки по Ахаіи, Малой Азіи и Сиріи возвратился въ Египетъ и попытался вернуть себѣ руководство школой, но встрѣтилъ отпоръ со стороны епископа. Два собора, созванные одинъ за другимъ, постановили, что онъ долженъ прекратить преподаваніе, покинуть Александрію и, наконецъ, что онъ долженъ быть извергнутъ изъ сана. Этотъ приговоръ былъ сообщенъ прочимъ епископамъ и утвержденъ безъ возраженій большинствомъ изъ нихъ. Кажется, что въ Римѣ этотъ приговоръ былъ принятъ такъ же, какъ впослѣдствіи подобный ему, произнесенный надъ Аріемъ [3]).

---

1) Сто лѣтъ спустя, никейскій соборъ, гдѣ александрійскій епископъ пользовался большимъ вліяніемъ, начинаетъ рядъ своихъ канонов постановленіемъ въ этомъ смыслѣ.

2) Съ самаго начала IV в. было признано всѣми соборами, что никто не въ правѣ посвящать клирика изъ другой церкви; позднѣе это запрещеніе распространилось и на мірянъ. Оригенъ, несмотря на значительность своихъ заслугъ передъ александрійской церковью, былъ лишь міряниномъ.

3) Евсевій (VI, 23) отсылаетъ здѣсь къ II кн. своей апологіи Оригена, которая утрачена. Фотій (cod. 118), сохранившій намъ изъ нея лишь нѣсколько данныхъ, повидимому вычиталъ тамъ, что Евсевій и Памфилъ приписываютъ участіе въ осужденіи Оригена лишь однимъ египетскимъ епископамъ. Св. Іеронимъ (Rufin. *Apol*. II, 20), повидимому, слышалъ о большемъ числѣ епископовъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ: Damnatur a Demetrio episcopo; exceptis Palaestinae et Arabiae et Phoenices atque Achaiae sacerdotibus in damnationem eius consentit orbis; Roma ipsa contra hunc cogit senatum; non propter dogmatum novitatem nec propter haeresim, ut nunc adversus eum rabidi canes simulant, sed quia gloriam eloquentiae eius et scientiae ferre non poterant, et illo dicente omnes muti putabantur (Онъ былъ осужденъ еп. Димитріемъ; за исключеніемъ епископовъ палестинскихъ, аравійскихъ, финикійскихъ и ахайскихъ, это осужденіе призналъ весь міръ; въ самомъ Римѣ противъ него (Оригена) высказался пресвитерскій коллегіумъ; (но) не по причинѣ новизны догматическихъ ученій Оригена, не по причинѣ его еретичества, какъ нынѣ клевещутъ на него бѣшеные псы, а потому что не могли выносить его ораторской и ученой славы, и потому что по сравненію съ его краснорѣчіемъ всѣ казались нѣмыми).

Наоборотъ, въ Палестинѣ, Каппадокіи и до самой Ахаіи, слава Оригена была слишкомъ велика, чтобы рухнуть подъ этимъ ударомъ. Онъ нашелъ пріютъ и покровительство у палестинскихъ епископовъ, водворился въ Кесаріи и продолжалъ на этой новой почвѣ вести преподаваніе въ школѣ, выпускать сочиненія и проповѣдывать вѣрующимъ. Оригенъ только лично былъ изгнанъ изъ Александріи, ученіе же его оставалось тамъ, изъясняемое его давнимъ сотрудникомъ Иракломъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Оригена Димитрій умеръ и Ираклъ заступилъ его мѣсто. Въ послѣднее время его привязанность къ Оригену какъ будто остыла и, ставъ епископомъ, онъ занялъ по отношенію къ нему, повидимому, то же положеніе, какъ и его предшественникъ [1]). Учитель остался въ Палестинѣ, и одинъ изъ его учениковъ, Діонисій, взялся за руководство оглашеніемъ. Несмотря на безспорное достоинство этого новаго учителя, александрійская школа была уже не въ Александріи. Въ Кесарію стекаются знаменитѣйшіе ея ученики, какъ Григорій, будущій Чудотворецъ, и его братъ Аѳинодоръ. Въ Кесарію же, къ Оригену, направлялись письма знаменитѣйшихъ восточныхъ епископовъ, какъ наприм. Фирмиліана, еп. Кесаріи Каппадокійской. Здѣсь онъ предпринялъ свои наиболѣе значительные труды, а именно знаменитое изданіе Гекзапловъ и Октапловъ. Сюда, къ нему, являлись за разрѣшеніемъ богословскихъ затрудненій, для опроверженія еретиковъ и для вразумленія епископовъ, уклонявшихся отъ традиціоннаго ученія. Его знаніе, діалектика, краснорѣчіе были непобѣдимы. Ко всему этому присоединялось обаяніе святой кротости и авторитетъ выдающагося аскетизма. Слава его была всемірной; его творенія, письма распространялись по всему Востоку до самаго Рима, гдѣ, впрочемъ, его читали очень мало, ибо начинали забывать греческій языкъ.

Являясь по своимъ добродѣтелямъ назиданіемъ церкви и распространяя блескъ христіанской вѣры своимъ преподаваніемъ, онъ въ то же время защищалъ ее противъ всѣхъ ея враговъ: еретиковъ, евреевъ, язычниковъ, и успѣвалъ всюду. Къ этому послѣднему періоду его жизни относится его извѣстный трактатъ противъ

---

1) Я не иду дальше, вопреки Harnack'y, *Chronol.*, t. II, s. 25 (ср. *Ueberlief.* s. 332) и Bardenhever'y *Gesch.* t. II, s. 80. Текстъ Фотія, на которомъ основываются, имѣетъ источникомъ какую-то недоброжелательную легенду, какихъ много ходило насчетъ Оригена. См. этотъ текстъ у Döllinger'a *Hyppolyt und Kallist*, s. 264 и у Harnack'a *Ueberlief.* s. 332 (ср. Migne, *P. G.* T. CIV, c. 1229). Прежде чѣмъ онъ былъ исправленъ Дёллингеромъ, Тильмонъ уже весьма ясно разобрался въ этого рода преданіяхъ (*Hist. eccl.* T. III, p. 769).

Цельза. Ему недоставало лишь одной славы—славы исповѣдника за вѣру. Уже въ 235 г. гоненіе Максимина принудило его покинуть Палестину и искать убѣжища въ Каппадокіи. Двое изъ его друзей, Амвросій и пресвитеръ Протоктетъ изъ Кесаріи были брошены въ тюрьму. Онъ вновь взялся тогда за перо, которымъ, еще будучи юношей, воодушевлялъ своего отца умереть за вѣру, и написалъ къ этимъ двумъ исповѣдникамъ свое „Увѣщаніе къ принятію мученичества". Буря миновала, но пятнадцать лѣтъ спустя гоненіе Декія настигло его на посту христіанскаго учителя. Его привлекли къ допросу, бросили въ цѣпяхъ въ тюрьму и подвергли пыткѣ вытягиванія голеней. Ему угрожали огнемъ и подвергли другимъ мукамъ. Ничто не могло сломить его твердости. Однако, менѣе счастливый, чѣмъ его другъ Александръ, который умеръ въ тюрьмѣ, Оригенъ дожилъ до конца гоненія. Онъ пережилъ его на два или на три года, во время которыхъ успѣлъ принять участіе въ кроткихъ мѣропріятіяхъ великихъ современныхъ епископовъ Корнилія, Кипріана, Діонисія, по отношенію къ вѣрующимъ, проявившимъ слабость въ тяжелые дни [1]). Другъ его Амвросій умеръ до него. Одно изъ послѣднихъ посланій, полученныхъ имъ, было отъ его бывшаго ученика Діонисія, ставшаго теперь александрійскимъ епископомъ: въ немъ говорилось о мученичествѣ [2]). Наконецъ онъ умеръ, увѣнчанный всей славой, какую можетъ только пожелать христіанинъ на землѣ, и до послѣдняго дня пребывая въ бѣдности. Въ Тирѣ онъ предалъ Богу свою чудную душу: могила его долгое время привлекала посѣтителей.

Я не сказалъ: поклонниковъ. Въ тѣ времена почести торжественно справлявшихся годовщинъ смерти оказывались лишь мученикамъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, епископамъ. Объ Оригенѣ не сложилось легенды: какъ ни велика была его научная дѣятельность, она мало говорила народному воображенію. Къ тому же его богословскія творенія вскорѣ сдѣлались предметомъ спора; борьба, завязавшаяся вокругъ его памяти, не способствовала его прославленію. У него нашлись крайніе и неловкіе защитники, а еще больше враговъ; мало именъ навлекло на себя столько проклятій, какъ его. Но историку не трудно разобраться въ страстяхъ, частью понятныхъ, частью непростительныхъ, которыя возбудили противъ него Димитріевъ, Меѳодіевъ, Епифаніевъ, Іеронимовъ, Ѳеофиловъ и Юстиніановъ. Хотя мы далеко не имѣемъ всѣхъ его трудовъ, но изъ нихъ уцѣлѣло достаточно, чтобы судить о немъ, въ частности чтобы уяснить отношеніе между его взглядами и принятымъ въ его время ученіемъ, а главное, чтобы убѣдиться въ безусловной чистотѣ его намѣреній.

---

1) Euseb. VI, 39.
2) Euseb. VI, 46.

Его литературная дѣятельность громадна. Большею частію она посвящена Библіи. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о знаменитомъ сборникѣ Гексаплъ, гдѣ въ параллельныхъ столбцахъ помѣщенъ былъ еврейскій текстъ, писанный еврейскими и греческими письменами, и переводы Семидесяти, Акилы, Симмаха и Ѳеодотіона, равно какъ и другія частичныя версіи. Этотъ монументальный трудъ еще не былъ утерянъ въ Кесаріи во времена Евсевія, но сомнительно, чтобы онъ сохранился до временъ Епифанія и бл. Іеронима. Изъ этого труда былъ сдѣланъ сводъ, заключавшій въ себѣ лишь четыре греческіе перевода (Тетраплы).

Оригенъ сдѣлалъ также рецензію перевода Семидесяти, гдѣ скобками были отмѣчены мѣста, отсутствующія въ еврейскомъ текстѣ, а нѣкоторыя дополненія, заимствованныя изъ перевода Ѳеодотіона, когда еврейскій текстъ казался полнѣе текста Семидесяти, были отмѣчены звѣздочками. За этими критическими работами слѣдуетъ если не хронологически, то логически, громадное количество комментаріевъ, различныхъ по формѣ (схолій, гомилій, трактатовъ или τόμοι), но обнимающихъ всѣ книги Ветхаго и Новаго завѣта.

Кромѣ этихъ библейскихъ работъ, Оригенъ оставилъ еще разные труды на частныя темы: трактаты о молитвѣ и о воскресеніи, увѣщаніе къ принятію мученичества, десять книгъ Строматъ и двѣ самыя знаменитыя работы: опроверженіе Цельза и трактатъ „О началахъ" (Περὶ ἀρχῶν). Около сотни писемъ были собраны Евсевіемъ и составляли значительное дополненіе къ этой литературѣ. Изъ нихъ два—были адресованы къ императору Филиппу и его женѣ Отадилии Северѣ.

Св. Епифаній насчитываетъ 6000 томовъ твореній Оригена. Эта громадная цифра не невѣроятна, если считаться съ условіями книжнаго дѣла въ древности и небольшимъ размѣромъ свитковъ (volumina, τόμοι), на которыхъ принято было писать. Какъ бы то ни было, только часть произведеній этой великой дѣятельности сохранилась до нашего времени. Анаѳемы, вскорѣ обрушившіяся на нихъ, отбили охоту къ нимъ у переписчиковъ, особенно греческихъ. Латиняне были милостивѣе. Благодаря имъ мы имѣемъ еще трактатъ „О началахъ",—фундаментальное произведеніе, по

которому можно судить о богословскомъ синтезѣ Оригена, хотя до насъ дошла уже во многихъ мѣстахъ исправленная версія. Переводчикъ Руфинъ предупреждаетъ насъ о томъ въ своемъ предисловіи. Бл. Іеронимъ сдѣлалъ другой, болѣе точный переводъ; къ сожалѣнію, отъ этого перевода такъ же, какъ и отъ подлинника, существуютъ лишь отрывки.

Характерна самая идея синтеза. Со временъ св. Іустина, чтобы не сказать съ ап. Іоанна, часто искали въ философіи, въ ея концепціяхъ и языкѣ способа изъяснить христіанское преданіе. Но то были лишь частичныя попытки. Придавали философское выраженіе лишь тѣмъ пунктамъ, какіе желали особенно подчеркнуть или защитить, для остального довольствовались тѣмъ, что давало преданіе. Іустинъ и другіе апологеты, позднѣе Ириней, Ипполитъ и Тертулліанъ, не пошли дальше. Ихъ богословіе, какъ таковое, всегда остается частичнымъ, отрывочнымъ. Синтезъ ученія заключался въ символѣ вѣры, гдѣ, начиная съ всемогущаго Бога до воскрешенія плоти, вѣрующіе находили въ сжатомъ видѣ все, во что имъ надлежало вѣровать, и на что уповать. Кромѣ этой простой и общераспространенной формулы имѣлись лишь гностическія системы, тоже законченныя, начиная съ несказанной Бездны до возвращенія къ Богу предопредѣленныхъ душъ. Климентъ, будучи христіаниномъ-философомъ, какъ не встрѣчался съ необходимостію заниматься отдѣльными вопросами въ борьбѣ съ противоположными взглядами, такъ равно не чувствовалъ и потребности сгруппировать элементы доктринъ въ стройную систему. Оригенъ первый между христіанскими мыслителями задался мыслью о богословскомъ синтезѣ и осуществилъ его. Я сейчасъ изложу вкратцѣ его содержаніе по трактату „О началахъ“.

Богъ по существу своему простъ, неизмѣненъ и благъ. Въ силу Своей благости Онъ открывается и входитъ въ общеніе, въ силу же Своей неизмѣнности Онъ дѣлаетъ это отъ вѣка. Но такъ какъ немыслимо допустить непосредственныхъ отношеній между бытіемъ простымъ по существу и случайнымъ множествомъ, то Богъ отъ начала [1]) долженъ самъ стать въ такое положеніе, чтобы подобныя отношенія стали возможными. Отсюда—происхожденіе Слова, отдѣльнаго Лица, Божества производнаго, Θεός'α, а не ὁ Θεός'α, ни тѣмъ болѣе αὐτόθεος'α. Оригенъ не отступаетъ передъ терминомъ: „второй Богъ“. Слово, зачатое изъ сущности Отца,—

---

1) Логически; о хронологіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

совѣчно и единосущно Ему. Однако, помимо Своего происхожденія отъ Отца, Слово у Оригена уступаетъ Отцу еще въ томъ, что заключаетъ въ Себѣ первообразъ всего конечнаго, множественнаго. Съ этой точки зрѣнія Оно принадлежитъ къ категоріи твари и есть тварь, κτίσμα, выражаясь словами Библіи [1]).

Здѣсь опять, какъ у апологетовъ, происхожденіе Слова связано съ твореніемъ. Если бы не существовало твари, Слово не имѣло бы никакого основанія для Своего бытія. Но—и здѣсь Оригенъ послѣдователенъ—присущая Богу благость требуетъ, чтобъ всегда была тварь, такъ что Слово—необходимо и вѣчно. Въ этой системѣ, какъ въ системѣ апологетовъ, не видно, какое мѣсто можетъ занимать третіе Лице Божества. Предлагаемая теорія вполнѣ обходится безъ Св. Духа. Оригенъ, однако, допускаетъ Его, какъ всѣ его православные предшественники, ибо о Немъ гласитъ преданіе[2]), и при томъ съ такой очевидностью, что его нельзя оставить безъ вниманія. Такимъ образомъ Духъ Святой дополняетъ Троицу, т.-е. іерархію божественныхъ Лицъ,—іерархію, степени которой опредѣляются по отношенію къ твари тѣмъ, что дѣятельность Отца распространяется (косвенно) на все существующее, дѣятельность Слова—на всю разумную тварь или духовъ, а Духа Святого на разумную тварь и святыхъ.

Таковъ божественный міръ, состоящій изъ трехъ „неизмѣняемыхъ Лицъ“; ниже Ихъ находится міръ низшихъ духовъ, подверженныхъ измѣненію. Эти духи были сотворены свободными, но не замедлили злоупотребить своей свободой [3]), такъ что необходимо было подвергнуть ихъ наказанію и исправленію. Съ этою цѣлью созданъ былъ чувственный міръ. Тѣла предназначены доставить духамъ очистительное испытаніе. Сообразно со степенью вины духамъ дается тонкое тѣло (ангелы), плотное (люди) или безо-

---

1) Притчи VIII, 22, по греческому тексту: Ὁ Κύριος ἔκτισέ με ἀρχὴν ὁδῶν αὐτοῦ. (Господь создалъ Меня въ начало путей Своихъ). Бл. Іеронимъ перевелъ: Dominus possedit me (Господь пріобрѣлъ Меня). Въ другомъ мѣстѣ (Быт. XIV) онъ встрѣтился съ двумя случаями употребленія этого глагола (qânâ), въ формѣ причастія настоящаго времени (qônê); въ первомъ случаѣ (19 ст.) онъ перевелъ словами: qui creavit (Онъ создалъ),—а во второмъ (22 ст.): possessor (владѣтель).

2) Однако преданіе, какъ ему казалось, не разрѣшаетъ вопроса о томъ, тварное бытіе—Св. Духъ или несозданное (γεννητὸς ἢ ἀγέννητος) и есть ли Онъ Сынъ Божій (I, 1). См. выше стр. 155—156.

3) Такое пониманіе первороднаго грѣха, происшедшаго внѣ чувственнаго міра, значительно разнится съ церковнымъ Оно скорѣе приближается къ воззрѣнію Валентина. Впрочемъ Валентинъ приписываетъ первородный грѣхъ божественному существу, чего здѣсь нѣтъ.

бразное (демоны). Такимъ образомъ твореніе тѣла находится въ соотвѣтствіи съ твореніемъ духовъ; несозданной матеріи не существуетъ.

Соединеніе тѣла съ духомъ доставляетъ послѣднему возможность борьбы и заслуги. Въ этой борьбѣ, гдѣ свобода людей остается неприкосновенной, имъ содѣйствуютъ ангелы и препятствуютъ демоны. Но борьба добра со зломъ кончится [1]); зло не вѣчно; очищеніе распространится даже на демоновъ.

Здѣсь выступаетъ на сцену теорія искупленія. Постоянное испытаніе душъ человѣческихъ возбуждаетъ участіе Слова, и Оно посылаетъ имъ въ помощь избранныя души, которыя облекаются плотію: это—пророки; Оно даже создало изъ цѣлаго народа орудіе спасенія; наконецъ, такъ какъ всѣ эти посредники оказываются недостаточными, приходитъ само. Абсолютно чистая душа [2]) восприняла тѣло; Слово соединилось съ этой душой, которая при этомъ сохранила свою свободу и способность къ возвышенію и паденію. Отсюда—возрастаніе видимаго Христа. Спасеніе *для обыкновеннаго христіанина*, есть дѣло креста, жертвы, выкупъ за долгъ, освобожденіе отъ рабства діаволу; *для христіанина-гностика* оно есть наставленіе въ истинахъ высшаго порядка. И для того и для другого воплотилось Слово, обожествляя человѣческую природу внутреннимъ общеніемъ. Но для обыкновенныхъ христіанъ Христосъ въ пониманіи Оригена устраняетъ преграды къ спасенію, а для христіанъ-гностиковъ Онъ являетъ Собою образецъ (жизни) и свѣтъ,—и только.

Конецъ міра есть лишь относительный конецъ; вселенная должна всегда существовать и движеніе возобновляться. Когда жизнь (того или другого міра) приходитъ къ концу, остатокъ искупается другимъ способомъ—нематеріальнымъ и очистительнымъ огнемъ, послѣ чего тварный духъ получаетъ свой окончательный видъ. Облеченный въ прославленное тѣло, которое ничего не имѣетъ общаго съ человѣческими формами, онъ съ этой минуты тяготѣетъ къ добру. Матерія, покинутая одними, служитъ затѣмъ для другихъ, и такъ происходитъ вѣчный круговоротъ.

Таково содержаніе системы. Методъ для ея построенія изложенъ въ предисловіи къ книгѣ „О началахъ". Оригенъ открываетъ

[1]) Конецъ, разумѣется, относительный, касающійся лишь отдѣльныхъ тварей, ибо движеніе самаго міра вѣчно.

[2]) Она составляетъ исключеніе изъ первороднаго грѣха.

изложеніе перечисленіемъ пунктовъ вѣроученія, непререкаемо признанныхъ церковью; онъ тщательно отдѣляетъ то, что находитъ въ оффиціальной догмѣ, отъ того, что является лишь частнымъ мнѣніемъ или смутнымъ вѣрованіемъ. Подлинное вѣроученіе далеко не дастъ ему ключа ко всѣмъ проблемамъ; однако, онъ намѣренъ на немъ обосновать свой синтезъ. „Вотъ элементы, основанія, которыми надо пользоваться, если (согласно съ предписаніемъ: „просвѣщайте себя свѣтомъ познанія") желаешь создать стройное ученіе и какъ бы разумно устроенное цѣлое. Надлежитъ прибѣгнуть къ яснымъ и неоспоримымъ выводамъ, взять у св. Писанія все, что тамъ есть непосредственнаго, и что можно изъ него извлечь путемъ выводовъ; затѣмъ изо всѣхъ этихъ ученій должно составить одно цѣлое".

Нельзя придумать болѣе похвальнаго метода. Къ сожалѣнію, здѣсь подразумѣвается, что Писаніе будетъ разсматриваться съ помощью аллегорическаго экзегезиса, дающаго возможность выискать любое ученіе въ любомъ текстѣ. Отсюда открывается дверь своеобразнымъ взглядамъ, смѣлымъ мыслямъ, умозрѣніямъ современной философіи. Такимъ путемъ Оригенъ дошелъ до построенія системы, въ которой христіанство съ трудомъ могло себя узнать: это—извѣстнаго рода компромиссъ между Евангеліемъ и гносисомъ,—богословіе, въ которомъ преданіе скорѣе стоитъ особнякомъ, чѣмъ входитъ въ его плоть и кровь,—въ которомъ даже идеи, на первый взглядъ представляющіяся пріемлемыми, при болѣе близкомъ ознакомленіи вызываютъ опасеніе, какъ только отдашь себѣ отчетъ, въ связи съ какими понятіями онѣ высказываются.

Послѣ смерти автора, доктрина Оригена вызвала много критикъ, но скорѣе по отдѣльнымъ пунктамъ, чѣмъ въ цѣломъ; нельзя указать ни на кого, кто бы нападалъ на самую систему, какъ на таковую. Да и тѣ нападки появились не скоро. Περὶ ἀρχῶν далеко не изъ послѣднихъ произведеній автора. Онъ написалъ его въ Александріи до своего разрыва съ епископомъ Димитріемъ, и этотъ послѣдній нисколько не былъ встревоженъ трактатомъ Оригена. Впрочемъ, онъ, видимо, не былъ строгъ къ ученіямъ, ибо уже въ его время Климентъ обнародовалъ свои Гипотипозы. Когда у него произошло столкновеніе съ Оригеномъ и онъ обличилъ его передъ всею церковью, то упрекалъ его лишь въ добровольномъ оскопленіи и посвященіи чужими епископами. Ираклъ, будучи другомъ и сотрудникомъ Оригена въ то время, когда онъ издавалъ Περὶ

ἀρχῶν, не возражалъ ни тогда, ни послѣ, когда сдѣлался еп. александрійскимъ. Діонисій, управлявшій церковью послѣ Иракла, былъ самъ ученикомъ Оригена и до конца поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія. Извѣстно, въ какомъ почетѣ онъ былъ у палестинскихъ, аравійскихъ, финикійскихъ, каппадокійскихъ и ахайскихъ епископовъ. Въ Римѣ приняли приговоръ еп. Димитрія, какъ мы видѣли, не имѣвшій никакого доктринальнаго характера, и сначала этимъ и довольствовались. Но подъ конецъ поднялась дурная молва о воззрѣніяхъ Оригена и дошла до папы Фабіана. Оригенъ счелъ себя вынужденнымъ написать какъ ему, такъ и другимъ епископамъ „о своемъ православіи“. Онъ очень жаловался на поддѣлку своихъ произведеній и на неосторожность Амвросія [1]), всегда спѣшившаго обнародовать произведенія своего друга, не давая ему времени внести въ нихъ должныя поправки [2]). Нужно быть большимъ оптимистомъ, чтобы слѣпо принять это объясненіе. Однако достовѣрно одно, что не только Оригенъ умеръ въ общеніи съ церковью, но и его ученіе, несмотря на недоумѣнія, которыя оно вызвало въ нѣкоторыхъ кругахъ, никогда при жизни его не было предметомъ оффиціальнаго осужденія.

---

1) Euseb. *H. E.* VI, 36. ep. Hieron. ep. LXXXIV, 10; Rufin. *in Hier.* I, 44. Вотъ что говоритъ бл. Іеронимъ: Ipse Origenes in epistola quam scribit ad Fabianum Romanae urbis episcopum poenitentiam agit cur talia scripserit et causas temeritatis in Ambrosium refert quod secreto edita in publicum protulerit. (Самъ Оригенъ въ своемъ посланіи къ еп. римскому Фабіану выражаетъ раскаяніе, зачѣмъ онъ, Оригенъ, высказалъ въ своихъ произведеніяхъ такія (неправославныя) мысли, и вину за эту неосмотрительность возлагаетъ на Амвросія, который опубликовалъ то, что было написано имъ для интимнаго круга читателей).—Если бы бл. Іеронимъ откуда нибудь слышалъ объ осужденіи ученія Оригена, въ Римѣ еще при его жизни, то онъ несомнѣнно воспользовался бы этимъ аргументомъ въ своемъ спорѣ съ Руфиномъ.

2) См. предшеств. примѣчаніе; см. также письмо Оригена къ его александрійскимъ друзьямъ у Руфина. *De adulter. librorum Origenis*. Migne. *P. G.* XVII p. 624.

ГЛАВА XIX.

Церковь и государство въ III вѣкѣ.

Гоненія на основаніи спеціальныхъ указовъ о христіанахъ.—Септимій Северъ запрещаетъ совращенія.—Религіозный синкретизмъ: Юлія Домна, Геліогабалъ, Александръ Северъ.—Указъ Максимина противъ духовенства.—Гоненія Деція, Галла и Валеріана.—Церковныя имущества.

Послѣдніе годы царствованія Марка Аврелія ознаменовались въ исторіи христіанства кровавыми событіями. При Коммодѣ гоненіе, какъ и многое другое, ослабилось, однако не въ томъ смыслѣ, чтобы съ христіанства тогда былъ снятъ запретъ; но въ то время, какъ высшее правительство не упорствовало въ преслѣдованіяхъ и даже выказывало довольно большую терпимость въ Римѣ, провинціальныя власти имѣли полную свободу, смотря по своей прихоти и по обстоятельствамъ, дѣйствовать строго или снисходительно. Въ Азіи проконсулъ Аррій Антонинъ (184—5) выдѣлялся своей ревностью въ преслѣдованіи христіанъ. Однажды во время суда надъ ними всѣ послѣдователи Христа въ городѣ толпой явились предъ его трибуналъ. Онъ казнилъ нѣсколькихъ и сказалъ остальнымъ: „Несчастные! Да вѣдь если вамъ такъ хочется умереть, есть же веревки и пропасти“. Характерный случай, гдѣ ярко обнаружилось противорѣчіе между строгостью закона и трудностью примѣнять его на дѣлѣ. Въ самомъ Римѣ, несмотря на процессъ Аполлонія, христіане пользовались относительнымъ спокойствіемъ такъ же, какъ и въ Африкѣ. Тертулліанъ отмѣчаетъ за это время нѣсколькихъ благорасположенныхъ проконсуловъ. [1]).

Эти колебанія римской юстиціи и система осужденія отдѣльныхъ личностей неспособны были существенно затормозить успѣховъ христіанства. Политическая опасность, которая такъ тревожила Цельса,

---

1) *Ad Scap.*, 4: „Cincius Severus, qui Thysdri ipse dedit remedium, quomodo responderent christiani, ut dimitti possent; Vespronius Candidus, qui christianum quasi tumultuosum civibus suis satisfacere dimisit“ (Цинцій Северъ въ Тиздрѣ самъ указалъ христіанамъ способъ, какъ они должны отвѣчать на судѣ, чтобы могли быть отпущенными; Веспроній Кандидъ отказалъ гражданамъ въ ихъ искѣ противъ христіанина, обвиненнаго якобы въ мятежѣ).

заставила наконецъ императоровъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры. Въ теченіе всего второго вѣка гоненія не имѣли иного законнаго основанія, какъ то запрещеніе, происхожденіе котораго мы изслѣдовали выше. Теперь, не отмѣняя этого общаго запрещенія, начинаютъ издавать особые указы, въ которыхъ точно опредѣлялись разряды христіанъ, подлежавшихъ преслѣдованію, порядокъ судопроизводства, кары, конфискаціи, полицейскія мѣры. Примѣненіе ихъ императоры не ставятъ болѣе въ зависимость отъ усердія властей: ихъ теперь обязываютъ начать борьбу и выполнять въ точности планъ репрессій, начертанный императорскимъ правительствомъ. Отсюда гоненія принимаютъ характеръ гораздо болѣе жестокій, чѣмъ прежнія, но зато довольно кратки: смѣна императоровъ и даже въ извѣстныхъ случаяхъ безуспѣшность исключительныхъ законовъ довольно скоро вызываетъ отмѣну указовъ.

I. Эпоха Северовъ.

Септимій Северъ первый изъ императоровъ издалъ подобный указъ. Лично онъ вовсе не былъ враждебно настроенъ противъ христіанъ: его дворецъ былъ полонъ ими, его сынъ Каракалла былъ вскормленъ христіанкой [1]). Это обстоятельство не помѣшало властямъ примѣнять суровыя мѣры. „Апологетикъ“ Тертулліана, его двѣ книги Ad nationes („Къ народамъ“) въ 197 г., его прошеніе „Къ проконсулу Скапулѣ“ въ 211 г. представляютъ протесты противъ жестокостей чиновниковъ эпохи Севера. Впрочемъ имя этого императора не связывается съ законами о гоненіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ. Северъ пытался лишь остановить христіанскій прозелитизмъ. Указъ, изданный имъ въ этихъ видахъ, появился около 200 г., во время его пребыванія въ Сиріи. Спартіанъ приводитъ его въ краткихъ, но ясныхъ выраженіяхъ: „Онъ воспретилъ подъ страхомъ суровыхъ наказаній совращать въ іудейство или въ христіанство [2])“. Давно уже было воспрещено обрѣзаніе лицъ, не принадлежавшихъ къ еврейскому народу; тотъ же запретъ былъ распространенъ и на христіанское крещеніе. Повидимому онъ дѣйствовалъ недолго; по крайней мѣрѣ христіанскіе писатели не отличаютъ жертвъ этого указа отъ жертвъ обычнаго гоненія. Однако достопримѣчательно, что александрійское огласительное училище

[1]) Tert., *ad Scap.*, 4.
[2]) *Judaeos fieri sub gravi poena vetuit; idem etiam de christianis sanxit.* Spartian.,—*Sever,* 17 (t. I, p. 137, Peter).

пришло въ разстройство именно въ этотъ моментъ, и что руководившій имъ Климентъ былъ вынужденъ покинуть Египетъ. Это училище было въ Египтѣ самымъ виднымъ орудіемъ христіанской пропаганды: очевидно, его составъ—учителя и слушатели—попалъ подъ дѣйствіе указа. Пытавшійся возстановить его Оригенъ подвергся преслѣдованіямъ, и если самъ онъ не погибъ, то за то нѣсколько изъ его новообращенныхъ учениковъ были арестованы и казнены. Это случилось въ 202 г. Тогда-то погибли въ Кареагенѣ знаменитые мученики Перпетуя, Фелицитата, Сатуръ съ товарищами,—все новообращенные или оглашенные.

Въ то время, какъ императоръ Северъ прибѣгалъ въ своей политикѣ къ старымъ римскимъ пріемамъ, домъ его становился центромъ умственнаго движенія, которое могло породить своего рода религіознаго соперника христіанству [1]). До своего восшествія на престолъ Северъ взялъ себѣ жену изъ древней сирійской жреческой семьи, посвятившей себя служенію при храмѣ Эль-Габала въ Емезѣ. Юлія Домна, дочь первосвященника Бассіана, была женщиной съ твердой волей, выдающимся умомъ и широкимъ образованіемъ. Ставъ императрицей, она вскорѣ собрала около себя всѣхъ представителей высшей духовной культуры въ имперіи. Представители этой культуры того времени не были склонны какъ когда-то насмѣхаться надъ богами. Они стали религіозными. Философскій мистицизмъ еще не нашелъ себѣ выраженія въ системѣ неоплатониковъ, но онъ почти всюду обнаруживалъ тенденцію установить іерархію въ пантеонѣ унаслѣдованныхъ боговъ, для того чтобы согласовать его съ извѣстнаго рода божественнымъ единствомъ; въ области морали онъ любилъ проповѣдывать пиѳагорейскій аскетизмъ. Вообще онъ нащупывалъ себѣ дорогу. Юлія Домна помогала ему найти ее. Женщина, отличавшаяся столь практическимъ складомъ ума и не отказавшаяся бы управлять государствомъ, если бы ей предоставили дѣйствовать, не могла обойти безъ вниманія религіозный вопросъ. Она вызвала интересъ къ нему у тѣхъ ученыхъ, которые ее окружали. Несмотря на всѣ указы старые и новые, христіанство дѣлало съ каждымъ днемъ все болѣе угрожающіе успѣхи. Оппозиція ему со стороны старыхъ культовъ отличалась разъединеннымъ характеромъ. Не представлялось ли возможнымъ сгруппировать эти культы вокругъ одной идеи, вокругъ какого-нибудь символа и сообщить имъ такимъ

[1]) О настроеніи умовъ въ эту эпоху въ философскомъ и религіозномъ отношеніи см. Jean Réville—*La religion à Rome sous les Sévères* 1886, p. 190 и сл.

путемъ хоть какое-нибудь единство? Нельзя ли было признать боговъ разныхъ храмовъ и разныхъ племенъ за представителей единаго высшаго божества, творца міра, которымъ онъ управляетъ чрезъ ихъ посредство, при чемъ они являются частичными его проявленіями? Самымъ естественнымъ и въ то же время самымъ великолѣпнымъ символомъ этого высшаго божества является солнце, изливающее на все свѣтъ и теплоту. Воспитанная у алтарей семитскаго божества, знакомая со всѣми миѳическими преданіями и философскими системами Греціи, окруженная въ палатинскомъ дворцѣ ареопагомъ мыслителей, собравшихся со всѣхъ концовъ имперіи, красавица-императрица сама была живымъ воплощеніемъ этого новаго умственнаго движенія, великой жрицей этого идеала религіознаго синкретизма.

У нея было слишкомъ много здраваго смысла, чтобы брать на себя роль провозвѣстницы новаго откровенія. Эту роль предоставили довольно загадочной личности, Аполлонію Тіанскому, который, какъ было извѣстно, жилъ во времена Цезарей и Флавіевъ. Онъ оставилъ по себѣ въ Малой Азіи и иныхъ мѣстахъ славу пиѳагорейскаго аскета, странствующаго проповѣдника и чудотворца, а по словамъ иныхъ, и мага. Одному изъ писателей, окружавшихъ императрицу,—Филострату, дано было порученіе составить его жизнеописаніе; у Юліи Домны были въ рукахъ мало достовѣрныя записки нѣкоего Дамиса, яко бы спутника Аполлонія. Она передала ихъ Филострату. Принявъ ихъ за основную канву, онъ далъ волю своей фантазіи, заимствуя направо и налѣво, даже изъ христіанскихъ евангелій, черты, наиболѣе способныя поднять значеніе и выставить въ яркомъ свѣтѣ величіе и добродѣтели своего героя: его любовь къ ближнимъ, великое состраданіе къ человѣческимъ бѣдствіямъ, его глубокую религіозность, почитавшую всѣхъ боговъ, но въ особенности божественное Солнце.

Книга имѣла успѣхъ, гораздо болѣе громкій, чѣмъ сама система. Во враждебныхъ христіанству кругахъ скоро поняли, какую пользу можно было извлечь изъ нея, если не для языческаго синкретизма, то по крайней мѣрѣ для борьбы съ христіанской пропагандой. Легенда объ Аполлоніи, принятая за чистую монету, позволяла противопоставить Евангелію образецъ прекрасной жизни, чистой, набожной, самоотверженной, полной чудесъ и благодѣяній. Этимъ не преминули воспользоваться Порфирій, Іероклъ, Юліанъ.

Вліяніе Юліи Домны держалось и послѣ смерти Севера (211 г.) во все время царствованія Каракаллы. Когда ея сынъ былъ убитъ (въ 217 г.), императрица предпочла умереть, чѣмъ преклониться предъ его убійцами. Ея сестра, Юлія Мэза, столь же честолюбивая, какъ и она, выступила тогда на сцену и неожиданно продлила существованіе северовской династіи, удержавъ власть въ фамиліи емезскихъ первосвященниковъ. У нея были двѣ дочери, Соэміада и Маммея, каждая—съ малолѣтнимъ сыномъ. Солдатъ восточной арміи, очень преданныхъ Каракаллѣ, увѣрили, что сынъ Соэміады родился отъ ея незаконной связи съ ихъ любимымъ императоромъ. Мальчикъ—ему было всего 13 лѣтъ—былъ уже обладателемъ правъ емезскаго первосвященства. Императоръ Макринъ, посаженный было на мѣсто Каракаллы, былъ вскорѣ устраненъ, и юный жрецъ сталъ римскимъ императоромъ. Мы знаемъ его подъ именемъ его бога Геліогабала, котораго онъ перенесъ въ Римъ и фанатичнымъ служителемъ котораго онъ оставался всю жизнь. Какъ и его бабка Домна, новый императоръ былъ синкретистъ, но на свой образецъ. Его богъ долженъ былъ стать центромъ Олимпа. Онъ началъ съ того, что женилъ его на карѳагенской Юнонѣ Небесной. Перенесенный на Западъ Ваалъ такимъ образомъ вновь обрѣлъ свою Астарту. Онъ возстановилъ также его сирійскій культъ, съ его непристойными обрядами и священнымъ изступленіемъ. Императоръ лично руководилъ этой религіозной оргіей и съ наслажденіемъ позорилъ въ ней то, что еще уцѣлѣло отъ древняго римскаго величія. Наконецъ, преторіанцамъ надоѣлъ этотъ великій жрецъ съ его сладострастными процессіями: его бросили въ Тибръ, и на его мѣсто посадили сына Маммеи, кроткаго и добродѣтельнаго Александра. Емезскаго бога, карѳагенскую богиню и много другихъ боговъ, привезенныхъ издалека на эту небесную свадьбу, разослали обратно по прежнимъ храмамъ. Александръ съ своей стороны былъ также склоненъ къ религіозному синкретизму. Одушевленный гораздо болѣе широкимъ благочестіемъ, чѣмъ Юлія Домна, онъ поклонялся въ своей домовой часовнѣ одновременно Аврааму и Орфею, Іисусу Христу и Аполлонію Тіанскому. Его мать Маммея была въ перепискѣ съ Оригеномъ и Ипполитомъ [1]). Возможно, что и Александръ былъ знакомъ съ этими учителями. Онъ готовъ былъ воздвигнуть храмъ Іисусу Христу и оффиціально причислить его къ сонму боговъ, но его совѣтники отговорили его отъ этого. Однако они не удержали его отъ явнаго допущенія христіанскихъ общинъ, отъ похвалъ ихъ нравственности и

[1]) См. выше стр. 213, 231.

организаціи и, наконецъ, отъ защиты ихъ при случаѣ противъ несправедливыхъ исковъ [1]).

Это спокойное царствованіе длилось 13 лѣтъ. 19 марта 235 года Александръ былъ убитъ возмутившимися солдатами, которые возложили императорскую мантію на плечи Максимина, грубаго и фанатичнаго солдата. Немедленно произошелъ рѣзкій поворотъ. Противъ христіанъ, пользовавшихся благосклонностію покойнаго императора, былъ изданъ особый указъ, который, по словамъ Евсевія, касался только пастырей церковныхъ; Оригенъ свидѣтельствуетъ о сожженіи церковныхъ зданій [2]). Въ это самое время были арестованы его друзья Амвросій, имѣвшій санъ діакона[3]), и Протоктетъ, пресвитеръ въ Кесаріи Палестинской, и онъ написалъ имъ свое Увѣщаніе къ мученичеству. Самъ онъ былъ вынужденъ скрываться. Однако, они всѣ трое пережили гоненіе. Оно отличалось особенной суровостью въ Каппадокіи, гдѣ легатъ не ограничился преслѣдованіемъ духовенства и гналъ безъ различія всѣхъ вѣрныхъ[4]). Въ Римѣ еп. Понтій и Ипполитъ, стоявшій во главѣ схизматической общины, были арестованы и сосланы въ Сардинію, гдѣ оба вскорѣ и умерли[5]). Въ Антіохіи, Александріи, Іерусалимѣ, Кесаріи Каппадокійской епископы спаслись отъ преслѣдованій, ибо незамѣтно, чтобы ихъ каѳедры оставались вакантными во времена Максимина. То же можно сказать о епископѣ карѳагенскомъ: ни одинъ изъ предшественниковъ св. Кипріана не претерпѣлъ мученичества. Въ общемъ указы Максимина, кажется, мало исполнялись при его жизни и вовсе перестали примѣняться послѣ его смерти. Гордіанъ III (238—243) и Филиппъ (243—249) оставили христіанъ въ покоѣ. Филиппъ, по крайней мѣрѣ по слухамъ [6]), самъ былъ христіаниномъ, но только въ частной жизни, ибо его монеты и все, что дошло до насъ объ его дѣятельности, не обнаруживаютъ никакой видимой разницы съ религіозной точки зрѣнія между нимъ и прочими императорами.

2. Гоненіе Деція (250—251).

Провозглашенный императоромъ въ сентябрѣ 249 г., Децій почти тотчасъ увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ двойная задача: отра-

---

1) Lamprid. *Alexander*, 22, 29, 43, 45, 49, 51.
2) Euseb., VI, 28; Origen.—*In Matth.*, 28.
3) Hieronym.—De viris, 56.
4) Фирмиліанъ (у Кипріана, посл. LXXV, 10.)
5) *Cat. lib.*
6) Діонисій Александрійскій у Евсевія, VII, 10.

зить нашествіе готовъ и реформировать нравы. Первая была поставлена ходомъ событій; хотя онъ и не достигъ въ ней успѣха, но все же въ своей попыткѣ борьбы нашелъ себѣ почетную смерть. Что же касается до второй задачи, то онъ самъ поставилъ ее себѣ, не оцѣнивъ ни своихъ силъ, ни стоящихъ на этомъ пути препятствій. Онъ возстановилъ должность цензора, назначилъ на нее сенатора Валеріана и далъ ему порученіе искоренить всѣ злоупотребленія во дворцѣ, въ сенатѣ, въ администраціи,—словомъ, вездѣ. Его намѣреніе истребить въ корнѣ христіанскую вѣру связано съ этими планами всеобщаго преобразованія. Децій почиталъ христіанство самымъ сильнымъ разрушителемъ римскихъ нравовъ; онъ вообразилъ себѣ, что съ нимъ можно справиться мѣрами строгости, если ихъ примѣнять серьезно. Но давно уже прошло время, когда подобное предпріятіе могло увѣнчаться успѣхомъ[1]).

Указъ о гоненіи, насколько можно судить по случаямъ его примѣненія, ибо текстъ его не дошелъ до насъ, требовалъ отъ всѣхъ христіанъ и всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ христіанствѣ, засвидѣтельствовать свою принадлежность къ языческому культу какимъ-нибудь дѣйствіемъ,—жертвоприношеніемъ, возліяніемъ, участіемъ въ священной трапезѣ. Въ каждомъ городѣ и даже мѣстечкѣ были учреждены коммиссіи, чтобы слѣдить за выполненіемъ этой формальности: онѣ выдавали тѣмъ, кто соглашался выполнить ее, удостовѣренія въ совершеніи обряда[2]). Тѣхъ, кто отъ нея отказывался, должны были принудить къ ней правительственные чиновники или городскія власти. Естественно, что прежде всего взялись за епископовъ и членовъ клира и другихъ почетныхъ лицъ церкви.

---

1) Объ этомъ гоненіи см.: 1) Посланія Кипріана, 1—56; О падшихъ; 2) Діонисія александрійскаго: посланія къ Фабію антіохійскому (Евс., VI, 41, 42), къ Домицію и Дидиму (Евс., VII, 11, 20), къ Герману (Евс. VI, 40).—Среди сказаній о страданіяхъ мучениковъ эпохи Деція, исторія Піонія единственная, заслуживающая довѣрія (греческій текстъ ея у Gebhardt'а въ *Acta martyrum selecta*, 96); исторія Карпа (см. выше стр. 178), можетъ быть, тоже относится къ этому времени. Что же касается до исторій св. Ахатія (въ Антіохіи Писидійской), св. Максима, свв. Петра, Андрея, Павла, Діонисія (въ Лампсакѣ), св. Конона (въ Магидосѣ), св. Нестора (въ Сидеѣ), св. Трифона и Респиція (въ Никеѣ), св. Лукіана и Маркіана (въ Виѳиніи), св. Сатурнина (въ Тулузѣ), то эти разсказы составлены настолько позднѣе событій, что ими трудно пользоваться.

2) Нѣкоторыя изъ этихъ удостовѣреній дошли до насъ въ подлинникѣ въ египетскихъ папирусахъ. Три были найдены въ сосѣдствѣ Арсинои, четвертый полученъ изъ Оксиринка (*Sitzungsbericht. d. Akadem. zu Berlin* 1893, p. 1007; *Akadem. zu Wien* 1894, *s.* 3; *Atti del II Congresso di archeolog. christ.*, *Roma* 1902, 398; Grenfell et Hunt—*Oxyrhynchus papyri*, t. IV, London, 1904). Ср. Harnack—*Theol. Literaturzeitung*, 1894, 38, 162; P. Franchi—*Nuovo Bull. di archeol. christ.*, 1895, 68 и *Miscellanea di st. e cult. eccl.*, 1904, 3.

Исповѣдниковъ заключали въ тюрьмы и томили голодомъ, жаждой и иными медленными пытками, пока они не рѣшались на отреченіе. Отъ времени до времени произносились смертные приговоры, совершались казни, показывавшія, до какихъ предѣловъ рѣшилось итти правительство. Довольно часто прибѣгали къ сожженію на кострѣ, такъ какъ этотъ родъ казни, уничтожавшій тѣло, отнималъ, какъ думали палачи, надежду на воскресеніе изъ мертвыхъ. У тѣхъ, кто спасался бѣгствомъ, отбирали имѣнье.

Эти мѣры, строго проводимыя, сперва какъ будто увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Масса христіанъ держала себя жалкимъ образомъ предъ лицомъ гонителей. „Упадокъ духа былъ всеобщимъ,— говоритъ Діонисій Александрійскій,—большое число лицъ, занимавшихъ видное положеніе, явились сами; лица, состоявшія на службѣ, шли подъ давленіемъ своихъ подчиненныхъ или сотоварищей. Когда ихъ вызывали по имени и предлагали совершить жертвоприношеніе, они выступали блѣдныя и дрожащія, какъ будто они пришли не для того, чтобы принести жертву, а чтобы быть закланными самимъ. Собиравшаяся на это зрѣлище толпа насмѣхалась надъ ними; всѣмъ было ясно, что это были трусы, столь же боявшіеся жертвоприношенія, какъ и смерти. Были и такіе, которые дѣйствовали увѣреннѣе, бросались къ алтарямъ, завѣряя, что они никогда и не были христіанами. О нихъ-то сказалъ Господь, что трудно имъ будетъ спастись. Что касается до людей незначительныхъ, то они послѣдовали примѣру остальныхъ или обратились въ бѣгство. Часть ихъ была задержана. Среди нихъ нашлись люди, достаточно твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы дать себя заковать и бросить въ тюрьму; иные выдерживали характеръ даже довольно долго, но передъ тѣмъ, какъ предстать предъ судомъ, они отрекались. Иныхъ сломила только пытка“.

Въ Карѳагенѣ и въ Римѣ происходило то же, что въ Александріи. Въ Смирнѣ еп. Евдемонъ отрекся вмѣстѣ со многими христіанами. Но за то находились и мученики, въ особенности исповѣдники. Въ Римѣ папа Фабіанъ, арестованный съ первыхъ же дней гоненія, былъ замученъ 20 января 250 г. Пресвитеры Моисей и Максимъ, діаконы Руфинъ и Никостратъ были брошены въ тюрьму, гдѣ пробыли больше года, а Моисей тамъ же и умеръ къ концу года. Въ Тулузѣ еп. Сатурнинъ былъ казненъ; въ Смирнѣ пресвитеръ Піоній, захваченный вмѣстѣ съ нѣсколькими вѣрными во время празднованія памяти св. Поликарпа, былъ сожженъ. Одновременно съ нимъ былъ сожженъ пресвитеръ-маркіонитъ, по имени

Митродоръ. Піоній, сошедшійся на одномъ кострѣ съ маркіонитомъ, въ тюрьмѣ встрѣтился съ монтанистомъ Евтихіаномъ. Императорскій указъ не дѣлалъ различія между великой церковью и отколовшимися отъ нея членами. Въ Антіохіи и Іерусалимѣ епископы Вавила и Александръ были также подвергнуты заключенію и умерли въ тюрьмѣ. Оригенъ, тоже посаженный въ темницу и едва не четвертованный, избѣжалъ смерти, но недолго прожилъ, очевидно обезсиленный перенесенными страданіями.

Во многихъ мѣстахъ епископамъ удалось бѣжать, какъ напр., св. Кипріану въ Карѳагенѣ и св. Григорію въ Неокесаріи. Несомнѣнно то же было въ Кесаріи Каппадокійской и во многихъ другихъ мѣстахъ, о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Діонисій Александрійскій былъ арестованъ въ ту минуту, какъ покидалъ городъ, но былъ отбитъ у сопровождавшей его стражи преданными ему поселянами, которые увели его въ безопасное мѣсто.

Скрывшіеся епископы продолжали руководить своими церквами изъ глубины своихъ убѣжищъ; они поддерживали сношенія съ тѣми членами клира, которые продолжали свою службу подъ самой грозой гоненія, и съ мужественными мірянами, которые не оставляли дѣлъ христіанскаго милосердія. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересна переписка св. Кипріана. Изъ нея видно, какъ христіанской общинѣ въ Римѣ и въ Карѳагенѣ приходилось жить среди ужасовъ гоненія.

Въ Римѣ положеніе было настолько трудно, что не было возможности поставить преемника Фабіану; епископская каѳедра оставалась не замѣщенною 15 мѣсяцевъ.

Цѣлый годъ прошелъ въ этихъ тревогахъ. Исповѣдники, переполнявшіе тюрьмы, умирали медленной смертью. По временамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сжигали на кострахъ, бросали на съѣденіе звѣрямъ или отрубали имъ головы. Церковь радостно отмѣчала эти примѣры доблести. Христіане погребали своихъ мучениковъ, посѣщали заключенныхъ, помогали бѣглецамъ, поддерживали мужество въ людяхъ, подвергавшихся опасностямъ, и уже старались утѣшить и примирить съ церковью раскаявшихся вѣроотступниковъ.

Къ концу 250 г. гоненіе стихло. Слѣдующей весной вернулось спокойствіе. Вновь появились епископы, возобновились собранія. Въ ноябрѣ 251 г. Декій погибъ во время борьбы съ непріятелемъ на берегахъ Дуная. Казалось, опасность миновала; св. Кипріанъ могъ собрать соборъ въ Карѳагенѣ, а римская церковь избрала себѣ новаго епископа.

Однако спокойствіе продолжалось недолго. Преемникъ Декія, Требоніанъ Галлъ, издалъ новый указъ, по которому отъ христіанъ требовалось еще разъ совершить жертвоприношеніе. Страшная чума опустошала въ это время имперію. Повидимому, она и была причиной этого второго гоненія, относительно котораго до насъ дошло лишь нѣсколько намековъ въ посланіяхъ св. Кипріана и св. Діонисія Александрійскаго [1]. Новый папа Корнилій былъ арестованъ, но вѣрующіе толпой явились въ судъ, исповѣдуя свою вѣру и объявляя, что они готовы умереть за нее [2]. Корнилій былъ только заключенъ въ Centumcellae (нынѣ Чивиттавеккія), гдѣ и умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя (въ іюнѣ 253). Луцій, избранный на его мѣсто, былъ сосланъ въ свою очередь немедленно послѣ своего посвященія; но его ссылка длилась недолго. Возвращенный либо самимъ Галломъ, либо Емиліаномъ, его недолговѣчнымъ преемникомъ, онъ вновь всталъ во главѣ церкви въ началѣ 254 г., но всего лишь на нѣсколько недѣль, ибо онъ скончался 4 марта. Къ этому времени Емиліанъ былъ уже свергнутъ Валеріаномъ, который возвратилъ церкви миръ и сперва выказывалъ большое благоволеніе къ христіанамъ.

Теперь можно было сдѣлать оцѣнку результатовъ гоненія. Галлъ возобновилъ его, чтобы угодить народнымъ страстямъ, возбужденнымъ бѣдствіями всякаго рода,—чумой, голодомъ, нашествіемъ варваровъ. Первоначально же Декій издалъ свои кровавые указы изъ соображеній государственной необходимости. Декій съ его государственнымъ интересомъ былъ побѣжденъ. Конечно, жизнь христіанской церкви нѣкоторое время казалась остановившеюся; оптимистически настроенные чиновники, вѣроятно, въ своихъ донесеніяхъ торжествовали побѣду: они добились и занесли въ протоколы огромное количество отреченій; большинство лицъ, которыхъ знали за христіанъ, были снабжены удостовѣреніемъ въ совершеніи жертвоприношенія; нѣсколько упрямцевъ, посаженныхъ въ тюрьмы, кончатъ тѣмъ, что подчинятся предписаніямъ закона. Однако при этомъ забывали массу людей, сумѣвшихъ скрыть свою принадлежность къ христіанству или укрыться отъ розысковъ полиціи. Если столько епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ могли скрыться и даже продолжать свое служеніе въ самыя критическія

[1] Cyprian. *ep.* LIX, 6; Dionys. *ep. ad Hermammon.* (Euseb. VII, 1). Въ это самое время Кипріанъ написалъ свой трактатъ *ad Demetrianum.*
[2] Cyprian op. cit.

минуты, то значитъ полиція или не могла, или не желала всего знать. Послѣ того, какъ миновало гоненіе, оставалось еще очень большое число вѣрующихъ, которые не стали ни вѣроотступниками, ни исповѣдниками, такъ какъ къ нимъ не было предъявлено требованія объ исполненіи языческихъ обрядовъ. Кажущійся полный успѣхъ указа въ дѣйствительности былъ очень ограниченнымъ.

Болѣе того: тѣ самые вѣроотступники, которые принесли жертвы языческимъ богамъ или получили въ томъ удостовѣренія, вовсе не присоединялись изъ-за этого къ господствующей въ имперіи вѣрѣ, не были окончательно оторваны отъ христіанской церкви. Ихъ привели къ покорности передъ властію, но не измѣнили ихъ убѣжденій. Еще гораздо раньше, чѣмъ возстановилось спокойствіе, они уже стали прибѣгать къ пресвитерамъ и епископамъ въ слезахъ и раскаяніи, прося прощенія и умоляя принять ихъ вновь въ общество вѣрующихъ. Императору удалось вызвать много малодушныхъ поступковъ, но не уменьшить числа христіанъ. Это испытаніе даже укрѣпило мужество многихъ. Римскіе христіане въ царствованіе Галла присоединились толпой къ исповѣданію своего епископа: они не рѣшились на это съ Фабіаномъ, въ началѣ гоненія. Само общественное мнѣніе, голосъ языческой толпы если иногда и требовалъ преслѣдованія христіанъ, все же сталъ смягчаться; старыя клеветническія росказни съ каждымъ днемъ теряли вліяніе по мѣрѣ того, какъ увеличеніе числа вѣрующихъ сближало, сплетало все тѣснѣе оба общества и знакомило ихъ ближе другъ съ другомъ. Только въ минуты общественныхъ бѣдствій вновь раздавался крикъ: „христіанъ—львамъ!“ Сцены мученичества, вдохновлявшія вѣрующихъ восторгомъ и смущавшія совѣсть отступниковъ, вызывали иногда протестъ со стороны самихъ язычниковъ [1]. Въ общемъ съ III вѣка императоры, оставлявшіе христіанъ въ покоѣ, повидимому, гораздо болѣе дѣйствовали въ согласіи съ общественнымъ настроеніемъ, чѣмъ императоры-гонители.

3. Гоненіе Валеріана.

Св. Діонисій Александрійскій оставилъ намъ картину мира, которымъ наслаждалась церковь въ первые годы (254—257) цар-

[1] „Жестокій приговоръ, несправедливыя мѣры“,—ворчали язычники при видѣ мученій св. Карпа и его товарищей.

ствованія Валеріана. Никогда еще покой не былъ такъ безмятеженъ, а христіане никогда не видали лучшаго отношенія, даже въ царствованіе ихъ единовѣрца Филиппа. Ихъ было такое множество въ непосредственно окружавшей императора свитѣ, что дворецъ его представлялъ собою какъ бы „церковь Божію“. Діонисій приписываетъ перемѣну, происшедшую въ отношеніи Валеріана къ церкви, вліянію одного изъ его министровъ, Макріана, котораго онъ образно называетъ главой египетскихъ волхвовъ и который, повидимому, дѣйствительно былъ фанатикомъ язычества, преданнымъ магіи, въ силу этого заклятымъ врагомъ христіанъ.

Имперія не успѣвала оправиться отъ бѣдствій. Всѣ ея границы подверглись нападеніямъ; черезъ Рейнъ и Дунай проникали въ предѣлы имперіи франки, аллеманы и другія хищническія германскія племена. Жившіе по сосѣдству съ Чернымъ моремъ готы становились морскими разбойниками, дѣлали набѣги на все побережье, опустошали Малую Азію и показывались даже въ Эгейскомъ морѣ. На восточной границѣ персы овладѣли Арменіей и Месопотаміей; даже мелкія племена въ Сахарѣ двинулись противъ римскихъ сторожевыхъ отрядовъ въ Нумидіи. Честный, но слабый Валеріанъ до того растерялся, что сталъ поддаваться внушеніямъ фанатизма и возобновилъ противъ христіанъ походъ, столь плохо удавшійся Децію.

Еще разъ началась безпощадная борьба [1]). Дѣло шло не только о томъ, чтобы положить предѣлъ распространенію церкви, но о томъ, чтобы ее уничтожить. Сперва надѣялись добиться этого сравнительно умѣреннымъ образомъ дѣйствій, безъ кровопролитія. Затѣмъ, когда первоначальныя мѣропріятія были признаны не достигшими результата, прибѣгли къ казнямъ. Отсюда появленіе двухъ указовъ, подробности которыхъ довольно хорошо сохранились. Первый былъ изданъ въ августѣ 257 г., второй годомъ позже. Первый касался прямо лишь духовенства—епископовъ [2]), пресвите-

[1]) О гоненіи Валеріана см: 1) Діонисій Алекс.,—посланія къ Гермаммону (Евс. VII, 10) и къ Герману (VII, 11); въ послѣднемъ онъ воспроизводитъ протоколъ своего допроса передъ префектомъ Египта въ 257 г. (отмѣтимъ, что письмо къ Домиціану и Дидиму, которое Евсевій приводитъ вслѣдъ за этимъ, относится къ Деціеву, а не къ Валеріанову гоненію); 2) Кипріанъ—Посл., LXXVI—LXXIX;—3) Мученичество св. Кипріана, 4) Житіе св. Кипріана, составленное діакономъ его Понтіемъ; 5) Страданія св. мучениковъ Фруктуоза, еп. Таррагонскаго, и его спутниковъ, св. Маріана и Іакова, св. Монтана, Луція и др.,—6) Евсевій, VII, 12.

[2]) Св. Кипріанъ былъ допрошенъ проконсуломъ Африки Аспазіемъ Патерномъ 30 авг. 257 г. Проконсулъ сказалъ епископу: *Qui Romanam religio-*

ровъ, діаконовъ. Имъ было предписано принести жертву императорскимъ богамъ, но не запрещалось поклоняться и своему Богу, лишь бы они совершали это поклоненіе частнымъ образомъ, безъ всякихъ религіозныхъ сборищъ. Это значило распространить религіозный синкретизмъ и на христіанскаго Бога и утвердить этотъ синкретизмъ оффиціальною властью. Отказъ подчиниться влекъ за собой приговоръ къ ссылкѣ.

Мы изъ достовѣрныхъ источниковъ знаемъ, какъ дѣло происходило въ Александріи и въ Карѳагенѣ. Оба епископа, вызванные каждый къ правителю своей провинціи, подверглись одинаковому допросу, а за свой отказъ признать римскую религію—заточенію въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Кипріанъ явился одинъ, Діонисій—въ сопровожденіи пресвитера, трехъ діаконовъ и нѣкоего Маркелла, прибывшаго изъ Рима, несомнѣнно римскаго пресвитера или діакона. Въ Нумидіи императорскій легатъ вынесъ болѣе суровый приговоръ и сослалъ на каторгу въ рудники нѣсколькихъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ; вмѣстѣ съ ними пострадали и простые вѣрующіе [1]). Быть можетъ, они нарушили запрещеніе устраивать собранія.

Второй указъ, изданный годъ спустя на Востокѣ, куда императоръ былъ вызванъ войной съ персами, былъ отправленъ имъ въ сенатъ съ инструкціей для правителей провинцій. Онъ разобранъ въ предпослѣднемъ посланіи св. Кипріана [2]). Кромѣ членовъ клира, онъ направленъ также противъ нѣкоторыхъ разря-

nem non colunt debere Romanas caeremonias recognoscere.... Non solum de episcopis verum etiam de presbyteris mihi scribere dignati sunt (Валеріанъ и Галліенъ).... *Praeceperunt etiam ne in aliquibus locis conciliabula fiant, nec coemeteria ingrediantur. Si quis itaque hoc tam salubre praeceptum non observaverit, capite plectetur*“. (Кто не исповѣдуетъ римской религіи, тѣ должны все-таки признавать римскіе обряды.. Императоры удостоили меня рескриптомъ относительно не только епископовъ, но и пресвитеровъ.. Они также предписали, чтобы ни въ какихъ мѣстахъ не было собраній, и чтобы не посѣщали усыпальницъ. Если же кто не будетъ выполнять столь полезнаго распоряженія, тотъ будетъ преданъ смертной казни). Въ протоколѣ, касающемся св. Діонисія Александрійскаго, префектъ Египта перечисляетъ тѣ же предписанія, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ особенности что касается собраній: „Οὐδαμῶς δὲ ἔξεσται ὑμῖν οὔτε ἄλλοις τισὶν ἢ συνόδους ποιεῖσθαι ἢ εἰς τὰ καλούμενα κοιμητήρια εἰσιέναι. (Какъ у васъ, такъ и у прочихъ нигдѣ да не будетъ устройства собраній, или хожденій на такъ называемыя усыпальниц). Изъ послѣдняго документа видно, что указъ примѣнялся и къ діаконамъ.

[1]) Cyprian. *Ep.* LXXVI—LXXIX.—Исповѣдники были распредѣлены группами въ *metallum* (рудникахъ) Сига, въ нѣсколькихъ верстахъ на юго-зап. отъ Сирта въ Нумидіи. Епископы всѣ были участниками карѳагенскаго собора въ 256 г.

[2]) *Ep.* LXXX.

довъ міpянъ. Епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ онъ предписывалъ казнить немедленно, сенаторовъ и всадниковъ лишать званія и отбирать у нихъ имѣніе, а затѣмъ, если будутъ упорствовать, обезглавливать. Знатныя женщины подлежали конфискаціи имущества и ссылкѣ. Цезаріанцы, т.-е. служащіе въ императорскихъ помѣстіяхъ, составлявшіе огромный штатъ, разбросанный по всей имперіи, лишались имущества, заковывались въ кандалы и зачислялись въ составъ рабовъ (по рудникамъ, сельско-хозяйственнымъ экономіямъ и пр.)

Вѣсть объ этомъ указѣ была изъ Рима принесена св. Кипріану. Въ то время, когда лица, извѣстившія его, покинули столицу, папа Сикстъ II и четверо его діаконовъ были уже казнены на кладбищѣ (6 августа). Двое другихъ, Фелициссимъ и Агапитъ, вскорѣ послѣдовали за нимъ; наконецъ, послѣдній оставшійся въ живыхъ изъ его діаконовъ, св. Лаврентій былъ сожженъ 10 августа. Въ Карѳагенѣ Кипріанъ вторично предсталъ предъ проконсуломъ, который, встрѣтивъ съ его стороны отказъ совершить жертвоприношеніе, велѣлъ отрубить ему голову. Въ Испаніи таррагонскій епископъ Фруктуозъ былъ сожженъ живымъ на слѣдующій годъ со своими двумя діаконами Евлогіемъ и Августиномъ. Мученичества свв. Іакова и Маріана въ Нумидіи, Монтана, Луція и другихъ въ проконсульской Африкѣ показываютъ намъ, что въ африканскихъ областяхъ гоненіе свирѣпствовало еще въ 259 году. На-ряду съ членами клира здѣсь встрѣчаются мученики изъ рядовыхъ христіанъ и людей простого званія. Очевидно эти послѣдніе пали жертвой закона, воспрещавшаго собранія; нарушителямъ его онъ угрожалъ смертью [1]).

У насъ нѣтъ матеріаловъ, касающихся положенія вещей въ восточныхъ провинціяхъ. Діонисій былъ возвращенъ изъ своей ссылки и водворенъ ближе къ Александріи; однако, хотя ему пришлось много претерпѣть, онъ не былъ казненъ. Въ Кесаріи Палестинской духовенству тоже удалось избѣжать смерти. Евсевій [2]) въ состояніи назвать только трехъ поселянъ—Приска, Малха и Александра,—брошенныхъ на съѣденіе звѣрямъ одновременно съ женщиной

[1]) О мученикахъ Массы Кандиды близъ Утика см. замѣтку Pio Franchi de' Cavalieri въ *Studi Testi* ватиканской библіотеки, Fasc. 9, p. 39 и сл. Того же автора въ томъ же сборникѣ, вып. 3, важное изслѣдованіе о мученическихъ кончинахъ Монтана и Маріана.

[2]) *H. E.* VII, 12.

изъ секты маркіонитовъ. Но эти мученики сами отдались въ руки властей.

Въ Сиріи и Малой Азіи вторженіе персовъ, можетъ быть, пріостановило гоненіе; однако отсутствіе прямыхъ документальныхъ указаній на это не даетъ еще права на такое утвержденіе. Послѣ смерти Валеріана Макринъ, вѣроятно, продолжалъ то преслѣдованіе, котораго онъ же былъ вдохновителемъ. Что же касается Галліена, то его имя, правда, стояло, рядомъ съ отцовскимъ на указахъ противъ христіанъ, но онъ вскорѣ обнаружилъ свое расположеніе къ послѣднимъ. Преслѣдованія прекратились; епископы, возвращенные на свои каѳедры, набрались смѣлости до такой степени, что обратились къ императору съ ходатайствомъ о возвратѣ церквей и усыпальницъ, отобранныхъ во время гоненія. Галліенъ велѣлъ возвратить ихъ. Евсевій видѣлъ два императорскихъ рескрипта, относящихся къ этому возврату; переводъ одного изъ нихъ, обращеннаго къ Діонисію Александрійскому, Пиннѣ, Димитрію и другимъ епископамъ, онъ помѣстилъ въ своей Церковной Исторіи [1]).

Съ царствованія Галліена начинается долгій промежутокъ религіознаго мира. Прямое и дѣйствительное гоненіе возобновилось лишь въ послѣдніе годы Діоклетіана, съ 303 г. Правда, Авреліану въ концѣ его царствованія пришла мысль возобновить непріязненныя дѣйствія, онъ даже сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, но новые указы не успѣли еще дойти до отдаленныхъ провинцій изъ его главной квартиры [2]) при арміи, какъ смерть этого государя (275) остановила приведеніе ихъ въ исполненіе.

4. Общинная собственность христіанскихъ церквей.

Съ той поры, какъ римскія власти стали оффиціально проводить различие между евреями и христіанами, послѣдніе вынуждены были скрывать не только свои личныя вѣрованія, но и свою общинную организацію. Такъ какъ христіанскія общины не были признаны государствомъ, то онѣ подпадали подъ дѣйствіе чрезвычайно суровыхъ законовъ, запрещавшихъ всѣ оффиціально непризнанныя сообщества. Плиній, спрашивавшій у Траяна указаній, какъ поступать съ людьми, уличенными въ христіанствѣ, не нуждался ни въ

[1]) VII, 13.

[2]) Онъ былъ тогда во Ѳракіи въ окрестностяхъ Византіи. Существованіе его указовъ подтверждается Евсевіемъ, VII, 30 и Лактанціемъ *De mortibus pers.*, 6. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ мученикъ, котораго можно бы пріурочить ко времени этого начинавшагося гоненія.

какихъ инструкціяхъ, чтобы запрещать ихъ сборища [1]). Траянъ предпочиталъ даже оставлять города въ жертву пожарамъ, чѣмъ дозволить организацію пожарныхъ дружинъ, руководствуясь соображеніемъ, что ассоціаціи всегда представляютъ опасность. При такомъ порядкѣ вещей церквамъ приходилось прибѣгать къ многимъ уловкамъ, чтобы скрыть отъ глазъ полиціи жизнь своихъ общинъ. Однако съ первыхъ же временъ онѣ имѣли уже денежныя средства, общественную казну. Черезъ сто лѣтъ послѣ Траяна рѣчь идетъ уже о недвижимой собственности,—о церквахъ, усыпальницахъ. Это имѣніе должно было числиться за какимъ-нибудь частнымъ владѣльцемъ, но такое положеніе было очень необезпечено. Стоило этому владѣльцу или его наслѣдникамъ измѣнить свою волю, отпасть отъ христіанства или перейти въ еретическую секту, и церковь рисковала лишиться своихъ владѣній. Если дѣло шло о мѣстѣ погребенія, то хотя назначеніе его не могло быть измѣнено, но дурно настроенный наслѣдникъ могъ, напримѣръ, положить въ христіанскую усыпальницу покойниковъ—еретиковъ или язычниковъ изъ собственной семьи [2]). Поэтому было желательно найти иной способъ владѣнія.

И такой способъ нашли. Въ началѣ IV вѣка церкви уже владѣли не только мѣстами для отправленія богослуженія и для погребенія умершихъ, составлявшими общинную собственность, но и другими недвижимостями, которыя принадлежали всей общинѣ, а не отдѣльнымъ ея членамъ. Миланскій эдиктъ [3]) опредѣленно указываетъ на нихъ. Мы сейчасъ разскажемъ, какъ въ 272 г. императоръ Авреліанъ

---

1) Онъ вообразилъ, что достигъ этого: *Quod ipsum* (собранія) *facere desisse (adfirmabant) post edictum meum quo secundum mandata tua hetaerias esse vetueram* (говорятъ, что они — христіане — перестали устраивать собранія, послѣ того, какъ я, на основаніи твоихъ предписаній, эдиктомъ запретилъ существованіе сообществъ). (*Ep.*, X, 96).

2) Не было возможности исключить ихъ оговоркой въ родѣ формулы: ad religionem pertinentes meam („принадлежащіе къ моей вѣрѣ“), употребленной однимъ завѣщателемъ для обозначенія тѣхъ членовъ семьи, которымъ должно быть предоставлено мѣсто въ его склепѣ: христіанство, будучи недозволенной (illicita) религіей, не могло прибѣгать къ покровительству закона (De Rossi—*Bull.* 1865. 54, 92).

3) *Christiani non ea loca tantum ad quae convenire solebant sed etiam alia habuisse noscuntur ad jus corporis eorum, id est ecclesiarum, non hominum singulorum pertinentia,* (извѣстно, что къ общинному праву христіанъ, т.-е. церквей, а не отдѣльныхъ личностей, относились не только тѣ мѣста, гдѣ обыкновенно устраивались собранія, но и другія недвижимости).—Lactant.—*De mort. persec.*, 48; Euseb., X, 5 (указъ Максимина). Базилика св. Лаврентія въ Римѣ уже при Константинѣ владѣла землей, *quod fiscus occupaverat tempore persecutionis* (каковое владѣніе числилось за ней еще во время гоненія). (*Liber pontif.*, t. I, p. 182).

вмѣшался въ споръ, возникшій въ Антіохіи между каѳолической общиной и отколовшейся партіей изъ-за владѣнія епископскимъ домомъ [1]). Послѣ гоненія Валеріана, Діонисій Александрійскій и другіе епископы были вызваны къ фискальнымъ чиновникамъ, для совершенія обратной передачи мѣстъ, служившихъ религіознымъ цѣлямъ и находившихся подъ секвестромъ. Такимъ образомъ, когда въ 257 г. конфисковали церкви и усыпальницы, то именно,—какъ церковное имущество, а не только какъ имущество, посвященное церковному употребленію. Такой порядокъ вещей можно прослѣдить и ранѣе. Когда при Александрѣ Северѣ возникъ споръ между трактирщиками и христіанской общиной въ Римѣ изъ-за обладанія недвижимостью, принадлежавшею раньше казнѣ, тяжба восходила на разсмотрѣніе императора, который рѣшилъ ее въ пользу христіанъ [2]). Можетъ быть, именно онъ призналъ за ними право владѣть собственностью. Выраженіе Ламприда (гл. 22): *Christianos esse passus est* (дозволилъ быть христіанамъ), повидимому, относится какъ разъ къ положенію христіанъ, какъ общины, ибо ихъ личной безопасности ничто не угрожало и въ царствованіе непосредственныхъ предшественниковъ Александра.

Церкви, которыя, по словамъ Оригена, были разрушены по приказу Максимина (235 г.), принадлежали по всей вѣроятности христіанскимъ общинамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что таково было юридическое положеніе той усыпальницы, управленіе которой было поручено папою Зефириномъ Каллисту (198 г.), и тѣхъ *areae sepulturarum* (кладбищъ) въ Карѳагенѣ, которыя еще во времена Тертулліана были извѣстны, какъ собственность христіанъ [3]).

Такимъ образомъ церковная собственность существовала въ III в. и вѣроятно еще съ начала этого столѣтія. Подъ защиту какого закона или юридической фикціи удалось ей прибѣгнуть? Эту роль приписывали [4]) закону о похоронныхъ товариществахъ,

---

1) Euseb. VII, 30.

2) Lamprid. *Alex. Sever.*, 49: *Cum Christiani quemdam locum qui publicus fuerat occupassent, contra popinarii dicerent sibi eum deberi, rescripsit melius esse ut quemadmodumcumque illic Deus colatur, quam popinariis dedatur* (Когда христіане завладѣли какимъ-то мѣстомъ, которое принадлежало казнѣ, а трактирщики заявили протестъ, утверждая, что оно должно отойти къ нимъ,—Александръ предписалъ, что пусть лучше это мѣсто будетъ посвящено какому бы то ни было богопочтенію, чѣмъ отдано трактирщикамъ).—Религіозная мотивировка показываетъ, что здѣсь дѣло шло о богослужебномъ зданіи, принадлежащемъ христіанской общинѣ, а не о частной собственности какихъ-то христіанъ.

3) *Ad. Scap.*, 3.

4) De Rossi—*Roma sott.*, t. I, p. 101; t. II, p. VIII; *Bull.* 1864; p. 57; 1865, p. 90.

закону достаточно широкому, примѣненіе котораго на практикѣ было облегчено императоромъ Септиміемъ Северомъ. Бѣднымъ людямъ было разрѣшено объединяться въ цѣляхъ обезпеченія себѣ приличнаго погребенія; эти товарищества могли облагать себя ежемѣсячными сборами, владѣть собственностью, собираться для религіозныхъ цѣлей; представителемъ ихъ бывалъ *actor*, т.-е. староста, уполномоченный дѣйствовать отъ ихъ имени. Надписи доказываютъ, что вся имперія кишѣла такими товариществами (коллегіями). Почему бы нельзя было группамъ христіанъ воспользоваться тѣми же удобствами? Почему бы имъ, столь заботившимся о своемъ погребеніи, не представить свои общины, какъ похоронныя братства, ставя ихъ такимъ путемъ подъ охрану закона?

Почему? По многимъ причинамъ. Во-первыхъ, эти товарищества внушали имъ глубокое отвращеніе. Тертулліанъ, проведшій знаменитое сравненіе [1]) между языческими товариществами и христіанскими общинами, подчеркиваетъ со свойственной ему силой различіе между ними. Одинъ испанскій епископъ, позволившій себѣ вступить въ такое товарищество и поручить ему погребеніе своихъ дѣтей, былъ за это осужденъ церковью. Кромѣ того, законъ о похоронныхъ товариществахъ ставилъ существеннымъ условіемъ, чтобы товарищество не нарушало сенатскаго постановленія, запрещавшаго недозволенныя ассоціаціи.

Какая же ассоціація была болѣе недозволительна, чѣмъ христіанская? Нужно было бы вѣдь, чтобы полиція не подозрѣвала, что дѣло здѣсь идетъ о христіанской церкви. Это было очень трудно. Похоронныя товарищества были немноголюдны, состояли изъ нѣсколькихъ дюжинъ членовъ. Между тѣмъ церковь крупнаго города, какъ Римъ, Карѳагенъ или Александрія, могла насчитывать въ половинѣ III вѣка, быть можетъ, 30—40 тыс. вѣрующихъ. Трудно было бы придать обликъ похороннаго товарищества такому множеству [3]).

Мнѣ представляется болѣе естественнымъ предположеніе, что если христіанскія общины со времени смерти Марка Аврелія пользовались долгими промежутками мира и спокойствія, если имъ удалось сдѣлаться обладательницами крупныхъ и бросавшихся всѣмъ

---

1) *Apol.*, 39.
2) Cyprian. *ep.* LXVII, 6.
3) Несмотря на эти соображенія, думаютъ найти нѣкоторые слѣды того, что римская церковь якобы прибѣгала къ этому закону о похоронныхъ товариществахъ; слѣды эти чрезвычайно слабы и сомнительны по своему смыслу.

въ глаза недвижимостей, то это потому, что онѣ были терпимы или даже признаны безъ всякой юридической фикціи церквами, религіозными сообществами. Тертулліанъ провозглашаетъ во всеуслышаніе, что христіанская община — религіозное сообщество: *Corpus sumus de conscientia religionis* и т. д. Да ему и не зачѣмъ было это говорить: всѣ это знали. Для современныхъ ему язычниковъ понятіе христіанинъ было неразрывно связано съ представленіемъ о членѣ религіознаго общества. Религіозныя собранія, вѣроисповѣдная связь, соединявшая всѣхъ вѣрующихъ, были первыми явленіями, которыя были замѣчены и подали поводъ къ клеветѣ. Вслѣдствіе этого терпѣть христіанъ значило терпѣть ихъ, какъ корпорацію; преслѣдовать христіанъ значило преслѣдовать то единое общее тѣло, которое они неизбѣжно составляли. Это коллективное тѣло, непрерывно возраставшее и укрѣплявшееся, могло иногда казаться угрожающимъ безопасности имперіи; тогда дѣлались попытки истребить его. Но оно же могло показаться и безвреднымъ. Коммодъ, императоры сирійской династіи, Галліенъ, даже Валеріанъ, Авреліанъ и Діоклетіанъ въ началѣ своихъ царствованій не видѣли отъ него опасности. Наконецъ, правительство способно было и отступить передъ истребленіемъ такого количества людей и передъ упраздненіемъ такого сообщества, котораго не могли поколебать удары уже столькихъ гоненій. Нѣкоторые императоры пошли дальше. Когда Галліенъ вызывалъ епископовъ для акта обратной передачи имъ церквей, когда Авреліанъ далъ приказъ выселить Павла Самосатскаго изъ антіохійской церкви, христіане несомнѣнно имѣли убѣдительный поводъ считать себя признанными и лично, и какъ корпорація.

Въ общемъ императоры III вѣка всѣ занимали по отношенію къ церкви чрезвычайно опредѣленное положеніе; они или открыто ее гнали, или терпѣли. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ ее безъ вниманія. Мѣста христіанскихъ собраній, ихъ усыпальницы, имена и мѣстожительство пастырей были извѣстны городскимъ властямъ и администраціи. Когда приходилъ указъ о гоненіи, онѣ знали, гдѣ найти епископа, брали его подъ стражу, запечатывали помѣщенія собраній и церковное имущество. Когда указъ отмѣнялся, вновь обращались къ тому же епископу, чтобы вернуть конфискованное владѣніе. Въ памятникахъ того времени не заключается ни малѣйшаго свидѣтельства, ни намека на юридическія фикціи, на похоронныя товарищества, на условныя наименованія. Сношенія происходятъ между правительствомъ и корпораціей христіанъ. Христіан-

17*

ство продолжало быть запрещеннымъ въ принципѣ: ни одинъ императорскій указъ не призналъ за нимъ права *religionis licitae* (дозволеннаго вѣроисповѣданія) и не объявилъ христіанскихъ общинъ законными сообществами. Законодательныя преграды продолжали стоять на его пути, но съ каждымъ днемъ становилось все менѣе возможнымъ серьезно считаться съ ними: лоза Господня пробивалась чрезъ нихъ со всѣхъ сторонъ своей поразительной растительной силой.

ГЛАВА XX.

Христіанская Африка и римская церковь въ половинѣ III вѣка.—Кипріанъ.

Туземное населеніе сѣверной Африки.—Финикійская колонизація.—Карѳагенъ.—Римская колонизація и управленіе.—Появленіе христіанства.—Тертулліанъ.—Кипріанъ, еп. карѳагенскій.—Его бѣгство во время гоненія Деція.—Обострѣнныя отношенія между исповѣдниками и вѣроотступниками.—Сношенія съ Римомъ.—Новаціанскій расколъ.—Папа Корнилій.—Расколъ Фелициссима въ Карѳагенѣ.—Папа Стефанъ.—Его столкновеніе съ африканской церковью по поводу крещенія еретиковъ.—Мученическая кончина Кипріана.

1. Африканскія области.

То, что называлось у древнихъ Африкой, простирается, какъ обширный островъ, между моремъ и пустыней отъ заливовъ Сырта до океана. Первые извѣстные намъ обитатели ея принадлежали къ расѣ, довольно сходной съ европейскими. Въ древности отдѣльныя группы племенъ ихъ обозначались разными именами: мазики, мавры, нумидійцы, гетулы; мы прилагаемъ теперь ко всей совокупности ихъ названіе берберовъ или кабиловъ. Они никогда не были собраны подъ властью одного государства; рѣдко даже случалось имъ долго оставаться объединенными въ сколько-нибудь значительныя группы. Племенной бытъ, еще существующій и понынѣ во всей этой области, особенно въ ея западной части, подходитъ имъ больше, чѣмъ какой-либо другой. Но онъ плохо защищаетъ ихъ отъ завоевателей; поэтому они обречены на то, чтобы подпадать подъ власть пришельцевъ.

Первыми колонизаторами въ этой области были финикіяне. Предназначенный судьбою быть владыкой западныхъ морей, Карѳагенъ въ то же время сдѣлался столицею африканскаго материка. Его торговыя конторы разсыпаны были по всему побережью; онъ выдѣлилъ отъ себя поселенія и внутрь страны, въ богатую долину Баграда, и даже далѣе въ плодородныя области, позднѣе носившія

имена Бизацены и Нумидіи. Вся эта страна была покрыта городами и селеніями, гдѣ царили ханаанскіе нравы, языкъ и учрежденія. Позади этой колонизованной и обратившейся въ финикійскую полосы простиралась страна берберовъ, открытая политическому вліянію и въ особенности торговлѣ карѳагенянъ.

Столкновеніе съ Римомъ положило конецъ этому расширенію. Послѣ второй пунической войны, лишившись морского могущества, Карѳагенъ сохранилъ на африканскомъ берегу лишь очень ограниченныя владѣнія, приблизительно совпадавшія съ той областью страны, гдѣ господствовалъ финикійскій языкъ. За ея предѣлами простирались царства Нумидійское и Мавританское. Эти послѣднія пережили его конечную гибель (146 г. до Р. Х.): Массинисса даже оказалъ услуги побѣдителямъ. Римляне разрушили Карѳагенъ и присоединили его область, но сначала ничуть не пользовались ею. Латинская колонизація началась лишь столѣтіе спустя, когда Цезарь (44 г. до Р. Х.) воскресилъ былого соперника Рима, присоединилъ Нумидійское царство и образовалъ изъ этой новой Африки (*nova Africa*) и уже существовавшей провинціи (*Africa vetus*) одну провинцію. Колоніи латинскихъ переселенцевъ осѣли какъ на мѣстѣ Карѳагена, такъ и въ нѣкоторыхъ городахъ побережья и даже внутри страны. Финикійское городское управленіе было преобразовано по образцу римскаго: дуумвиры были поставлены на мѣсто суффетовъ, римскіе боги—на мѣсто прежнихъ халдейскихъ боговъ, латинскій языкъ — на мѣсто пуническаго. Впослѣдствіи, расширяясь дальше предѣловъ колонизованной карѳагенянами страны, переселенцы стали захватывать область берберовъ, гдѣ понемногу выросли многочисленные латинскіе города.

До полной ассимиляціи ея, однако, было далеко. Финикійскій языкъ удержался еще надолго въ деревняхъ, какъ кельтскій въ Галліи и коптскій въ Египтѣ. Онъ былъ въ концѣ концовъ вытѣсненъ, но очень долгое время спустя, вѣроятно не раньше арабскаго завоеванія, которое уничтожило его одновременно съ самимъ латинскимъ языкомъ. Берберскій языкъ напротивъ того отстоялъ свое существованіе и сохранился даже, несмотря на всѣ перевороты, до нашихъ дней. Это былъ языкъ туземныхъ государствъ Нумидіи и Мавританіи, которыя продержались дольше пуническаго; это былъ—языкъ гетуловъ и другихъ независимыхъ племенъ, пограничныхъ съ римской областью; это былъ, наконецъ, языкъ, который вмѣстѣ со всѣми берберскими учрежденіями удержался во

множествѣ автономныхъ клочковъ страны, разбросанныхъ по римскимъ провинціямъ и управлявшихся или племенными вождями, или римскими чиновниками.

Для того, чтобы внушать страхъ племенамъ, столь чуждымъ римской цивилизаціи, необходима была армія. Въ видѣ исключенія проконсулъ Африки, хотя и зависѣвшій отъ сената [1]), имѣлъ въ своемъ распоряженіи легіонъ. Отсюда возникали пререканія. Чтобы покончить съ ними, въ 37 г. было рѣшено, что проконсульская провинція должна быть отдѣлена отъ Нумидіи, а послѣдняя поставлена подъ управленіе легата, командующаго легіономъ. Первая тянулась отъ Иппона (Бона) на востокъ до Триполи; вторая прилегала къ морю между Ампсагой (Уэд-эл-Кэбиръ) и областью Иппона, а къ югу простиралась вѣеромъ, выдвигая многочисленные форпосты навстрѣчу племенамъ пустыни. Главная квартира арміи была водворена у подошвы Авреса, сперва въ Тевестѣ, потомъ въ Ламбезѣ.

На западъ отъ Ампсаги начиналось мавританское царство, просуществовавшее до 40 г. Оно было затѣмъ присоединено и раздѣлено на двѣ провинціи: Мавританію Кесарійскую и Мавританію Тингитанскую, которыя заимствовали имена отъ своихъ главныхъ городовъ: Кесаріи (Шершель) и Тинги (Танжеръ). Въ этихъ странахъ слишкомъ поздно начавшаяся колонизація далеко не въ такой степени удалась, какъ въ лежавшихъ къ востоку провинціяхъ: римскіе военные посты не были продвинуты такъ далеко къ югу; прибрежныя горы остались во власти независимыхъ племенъ. Въ Тингитанѣ въ особенности насчитывалось лишь очень немного городовъ, и почти всѣ они были расположены на берегу Атлантическаго океана. Внутренняя часть страны такъ же мало поддалась латинскому, какъ раньше финикійскому вліянію. Провинція Бетика въ Испаніи находилась постоянно подъ страхомъ нападенія пиратовъ изъ Рифа, на которыхъ римскія власти могли такъ же мало воздѣйствовать, какъ теперь марокккскія.

Римляне проводили большое различіе между страной мавританской и восточными провинціями; ихъ раздѣляла таможенная стѣна; счетъ годамъ велся въ Мавританіи не по римскимъ консуламъ, а по особому мѣстному лѣтосчисленію. Правителями были здѣсь простые прокураторы, какъ въ дикихъ частяхъ страны Альпъ.

---

[1]) Римскія провинціи раздѣлялись на два разряда: однѣ находились подъ управленіемъ сената; другія непосредственно въ вѣдѣніи императора; къ послѣднимъ принадлежали тѣ, которыя имѣли военное значеніе. Прим. пер.

2. Появленіе христіанства.—Тертулліанъ.

До насъ не дошло никакихъ преданій, хотя бы легендарныхъ, объ основаніи кареагенской и другихъ африканскихъ церквей [1]). Изъ какой бы страны ни получилъ Кареагенъ своихъ первыхъ апостоловъ, его христіанская жизнь очень скоро стала слѣдовать по стопамъ римской: сношенія съ Римомъ были самыми оживленными. Въ Кареагенѣ интересовались всѣмъ, что происходило въ Римѣ: никакое умственное движеніе, никакая новость въ области церковной дисциплины, обрядовъ, литературы, появившаяся въ Римѣ, не миновала Кареагена. Сочиненія Тертулліана, равно какъ и св. Кипріана, даютъ много доказательствъ этому, какъ и вообще всѣ памятники африканской церкви за все время ея историческаго существованія.

Изъ Кареагена, бывшаго здѣсь центромъ распространенія всего иноземнаго, христіанство довольно быстро распространилось по колонизированной странѣ. Возможно, что оно кое-гдѣ даже перешло за ея предѣлы [2]). Вообще же христіанская проповѣдь почти не выходила изъ предѣловъ латинизированной области; хотя бы Евангеліе было проповѣдано на пунійскомъ или берберскомъ языкѣ, христіанство продолжало оставаться для этихъ странъ религіей латинской. Библія не была переведена на мѣстныя нарѣчія, какъ въ другихъ мѣстахъ на—сирійское, коптское, армянское, готское. Да кто, впрочемъ, и писалъ по-берберски или по-пунійски? Литература языческая и христіанская вся цѣликомъ была латинская. Ни откуда нѣтъ извѣстій, чтобы литургія когда-либо служилась здѣсь на иномъ языкѣ, какъ на латинскомъ [3]); если и дѣлались исключенія, то развѣ для греческаго языка, а не для туземныхъ.

Въ этомъ была своя слабая сторона, что ярко обнаружилось въ трудную годину арабскихъ завоеваній: христіанству, слишкомъ

[1]) Тексты, собранные Monceaux (*Hist. litt. de l'Afrique chrétienne*, t. I, p. 5), представляютъ не мѣстныя легенды этой страны, а лишь византійскія сочиненія позднѣйшаго времени, не имѣющія никакихъ корней въ мѣстномъ преданіи.

[2]) Тертулліанъ (*Adv. Judaeos*, I) утверждаетъ, что Христу уже покорились *Getulorum varietates et Maurorum multi fines* (различныя племена гетуловъ и многіе предѣлы мавровъ), но есть основанія не довѣрять его преувеличеніямъ.

[3]) Это не относится къ проповѣди; во времена бл. Августина еще проповѣдывали по-пунійски. Знаніе этого языка было необходимо для того, чтобы занимать священническую должность въ нѣкоторыхъ округахъ.

тѣсно связанному съ латинскими учрежденіями, не удалось ихъ пережить.

Самое старое преданіе объ африканскомъ христіанствѣ относится не къ Кареагену, а къ Сцилли, городку, расположенному въ проконсульской Нумидіи [1]); именно здѣсь были арестованы мученики, которыхъ проконсулъ Вигеллій Сатурнинъ судилъ въ Кареагенѣ въ 180 г. Этотъ проконсулъ—первое должностное лицо, которое вело процессъ противъ христіанъ въ Африкѣ [2]). У него были продолжатели. Царствованіе Севера, африканца родомъ, не было временемъ мира для христіанъ его родины. Тертулліанъ брался нѣсколько разъ за перо, чтобы ихъ защищать. 7 марта 203 г. Кареагенъ былъ свидѣтелемъ мученичества двухъ молодыхъ женщинъ изъ Малаго Тубурба, Перпетуи и Фелицитаты, которыя лишились жизни одновременно съ группой земляковъ, все новообращенныхъ или оглашенныхъ. Разсказъ объ ихъ заключеніи въ тюрьмѣ и мученичествѣ, почти цѣликомъ написанный самою Перпетуей,—одинъ изъ перловъ древне-христіанской литературы. Тотъ, кто намъ сохранилъ его, снабдивъ своими замѣчаніями, повидимому, держался одинаковаго съ Тертулліаномъ взгляда на видѣнія и пророчества; можетъ быть, это былъ онъ самъ.

Во времена С. Севера и Каракаллы Тертулліанъ былъ самымъ выдающимся лицомъ кареагенской церкви. Сынъ центуріона изъ проконсульской когорты, онъ сперва былъ язычникомъ, занимался литературой и правомъ [3]), прожилъ нѣкоторое время въ Римѣ. Послѣ своего обращенія онъ поселился въ Кареагенѣ, гдѣ его не замедлили выбрать въ пресвитеры. Съ 197 г. мы застаемъ его съ перомъ въ рукѣ, со словомъ ободренія мученикамъ, на стражѣ своей религіи противъ общественнаго мнѣнія и противъ преслѣдованій проконсула. Въ первыхъ же его сочиненіяхъ обнаружилась эта пламенная реторика, это неисчерпаемое остроуміе, это глубокое пониманіе своего времени, близкое знакомство съ исторіей и съ ея источниками, этотъ насмѣшливый и задорный тонъ, которые характеризуютъ все, что имъ написано. Двадцать

[1]) Проконсульской Нумидіей называлась та часть древняго нумидійскаго царства (*Africa nova*), которая была присоединена къ области, подвѣдомственной проконсулу, во время раздѣленія всей провинціи между проконсуломъ и легатомъ. Мѣстоположеніе *Scilli* до сихъ поръ не опредѣлено.

[2]) Тертулліанъ (*Ad. Scap.*, 3) разсказываетъ, будто онъ ослѣпъ.

[3]) Нельзя безусловно отрицать, что онъ—тотъ самый законовѣдъ Тертулліанъ, нѣсколько отрывковъ котораго сохранились въ Дигестахъ: I, 3, 27; XXIX, 1, 23; XLVIII, 2, 28; XLIX, 17, 4.

лѣтъ не оставлялъ онъ пера въ борьбѣ съ язычниками, властями, евреями, еретиками, особенно Маркіономъ, вмѣшиваясь во всѣ догматическія распри, обсуждая всѣ моральные вопросы и всегда разрѣшая ихъ въ одномъ и томъ же непримиримомъ духѣ. Всегда пылкій и воинствующій, онъ подъ конецъ жизни уже не довольствовался своими внѣшними врагами, а принялся за тѣхъ, кто въ лонѣ церкви не раздѣлялъ его суровости и нетерпимости. При такомъ состояніи духа проповѣдь монтанистовъ, естественно, привлекла его. Подъ покровомъ Параклета онъ могъ въ волю метать громы противъ вдовцовъ, вновь вступающихъ въ бракъ, противъ христіанъ, дѣлающихся солдатами, художниками, чиновниками, противъ тѣхъ, кто позволялъ своимъ дочерямъ ходить безъ покрывала или кто недостаточно изнурялъ свою плоть, противъ епископовъ, которые хотѣли возсоединить съ церковью раскаявшихся грѣшниковъ. Правда, за эту свободу слова онъ заплатилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ признать фригійскія откровенія, что было довольно унизительно для такого человѣка, какъ онъ. Но у него нашлось средство поладить съ этимъ откровеніемъ. Бурное и образное краснорѣчіе Тертулліана легко оказывало вдохновляющее дѣйствіе на изступленныхъ женщинъ, чрезъ посредство которыхъ вѣщалъ Святой Духъ (Параклетъ): онъ сталъ въ своей сектѣ вождемъ; въ Африкѣ монтанизмъ сталъ называться тертулліанизмомъ[1]).

Между тѣмъ, подъ раскатами тертулліановскихъ громовыхъ рѣчей великая кароагенская церковь и ея африканскія развѣтвленія продолжали жить обычной христіанской жизнью. Исторія ея осталась намъ неизвѣстною: не по Тертулліану, разумѣется, можно было бы возстановить ея подробности. Въ своихъ несомнѣнно подлинныхъ трудахъ онъ не называетъ ни одного епископа. Сказаніе о мученичествѣ Перпетуи упоминаетъ объ епископѣ Оптатѣ и нѣкоемъ Аспазіи, ученомъ пресвитерѣ, которые расходились между собою во мнѣніяхъ и не могли установить мира въ своей паствѣ. Быть можетъ, этотъ Оптатъ былъ кароагенскимъ епископомъ [2]). Послѣ него мы имѣемъ свѣдѣнія объ Агриппинѣ, при которомъ состоялся большой африканскій соборъ, опредѣлившій, что крещеніе, совершенное еретиками, недѣйствительно. Этотъ соборъ былъ нововведеніемъ. Во времена Тертулліана въ Африкѣ еще не су-

---

[1]) См. выше, стр. 186—187.
[2]) Его обыкновенно считаютъ за таковаго, но нельзя не допустить, что онъ могъ быть епископомъ Малаго Тубурба.

ществовало обычая созывать соборы епископовъ [1]). Онъ привился вскорѣ послѣ него, и какъ разъ въ Африкѣ соборная форма управленія достигла наиболѣе прочнаго положенія.

Событіемъ, которое должно было произвести большое впечатлѣніе во всей христіанской Африкѣ, было осужденіе Привата, епископа г. Ламбезы[2]). Этотъ городъ, главная квартира легіона и обычная резиденція императорскаго легата, былъ послѣ Кароагена самымъ важнымъ городомъ въ этихъ странахъ. Однако, христіанъ тамъ, кажется, было не очень много. Приватъ былъ осужденъ за ересь соборомъ 90 епископовъ. Эта цифра любопытна: она показываетъ, какъ сильно уже распространилось христіанство въ африканскихъ провинціяхъ. Донатъ, еп. кароагенскій, и папа Фабіанъ писали противъ Привата очень суровыя посланія. Если бы они дошли до насъ, мы знали бы, въ какую именно ересь впалъ епископъ Ламбезы. Участіе Фабіана и Доната въ этомъ дѣлѣ заставляетъ отнести это событіе ко времени между 236 и 248 г.г.

Въ 249 г. Донатъ былъ замѣненъ св. Кипріаномъ, произведенія котораго бросаютъ очень яркій свѣтъ на цѣлое десятилѣтіе въ исторіи африканской церкви и на ея отношенія къ Риму.

3. Св. Кипріанъ и гоненіе Деція.

Цецилій Кипріанъ[3]) до своего обращенія принадлежалъ къ африканскому высшему обществу. Богатый, или по крайней мѣрѣ очень зажиточный, тщательно воспитанный, опытный риторъ и учитель краснорѣчія, популярный адвокатъ, онъ имѣлъ много друзей среди аристократіи. Ничто не заставляло предполагать, что онъ когда-нибудь присоединится къ церкви и станетъ однимъ изъ ея руководителей. Однако, въ важныя минуты жизни душа его раскрывалась для глубокихъ размышленій. Благодать коснулась ея; почтенный пресвитеръ Цециліанъ поддержалъ его на первыхъ шагахъ; онъ пожелалъ креститься, былъ крещенъ (ок. 246 г.), и самъ удивился крупному перевороту, который тотчасъ же произошелъ въ немъ. Выраженіе его восторговъ по обращеніи мы видимъ въ его книгѣ *Къ Донату*, самомъ первоначальномъ его произведеніи.

---

[1]) *De jejun.*, 13. Книга была написана около 220 года; это—одно изъ послѣднихъ произведеній Тертулліана.
[2]) Cyprian., *ep.*, 69.
[3]) Онъ назывался также *Тасцій*.

Это было полное обращеніе. Кипріанъ отказался отъ свѣта, отъ богатства, которое онъ большею частью роздалъ бѣднымъ, и даже отъ языческой литературы. Какъ ни проклинали поэтовъ, ораторовъ и философовъ Тертулліанъ и бл. Іеронимъ, они продолжали ихъ читать и цитировать. Кипріанъ, сдѣлавшись христіаниномъ, не бралъ болѣе въ руки другой книги, кромѣ св. Писанія. Скоро онъ изучилъ его въ совершенствѣ. До насъ дошли два составленные имъ сборника библейскихъ текстовъ, распредѣленныхъ по содержанію на категоріи: полемика съ евреями, оправданіе правилъ христіанскаго поведенія, увѣщаніе въ необходимости противиться язычеству даже до пролитія крови [1]). Эти выдержки, какъ, впрочемъ, и всѣ его произведенія, свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ его съ св. книгами Ветхаго и Новаго Завѣта.

Вскорѣ послѣ своего обращенія онъ былъ возведенъ въ санъ пресвитера; затѣмъ, когда освободилась епископская каѳедра въ Карѳагенѣ, онъ почти единогласно былъ избранъ замѣстителемъ ея. Однако, нѣсколько пресвитеровъ возстали противъ избранія новообращеннаго, и несмотря на всѣ усилія, которыя онъ потомъ дѣлалъ, чтобы примирить ихъ съ собой, они относились къ нему всегда довольно враждебно.

Онъ былъ епископомъ всего съ годъ, какъ надъ церковью разразилось гоненіе Деція. Какъ онъ самъ, такъ и всѣ окружающіе его были убѣждены, что при его извѣстности во всемъ Карѳагенѣ его неминуемо арестуютъ, и что въ такое критическое время цѣлость епископа была для церкви важнѣе, чѣмъ его мученичество. Онъ покинулъ городъ и нашелъ внѣ его вѣрное убѣжище, гдѣ могъ укрыться отъ полицейскихъ розысковъ и въ то же время быть въ сношеніяхъ съ вѣрующими, въ особенности съ тѣми членами клира, которые имѣли возможность остаться съ паствой.

Положеніе было очень трудное. Въ теченіе долгаго мира, предшествовавшаго гоненію, христіане въ Африкѣ поразительно ослабѣли духомъ. Уже Тертулліанъ громилъ „психиковъ“ съ высоты своей суровой непримиримости. Кипріанъ, хотя держался не столь крайнихъ воззрѣній, однако не болѣе, чѣмъ онъ, хвалитъ своихъ африканцевъ. Онъ рисуетъ намъ ихъ привязанность къ земнымъ благамъ, жадность къ наживѣ, жестокость, ненавистничество, непокорность увѣщаніямъ своихъ пастырей, братанье съ языческимъ

[1]) *Testimonia ad Quirinum*, I—III; *ad Fortunatum.*

міромъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ; жены ихъ бѣлятся, пресвитеры почти чужды благочестія, а діаконы—честности; есть епископы, поступающіе на службу въ податные чиновники и пренебрегающіе своимъ священнослуженіемъ ради своей должности; въ то время, какъ бѣдняки въ ихъ паствѣ умираютъ съ голоду, они заботятся о собственномъ обогащеніи, бѣгаютъ по общественнымъ рынкамъ, не гнушаются ни обманомъ, ни ростовщичествомъ.

Отъ такихъ христіанъ, руководимыхъ такими пастырями, нечего было ждать высокаго геройства. Ихъ поведеніе во время гоненія оказалось плачевнымъ. Большинство уступили послѣ первыхъ же угрозъ даже не смертью, а отобраніемъ имущества. Въ первые дни карѳагенскія власти и спеціальные чиновники осаждены были толпой отступниковъ, требовавшихъ себѣ удостовѣреній въ совершеніи жертвоприношенія (*libelli*). Даже среди духовенства были примѣры отреченія отъ вѣры. Однако значительной части пресвировъ и діаконовъ удалось ускользнуть отъ розысковъ, какъ и довольно большому числу вѣрующихъ; только нѣсколько исповѣдниковъ были брошены въ тюрьму.

Какъ это легко себѣ представить, не всѣ одобряли бѣгство епископа. Въ особенности сильныя нареканія раздались въ Римѣ, гдѣ не отдавали себѣ яснаго отчета въ положеніи Кипріана въ Карѳагенѣ и въ особыхъ опасностяхъ, которымъ онъ могъ подвергнуться. Вскорѣ по смерти Фабіана прибылъ изъ Карѳагена въ Римъ иподіаконъ Кременцій. Римскіе пресвитеры вручили ему два письма: одно, адресованное къ Кипріану, извѣщало его о мученической кончинѣ его собрата; другое, написанное на основаніи извѣстій, привезенныхъ изъ Карѳагена Кременціемъ, было безъ адреса и безъ подписи, но содержаніе его указывало, что оно предназначалось для карѳагенскаго духовенства. Оба письма были одновременно переданы Кипріану. Второе очень удивило его. Авторы его обращались къ карѳагенскому духовенству такимъ тономъ, какъ будто оно не было болѣе подъ управленіемъ своего епископа: „Мы узнали,—говорилось тамъ,—что святый папа Кипріанъ удалился. Намъ говорятъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, такъ какъ онъ занимаетъ видное положеніе (*persona insignis*)“. Это объясненіе не удовлетворяло римскихъ пресвитеровъ, ибо они тутъ же комментировали притчу, въ которой добрый пастырь, полагающій душу свою за овецъ своихъ (Фабіанъ), сравнивается съ наемникомъ, (Кипріанъ), который оставляетъ овецъ на добычу приблизившемуся волку. Немного далѣе, говоря о христіанахъ, отрек-

шихся отъ Христа въ Римѣ, авторы письма паденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ приписывали тому обстоятельству, что тѣ занимали видное положеніе (*quod essent insignes personae*). Эта черта придавала слову *insignis persona* оскорбительный смыслъ, и общій тонъ письма отнюдь не ослаблялъ этого впечатлѣнія. Римское духовенство очень выхваляло себя и подчеркивало то усердіе, съ которымъ оно выполняло обязанности, обусловленныя гоненіемъ. Оно ставило себя въ примѣръ карѳагенскому духовенству и не скупилось на совѣты, изложенные въ формѣ, которая по меньшей мѣрѣ должна была показаться довольно-таки жесткою.

Кипріанъ могъ оскорбиться и дѣйствительно обидѣлся. Онъ сейчасъ же отписалъ въ Римъ (посл. 9), увѣдомляя о полученіи посланія, въ которомъ ему было сообщено о мученической кончинѣ Фабіана, и привѣтствуя римскую церковь съ подвигомъ, слава котораго озаряла ее. Что же касалось наставленій, данныхъ во второмъ посланіи къ карѳагенскому клиру, то онъ сдѣлалъ видъ, будто не знаетъ ихъ авторовъ, или скорѣе сомнѣвается, чтобы они были дѣйствительно написаны римскими пресвитерами. „Я прочелъ—говоритъ онъ—другое посланіе безъ адреса и подписи. Почеркъ, содержаніе, даже самая бумага его меня немного удивили. Быть можетъ, въ немъ что-нибудь сократили или измѣнили. Я отсылаю его вамъ такимъ, какъ получилъ, чтобы вы могли судить, то ли это самое посланіе, которое вы передали иподіакону Кременцію“.

Мы не знаемъ отвѣта римскаго клира на посланіе Кипріана; знаемъ только, что получивъ его, онъ убѣдился, какіе ложные слухи ходили о немъ въ Римѣ. Онъ счелъ необходимымъ оправдаться и съ этой цѣлью послалъ въ Римъ сборникъ изъ 13 посланій, написанныхъ имъ къ пресвитерамъ, діаконамъ, исповѣдникамъ и разнымъ другимъ членамъ своей церкви [1]). Эти документы способны были доказать, что онъ нисколько не оставлялъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Въ то же время онъ объяснялъ мотивы, побудившіе его удалиться. Римскіе духовенство и исповѣдники, продолжавшіе до того времени переписываться прямо съ карѳагенскимъ клиромъ, теперь, будучи лучше освѣдомлены о ходѣ событій, въ концѣ концовъ одобрили поведеніе Кипріана. Кромѣ того они поручили теперь веденіе переписки другому лицу: вмѣсто неосмотрительнаго и недостаточно корректнаго автора перваго посланія посадили краснорѣчиваго Новаціана.

1) *Ep.* 5, 6, 7, 10—19.

Этотъ обмѣнъ посланіями, стоившій можетъ быть Кипріану нѣкоторыхъ жертвъ самолюбіемъ, далъ ему драгоцѣнную поддержку. Уже изъ послѣднихъ посланій сборника, отосланнаго имъ въ Римъ, видно, что въ Карѳагенѣ возникли своеобразнаго характера затрудненія, созданныя неожиданнымъ союзомъ между исповѣдниками и отступниками. Среди первыхъ было много простыхъ людей, даже грубыхъ, а порой и не безукоризненной нравственности. Были такіе, которые исповѣдали вѣру и перенесли побѣдоносно пытку скорѣй изъ молодечества, чѣмъ изъ глубоко-религіознаго убѣжденія. Всеобщее уваженіе, которымъ пользовались мученики, почести, которыя имъ воздавали послѣ смерти, чрезвычайное благоговѣніе, заботы и матеріальная поддержка, которыми окружали исповѣдниковъ въ узахъ,—все это способно было вскружить не очень крѣпкія головы. У этихъ людей была наклонность ставить себя гораздо выше остальныхъ христіанъ, смотрѣть на себя, какъ на авторитетныхъ судей въ религіозныхъ вопросахъ, вступать иногда въ соперничество съ канонически поставленными духовными властями. Въ Карѳагенѣ положеніе ухудшалось тѣмъ, что самъ епископъ былъ въ бѣгствѣ. Причины, понудившія его скрываться, легко могли ускользнуть отъ вниманія простого народа; послѣдній изливалъ весь свой восторгъ передъ храбрецами, которые перенесли испытаніе дыбой, плети, ужасы тюремнаго заключенія и ждали лишь послѣдняго приговора, чтобы воцариться съ Христомъ на небесахъ.

Такое настроеніе было очень распространено не только среди вѣрующихъ, оставшихся твердыми въ вѣрѣ (*stantes*), но и въ особенности среди падшихъ (*lapsi*), т.-е. тѣхъ, которые въ той или иной степени запятнали себя повиновеніемъ императорскому указу. Эти послѣдніе, будучи или воображая себя застрахованными отъ преслѣдованій, старались возобновить общеніе съ церковью. Однако, это было не очень легко. Отступничество требовало вѣчнаго покаянія. Конечно, виновныхъ было слишкомъ много, чтобы можно было отрицать необходимость въ смягченіи древнихъ правилъ; но не во время гоненія можно было обсуждать столь важную мѣру, входить въ оцѣнку разнообразныхъ проступковъ и соразмѣрить суровость покаянія со степенью вины каждаго. Поэтому было въ принципѣ рѣшено въ Карѳагенѣ и въ Римѣ, что для разрѣшенія вопроса объ отпавшихъ отъ вѣры нужно подождать времени, когда епископы смогутъ вновь сами непосредственно вступить въ управленіе церквами, снестись между собой и дать своимъ рѣшеніямъ необ-

ходимый авторитетъ и единообразіе. Дотолѣ падшіе (*lapsi*) должны были проводить время въ покаяніи и не принимать участія въ св. таинствахъ [1]).

Эта отсрочка показалась заинтересованнымъ лицамъ слишкомъ долгою. Около нихъ уже агитировали тѣ пять пресвитеровъ, которые сопротивлялись избранію Кипріана, да и послѣ того враждовали съ нимъ. Очевидно, они же и оклеветали его въ Римѣ. Они стали допускать *падшихъ* къ общенію и совершать у нихъ и для нихъ святое жертвоприношеніе. Единственная формальность, которой они требовали, заключалась въ томъ, чтобы отпавшій представилъ рекомендательное письмо отъ какого-нибудь готовящагося пострадать исповѣдника. Дѣйствительно, было въ обычаѣ, чтобы одобрительные отзывы мучениковъ принимались во вниманіе епископами и побуждали сокращать грѣшникамъ срокъ церковнаго покаянія. Но вовсе не было принято, чтобы эта льгота исходила непосредственно отъ самихъ мучениковъ, и въ особенности, чтобы она раздавалась съ безграничной щедростью. Исповѣдники же, въ особенности нѣкій Лукіанъ, называвшій себя исполнителемъ воли какого-то мученика Павла, уже казненнаго, раздавалъ индульгенціи безъ счета. Для соблюденія формы онъ посылалъ *падшихъ* къ епископу, но вручаемыя имъ свидѣтельства носили характеръ требованій. Читая ихъ, чувствуешь, что эти люди опирались на общественное мнѣніе, и что нелегко было въ чемъ-нибудь отказать имъ. Кипріанъ, обращаясь къ нимъ письменно, употреблялъ все свое искусство, чтобы выказать свою привѣтливость и почтеніе къ нимъ, стараясь въ то же время заставить ихъ послушаться своихъ совѣтовъ и охранить свой собственный авторитетъ.

Но, несмотря на свое благорасположеніе, уступчивость и смиреніе, онъ не всегда былъ въ состояніи ихъ удовлетворить. Ихъ свидѣтельства часто обнимали цѣлыя семейства, значительныя и неопредѣленныя группы лицъ. *Communicet ille cum suis*—писали епископу (*пусть будетъ принятъ въ общеніе такой-то со своимъ домомъ*). Это *cum suis* было такъ же мало опредѣленно, какъ форма обращенія *communicet*—недостаточно вѣжлива. Кипріанъ сталъ возражать. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ письмо, въ которомъ исповѣдники разомъ отпускали всѣ грѣхи отреченія отъ Христа,

---

[1]) Въ первые мѣсяцы Кипріанъ лишилъ неимущихъ отступниковъ церковнаго пособія. Это было довольно естественно. Однако, примѣръ римской, болѣе милосердой въ данномъ случаѣ церкви, заставилъ и его быть болѣе щедрымъ.

въ цѣлой Африкѣ. Кареагенскому епископу поручалось привести въ исполненіе въ своей церкви и сообщить остальнымъ епископамъ объ этомъ странномъ рѣшеніи новой духовной власти.

Положеніе становилось натянутымъ. Конечно, на сторонѣ епископа стояли разсудительные люди какъ изъ клира, такъ и изъ мірянъ; нѣкоторые изъ исповѣдниковъ не одобряли поведенія Лукіана и его самоувѣренной раздачи индульгенцій. Но разумные люди всегда въ меньшинствѣ, въ особенности въ критическія эпохи. Кипріанъ почувствовалъ необходимость опереться на авторитетъ римской церкви и въ особенности ея исповѣдниковъ, изъ которыхъ иные, какъ священники Моисей и Максимъ, уже много мѣсяцевъ томились въ тюрьмѣ. Онъ получилъ отвѣтъ, въ которомъ его поведенію высказывалось полное одобреніе. Въ то же время онъ не упускалъ случая выражать свое почтеніе къ мученикамъ; онъ ввелъ въ свой клиръ нѣсколькихъ наиболѣе видныхъ исповѣдниковъ, избранныхъ понятно изъ числа тѣхъ, которые не были замѣшаны въ дѣлѣ индульгенцій.

Однако противодѣйствіе Кипріану не прекращалось; напротивъ, оно принимало организованную форму. Во главѣ его стояли все тѣ же пять смутьяновъ пресвитеровъ; среди нихъ извѣстенъ былъ нѣкій Новатъ. Богатый и вліятельный міранинъ Фелициссимъ дѣятельно поддерживалъ этотъ кружокъ. Когда, къ концу 250 года, Кипріанъ послалъ въ Кареагенъ коммиссію изъ епископовъ и пресвитеровъ, чтобы подготовить все къ его возвращенію и раздать отъ его имени милостыню, Фелициссимъ употребилъ всяческія усилія, чтобы разстроить ихъ дѣло и ниспровергнуть авторитетъ епископа. Кипріанъ сталъ защищаться. Его представители въ Кареагенѣ по его приказанію отлучили отъ церкви Фелициссима и его главныхъ приверженцевъ. Интриговавшіе противъ Кипріана пресвитеры сами отказались отъ общенія съ епископомъ. Одинъ изъ нихъ, Новатъ, отправился въ Римъ, чтобы заручиться для кареагенской оппозиціонной партіи содѣйствіемъ папы, котораго несомнѣнно должны были скоро избрать, такъ какъ гоненіе начало утихать.

Послѣ Пасхи, т.-е. въ апрѣлѣ 251 г. Кипріанъ могъ наконецъ вернуться въ свою волнуемую раздорами церковь. Онъ обратился къ своей возбужденной паствѣ съ двумя пастырскими трактатами: [1]) по вопросу о *падшихъ* и о расколѣ.

---

[1]) *De lapsis, De Ecclesiae unitate.*

Чтобы постановить болѣе вѣское рѣшеніе по очереднымъ вопросамъ, онъ созвалъ, какъ давно уже обѣщалъ, соборъ африканскихъ епископовъ.

4. Новаціанскій расколъ.

Въ это же самое время Новатъ старался посѣять рознь и въ римской церкви. Исповѣдники въ Римѣ пользовались такимъ же уваженіемъ, какъ и въ Кароагенѣ; особенно тѣ изъ нихъ, которые еще оставались въ тюрьмѣ, были окружены изъявленіями преданности; съ ними совѣтовались, какъ съ оракуломъ. Прежде всего Новатъ вступилъ въ сношенія съ Новаціаномъ, котораго онъ безъ труда привлекъ на свою сторону; затѣмъ попытался пріобрѣсть расположеніе исповѣдниковъ. Сперва это ему не удалось: Моисей объявилъ, что онъ останется вѣрнымъ Кипріану и не войдетъ въ сношенія съ кружкомъ пяти кароагенскихъ пресвитеровъ. Но послѣ его смерти, послѣдовавшей въ январѣ или февралѣ 251 года, его сотоварищи по заключенію дали себя завлечь и поддержали своимъ вліяніемъ партію, которая сгруппировалась около Новата и Новаціана. Задача состояла въ томъ, чтобы избрать такого папу, который не призналъ бы въ Кипріанѣ законнаго епископа кароагенскаго и поддержалъ соперника, котораго уже готовили послѣднему. Дѣло пока еще не касалось догматическихъ или дисциплинарныхъ принциповъ; но въ Римѣ, какъ и въ Африкѣ, намѣревались использовать престижъ исповѣдниковъ. Будущій преемникъ ап. Петра долженъ былъ стать папою исповѣдниковъ, какъ въ Кароагенѣ партія, враждебная Кипріану, объявляла себя партіей исповѣдниковъ.

Эти разсчеты не оправдались. Избраніе состоялось въ серединѣ марта; врагамъ Кипріана не удалось воспрепятствовать избранію кандидата, чуждаго ихъ стремленіямъ,—пресвитера Корнилія. Они сейчасъ же напали на него съ яростью, взводя на него между прочими преступленіями обвиненіе въ томъ, будто онъ получилъ свидѣтельство о совершеніи жертвоприношенія и имѣлъ общеніе съ отъявленными вѣроотступниками. Новатъ постарался о томъ, чтобы одновременно съ извѣщеніемъ о посвященіи Корнилія былъ доставленъ въ Кароагенъ мотивированный протестъ противъ его избранія. Онъ былъ составленъ отъ имени одного римскаго пресвитера, вѣроятно, Новаціана. Кипріанъ съ африканскими епископами, которые начали объединяться вокругъ него, рѣшилъ, что

нужно узнать обстоятельства точнѣе: они поджидали оффиціальныхъ протоколовъ избранія и даже отправили въ Римъ двухъ епископовъ. Во время этихъ проволочекъ [1]) противная Корнилію партія избрала своего епископа, самого Новаціана [2]), и хлопотала о томъ, чтобы добиться признанія его всею церковью. При этомъ извѣстіи и на основаніи справокъ, полученныхъ изъ Рима, Кипріанъ оффиціально призналъ Корнилія.

Такимъ образомъ новаціанскій расколъ, ставшій зародышемъ вліятельной секты, возникъ первоначально не изъ догматическихъ вопросовъ, а изъ-за личностей. У Новаціана не было особыхъ теорій касательно покаянія. Новатъ, судя по его предшествующему образу дѣйствій въ Кароагенѣ, долженъ былъ скорѣе сочувствовать, чѣмъ противиться смягченію дисциплины. Во время споровъ, происходившихъ въ предыдущемъ году, самъ Новаціанъ редактировалъ посланія римскаго духовенства и исповѣдниковъ,—тѣ посланія, которыя, по словамъ Кипріана [3]), „были разосланы по цѣлому

---

[1]) Надо, дѣйствительно, различать два періода въ новаціанской распрѣ. Сперва противники только протестуютъ противъ Корнилія и его избранія, но не производятъ новаго избранія. Св. Кипріанъ очень точно различаетъ эти двѣ фазы и два посольства, которыя партія раскола отрядила одно за другимъ въ Кароагенъ. *Ep.* XLV, 1: *Diversae partis obstinata et inflexibilis pervicacia non tantum radicis et matris sinum adque complexum recusavit, sed etiam gliscente et in peius recrudescente discordia episcopum sibi constituit*.... c. 3: *Cum ad me talia adversum te et conpresbyteri tecum considentis scripta venissent.* (Противная сторона, по упорному и непреклонному упрямству, не только отторглась отъ корня и уклонилась отъ нѣдръ и объятій матери, но еще усиливая и возобновляя раздоръ на худшее, поставила себѣ епископа... гл. 3: когда до меня дошли письма о тебѣ и совозсѣдающихъ съ тобою сопресвитерахъ...). Здѣсь дѣло идетъ о первомъ посланіи, направленномъ противъ Корнилія, которое Новаціанъ послалъ еще будучи пресвитеромъ. Кипріанъ подчеркиваетъ (Посл. LV, 8), что Корнилій сдѣлался епископомъ въ то время, какъ мѣсто Фабіана, т.-е. престолъ ап. Петра, было вакантно, чѣмъ не могъ оправдываться Новаціанъ.

[2]) Въ одномъ изъ къ своихъ посланій къ Фабію антіохійскому (Евсев., VI, 43) Корнилій разсказываетъ, что Новаціанъ досталъ изъ какого-то угла Италіи трехъ епископовъ, людей простыхъ и необразованныхъ (ἀγροίκους καὶ ἁπλουστάτους), которые и посвятили его послѣ выпивки. Одинъ изъ нихъ выпросилъ себѣ прощеніе у Корнилія, который принялъ его въ общеніе церкви на правахъ міранина, остальнымъ двумъ немедленно назначили замѣстителей. Подробности этого рода я черпалъ (см. конецъ 17 гл.) и черпаю здѣсь лишь съ большой осторожностью изъ того посланія къ Фабію, гдѣ Корнилій отдѣлываетъ Новаціана съ горячностью, обычной у древнихъ авторовъ въ ихъ личныхъ нападкахъ. Авторъ письма, очевидно, переходитъ всякую мѣру, приписывая, напр., обращеніе Новаціана въ христіанство самому діаволу, высказывая сомнѣніе въ дѣйственности его крещенія, осмѣивая его богословскія знанія. Нѣкоторые уколы, пущенные Корниліемъ въ своего несчастнаго противника легко могли бы быть отнесены къ папѣ Фабіану, ибо именно онъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ Новаціана, и къ руководителямъ римской церкви во время гоненія Деція.

[3]) *Ep.* LV, 5.

свѣту и доведены до свѣдѣнія всѣхъ церквей и всѣхъ вѣрныхъ". Между тѣмъ, въ этихъ посланіяхъ были установлены два положенія: во-первыхъ, что *падшіе* должны быть допущены къ покаянію, продолжительность и условія котораго были предоставлены на усмотрѣніе епископовъ, имѣвшихъ разрѣшить этотъ вопросъ немедленно по возстановленіи спокойствія; во-вторыхъ, что тѣ изъ падшихъ, которые находятся въ смертной опасности, могутъ быть немедленно примирены съ церковью [1]). Во время гоненія Новаціану удалось избѣжать преслѣдованій, но не удалось выказать какого-либо чрезвычайнаго героизма [2]). Слѣдовательно, нельзя было предвидѣть, что онъ станетъ сторонникомъ строгихъ мѣръ. Но разъ возникъ расколъ, ему неизбѣжно нужно было въ важнѣйшемъ очередномъ вопросѣ занять позицію и защищать принципы, противоположные партіи Корнилія.

Кареагенскій соборъ, собравшійся наконецъ къ половинѣ мая подъ предсѣдательствомъ Кипріана, рѣшилъ, что всѣ *падшіе* безъ различія, если только раскаются, будутъ допущены къ покаянію и приняты въ лоно церкви въ минуту смерти; что, сообразно съ важностью поступка, покаяніе будетъ болѣе или менѣе продолжительно; что епископы, пресвитеры и другіе члены клира могутъ быть допущены, какъ и прочіе, къ покаянію, но не возстановлены въ своемъ званіи. Эти постановленія были сообщены въ Римъ. Корнилій, какъ и большинство членовъ римскаго клира, раздѣлялъ взгляды африканскихъ епископовъ. Однако онъ пожелалъ дать возможно большій авторитетъ рѣшенію по дѣлу, въ которомъ заинтересовано было столько народа, и съ этой цѣлью созвалъ съ своей стороны большой соборъ изъ всѣхъ итальянскихъ епископовъ.

Тогда-то вполнѣ опредѣлились позиціи, и партія Новаціана объявила себя партіей строгой дисциплины: никакого примиренія между церковью и вѣроотступниками, вѣчная анаеема идолопоклонникамъ! Таковъ былъ лозунгъ новой секты. Она не препятствовала вѣроотступникамъ каяться, напротивъ, даже усиленно приглашала ихъ къ этому, но отнимала у нихъ въ то же время надежду вернуться въ лоно христіанскаго братства, хотя бы при послѣднемъ издыханіи. Прежде такъ поступали съ прелюбодѣями и съ отступниками, но уже давно это примѣнялось только къ послѣднимъ.

1) *Ep.* XXX, 8.
2) Euseb., VI, 43, § 16.

Новаціанъ и его сторонники настаивали на томъ, что дальше итти нельзя и что не слѣдуетъ на вѣроотступниковъ распространять уступку, сдѣланную прелюбодѣямъ. Въ этомъ только и заключалось первоначальное новаціанство. Отдѣлившись же отъ церкви, секта не преминула прибавить къ этому первому предмету раздора новыя своеобразныя ученія. Сперва же она ограничилась тѣмъ, что возстала противъ смягченія той мѣры наказанія, которая была принята и примѣняема въ эпоху, когда отступничество было рѣдкимъ явленіемъ [1]), но которая не могла уже оставаться въ силѣ въ виду безчисленныхъ случаевъ отпаденія, вызванныхъ всеобщимъ и чрезвычайно строгимъ гоненіемъ.

Съ принципіальной стороны такая точка зрѣнія имѣла много преимуществъ, что и объясняетъ относительный успѣхъ новой секты. Ему содѣйствовали личное уваженіе, какимъ пользовался Новаціанъ и поразительная настойчивость, съ какою его сторонники, въ особенности Новатъ, приложили всѣ силы, чтобы очернить Корнилія. Собрался въ Римѣ соборъ; на немъ присутствовало 60 епископовъ, не считая пресвитеровъ и діаконовъ какъ римскихъ, такъ и тѣхъ, которые составляли свиту епископовъ или явились ихъ представителями. Посланія кареагенскаго собора были прочтены собравшимся; въ нихъ провозглашался принципъ возвращенія падшихъ въ лоно церкви и заключалась просьба къ итальянскимъ епископамъ осудить виновника новой схизмы. Это желаніе было удовлетворено: Новаціанъ и его единомышленники были изгнаны изъ церкви, и установленная африканскимъ соборомъ дисциплина для отступниковъ была торжественно утверждена. Эти постановленія были занесены въ соборный актъ, скрѣпленный подписями всѣхъ присутствовавшихъ епископовъ и изъявленіемъ согласія со стороны отсутствовавшихъ.

Опираясь на этого двойное выраженіе взглядовъ какъ итальянскаго, такъ и африканскаго епископата, Корнилій поспѣшилъ разослать повсюду списки соборныхъ рѣшеній съ приложеніемъ справки касательно Новаціана и его схизмы. Въ Африкѣ Кипріанъ оказалъ ему живое содѣйствіе: тамъ обнаружили колебаніе лишь весьма немногіе разрозненные элементы [2]). Тѣмъ не менѣе сектанты отправили въ Кареагенъ епископа Евариста, бывшаго

1) Такою продолжала оставаться дисциплина въ обычное время, что ясно видно изъ постановленій эльвирскаго собора въ концѣ III в.
2) См. въ особенности посланіе къ Антоніану (*ep.* LV).

однимъ изъ участниковъ посвященія Новаціана, римскаго діакона Никострата, исповѣдника изъ эпохи послѣдняго гоненія, и нѣсколькихъ другихъ лицъ, которымъ удалось образовать въ столицѣ Африки небольшую новаціанскую церковь съ нѣкіимъ Максимомъ въ качествѣ епископа. По всей вѣроятности, такой же успѣхъ имѣло движеніе и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ Галліи Маркіанъ, еп. арльскій, вступилъ въ общеніе съ Новаціаномъ и примѣнилъ его принципы къ вѣроотступникамъ. Это единственное важное уклоненіе въ расколъ, какое можно отмѣтить на Западѣ.

На Востокѣ дѣло пошло гораздо дальше. Взгляды Новаціана встрѣтили откликъ въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи. Фабій, еп. антіохійскій, открыто покровительствовалъ имъ; но такъ какъ онъ былъ поставленъ во епископы еще недавно, а его собратья въ Сиріи, Каппадокіи и Киликіи держались другого мнѣнія, то движеніе съ первыхъ почти шаговъ было заторможено. Кромѣ того оно имѣло противника въ лицѣ авторитетнаго во всѣхъ отношеніяхъ епископа александрійскаго Діонисія, который также держался взглядовъ Корнилія и Кипріана. Еще во время гоненія онъ приказалъ принимать въ лоно церкви отступниковъ на ихъ смертномъ одрѣ; какъ только миръ, повидимому, сталъ возстановляться, онъ разослалъ по всему Египту своего рода пенитенціальный тарифъ, гдѣ были различены виды прегрѣшеній и каждому назначено соотвѣтствующее наказаніе. Посланія Новаціана не произвели на него никакого впечатлѣнія; онъ отвѣтилъ на нихъ очень откровенно, хотя по своему обыкновенію и очень мягко,—совѣтомъ сопернику Корнилія поскорѣй оставить свое мнимое епископство. Онъ приложилъ также много усилій вернуть на путь истинный римскихъ исповѣдниковъ, уклонившихся въ расколъ. Это было дѣломъ великой важности. Кипріанъ со своей стороны проявилъ въ этомъ дѣлѣ столько же усердія. Оба эти великіе епископа, положеніе и судьба которыхъ имѣютъ столько сходнаго, заняли въ этомъ вопросѣ безъ взаимнаго соглашенія одинаковую точку зрѣнія. Побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Римскіе исповѣдники по милости Божіей почти всѣ покинули Новаціана и возвратились въ лоно церкви, гдѣ были самымъ дружескимъ образомъ встрѣчены Корниліемъ и его сторонниками, которые даже возстановили въ духовномъ санѣ всѣхъ, кто былъ имъ облеченъ раньше. Это событіе отнимало у Новаціана самое важное преимущество въ глазахъ христіанскаго населенія. Корнилій и его два союзника, Діонисій и Кипріанъ, поспѣшили дать возможно большую огласку столь благовременному обра-

щенію исповѣдниковъ. Посланія, написанныя по этому поводу, не составляютъ единственныхъ литературныхъ произведеній, направленныхъ противъ Новаціана. До насъ дошло подъ заглавіемъ *Ad Novatianum* нѣчто въ родѣ проповѣди, содержащей довольно сильныя нападки на него. Повидимому, она была составлена въ Римѣ [1]).

Тѣмъ не менѣе маленькая церковь продолжала существовать; часть вѣрующихъ „твердыхъ въ Евангеліи“ [2]) сгруппировалась вокругъ Новаціана. Этотъ послѣдній, кромѣ сочиненій, выпущенныхъ въ интересахъ пропаганды, писалъ многочисленныя наставленія своимъ ученикамъ. Мы имѣемъ образцы этой литературы въ его книгахъ *De cibis judaicis* (объ іудейскихъ яствахъ), вѣроятно также въ *De spectaculis* (о зрѣлищахъ) и *De bono pudicitiae* (о благѣ цѣломудрія). Эти и нѣкоторыя другія [3]) сочиненія, которымъ можно приписать то же происхожденіе, дошли до насъ, благодаря тому, что надписывались именемъ св. Кипріана. Св. Іеронимъ зналъ много другихъ [4]). Три названныя выше произведенія имѣютъ между собою то общее, что они были написаны во время гоненія при Галлѣ или Валеріанѣ, когда Новаціанъ былъ разлученъ со своими учениками. Согласно сохранившемуся въ его сектѣ преданію [5]), онъ палъ въ числѣ жертвъ гоненія Валеріана.

Кружокъ, который въ Кареагенѣ отстаивалъ снисходительное отношеніе къ отступникамъ и столько мѣсяцевъ натравливалъ противъ Кипріана тщеславіе исповѣдниковъ и ихъ чрезмѣрную угодливость по отношенію къ *падшимъ*, должно быть, очень удивился обороту, который дѣло приняло въ Римѣ. Новатъ, перебросившись изъ одной крайности въ другую, составлялъ теперь вмѣстѣ съ римскими исповѣдниками партію непримиримыхъ въ строгости. Съ

---

1) Гарнакъ приписываетъ ее Сиксту II (*Texte und Unter*., t. XIII, 1; ср. t. XX, 3, s. 116; *Chronol*., t. II, s. 387).

2) *Novatianus plebi in Evangelio perstanti salutem*, (Новаціанъ народу, твердому въ Евангеліи, желаетъ спасенія),—таково обращеніе въ книгѣ *De cibis*.

3) *Adversus Judaeos, De laude martyrii, Quod idola dii non sint.*

4) *De Pascha, De sabbato, De circumcisione, De sacerdote, De oratione, De instantia, De Attalo.*

5) Socrat. *H. E.* IV, 28; Евлогій, александрійскій епископъ конца VI вѣка, читалъ „мученичество“ Новаціана, баснословную выдумку, лишенную всякой достовѣрности. Въ іеронимовомъ спискѣ мучениковъ подъ 29 іюня значится мученикъ Новаціанъ; я думаю, что это тотъ же, который занесенъ подъ 27 въ началѣ списка, повидимому африканскаго происхожденія. Совершенно невѣроятно, чтобы виновникъ раскола попалъ въ календари великой церкви. Римскій календарь, входящій въ составъ лже-іеронимовской компиляціи, былъ установленъ около 422 года, вскорѣ послѣ того, какъ послѣднія новаціанскія церкви были закрыты въ Римѣ.

другой стороны, соборъ 251 года отнялъ у сѣятелей раскола значительную часть приверженцевъ своимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ получившимъ свидѣтельство о жертвоприношеніи и другимъ, менѣе запятнавшимъ себя, *падшимъ*[1]). Фелициссимъ пытался однако отстоять себя; онъ заставилъ посвятить себя въ діаконы, т.-е. казначеи схизматической церкви, которую собирались основать. Раскольники обѣгали всю Африку, ища сторонниковъ, въ особенности среди епископовъ, съ цѣлью противопоставить кипріановскому собору другой, низложить самого Кипріана и тогда уже ввести смягченную покаянную дисциплину, которая была цѣлью или поводомъ всей этой интриги.

Успѣхомъ похвастаться она не могла; вмѣсто объявленныхъ двадцати пяти, на соборъ явилось всего пять епископовъ, изъ коихъ были три вѣроотступника и два еретика. Одинъ изъ еретиковъ былъ тотъ самый Приватъ изъ Ламбезы, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ низложенъ большимъ соборомъ. Въ одно время съ ними въ Карѳагенъ съѣхалось болѣе 40 епископовъ на соборъ (второй послѣ гоненія), который обыкновенно засѣдалъ въ маѣ. Соборъ этотъ открылся 15 мая 252 г. Приватъ добивался быть допущеннымъ на него, чтобы защищать себя и достичь своего возстановленія, но тщетно. Въ виду гоненія, которое воздвигалъ теперь на церковь новый императоръ Галлъ, соборъ принялъ въ общеніе съ церковію всѣхъ *падшихъ*, которые все это время добросовѣстно несли покаяніе. Это постановленіе, еще болѣе уменьшавшее смыслъ оппозиціонной партіи, однако не распространялось на сторонниковъ Филициссима, которые уже больше года уклонялись отъ общенія съ церковію и не выполняли никакихъ формъ покаянія. Поэтому тѣ все же собрались на малый соборъ въ противовѣсъ большому. Они объявили Кипріана низложеннымъ и поставили ему преемника въ лицѣ Фортуната, одного изъ пяти отколовшихся пресвитеровъ. Кипріанъ остался совершенно равнодушенъ къ этому. За него былъ весь африканскій епископатъ и все христіанское населеніе Карѳагена, за исключеніемъ маленькой горсти интригановъ, которымъ дали прозвище, произведенное отъ имени ихъ предводителя:—*Infelicissimi* (несчастнѣйшіе).

[1]) Свидѣтельство объ исполненіи языческихъ обрядовъ согласно указу можно было иногда добыть и безъ совершенія самаго обряда, благодаря протекціи или подкупу. См. Гиббонъ — Исторія упадка Римской имп., т. II, стр. 139. Прим. пер.

Тѣмъ временемъ Фелициссимъ кое съ кѣмъ изъ своихъ отправился въ Римъ; они пытались добиться признанія для новаго епископа Фортуната. Папа Корнилій отстранилъ ихъ отъ общенія съ церковью, но такъ какъ они повсюду поднимали смятеніе противъ Кипріана и грозили опубликовать письма Фортуната, полныя гнусныхъ обвиненій противъ карѳагенскаго епископа, то Корнилій испугался и согласился принять эти документы. Эта уступка, оттѣнки которой теперь ускользаютъ отъ насъ, чрезвычайно раздражила Кипріана, который вообще не имѣлъ обыкновенія гнѣваться безъ причины.

Это было второе облако, замутившее было знаменитый въ исторіи союзъ двухъ епископовъ. Въ началѣ своего епископскаго служенія Корнилій былъ обиженъ медлительностью, съ какою Кипріанъ опубликовалъ его посвященіе, и предосторожностью, съ какою онъ провѣрялъ его правильность [1]); въ свою очередь тотъ былъ необыкновенно изумленъ боязливостью своего сотоварища, который какъ бы признавалъ законность сомнѣній въ правѣ Кипріана на карѳагенскую каѳедру. Онъ излилъ свою жалобу Корнилію столь же краснорѣчиво, какъ и откровенно [2]). Дѣло было лѣтомъ 252 г. Гоненіе Галла, уже предвидимое тогда, должно было дать другое направленіе мыслямъ Кипріана въ отношеніи къ римскому епископу. Узнавъ объ его ссылкѣ, онъ тотчасъ же написалъ ему привѣтственное посланіе [3]). Самъ онъ на этотъ разъ имѣлъ возможность остаться среди своей паствы, несмотря на крики фанатичной карѳагенской толпы, которая ежеминутно требовала его головы. На слѣдующій годъ, послѣ смерти Корнилія въ ссылкѣ, на его мѣсто римской церковью былъ избранъ Луцій. Онъ тоже былъ сосланъ, но на короткое время. Спокойствіе опять возстановилось. Луцій вернулся въ Римъ. Кипріанъ, который уже привѣтствовалъ его съ подвигомъ исповѣдничества, написалъ ему вторичное посланіе, чтобы вмѣстѣ со всѣми африканскими епископами присоединиться къ радости христіанъ города Рима [4]).

Эти посланія, какъ вообще вся переписка св. Кипріана, свидѣтельствуютъ объ единеніи между римской и карѳагенской каѳедрами, объ ихъ частыхъ сношеніяхъ и особомъ почтеніи африканцевъ къ римской церкви, „главной церкви (principalis), которою

[1]) *Ep.* XLV, XLVIII.
[2]) *Ep.* LIX.
[3]) *Ep.* XX.
[4]) *Ep.* LXI.

держится единство священства“ [1]). При преемникѣ Луція, папѣ Стефанѣ, эти отношенія стали менѣе дружественными и даже пережили довольно острый кризисъ.

5. Споръ о крещеніи.

Луцій умеръ 5 марта 254 г. Преемникъ его, Стефанъ, съ самаго начала, кажется, мало сочувствовалъ епископу карѳагенскому. Столкновеніе между ними не замедлило и сперва послѣдовало изъ-за дѣла, которое не касалось ни Италіи, ни Африки.

Во время гоненія два испанскихъ епископа, Василидъ и Марціалъ, одинъ епископъ Емеритскій (Меридъ), другой—Легійскій и Астурикскій (Леонъ и Асторга) испросили себѣ или только согласились принять свидѣтельство о выполненіи языческаго жертвоприношенія. За это и за разныя другія провинности они были извергнуты изъ епископата, и на мѣсто ихъ были поставлены Сабинъ и Феликсъ. Тѣ не покорились. Василидъ отправился въ Римъ, успѣлъ убѣдить папу Стефана, что взведенныя на него обвиненія не имѣли подъ собой основанія, и добился своего возстановленія въ епископскомъ санѣ. Ихъ паства и въ особенности преемники обоихъ, недовольные такимъ поворотомъ дѣла, рѣшились обратиться къ собору, засѣдавшему въ Африкѣ. Этотъ соборъ превратился въ регулярное учрежденіе. Изъ посланій св. Кипріана видно, что за исключеніемъ эпохъ гоненій, онъ засѣдалъ ежегодно, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, весной, а иногда еще и осенью. Эти большіе періодическіе съѣзды очень помогали утвержденію и единообразію церковной дисциплины. Они пользовались извѣстностью и внѣ Африки, а слава знаменитаго и мудраго человѣка, который былъ ихъ душою, болѣе возвышала ихъ въ общемъ мнѣніи. Жалоба испанцевъ дошла до собора осенью 254 г. Онъ въ судопроизводствѣ поступилъ точно такъ же, какъ раньше самъ папа, т.-е. выслушалъ только одну сторону и призналъ ее правою. Василидъ и Марціалъ были объявлены недостойными епископскаго сана. Намъ невозможно на основаніи столь скудныхъ данныхъ рѣшить, кто былъ правъ и кто виноватъ [2]). Но ясно,

---

[1]) *Ep.* LIX, 14.
[2]) Испанскіе епископы раздѣлились на два лагеря; нѣкоторые изъ нихъ признавали Василида и Марціала и за то навлекли на себя весьма суровое отношеніе африканскаго собора (*Ep.* LXVII, 3).

что посланіе африканскаго собора [1]), въ которомъ сообщено было емеритской и легіо-астурикской церквамъ о постановленіи собора, противорѣчившемъ опредѣленію папы Стефана, не могло доставить послѣднему удовольствія.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, Кипріанъ получилъ два, одно вслѣдъ за другимъ, посланія отъ ліонскаго епископа Фаустина, который доносилъ ему о схизматическомъ поведеніи Марціана, епископа арльскаго. Марціанъ былъ въ общеніи съ Новаціаномъ и строго примѣнялъ его принципы въ дѣлѣ примиренія *падшихъ* съ церковью. Фаустинъ и другіе галльскіе епископы напрасно обращались къ папѣ Стефану, чтобы добиться прекращенія этого соблазна. Не видя другого исхода, они взывали о помощи къ карѳагенскому епископу. Стефанъ, повидимому, выказывалъ въ отношеніяхъ къ новаціанамъ нѣкоторую мягкость: говорили, что онъ, вопреки установленному правилу, очень свободно принимаетъ въ сущемъ санѣ возращающихся къ церкви схизматическихъ пресвитеровъ и діаконовъ [2]). Кипріанъ обратился къ нему съ очень настоятельнымъ письмомъ [3]): по его мнѣнію, папа обязанъ былъ проявить свое вмѣшательство въ Галліи, написать епископамъ этой области и арльскимъ христіанамъ, чтобы они позаботились объ низложеніи Марціана и избраніи ему преемника. Карѳагенскій епископъ имѣетъ здѣсь видъ поборника дисциплины, установленной Корниліемъ и Луціемъ, и традиціонной политики этихъ папъ, забытой ихъ преемникомъ. Тонъ посланія показываетъ, по правдѣ говоря, мало уваженія къ этому послѣднему. Заслуживалъ ли Стефанъ или нѣтъ этихъ упрековъ, онъ вовсе не могъ быть доволенъ полученнымъ выговоромъ. При этихъ-то обстоятельствахъ разразилась распря изъ-за крещенія еретиковъ.

На какихъ условіяхъ могли быть допущены въ каѳолическую церковь еретики, порывавшіе связи съ своей сектой? Этотъ вопросъ, повидимому, пріобрѣлъ нѣкоторую настоятельность къ концу II вѣка, когда кругомъ кишѣли секты, а нѣкоторыя изъ нихъ уже начинали приходить въ упадокъ. Могло быть два случая: или обратившійся еретикъ былъ принятъ въ лоно христіанства еще въ великой церкви, или же прямо вступилъ въ секту. Въ первомъ случаѣ его крещеніе конечно сохраняло свою силу, но онъ совер-

---

[1]) *Ep.* LXVII.
[2]) *Ep.* LXXII.
[3]) *Ep.* LXVIII.

шилъ тяжкій грѣхъ, отпавъ отъ церкви, и та была въ правѣ наложить на него покаяніе для искупленія грѣха, подобное тому, какое налагалось на обыкновенныхъ грѣшниковъ. Это именно и дѣлали вездѣ. Другой случай представлялъ значительную разницу. Могла ли каѳолическая церковь признать дѣйствительнымъ таинство крещенія, совершенное сектантами, носившими правда званіе христіанъ, но возмутившимися противъ церковнаго авторитета, отлученными отъ общества вѣрныхъ и приверженными къ погибельнымъ ученіямъ? Допустивъ даже, что своеобразіе ихъ обрядовъ и крещальныхъ формулъ не уничтожаетъ ихъ тождества по существу съ церковными, развѣ дѣйствіе ихъ не искажалось тѣмъ смысломъ, какой въ нихъ вкладывали тѣ, кто ихъ произносилъ или выполнялъ? По этому довольно щекотливому вопросу не было предварительнаго соглашенія; оттого вскорѣ явились разнообразныя рѣшенія. Ихъ можно свести къ двумъ видамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было безусловно всецѣло отвергнуто благодатное вступленіе въ христіанство внѣ законной церкви. Въ Римѣ и въ Египтѣ ввели различіе. Въ этомъ вступленіи въ христіанство мыслились два акта: крещеніе и то, что теперь называется конфирмаціей (миропомазаніе); первый очищалъ отъ грѣховъ, второй сообщалъ дары Св. Духа. Въ обрядѣ этого второго акта особенное значеніе придавалось возложенію рукъ, сопровождаемому молитвой къ Св. Духу, источнику семи даровъ благодати. Въ Римѣ вошло въ обычай не повторять крещенія, произведеннаго еретиками, но такъ какъ считалось, что одна только церковь, законная церковь, обладаетъ силой сообщать благодать воззваніемъ къ Святому Духу, то на раскаявшагося еретика возлагали руки какъ бы ради покаяннаго отпущенія, но на дѣлѣ для низведенія на него Св. Духа.

Въ Карѳагенѣ уже довольно давно укоренился обычай всецѣло отвергать крещеніе, совершенное еретиками. Тертулліанъ усердно настаиваетъ на этомъ въ своемъ сочиненіи о крещеніи. Этотъ порядокъ былъ утвержденъ великимъ соборомъ епископовъ Африки и Нумидіи, созваннымъ Агриппиномъ. Въ Малой Азіи соборы, засѣдавшіе въ Иконіи, Синнадѣ и разныхъ другихъ мѣстахъ [1]), установили то же правило. Его также соблюдали въ Антіохіи и сѣверной Сиріи [2]). Палестина же въ этомъ пунктѣ, какъ и въ

---

[1]) Кипріанъ, Посл. LXXV, 7 (письмо къ Фирмиліану); Діонисій Александрійскій у Евсевія, VII, 7.

[2]) Это явствуетъ изъ Ученія Апостоловъ и Апостольскихъ Постановленій.

опредѣленіи времени празднованія Пасхи, слѣдовала александрійскому обычаю [1]).

Однако на эти разграниченія нельзя смотрѣть, какъ на вполнѣ точныя. Церковная централизація была еще такъ слаба, что даже въ самой Африкѣ были разногласія. Въ 255 г. [2]) на карѳагенскій соборъ поступилъ запросъ за подписью 18 нумидійскихъ епископовъ, которыхъ взяло сомнѣніе относительно законности господствующаго обычая. Быть можетъ, епископовъ обезпокоило различіе порядковъ въ римской и африканской церквахъ. Какъ бы то ни было, соборъ рѣшилъ, что африканскій обычай долженъ соблюдаться, какъ единственно законный. Въ этомъ смыслѣ онъ и отвѣтилъ нумидійскимъ епископамъ, приведя и мотивы своего рѣшенія [3]). Вскорѣ затѣмъ самъ Кипріанъ написалъ мавританскому епископу, по имени Квинту, отвѣчая на подобные же запросы [4]). Уже въ этомъ посланіи проглядываетъ зародышъ нарочитаго протеста противъ папы Стефана, хотя этотъ и не названъ въ посланіи. На слѣдующемъ соборѣ, осенью 255 г. или весной 256 г., Кипріанъ счелъ удобнымъ покончить со всѣми этими спорными вопросами, которые поднимались въ Африкѣ, и перевести на почву открытаго обсужденія глухое и невыясненное разногласіе, раздѣлявшее его сотоварищей. Онъ обратился къ Стефану [5]) отъ своего имени и отъ имени собора и передалъ ему вмѣстѣ съ посланіемъ предшествующаго собора также и то посланіе, которое самъ написалъ Квинту. Онъ желалъ не только установить свое право держаться древняго обычая своей церкви, но и убѣдить, что этотъ обычай—единственно допустимый, и такимъ образомъ ввести его въ самую римскую церковь.

Карѳагенскій соборъ, кромѣ вопроса о крещеніи, сдѣлалъ постановленіе еще относительно діаконовъ и пресвитеровъ, впавшихъ въ расколъ или получившихъ свой санъ отъ сектантовъ: при обращеніи къ церкви они должны были оставаться мірянами.

---

[1]) Это можно вывести изъ отношенія Евсевія къ данному вопросу Въ его глазахъ „древній обычай"—тотъ, чтобы не повторять крещенія, но только лишь возложеніе рукъ; онъ видитъ въ кипріановомъ ученіи новшество.

[2]) Въ сборникѣ кипріановыхъ посланій къ этому дѣлу относятся №№ LXIX—LXXV. Письмо LXXVI *ad Magnum* во всякомъ случаѣ не касается еще главнаго вопроса; Кипріанъ обсуждаетъ частный случай новаціанъ, которыхъ онъ приравниваетъ къ другимъ еретикамъ, и излагаетъ свое ученіе о предсмертномъ крещеніи.

[3]) *Ep.* LXX.

[4]) *Ep.* LXXI.

[5]) *Ep.* LXXII.

Дѣлалъ ли Стефанъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ особое снисхожденіе? Это намъ неизвѣстно: въ дальнѣйшемъ дѣло идетъ только о крещеніи.

Въ то время, какъ представители собора ѣхали въ Римъ, Кипріанъ, получивъ отъ одного епископа, по имени Юбайена, запросъ относительно значенія нѣкоторыхъ поднимавшихся въ Италіи спорныхъ вопросовъ, отвѣтилъ ему длиннымъ изложеніемъ своего ученія (о крещеніи еретиковъ) [1]. Это посланіе—самый важный теоретическій трудъ во всей этой полемикѣ.

Въ Римѣ, гдѣ вотъ уже больше года получали по всякому поводу нравоученія отъ африканскаго собора, представителей послѣдняго приняли довольно холодно. Привезенное ими посланіе не отличалось любезностью. „Мы знаемъ,—такъ гласило оно,—что иные люди ни за что не хотятъ разстаться съ убѣжденіями, которыми прониклись, и нелегко мѣняютъ свое мнѣніе;—что, поддерживая съ своими сотоварищами единеніе мира и любви, они все же упорствуютъ въ своихъ обычаяхъ. Мы съ своей стороны не хотимъ никого насиловать, ни предписывать другимъ своихъ законовъ. Каждый изъ епископовъ воленъ управлять своей церковью, какъ знаетъ, отвѣчая за это передъ Богомъ [2]“. При такой натянутости отношеній въ Римѣ раздались рѣчи, о которыхъ можно было только пожалѣть: Кипріана обозвали лже-христіаниномъ, лже-пророкомъ, лукавымъ работникомъ. Представителей собора не допустили до папы, даже простымъ вѣрующимъ запретили ихъ принимать [3]. На притязанія Кипріана Стефанъ отвѣтилъ весьма рѣзкимъ постановленіемъ. Онъ не только не отказался отъ своего обычая и не пересталъ считать его единственнымъ законнымъ, но предписалъ африканскимъ епископамъ также подчиниться ему, подъ угрозой прервать съ ними всякія сношенія. То же требованіе было обращено и къ церквамъ на Востокѣ.

Посланіе Стефана дошло до Карѳагена лѣтомъ. Въ ожиданіи ближайшаго съѣзда собора, назначеннаго на 1-е сентября, Кипріанъ писалъ [4]) Помпею, епископу въ области Триполитаніи,

1) *Ep*. LXXIII.

2) Трудно помирить это разрѣшеніе съ безусловнымъ осужденіемъ, которымъ Кипріанъ клеймитъ противный своему порядокъ.

3) *Ep*. LXXV, 25. Фирмиліанъ повторяетъ здѣсь, что ему разсказалъ діаконъ Рогаціанъ, который уѣхалъ изъ Карѳагена сейчасъ послѣ собора, открывшагося 1 сентября 256 г., и потому онъ могъ знать только то, что было сказано въ Римѣ раньше этого собора.

4) *Ep*. LXXIV.

разсказывая ему про отвѣтъ Стефана и горько жалуясь на него. Въ назначенный день 87 епископовъ изъ всѣхъ африканскихъ провинцій собрались въ Карѳагенъ подъ предсѣдательствомъ Кипріана [1]). На соборѣ прочли переписку Кипріана съ Юбайеномъ. Затѣмъ предсѣдатель предложилъ собранію, чтобы каждый высказалъ свое мнѣніе: „Поступая такъ, мы не желаемъ никого судить, ни отказываться отъ общенія съ тѣми, кто думаетъ иначе. Никто изъ насъ не ставитъ себя епископомъ надъ епископами и не прибѣгаетъ къ тиранническому запугиванію, чтобы принудить своихъ сотоварищей согласиться съ нимъ. Всякій епископъ пользуется во всей полнотѣ своей свободой и властью и сохраняетъ право слѣдовать собственному разумѣнію [2]); онъ столь же мало подлежитъ суду другихъ, какъ и самъ въ правѣ судить ихъ“. Одинъ за другимъ всѣ 87 епископовъ высказались противъ признанія крещенія еретиковъ. О Стефанѣ и его посланіи не упоминалось вовсе.

Такимъ образомъ африканская церковь заняла позицію пассивнаго сопротивленія. Она не отрицала необходимости сообразоваться въ вопросахъ догмы съ первою изъ церквей, съ главенствующей (*principalis*) церковью, вождемъ и представителемъ которой былъ папа. Она даже не оспаривала особаго и высшаго авторитета, который придавали ему мѣстонахожденіе его каѳедры и его званіе преемника ап. Петра. Но она считала, что въ данномъ случаѣ онъ злоупотреблялъ этимъ авторитетомъ, стараясь подчинить остальныхъ недопустимому обычаю. Отстаивая свою точку зрѣнія, она не склонна была разрывать общеніе съ Римомъ, поскольку это зависѣло отъ нея. Она довольствовалась тѣмъ, что торжественно объявила о своемъ рѣшеніи. Послѣ заявленія собора Стефану оставалось, если бы онъ осуществилъ свои угрозы, воздержаться впредь отъ посылки въ Карѳагенъ своихъ клириковъ и вѣстниковъ. Можетъ быть, клирики или даже міряне изъ Африки не были бы допущены по прибытіи въ Римъ къ участію въ общественномъ богослуженіи и лишались бы пособій, раздаваемыхъ отъ имени церкви. Африканскія церкви, напротивъ того, должны были попрежнему радушно встрѣчать римлянъ, заѣхавшихъ въ Африку и даже имѣть переписку съ римскимъ

1) Протоколы собора сохранились. Это—древнѣйшій документъ этого рода. Епископы заявляютъ, что собрались *ex provincia Africa*, *Numidia*, *Mauritania*.

2) Такъ же, вѣроятно, думалъ и Приватъ изъ Ламбезы, что́ не помѣшало африканскому собору низложить его.

духовенствомъ, если бы онѣ пытались вести ее, зная, что ихъ посланія весьма вѣроятно остались бы непрочтенными.

Если бы это положеніе протянулось, оно скоро стало бы нестерпимымъ. На соборѣ, быть можетъ, еще недостаточно взвѣсили его неудобства. Какъ бы то ни было, но чтобы дать больше силы сдѣланному заявленію и чтобы почерпнуть себѣ мужество въ этомъ противодѣйствіи, примѣромъ другихъ церквей отцы собора постарались тутъ же завязать сношенія съ малоазійскими и восточными церквами, которыя очутились въ подобномъ же раздорѣ съ папою, такъ какъ держались того же обычая, какъ и кареагенская церковь. Нѣкій діаконъ Рогаціанъ отплылъ къ киликійскимъ берегамъ и проѣхалъ въ Каппадокію къ знаменитому кесарійскому епископу Фирмиліану, который держался вмѣстѣ со своими сотоварищами въ восточной части Малой Азіи тѣхъ же воззрѣній по вопросу о крещеніи, что и Кипріанъ. Какъ и тотъ, онъ былъ человѣкомъ выдающимся по своимъ добродѣтелямъ, знанію, опытности и ревности. Посланіе, которое онъ вручилъ Рогаціану [1]), и которое тотъ немедленно доставилъ въ Кареагенъ, составлено въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ о папѣ Стефанѣ, хотя авторитетъ его не болѣе оспаривается здѣсь, чѣмъ въ документахъ африканскихъ.

Такъ прошла зима, въ состояніи какъ бы блокады между Римомъ и церквами Африки и Востока. Затѣмъ наступила весна; прошелъ праздникъ Пасхи; ничто, насколько мы знаемъ, не измѣнилось въ этомъ печальномъ положеніи.

Оно разрѣшилось смертью Стефана 2 августа 257 г. Его преемники, продолжая держаться обычая своей церкви и стараясь, насколько возможно, сдѣлать его господствующимъ, не считали нужнымъ проявлять такую же строгость, какъ онъ, по отношенію къ несогласнымъ. Діонисій Александрійскій,—Ириней по отношенію къ этому новому Виктору—держался въ своей церкви того же правила, какъ и Стефанъ, но нисколько не былъ расположенъ подражать его нетерпимости, ни считаться съ отлученіемъ, которое тотъ произнесъ надъ цѣлою половиной церкви за такого рода разногласіе. Онъ уже отписалъ въ этомъ духѣ самому Стефану [2]) и двумъ ученымъ пресвитерамъ въ Римѣ, Діонисію и Филимону, которые конечно были одного мнѣнія съ своимъ епископомъ.

1) *Ep.* LXXV.
2) Euseb. VII, 2, 5.

Послѣ смерти Стефана настроеніе римскаго *пресвитеріума* измѣнилось. Новый папа, Систъ II, и его сослужители довольно ясно дали это понять. Въ своемъ посланіи Діонисій Александрійскій не счелъ нужнымъ скрывать своихъ взглядовъ на рѣзкость шага, сдѣланнаго покойнымъ папою, и своего убѣжденія въ необходимости сохранять миръ и уважать постановленія многолюдныхъ и авторитетныхъ соборовъ [1]).

Эти рѣчи много помогли укрѣпить единство, уже возстановленное самымъ фактомъ смѣны папъ. Систъ и Кипріанъ возобновили прерванныя сношенія между Римомъ и Африкой [2]). Возобновлена была также переписка съ Фирмиліаномъ. Преемникъ Сикста, Діонисій, оказалъ помощь каппадокійской церкви, пострадавшей отъ нашествія персовъ (259 г.). Вмѣстѣ съ пособіемъ отъ римскихъ щедротъ онъ послалъ ей привѣтствіе въ духѣ мира [3]). Счастливое время, когда братская любовь была еще такъ жива, а вражда такъ кратковременна!

Однако дружественное единеніе возстановилось, не затронувъ порядка, осужденнаго папою Стефаномъ. Св. Василій еще въ IV вѣкѣ примѣнялъ тѣ же правила, что и Фирмиліанъ; такъ же поступали и въ Сиріи; африканцы тоже остались при своемъ обычаѣ и отказались отъ него только на арльскомъ соборѣ (314 г.) въ царствованіе императора Константина.

Не успѣла дойти до Кареагена вѣсть о смерти Стефана, какъ разразилось новое гоненіе. 30 августа 257 г. Кипріанъ былъ взятъ подъ стражу по приказу проконсула и заточенъ въ Курубѣ. Годъ спустя, 13 сентября 258 года, его потребовали къ вторичному допросу. Онъ предсталъ предъ судомъ на слѣдующій день. „Ты—Тасцій Кипріанъ“?—спросилъ его проконсулъ.—„Я“—отвѣтилъ епископъ. „Ты—папа людей богопротивнаго образа мыслей?“ [4])—„Я“.—„Божественные императоры повелѣваютъ, чтобы ты выполнилъ обряды“.—„Не стану“.—„Подумай о себѣ“.—„Дѣлай, что тебѣ предписываютъ; дѣло достаточно ясно, чтобы нужны еще были долгія совѣщанія“.

1) Euseb. VII, 5—9.
2) Pontius. *Vita s. Cypriani* c. 14: „Jam de Xysto, bono et *pacifico* sacerdote ac propterea beatissimo martyre nuntios acceperat“ (принялъ вѣстниковъ отъ Сикста, добраго іерея и *миротворца*, посему и удостоившагося блаженнѣйшаго мученичества).
3) S. Basil. *ep.* 70.
4) *Tu papam te sacrilegae mentis hominibus praebuisti?*

Однако проконсулъ, которому не часто приходилось судить такихъ преступниковъ, сталъ совѣщаться со своими засѣдателями. Потомъ неувѣреннымъ голосомъ онъ перечислилъ вины христіанскаго епископа противъ государства и заключилъ чтеніемъ приговора: „Тасцій Кипріанъ подлежитъ смертной казни посредствомъ меча“.

Карѳагенскіе христіане, сбѣжавшіеся еще съ прошлой ночи, толпились вокругъ судилища. Они сопровождали своего епископа на мѣсто казни. Кипріанъ умеръ просто, съ достоинствомъ, какъ жилъ. Невзирая на неблагопріятныя условія, его вѣрная паства устроила ему торжественныя похороны [1]).

Со времени гоненія Валеріана и вплоть до Діоклетіанова, т.-е. круглымъ счетомъ въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ III вѣка, исторія церкви на Западѣ совершенно исчезаетъ изъ глазъ наблюдателя. Отъ Евсевія и еще изъ одной римской хроники мы знаемъ перечень папъ за этотъ періодъ и время, какое каждый управлялъ церковью. Преемникъ Сикста II, Діонисій, оставилъ по себѣ слѣдъ въ исторіи восточныхъ споровъ, но мы ничего не знаемъ объ его дѣятельности въ Римѣ и въ латинскихъ странахъ. Еще менѣе знаемъ мы о его преемникахъ — Феликсѣ, Евтихіанѣ, Гаѣ, о которыхъ не упоминаютъ и восточные памятники. Двухъ преемниковъ св. Кипріана, Карпофора и Лукіана [2]), мы знаемъ по имени, но — ничего, кромѣ имени. Мы можемъ найти имена еще нѣсколькихъ епископовъ въ спискахъ другихъ церквей, — нигдѣ ничего болѣе объ остальной Африкѣ и Италіи, объ иллирійскихъ и дунайскихъ провинціяхъ, о Галліи, Бретани и Испаніи. Впрочемъ, въ этой послѣдней почти наканунѣ послѣдняго гоненія (около 300 г.) состоялся большой соборъ, постановленія котораго позволяютъ намъ бросить взглядъ на положеніе церкви тѣхъ временъ и на ея учрежденія. Мы вернемся къ нему ниже.

---

[1]) *Acta proconsularia* св. Кипріана—одинъ изъ лучшихъ источниковъ, какой мы имѣемъ по исторіи мучениковъ.
[2]) Optat. *De schism. Donatistarum* I, 19.

ГЛАВА XXI.

Христіанство на Востокѣ до Декія.

Горныя страны Малой Азіи и ихъ эллинизація.—Апостольская проповѣдь.—Церкви Виѳиніи, Понта и Каппадокіи.—Александръ и Фирмиліанъ, епископы кесарійскіе.—Григорій Чудотворецъ.—Антіохія послѣ св. Игнатія.—Епископы Ѳеофилъ и Серапіонъ.—Эдесса и ея христіанскіе государи.—Вардесанъ.—Южная Сирія.—Церкви Кесаріи Палестинской и Іерусалима.—Юлій Африканъ.—Бериллъ, еп. бострійскій.

1. Горныя страны Малой Азіи.

Помимо провинціи, носившей названіе Азіи и прилегавшей къ Эгейскому морю, Малая Азія заключала въ себѣ: на сѣверѣ—Виѳинію, а за ней плоскогорье Понта, простирающееся вдоль берега Чернаго моря до горныхъ хребтовъ Арменіи; на югѣ—Ликію, Памфилію, Киликію верхнюю и нижнюю, окаймляющія Кипрское море извилистымъ берегомъ, въ которомъ долины чередуются съ горами; наконецъ, во внутренней части страны, кругомъ ея степей и большого соленаго озера, занимающихъ центръ полуострова, — Галатію и Каппадокію, простирающуюся до подножія уединенной горной вершины Аргея и горныхъ хребтовъ Тавра и Анти-Тавра.

Въ ту эпоху, когда начинается исторія христіанства, большинство этихъ областей были едва затронуты или даже вовсе чужды греческому вліянію. Еще задолго до Александра Македонскаго большіе греческіе города основали нѣсколько торговыхъ складовъ по берегамъ Понта Эвксинскаго. Эти поселенія стали расти послѣ македонскаго завоеванія Малой Азіи; понемногу стали возникать города и въ глубинѣ страны. Отъ нихъ эллинизмъ могъ свободно распространяться по варварскимъ еще мелкимъ владѣніямъ,— Понту, Каппадокіи и маленькому кельтскому государству, основанному въ III в. до Р. Х. между Фригіей и Понтомъ шайками галльскихъ искателей приключеній. Однако прошло много времени, пока нравы, религія, учрежденія и нарѣчія этихъ варварскихъ или чуждыхъ Греціи и Риму по своей цивилизаціи народовъ дали

себя вытѣснить или подвергнуться ассимиляціи. Во времена бл. Іеронима въ окрестностяхъ Анкиры еще говорили по-кельтски, совершенно какъ въ трирскихъ деревняхъ; въ эпоху насажденія здѣсь христіанства боги древнихъ понтскихъ и каппадокійскихъ святилищъ еще сохраняли свой причудливый обликъ. У каппадокійцевъ литература появилась лишь въ IV столѣтіи.

Овладѣвъ страной, римляне сперва оставили значительную часть ея во власти туземныхъ государей; только понемногу и довольно медленно подчинена была Малая Азія римскому провинціальному управленію. Со временъ Траяна въ ней было пять провинцій: на сѣверѣ—Виѳинія съ Понтомъ, на югѣ—Ликія съ Памфиліей и Киликія, въ средней части—Галатія и Каппадокія.

До этого раздѣленія было еще далеко въ тѣ дни, когда, около 45 г., ап. Павелъ началъ проповѣдывать Евангеліе еврейскимъ общинамъ и даже языческимъ народамъ Киликіи, Памфиліи, Писидіи и Ликаоніи. Возможно, что въ своихъ послѣдующихъ путешествіяхъ онъ основалъ общины и въ собственной Галатіи [1]). Первое посланіе ап. Петра заставляетъ предполагать, что христіанская проповѣдь распространялась на болѣе широкую область; оно обращено къ христіанамъ, разсѣяннымъ по Понту, Галатіи, Каппадокіи, Азіи и Виѳиніи. Полвѣка спустя христіане были очень многочисленны въ провинціи Виѳиніи—Понтѣ, которая простиралась тогда еще за Галисъ и включала важную область Амизоса (Самсунъ). Какъ разъ изъ этого города писалъ правитель этой провинціи Плиній императору Траяну свое знаменитое донесеніе, гдѣ онъ жалуется, что христіанская проповѣдь заполонила не только города, но мѣстечки и деревни, оставляя храмы пустыми и вызывая упадокъ цѣнъ на жертвенныхъ животныхъ. Около этого же времени Маркіонъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, жилъ въ Синопѣ подлѣ своего отца-епископа. Въ царствованіе Марка Аврелія лжепророкъ Александръ учредилъ въ городѣ Абонотикѣ (Инеболи) поклоненіе богу-змѣю Гликону, и его выдумка, несмотря на памфлеты Лукіана, имѣла громадный успѣхъ. Изъ того, что говоритъ сати-

1) Писидія и Ликаонія входили въ составъ провинціи Галатіи. Нельзя сказать съ увѣренностью, что галаты, къ которымъ было обращено извѣстное посланіе, были галатами въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. обитателями древней кельтской области. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что это названіе обозначаетъ просто христіанъ Листры, Иконіи, Антіохіи Писидійской и пр., общины которыхъ были основаны ап. Павломъ въ теченіе его перваго путешествія.

рикъ, видно, что въ этой части Понта было очень много христіанъ. Александръ ихъ очень боялся и ставилъ ихъ наравнѣ съ эпикурейцами въ своихъ проклятіяхъ нечестивцамъ.

Діонисій Коринѳскій писалъ посланія никомидійскимъ христіанамъ, взволнованнымъ, какъ и многіе другіе, проповѣдью маркіонитства. Онъ отвѣтилъ также на запросъ двухъ христіанъ изъ Амастріи, Вакхилида и Елписта. Его отвѣтъ былъ обращенъ къ „церкви амастрійской и церквамъ, находящимся въ Понтѣ“ [1]). Въ немъ говорилось о предметахъ практическаго значенія: о бракѣ, о воздержаніи, о примиреніи съ грѣшниками и еретиками. Епископъ амастрійскій названъ въ посланіи по имени: его звали Пальмъ. Около 190 г. мы вновь встрѣчаемся съ нимъ въ спорѣ о Пасхѣ. По этому вопросу понтійскіе епископы обратились къ папѣ Виктору съ посланіемъ, гдѣ Пальмъ Амастрійскій, какъ старѣйшій, былъ названъ первымъ [2]).

Исторія Александра въ Абонотикѣ уже достаточно показываетъ, какъ легко было въ этихъ малокультурныхъ странахъ возбудить невѣжественное населеніе и довести его до религіознаго изступленія. Проповѣдь монтанистовъ встрѣтила здѣсь благодарную почву. Одно время поколебалась было анкирская церковь. Сами епископы стали имѣть видѣнія и соперничали съ пророками. Разсказываютъ [3]), что одинъ изъ нихъ послѣ многократнаго пророчествованія на собраніяхъ, наконецъ, объявилъ, что черезъ годъ наступитъ „день Господень“. Бѣдный народъ ему повѣрилъ, прекратилъ работы, распродалъ имущество, и отцы даже перестали выдавать замужъ своихъ дочерей. Велико было смятеніе, конечно, когда назначенный срокъ прошелъ, а всеобщаго суда не послѣдовало.

1) Τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ παροικούσῃ Ἄμαστριν ἅμα ταῖς κατὰ Πόντον. Euseb. *H. E.* IV, 23.

2) Euseb. *H. E.* V, 23.—Въ эту эпоху, какъ это видно изъ Птоломея, значительная часть Понта была отдѣлена отъ Виѳинско-Понтійской провинціи и присоединена къ Галатіи. Амастрія была по направленію къ востоку послѣднимъ городомъ Понта Виѳинскаго. Въ провинціи Виѳиніи съ Понтомъ было тогда образовано для отправленія обрядовъ въ честь Рима и Августа два союза городовъ, два κοινά: одинъ—для виѳинской половины, другой—для понтійской; центромъ перваго была Никомидія, а второго Амастрія. Никомидія обратилась въ церковную столицу (митрополію), Амастрія же нѣтъ. Изъ приведеннаго выше текста Евсевія напрасно дѣлаютъ выводъ (Harnack, *Die Mission*, p. 473), что она пользовалась этимъ званіемъ во II столѣтіи; первенствующая роль Пальма объясняется не мѣстомъ его служенія, а его старшинствомъ по возрасту или по посвященію.

3) Hippolyt., *in Danielem*, p. 232 Bonvetsch. Мѣсто служенія этого епископа не указано. Ипполитъ говоритъ только, что дѣло происходило въ Понтѣ.

Немного позднѣе, среди ужасовъ, причиненныхъ землетрясеніемъ и гоненіями, въ Каппадокіи появилась туземная пророчица, которая объявила, будто сотрясенія почвы были божественнымъ предостереженіемъ, что нужно покинуть Каппадокію, отнынѣ проклятую страну, и переселиться всѣмъ народомъ къ Іерусалиму; она сама призвана вести переселенцевъ, она имѣетъ даже власть вызывать землетрясенія для того, чтобы убѣдить колеблющихся. Эти бредни были встрѣчены очень довѣрчиво; посреди зимы поднялись обозы; пророчица шла во главѣ ихъ босая со своими послѣдователями, въ числѣ которыхъ были пресвитеръ и діаконъ изъ Кесаріи. Литургія однако совершалась подъ ея предсѣдательствомъ; она же крестила и освящала св. Дары. Эта соперница Максимиллы встрѣтила, наконецъ, смѣлаго экзорциста, который успѣлъ разоблачить ея самозванство удачнѣе, чѣмъ фригійскіе епископы.

Эти христіанскія церкви такъ же, какъ и въ Азіи (въ тѣсномъ смыслѣ), страдали то отъ репрессивныхъ законовъ противъ христіанства, то отъ мѣстныхъ преслѣдованій. Подробности ихъ исторіи мало извѣстны. Тертулліанъ [1]) впрочемъ говоритъ объ одномъ каппадокійскомъ легатѣ, Луціи Клавдіи Герминіанѣ, жена котораго обратилась въ христіанство и который сорвалъ свою злобу за это, преслѣдуя христіанъ съ большой строгостью. Заразившись прилипчивой болѣзнью и уже покинутый своими приближенными, онъ говорилъ: „скроемъ это, какъ бы христіане не стали праздновать побѣды“. Однако, съ ухудшеніемъ болѣзни онъ, будучи подавленъ угрызеніями совѣсти, сожалѣлъ о вѣроотступничествахъ, которыхъ ему удалось добиться, и умеръ почти христіаниномъ. Этотъ легатъ, по всей вѣроятности, жилъ въ царствованіе Севера. Исторія знаетъ еще другого, Сереніана, временъ Максимина, жестокости котораго заставили многихъ христіанъ покинуть Каппадокію [2]). Въ это-то время произошло переселеніе подъ предводительствомъ пророчицы.

Городовъ въ этихъ странахъ было очень немного. Наиболѣе значительный,—Кесарія Каппадокійская,—былъ главной квартирой арміи, которая сторожила кавказскіе проходы и Арменію, находившуюся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Риму. Кесарія, бывшая незначительнымъ городкомъ при древнихъ царяхъ,—тогда она носила названіе Мазаки,—постепенно обратилась въ одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ имперіи. Ея имя упоминается въ исторіи христіанства только съ 200 г. приблизительно. Епископомъ въ ней былъ тогда Александръ, ученый мужъ, получившій свое образованіе въ александрійской школѣ у Пантена и Климента. Вверженный въ тюрьму при Септиміи Северѣ, онъ очень долго пробылъ въ заключеніи. Бѣжавшій изъ Александріи вслѣдствіе гоненія Климентъ съ успѣхомъ замѣнилъ его по управленіи церковью. Александръ, наконецъ, получилъ свободу, но, повидимому, жить въ Кесаріи ему было уже трудно [1]). Онъ перебрался въ Палестину и кончилъ тѣмъ, что поселился въ Іерусалимѣ при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

[1]) *Ad. Scap.*, 3.
[2]) Фирмиліанъ въ Кипріан. посл. LXXV, 10.

Въ слѣдующемъ поколѣніи епископская каѳедра въ Кесаріи была занята Фирмиліаномъ, человѣкомъ знатнаго происхожденія и, подобно своему предшественнику, находившемуся въ большой дружбѣ съ александрійскими учеными. Онъ уже былъ епископомъ въ 232 г., когда Оригенъ, вынужденный покинуть Александрію, поселился въ Палестинѣ. Фирмиліанъ пригласилъ его въ Каппадокію „для блага церквей“, и есть основаніе думать, что Оригенъ дѣйствительно жилъ, и довольно долго, въ Кесаріи во время гоненія Максимина [2]). Фирмиліанъ видѣлся съ нимъ и въ Палестинѣ. Около этого времени обратились въ христіанство подъ вліяніемъ, повидимому, Фирмиліана, но въ особенности Оригена, два молодыхъ человѣка, понтійскихъ уроженца, братья Ѳеодоръ и Аѳинодоръ, отпрыски одного изъ знатнѣйшихъ мѣстныхъ родовъ. Получивъ тщательное воспитаніе и познакомившись съ латинскимъ языкомъ, они намѣревались съ помощью его заняться изученіемъ римскаго права въ знаменитой беритской школѣ, когда ихъ зять получилъ мѣсто совѣтника при правителѣ Палестины, и они отправились сопровождать сестру въ ея новое мѣстожительство. Здѣсь они встрѣтили Оригена, съ которымъ ихъ познакомилъ, должно быть, Фирмиліанъ. Ему удалось направить ихъ на изученіе философіи и вскорѣ совсѣмъ обратить въ христіанство. Въ теченіе пяти лѣтъ (около 240 г.) они занимались подъ его руководствомъ, а затѣмъ вернулись въ Понтъ.

[1]) Евсевій говоритъ, что онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ, съ цѣлью помолиться и посѣтить святыя мѣста. Конечно, такое объясненіе недостаточно: Александру послѣ гоненія было много дѣла и безъ богомолья. Легкость, съ какою онъ согласился остаться въ Іерусалимѣ, да еще въ качествѣ епископа, достаточно, кажется, доказываетъ, что ему было невозможно вернуться въ Каппадокію.
[2]) Euseb., VI, 27; св. Іеронимъ—*De viris*, 54; Palladius, *Hist. Laus.* 147 (64, ed Butler).

Между прочимъ передъ отъѣздомъ Ѳеодоръ, называвшійся также Григоріемъ, пожелалъ выразить своему знаменитому учителю свою благодарность публичной рѣчью, которую онъ произнесъ ему; текстъ ея сохранился до нашего времени. Частныя и общественныя дѣла, призывавшія Григорія на родину, не помѣшали ему отдаться благочестивому образу жизни, до извѣстной степени въ удаленіи отъ міра; онъ продолжалъ переписываться съ Оригеномъ [1]). Такъ жилъ онъ до тѣхъ поръ, пока епископъ амасійскій Федимъ не поставилъ его епископомъ въ Неокесаріи. Амасія была значительнымъ городомъ въ той части Понта, которая называлась Понтомъ Галатійскимъ. Неокесарія же, расположенная гораздо дальше къ востоку, въ Понтѣ Полемоніанскомъ [2]), насчитывала лишь очень немного послѣдователей Христа [3]). Аѳинодоръ, братъ Григорія, тоже получилъ епископію и въ такихъ же условіяхъ. Все нужно было создавать заново въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Григорій весь отдался дѣлу, проповѣдывалъ по городамъ и селамъ, умѣя, несмотря на свою принадлежность къ аристократіи и свое высокое образованіе, приспособляться къ умственному уровню самыхъ убогихъ крестьянъ. Онъ старался даже возможно меньше нарушать ихъ религіозные обычаи, оставлялъ имъ ихъ праздники, торжественныя процессіи, священныя пиршества, къ которымъ они привыкли, и только приспособлялъ эти внѣшнія формы къ почитанію Бога и мучениковъ. Населеніе Команы, города сосѣдняго съ Неокесаріей, пожелавшее имѣть собственнаго епископа, обратилось къ нему. Онъ посвятилъ имъ ихъ перваго пастыря Александра [4]).

Эти сохранившіяся по исключительной случайности подробности бросаютъ слабый свѣтъ на духовную жизнь и на распространеніе Евангелія въ восточныхъ областяхъ Малой Азіи. Правильно организованныя церкви были довольно многочисленны и рано почувствовали потребность имѣть между собою общеніе. Уже съ конца II вѣка собранія епископовъ, или соборы происходили въ Греціи и въ Азіи очень часто. Въ III вѣкѣ этотъ обычай привился въ Каппадокіи и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ; каждый

---

1) До насъ дошло одно письмо Оригена къ Григорію, внесенное въ 13 гл. Филокаліи.

2) Понтъ Галатійскій и Понтъ Полемоніанскій во II и III вѣкахъ входили въ составъ провинціи Каппадокіи.

3) Въ слѣдующемъ столѣтіи говорили, что Григорій въ Неокесаріи нашелъ при своемъ поступленіи всего 17 христіанъ, а, когда умеръ, то оставилъ тамъ лишь 17 язычниковъ.

4) Св. Александръ угольщикъ.

годъ созывались соборы, гдѣ рѣшались важнѣйшія дѣла, въ особенности касавшіяся покаянной практики. По поводу чрезвычайныхъ событій созывались болѣе значительные соборы. Такъ, въ первые годы епископства Фирмиліана состоялся большой соборъ въ Иконіи, на которомъ присутствовали епископы изъ Каппадокіи, Галатіи, Киликіи и еще другихъ провинцій. На немъ-то и было сдѣлано постановленіе, что обращенные въ православіе еретики должны подвергаться новому крещенію. Другой соборъ, засѣдавшій приблизительно въ то же время въ Синнадѣ, въ восточной Фригіи, пришелъ къ подобному же рѣшенію [1]).

Гоненіе Декія обрушилось на эти области, какъ и на всю имперію. Мы совсѣмъ не знаемъ его подробностей, если не считать того, что Григорій, какъ и Кипріанъ въ Карѳагенѣ, спасся бѣгствомъ отъ розысковъ правительства. Часть его паствы поступила такъ же. Болѣе тяжелымъ испытаніемъ были набѣги варваровъ, борадовъ [2]) и готовъ, которые послѣ пораженія Декія (251) опустошали эти беззащитныя страны. Орда, овладѣвшая нижнимъ теченіемъ Дуная, перебралась въ Малую Азію чрезъ проливы и разлилась по ней до Ефеса и до Каппадокіи. Другіе варвары явились съ моря, овладѣли Трапезундомъ и опустошали его окрестности. Уходя, они оставили послѣ себя много развалинъ, но также возбудили въ христіанской общинѣ много моральныхъ вопросовъ, которые Григорію пришлось такъ или иначе разрѣшать [3]). Понтійскіе христіане, которыхъ варвары брали въ плѣнъ, а потомъ отпускали, чувствовали упреки совѣсти въ томъ, что ѣли у нихъ оскверненную пищу. Григорій не придавалъ этому казусу никакого значенія, тѣмъ болѣе, что варвары, какъ увѣряли плѣнники, не приносили жертвъ идоламъ, и такимъ образомъ ихъ трапезы не могли носить религіознаго характера. Честныхъ женщинъ варвары подвергали насиліямъ; Григорій старался по мѣрѣ силъ ихъ утѣшить и успокоить. Другія и безъ участія варваровъ не отличались цѣломудреннымъ поведеніемъ: къ этимъ онъ болѣе строгъ. Многіе христіане возмѣстили свои потери, присвоивъ себѣ имущество, украденное готами, и даже уведенныхъ ими въ плѣнъ людей. По мнѣнію Григорія изъ-за нихъ громъ небесный можетъ покарать всю

---

1) См. выше стр. 284.

2) Тѣ, кого Григорій называетъ Βοράδες (*Ep. can.* 5), вѣроятно тождественны съ Βορανοί Зосимы (*Hist. nova*, I, 27, 31, 34).

3) Это составляетъ предметъ его знаменитаго пастырскаго посланія, одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковной казуистики.

страну. Но были случаи еще хуже: нашлись христiане, которые прислуживались къ варварамъ, провожали ихъ по мѣстнымъ дорогамъ, показывали дома, годные для ограбленiя, даже вступали въ ихъ шайки и дѣлались сообщниками ихъ преступленiй, забывая, по выраженiю епископа-патрiота, свое званiе понтiйцевъ и христiанъ. Эти малоутѣшительныя подробности заставляютъ думать, что столь быстро достигнутая Григорiемъ христiанизацiя страны не была вполнѣ прочной.

Объ этомъ святомъ епископѣ сохранилась въ народѣ глубокая память. Его чудеса прiобрѣли широкую славу и заслужили ему прозванiе Великаго и Чудотворца. Неокесарiйская церковь еще въ IV вѣкѣ держалась его символа вѣры, который онъ получилъ въ откровенiи по молитвѣ Марiи, Матери Божiей, отъ евангелиста Iоанна; по крайней мѣрѣ такъ гласитъ преданiе, записанное Григорiемъ Нисскимъ, панегиристомъ Чудотворца. Судя по тексту, неокесарiйскiй символъ вѣры скорѣе отзывается влiянiемъ Оригена. Во всякомъ случаѣ видно, что, несмотря на свои чудеса и пастырскiя обязанности, Григорiй не переставалъ быть на высотѣ философскаго образованiя, полученнаго имъ отъ великаго александрiйца. Нѣкоторые труды, не безъ основанiя приписываемые ему, кромѣ уже упомянутыхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ интересовался отвлеченными вопросами [1]).

2. Антiохiя.

Съ начала II вѣка Сирiя раздѣлялась на три провинцiи: собственную Сирiю на сѣверѣ, Палестинскую Сирiю, бывшее царство

[1]) Произведенiя, несомнѣнно, принадлежащiя св. Григорiю Чудотворцу: 1) Похвальное слово Оригену. 2) Пастырское посланiе къ нѣкоему ἱερώτατος πάπας, несомнѣнно, какому-нибудь сосѣднему епископу, обратившемуся къ нему за совѣтомъ. 3) Символъ вѣры. 4) Переложенiе Экклезiаста. Менѣе достовѣрна принадлежность ему сочиненiй: посвященнаго Ѳеопомпу—о безстрастности Божества и Его способности къ страданiю; Тацiану—о душѣ, Филагрiю, или Евагрiю,—о единосущiи. Первое изъ этихъ произведенiй существуетъ только на сирiйскомъ языкѣ (Ryssel, *Greg. Thaum.*, 1880, s. 73, нѣмецкiй переводъ); третье числится также въ спискахъ сочиненiй св. Григорiя Назiанзина и св. Григорiя Нисскаго (P. G., t. XXXVII, p. 383; t. XLVI, p. 1101). Другiя сочиненiя, ходившiя подъ его именемъ, подложны, а именно—*Κατὰ μέρος πίστις*, творенiе въ аполлинарiевскомъ духѣ. Объ его жизни, кромѣ его произведенiй, см. Евс., VI, 30; VII, 14, 28, 30. Его панегирикъ, написанный св. Григорiемъ Нисскимъ, и нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, которые сообщаетъ св. Василiй, представляютъ преданiя, собранныя въ Понтѣ приблизительно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти святого либо самими названными авторами, либо ихъ бабкой Макриной, жившей въ Понтѣ вскорѣ послѣ смерти Григорiя и, можетъ-быть, даже видѣвшей его.

Ирода, и, наконецъ, на югъ и востокъ отъ этой,—Аравiю, обнимавшую царство Набатейское, присоединенное къ имперiи въ 105 г.: сюда причислялись Бостра, Петрея и Синайскiй полуостровъ.

Древняя столица Селевкидовъ, ставшая теперь правительственнымъ центромъ сѣверной Сирiи и главной квартирой восточной армiи,—Антiохiя продолжала сохранять свое значенiе духовной столицы всѣхъ этихъ странъ. Это былъ огромный городъ. По числу населенiя (700,000 душъ) и по торговлѣ она почти не уступала Александрiи, но превосходила ее по значенiю въ стратегическомъ отношенiи. Эллинизмъ былъ здѣсь однороднѣе, выработаннѣе. Антiохiя пользовалась городскимъ самоуправленiемъ. Аѳины жили своими воспоминанiями, Тарсъ славился своими школами, но въ сущности Антiохiя была крупнѣйшимъ греческимъ центромъ, гдѣ эллинскiй духъ, несмотря на разлагающее влiянiе Востока, былъ еще всего живѣе. Антiохiя была очень строптива. Императоры не любили ея; она развращала ихъ полководцевъ, часто выдвигала ихъ какъ соперниковъ императору. Здѣсь возстали Авидiй Кассiй при Маркѣ Аврелiи и Песценнiй Нигеръ, соперникъ Септимiя Севера. Побѣда Севера сопровождалась чрезвычайно суровыми карами. Сирiйская провинцiя была расчленена; отъ нея отдѣлили въ особую, четвертую провинцiю Финикiю, пытались даже уничтожить антiохiйское городское управленiе и обратить этотъ громадный городъ въ мѣстечко, приписанное къ Лаодикiи. Но эта затѣя не привилась: какъ-никакъ Антiохiя была расположена на томъ именно изгибѣ Евфрата, которымъ рѣка ближе всего подходитъ къ Средиземному морю, и, слѣдовательно, въ естественномъ центрѣ, откуда можно было защищать всю восточную границу. Антiохiя скоро вновь получила свои привиллегiи и не перестала быть царицею Востока; ея значенiе не падало до временъ Юлiана.

Выше было уже сказано, что она сдѣлалась первой послѣ Iерусалима метрополiей христiанства. Въ послѣ-апостольскомъ поколѣнiи она видѣла въ своихъ стѣнахъ такихъ епископовъ, какъ Еводъ и знаменитый мученикъ Игнатiй. Въ это же время еретики Менандръ и Сатурнилъ сѣяли тамъ плевелы гностическаго ученiя. Со временъ Адрiана антiохiйская церковь окутывается для насъ мракомъ неизвѣстности. Списокъ епископовъ, полученный Евсевiемъ отъ Юлiя Африкана, даетъ для этого перiода ничего неговорящiя намъ имена Герона, Корнилiя, Эроса, а послѣ нихъ Ѳеофила, который, повидимому, епископствовалъ въ послѣднiе годы Марка Аврелiя и въ царствованiе Коммода. Мы его знаемъ по его сочи-

неніямъ; единственное дошедшее до насъ—трактатъ въ трехъ книгахъ, посвященный нѣкоему Автолику и содержащій апологію христіанства противъ нападокъ язычниковъ [1]). Передъ этимъ онъ писалъ противъ Маркіона и Гермогена. Этотъ послѣдній былъ—не чуждый философіи и еще остававшійся полуязычникомъ художникъ; это —тотъ самый Гермогенъ, котораго опровергаетъ Тертулліанъ въ своей книгѣ *Adversus Hermogenem*. Принимая во вниманіе писательскую манеру Тертулліана, можно думать, что онъ включилъ въ свою книгу значительную часть трактата Ѳеофила, прикрасивъ его новыми язвительными нападками [2]). Произведенія антіохійскаго епископа высоко цѣнились; на Западѣ ихъ знали издавна; еще раньше Тертулліана изъ нихъ черпалиИриней и Ипполитъ. Ѳеофилъ сочинялъ также маленькія книжки катехизическаго содержанія. Эта литературная дѣятельность была очень къ лицу епископу великой столицы Востока. Антіохійское духовенство во всѣ времена отличалось своимъ образованіемъ; обученіе оглашаемыхъ здѣсь должно было стоять не ниже александрійской школы. Въ своихъ книгахъ, посвященныхъ Автолику, Ѳеофилъ ссылается [3]) на свой предшествующій трудъ, περὶ ἱστοριῶν, повидимому, представлявшій нѣчто въ родѣ хроники событій отъ созданія міра. Если такъ, то ему принадлежитъ честь первенства въ такого рода литературѣ, которой лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ спустя занимались Юлій Африканъ и Ипполитъ.

Послѣ него антіохійской церковью управлялъ Максиминъ, о которомъ мы не знаемъ ровно ничего, затѣмъ Серапіонъ, ближе извѣстный намъ. Время его епископства совпало приблизительно съ царствованіемъ Септимія Севера,—съ пораженіемъ Песценнія Нигера и жестокимъ наказаніемъ Антіохіи. Серапіонъ принималъ участіе въ борьбѣ съ монтанистами [4]), написавъ по этому поводу свое посланіе къ Понтію и Кирику; оно входило въ составъ сборника посланій, наподобіе сборниковъ Игнатія и Діонисія Ко-

1) Онъ, должно быть, написалъ ее въ царствованіе Коммода въ 181 г. или ранѣе, такъ какъ ссылается (III, 27) на книгу Хризероса, гдѣ упоминается о смерти Марка Аврелія (180). О трудахъ Ѳеофила см. Евсев., IV, 24 и св. Іеронимъ—*De viris*, 25. Къ произведеніямъ, извѣстнымъ Евсевію, св. Іеронимъ прибавляетъ съ оттѣнкомъ сомнѣнія толкованія на книгу Притчей и что-то вродѣ согласованія евангелій наподобіе *Diatessaron* Таціана.

2) Онъ приводитъ выдержки изъ Апокалипсиса (22, 34), какъ это, по словамъ Евсевія, дѣлалъ Ѳеофилъ; Слово называется здѣсь Софіей (Премудростью), какъ въ книгахъ, посвященныхъ Автолику, и т. д.

3) II, 28, 30, 31; III, 19.

4) См. выше: стр. 184.

ринѳскаго. Евсевій, знакомый съ этимъ сборникомъ [1]), приводитъ любопытную выдержку изъ посланія къ росской церкви въ Киликіи, на сирійскомъ берегу Иссинскаго залива. Дѣло идетъ о Евангеліи отъ Петра. Вотъ что о немъ говоритъ Серапіонъ:

„Братія, мы принимаемъ Петра и прочихъ апостоловъ, какъ самого Христа; что же касается сочиненій, которыя имъ ложно приписываются, то опытъ заставляетъ насъ отвергнуть ихъ, поскольку мы знаемъ, что получили ихъ не по преемству отъ нихъ. Когда я былъ у васъ, я думалъ, что вы всѣ держитесь правой вѣры; поэтому, не разсматривая такъ-называемаго евангелія отъ Петра, которое они [2]) мнѣ представили, я сказалъ, что если запретъ, наложенный на него,—единственная причина вашихъ несогласій, замѣченныхъ мною у васъ, то пусть читаютъ его. Но теперь мнѣ сообщили, что мои слова послужили предлогомъ для этихъ лицъ вдаться въ ересь: посему я непремѣнно въ скоромъ времени навѣщу васъ. Итакъ, ждите меня".

Изъ этого разсказа и изъ послѣдующаго видно, что еретики, среди которыхъ наиболѣе виднымъ былъ Маркіонъ, начали съ того, что ввели въ Россѣ названное апокрифическое евангеліе, а разъ оно терпимостью антіохійскаго епископа было допущено къ публичному чтенію въ церкви, еретики стали ссылаться на него въ подкрѣпленіе своего ученія. Серапіонъ хотѣлъ выяснить себѣ дѣло и прочесть евангеліе отъ Петра [3]). Онъ вынужденъ былъ взять экземпляръ его на прочтеніе у докетовъ, еретиковъ, съ которыми боролся уже св. Игнатій и которые могли имѣть нѣкоторую связь съ сектами Сатурнила и Маркіона. Докетизмъ долгое время имѣлъ большое вліяніе въ Антіохіи [4]). Изъ этого чтенія Серапіонъ заключилъ, что по общему своему содержанію евангеліе отъ Петра было православнымъ, но оно заключало въ себѣ странности, навѣянныя именно вліяніемъ докетизма. Такая характеристика вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ отрывокъ этого евангелія, недавно извлеченный на свѣтъ Божій изъ египетскихъ папирусовъ [5]).

1) Euseb., VI, 12.

2) Здѣсь и въ слѣдующемъ предложеніи Серапіонъ говоритъ о группѣ лицъ, которыхъ онъ, вѣроятно, точнѣе обозначилъ въ утраченномъ нынѣ началѣ посланія.

3) Ему бы надо было съ этого начать, прежде чѣмъ разрѣшать чтеніе.

4) Въ IV в. это ученіе очень оспаривалось въ діалогѣ *Adamantius* и въ интерполлированной редакціи посланій св. Игнатія.

5) Онъ былъ впервые напечатанъ въ 1892 г. Bouriant'омъ въ т. IX в. 1, *Mémoires* de la mission archéologique française au Caire; ср. Harnack—*Texte*

Послѣ Серапіона, умершаго около 211 г., антіохійская церковь избрала епископомъ исповѣдника по имени Асклепіада. По этому поводу Александръ, епископъ Кесаріи Каппадокійской, будучи самъ исповѣдникомъ и находясь въ тюрьмѣ, написалъ оттуда антіохійскимъ христіанамъ посланіе, которое имъ отвезъ Климентъ Александрійскій [1]); оно воздавало высокую хвалу новому епископу. Вотъ все, что мы знаемъ объ Асклепіадѣ; объ его дѣятельности въ качествѣ епископа, равно какъ и объ его преемникахъ, Филетѣ и Зебинѣ, мы не знаемъ ничего [2]). Послѣ нихъ епископомъ сталъ Вавила, который занималъ это мѣсто до гоненія Деція; о немъ уже говорено выше по поводу гоненія [3]).

3. Эдесса.

Расположенный по ту сторону Евфрата, въ верхней части Месопотаміи, городъ Эдесса къ концу II вѣка до Р. Х. сдѣлался столицей маленькаго царства, независимаго отъ Селевкидовъ и управляемаго мѣстной династіей. Государи ея почти всѣ назывались *Авгарь* или *Ману*. Здѣсь непрерывно боролось пареянское вліяніе съ римскимъ, но въ общемъ римское перетягивало. До III в. по Р. Х. эдесскимъ царямъ удалось сохранить свою независимость, но когда Северъ образовалъ провинцію въ Месопотаміи съ главнымъ городомъ Низибіей, то это отрѣзало ихъ отъ пареянскаго царства и подготовило полное присоединеніе Эдессы къ имперіи.

Это маленькое озроенское царство было, несмотря на македонское происхожденіе имени столицы, совершенно чуждо эллинизму. Господствующимъ языкомъ былъ сирійскій. Евреевъ было въ этомъ краѣ очень много. Въ евангельскія времена Изотъ, царь Адіабены (древняя Ассирія), принялъ іудейскую вѣру вмѣстѣ со своей матерью Еленой. Къ началу II вѣка благодаря политическому перевороту эдесскій престолъ достался одной линіи династіи Авгарей, которая вела свое происхожденіе отъ Изота.

und Unt., t. IX.—Оригенъ (*in Matth*, X, 17) тоже говоритъ объ евангеліи отъ Петра, гдѣ было сказано, что братья Іисуса были дѣтьми Іосифа отъ перваго брака. Отрывокъ, изданный Буріаномъ, заключаетъ конецъ евангелія, исторію страданій и воскресенія Христова.

1) Euseb., VI, 11.

2) Бл. Іеронимъ (*De viris*, 64; ср. *Chron.*, 102, 251, 4) говоритъ объ одномъ антіохійскомъ пресвитерѣ, по имени Геминѣ, который будто бы жилъ въ одно время съ епископомъ Зебиномъ и оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій.

3) См. выше: гл. XIX, 2.

Два или три поколѣнія спустя Авгарь IX Баръ-Ману (179—214) обратился въ христіанство; его сынъ и преемникъ Ману также былъ христіаниномъ. Юлій Африканъ былъ съ ними обоими въ дружескихъ отношеніяхъ. Ману царствовалъ недолго: Каракалла лишилъ его престола (216 г.) и отослалъ плѣнникомъ въ Римъ. Но этимъ фактомъ не кончилось еще существованіе озроенскаго царства; родъ Авгарей продолжается до временъ императора Гордіана III.

Обращеніе въ христіанство царя, естественно, оказало большое вліяніе на распространеніе христіанства въ области Евфрата. Когда возникъ споръ о Пасхѣ, въ Озроенѣ было уже нѣсколько епископовъ [1]); въ Эдессѣ христіанскій храмъ былъ очень виднымъ зданіемъ; о немъ упоминается въ мѣстной хроникѣ въ разсказѣ о наводненіи, которымъ онъ былъ разрушенъ въ 201 г. [2]).

Мѣстная религія, вытѣсненная христіанствомъ, была однимъ изъ тѣхъ очень распространенныхъ на Востокѣ культовъ, гдѣ божество является въ двойственномъ видѣ,—мужского и женскаго пола. О ней можно себѣ составить понятіе по тому описанію храма въ Мабугѣ или Іераполѣ, какое намъ далъ Лукіанъ [3]). Однимъ изъ подвиговъ благочестія считалась священная кастрація. Послѣ своего обращенія Авгарь строго запретилъ этотъ обычай.

Въ Эдессѣ, какъ и во множествѣ другихъ странъ, первоначальная исторія христіанства замѣнилась легендами. Онѣ стали создаваться очень рано. Уже въ концѣ III вѣка по рукамъ ходили писанные разсказы [4]), якобы извлеченные изъ царскаго архива; въ нихъ обращеніе царя приписывается самому Спасителю: Авгарь, будучи боленъ, услышалъ о чудесахъ Іисуса; онъ написалъ Ему, прося притти въ Эдессу. Іисусъ отказался, но при этомъ предсказалъ, что Эдесса никогда не будетъ взята врагами, и обѣщалъ вскорѣ прислать кого-нибудь изъ Своихъ учениковъ. Дѣйствительно, послѣ страданій Спасителя апостолъ Θома послалъ въ Эдессу ученика по имени Аддаи (Аддей или Θаддей), который обратилъ царя въ христіанство, крестилъ и исцѣлилъ его. Все царство послѣ этого приняло новую вѣру. Эдесская церковь получила первымъ епископомъ самого Аддая, затѣмъ двухъ его учениковъ и сотрудниковъ, Аггаи и Палута. Во время епископства

1) Euseb., V, 29.

2) Ed. Hallier, *Texte und Unters.* IX, 1, s. 86.

3) *De Dea Syria.*

4) Lipsius, *Die Edessenische Abgarsage* (1880), Tixeront, *Les origines de l'église d'Edesse* (1888).

Аггаи произошла смѣна царей и началось гоненіе. Аггаи погибъ; его преемника Палута некому было посвятить въ епископы, и потому онъ отправился испросить себѣ возложенія рукъ у епископа антіохійскаго Серапіона, который самъ былъ посвященъ Зефириномъ, епископомъ римскимъ.

Безполезно вскрывать всю историческую и хронологическую путаницу этого разсказа; вмѣстѣ съ главнымъ событіемъ,—принятіемъ христіанства,—онъ переноситъ къ апостольскимъ временамъ разныхъ лицъ и событія, которыя на самомъ дѣлѣ относятся къ концу II вѣка. Апостолъ Ѳома со временъ Оригена [1] считался апостоломъ парѳянъ. Въ Эдессѣ въ IV вѣкѣ почитали мѣсто его предполагаемой могилы и воздвигли надъ нимъ базилику, куда богомольцы стекались во множествѣ.

Величайшую славу Эдессы во время ея христіанскихъ царей составлялъ Вардесанъ, родившійся въ 154 г. [2]. Онъ былъ въ близкой дружбѣ со своими царями, и если только Юлій Африканскій [3] не спуталъ его съ какимъ-нибудь тезкой, онъ былъ, подобно имъ, страстнымъ охотникомъ. То, что мы знаемъ объ его литературной дѣятельности [4], характеризуетъ его какъ блестящаго, иногда очень серьезнаго философа, любознательнаго ученаго, очаровательнаго поэта. Въ своихъ вѣрованіяхъ онъ пережилъ довольно значительную эволюцію. Нѣкоторое время онъ, какъ и многіе выдающіеся умы, увлекался эонами. Достигнувъ болѣе правой вѣры, онъ все-же навсегда сохранилъ въ себѣ слѣды гностицизма. Маркіонизмъ, распространенный по ту сторону Евфрата нѣкіемъ Препономъ, встрѣтилъ въ немъ себѣ противника. Онъ писалъ также противъ ученія Валентина о плеромѣ и противъ иныхъ ересей того времени. Если бы отъ его произведеній осталось что-нибудь, кромѣ ничтожныхъ отрывковъ, то это были бы древнѣйшіе памятники сирійской литературы. Изъ 150 приписываемыхъ ему гимновъ до насъ дошло только нѣсколько обрывковъ въ пѣснопѣніяхъ, которыя въ противовѣсъ имъ были составлены св. Ефремомъ. Весьма сомнительно, принадлежитъ ли ему сирійская апологія, посвященная Септимію Северу и ложно

[1]) Euseb., III, 1; ср. *Recogn. Clement.*, IX, 29. См. ниже гл. XXV объ *Acta Thomae.*

[2]) Эдесская хроника указываетъ даже число—11 іюля (Op. cit., 90).

[3]) Κεστοί у Thévenot, *Mathem. veteres*, p. 275.

[4]) О Вардесанѣ см. *Philosophumena*, VI, 35; VII, 31; Eus. IV, 30; Epiph. *Haeres.*, 56 и пѣснопѣнія св. Ефрема, особенно 1—6 и 50—56.

приписанная Мелитону [1]. Книга подъ заглавіемъ „Законы страны“ [2],—разговоръ, въ которомъ Вардесанъ является собесѣдникомъ,—навѣрно принадлежитъ не ему, а какому-нибудь ученику его; можетъ-быть, она первоначально даже была написана не по-сирійски. Вопросъ о судьбѣ и о вліяніи небесныхъ свѣтилъ, составляющій предметъ ея, былъ разобранъ и самимъ Вардесаномъ въ трактатѣ „О судьбѣ“ (περὶ εἱμαρμένης), посвященномъ нѣкоему Антонину [3]) и направленномъ противъ какого-то астролога Авидаса.

Вардесанъ любилъ излагать свои мысли въ разговорной формѣ. Въ арамейской литературѣ онъ играетъ роль одновременно Платона и Пиндара [4]. Тѣ, кто его читалъ, ставятъ ему въ упрекъ главнымъ образомъ нѣкоторую вѣру въ астрологическое предопредѣленіе судьбы и приверженность къ докетскимъ ученіямъ.

Онъ чуть-было не сдѣлался мученикомъ. Св. Епифаній разсказываетъ, что Аполлоній, членъ дома (т. е. вѣроятно, служащій) Антонина (Каракаллы), потребовалъ отъ него отреченія отъ христіанства и что тотъ отказался исполнить требованіе. Возможно, что это стоитъ въ связи съ политическимъ движеніемъ, происходившемъ въ Эдесскомъ государствѣ, когда Каракалла отнялъ престолъ у царя Ману и присоединилъ страну къ римской имперіи. Связь Вардесана съ павшимъ монархомъ могла только осложнить его положеніе при новомъ порядкѣ вещей. Это не помѣшало ему писать противъ гоненія и гонителей. На него смотрѣли почти какъ на исповѣдника.

Однако его слава не оставалась вполнѣ прочной. Ставъ ближе къ церквамъ въ имперіи, гдѣ православіе мало-по-малу принимало болѣе строгія формы, эдесситы встревожились тѣми уклоненіями отъ него, какія позволялъ себѣ ихъ національный поэтъ. Его ученики, по всей вѣроятности, какъ это обыкновенно бываетъ, пошли дальше его и навлекли на него тѣнь. Появились еретики вардесаниты; они обзывали православныхъ палутіанцами, что составляетъ какъ бы отголосокъ раскола, происшедшаго во времена епископа Палута. Въ IV вѣкѣ авторъ *Adamantius*'а приписываетъ

[1]) Otto—*Corpus Apolog.*, t. IX, 423.

[2]) Cureton—*Spic. syriacum*; франц. перев. у Nau—*Bardesane l'astrologue, Le Livre des lois des pays*, Paris, 1899. Евсевій въ *Praep. ev.* VI, 9, 10 приводитъ два отрывка, которые встрѣчаются и въ *Recogn. Clement.* IX, 19 и сл. Срав. Nau—*Une biographie inédite de Bardesane l'astrologue*, Paris, 1897.

[3]) Быть-можетъ, императору Каракаллѣ?

[4]) Онъ же, можетъ-быть, былъ авторомъ и Дѣяній ап. Ѳомы, написанныхъ около этого же времени, или по крайней мѣрѣ гимновъ нѣсколько гностическаго характера, которые вставлены въ эту книгу.

вардесанитамъ ясно выраженный докетизмъ; они отрицали сотвореніе діавола Богомъ и воскресеніе плоти. Св. Ефремъ рисуетъ ихъ какъ еретиковъ очень скрытныхъ, ловко умѣющихъ маскировать свои заблужденія подъ православными формами выраженія.

Въ остальныхъ сирійскихъ странахъ города были греческими, по крайней мѣрѣ оффиціально были таковыми; въ слояхъ же низшаго населенія говорили, какъ въ деревняхъ, на различныхъ нарѣчіяхъ арамейскаго языка. Въ мѣстныхъ церквахъ господствовалъ всецѣло греческій языкъ, но въ Эдессѣ всѣ говорили по-сирійски; на этомъ же языкѣ служили литургію и говорили проповѣди. Благодаря этому, а также близкому сосѣдству съ парѳянскимъ царствомъ столица Озроены сдѣлалась центромъ христіанской проповѣди для западныхъ областей этого царства, гдѣ господствующимъ языкомъ былъ также сирійскій. Дѣйствительно, съ именемъ Эдессы связаны всѣ наиболѣе правдоподобныя преданія о распространеніи евангелія въ этомъ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Эдесса была участницей введенія христіанства и въ Арменіи.

4. Южная Сирія.

Повидимому, христіанство не распространялось на своей родинѣ съ такой же быстротой, какъ по сѣверной Сиріи и Малой Азіи. Ливанъ, верхнія долины Оронта и Іордана, плоскогорья, простирающіяся за ними по направленію къ великой сирійской пустынѣ, еще весьма слабо пріобщились къ греческой цивилизаціи во время первой апостольской проповѣди. За исключеніемъ приморскихъ греческихъ или эллинизированныхъ городовъ и нѣсколькихъ подобныхъ же поселеній въ глубинѣ страны, въ этихъ краяхъ господствовали еще ханаанскій и арамейскій языки. Ливанъ былъ полонъ древнихъ храмовъ и священныхъ ключей, баснословная исторія которыхъ восходила гораздо ранѣе походовъ Александра Македонскаго. Значительные города вокругъ Тиверіадскаго озера, въ Саронской равнинѣ и въ странѣ заіорданской продолжали держаться еврейскихъ традицій и нравовъ. Еще не исчезли самаряне. На рубежѣ пустыни кочующіе бедуины то приближались, то отступали, смотря по тому, насколько крѣпко охранялась граница. Однако эллинская цивилизація все подвигалась впередъ. Во II столѣтіи исчезли одно за другимъ всѣ мелкія государства внутри страны; военные посты римлянъ, растянутые цѣпью отъ Евфрата до Краснаго моря, прикрывали уже сплошную римскую провинцію,

которая усѣивалась городами и памятниками, покрывалась сѣтью дорогъ. Быстро прививались городское самоуправленіе, греческій языкъ, всѣ внѣшнія формы римскаго объединяющаго владычества. Даже сами боги эллинизировались: Ваалъ къ удивленію своему братался съ Юпитеромъ, греческая Афродита узнавала себя въ Астартахъ: она по крайней мѣрѣ возвращалась на свою родину.

Всѣ эти успѣхи эллинизма были въ общемъ благопріятны для христіанства. Іудео-христіане, которые становились все малочисленнѣе, не играли большой роли. Крупные города побережья,— Кесарія, Тиръ, Беритъ,—были центрами, откуда шла христіанская проповѣдь вглубь страны, слѣдуя шагъ за шагомъ за распространеніемъ римской цивилизаціи. Во времена Адріана то положеніе, какое занимала въ Іерусалимѣ церковь изъ обрѣзанныхъ, теперь не по своей волѣ покинувшая этотъ городъ, перешло къ церкви христіанъ изъ язычниковъ; Кесарія, Птолемаида, Тиръ и многіе другіе города имѣли въ своихъ стѣнахъ значительныя христіанскія общины. Однако о нихъ исторія упоминаетъ впервые по поводу спора о Пасхѣ (около 190 г.), для разрѣшенія котораго собрался въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ странахъ, соборъ [1]). Епископы Ѳеофилъ Кесарійскій и Наркиссъ Элійскій (Іерусалимскій) встрѣтились на немъ съ Кассіемъ Тирскимъ, Кларомъ Птолемаидскимъ и нѣкоторыми другими. Тиръ и Птолемаида входили въ составъ провинціи Сиріи (*Syria Coele*), между тѣмъ какъ Кесарія и Іерусалимъ принадлежали къ области Палестины. Слѣдовательно, епископы группировались тогда еще не по провинціямъ. Впрочемъ изъ соборнаго посланія финикійскихъ и палестинскихъ епископовъ мы видимъ, что между ними и епископомъ александрійскимъ поддерживалась постоянная переписка относительно времени празднованія Пасхи. Эти страны въ сущности всегда оставались въ болѣе тѣсной церковной связи съ Египтомъ, чѣмъ со столицей Востока.

Евсевій, всю жизнь проведшій въ Кесаріи, перерывшій всѣ библіотеки и архивы въ этомъ городѣ и въ Іерусалимѣ, не обнаруживаетъ никакихъ свѣдѣній по исторіи своей церкви ранѣе Ѳеофила. Онъ болѣе освѣдомленъ объ іерусалимской церкви. Въ его время въ устномъ преданіи сохранилась и, быть-можетъ, немного пріукрасилась память о престарѣломъ епископѣ Наркиссѣ [2]). Списки епи-

---

[1]) Euseb. V, 23, 25.
[2]) Euseb. V, 12, 22, 23, 25; VI 8—11.

скоповъ, въ которыхъ историкъ не могъ вполнѣ разобраться [1]), называли 14 греческихъ предмѣстниковъ его, не считая 15 обрѣзанныхъ, рядъ которыхъ начинался со святого Іакова. Это количество слишкомъ велико. Наркиссъ былъ избранъ въ царствованіе Коммода, въ то время, когда Елевѳерій епископствовалъ въ Римѣ, т. е. приблизительно лѣтъ черезъ 50 послѣ основанія Эліи Капитолины [2]). Евсевій называетъ βραχύβιοι (недолговѣчными) предшественниковъ Наркисса. Этотъ не послѣдовалъ ихъ примѣру, ибо прожилъ до 120 лѣтъ. Несмотря на славу своей святости и чудесъ, онъ сталъ жертвой нелѣпыхъ клеветъ; увлекаемый стремленіемъ къ аскетической жизни, онъ тогда скрылся въ какую-то пустыню. Его паства послѣ долгихъ поисковъ рѣшила избрать на его мѣсто преемника, затѣмъ другого, затѣмъ третьяго, которые, повидимому, послѣдовали примѣру „недолговѣчныхъ". Наконецъ, Наркиссъ вновь появился. Его встрѣтили со всеобщей радостью. Но старецъ былъ уже слишкомъ дряхлъ, чтобы нести обязанности епископа. Богъ послалъ ему въ помощь святого и ученаго епископа Александра изъ Каппадокіи. Александръ управлялъ іерусалимской церковью, какъ викарій почтеннаго Наркисса, и унаслѣдовалъ его каѳедру, когда тотъ окончилъ свое долгое жизненное странствіе. Въ его епископство, продолжавшееся до гоненія Деція, церковныя науки процвѣтали въ Эліи Капитолинѣ. Онъ учредилъ здѣсь библіотеку, богатствами которой пользовался для своихъ сочиненій Евсевій.

Но христіанская наука процвѣтала не только въ Эліи и около ученаго епископа Александра. Кесарія, гдѣ передъ этимъ нѣсколько разъ появлялся Оригенъ, стала съ 231 г. мѣстомъ его учительства; искатели православнаго гносиса притекали сюда со всего эллинскаго міра; переписчики и книгопродавцы занимались собираніемъ и изданіемъ сочиненій великаго богослова; его изданія Библіи, его комментаріи, разнообразныя другія произведенія наполняли многочисленные томы и составили основу библіотеки, которая славилась долгое время спустя. Недалеко оттуда, въ Никополѣ, прежнемъ Эммаусѣ, жилъ знаменитый Юлій Африканъ (Sex. Julius Africanus), который родился въ Эліи и по-

---

1) Euseb. IV, 5, V, 12.

2) Это моментъ, отъ котораго ведетъ счетъ самъ Евсевій. Даже допустивъ, что христіанская община образовалась сейчасъ же послѣ осады, вокругъ римскаго лагеря, и что эта община уже имѣла своего епископа, мы только немного удлинимъ весь періодъ, но вопросъ останется нерѣшеннымъ.

слѣ продолжительныхъ скитаній поселился въ Палестинѣ. Будучи воиномъ по своей профессіи, онъ участвовалъ въ походахъ Септимія Севера противъ парѳянъ; какъ страстный охотникъ, онъ избороздилъ лѣса въ обществѣ христіанскихъ государей Эдессы. Это былъ человѣкъ, весьма интересовавшійся древностями. Во время своихъ путешествій онъ осмотрѣлъ остатки Ноева ковчега на горѣ Апамеѣ во Фригіи, въ Эдессѣ—палатку Іакова, въ Сихемѣ—терпентинное дерево того же патріарха. Онъ побывалъ также въ Александріи и въ ея катехетической школѣ въ то время, когда Ираклъ замѣнялъ въ ней отсутствующаго Оригена. Здѣсь въ Египтѣ добылъ онъ себѣ экземпляръ гермесіанскихъ книгъ, которымъ очень дорожилъ. Вернувшись въ Палестину, онъ занялся городскими дѣлами въ Никополѣ и даже взялся сопровождать въ Римъ депутацію отъ своихъ согражданъ, которымъ нужно было выпросить для своего города милостей у Геліогабала. Онъ оставался тамъ еще во времена Александра Севера, которому выстроилъ библіотеку близъ Пантеона [1]). Онъ прожилъ по крайней мѣрѣ до 240 года.

Литературное наслѣдіе Юлія Африкана довольно смѣшаннаго состава. Сперва онъ написалъ Хронографію въ пяти частяхъ, гдѣ событія свѣтской исторіи были расположены въ порядкѣ, синхронистическомъ событіямъ библейской исторіи. Это былъ первый опытъ всеобщей хронологіи. Уже другіе ученые христіане,—Іустинъ, Таціанъ, Ѳеофилъ Антіохійскій, Климентъ Александрійскій,—пытались доказать, что происхожденіе народа Божьяго гораздо древнѣе всѣхъ другихъ народовъ: Юлій Африканъ провелъ эту мысль въ своей Хроникѣ. Его книга давала возможность провѣрить для каждаго столѣтія и даже для каждаго года соотношеніе событій священной и свѣтской исторіи. Евсевій много почерпнулъ изъ этого труда, оригиналъ котораго, къ сожалѣнію, утраченъ. Лѣтосчисленіе велось отъ сотворенія міра; для послѣдней части своего труда Африканъ, въ качествѣ хронологической мѣры, пользовался олимпіадами. О періодѣ, протекшемъ со времени пришествія Христа, онъ говорилъ очень кратко. Однако именно здѣсь нашелъ Евсевій списки римскихъ, александрійскихъ и антіохійскихъ епископовъ, причемъ первые два списка сопровождались

---

1) Объ этомъ фактѣ, равно какъ о мѣстѣ рожденія Юлія Африкана, мы узнали изъ 412 папируса изъ Оксиринка (Grenfell and Hunt—*The Oxyrhyncus papyri*, III, 39.

цифрами годовъ, которыя Евсевій использовалъ какъ вспомогательный матеріалъ для своей Хроники и Исторіи. Хронологія заканчивалась четвертымъ годомъ царствованія Геліогабала (221). По исчисленію Юлія Африкана, міру надлежало существовать 6000 лѣтъ: 3000 протекли отъ созданія міра до патріарха Фалега, который дѣлитъ пополамъ и время, и народы [1]), 2500 лѣтъ прошли отъ Фалега до Іисуса Христа; слѣдовательно, міру осталось просуществовать всего только около 3 столѣтій. Такова же была система Ипполита. Все теченіе вѣковъ разсматривается здѣсь какъ великая недѣля, каждый день которой длится тысячу лѣтъ. Эту мысль выводили изъ извѣстнаго библейскаго текста [2]).

Послѣ своей Хронографіи Юлій Африканъ издалъ нѣчто вродѣ энциклопедіи подъ заглавіемъ Κεστοί, посвященной императору Александру Северу. Въ ней собраны тысячи наблюденій и правилъ. Это очень странная книга. Авторъ вѣритъ въ магію; онъ поддался вредному вліянію своихъ гермесіанскихъ книгъ и другихъ подобныхъ. Его письмо къ Оригену (около 240 г.) о достовѣрности исторіи съ Сусанной и его письмо къ Аристиду о согласованіи евангельскихъ родословій касаются предметовъ, болѣе приличествующихъ его званію христіанина.

Въ Аравіи, въ этой отдаленной провинціи, какъ бы затерянной между Іорданомъ и пустыней, христіанство также уже процвѣтало и оставило намъ слѣды своей умственной дѣятельности. Въ первые годы царствованія Каракаллы (около 214 г.) Оригенъ въ первый разъ посѣтилъ этотъ край при довольно необычайной обстановкѣ. Императорскій легатъ вызвалъ его письмами на имя префекта Египта и александрійскаго епископа. Очевидно, этотъ сановникъ интересовался христіанскимъ богословіемъ и желалъ побесѣдовать съ его знаменитѣйшимъ представителемъ. Нѣсколько позднѣе епископъ бострійскій Бериллъ прославился своими книгами и посланіями [3]). Онъ тоже былъ опытнымъ богословомъ, но его убѣжденія не были строго православными. Судя по тому немногому, что о немъ разсказываетъ Евсевій, видно, что они стояли въ связи съ модалистической христологіей, конечно, скорѣе съ системой Савеллія, чѣмъ Ѳеодота [4]). Эти лжсученія уже были

1) *Фалегъ* по-еврейски означаетъ раздѣленіе.
2) Псал. LXXXIX, 5.
3) Euseb. VI, 20, 33.
4) Euseb. VI, 33: *τὸν σωτῆρα καὶ κύριον ἡμῶν λέγειν τολμῶν μὴ προϋφεστάναι κατ᾽ἰδίαν οὐσίας περιγραφὴν πρὸ τῆς εἰς ἀνθρώπους ἐπιδημίας, μηδὲ μὴν θεότητα ἰδίαν ἔχειν, ἀλλ᾽ ἐμπολιτευομένην αὐτῷ μόνην τὴν πατρικήν* (Бериллъ дерзнулъ утверждать, что Спаситель и Господь нашъ до появленія Своего между человѣками не имѣлъ ни личнаго бытія, ни особой божественности, но въ Немъ обитало только Отчее Божество).

осуждены въ Римѣ. Въ Аравіи они также вызвали очень сильную оппозицію. Бериллу пришлось неоднократно вести пренія какъ съ другими туземными епископами, такъ и съ пришлыми личностями. Въ нихъ принялъ участіе и Оригенъ; послѣ долгихъ частныхъ разговоровъ онъ вступилъ съ Берилломъ въ публичный споръ, въ которомъ успѣлъ выяснить довольно тонкіе оттѣнки заблужденій епископа, и,—что дѣлаетъ особенную честь его пріемамъ полемики,—ему удалось заставить самого Берилла признать свои ошибки и вернуться на истинный путь. На всѣхъ этихъ собраніяхъ, совѣщаніяхъ и т. п. составлялись протоколы преній. Это дѣло происходило въ царствованіе Гордіана III (238—244).

Въ царствованіе Филиппа (244—249), или, точнѣе, въ послѣдніе годы его, Оригенъ въ третій разъ посѣтилъ Аравію. Вновь понадобилось его участіе въ борьбѣ съ уклоненіями отъ истинной вѣры; вскрылось столкновеніе между ученіемъ о воскресеніи и ученіемъ о безсмертіи души. Нѣкоторые признавали первое и отвергали послѣднее. Былъ созванъ соборъ: Оригенъ держалъ рѣчь, и на этотъ разъ пожалъ новые лавры, убѣдивъ несогласныхъ съ нимъ.

Современникъ его императоръ Филиппъ и жена его Отацилія Севера были оба родомъ изъ Аравіи. Оба были воспитаны въ духѣ христіанской вѣры. Они тоже были въ сношеніяхъ съ Оригеномъ, который переписывался и съ тѣмъ, и съ другою. Филиппъ былъ очень посредственнымъ христіаниномъ. Однажды въ Антіохіи въ день Пасхи онъ явился въ церковь; епископъ Вавила отказался допустить его, пока тотъ не выполнитъ обряда покаянія. Филиппъ подчинился [1]).

---

1) Евсевій (VI, 34) не называетъ ни мѣста, ни имени епископа, но то, о чемъ онъ умалчиваетъ, мы знаемъ изъ антіохійскаго преданія, отмѣченнаго еще въ 350 г. (Леонтій Антіохійскій, въ *Chron. Pasch.*, p. 270, Dindorf) и подтвержденнаго впослѣдствіи св. Іоанномъ Златоустомъ и другими.

ГЛАВА XXII.

Павелъ Самосатскій.

Новаціанство въ Антіохіи.—Политическіе перевороты на Востокѣ: царство Сассанидовъ; владѣтели Пальмиры.—Павелъ Самосатскій, еп. антіохійскій: его жизнь и ученіе.—Восточные соборы.—Споръ изъ-за владѣнія церковью въ Антіохіи; рѣшеніе Авреліана.

Вавила Антіохійскій и Александръ Іерусалимскій были на Востокѣ самыми прославленными жертвами гоненія Деція. Когда гроза миновала, тамъ, какъ и на Западѣ, возникъ вопросъ объ отступникахъ. Мы уже касались выше того отголоска, какой нашелъ въ восточныхъ областяхъ римскій расколъ, вызванный Новаціаномъ. Непримиримо строгія правила, выдвинутыя этимъ послѣднимъ, пріобрѣли тамъ много сторонниковъ. Новый епископъ антіохійскій Фабій [1]), преемникъ мученика Вавилы, нашелъ затруднительнымъ признавать папу Корнилія,—и не онъ одинъ. По этому поводу впервые установилась согласованность дѣйствій между епископами Сиріи и горной Малой Азіи,—согласованность, которая продержалась долго и имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія. Епископы тарсскій (Еленъ), Кесаріи Каппадокійской (Фирмиліанъ) и Кесаріи Палестинской (Ѳеоктистъ) пригласили своего сотоварища Діонисія Александрійскаго прибыть на соборъ, который они созывали въ Антіохіи. Положеніе было очень серьезно, такъ какъ иниціаторы собора были противоположнаго Фабію образа мыслей. Діонисій не имѣлъ никакого желанія лично вмѣшиваться въ столь острый раздоръ. Онъ ограничился тѣмъ, что письменно поддерживалъ сторонниковъ терпимости; въ этомъ смыслѣ онъ писалъ христіанамъ въ Лаодикію Сирійскую, епископъ которой звался Ѳелимидрисъ, и въ Арменію [2]), гдѣ должность епископа исполнялъ нѣкій Мерузанисъ. Впрочемъ дѣло кончилось благополучнѣе, чѣмъ можно было предвидѣть. Фабій умеръ, а его преемникъ Димитріанъ отказался отъ

[1]) Euseb. VI, 43, 44, 46.

[2]) Τοῖς κατὰ 'Αρμενίαν,—говоритъ Евсевій. Здѣсь можетъ идти рѣчь только объ Арменіи римской, или Малой, присоединенной тогда къ провинціи Каппадокіи.

сторонниковъ Новаціана; въ Лаодикіи Ѳелимидрисъ, который, повидимому, шелъ по стопамъ Фабія, былъ также замѣненъ другимъ епископомъ, Иліодоромъ. Точно неизвѣстно, состоялся ли соборъ. Важнѣе то, что миръ былъ возстановленъ: вскорѣ Діонисій Александрійскій могъ уже сообщить папѣ Стефану, что отъ Понта и Виѳиніи до Палестины и Аравіи между всѣми церквами установилось на будущее время полное согласіе.

Этотъ оптимистическій отзывъ не долженъ скрывать отъ насъ того факта, что въ IV столѣтіи, по крайней мѣрѣ въ Малой Азіи, было много новаціанскихъ, или катарскихъ, общинъ и что восточные соборы, начиная съ никейскаго, и даже само императорское правительство неоднократно занимались ими. Такое положеніе, объясняемое лишь предшествующей пропагандой, заставляетъ предполагать, что удостовѣренное александрійскимъ епископомъ единеніе пастырей лишь отчасти свидѣтельствовало объ единствѣ стада, и что при улаживаніи безпорядковъ, вызванныхъ гоненіемъ Деція, во многихъ мѣстахъ произошелъ расколъ.

Папа Стефанъ, которому писалъ Діонисій Александрійскій, вслѣдствіе своего необдуманнаго ригоризма едва не сдѣлался виновникомъ гораздо болѣе важнаго раздора. Епископы областей верхней Малой Азіи въ дѣлѣ возсоединенія еретиковъ не слѣдовали ритуальнымъ порядкамъ римской церкви. Стефанъ, который не задумался лишить общенія съ Римомъ всю африканскую церковь изъ-за этого разногласія, выказалъ такую же непримиримость и по отношенію къ епископамъ Киликіи, Галатіи, Каппадокіи и другихъ сосѣднихъ провинцій. Фирмиліанъ однако не испугался: онъ энергично поддержалъ протестъ Кипріана; посланіе, написанное имъ Кипріану, не подавало рѣшительно никакой надежды на мирный исходъ. Однако опасное столкновеніе миновало и, какъ и въ предъидущій разъ, благодаря простой смѣнѣ личностей. Сикстъ II, преемникъ Стефана, не подражалъ его высокомѣрному обращенію, и общеніе возстановилось.

И это было кстати. Ужасныя бѣдствія ожидали эти несчастныя восточныя области. Валеріанъ измѣнилъ свое отношеніе къ христіанамъ; епископы, захваченные полиціей, томились въ тюрьмахъ въ ожиданіи еще болѣе суровыхъ наказаній. Но гоненіе было еще не самымъ горшимъ бѣдствіемъ. Сама имперія, виновница гоненія, шаталась въ своемъ основаніи. Границы дѣлались всюду жертвой варварскихъ набѣговъ; готы, разбойничавшіе на Черномъ морѣ, налетали шайками на понтійскіе берега и производили опу-

стошенія даже въ глубинѣ страны. На Востокѣ вѣчно возобновлявшаяся война изъ-за обладанія Месопотаміей и протектората надъ Арменіей принимала теперь гораздо болѣе грозный оборотъ, чѣмъ прежде. Парѳянская династія замѣнилась въ Ктезифонѣ новой династіей Сассанидовъ, уроженцевъ собственной Персіи. Движеніе, которому она обязана была престоломъ, было одушевлено воскресшими національными традиціями Ирана и его религіозными учрежденіями. Уже при первомъ государѣ изъ этого дома, Ардаширѣ (224—241), римлянамъ пришлось бороться за сохраненіе своей власти надъ Месопотаміей; едва удалось отстоять лишь ея крѣпости. Преемникъ Ардашира Сапоръ I овладѣлъ Арменіей (253). Теперь для персидской конницы не было преграды, которая помѣшала бы напасть на Каппадокію и Сирію, что она и не замедлила сдѣлать. Императоръ Валеріанъ отправился самъ на Востокъ и отбросилъ ее за Евфратъ; но въ то время, какъ онъ шелъ на выручку осажденной Эдессы, былъ захваченъ въ плѣнъ персами и скоро умеръ въ плѣну.

Въ Римѣ ему наслѣдовалъ его сынъ Галліенъ; на Востокѣ же его смерть привела въ разстройство всю оборону. Сирія и Малая Азія были предоставлены на произволъ персовъ; они захватили врасплохъ Антіохію, разграбили и сожгли ее и увели въ плѣнъ огромное количество жителей. Изъ нихъ образовали цѣлую колонію, которую поселили въ глубинѣ Сузіаны [1]). Та же участь постигла Тарсъ и Кесарію Каппадокійскую. Римской арміи больше не было. Въ концѣ-концовъ этотъ грандіозный набѣгъ кончился такъ, какъ всегда кончаются подобнаго рода предпріятія: побѣдители почувствовали желаніе вернуться домой, чтобы насладиться захваченной добычей; при отступленіи ихъ безпокоили партизанскія шайки, которыхъ привлекали богатства слѣдовавшихъ за ними обозовъ.

Въ этой сумятицѣ одинъ римскій военачальникъ, Макріанъ, провозгласилъ императорами своихъ двухъ сыновей, не обращая никакого вниманія на Галліена. Но послѣдняго поддержалъ владѣтель Пальмиры Оденатъ, который, быстро покончивъ съ претендентами, напалъ на побѣдителей-персовъ, возстановилъ цѣлость границъ имперіи, объявилъ себя представителемъ императора

[1]) По нѣкоторымъ мало достовѣрнымъ преданіямъ, въ числѣ плѣнныхъ, уведенныхъ въ Сузіану, находился будто бы епископъ антіохійскій Димитріанъ. Плѣнныхъ поставили на постройку большой плотины въ Сустерѣ.

Галліена и былъ признанъ таковымъ на всемъ Востокѣ. Послѣ его смерти (267 г.) его жена Зиновія сохранила въ своихъ рукахъ, въ качествѣ опекунши своего малолѣтняго сына Вабаллата, всю мужнину власть, подчинивъ ей не безъ усилій даже Египетъ. Со стороны Малой Азіи ея территорія все росла; Халкидонъ былъ въ ея рукахъ, и она уже готова была овладѣть Византіей, когда Авреліанъ, ставъ императоромъ (270 г.), предпринялъ борьбу противъ этого всезахватывающаго намѣстничества. Александрія была отвоевана въ томъ же 270 г. полководцемъ Пробомъ послѣ очень упорной осады и сраженія на улицахъ Александріи, почти въ конецъ опустошившаго этотъ громадный городъ. Больше времени потребовалось Авреліану, чтобы справиться съ энергичной повелительницей Пальмиры. Мало-по-малу однако ему удалось оттѣснить ее за горный хлебетъ Тавра, разбить ее при Антіохіи и, наконецъ, въ 272 г. завладѣть ею въ ея убѣжищѣ среди пустыни, въ Пальмирѣ. Плѣнная Зиновія была обречена на участіе въ тріумфѣ побѣдителя, а на Востокѣ былъ возстановленъ обычный порядокъ.

Когда Авреліанъ водворился въ Антіохіи, однимъ изъ вопросовъ, которые ему пришлось разрѣшать, конечно, совершенно неожиданно, былъ вопросъ, кто именно христіанскій епископъ въ этомъ городѣ. Два соперника оспаривали другъ у друга не только это званіе, но и владѣніе епископскимъ домомъ. Эта очень важная во многихъ отношеніяхъ исторія [1]) требуетъ предварительныхъ разъясненій. Вскорѣ послѣ разгрома Антіохіи на мѣсто еп. Димитріана былъ избранъ нѣкій Павелъ, родомъ изъ Самосатъ. Простолюдинъ по происхожденію, этотъ человѣкъ, ловкій и пронырливый, не преминулъ воспользоваться своимъ духовнымъ саномъ, чтобы составить себѣ завидное богатство. Раньше или позже своего избранія во епископы онъ добился мѣста пріемщика податей съ жалованьемъ въ 200.000 сестерцій (*procurator ducenarius*). Царица Зиновія его очень почитала. Онъ даже въ глазахъ внѣцерковнаго общества былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ въ Антіохіи. Это и замѣтно было, когда онъ проходилъ по улицѣ гордой поступью, съ озабоченнымъ видомъ, всегда въ сопровожденіи многочисленной свиты. По отношенію къ церкви онъ держалъ себя очень высокомѣрно. Въ жалкомъ стремленіи замѣнить почитаніе Божества культомъ епископа онъ заботливо украшалъ свое епископское кресло и

[1]) Euseb. VII, 27—30.

свои принадлежности служенія, позволялъ рукоплескать себѣ и даже воспѣвать себя хоромъ пѣвицъ. Частная жизнь Павла, окружавшаго себя приближенными женщинами (*subintroductae*), была небезупречна. Тѣмъ не менѣе въ виду его крайней снисходительности къ слабостямъ своего клира ему простили бы его свѣтскость, если бы онъ не принялся разсуждать о догматахъ. Погубило его богословіе. Для того ли, чтобы понравиться Зиновіи, очень любившей евреевъ и іудейство, или подъ вліяніемъ собственныхъ убѣжденій, онъ сталъ проповѣдывать антіохійцамъ ученіе, подобное тому, какое излагали Ѳеодотъ и Артема,—что Христосъ постепенно и путемъ усыновленія сдѣлался Богомъ. Враги Павла заявили наиболѣе виднымъ епископамъ на Востокѣ свой протестъ; ихъ жалоба была услышана. Нѣсколько разъ въ Антіохіи съѣзжались соборы не по зову Павла. Душою этого движенія среди епископовъ былъ все тотъ же Фирмиліанъ, знаменитый каппадокійскій епископъ. Григорій Неокесарійскій и братъ его Аѳинодоръ сопровождали его на соборы, въ которыхъ участвовали также епископы Тарса, Иконіи, Кесаріи Палестинской, Эліи, Бостры и много другихъ. Діонисія Александрійскаго также звали въ Антіохію, но онъ отказался, сославшись на свой возрастъ и здоровье; однако посланія свои онъ адресовалъ антіохійской церкви, а не ея епископу, что́ уже было многозначительнымъ признакомъ его взгляда на дѣло.

Однако распутать положеніе было нелегко; Фирмиліанъ съ товарищами два раза предпринимали путешествія въ Антіохію и вернулись, ничего не добившись. Человѣкъ изощренный въ логическихъ тонкостяхъ и ловкій проныра, Павелъ всегда отыскивалъ себѣ лазейку; когда же его просили исправиться, онъ давалъ кучу обѣщаній и не выполнялъ ни одного изъ нихъ. Наконецъ, третій соборъ, состоявшійся въ 267 или 268 году, достигъ своей цѣли. Преемника Діонисія, Максима, на немъ не было, Фирмиліана—также, ибо онъ умеръ по дорогѣ на соборъ. Однако собралось большое число (отъ 70 до 80) епископовъ изъ Малой Азіи и Сиріи, не считая пресвитеровъ и діаконовъ. На этотъ разъ помогъ дѣлу своими знаніями очень ученый пресвитеръ по имени Малхіонъ, который соединялъ со своими пастырскими обязанностями должность начальника „эллинской“ школы въ Антіохіи [1]). Малхіонъ устроилъ формальный диспутъ со своимъ епископомъ въ присутствіи всего собора, равно какъ и стенографовъ. Ему посчастливилось уловить изворотливую мысль своего противника и заставить его высказаться опредѣленно. Ученіе, которое Павелъ при этомъ развилъ, было признано недопустимымъ. Соборъ вынесъ приговоръ объ его низложеніи, замѣнилъ Павла Домномъ, сыномъ бывшаго епископа Димитріана, и сообщилъ объ этомъ римскому и александрійскому епископамъ, Діонисію и Максиму, прося ихъ не сноситься болѣе съ низложеннымъ владыкой, а только съ Домномъ, новымъ, единственно законнымъ антіохійскимъ епископомъ. Что же касается Павла, то пусть онъ,—добавили отцы собора,—имѣетъ общеніе съ Артемой [1]) и его единомышленниками.

1) Τῆς τῶν ἐπ' Ἀντιοχείας Ἑλληνικῶν παιδευτηρίων διατριβῆς προεστώς—Eus., VII, 29.

Павелъ отказался подчиниться этимъ соборнымъ постановленіямъ. Опираясь на свою популярность, не совсѣмъ чистоплотную, на свое оффиціальное положеніе, на партію, которую онъ себѣ составилъ въ мѣстномъ духовенствѣ, и въ особенности на покровительство Зиновіи, онъ продолжалъ быть епископомъ и жить въ епископскомъ домѣ. Таково было положеніе дѣла, когда оно было представлено на разрѣшеніе Авреліана. Императоръ рѣшилъ, что настоящій епископъ — тотъ, котораго признаютъ итальянскіе и римскій епископы. Это значило вынести осужденіе Павлу. Его выдворили.

Стенографическая запись диспута между Павломъ и Малхіономъ долго сохранялась; на нее ссылались еще въ VI вѣкѣ. Теперь отъ нея остались только отрывки, да и то не всѣ они достовѣрны. Объ этомъ приходится въ особенности пожалѣть, что соборное посланіе къ Діонисію и Максиму передано Евсевіемъ лишь частью,— въ томъ, что касалось образа жизни и личности Павла, но въ немъ откинуто все, что касалось преній объ его ученіи. Однако изъ памятниковъ IV вѣка можно установить, что терминъ ὁμοούσιος (единосущный), изъ-за котораго было столько споровъ при имп. Константинѣ, былъ явно отвергнутъ соборомъ, несомнѣнно, вслѣдствіе того модалистическаго смысла, который ему можно было придать [2]). Изъ сохранившихся отрывковъ видно еще, что Павелъ,

1) Это даетъ поводъ думать, что Артема еще жилъ въ Римѣ. Ср. выше, стр. 201, 203.

2) Таково объясненіе св. Иларія (*De synodis*, 81, 86,) и св. Василія (*ep.* 52); св. Аѳанасій (*De syn.*, 43) даетъ иное, довольно утонченное. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ папа Діонисій упрекалъ Діонисія Александрійскаго за нерѣшимость пользоваться этимъ словомъ. Ясно, что съ нимъ не вездѣ связывали одно и то же понятіе.

повторяя противъ ученія о Логосѣ возраженія его старыхъ противниковъ, въ широкой мѣрѣ воспользовался общимъ развитіемъ богословской науки. Его упрекаютъ за отмѣну древнихъ пѣснопѣній и за неуважительные отзывы о древнихъ учителяхъ, очевидно, потому, что тѣ и другіе говорили о Логосѣ, какъ о лицѣ. Но Павелъ вынесъ изъ знакомства съ учителями, которыхъ онъ критиковалъ, утонченный характеръ своихъ богословскихъ понятій и библейской экзегетики. Это именно ставило втупикъ его судей: сами они были учениками Оригена, и изъ устъ Павла они слышали выраженія ихъ собственнаго учителя. Но это было только сходство выраженій. Павлу не было никакого дѣла до космической Троицы оригенистовъ; та, которую онъ признавалъ, заключала лишь тройственность именъ; что же касается личности Христа, то онъ не искалъ ничего внѣ Его человѣческаго, историческаго бытія. Какъ бы ни были малосостоятельны ученія его противниковъ, несомнѣнно, что по этимъ двумъ вопросамъ онъ рѣзко расходился съ христіанской традиціей.

ГЛАВА XXIII.

Діонисій Александрійскій.

Діонисій, епископъ Александрійскій.—Его странствованія во время гоненія Деція.—Его отношеніе къ вопросу объ отступникахъ и еретикахъ. — Его ссылка въ правленіе Валеріана.—Александрійскія волненія.—Египетскіе хиліасты: Непотъ.—Савелліанство въ Киренаикѣ.—Исторія двухъ Діонисіевъ.—Евсевій и Анатолій Лаодикійскій.

Столь темная для II вѣка, исторія христіанства въ Александріи и въ Египтѣ не дѣлается болѣе извѣстной намъ и въ слѣдующемъ столѣтіи вплоть до гоненія Деція. Изъ жизни епископовъ Димитрія (189—231) и Иракла (231—247) извѣстно только то, что относится къ исторіи Оригена [1]). Ираклъ по отношенію къ знаменитому учителю, который продолжалъ жить вдали отъ Александріи, кажется, въ общемъ держался такъ же, какъ и его предшественникъ. Больше, чѣмъ о предшествующихъ епископахъ, мы знаемъ о Діонисіи (247—264), который занялъ епископское мѣсто послѣ Иракла, какъ раньше онъ же былъ его преемникомъ по управленію школой. Онъ, подобно Кипріану, оставилъ послѣ себя сборникъ посланій, теперь утраченныхъ, но изъ которыхъ Евсевій сообщаетъ намъ длинныя выдержки или пересказываетъ содержаніе ихъ.

Время его епископства совпало съ очень бурнымъ періодомъ въ исторіи церкви вообще и въ особенности острымъ для александрійской церкви. Едва онъ вступилъ въ должность, дикій мятежъ вспыхнулъ въ городѣ. Подстрекатель придалъ ему сперва религіозный оттѣнокъ; народъ вдругъ воспылалъ необузданной ревностью къ своимъ старымъ богамъ, которымъ грозила гибель отъ христіанъ. Мѣстныя власти, или не будучи въ силахъ справиться съ движеніемъ, или сами сочувствуя ему, стушевались.

[1]) См. выше, гл. XVIII. Мѣстное преданіе затемнило эту исторію съ Оригеномъ, указывая причину его столкновенія съ епископомъ александрійскимъ въ ученіи Оригена и приписывая Ираклу роль, которую игралъ Димитрій.

Христіанъ травили, били, дома ихъ подвергли разгрому; нѣкоторыхъ заставляли отречься, а когда они отказывались, то побивали ихъ камнями, сжигали или сбрасывали съ крышъ; многіе бѣжали. Черезъ нѣсколько времени мятежъ, нисколько не утихая, принялъ другой характеръ, и междоусобица залила кровью улицы Александріи. Среди всѣхъ этихъ событій пришло извѣстіе о воцареніи имп. Деція, а вскорѣ послѣ этого былъ опубликованъ указъ о гоненіи.

Префектъ Собинъ не терялъ времени; немедленно „фрументарій" былъ посланъ арестовать епископа. Его безуспѣшно искали повсюду, за исключеніемъ его дома, откуда онъ и не трогался. Черезъ четыре дня онъ уѣхалъ со своимъ семействомъ и другими христіанами. Полиціи однако удалось его перехватить, и онъ былъ задержанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами своего клира,—Каемъ, Фавстомъ, Петромъ и Павломъ. Въ то время какъ стража, которая везла его подъ конвоемъ въ Александрію, остановилась ночевать въ деревнѣ Тапозирисѣ (Абузиръ), онъ былъ освобожденъ при довольно своеобразномъ стеченіи обстоятельствъ [1]). Когда Діонисій былъ арестованъ, сына его Тимоѳея не было дома. Вернувшись, онъ нашелъ домъ пустымъ; узнавъ, что тутъ произошло, онъ самъ пустился въ бѣгство и по дорогѣ повстрѣчался съ поселяниномъ, которому сообщилъ о своемъ горѣ. Поселянинъ шелъ на одну свадьбу. Онъ прибавилъ шагу и, явившись туда, разсказалъ собравшимся гостямъ о случившемся. Гости, какъ истые египтяне, обрадовались случаю насолить полиціи и бросились къ Тапозирису, потрясая воздухъ своимъ крикомъ. Центуріонъ со своимъ конвоемъ перепугался и бѣжалъ; самъ епископъ, принявшій своихъ спасителей за разбойниковъ, пришелъ въ волненіе и уже предлагалъ имъ свои одежды, когда имъ удалось, наконецъ, убѣдить его, что они явились спасти, а не ограбить его. Тогда началась другого рода сцена. Діонисій, который уже готовился къ мученическому вѣнцу, не хотѣлъ лишиться его; онъ требовалъ, чтобы его предоставили собственной участи или чтобы ему отрубили голову и снесли ее къ префекту. Но смѣлые поселяне ничего не хотѣли слушать: они взяли епископа за руки и за ноги, посадили себѣ на плечи и скрылись съ нимъ. Его клирики были такимъ образомъ тоже освобождены. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого

---

[1]) Посланія Діонисія у Евсевія, VI, 40, VII, 11.

они водворились въ глухомъ мѣстечкѣ Ливіи, въ трехъ дняхъ пути отъ Паретонія.

Тамъ-то въ теченіе многихъ мѣсяцевъ сосредоточивалось управленіе александрійской церковью. Послѣ первыхъ дней гоненія тѣ пресвитеры и діаконы, которые меньше всего подвергались опасности быть узнанными, вернулись въ городъ. Въ числѣ ихъ называютъ пресвитера Максима, который впослѣдствіи сталъ преемникомъ Діонисія, и діаконовъ Евсевія и Фавста, которымъ предстояло еще долгое и плодотворное поприще. Когда гоненіе ослабѣло, Діонисій самъ вернулся въ Александрію.

Тогда передъ нимъ, какъ и передъ многими другими, всталъ вопросъ объ отступникахъ. Въ Египтѣ, какъ и вездѣ, боролись два теченія: непримиримое и умѣренное. Діонисій былъ на сторонѣ послѣдняго. Ему, къ счастью, не пришлось бороться съ противодѣйствіемъ исповѣдниковъ, которые въ Александріи всѣ тоже склонялись къ милосердію. Такимъ образомъ вѣроотступники были вновь приняты въ общину, пройдя, конечно, положенныя формы покаянія; епископъ соразмѣрялъ ихъ суровость со степенью вины. Эти начала примѣнены были имъ въ Александріи, и ихъ же онъ совѣтовалъ примѣнять другимъ египетскимъ церквамъ и ревностно защищалъ ихъ противъ непримиримой партіи въ Римѣ и въ Антіохіи. Папа Корнилій, человѣкъ такихъ же взглядовъ, получилъ мощную поддержку противъ Новаціана отъ своего александрійскаго собрата, который писалъ убѣдительныя посланія римскимъ христіанамъ, исповѣдникамъ и даже самому Новаціану. Онъ убѣждалъ и еп. Фабія въ Антіохіи не поддаваться совѣтамъ ригористовъ; то же писалъ онъ епископу лаодикійскому, сосѣднему съ Антіохіей, и христіанамъ Малой Арменіи [1]).

Гоненіе Галла [2]) пріостановило это возрожденіе церкви, но оно длилось недолго; при Валеріанѣ водворился миръ (авг. 253 г.). Вскорѣ затѣмъ возгорѣлся споръ о крещеніи еретиковъ, въ которомъ Діонисій принялъ живое участіе, отстаивая вмѣстѣ съ папой Стефаномъ обычай не перекрещивать ихъ, но отказываясь разрывать изъ-за этого разногласія общеніе съ церквами, державшимися другого обычая [3]). Эта распря уже приходила къ концу, когда слабохарактерный Валеріанъ, уступая убѣжденіямъ своего

---

[1]) Посланія, текстъ или содержаніе которыхъ переданы Евсевіемъ VI, 41—46.
[2]) Euseb., VII, 1. 10.
[3]) Посланія о крещеніи у Евсевія VII, 2—9. Ср. выше, стр. 284, 288—9.

фанатичнаго совѣтника Макріана, объявилъ новую войну христіанству. Діонисій[1]) предсталъ предъ префектомъ Эміліаномъ, окруженный свитой своихъ клириковъ; до насъ дошелъ въ одномъ изъ его посланій[2]) протоколъ этого допроса, въ заключеніе котораго онъ былъ сосланъ въ мѣстечко Кефро, гдѣ жили одни язычники. Епископъ обратился въ миссіонера, и, несмотря на дурное отношеніе, которое онъ сперва встрѣтилъ, ему удалось пріобрѣсти послѣдователей Христу въ этой глухой мѣстности. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ переведенъ въ Коллутіонъ въ Мареотѣ. Здѣсь онъ былъ ближе къ Александріи. Мы не знаемъ, какъ удалось ему избѣжать примѣненія указа 258 года, предписывавшаго казнить епископовъ. Нашлись въ Египтѣ люди, которые попрекали его тѣмъ, что онъ не погибъ во время гоненія, хотя оно заставило его испытать немало лишеній; нѣкій епископъ Германъ поднялъ столько шума изъ-за этого, что Діонисій счелъ нужнымъ выступить съ самозащитой и разсказалъ о пережитыхъ имъ испытаніяхъ[3]).

Повѣсть ихъ была длинна, но еще не окончена. Вернувшись въ Александрію, несомнѣнно, тотчасъ же вслѣдъ за извѣстіемъ о гибели Валеріана, онъ былъ свидѣтелемъ возникновенія гражданской междоусобицы: одни стояли за Галліена, другіе изъявляли свою приверженность сыновьямъ Макріана. Городъ раздѣлился на два рѣзко обособленныхъ лагеря, между которыми никакое сообщеніе было невозможно; ихъ раздѣляла главная улица, по которой уже нельзя было никому проходить; она имѣла видъ пустыни, по которой странствовали евреи по исходѣ изъ Египта; окрашенная же кровью противниковъ вода гавани приводила на память Красное море. Внутренняя блокада мѣшала епископу имѣть общеніе съ паствой; онъ былъ вынужденъ писать имъ, какъ-будто снова очутился въ изгнаніи. Да притомъ и нелегко было переслать даже письмо; двумъ противоположнымъ концамъ имперіи было удобнѣе сноситься, чѣмъ двумъ кварталамъ Александріи[4]).

Въ концѣ-концовъ весь городъ подчинился власти Галліена[5]). Въ промежуткѣ между политическими потрясеніями[6]) онъ былъ

[1]) Ср. выше, стр. 253.
[2]) Къ Герману: у Евс. VII, 11.
[3]) Отрывки изъ этой апологіи у Евсев. VI, 40, VII, 11.
[4]) Euseb. VII, 21.
[5]) Безъ сомнѣнія, въ 262 г. послѣ смерти Макріана и обоихъ его сыновей.
[6]) Въ Historia Augusta говорится о разныхъ египетскихъ „тиранахъ“,— Эмиліи, Фирмѣ, Сатурнинѣ,—но сомнительно, чтобы такія личности дѣйствительно существовали. Ср. Mommsen *Röm. Gesch.* III, 571 p. 1 n.

опустошенъ страшной чумой, унесшей значительную часть его населенія. Христіане отличились въ это тяжелое время своимъ рвеніемъ въ уходѣ за больными и въ погребеніи мертвыхъ[1]). Дождались по крайней мѣрѣ полнаго религіознаго мира. Галліенъ самъ написалъ Діонисію и другимъ епископамъ, извѣщая ихъ, что онъ распорядился вернуть христіанамъ мѣста, посвященныя религіознымъ цѣлямъ, и кладбища. Вслѣдствіе этого Діонисій былъ горячимъ сторонникомъ этого императора, къ которому вообще относились довольно холодно. Въ одномъ изъ своихъ посланій, написанномъ въ 262 г., онъ отмѣчаетъ, съ какимъ удовольствіемъ будутъ праздновать десятилѣтіе царствованія святого и благочестиваго императора, тогда какъ столько гонителей быстро сошли со сцены[2]).

Во время своего столь безпокойнаго управленія церковью Діонисій нашелъ еще время и поводъ заниматься богословскими вопросами и обнаружилъ въ нихъ то глубокое знаніе, которое онъ пріобрѣлъ подъ руководствомъ Оригена и расширилъ при завѣдываніи школой. Эта послѣдняя, какъ я уже говорилъ, была скорѣе приспособлена для немногихъ избранныхъ, чѣмъ для средняго уровня. Даже среди людей, слѣдившихъ за литературой, иные не признавали ни глубины оригеновскаго гносиса, ни тонкостей аллегорическаго толкованія. Ихъ свѣтиломъ былъ епископъ Непотъ, написавшій книгу подъ заглавіемъ „Опроверженіе аллегористовъ“, которую его поклонники ставили на одинъ уровень съ евангеліемъ. Онъ говорилъ въ ней о тысячелѣтнемъ царствѣ, описанномъ въ Апокалипсисѣ, и стремился доказать, что это царство вовсе не аллегорія, но что оно дѣйствительно наступитъ. Діонисій встревожился шумомъ, который поднялся изъ-за этого, и раздоромъ, вызваннымъ между христіанами этой книгой; онъ отправился въ арсинойскій округъ, бывшій центромъ движенія, и собралъ пресвитеровъ и учителей (διδασκάλους) изъ разныхъ селеній. Принесли книгу Непота; три дня спорили о ней съ утра до ночи очень искренно и спокойно, такъ что александрійскому епископу удалось всѣхъ убѣдить, даже вождя милленаристовъ (хиліастовъ), нѣкоего Коракіона. Тѣмъ не менѣе Діонисій не ограничился этимъ устнымъ опроверженіемъ; онъ издалъ по этому вопросу двѣ книги подъ заглавіемъ „Объ обѣтованіяхъ“[3]).

[1]) Euseb. VII, 22.
[2]) Euseb. VII, 22, 23.
[3]) Περὶ ἐπαγγελιῶν

Евсевій между прочимъ выписалъ изъ нея длинный отрывокъ объ авторѣ Апокалипсиса. Это—образецъ тонкой критики; по мнѣнію Діонисія, Апокалипсисъ не могъ быть написанъ тѣмъ же авторомъ, который написалъ и четвертое Евангеліе; онъ написанъ другимъ Іоанномъ, только не знаменитымъ апостоломъ.

Противника аллегористовъ Непота уже не было въ живыхъ, когда Діонисію пришлось обратить вниманіе на его книги. Вѣроятно, онъ былъ арсинойскимъ епископомъ. Діонисій, знавшій его лично, очень высоко ставилъ его благочестіе, его ревность, знаніе Св. Писанія и даже его поэтическій даръ. Онъ составилъ множество пѣснопѣній, которыя къ великому назиданію исполнялись хоромъ вѣрныхъ [1]). Возможно, что все это произошло въ первые годы правленія Валеріана (254—256). Недолго спустя Діонисію пришлось заняться спорами совсѣмъ иного рода.

Далеко, на западѣ отъ Египта, между пустыней Мармарикской и Большимъ Сыртомъ простирается высоко надъ уровнемъ моря плодородное плоскогорье. Съ древнѣйшихъ временъ здѣсь процвѣталъ эллинизмъ въ округѣ славнаго дорійскаго города Кирены. Римляне соединили Киренаику съ о. Критомъ въ одну провинцію, совершенно отдѣльную отъ Египта. Въ ней насчитывалось пять городовъ: Кирена, Птолемаида, Вереника, Созуса (Аполлонія) и Арсиноя (Тевкира) [2]), область которыхъ часто обозначается именемъ Пентаполя. Здѣсь очень давно появились значительныя еврейскія колоніи [3]), которыя во времена Траяна произвели возстаніе и большею частью погибли при подавленіи его. Имя этой страны встрѣчается на страницахъ евангелія: одинъ киренейскій еврей помогъ Спасителю нести крестъ [4]); другіе присутствовали на праздникѣ Пятидесятницы; находились они и въ числѣ гонителей св. Стефана. Нѣкоторые изъ нихъ обратились въ христіанство; въ числѣ ихъ былъ Луцій киренейскій, одинъ изъ основателей антіохійской церкви [5]). Вѣроятно, евангеліе очень скоро проникло и въ самую Киренаику. Въ ту эпоху, до которой мы дошли, каждый изъ пяти городовъ, повидимому, имѣлъ отдѣльнаго епископа [6]).

---

1) Euseb. VII, 24, 25.

2) Не надо смѣшивать эту Арсиною съ той, о которой только-что шла рѣчь по поводу Непота.

3) Язонъ Киренейскій, еврейскій писатель II вѣка до Р. Х., написалъ исторію, краткое содержаніе которой вошло во вторую книгу Маккавеевъ.

4) Матө. XXVII, 32, Марк. XV, 21, Лук. XXIII, 26.

5) Дѣянія II, 10, VI, 9, XI, 20, XIII, 1.

6) Евсевій (VII 20) называетъ имена тѣхъ, съ кѣмъ Діонисій переписывался по поводу савелліанства; ихъ было четверо: Аммонъ, епископъ верениксій,

Эти церкви тогда уже были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ александрійской каөедрой. Діонисій часто переписывался съ ними [1]) и считалъ себя отвѣтственнымъ за все, что тамъ творилось, и въ особенности, что проповѣдывалось. Еще ранѣе гоненія Валеріана его вниманіе было привлечено къ этой области тѣми раздорами, которые поселяла въ Птолемаидѣ савелліанская проповѣдь. Самъ Савеллій едва ли когда-нибудь показывался въ Киренаикѣ; но кто-нибудь могъ привезти его сочиненія, да впрочемъ тѣ идеи, представителемъ которыхъ онъ былъ въ Римѣ, уже сдѣлали завоеванія въ Азіи, Карөагенѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Успѣхъ ихъ въ Киренаикѣ былъ великъ: нѣкоторые епископы содѣйствовали монархическому ученію; перестали говорить въ этихъ церквахъ о Словѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, отличномъ отъ Бога Отца; Троица обращалась въ образное выраженіе: названія Отца, Сына и Святого Духа стали обозначать лишь три послѣдовательныхъ модуса (аспекта) Божественной монады, — твореніе, искупленіе, освященіе. Часто прибѣгали къ слову υἱοπάτωρ (Сыно-Отецъ), очень подходящему для выраженія единства лицъ Божества. Такъ называемое Евангеліе отъ Египтянъ, очевидно, подкрѣпляло такія воззрѣнія, ибо монархіане очень дорожили имъ [2]).

Несмотря на поддержку мѣстныхъ епископовъ, это ученіе возбудило сильное противодѣйствіе. Обѣ партіи согласились передать вопросъ на разсмотрѣніе александрійскаго епископа. Передъ Діонисіемъ предстали уполномоченные съ запасомъ книгъ, готовые вступить въ пренія.

Модалисты были очень наивны, если надѣялись выиграть дѣло предъ судомъ ученика Оригена. Епископъ александрійскій не пожелалъ даже выслушать ихъ; онъ тотчасъ же написалъ въ Пентаполь, чтобы отговорить тѣхъ, кто вступалъ на ложный путь, и при случаѣ предупредилъ папу Сикста II, сообщивъ ему содер-

---

Телесфоръ, Евфраноръ и Евпоръ. Если три послѣдніе были епископы, какъ это кажется, это составитъ четырехъ; пятымъ сюда слѣдуетъ присоединить Василида, τῶν κατα τὴν Πεντάπολιν παροικιῶν, о которомъ говорится немного ниже.

1) Евсевій (тамъ же) указываетъ на нѣсколько посланій, написанныхъ къ Василиду, еп. пентапольскому; одно изъ нихъ, писанное въ отвѣтъ на запросъ о нѣкоторыхъ случаяхъ, безпокоившихъ христіанскую совѣсть, сохранилось въ византійскомъ церковномъ правѣ; въ другомъ онъ говорилъ о составленномъ имъ толкованіи на Экклезіастъ. Епископу Евфранору онъ посвятилъ книгу „Объ искушеніяхъ".

2) Это изложеніе ученія основывается на словахъ св. Епифанія *Haer.*, 57; приведенныя у Евсевія VII, 6 и св. Аөанасія *De sent. Dionysii* слова св. Діонисія далеко не такъ точны.

жаніе своего посланія къ киренейцамъ [1]). Но эти послѣдніе не поддались его убѣжденіямъ. Прерванный, конечно, на время гоненія Валеріана, споръ возобновился, какъ только вновь наступило спокойствіе. Діонисій опять принялся за борьбу и посылалъ въ Пентаполь посланіе за посланіемъ. Въ одномъ изъ нихъ [2]), къ Аммонію и Евфранору, онъ, кажется, перешелъ границу, а свои возраженія еретикамъ обосновалъ не только на церковномъ преданіи, но и на воззрѣніяхъ, принадлежащихъ собственно оригеновской школѣ. Александрійскіе противники школы воспользовались случаемъ и, не давая себѣ труда переговорить съ епископомъ и просить у него объясненій, обратились въ Римъ съ доносомъ на него папѣ Діонисію. Діонисій Римскій, созвавъ соборъ, разсмотрѣлъ дѣло и обнаружилъ въ посланіи, подавшемъ поводъ къ обвиненію, разныя догматическія несообразности, именно: примѣненіе слова „тварь“ къ Сыну Божію, представленіе трехъ ипостасей Троицы столь раздѣльными, что ихъ можно было принять за трехъ боговъ, наконецъ, замѣтное отвращеніе къ слову ὁμοούσιος (единосущный) [3]).

Римскій епископъ отъ своего имени и отъ имени собора отправилъ въ Александрію очень внушительное посланіе [4]), гдѣ вновь предавалъ осужденію савелліанскую ересь, а затѣмъ, переходя къ тѣмъ способамъ, которыми пытались ее опровергнуть, онъ, не называя именъ, порицалъ тѣхъ, кто на подобіе маркіонитовъ говоритъ о трехъ раздѣльныхъ ипостасяхъ или выдаетъ Сына Божія за тварь; тщетно ссылаются на книгу Притчей, гдѣ Премудрость сама говоритъ о Себѣ: „Господь создалъ Меня“; это мѣсто подлежитъ другому толкованію [5]).

Другимъ, отдѣльнымъ посланіемъ [6]) Діонисій призывался къ отвѣту. Онъ отозвался на приглашеніе и послалъ своему римскому тезкѣ свое оправданіе въ четырехъ книгахъ, озаглавленныхъ:

[1]) Euseb. VII, 6. Въ главѣ 26 онъ перечисляетъ 4 письма противъ Савеллія: къ Аммону, епископу вереникскому, къ Телесфору, къ Евфранору, къ Аммону и Евпору.

[2]) Я думаю, что посланіе, о которомъ такъ много говорилъ св. Аѳанасій, не входитъ въ составъ перечисленныхъ у Евсевія. Въ крайнемъ случаѣ впрочемъ его можно было бы отождествить съ посланіемъ къ Аммону и Евпору.

[3]) Athan. *De sent. Dion.*, 5. Не мѣшаетъ отмѣтить, что Аѳанасій говоритъ объ этомъ не какъ историкъ, а какъ полемистъ. Его хронологія сильно хромаетъ; онъ воображаетъ, что оба Діонисія жили задолго (ἔμπροσθεν πολύ) до собора, осудившаго Павла Самосатскаго (*De syn.*, 43).

[4]) Athan.—*De decretis Nyc.* syn., 26.

[5]) Ср. выше, стр. 237, прим. 1-е.

[6]) Athan.—*De sent. Dion.*, 13.

„Опроверженіе и оправданіе“ [1]), которое, повидимому, удовлетворило римскую подозрительность.

Изъ-за этого спора, къ которому современники отнеслись, повидимому, довольно равнодушно, поднялся большой шумъ въ IV столѣтіи. Аріане ссылались на Діонисія Александрійскаго въ свою защиту; преемникъ же его по каѳедрѣ, Аѳанасій, очень старался лишить ихъ этой поддержки. Онъ написалъ по этому поводу цѣлый трактатъ „О мнѣніяхъ Діонисія“, въ которомъ даетъ пространныя объясненія по поводу посланія, вызвавшаго возраженія въ Римѣ, но не даетъ изъ него никакихъ выдержекъ; ученіе своего предшественника онъ видитъ выраженнымъ въ его „Оправданъ“, написанномъ впослѣдствіи, и толкуетъ первое произведеніе на основаніи второго. Св. Василій Великій [2]) тоже былъ знакомъ съ обоими произведеніями и получилъ отъ нихъ очень неблагопріятное для Діонисія впечатлѣніе. Не чувствуя себя обязаннымъ защищать память прежнихъ епископовъ Александріи, онъ безъ обиняковъ называлъ Діонисія предтечею самаго крайняго аріанства. Онъ отлично схватываетъ разницу въ выраженіяхъ между его двумя произведеніями, но относитъ ее къ неустойчивости автора, не приписывая ему однако никакихъ дурныхъ намѣреній.

Ни благожелательныя толкованія св. Аѳанасія, ни строгое сужденіе св. Василія не соотвѣтствуютъ точно дѣйствительности. Діонисій былъ ученикомъ Оригена, т. е. полемизировалъ съ модалистами при помощи оригеновской богословской системы. Но эта система была двухсторонняя. Смотря по тому, выдвигалось ли на первый планъ отношеніе Логоса къ внѣшнему міру или къ Богу, Слово являлось то отдѣльнымъ отъ Бога и какъ-будто принадлежащимъ въ извѣстной мѣрѣ къ разряду тварей, то—вѣчнымъ наравнѣ съ Богомъ и исходящимъ изъ божественной сущности. Противъ модалистовъ можно было выдвинуть первое представленіе; второе годилось для успокоенія тѣхъ, которыхъ соблазняла чрезмѣрная раздѣльность Ипостасей и ихъ іерархія. Не было ничего несообразнаго переходить отъ одного представленія къ другому: въ системѣ всѣ понятія объединялись внутренней связью, а православная чистота ученія въ этомъ вопросѣ спасалась присоединеніемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ положеній. Но такая система была

[1]) Euseb. VII, 26; ср. Athan. — *De syn.*, 44, *De decr. Nyc.* 25 и *De sent. Dion.*, въ разныхъ мѣстахъ.

[2]) Ep., 41.

школьнымъ произведеніемъ; она не преподавалась церковью и даже, можно сказать, осталась ей неизвѣстною. Когда людямъ, несшимъ обязанности управленія церковью, какъ папа Діонисій, попадались на глаза отрывочныя части этой системы, они не трудились возстановить ихъ синтезъ и судить ихъ, имѣя въ виду этотъ синтезъ; они ихъ оцѣнивали въ отдѣльности, при свѣтѣ общаго, церковнаго, а не школьнаго вѣросознанія. Отсюда и возникали недоразумѣнія, подобныя столкновенію двухъ Діонисіевъ.

Въ самомъ концѣ своего служенія знаменитый александрійскій епископъ получилъ, какъ было сказано выше, приглашеніе на первый соборъ, съѣхавшійся въ Антіохіи,—судить Павла Самосатскаго. Онъ уже не былъ въ силахъ совершить такое далекое путешествіе, но принялъ участіе въ дѣлѣ посредствомъ своихъ посланій. Можетъ-быть, его представителемъ на одномъ изъ первыхъ соборовъ былъ александрійскій діаконъ Евсевій. Евсевія очень уважали за его доблестное поведеніе во время гоненія Декія: вернувшись въ Александрію очень рано, онъ несъ важныя обязанности по управленію гонимой паствой. Въ царствованіе Валеріана онъ имѣлъ случай выказать свою преданность вѣрѣ, исповѣдуя ее передъ префектомъ Эмиліаномъ вмѣстѣ со своимъ епископомъ, съ которымъ отправился и въ изгнаніе. Во время одной изъ войнъ, опустошавшихъ Александрію,—вѣроятно, во время той, которую описываетъ Діонисій въ письмѣ къ Гіераксу,—Евсевію выпало на долю оказать важныя услуги. Мятежники засѣли въ кварталѣ Брухіонѣ. Среди вождей возстанія находился христіанинъ, по имени Анатолій, замѣчательный математикъ. Когда онъ увидѣлъ, что хлѣбъ у осажденныхъ на исходѣ, ему пришло въ голову обратиться къ діакону Евсевію, оставшемуся въ той части города, которая не подверглась осадѣ, и послать его къ римскому военачальнику съ просьбой выпустить изъ Брухіона перебѣжчиковъ. Евсевій пользовался большимъ уваженіемъ даже въ оффиціальномъ мірѣ; его просьба была удовлетворена. Тогда Анатолій собралъ мятежный сенатъ и, послѣ тщетныхъ убѣжденій согласиться на капитуляцію, рѣшилъ выслать безполезныхъ ѣдоковъ. Ихъ ушло много, такъ какъ римляне смотрѣли сквозь пальцы на полъ и возрастъ бѣглецовъ. Евсевій принялъ ихъ и снабдилъ всѣмъ неотложно необходимымъ. Впослѣдствіи Евсевій поѣхалъ на соборъ въ Антіохію и не вернулся больше въ Александрію: на возвратномъ пути его задержали лаодикійскіе христіане, лишившіеся своего епископа, и избрали Евсевія въ преемники ему.

Анатолій, какъ видно, замѣшанный въ недавнемъ возстаніи, счелъ за лучшее удалиться изъ Александріи, гдѣ онъ пользовался лестной славой; онъ былъ силенъ во всѣхъ наукахъ,—ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи, физикѣ, діалектикѣ, риторикѣ. Его сограждане не нашли никого достойнѣе его управлять ихъ школой аристотелевской философіи. Онъ нашелъ радушный пріемъ въ Кесаріи Палестинской у епископа Ѳеотекна, который посвятилъ его во епископы и готовилъ себѣ въ преемники. Но когда Анатолій прибылъ на послѣдній антіохійскій соборъ (268 г.), съ нимъ случилось то же, что съ его землякомъ Евсевіемъ. Такъ какъ этотъ послѣдній какъ-разъ передъ соборомъ умеръ, то лаодикійцы настойчиво приступили къ посвященному уже Анатолію и убѣдили его остаться у нихъ епископомъ.

ГЛАВА XXIV.

Восточное богословіе послѣ Оригена и Павла Самосатскаго.

Александрійскіе учители: Өеогностъ, Пiерій, Ахилла.—Противникъ Оригена еп. Петръ.—Труды Памфила и Евсевія въ Кесаріи Палестинской.—Меөодій, еп. олимпійскій.—Лукіанъ Антіохійскій и зарожденіе аріанства.

Діонисію Александрійскому наслѣдовалъ пресвитеръ Максимъ, отличившійся еще во время гоненія Деція, ставшій исповѣдникомъ и претерпѣвшій ссылку въ гоненіе Валеріана. При немъ состоялось окончательное осужденіе Павла Самосатскаго, какъ его о томъ оффиціально увѣдомили. Кромѣ этого о немъ мы ничего не знаемъ. Такъ же мало знаемъ мы о Өеонѣ [1]), наслѣдовавшемъ ему въ 282 г. и занимавшемъ каөедру также 18 лѣтъ до 300 г. Затѣмъ епископомъ сталъ Петръ, который засталъ гоненіе Діоклетіана и сдѣлался одной изъ извѣстнѣйшихъ его жертвъ.

Школа продолжала оставаться въ связи съ церковью и быть вѣрною воззрѣніямъ Оригена. Өеогностъ [2]), повидимому, управлявшій ею послѣ Діонисія, передѣлалъ περὶ ἀρχῶν подъ заглавіемъ „Гипотипозы", уже употребленнымъ у Климента. Фотій передалъ содержаніе его труда [3]). Онъ дѣлился на 7 книгъ; по изложенію и и сужденіямъ Фотія видно, что все въ немъ было согласовано съ оригеновскимъ ученіемъ. Св. Аөанасій и св. Григорій Нисскій сохранили намъ нѣсколько отрывковъ изъ него; они неодинаково оцѣниваютъ его; св. Аөанасій заимствуетъ изъ него православныя

---

1) Письмо Өеоны къ императорскому сановнику Лукіану—поддѣлка новѣйшаго времени, см. Batiffol, *Bullet. crit.* VII, 155.
2) Ни Евсевій, ни св. Іеронимъ не говорятъ о Өеогностѣ.
3) Cod. 282.

мысли [1]), Григорій Нисскій находитъ его очень близкимъ къ аріанству [2]).

Преемникъ Өеогноста, Пiерій [3]) входилъ въ составъ пресвитерской коллегіи. Какъ Оригенъ, онъ одновременно былъ поклонникомъ науки и бѣдности; это былъ знаменитый аскетъ и выдающійся проповѣдникъ. Позднѣйшимъ писателямъ онъ былъ извѣстенъ даже скорѣе своими проповѣдями, чѣмъ преподаваніемъ въ школѣ [4]). Его главнымъ произведеніемъ былъ сборникъ экзегетическихъ гомилій, сказанныхъ въ пасхальную ночь. Фотій, ознакомившись съ нимъ, подчеркиваетъ „устарѣлость" его богословскихъ формулъ и сожалѣетъ, что онъ такъ неправославно высказывался о Св. Духѣ. Какъ бы ни было основательно это сужденіе, Пiерій пользовался все-же большой славой у современниковъ; его называли младшимъ Оригеномъ (Origenes junior). Онъ жилъ долго,—до великаго гоненія и даже дольше. Когда самый знаменитый его ученикъ, Памфилъ изъ Кесаріи Палестинской, пострадалъ за вѣру (309), Пiерій собирался составить его жизнеописаніе. По нѣкоторымъ преданіямъ, онъ самъ съ братомъ Исидоромъ кончилъ жизнь мученичествомъ. Однако св. Іеронимъ сообщаетъ, что онъ удалился въ Римъ и жилъ тамъ до своей смерти [5]).

Въ послѣдніе годы передъ гоненіемъ во главѣ школы стоялъ другой ученый, Ахилла, тоже въ санѣ пресвитера. Онъ даже былъ избранъ въ епископы, какъ Ираклъ и Діонисій, послѣ мученической кончины Петра. Евсевій очень подчеркиваетъ его добродѣтель, его строгую жизнь, но ничего не говоритъ объ его ученіи, а какъ-разъ это было бы интересно, такъ какъ мы подходимъ къ тому моменту, когда оригеновское богословіе стало подвергаться

---

1) *Ep. 4 ad. Serap.* c. 11, *De Decretis Nic*, 25. Стефанъ Гобаръ (Photius, cod. 232) немного смущенъ этими ссылками.
2) *Adv. Lunonium*, Migne *P. G.* t. XLV, c. 661. Открывокъ изъ Өеогноста былъ найденъ въ Венеціи Fr. Diekamp'омъ и помѣщенъ имъ въ тюбингенскомъ *Theolog. Quartalschrift*, 1902, s. 483, ср. Harnack—*Texte und Unters.*, t. XXIV, fasc. 3.
3) О Пiеріи см. у Евсевія, V, 32; св. Іеронима—*De viris*, 76, ср. *ep.* 49, 70; *In Matth.* XXIV. 36; Фотія, cod. 118, 119 и въ извлеченіяхъ Филиппа Сидейскаго, опубликованныхъ C. de-Boor'омъ (*Texte und Unters*, V, fasc. 2).
4) Филиппъ Сидейскій и Фотій называютъ его главою школы. Однако ни Евсевій, ни св. Іеронимъ не приписываютъ ему этого званія.
5) Өеодоръ, адвокатъ и поэтъ александрійскій, на котораго въ V в. ссылается Филиппъ Сидейскій (*Texte u. Unt.*, V, fasc. 2, s. 171; ср. Photius, (ll. cc.), разсказываетъ, что Пiерій и братъ его Исидоръ умерли мучениками и что въ честь ихъ былъ выстроенъ въ Александріи большой храмъ (ναὸν μέγιστον). Достовѣрно, что въ Александріи былъ храмъ во имя св. Пiерія Epiph.—*Haer.* LXIX, 2). Можетъ-быть, смѣшали двухъ различныхъ Пiеріевъ?

ожесточеннымъ нападкамъ. Епископъ Петръ написалъ сочиненія о душѣ [1]) и о воскресеніи [2]), въ которыхъ опровергалъ многіе существенные пункты ученія Оригена.

Высокая богословская культура, главнымъ органомъ которой была александрійская школа, являлась, какъ я говорилъ, удѣломъ немногихъ. Несмотря на то, что знаменитая школа состояла обыкновенно подъ управленіемъ церковныхъ пресвитеровъ и что очень многіе изъ ея руководителей были почтены избраніемъ въ епископы, общая масса христіанъ не испытывала ея вліянія. Проповѣдь Евангелія во внутреннихъ областяхъ Египта, очень успѣшная въ III вѣкѣ, привела ко Христу такія народности, на которыхъ греческое вліяніе очень мало или даже вовсе не сказывалось [3]) и которымъ трудно было привить отвлеченныя философскія понятія. Съ другой стороны, ученія школы, сведенныя Оригеномъ въ связную систему, будили тревожное чувство даже у образованныхъ христіанъ, гностиковъ, несмотря на то, что эта школа отводила имъ столь привилегированное положеніе. Даже получившій блестящее философское воспитаніе могъ видѣть въ этой образованности лишь весьма отдаленное съ религіозной точки зрѣнія преимущество и полагать, что не въ богословіи спасеніе. Впрочемъ, какъ доказывала исторія Анатолія, старый и новый платонизмъ, которымъ жила школа, былъ не единственной философіей, которою занимались въ Александріи. Возможно, да и часто бывало, что богословское образованіе той или другой личности развивалось въ рамкахъ церковной традиціи, внѣ тѣснаго отношенія къ Валентину и Василиду. Аллегорическимъ толкованіямъ не всѣ сочувствовали. Мы видѣли, что епископъ Непотъ открыто боролся противъ нихъ. А между тѣмъ, какъ согласить безъ ихъ помощи школьныя системы съ Библіей? Христіане, сдѣлавшіе доносъ въ Римъ на нѣкоторыя

---

1) Прокопій Газскій (*In Genes.* III, 21; Migne—*P. G.*, t. LXXXVIII, c. 221), Леонтій Византійскій (Mai, *Script. vet.*, t. VII, c. 85) и Юстиніанъ (*Ep. ad Menam*—*P. G.*, t. LXXXVI, c. 961) говорятъ о сочиненіи Петра περὶ τοῦ μηδὲ προϋπάρχειν τὴν ψυχὴν μηδὲ ἁμαρτήσασαν τοῦτο εἰς σῶμα βληθῆναι, гдѣ онъ объявляетъ языческимъ (ἑλληνικῆς φιλοσοφίας) и чуждымъ христіанскому благочестію ученіе о существованіи душъ ранѣе соединенія ихъ съ тѣломъ и объ ихъ предварительномъ паденіи.

2) До насъ дошло семь отрывковъ сочиненія о воскресеніи въ сирійскомъ переводѣ; см. Pitra-Martin, *Anal.*, t. IV, pp. 189 и 426; первый слѣдуетъ отбросить (II A), ибо онъ взятъ изъ другой книги Петра о Божествѣ (περὶ θεότητος), на которую ссылались на ефесскомъ соборѣ и нѣсколько отрывковъ изъ которой тоже извлечены были изъ сирійскихъ рукописей P. Martin'омъ (l. c. pp. 187, 425).

3) Коптскій переводъ Библіи относится къ этому вѣку.

выраженія своего епископа Діонисія, не были ничтожнымъ элементомъ въ церкви.

Въ лицѣ Петра руководство александрійской церковью перешло въ руки этого круга людей умныхъ и образованныхъ, но больше думавшихъ о религіи, чѣмъ о богословіи; изъ него же вышли вскорѣ затѣмъ епископы Александръ и Аѳанасій.

Въ Палестинѣ оригенистическія традиціи укоренились въ Кесаріи. Богатый христіанинъ изъ Берита, Памфилъ, отказавшись отъ выгоднаго положенія, которое могли ему создать на родинѣ его богатство и происхожденіе, посвятилъ себя богословскимъ занятіямъ. Онъ пріѣхалъ въ Александрію, гдѣ Піерій помогъ его аскетическому и богословскому развитію, затѣмъ поселился въ Кесаріи, гдѣ былъ принятъ въ коллегію пресвитеровъ. Главнымъ его занятіемъ была переписка и исправленіе рукописей Библіи; онъ списалъ также оригеновскіе манускрипты и составилъ перечень его сочиненій, такъ же какъ и другихъ книгъ библіотеки, оставшейся въ Кесаріи послѣ великаго ученаго. У него подъ рукой работалъ умный и трудолюбивый молодой христіанинъ, по имени Евсевій. Въ теченіе пятнадцати или двадцати лѣтъ, предшествовавшихъ гоненію, онъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ перерылъ библіотеки въ Кесаріи, въ Эліи и въ иныхъ мѣстахъ ради крупныхъ апологетическихъ и историческихъ работъ, которыя онъ задумалъ. Евсевій не могъ знать Оригена; Памфилъ, быть-можетъ, видалъ его въ дѣтствѣ. Оба они одинаково имъ восхищались. Они были готовы къ защитѣ своего учителя; при первыхъ же нападкахъ на его идеи Памфилъ написалъ Апологію въ пяти книгахъ, къ которымъ Евсевій прибавилъ шестую.

А противниковъ былъ уже цѣлый легіонъ. Не говоря о модалистахъ въ духѣ Берилла или въ духѣ Павла Самосатскаго, различнаго рода противники находились и въ средѣ православныхъ. Однимъ изъ самыхъ выдающихся враговъ оригенизма былъ Меѳодій, епископъ маленькаго города Олимпа въ Ликіи. Для того времени это былъ высокообразованный писатель, усердный поклонникъ Платона, діалогамъ котораго онъ любилъ подражать. Намъ остался отъ него „Пиръ“, — отголосокъ произведенія аѳинскаго философа подъ тѣмъ же заглавіемъ; но здѣсь собесѣдниками выводятся дѣвы, и восхваляютъ онѣ не любовь, а дѣвственность. Его трактаты о свободѣ воли, о жизни и разумномъ дѣйствіи, о воскресеніи, о тваряхъ (περὶ γενητῶν), о проказѣ, о піявкахъ, о различіи пищи, хотя и утрачены въ цѣломъ видѣ и въ подлинникѣ, но извѣстны

намъ или по греческимъ отрывкамъ, или по славянскому переводу [1]). Другія же исчезли совершенно или почти совершенно, какъ, напр., его книги о прорицательницѣ, о мученикахъ, противъ Порфирія. Эта разнообразная литература, которая включаетъ въ себѣ и толкованія писанія и апологію, метафизику и мораль, обнаруживаетъ въ авторѣ разносторонніе умственные интересы. Многіе изъ его діалоговъ, именно о воскресеніи и о тваряхъ, содержатъ сильныя нападки на воззрѣнія Оригена. Оттого-то Евсевій и умолчалъ о Меѳодіи въ своей Исторіи Церкви. Но ему пришлось говорить о немъ въ *Апологіи*. По словамъ св. Іеронима [2]), Евсевій напоминалъ въ ней Меѳодію, что онъ когда-то питалъ иныя чувства къ великому учителю [3]). Можно думать, что олимпійскій епископъ продолжалъ изумляться генію Оригена, даже возражая противъ его заблужденій.

Самъ онъ, по очень обыкновенному обороту судебъ, тоже подвергся суровой оцѣнкѣ. Фотій [4]) не безъ основанія находитъ, что его „Пиръ“ содержитъ не совсѣмъ правильныя выраженія; онъ даже снисходительно предполагаетъ наличность въ немъ аріанскихъ и иныхъ интерполяцій. Это весьма мало вѣроятно; но Меѳодій писалъ раньше, чѣмъ догматическіе споры IV и V вѣковъ придали точность богословскому языку и даже самымъ понятіямъ. Несмотря на богословскія странности Меѳодія, къ его имени сохранилось большое уваженіе. Ему поставили въ заслугу, что онъ подвергъ критикѣ Оригена и превознесъ дѣвственность. Онъ окончилъ къ тому же свою жизнь мученичествомъ.

Низложеніе Павла Самосатскаго не устранило всѣхъ затрудненій въ Антіохіи. Кажется, что Домнъ, избранный на его мѣсто соборомъ, правилъ церковью недолго, такъ же какъ и Тимей, вступившій на его мѣсто. Напротивъ, правленіе Кирилла продолжалось слишкомъ двадцать лѣтъ, вплоть до гоненія. О правленіи этихъ епископовъ неизвѣстно ничего, кромѣ того, что они, какъ это естественно, боролись съ приверженцами Павла. Послѣдніе образовали маленькую церковь, о которой было слышно еще во

---

1) Bonwetsch, *Methodius von Olympus*, 1891. Фотій дѣлалъ обширныя выдержки изъ сочиненій Меѳодія, *Cod*. 234—237.

2) *Apol. I adv. lib. Ruf*., с. 11.

3) Сократъ (Ц. И. VI, 13) также говоритъ, что въ своемъ діалогѣ подъ заглавіемъ: *Xenon* Меѳодій отзывался объ Оригенѣ съ восторгомъ. Возможно, что этотъ діалогъ тождественъ съ сочиненіемъ „О тваряхъ“ (Photius, cod. 235), гдѣ дѣйствительно выступаетъ собесѣдникъ по имени Ксенонъ.

4) Cod. 237.

времена никейскаго собора. Но оппозиція православію нашла себѣ еще выраженіе въ школѣ пресвитера Лукіана.

Лукіанъ [1]) былъ очень ученымъ человѣкомъ; онъ рано прославился своими работами надъ текстомъ Ветхаго Завѣта, который онъ исправилъ по еврейскому подлиннику, ибо владѣлъ этимъ языкомъ; его исправленный текстъ былъ принятъ въ большинствѣ сирійскихъ и малоазійскихъ церквей. Онъ работалъ также надъ Новымъ Завѣтомъ.

Его толкованія сильно отличались отъ оригеновскихъ. Въ Антіохіи аллегорическій методъ были не въ ходу; старались держаться буквальнаго смысла. Что же касается богословскихъ воззрѣній этой школы, то достаточно сказать, что, какъ вполнѣ удостовѣрено, Лукіанъ былъ авторомъ того ученія, которому суждено было произвести такъ много шума подъ именемъ аріанства. Уже въ ту эпоху, о которой мы теперь говоримъ, вокругъ него сплотились главари этой ереси, самъ Арій, будущій никомидійскій епископъ Евсевій, Марій, Ѳеогнисъ и многіе другіе. Пришлось отказаться отъ взглядовъ Павла и допустить личное предсуществованіе Христа, т. е. воплощеніе Слова. Однако сдѣлана была возможно меньшая уступка. Въ новомъ ученіи Слово является небеснымъ существомъ, предшествующимъ всѣмъ другимъ тварямъ видимымъ и невидимымъ, которыя и созданы именно имъ. Но Оно само не вѣчно; Оно было создано Богомъ, чтобы стать орудіемъ послѣдующаго творенія. Ранѣе этого Его не было; Оно было создано изъ ничего.

Нельзя отрицать, что это ученіе очень упрощало вопросъ о происхожденіи Слова,—трудный вопросъ, который въ теченіе двухъ уже вѣковъ разрѣшали самымъ различнымъ образомъ, причемъ ни одно рѣшеніе не было признано окончательнымъ. Однако упрощеніе было куплено цѣной пожертвованія однимъ изъ существенныхъ положеній,—безусловной божественностью Христа. Это положеніе, унаслѣдованное изъ преданія, взлелѣянное благочестивымъ чувствомъ, освященное церковнымъ культомъ, запечатлѣнное кровью муче-

---

1) По преданію, не вполнѣ увѣренно передававшемуся (ὡς ὁ περὶ αὐτοῦ λόγος), Лукіанъ родился въ Самосатѣ въ семьѣ, занимавшей видное положеніе; въ ранней молодости онъ будто бы слушалъ въ Эдессѣ лекціи знаменитаго толкователя Писанія, по имени Макарія. Все это очень сомнительно. Повидимому, разсказчикъ больше вдохновлялся воспоминаніями о сатирикѣ Лукіанѣ и о славѣ эдесскихъ ученыхъ V вѣка, чѣмъ заслуживающимъ вниманія преданіемъ. Впрочемъ онъ писалъ это гораздо позднѣе, опираясь на Филосторгія. См. Pio Franchi de'Cavolieri въ *Studi e doc. di storia e diritto* 1897, p. 110 и сл. Ср. *Nuovo Bull di archeol. christ*, 1904, 37.

2) Hieron. *Praef. in Evv.*, *in Paralip*, ep. 106.

никовъ, было краеугольнымъ камнемъ христіанскаго ученія. Ни Оригенъ, ни Ипполитъ, ни Іустинъ, ни всѣ другіе православные учители, не говоря о гностикахъ, не сочли себя вправѣ пренебречь имъ. Скоро пришлось убѣдиться въ его несокрушимости.

Въ первую минуту это ученіе Лукіана, повидимому, не вызвало возбужденія, поскольку оно оставалось въ предѣлахъ школы, поскольку въ общемъ оно составляло шагъ впередъ по сравненію съ отвергнутыми на послѣднихъ соборахъ воззрѣніями и поскольку его скрывали подъ оболочкой православнаго словоыраженія. Оно вызвало бурю въ Александріи, но уже долго спустя послѣ смерти его автора.

Повидимому, осужденіе Павла коснулось и Лукіана. Епископы Домнъ, Тимей и даже Кириллъ въ первое время сторонились общенія съ нимъ [1]). Кириллъ впрочемъ, сочтя удовлетворительнымъ полученное отъ него исповѣданіе вѣры, принялъ этого учителя въ общеніе, вернувъ ему и его пресвитерское мѣсто [2]). Въ качествѣ антіохійскаго пресвитера Лукіанъ былъ взятъ подъ стражу въ 312 году и кончилъ жизнь мученикомъ.

Всѣ или почти всѣ главари этихъ многоразличныхъ школъ кончили тѣмъ же: александрійскій епископъ Петръ, Памфилъ, Меѳодій, самъ Лукіанъ,—всѣ запечатлѣли кровью свою общую вѣру. Церковь чтитъ память всѣхъ ихъ, какъ мучениковъ. Это не значитъ, что ихъ ученія всѣ были правильны, или ихъ разногласія имѣютъ мало значенія для христіанства. Но это по крайней мѣрѣ доказываетъ, что каковы бы ни были ихъ богословскія воззрѣнія, они обнаружили въ минуту великаго испытанія мужество духа и твердость христіанскихъ убѣжденій.

---

1) *Λουκειανὸς ἀποσυνάγωγος ἔμεινε τριῶν ἐπισκόπων πολυετεῖς χρόνους* (Письмо Александра Александрійскаго, Ѳеодоритъ—Церк. Исторія, I, 4 гл. 9).

2) Арій, Евсевій и прочіе ученики Лукіана не могли бы достигнуть духовнаго сана въ столь многихъ мѣстахъ, если бы ихъ знали за учениковъ школы, осужденной антіохійскими епископами. Ихъ сношенія съ Лукіаномъ завязались должно быть послѣ перемѣны въ положеніи послѣдняго, а такъ какъ они, конечно, установились ранѣе гоненія, то относятся къ эпохѣ епископства Кирилла, скончавшагося въ 301 или 302 году.

ГЛАВА XXV.

Христіанскіе нравы и обряды.

Приготовленіе къ крещенію; обученіе оглашенныхъ.—Апостольскій символъ вѣры.—Канонъ Новаго Завѣта.—Апостольскія повѣсти.—Энкратизмъ.—Православный аскетизмъ.—Покаянная дисциплина.—Усиленіе свѣтскаго духа.—Соборъ въ Эльвирѣ.

Отмѣченныя нами выше богословскія распри, безъ сомнѣнія, возбудили волненіе въ нѣкоторыхъ кругахъ; онѣ оставили въ церковной литературѣ значительные слѣды, которые намъ было бы легче возстановить, если бы въ слѣдующіе вѣка новые споры не изгладили ихъ довольно быстро. Нельзя однако сказать, чтобы христіанскія массы долгое время были заняты этими распрями. Событіе, которое особенно способно было бы привлечь ихъ вниманіе,—низложеніе антіохійскаго епископа,—не имѣло, строго говоря, никакого значенія внѣ Антіохіи. Послѣ пораженія Павла Самосатскаго все очень скоро пришло въ обычный порядокъ.

Объ этомъ-то обычномъ строѣ церковной жизни, въ ту эпоху, до которой мы дошли въ своемъ разсказѣ, т. е. наканунѣ послѣдняго великаго гоненія и оффиціальнаго торжества христіанства, и надлежитъ намъ теперь поговорить. Бросимъ же общій взглядъ на христіанское общество III вѣка; посмотримъ, какъ оно пополнялось членами, дадимъ себѣ отчетъ въ его нравахъ, его религіозной жизни, его организаціи и управленіи.

Въ своемъ „Апологетикѣ“ (гл. 17) Тертулліанъ говоритъ, что человѣкъ не родится христіаниномъ, а дѣлается имъ: *fiunt, non nascuntur christiani*. Эти слова не слѣдуетъ понимать слишкомъ узко. Уже во времена Септимія Севера многіе родились христіанами въ томъ смыслѣ, что происходили отъ христіанскихъ родителей и потому были крещены въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и принимали на себя совершенно безсознательно весьма важныя обязанности въ отношеніи вѣры и нравственнаго поведенія. Такой порядокъ не возбуждалъ въ церкви никакихъ колебаній: настолько она

была крѣпка въ своей вѣрѣ и своихъ надеждахъ,—убѣждена, что семейное воспитаніе съ избыткомъ замѣнитъ крещаемому младенцу ту подготовку, которой она требовала отъ взрослыхъ новообращаемыхъ. Этихъ послѣднихъ дѣйствительно не допускали въ лоно церкви безъ испытаній. Такое испытаніе называлось оглашеніемъ (катехуменатъ),—институтъ, встрѣчаемый почти всюду къ концу II вѣка. Новообращаемые, которые принимали христіанскую вѣру уже въ зрѣломъ возрастѣ, не были тотчасъ же включаемы въ составъ вѣрныхъ. Пріемъ ихъ въ лоно церкви совершался лишь по истеченіи нѣкотораго времени, употреблявшагося на обученіе ихъ правильному пониманію христіанства, какъ его ученія, такъ и различныхъ обязанностей, которыя имъ предстояло взять на себя. Оглашенные не только учились, но уже и начинали вести христіанскій образъ жизни, испытывая такимъ образомъ свои силы. Съ своей стороны церковь слѣдила за ними и рѣшала, можетъ ли она положиться на ихъ постоянство. На оглашенныхъ смотрѣли уже какъ на христіанъ; они носили это имя, и во время гоненій подвергались тѣмъ же опасностямъ, что и вѣрные. На христіанскихъ собраніяхъ они присутствовали при чтеніи, пѣснопѣніи и нѣкоторыхъ молитвахъ, но не при таинствѣ Евхаристіи и нѣкоторыхъ иныхъ, каковы крещеніе и рукоположеніе.

Когда подготовка считалась оконченной, оглашеннымъ разрѣшали приступать къ крещенію. Обыкновенно они такъ и дѣлали. Однако они не были обязаны немедленно принимать его, и нѣкоторые изъ нихъ надолго откладывали рѣшительный шагъ.

Обрядъ воспріятія въ лоно церкви со временъ апостольскихъ уже заключалъ два главныхъ акта,—крещеніе, т. е. погруженіе въ воду, и возложеніе рукъ. Спеціальное значеніе перваго акта состояло въ отпущеніи грѣховъ; это былъ символъ очищенія души при обращеніи и прилѣпленіи ко Христу; второй актъ былъ обрядомъ освященія новообращеннаго чрезъ сошествіе Св. Духа въ его душу. Современемъ къ этимъ актамъ присоединились новыя священнодѣйствія. Тертулліанъ говоритъ [1]) не только о крещеніи и возложеніи рукъ, но еще о помазаніи елеемъ, возложеніи креста, наконецъ, о вкушеніи питья изъ меда и молока, которое подавалось новокрещеннымъ [2]). Такъ какъ онъ присовокупляетъ, что

[1]) *De resurrect*, 8; *Adv. Marc.* I, 14. III, 22.
[2]) Этотъ послѣдній обрядъ вывелся изъ употребленія; помазаніе миромъ и возложеніе креста вмѣстѣ съ возложеніемъ рукъ составляютъ обрядъ конфирмаціи.

эти обряды господствовали и у маркіонитовъ, то приходится допустить, что они возникли не позже первой половины II столѣтія.

Крещеніе всегда сопровождалось спеціальной подготовкой; обыкновенно оно производилось на Пасхѣ; въ предшествующія недѣли заканчивалось обученіе готовящихся къ таинству, которые съ этого времени переставали считаться простыми оглашенными, а назывались по-латыни competentes (соискатели), погречески φωτιζόμενοι (просвѣщаемые). Имъ читали и объясняли правило или символъ вѣры.

Принимая крещеніе, они должны были торжественно, въ собраніи вѣрныхъ, отречься отъ сатаны, его прелестей и дѣлъ бѣсовскихъ, т.-е., говоря вообще, отъ язычества [1]), его культа и легкости нравовъ. Затѣмъ они объявляли себя послѣдователями Іисуса Христа и въ знакъ этого читали исповѣданіе вѣры.

Во всей церкви была принята еще та символьная формула, которую называютъ апостольскимъ символомъ. Нынѣшній текстъ его очень немногимъ отличается отъ употреблявшагося въ Римѣ по традиціи уже въ началѣ III вѣка:

„Вѣрую въ Бога, всемогущаго Отца [2]) и въ Іисуса Христа, Сына Его единороднаго, рожденнаго [3]) отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи, распятаго при Понтійскомъ Пилатѣ и погребеннаго [4]); воскресшаго изъ мертвыхъ въ третій день, восшедшаго на небеса, сѣдящаго одесную Отца, откуда Онъ пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ; и въ Духа Святаго, въ святую Церковь [5]), въ отпущеніе грѣховъ и въ воскресеніе плоти“ [6]).

Тертулліанъ уже былъ знакомъ съ этимъ текстомъ, который въ теченіе III вѣка переходилъ отъ одной церкви къ другой и, наконецъ, достигъ повсемѣстной извѣстности. Его особенности: раздѣленіе на три члена, соотвѣтственно тремъ наименованіямъ Божества въ крещальной формулѣ, краткій сводъ евангельской исторіи, присоединенный ко второму члену, и упоминаніе въ третьемъ членѣ о церкви, крещеніи (отпущеніи грѣховъ) и воскресеніи изъ мерт-

[1]) Это отреченіе понятно только въ примѣненіи къ новообращеннымъ изъ язычниковъ; очевидно, что обратившимся изъ іудеевъ нечего было отрекаться отъ сатаны. Формулы были установлены не для нихъ.
[2]) Нынѣшній текстъ присовокупляетъ „Творца неба и земли“.
[3]) „Зачатаго отъ Духа Святаго, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, страдавшаго при Понтійскомъ Пилатѣ, распятаго, умершаго и погребеннаго“.
[4]) „Сошедшаго во адъ“ приб.
[5]) „Каѳолическую“ приб.
[6]) „Въ жизнь вѣчную“ приб.

выхъ. Есть много доводовъ за то, что римскій символъ былъ составленъ задолго до того, какъ мы удостовѣряемся въ его существованіи.

Въ первомъ членѣ не выступаетъ ни одной черты въ опроверженіе гностическихъ ересей: Богъ называется просто всемогущимъ; не сочли нужнымъ даже подчеркнуть Его тождество съ Творцомъ. Весьма вѣроятно, что это не преминули бы сдѣлать, если бы церковная власть, составлявшая эту формулу, имѣла въ виду опасность отъ гностиковъ. Поэтому-то составленіе его можно безъ колебаній отодвинуть въ первую половину II вѣка. Ранѣе этого употреблялись, вѣроятно, сжатыя изложенія сущности христіанскаго ученія; слѣды ихъ можно видѣть въ посланіяхъ св. Игнатія и въ Пастырскихъ посланіяхъ; но нѣтъ доказательствъ, чтобы они были такъ же полны, какъ отмѣченная древняя римская формула, и такъ же раздѣлены [1]) на члены. Сведенныя къ этому краткому, простому и всѣмъ понятному выраженію, христіанскія вѣрованія поддерживались и подкрѣплялись постояннымъ поученіемъ, основная форма котораго заключалась въ чтеніи Библіи съ соотвѣтственными гомилетическими толкованіями. Чрезъ изъясненіе текстовъ въ духовномъ смыслѣ удавалось сдѣлать предметомъ назиданія для вѣрныхъ многое такое изъ Ветхаго Завѣта, чего никакимъ инымъ образомъ нельзя было приспособить для этой цѣли. Первоначально, кажется, не думали точно отграничивать библейскую письменность, а пользовались вообще тѣми книгами, которыя были въ ходу въ синагогахъ, не очень обращая вниманіе на то, что составъ священныхъ писаній не во всѣхъ синагогахъ былъ одинаковъ. Отсюда получились неопредѣленность и различія въ священномъ кодексѣ, которыя вскорѣ возросли, когда къ древней Библіи прибавились книги Новаго Завѣта. Намъ недоступна теперь эта литература во всей ея пестротѣ. Очень рано изъ нея стали уже выдѣлять лишнее. Такимъ образомъ, число каноническихъ Евангелій было ограничено четырьмя, число посланій ап. Павла—тринадцатью. Общій канонъ, т.-е. списокъ книгъ, признанныхъ церковью священными и каноническими, появляется впервые въ Римѣ къ концу II столѣтія. Это—такъ называемый канонъ Муратори. Строго говоря, этотъ немного загадочный текстъ, отъ котораго до насъ дошла только послѣдняя часть и относительно

[1]) Объ этомъ см. Harnack. *Chronologie*, t. I, 524 и сочиненія, которыя онъ упоминаетъ и вкратцѣ передаетъ.

котораго даже не выяснено, былъ ли онъ сперва написанъ по-гречески или по-латыни, не можетъ считаться оффиціальнымъ документомъ; отвѣтственность за него не лежитъ на римской церкви. Но онъ по меньшей мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Римѣ было признано и насчетъ чего еще господствовало сомнѣніе въ то время, когда онъ былъ написанъ. Въ него были включены: 4 Евангелія, 13 посланій ап. Павла, Дѣянія св. апостоловъ, посланія св. Іуды и св. Іоанна, два Апокалипсиса,—Іоанна и Петра. Послѣдній, впрочемъ встрѣчалъ сильныя возраженія. *Пастырь* упомянутъ, но исключенъ, какъ книга слишкомъ недавняго происхожденія; его автора нельзя было причислить ни къ пророкамъ [1]), ни къ апостоламъ; онъ писалъ его въ столь недавнее тогда время (nuperrime, temporibus nostris), когда братъ его Пій былъ римскимъ епископомъ. Другія сочиненія, какъ посланія ап. Павла къ лаодикійцамъ и къ александрійцамъ, отнесены къ еретическимъ и рѣшительно отвергнуты [2]).

Само собою понятно, что въ христіанскихъ собраніяхъ не допускалось чтенія еретическихъ произведеній. Но между этими преданными осужденію книгами и св. Писаніемъ оставалось еще довольно широкое поле, куда отнесены были сочиненія менѣе опредѣленнаго характера: одни—православныя по духу, но сомнительной достовѣрности или не пользовавшіяся большимъ авторитетомъ, другія—обнаруживавшія подозрительное направленіе, хотя еще слабо обозначившееся. Тамъ и сямъ допускали по простодушію на самомъ богослуженіи странныя и даже подозрительныя книги. Въ иныхъ мѣстахъ ихъ употребленіе ограничивали чтеніемъ на-дому. Маленькій мірокъ христіанъ охотно искалъ пищи для своей любознательности въ непризнанныхъ оффиціально евангеліяхъ [3]) и въ особенности въ благочестивыхъ повѣстяхъ, которыя ему выдавали за исторію апостоловъ. Изъ этихъ повѣстей, кажется, древнѣйшая—„Дѣянія ап. Павла". Этотъ фактъ, конечно, является въ особенности неожиданнымъ, потому что истинная жизнь ап. Павла была хорошо извѣстна изъ канонической книги *Дѣяній*. Эта необычная книга, на которую ссылались Ипполитъ и Тертулліанъ, а

[1]) Это слово употреблено здѣсь въ смыслѣ пророковъ Ветхаго Завѣта.

[2]) Посланіе ап. Іакова не упомянуто, равно какъ и посланія ап. Петра; но текстъ не вполнѣ надеженъ; очень возможно, что этотъ пропускъ, поистинѣ огромный, особенно по отношенію къ первому посланію ап. Петра, образовался въ спискѣ впослѣдствіи.

[3]) Евангелія отъ евреевъ, отъ египтянъ, Петра; см. выше стр. 80, 97, 301, 325. У гностиковъ были евангелія: Ѳомы, Филиппа, Матѳея и проч.

Оригенъ и Евсевій отнесли въ число приложеній къ Новому Завѣту, находила себѣ мѣсто въ нѣкоторыхъ спискахъ Библіи. Она, по крайней мѣрѣ частью, избѣжала запрещенія даже послѣ того, какъ манихеи и присцилліанисты вызвали къ ней подозрѣніе своимъ восторженнымъ отношеніемъ къ ней. Теперь установлено, что изящная повѣсть о Павлѣ и Ѳеклѣ была однимъ изъ эпизодовъ ея; съ нею же связана апокрифическая переписка Павла съ коринѳянами, равно какъ повѣствованіе объ его мученической кончинѣ и извѣстное преданіе о томъ, будто изъ его отрубленной головы истекло молоко. Эти отрывки были частями одного обширнаго разсказа [1]), гдѣ приключенія, проповѣдь и въ особенности чудеса апостола Павла описывались, приблизительно по порядку повѣствованія „Дѣяній св. апостоловъ“ и почти съ тѣми же дѣйствующими лицами, но излагались въ самой вольной передѣлкѣ. Трудно понять, какъ можно было разсказывать такія вещи людямъ, твердо помнившимъ повѣствованіе св. Луки. Авторъ очень злоупотребляетъ чудесами, но въ особенности замѣчательна его доктрина. Она не имѣетъ ничего общаго съ гностицизмомъ, который подвергается рѣшительному осужденію. Но воздержаніе рекомендуется съ такой настойчивостью, которая несвойственна обычной христіанской проповѣди; оно какъ-будто становится главной основой христіанства: „Блаженны,—говоритъ ап. Павелъ,—содержащіе плоть свою въ чистотѣ, ибо они станутъ храмами Божіими. Блаженны воздержные (ἐγκρατεῖς), ибо Богъ будетъ бесѣдовать съ ними. Блаженны отрекающіеся отъ міра... Блаженны имѣющіе женъ, но живущіе, какъ бы не имѣя ихъ... Блаженны тѣла дѣвственницъ“... и т. д. Эти принципы безпрерывно подкрѣпляются повѣствованіемъ; его цѣль проповѣдывать особую мораль, болѣе строгую, чѣмъ евангельская.

„Дѣянія ап. Павла“ были написаны однимъ азійскимъ пресвитеромъ приблизительно во времена Марка Аврелія. Тертулліанъ передаетъ, что мѣстныя церковныя власти неблагосконно взглянули на это своеобразное сочиненіе и что авторъ его былъ лишенъ своего сана, хотя и оправдывался своей ревностью къ памяти апостола Павла. Книга, правда, не была изъята изъ обращенія, но утѣшительно, что церковь не признала себя солидарной съ этой смѣлой выдумкой и съ этой изувѣрной моралью.

[1]) Кромѣ только-что перечисленныхъ отрывковъ и кое-какихъ меньшаго размѣра, о которыхъ знали и ранѣе, мы имѣемъ теперь общій коптскій переводъ его, возстановленный, благодаря терпѣнію и проницательности Карла Шмидта, изъ обрывковъ (около 2000) рукописи на папирусѣ, принадлежащей Гейдельбергской библіотекѣ. Къ несчастью, эти обрывки далеко не представляютъ полнаго текста его. К. Шмидтъ ихъ подобралъ и возстановилъ, насколько это было возможно, снабдилъ ихъ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями, гдѣ пересмотрѣны всѣ вопросы, имѣющіе къ нимъ отношеніе.— C. Schmidt. Leipzig. 1904.

Еще менѣе выраженъ духъ церкви въ другихъ апостольскихъ повѣстяхъ, почти столь же древнихъ, какъ „Дѣянія ап. Павла“, но гораздо менѣе невинныхъ. Я говорю о Дѣяніяхъ Іоанна, Петра, Андрея и Ѳомы [1]), которыя, повидимому, были въ обращеніи съ съ первыхъ годовъ III вѣка [2]). Три или по крайней мѣрѣ два первыхъ находятся въ тѣсной связи; нѣкоторые критики приписываютъ ихъ одному автору, нѣкоему Левкію или Левкію Харину, который, по мнѣнію другихъ, составилъ лишь Дѣянія Іоанна. Это послѣднее сочиненіе, несомнѣнно, еретическое, въ очень ярко выраженномъ духѣ докетизма, со ссылками на „Осьмерицу“, на „Двенадесятицу“ и на Плерому. Нѣкоторые разсказы вольны до неприличія. Дѣянія Петра не заслуживаютъ такихъ возраженій; ихъ докетическій характеръ гораздо менѣе замѣтенъ. Такъ же обстояло дѣло, насколько можно судить по нѣсколькимъ отрывкамъ, съ „Дѣяніями Андрея“. Эти произведенія имѣютъ между собою то общее, что проникнуты очень замѣтной аскетической тенденціей, отвращеніемъ къ вину и браку. Апостолы Петръ и Андрей преданы казни будто бы только за то, что отговаривали женщинъ отъ сожительства съ мужьями. Вино воспрещается принимать даже въ Евхаристіи; ее нужно совершать на хлѣбѣ и водѣ.

Дѣянія ап. Іоанна, Петра и Андрея написаны по-гречески, причемъ авторы воспользовались разными азійскими, римскими и иными мѣстными преданіями. Св. Андрей является съ ап. Петромъ и Матѳеемъ проповѣдникомъ Евангелія на берегахъ Чернаго моря; его чрезвычайно фантастичныя приключенія оканчиваются мученической смертью въ Патрасѣ. Исторія ап. Іоанна заканчивается

[1]) Текстъ этихъ сочиненій можно найти въ изданіи Липсіуса и Бонне: *Acta apostolorum apocrypha*, которое обнимаетъ ихъ всѣхъ. Изданный Тишендорфомъ въ 1851 г., сборникъ подъ тѣмъ же заглавіемъ далеко уступаетъ новому изданію. То же можно сказать объ *Acta Thomae* и *Acta Andreae cum laudatione contexta*, изданныхъ въ 1883 и 1895 г. Бонне. Къ отрывкамъ *Дѣяній Петра*, опубликованнымъ Липсіусомъ въ т. I по латинскимъ и греческимъ рукописямъ, нужно прибавить коптскій отрывокъ, недавно (1903 г.), изданный К. Шмидтомъ въ *Texte und Unters.* t. XXIV: *Die alten Petrusakten*. По части библіографіи см. Bardenhever, *Geschichte der altchristlichen Litteratur*, t. I, s. 414 и слѣд.

[2]) Оригенъ былъ съ ними знакомъ. См. Евсевій,—Ц. И. III, 1.

„метастазомъ“: престарѣлый апостолъ сходитъ въ могилу, не будучи на самомъ дѣлѣ мертвымъ. Повѣсть объ ап. Петрѣ распространяетъ уже принятое въ нѣкоторыхъ кругахъ преданіе о столкновеніи въ Римѣ ап. Петра съ Симономъ волхвомъ [1]) и о распятіи апостола внизъ головой [2]).

„Дѣянія ап. Ѳомы“ выводятъ насъ за предѣлы греческаго міра. Апостолъ идетъ проповѣдывать въ Индію; преданія о немъ записаны по-сирійски въ Эдессѣ. Несмотря на различие въ происхожденіи, духъ этого произведенія приблизительно тотъ же, что и въ остальныхъ апостольскихъ повѣстяхъ. Аскетизмъ выдвигается какъ сущность христіанскаго ученія; гностицизмъ проскальзываетъ тамъ и сямъ, особенно въ нѣкоторыхъ гимнахъ, которые меньше, чѣмъ остальной текстъ, подверглись исправленію въ сохранившихся спискахъ. Это какъ-разъ то, чего слѣдовало ожидать отъ общества, находившагося подъ вліяніемъ Вардесана, откуда, повидимому, появилась эта странная повѣсть.

Отмѣченныя апокрифическія сочиненія дошли до насъ лишь въ отрывкахъ; ихъ первоначальнаго текста церковь не могла бы потерпѣть. Къ тому же уваженіе къ нимъ подорвано было въ IV и V столѣтіяхъ тѣмъ, что ими пользовались манихеи и присцилліанисты. Ихъ переработали, устраняя все наиболѣе соблазнительное, но сохраняя чудесныя приключенія, которыми простонародная масса христіанъ продолжала интересоваться. Такъ возникли болѣе или менѣе православныя редакціи этихъ сказаній, которыя на цѣлыя столѣтія давали пищу агіографіи апостоловъ.

Въ какой бы степени ни была примѣшана къ православію гностическая ересь въ этихъ произведеніяхъ, одно несомнѣнно, что они всѣ проникнуты общимъ духомъ энкратизма, враждебнымъ половымъ сношеніямъ, даже въ бракѣ, и употребленію возбуждающей пищи,—мяса и въ особенности вина. Здѣсь дѣло идетъ не объ индивидаульныхъ формахъ воздержанія, а объ общемъ правилѣ: всякій христіанинъ долженъ быть аскетомъ, дѣвственникомъ, энкратитомъ.

---

[1]) Въ этомъ не слѣдуетъ видѣть выпадъ противъ гностицизма въ лицѣ его классическаго прародителя. Въ „Дѣяніяхъ Петра“ Симонъ является только магомъ, противникомъ Христа и апостоловъ, но ему не приписывается никакого особеннаго догматическаго ученія.

[2]) Сказаніе о мученичествѣ ап. Петра было впослѣдствіи выдѣлено изъ остального повѣствованія, развито подробнѣе, съ болѣе точнымъ указаніемъ мѣстностей и приписано первому преемнику этого апостола, Лину. Ему же приписано было еще позднѣе сказаніе о мученической кончинѣ ап. Павла, взятое изъ „Дѣяній Павла“.

Эти требованія не были новостью, ихъ выставляли уже во времена апостольскія; первое посланіе къ Тимоѳею рѣшительно осуждаетъ ихъ [1]). Вѣроятно, уже въ то время они были связаны съ сомнительными воззрѣніями на Творца и твореніе. Во II вѣкѣ эти воззрѣнія выразились въ разныхъ формахъ гносиса и въ ученіи маркіонитовъ. Это обстоятельство не было хорошей рекомендаціей для аскетизма; напротивъ того, давало поводъ взять его подъ подозрѣніе, даже когда онъ казался безобиднымъ. Быть-можетъ, были энкратиты, которые ограничивались лишь соблюденіемъ своихъ правилъ воздержанія, но о нихъ рѣдко говорятъ, не задѣвая какой-нибудь предосудительной связи ихъ съ еретиками. Св. Діонисій Коринѳскій [2]), какъ видно, былъ очень озабоченъ этимъ направленіемъ. Св. Ириней [3]) связываетъ энкратитовъ съ Сатурниломъ, Маркіономъ и въ особенности Таціаномъ, который научилъ ихъ оспаривать спасеніе Адама и вѣрить въ эоны. Климентъ Александрійскій называетъ [4]) въ числѣ ихъ авторитетовъ нѣкоего Юлія Кассіана, автора сочиненія περὶ ἐγκρατείας ἢ περὶ εὐνουχίας. Этотъ Кассіанъ былъ проповѣдникомъ докетизма, какъ Сатурнилъ и Маркіонъ. Впрочемъ, Ипполитъ зналъ энкратитовъ, которые „мыслили о Богѣ и Христѣ, какъ церковь“; онъ не связываетъ ихъ съ Таціаномъ [5]).

Не слышно, чтобы энкратиты составили организованную общину. Были, конечно, маленькія группы, которыя собирались, чтобы совершать или принимать Евхаристію по обрядамъ своей секты. Чаще же всего они присоединялись къ другимъ христіанамъ, православнымъ или даже гностикамъ. Алкивіадъ, одинъ изъ ліонскихъ мучениковъ, кажется, нѣкоторое время былъ приверженъ къ энкратизму. Въ общемъ здѣсь дѣло идетъ не столько о вѣроученіи, сколько о правилахъ воздержанія, которыхъ можно было держаться болѣе или менѣе строго и въ силу разныхъ побужденій. Несомнѣнно, энкратитскому вліянію слѣдуетъ приписать замѣченный въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ III в. обычай совершать Евхаристію на хлѣбѣ и водѣ. Св. Кипріанъ принужденъ былъ бороться противъ него въ Африкѣ [6]). Повѣсть о мученической кончинѣ Піонія въ

---

[1]) I къ Тимоѳ., IV, 1—6.

[2]) См. выше стр. 174, 293.

[3]) *Haer.*, I, 28.

[4]) *Strom.* III, 91.

[5]) *Philos.*, VIII, 20.

[6]) *Ep.* LXIII.

Смирнѣ (250 г.) приписываетъ ему приверженность къ этому обычаю.

Энкратиты существовали еще въ IV столѣтіи. Св. Епифаній [1]) отмѣчаетъ ихъ существованіе въ большихъ городахъ, какъ Римъ и Антіохія, и въ особенности въ Малой Азіи, у подошвы Исаврійскихъ горъ, въ провинціяхъ Киликіи, Исавріи, Памфиліи, Писидіи и Фригіи. Нѣкоторые изъ нихъ, извѣстные подъ именемъ апостоликовъ или апотактитовъ, кромѣ первоначальныхъ правилъ воздержанія, соблюдали еще добровольную бѣдность. Всѣ они очень почитали апокрифическія Дѣянія апостоловъ и другія подобныя же сочиненія.

Хотя церковь и отвергла энкратитское ученіе, т. е. принципіальный отказъ отъ нѣкоторыхъ видовъ пищи и отъ половыхъ сношеній, но она допускала упражненія въ обузданіи плоти, напр., постъ,— обычай, унаслѣдованный отъ Израиля. Уже очень рано установились два постныхъ дня въ недѣлю, среда и пятница. Ермъ уже знаетъ объ нихъ; они отмѣчены въ „Ученіи св. апостоловъ". Въ эти дни вкушали пищу позднѣе обыкновеннаго и при томъ пища употреблялась болѣе скудная. Передъ Пасхой тоже соблюдался постъ и притомъ въ особенности строгій. Сперва ограниченный 1—2 днями, онъ, наконецъ, распространился на всю недѣлю, предшествующую великому празднику. Въ извѣстныхъ случаяхъ епископы налагали на свою паству чрезвычайные посты. Все это были формы общественнаго воздержанія; въ частной жизни вѣрующимъ предоставлялось поститься, какъ и когда они хотѣли.

Другой формой аскетизма было половое воздержаніе. Оно, конечно, не предъявлялось въ качествѣ обязательнаго требованія ни къ кому; однако уже очень рано были мужчины и женщины, которые съ общаго вѣдома ставили его какъ свободное сверхдолжное правило воздержанія. Они открыто заявляли себя дѣвственниками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., Оригенъ, они допускали крайности, но эти изувѣрства отвергались общимъ мнѣніемъ. Дѣвственники обоего пола не обособлялись отъ міра; они жили въ своихъ семьяхъ и принимали участіе въ обычной жизни христіанской общины. Монастыри относятся уже къ иному времени. Однако невозможно, чтобы не было какихъ-нибудь особыхъ связей между людьми, преданными одному и тому же идеалу жизни. Дѣвственники знали другъ-друга, имѣли сношенія даже съ дѣвственниками дру-

[1]) *Haer.* 46, 47, 61.

гихъ городовъ, другихъ церквей. Они до извѣстной степени предпочитали общество себѣ подобныхъ. Это дало поводъ къ злоупотребленіямъ: дѣвственницы покидали свои семьи по той или другой причинѣ и объединялись въ общины подъ покровительствомъ такого же дѣвственника, но мужчины, чѣмъ вызывали протестъ церковныхъ властей [1]).

Оставляя въ сторонѣ эти злоупотребленія, самоотреченіе, связанное съ такимъ обѣтомъ, вызывало большое уваженіе къ себѣ какъ среди христіанъ, такъ и у язычниковъ. Христіанскія дѣвственницы были гордостью церкви.

Но этотъ правовѣрный добровольный аскетизмъ былъ удѣломъ избранныхъ. Для большинства христіанъ даже общеобязательная мораль была уже довольно тягостна; обязательства, возложенныя на себя тѣми или другими лицами въ силу христіанскаго воспитанія или по свободному влеченію,—не всегда соблюдались. Проповѣдь покаянія, нашедшая еще издревле столь оригинальное выраженіе въ „Пастырѣ" Ерма, имѣетъ теперь въ виду вовсе не исключительные случаи. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ многочисленнѣе становились христіане; множились подвиги, множились и грѣхи; отсюда—все большая и большая настоятельность и разнообразіе понудительныхъ мѣропріятій церкви; развилась казуистика и скоро выработался опредѣленный институтъ покаянія, который первоначально былъ установленъ только въ общихъ чертахъ.

Основывался онъ на томъ простомъ принципѣ, что всякое общество имѣетъ право исключать изъ своей среды членовъ, существенно нарушающихъ его уставы. Христіанинъ, не соблюдавшій обязательствъ, взятыхъ на себя при крещеніи, бывалъ исключенъ изъ христіанской общины, отлученъ (excommunicatus). Въ случаѣ, если отлученный чувствовалъ раскаяніе и рѣшалъ измѣнить свое поведеніе, онъ могъ просить объ обратномъ принятіи въ церковь, и если его обращеніе казалось достаточно надежнымъ, его вновь принимали, но уже не какъ полноправнаго члена общины: его зачисляли въ особый разрядъ кающихся, подобный разряду оглашенныхъ. Какъ и эти послѣдніе, кающіеся могли присутствовать только

[1]) См. объ этомъ, кромѣ *Пира дѣвъ* Меѳодія, лжеклиментиновы посланія *ad Virgines* (къ дѣвственникамъ обоего пола). Эти посланія, отъ которыхъ до насъ дошелъ только сирійскій переводъ, повидимому, составляли сначала одно цѣлое; возможно, что имя Климента было поставлено на нихъ лишь при раздѣленіи ихъ на два посланія. Мѣсто происхожденія ихъ, кажется,—Сирія, время появленія—довольно поздняя пора III вѣка. Ср. Кипріанъ, Посл. IV.

при началѣ богослуженія; какъ и тѣ, они состояли подъ ближайшимъ надзоромъ, имѣвшимъ цѣлью провѣрить дѣйствительность ихъ раскаянія. Сверхъ того имъ нужно было выполнить покаянныя правила соразмѣрно важности ихъ грѣховъ. Если эти грѣхи были не очень важны, могло случиться, что по истеченіи большаго или меньшаго промежутка времени они совершенно возсоединялись съ церковью [1]). Тогда они занимали прежнее мѣсто въ средѣ вѣрныхъ. Но были случаи,—убійство, прелюбодѣяніе, вѣроотступничество,—когда покаяніе длилось до самой смерти. Мы видѣли выше, какъ папа Каллистъ смягчилъ это суровое правило и допустилъ къ примиренію съ церковью въ послѣднія минуты жизни лицъ, виновныхъ въ плотскихъ грѣхахъ. Правда, строгіе ревнители протестовали, въ лицѣ Тертулліана и Ипполита, но на практикѣ римскіе взгляды получили преобладаніе. Къ преднамѣренному убійству и въ особенности къ вѣроотступничеству относились строже. Послѣ гоненій, вызвавшихъ очень значительное количество отреченій отъ вѣры, стали принимать во вниманіе, какъ смягчающія обстоятельства, муки пытки, изгнаніе, заточеніе, потерю имущества, даже страхъ самъ по себѣ, и при помощи ускореннаго покаянія покончили съ создавшимся положеніемъ, которое иначе грозило чрезвычайнымъ осложненіемъ. Однако древнее правило сохранило свою силу для тѣхъ, кто безъ всякаго извинительнаго повода пятналъ себя грѣхомъ идолослуженія, въ особенности въ самой характерной его формѣ,—жертвоприношеніемъ.

На самомъ дѣлѣ не во время лишь гоненій угрожала опасность оскверниться язычествомъ. Когда власти и оставляли въ покоѣ церковь, христіанамъ все-таки приходилось жить въ средѣ, привязанной къ формамъ старой религіи. Семейныя, сосѣдскія, торговыя связи вводили въ искушеніе [2]). Нѣкоторые роды дѣятельности представляли особенно много опасностей: такъ, напр., ремесло солдата, школьнаго учителя, художника, ваятеля. Чѣмъ шире распространялось христіанство, тѣмъ больше было точекъ соприкосновенія между міромъ и христіанскимъ обществомъ. Взаимное настроеніе христіанъ и язычниковъ мало-по-малу становилось болѣе

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ это видно изъ „каноническаго“ посланія св. Григорія Чудотворца и изъ другихъ восточныхъ памятниковъ, кающіеся раздѣлялись на разряды: *внимающіе* (ἀκροώμενοι), *припадающіе* (ὑποπίπτοντες), *присутствующіе* (συστάντες).

[2]) Эльвирскій соборъ (кан. 57) говоритъ о христіанкахъ, одолжавшихъ свои одежды для украшенія языческихъ процессій.

довѣрчивымъ, въ особенности послѣ долгихъ промежутковъ спокойствія, которые разсѣивали страхи христіанъ передъ замыслами государства и страхи язычниковъ передъ опасностями христіанства. Мало было общественныхъ положеній, которыя считались бы несовмѣстимыми съ христіанствомъ, даже съ саномъ пресвитера или епископа. Св. Кипріанъ [1]) зналъ епископовъ,—и даже многихъ (*plurimi*),—которые занимали мѣста управляющихъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, путешествовали по ярмаркамъ, занимались ростовщичествомъ [2]), выселяли неплательщиковъ. Мы видѣли, какъ Павелъ Самосатскій соединялъ обязанности антіохійскаго епископа съ высокой должностью въ финансовомъ вѣдомствѣ; его противникъ Малхіонъ былъ начальникомъ „эллинской“ школы въ Антіохіи,—должность довольно необычная для пресвитера. Математикъ Анатолій, руководитель аристотелевской школы въ Александріи, былъ возведенъ въ санъ епископа. Въ концѣ III вѣка управителемъ императорскаго пурпурнаго завода въ Тирѣ былъ антіохійскій пресвитеръ. Императорскій дворецъ отъ временъ Нерона вплоть до Діоклетіана въ своихъ стѣнахъ всегда имѣлъ много христіанъ. Въ концѣ-концовъ христіане стали принимать должности не только финансовыхъ чиновниковъ, но и городскихъ и даже провинціальныхъ властей. Мало того: нашлись послѣдователи Христа, ставшіеся фламинами, т. е. языческими жрецами. Правительство въ послѣднія времена стало дотого снисходительно, что для христіанскихъ носителей этого званія упраздняло религіозныя обязанности, которыя были съ нимъ связаны. Можно было, будучи главнымъ жрецомъ Рима и Августа, не совершать никакихъ жертвоприношеній въ честь этихъ государственныхъ боговъ [3]).

Эта терпимость по истинѣ доходитъ до абсурда, съ какой бы точки зрѣнія на нее ни смотрѣть. Государство или города, допускавшіе христіанъ занимать мѣста фламиновъ, освобождая ихъ отъ обязанности приносить жертвы, становились въ противорѣчіе съ самой сущностью этого религіознаго учрежденія; это было равносильно его упраздненію. Что же касается христіанъ, соглашавшихся принимать на себя это жреческое званіе, то они, должно быть, очень широко понимали обязанности христіанскаго поведенія.

---

[1]) *De lapsis*, 6.

[2]) Эти злоупотребленія осуждены 19 и 20 канонами эльвирскаго собора.

[3]) Среди христіанъ встрѣчались актеры, гладіаторы, даже публичныя женщины и *lenones*. Нечего и говорить, что такія ремесла не пользовались терпимостью со стороны церковныхъ властей.

На соборѣ въ Эльвирѣ ихъ подвергли осужденію, но въ сущности еще очень мягкому, несмотря на его кажущуюся строгость. Ограничились тѣмъ, что выставили на видъ нѣкоторые примѣры, осудили наиболѣе важные случаи. Быть-можетъ, было бы лучше осудить цѣликомъ и безповоротно это чудовищное отступленіе отъ самыхъ основныхъ христіанскихъ принциповъ. Но, очевидно, въ концѣ III вѣка было уже слишкомъ поздно выказывать такую строгость.

Этотъ эльвирскій соборъ позволяетъ намъ, съ помощью еще нѣкоторыхъ страницъ Церковной Исторіи Евсевія, выяснить нравственное состояніе христіанскаго общества наканунѣ послѣднихъ гоненій, да и независимо отъ этого онъ оставилъ намъ чрезвычайно интересный памятникъ [1]). Если миновать смутныя преданія о проповѣди ап. Павла [2]), исторія испанской церкви въ эпоху возникновенія христіанства исчерпывается для насъ нѣсколькими разрозненными событіями, относящимися ко временамъ гоненій Деція и Валеріана. О нихъ уже говорилось выше. На соборѣ въ Эльвирѣ (*Illiberris*, Гренада) испанская церковь открывается передъ нами въ гораздо большей полнотѣ. Кромѣ двадцати епископовъ [3]), многія церкви послали туда представителями пресвитеровъ. Не всѣ сохранившіяся имена можно пріурочить къ опредѣленнымъ мѣстамъ, но они своей численностью достаточно свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ распространеніи христіанства въ Испаніи, особенно въ южныхъ областяхъ.

Соборъ доказываетъ въ то же время, что хотя въ иберійскихъ христіанскихъ общинахъ свѣтскій духъ, къ сожалѣнію, сильно развился, руководители церкви все-же не потеряли изъ виду древняго идеала и не боялись прибѣгать къ самымъ суровымъ наказаніямъ ради поддержанія евангельской нравственности. Изъ 81 канона, выражающихъ постановленія отцовъ эльвирскаго собора, 17 оканчиваются строгимъ приговоромъ: *nec in finem dandam esse communionem* (не давать причащенія даже въ концѣ жизни). Этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что испанскіе епископы обрекали виновныхъ, которыхъ касалось такое постановленіе, проклятію, ни даже въ томъ смыслѣ, что церковь вовсе исключала ихъ изъ своей среды: она допускала ихъ, но въ положеніи низшемъ, въ положеніи кающихся. Она отказывала имъ лишь въ полномъ внѣшнемъ прощеніи, предоставляя самому Богу принять ихъ раскаяніе.

---

1) Объ этомъ см. мою замѣтку *Le concile d'Elvire et les flamines chrétiens* въ *Mélanges Rénier* (1887), p. 159 и сл.

2) Что касается преданій о проповѣди ап. Іакова, то я изложилъ свой взглядъ на нихъ въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: *St. Jacques en Galice*, напечатанной въ *Annales du Midi*, t. XII (1900), p. 145.

3) А именно епископы Легіи (Астурійскій), Сарагоссы, Эмериты, Оссоновы (Фаро), Еворы, Анція (Кадиксъ), Кастула, Ментезы, Урка, Толедо, Салавіи, Эліокроки, Кордовы, Севильи, Тунка, Ипагра, Эльвиры и Малаги.

ГЛАВА XXVI.

Христіанская община.

Церкви-матери и филіальныя церкви.—Первыя церковныя митрополіи.—Развитіе іерархіи.—Общественный центръ мѣстной церкви.—Евхаристія и вечери любви.—Разряды вѣрныхъ: исповѣдники и дѣвственники.—Происхожденіе безбрачія духовенства.—Церковныя правила и „апостольскіе" сборники.—Епископы и епископатъ.—Всеобщій авторитетъ римской церкви.

Христіане соединялись, подобно тогдашнимъ да и нынѣшнимъ евреямъ, въ мѣстныя общины подъ руководствомъ іерархіи, высшія степени которой,—епископы, пресвитеры, діаконы,—вели свое происхожденіе отъ временъ апостольскихъ. Эти мѣстныя общины, церкви, были тѣсно связаны между собой; онѣ считались членами одного тѣла, обнимавшаго всю совокупность вѣрующихъ во Христа и образующаго церковь, но уже не мѣстную, а вселенную, каѳолическую.

Гдѣ были предѣлы мѣстной церкви? По какимъ основаніямъ опредѣлялась ея область? На это труднѣе, чѣмъ думаютъ, дать отвѣтъ, обнимающій всѣ разнообразные случаи. Вообще, когда церковь возникала въ главномъ городѣ муниципіи (civitas [1]), то ея область совпадала съ границами этой муниципіи. Однако это не вездѣ было такъ. Віеннскіе христіане, наприм., первоначально, кажется, были очень тѣсно связаны съ ліонскими. Въ Испаніи въ серединѣ III вѣка одинъ и тотъ же епископъ управлялъ христіанами Леона (Legio) и Асторги (Asturica), и въ теченіе многихъ вѣковъ они оставались нераздѣльными. Въ провинціи Скиѳіи, гдѣ было довольно много городовъ, никогда не было другого епископа, кромѣ какъ въ Томи [2]). Въ той части Ѳракіи, которая прилегаетъ

[1]) Civitas, административная и земская единица въ римской имперіи, обнимала округъ иногда съ нѣсколькими городами (oppidum), но съ однимъ главнымъ центромъ, представлявшимъ собою нѣчто въ родѣ нашего уѣзднаго города. Прим. перев.

[2]) При устьѣ Дуная. Прим. перев.

къ Босфору и изъ которой образована была при Діоклетіанѣ провинція „Европа" [1]), въ 431 г. было всего лишь 4 епископа, имѣвшихъ каждый въ своемъ вѣдѣніи населеніе двухъ округовъ. Александрійская церковь до начала III вѣка была единственной церковью въ Египтѣ, имѣвшей своего епископа: есть признаки, что таково же было положеніе римской церкви въ Италіи и ліонской въ кельтской Галліи. Это, разумѣется, не значитъ, что всѣ христіане въ Египтѣ, Италіи или кельтской Галліи были сосредоточены только въ Александріи, Римѣ и Ліонѣ. Они были разсѣяны почти по всей странѣ группами, которымъ удалось лишь постепенно организоваться и получить собственное церковное управленіе. Но и въ такомъ случаѣ, понятно, что филіальныя церкви не могли становиться на совершенно равную ногу съ церковью-матерью. Зависимость въ разныхъ мѣстахъ выражалась различно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новымъ общинамъ не дали той полной организаціи, какая была у родоначальной церкви; ея епископъ продолжалъ быть ихъ епископомъ; онъ управлялъ ими чрезъ посредство особаго пресвитера или даже діакона. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ городовъ было мало и младшія церкви находились въ мѣстечкахъ и деревенскихъ селеніяхъ, тамъ ихъ глава принималъ титулъ хорепископа [2]). На эльвирскомъ соборѣ выступали пресвитеры такихъ городовъ, въ которыхъ какъ-будто никогда не было епископовъ. Равнымъ образомъ на греческихъ соборахъ IV вѣка часто встрѣчаются хорепископы, обыкновенно изъ Сиріи или восточныхъ областей Малой Азіи. Даже тамъ, гдѣ всѣ мѣстныя церкви, въ большихъ и малыхъ округахъ безъ различія, имѣли каждая полную іерархію,—напр., въ Нижней Италіи, въ Африкѣ, въ Египтѣ,—ихъ епископы были всегда болѣе или менѣе подчинены епископамъ старшей церкви, отъ которой онѣ произошли.

Изъ этихъ отношеній совершенно естественнымъ путемъ выросли уже не мѣстныя, а въ извѣстной степени провинціальныя организаціи [3]). Этотъ послѣдній терминъ не слѣдуетъ однако понимать слишкомъ буквально. До Діоклетіана мы не встрѣчаемъ нигдѣ,—всего менѣе на Западѣ,—ни малѣйшаго признака, который бы указывалъ на желаніе воспроизвести въ церковныхъ организаціяхъ

[1]) Какъ-разъ противъ нея въ западной части Малой Азіи лежала провинція „Азія". Прим. перев.

[2]) Χώρα—страна, деревня. Прим. перев.

[3]) См. объ этомъ мое изслѣдованіе: „*Origines du culte chrétien*", 3 ed., p. 13 и сл.

расчлененіе имперіи на провинціи. Карѳагенскому епископу, или по крайней мѣрѣ его собору, подвѣдомственны были нѣсколько африканскихъ провинцій,—Проконсульская Африка, Нумидія, обѣ Мавританіи. Вся Италія подвѣдомственна была римской каѳедрѣ, равно какъ александрійская каѳедра являлась церковнымъ центромъ для Египта и Киренаики, хотя эти двѣ области въ гражданскомъ отношеніи не были подчинены одному и тому же управленію. Здѣсь связь церквей обязана была своимъ происхожденіемъ не административной группировкѣ областей, а обстоятельствамъ, при которыхъ распространялось евангеліе и которыя въ свою очередь опредѣлялись географическими условіями. Въ иныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ церкви по своему происхожденію были приблизительно равноправны, епископы иногда объединялись вокругъ старѣйшаго изъ нихъ по возрасту или времени посвященія. Еще во времена Марка Аврелія епископъ амастрійскій Пальмъ предсѣдательствовалъ на этомъ основаніи на собраніяхъ епископовъ части Виѳинско-Понтійской провинціи. Въ африканскихъ провинціяхъ этотъ обычай держался очень долго. За исключеніемъ Проконсульской Африки, тамъ власть митрополита никогда не присваивалась епископу главнаго въ административномъ порядкѣ города.

Эта послѣдняя система была, наоборотъ, принята почти всюду въ греческой половинѣ имперіи, но лишь послѣ того, какъ Діоклетіанъ въ концѣ III вѣка перекроилъ провинціи имперіи. Въ каждой изъ новообразованныхъ провинцій епископъ областного города оказался центромъ, вокругъ котораго объединялись извѣстныя группы епископовъ, при чемъ составъ этихъ группъ опредѣлялся границами провинціи. Это было нововведеніемъ. Правда, никейскій соборъ санкціонировалъ это дѣленіе, но и онъ вынужденъ былъ допустить нѣкоторыя исключенія, соотвѣтствовавшія раннѣйшей традиціи. На Западѣ новый порядокъ удалось ввести не безъ сопротивленія, въ особенности въ Италіи и въ Африкѣ, гдѣ древнія митрополіи,—Римъ и Карѳагенъ, — продолжали пользоваться прежнимъ почтеніемъ.

Но вернемся къ организаціи мѣстной церкви. Первоначальная іерархія вскорѣ осложнилась. Сверхъ прежнихъ степеней,—епископа, пресвитера и діакона,—возникли новыя. При этомъ неизбѣжно обнаружились различія. Въ Римѣ въ серединѣ III столѣтія было [1]) 46 пресвитеровъ, 7 діаконовъ, столько же иподіаконовъ, 42 аколуѳа [1]), 52 церковно-служителя низшихъ разрядовъ, экзорцистовъ, чтецовъ, привратниковъ [2]). Христіанское населеніе города было распредѣлено на 7 участковъ; число ихъ, повидимому, соотвѣтствовало числу діаконовъ [3]), иподіаконовъ и аколуѳовъ; на каждый участокъ приходилось по діакону, иподіакону и по шести аколуѳовъ. Кромѣ прислуживанія при литургіи, на этихъ лицахъ лежали обязанности управленія и вспомоществованія. Болѣе 1500 бѣдныхъ содержалось на счетъ общины. Что же касается экзорцистовъ, чтецовъ и привратниковъ, то ихъ обязанности имѣли болѣе спеціальное отношеніе къ богослуженію и къ приготовленію новообращенныхъ къ принятію таинства крещенія.

1) Посланіе Корнилія. Euseb. VI, 43

Центръ управленія и общественной жизни римской церкви, повидимому, въ теченіе всего III вѣка оставался внѣ городскихъ стѣнъ. Можно предполагать, что когда Константинъ помѣстилъ его въ Латеранѣ, онъ былъ перенесенъ туда съ Аппіевой дороги,—мѣстопребываніе, которое въ свою очередь ранѣе замѣнило собою другое на Саларіевой дорогѣ. Однако въ городѣ было уже извѣстное количество христіанскихъ учрежденій. То же было въ Александріи, гдѣ пресвитеры, кажется, уже въ довольно раннюю пору были пріурочены къ опредѣленнымъ церквамъ и пользовались большей самостоятельностью, чѣмъ въ Римѣ.

Внѣ большихъ городовъ у христіанъ обыкновенно были только два учрежденія [4]),—кладбище и церковный домъ. Кладбище было мѣстомъ погребенія; оно было частнаго характера, предназначалось для однихъ только членовъ общины. Что же касается церковнаго дома, то онъ служилъ мѣстомъ жительства епископу, и тамъ же помѣщалась его канцелярія; здѣсь принимали пріѣзжихъ христіанъ; часто также въ немъ давали пріютъ больнымъ. Здѣсь, въ большой залѣ, къ которой примыкалъ дворъ съ портикомъ, собирались христіане для богослуженія; въ глубинѣ ея, въ абсидѣ, возсѣдалъ епископъ со своей коллегіей пресвитеровъ. Столъ, или алтарь, служилъ для соверше-

1) Аколуѳы—1-я изъ 4-хъ низшихъ степеней клира въ Западной церкви. Ихъ обязанность состояла преимущественно въ возженіи свѣчъ въ храмѣ. Прим. перев

2) Тѣ же должности, кромѣ привратника, около того же времени существовали и въ Карѳагенѣ, какъ это видно изъ переписки св. Кипріана.

3) Въ другихъ церквахъ тоже встрѣчается седмеричное число діаконовъ, безъ сомнѣнія въ память семи „діаконовъ" въ Іерусалимѣ (Неокесар. соборъ, кан. 15).

4) Это вытекаетъ изъ документовъ объ отобраніи церквей въ 303 г. Впрочемъ точно разобраться въ этомъ вопросѣ—невозможно. Преданіе относило нѣкоторыя пресвитерскія церкви IV в. къ весьма отдаленнымъ временамъ. Въ общемъ правдоподобныя, преданія эти не представляютъ никакого ручательства за ихъ достовѣрность въ частностяхъ.

нія Евхаристіи; съ возвышенія (амвона) велись чтенія, которыя тогда составляли важную часть богослуженія.

Евхаристія всегда оставалась главнымъ богослужебнымъ дѣйствіемъ. Первоначально ее совершали въ заключеніе общей трапезы. Это—то, что мы называемъ агапами (вечери любви). Во II вѣкѣ [1]) агапа была уже отдѣлена отъ Евхаристіи и происходила вечеромъ, тогда какъ Евхаристія совершалась на утреннихъ собраніяхъ. Общія трапезы, какъ бы ни были скромны, были доступны только тѣсному кругу. Когда церкви обратились въ многолюдныя общества, было бы трудно устраивать такіе обѣды и поддерживать на нихъ полный порядокъ. Однако агапа удержалась, но уже не столько какъ дѣйствительное выраженіе общинной жизни, сколько какъ память о прошломъ и какъ средство вспомоществованія. Немного спустя на нихъ стали являться уже только бѣдняки и члены клира, да и эти послѣдніе участвовали на нихъ скорѣе по обязанности, чѣмъ по охотѣ. Агапы не совершались съ такой правильной періодичностью, какъ обычная литургія, становились все болѣе рѣдкими и, наконецъ, совсѣмъ вышли изъ употребленія [2]).

Въ общинныхъ собраніяхъ духовенство замѣтно выдѣлялось изъ общей массы вѣрныхъ. Кромѣ него особую категорію составляли лишь оглашенные, не получившіе еще благодати, и кающіеся, утратившіе ее. Однако вскорѣ стали занимать особое положеніе исповѣдники и люди, добровольно налагавшіе на себя обѣтъ воздержанія. Мы видѣли, какъ свысока относились исповѣдники къ своимъ духовнымъ властямъ въ Люнѣ и въ Африкѣ. То обстоятельство, что они не отреклись отъ Христа и пострадали за вѣру, давало имъ право на вспомоществованіе, на церковныя должности и въ особенности на общественное уваженіе. Они этимъ злоупотребляли [3]). Всѣ налагавшіе на себя обѣтъ воздержанія, въ особенности дѣвственники, имѣли не менѣе высокое мнѣніе о своихъ заслугахъ. Общественное мнѣніе поддерживало ихъ въ этомъ убѣжденіи. Въ храмѣ имъ отводили особыя мѣста. Тѣмъ, кто въ рѣчахъ и въ книгахъ восхвалялъ ихъ подвигъ, удалось, правда, удержаться на право-

1) См. извѣстное описаніе агапы у Тертулліана. *Apolog*, 39.
2) Похоронныя агапы, или трапезы, представляютъ совсѣмъ другое; ихъ надо считать похороннымъ обычаемъ дохристіанскихъ временъ, котораго церковь не трогала, пока онъ не выродился въ безчинство. Но тогда уже не такъ-то легко было его искоренить.
3) Помимо уже указанныхъ фактовъ, см. кан. 25 эльвирск. собора.

славной точкѣ зрѣнія, не поддаваться дуалистическому міровоззрѣнію и не позволять себѣ полнаго порицанія сотвореннаго міра,— однако неизбѣжное сравненіе между дѣвственностью и бракомъ слишкомъ легко вело къ подрыву послѣдняго. Люди, одушевленные самыми лучшими намѣреніями, рисковали въ этомъ вопросѣ перейти границу.

Такое положеніе вещей было не лишено опасностей для церковнаго порядка вообще. Будучи сами о себѣ высокаго мнѣнія и подъ вліяніемъ похвалъ, исповѣдники и дѣвственники имѣли наклонность образовать въ христіанскомъ обществѣ аристократію, которая могла бы оспаривать у іерархіи право на управленіе церковію [1]). Мы впослѣдствіи увидимъ, какой оборотъ приняло дѣло и каковъ былъ выходъ изъ этого положенія. Еще ранѣе IV вѣка оно принесло съ собой одно важное послѣдствіе,—появленіе безбрачія въ духовенствѣ. Съ раннихъ поръ христіанское общественное мнѣніе предъявило въ этомъ отношеніи довольно строгія требованія, и духовенство поняло, что оно должно принять ихъ во вниманіе, подъ страхомъ подорвать въ противномъ случаѣ собственное вліяніе. Дѣйствительно, разъ было признано, что дѣвственность болѣе совершенное состояніе, чѣмъ брачная жизнь, какъ было не потребовать отъ духовенства, чтобы оно пополнялось изъ лицъ болѣе совершенной категоріи и держалось ихъ образа жизни?

Въ Римѣ во время Каллиста и Ипполита ригористы воспрещали бракъ духовнымъ лицамъ [2]) подъ страхомъ лишенія сана. Эльвирскій соборъ (кан. 33) пошелъ дальше: онъ запретилъ всѣмъ членамъ клира продолжать жить въ бракѣ, заключенномъ до посвященія. Этотъ законъ примѣнялся въ Римѣ въ концѣ IV в., но лишь къ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ. Трудно сказать въ точности, каковъ былъ оффиціально принятый обычай ранѣе гоненія Діоклетіана. На Востокѣ дѣйствующій нынѣ съ давнихъ поръ порядокъ также сложился лишь постепенно. Въ ту эпоху, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, по памятникамъ нельзя установить никакого однообразнаго порядка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [3]) встрѣчаются пожеланія, чтобы епископъ былъ нежена-

1) Уже св. Игнатій Антіохійскій—*Ad Polyc.*, 5—предостерегаетъ дѣвственниковъ не тщеславиться своимъ званіемъ и въ особенности не мнить себя выше епископовъ.
2) Σἴ τις ἐν κλήρῳ ὢν γαμοίη (*Philosophum.*, IX, 12).
3) Правила св. апостоловъ.

тымъ или чтобы онъ жилъ съ женой, какъ братъ съ сестрой, и чтобы пресвитеры соблюдали тоже извѣстную воздержность въ супружескихъ сношеніяхъ. Въ другихъ мѣстахъ [1]) какъ-будто неохотно посвящаютъ въ духовный санъ неженатыхъ лицъ. Наконецъ, встрѣчаются мѣста [2]), гдѣ никому даже не приходитъ въ голову, что духовенство въ отношеніи брака должно держаться иначе, чѣмъ міряне. Это разногласіе показываетъ, что институтъ безбрачія духовенства только еще зарождается.

Мало-по-малу порядокъ дѣлался устойчивѣе. Обычаи, либо унаслѣдованные отъ первыхъ основателей, либо введенные постепенно, по требованію обстоятельствъ, становились въ концѣ-концовъ въ глазахъ каждой церкви священными, обращались въ церковныя правила. Обычаи большихъ, родоначальныхъ церквей, обладавшихъ болѣе древними преданіями и болѣе разностороннимъ опытомъ, влекли къ подражанію младшія или менѣе значительныя церкви. Эти главнѣйшія церкви на самомъ дѣлѣ, кажется, вовсе и не думали сговариваться между собою [3]), но изъ этого не произошло слишкомъ большого разнорѣчія. Благодаря частымъ сношеніямъ, благодаря также тому, что всѣ церкви въ своемъ развитіи исходили изъ однихъ изъ тѣхъ же началъ и росли приблизительно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, всюду установился довольно однообразный порядокъ.

Церковныя власти не спѣшили закрѣпить его письменными постановленіями. На Никейскомъ соборѣ и позже шла рѣчь о правилахъ, канонахъ, но эти слова обозначаютъ лишь обычно принятый порядокъ, независимо отъ того, выраженъ ли онъ въ опредѣленныхъ положеніяхъ. Однако съ конца III вѣка появляются книжки, въ которыхъ собрано и распредѣлено по содержанію извѣстное количество правилъ, касающихся іерархіи, богослуженія, дисциплины, вмѣстѣ съ общими предписаніями христіанской нравственности. Эти безымянные для насъ сборники правилъ выпускались большею частью отъ имени апостоловъ. Мы уже говорили объ одномъ такомъ сборникѣ, чрезвычайно древней книгѣ, озаглавленной *Ученіе* (Διδαχή) *апостоловъ*. Вѣроятно къ эпохѣ III вѣка относятся *Правила святыхъ апостоловъ* [4]), *Дидаскалія апостоловъ* [1]), *Каноны Ипполита* [2]). Этотъ послѣдній сборникъ, повидимому, имѣетъ связь съ Римомъ; Правила апостоловъ, кажется, появились въ Египтѣ; что же касается Дидаскаліи, то съ нею мы переносимся въ сирійскія страны. Не слѣдуетъ смотрѣть на эти сборники какъ на безусловно точное выраженіе дѣйствительно господствовавшей дисциплины. Поскольку составители ихъ были непосредственными свидѣтелями извѣстнаго церковнаго порядка, ихъ показанія являются надежными, но у насъ нѣтъ никакой гарантіи за то, что эта дисциплина въ различныхъ мѣстностяхъ не осуществлялась сообразно частнымъ взглядамъ и желаніямъ. Эти маленькія книжки служили выраженіямъ общераспространеннаго убѣжденія, что всѣ добрые обычаи и полезныя учрежденія церкви шли отъ апостоловъ. Это же убѣжденіе въ иныхъ видахъ встрѣчается у всѣхъ христіанскихъ писателей, бравшихся обсуждать устройство церкви. Въ III вѣкѣ не слышно уже о харисматикахъ, о пророкахъ, о странствующихъ учителяхъ. Со времени крушенія монтанизма и гносиса, іерархія стала рѣшительно всѣмъ. Епископы служили посредствующимъ звеномъ цѣпи, связывавшей церковь съ апостолами; они хранили преданія и обладали властью; они одни были уполномочены толковать ученіе церкви и руководить обществомъ вѣрныхъ.

Это положеніе ясно выражалось въ мѣстной іерархіи. Правильно поставленный въ силу избранія паствы и епископскаго посвяще-

---

[1]) Каноны Ипполита.

[2]) Дидаскалія апостоловъ.

[3]) Отсюда возникали такія непріятности, какъ споръ о праздновaніи Пасхи и распря изъ-за крещенія еретиковъ.

[4]) Этотъ сборникъ носитъ разныя названія: „Правила отъ Климента“ (Διαταγαὶ αἱ διὰ Κλήμεντος), „Церковные каковы св. апостоловъ“, *Duae Viae vel Judicium secundum Petrum*. До насъ дошелъ первоначальный текстъ, не разъ издававшійся. См. въ частности Hilgenfeld—*Novum Testamentum extra canonem receptum*, fasc. 4.

---

[1]) Дидаскалія сперва была найдена лишь въ сирійскомъ переводѣ, изданномъ въ 1855 г. Лагардомъ (*alias* P. Bötticher). Отрывки латинскаго перевода недавно были открыты въ Веронѣ Hauler'омъ, который началъ издавать ихъ подъ заглавіемъ: *Didascaliae apostolorum fragmenta Veronensia latina*, Leipzig, 1900. Французскій переводъ сирійскаго текста изданъ F. Nau—*Le Canoniste contemporain*, 1901—1902. Нѣмецкій переводъ съ примѣчаніями Achelis'а и Flemming'а въ *Texte und Unters*, t. XXV (1904). Апостольская Дидаскалія послужила впослѣдствіи ядромъ для подобнаго же сборника: *Апостольскія Постановленія* (Constitutiones), шесть первыхъ книгъ котораго представляютъ лишь очень расширенную переработку Дидаскаліи.

[2]) О Канонахъ Ипполита см. изданіе Ахеллиса въ *Texte u. Unters*, t. VI (1891); я перепечаталъ ихъ въ приложеніи къ моему труду: *Origines du culte chrétien*. Первоначальный греческій текстъ утраченъ; до насъ дошелъ только арабскій переводъ, который въ свою очередь сдѣланъ съ коптскаго перевода. Латинскій переводъ былъ сдѣланъ съ арабскаго. Въ своемъ выдающемся трудѣ: *Die Apostolischen Konstitutionen*, Rottenburg, 1891, Funk, всѣмъ извѣстный по своимъ кропотливымъ изслѣдованіямъ и точной освѣдомленности въ этихъ вопросахъ, по-моему, слишкомъ далеко относитъ время составленія Кановновъ Ипполита, а именно къ V вѣку.

нія, полученнаго либо отъ родоначальной церкви, либо отъ сосѣднихъ епископовъ, епископъ былъ неоспоримымъ главою своей церкви. Паствѣ оставалось только слѣдовать за нимъ, чтобы быть увѣренной, что она стоитъ на вѣрномъ пути.

Но какъ выше мѣстной церкви стояла вселенская церковь, такъ надъ епископомъ стоялъ епископатъ. Понадобилось немало времени, пока нашли для этого взгляда надлежащую форму выраженія. Раньше Константина церковь не знала вселенскихъ соборовъ,— учрежденіе, которое, надо сказать, всегда было очень трудно привести въ дѣйствіе и которому такъ и не удалось войти въ число регулярныхъ органовъ церковной жизни.

Епископатъ былъ представленъ, когда дѣло шло о текущихъ нуждахъ, группою сосѣднихъ епископовъ или старшимъ епископомъ, когда таковой былъ въ странѣ. Такъ, для выбора и посвященія новыхъ епископовъ прибѣгали къ содѣйствію епископовъ ближайшихъ церквей; въ Италіи или Египтѣ—къ римскому или александрійскому епископу. Въ нѣкоторыхъ странахъ епископы обширной области съѣзжались на соборъ регулярно каждый годъ или даже два раза въ годъ. Собираясь такимъ образомъ, областной епископатъ разрѣшалъ споры, законодательствовалъ, когда возникали новые вопросы, и въ случаѣ надобности принималъ дисциплинарныя мѣры противъ тѣхъ своихъ членовъ, которые нарушали свои обязанности.

Выше этой провинціальной организаціи уже не было, собственно говоря, ничего, кромѣ очень живого чувства всехристіанскаго единства и признанія особаго авторитета за римской церковью. Послѣдній скорѣе чувствовался, чѣмъ былъ точно выраженъ; чувствовался, во-первыхъ, самими римлянами, которые со времени св. Климента ни разу не уклонились отъ исполненія своего долга передъ христіанскимъ міромъ; чувствовался также и прочими, поскольку это чувство не сталкивалось со спеціальными интересами того или другого момента. Проявляя свой нравственный авторитетъ, римская церковь при полной неопредѣленности такихъ проявленій то содѣйствовала, то становилась помѣхой заинтересованнымъ сторонамъ. Пока она имъ не противорѣчила, у людей не хватало словъ для выраженія своего энтузіазма и уваженія, какое она имъ внушала, даже покорности, которую они считали для себя обязательной по отношенію къ ней. Во время же распри, какъ это обнаружилось, напр., во времена папъ Виктора и Стефана, прерогативы каѳедры св. Петра становились менѣе безспорными. Но въ

обычномъ ходѣ вещей обширная христіанская община столицы міра, возникшая съ самаго основанія церкви, освященная пребываніемъ въ ней и мученической кончиной апостоловъ Петра и Павла, сохранила за собой свое древнее положеніе общаго центра всего христіанства и, если можно такъ выразиться, евангельской столицы; къ ней непрестанно были обращены благочестивые взоры и мірянъ, и пастырей; вездѣ интересовались тѣмъ, что у нея дѣлалось, какое ученіе въ ней преподавалось, въ случаѣ надобности ее посѣщали. Основатели новыхъ религіозныхъ ученій старались добиться у нея признанія или даже овладѣть ея вселенскимъ авторитетомъ, пытаясь оказать вліяніе на ея предстоятелей. Ея благотворительность, опиравшаяся на довольно значительное уже богатство, не оставляла безъ помощи во время гоненій или обычныхъ бѣдствій самыхъ отдаленныхъ областей, какъ Каппадокія и Аравія. Она внимательно слѣдила за богословскими спорами, волновавшими другія страны; она не поколебалась призвать Оригена къ отчету въ странныхъ крайностяхъ его экзегетики и вернуть къ православному образу мыслей могущественнаго примаса Египта. Положеніе ея въ христіанствѣ было настолько очевидно, что язычники вполнѣ ясно понимали его. Разбирая споръ двухъ соперниковъ по антіохійской каѳедрѣ, имп. Авреліанъ тотчасъ же рѣшилъ, что настоящій епископъ—тотъ, кого признаетъ римскій епископъ.

Однако, повторимъ еще разъ, эти отношенія недостаточно опредѣленны. Въ то недалекое уже тогда время, когда обнаружились силы, стремившіяся оторваться отъ центра, пришлось пожалѣть, что организація вселенской церкви не получила такого же полнаго развитія, какъ организація помѣстныхъ церквей. Единство церкви отъ этого пострадало.

ГЛАВА XXVII.

Противники христіанства въ концѣ III вѣка.

Всеобщій упадокъ языческихъ религій.—Религія Митры.—*Magna Mater* и тавроболы.—Авреліанъ и культъ Солнца. Неоплатонизмъ; Плотинъ.—Порфирій и его сочиненіе противъ христіанства.—Манесъ и манихейство.—Конецъ гностицизма.—Раввинское іудейство.

III вѣкъ былъ для римскаго міра критическимъ временемъ въ религіозномъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Послѣ долгаго мира и блестящаго процвѣтанія эпохи Антониновъ имперія вновь вернулась къ гражданскимъ войнамъ, къ смѣнѣ безумныхъ или недолговѣчныхъ государей, къ политическимъ убійствамъ, къ военнымъ переворотамъ. Въ довершеніе бѣдствій защита границъ ослабѣла, провинціи подвергались непріятельскимъ нашествіямъ, восточные и сѣверные варвары хлынули всюду. Порой чья-нибудь твердая рука возстановляла порядокъ, но это никогда не было надолго. При каждой передышкѣ чувствовался упадокъ, истощеніе силъ, всеобщее разстройство римскаго государственнаго зданія. Взоры отъ печальной земли обращались къ небу, ибо надъ богами больше не смѣялись, и сами философы стали религіозны. Но небо было полно загадокъ. Старыя римскія и греческія божества удержались только въ миѳологическихъ книгахъ; все въ большее пренебреженіе впадалъ и постепенно исчезалъ ихъ культъ, разумѣется, за исключеніемъ деревень, всегда крѣпко держащихся старыхъ обычаевъ. Въ религіи Рима и Августа только и было существеннаго, что общественныя игры, для которыхъ она служила предлогомъ. Восточные боги еще держались; у Изиды и Сераписа были свои почитатели; еще больше было ихъ у алтарей сирійскихъ боговъ: Юпитеръ изъ ДолихеиНоммагенской, сирійская богиня Іераполя, пресловутый эмезскій богъ, Ваалбекъ въ Геліополѣ не потеряли своей популярности. Однако самыхъ распространеннымъ изъ всѣхъ иностранныхъ культовъ было поклоненіе Митрѣ. На немъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

1. Культъ Митры [1]).

Главнымъ національнымъ божествомъ персовъ былъ богъ неба Агура-Мазда (Ормуздъ), вмѣстѣ съ которымъ воздавали поклоненіе Митрѣ, богу свѣта, Анагитѣ, богинѣ земли, и разнымъ другимъ божествамъ. Жертвоприношенія, возліянія и молитвы передъ неугасимымъ огнемъ составляли богослуженіе этой религіи, которая была чрезвычайно проста, пока не подверглась переработкѣ Зороастра и не осложнилась мелочной обрядностью, какою проникнута Авеста [2]).

Расширяясь къ западу, персидская монархія содѣйствовала распространенію этой религіи. Прежде всего она появилась въ Вавилонѣ, гдѣ давно уже укоренилось поклоненіе свѣтиламъ небеснымъ и была въ ходу магія. Тамъ она соединилась съ чуждыми ей элементами, къ которымъ она такъ или иначе приспособилась; далѣе она проникла въ восточныя области Малой Азіи, Арменіи, Понта, Каппадокіи и Киликіи. Здѣсь она пустила прочные корни, хотя и не вытѣснила окончательно прежнія религіи. На закатѣ IV вѣка въ Каппадокіи было мало округовъ, гдѣ не нашлось бы маговъ съ ихъ странными обрядами и священными огнями. Въ этомъ удостовѣряетъ св. Василій [3]); еще позднѣе Ѳеодоръ Мопсуестскій счелъ долгомъ направить противъ нихъ цѣлый трактатъ [4]).

Если бы Митридату, собравшему подъ своей властью всѣ военныя силы этихъ странъ, удалось одолѣть римлянъ, надо полагать, что персидская религія или по крайней мѣрѣ поклоненіе тому богу, имя котораго онъ носилъ, проникло бы очень далеко на западъ. Случилось иначе, но Ормуздъ и Митра все-же сохранили то положеніе, которое уже завоевали въ этихъ краяхъ. Римляне долго оставляли эти страны подъ властью туземныхъ царьковъ, не пытаясь ввести тамъ новыя политическія или религіозныя учрежденія. Однако, въ концѣ-концовъ и онѣ были ассимилированы. Къ концу перваго вѣка отъ Р. Х. Малая Азія была присоединена къ имперіи вплоть до рѣки Евфрата. Тамъ введено было обычное

---

[1]) Самый солидный трудъ, касающійся культа Митры,—Franz Cumont'a: *Textes et monuments figureés relatifs au culte de Mithra*, 2 vol in 4⁰. Bruxelles, 1896—1899.

[2]) Священная книга иранцевъ. Прим. перев.

[3]) *Ep.*, 258, *ad Epiph.*

[4]) Περὶ τῆς ἐν Περσίδι μαγικῆς (О персидской магіи), содержаніе котораго передаетъ Фотій, *cod.* 81.

провинціальное управленіе; сюда явились римскіе чиновники и поставлены были римскія войска.

Съ этого-то времени въ римской имперіи сталъ распространяться маздеизмъ въ томъ видѣ, который мы называемъ культомъ Митры. Многіе солдаты были родомъ изъ Понта и Каппадокіи или жили тамъ подолгу. Благодаря торговлѣ рабами многіе туземцы развозились по всей имперіи, попадали въ Римъ, гдѣ часто выдвигались на разныхъ служебныхъ поприщахъ. Подъ этими вліяніями культъ Митры распространился съ поразительной быстротой вдоль всей римской военной границы отъ устьевъ Дуная до устьевъ Рейна и даже до далекой Британніи. Въ Испаніи и въ Африкѣ, въ окрестности стоянокъ легіоновъ, онъ очень скоро сталъ извѣстенъ такъ же, какъ и Римѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи. Однако греческія области по обоимъ берегамъ Эгейскаго моря отстояли своихъ боговъ противъ конкурренціи мидійскаго пришельца. То же случилось въ Сиріи и въ Египтѣ.

Богослуженіе Митры совершалось братствами и отправлялось въ подземельяхъ, въ глубинѣ которыхъ было помѣщено изваяніе Митры, убивающаго быка. Богъ, облеченный въ персидскую одежду, выдѣлялся изъ глубины пещеры, выдолбленной въ природной скалѣ,—символѣ небеснаго свода, откуда нисходитъ свѣтъ небесный [1]). Онъ держитъ за рога быка, котораго закалываетъ,—совершеннѣйшее жертвоприношеніе. съ которымъ было связано сказаніе о сотвореніи міра. Эти таинства (мистеріи) и многія другія были постепенно открываемы посвященнымъ, которые дѣлились на семь разрядовъ, съ особымъ названіемъ для каждаго. Эти различныя степени были: Вороны, Тайные (cryphii), Воины, Львы, Персы, Вѣстники Солнца, Отцы. Глава Отцовъ назывался *Отецъ Отцовъ*. При переходѣ изъ одного разряда въ другой приходилось продѣлывать странные обряды, довольно похожіе на франкмасонскіе.

Судя по размѣрамъ святилищъ, посвященныхъ въ каждомъ товариществѣ было немного, но такихъ товариществъ было немало; въ Римѣ насчитывалось до 60 капищъ Митры. Этотъ культъ пользовался благосклонностью императоровъ, очевидно, вслѣдствіе того, что былъ такъ распространенъ въ войскахъ. Въ III вѣкѣ, когда императоры все болѣе и болѣе стремились походить на восточныхъ самодержцевъ и по существу, и по внѣшности, всѣ персидскіе обычаи прививались къ римскому двору, религіозные,

[1]) Отсюда ходячее выраженіе θεὸς ἐκ πέτρας (богъ изъ скалы).

какъ и всѣ прочіе. Впрочемъ Митра легко уживался бокъ-о-бокъ съ другими божествами, и поклоненіе ему нисколько не стѣсняло другихъ культовъ.

Теперь уже невозможно за недостаткомъ данныхъ опредѣлить въ точности, въ чемъ занесенный изъ Малой Азіи культъ Митры отличался отъ первобытной персидской религіи, которая сама намъ мало извѣстна, или зороастровой, какъ она намъ представлена въ Авестахъ. Уже нѣсколько видоизмѣненный въ Вавилонѣ, онъ поддался далѣе вліянію греческаго политеизма; сближены были многія божества обѣихъ религій: Ормуздъ оказывался Зевсомъ, такимъ же богомъ неба, какъ и онъ; Анагита была сродни либо Венерѣ, либо Цибелѣ; то же дѣлалось и по отношенію къ прочимъ богамъ [1]). Самъ Митра нашелъ себѣ олицетвореніе въ обожествленномъ Солнцѣ, и это послужило къ его выгодѣ, когда подъ дѣйствіемъ разныхъ вліяній культъ Солнца пріобрѣлъ въ теченіе III вѣка первостепенное значеніе.

Не менѣе посчастливилось тому культу, какой получился изъ соединенія митріакизма со старымъ оффиціальнымъ культомъ *Великой Матери* (*Magna Mater*). Въ святилищахъ Митры не было мѣста женщинамъ; религія Митры была предназначена для мужчинъ; это была воинствующая религія, гдѣ люди были сплочены подъ начальствомъ бога для вѣчной борьбы съ духами зла. Въ торжествахъ въ честь фригійской богини могли принимать участіе и женщины. Благодаря этому персидская религія сдѣлалась доступной и имъ.

Съ культомъ Цибелы связанъ отвратительный обрядъ тавробола. Тотъ, кто подвергался ему, спускался въ яму, слегка прикрытую досками, на которыхъ закалали быка. Дымящаяся кровь жертвы лилась на голову и тѣло посвящаемаго, который этимъ возліяніемъ очищался отъ нравственной скверны.

Связь съ такими культами могла дѣлать маздеизмъ привлекательнымъ для людей, привыкшихъ къ грубымъ обрядамъ восточнаго язычества; но она, несомнѣнно, подрывала его въ глазахъ тѣхъ, кому претили эти безобразныя церемоніи и кто болѣе или менѣе сознательно стремился къ чистому культу и къ единобожію. Однако религія Митры, если обратить вниманіе на нѣкоторыя

[1]) Даже Сатурну, отцу и предшественнику Зевса, нашли двойника въ Зерванѣ, олицетворенномъ времени, которымъ иранскій пантеонъ обогатился, кажется, въ Вавилонѣ.

черты ея теологіи, на ея мораль, обряды, ученіе о конечной цѣли міра, представляетъ замѣчательное сходство съ христіанствомъ. Сами христіане замѣтили это [1]). Посредникъ между міромъ и высшимъ божествомъ, создатель и въ нѣкоторомъ смыслѣ искупитель человѣчества, споспѣшникъ всего добраго, воинствующій противникъ злыхъ силъ, Митра представляетъ нѣкоторое сходство съ Логосомъ, создателемъ и другомъ людей. Поклонники Митры, такъ же какъ послѣдователи Христа, считали душу безсмертной и ожидали воскресенія тѣла. Тѣсно связанные своей вѣрой, митріасты вступали въ братство черезъ обрядъ крещенія; другіе ихъ обряды очень напоминаютъ конфирмацію и причащеніе. Въ обѣихъ религіяхъ чтили воскресенье,—день Солнца. 25-е декабря, *natale Solis invicti* (день рожденія непобѣдимаго Солнца) было праздникомъ для митріастовъ [2]), этотъ же день сдѣлался и христіанскимъ праздникомъ; у Митры были свои аскеты обоего пола, совсѣмъ какъ въ христіанской церкви.

Но у Митры не было ничего подобнаго ни Библіи, ни личности Іисуса Христа. Авеста—не его произведеніе; какъ миѳическое божество, олицетворявшее одинъ изъ элементовъ видимаго міра, Митра не имѣлъ связи съ землей. Самыя искусныя толкованія не могли сдѣлать изъ него чего-нибудь большаго, чѣмъ греческіе боги Аполлонъ, Зевесъ и др. Конечно, за нимъ стоитъ Ормуздъ со своимъ пантеономъ боговъ, который можно свести къ единству, но это не создаетъ ему никакого преимущества передъ греческимъ пантеономъ. Не говоря уже объ евреяхъ и христіанахъ, имѣвшихъ иныя основанія отвергать его, сами язычники должны были говорить себѣ, что всѣ боги стоятъ другъ-друга, не стоитъ мѣнять боговъ своихъ предковъ и унижать себя поклоненіемъ богамъ варваровъ и враговъ имперіи. Такъ разсуждали греки, египтяне и сирійцы. Въ военныхъ округахъ по Рейну, Дунаю, въ горахъ Атласа митріакская проповѣдь имѣла, правда, громкій успѣхъ во II вѣкѣ нашей эры, но это потому, что она не встрѣтила тамъ никакого сопротивленія на религіозной почвѣ. Когда христіанскіе проповѣдники дошли до этихъ странъ, маздеизмъ сейчасъ же сталъ падать. Въ Римѣ Митра и Цибела сохранили свое положеніе до очень поздняго времени: на нихъ былъ произведенъ послѣдній натискъ

1) См. въ особенности Iustin. *Apol.*, I, 66; Tertull. *De baptismo*, 5, *de Corona*—15, *Praescr.*, 40.

2) Однако *Sol invictus* почитался не одними лишь митріастами; другія религіозныя братства тоже почитали его.

побѣдоноснаго христіанства. Въ 390 году еще совершали тавроболъ въ Ватиканѣ, у самыхъ дверей базилики ап. Петра.

Культъ Митры былъ, собственно говоря, поклоненіемъ солнцу; въ этомъ онъ былъ сходенъ съ сирійскими культами. Они вмѣстѣ представляли почти все, что еще сколько-нибудь было живо въ народномъ язычествѣ. Очевидно, по этому соображенію императрица Юлія Домна и ея литературный кружокъ стали прямо или косвенно пропагандировать религію Солнца, какъ самаго естественнаго символа божества.

За эту же мысль взялся впослѣдствіи императоръ Авреліанъ, какъ только ему удалось умиротворить внутреннія области имперіи и возстановить ея границы. Онъ, разумѣется, не пытался закрывать храмы Юпитера и Весты, но водрузилъ рядомъ съ ними новое святилище Солнцу, великолѣпное зданіе котораго вскорѣ появилось на Марсовомъ полѣ, на востокъ отъ Фламиніевой дороги. Для служенія въ немъ была учреждена новая коллегія жрецовъ съ тѣми же привиллегіями, какими пользовалась древняя корпорація жрецовъ Весты. Повидимому, императоръ хотѣлъ предоставить умереть естественной смертью устарѣлымъ богамъ, которымъ поклонялись Нума и Тарквиніи, отливая въ то же время въ форму государственнаго культа религіозное одушевленіе, привлекавшее людей къ высшему божеству, олицетворенному въ великомъ небесномъ свѣтилѣ. Не надѣялся ли онъ такимъ образомъ остановить побѣдоносное шествіе христіанства? Все говоритъ въ пользу этого предположенія, ибо строитель храма Солнца немедленно послѣ того предпринялъ гоненіе на церковь, и если бы смерть не помѣшала ему, онъ принесъ бы новому богу новыя жертвы.

Послѣ него культъ Солнца удержался въ числѣ государственныхъ религій, но, повидимому, имѣлъ мало вліянія на теченіе событій.

2. Неоплатонизмъ.

Гораздо болѣе серьезное движеніе представляетъ неоплатонизмъ. Родоначальникъ этого теченія, Аммоній Саккъ, былъ преподавателемъ въ Александріи во времена императоровъ изъ дома Северовъ. На его лекціяхъ собирался небольшой, но чрезвычайно разнообразный кругъ слушателей. Здѣсь можно было встрѣтить и христіанъ, какъ Ираклъ и Оригенъ. Знаменитый риторъ Лонгинъ тоже посѣщалъ эту школу съ другимъ Оригеномъ и нѣкіимъ Ге-

реніемъ, но извѣстнѣйшимъ ученикомъ Аммонія былъ Плотинъ, родомъ изъ Ликополя въ Верхнемъ Египтѣ. Плотинъ вступилъ въ школу Аммонію около того времени (232 г.), когда Оригенъ покинулъ Александрію и переселился въ Палестину. Послѣ смерти своего учителя (ок. 243 г.) онъ принялъ участіе въ походѣ императора Гордіана противъ персовъ, желая познакомиться съ ученіями персидскихъ и индійскихъ мудрецовъ. Походъ не удался; вернувшись съ востока, Плотинъ поселился въ Римѣ, гдѣ вокругъ него тотчасъ же собралась кучка учениковъ. Среди нихъ называютъ тосканца Гентиліана Амелія, палестинца Павлина, поэта Зотика, врача Зеѳа родомъ изъ Аравіи, и Кастриція, владѣльца помѣстья близъ Минтурнъ, гдѣ учитель проводилъ лѣто; наконецъ, знаменитаго Порфирія, родомъ тирянина, который написалъ біографію и издалъ сочиненія Плотина. Его лекціи посѣщались сенаторами; самъ императоръ Галліенъ и его жена Салонина иногда присутствовали на нихъ. Они обѣщали свое покровительство проекту основать въ Кампаніи колонію, которая должна была примѣнить въ своей жизни принципы платонизма, но этотъ проектъ не осуществился. Плотинъ умеръ въ 270 г.; это былъ философъ, проводившій на дѣлѣ свое ученіе, подвергавшій себя лишеніямъ, пренебрегавшій свѣтомъ и литературой. Его ученики почитали его какъ святого; его лекціи чаще всего обращались въ бесѣды; всякая забота о литературности была откинута, и когда онъ на склонѣ дней (ок. 263 г.), принялся писать, онъ не обращалъ никакого вниманія ни на свой слогъ, ни на правописаніе. Да впрочемъ онъ и писалъ только отрывками. Одному изъ послѣднихъ поступившихъ къ нему учениковъ, Порфирію, онъ поручилъ собрать и издать ихъ. Они носятъ названіе *Эннеадъ* [1]). Въ видѣ предисловія къ этому сборнику Порфирій помѣстилъ біографію своего учителя.

Изъ послѣдней видно между прочимъ, что школу Плотина временами посѣщали христіане, особенно гностики. Его философія была слишкомъ близка къ религіи въ „эллинскомъ“ смыслѣ, чтобы православные и благонамѣренные христіане могли находить въ ней удовлетвореніе. Напротивъ, съ гностиками у него было больше общаго; посредствующимъ звеномъ было трансцендентальное богословіе. Плотиновскіе гностики съ виду не были ни валентиніанами, ни василидіанами, но скорѣе представителями какого-нибудь сирій-

1) Отъ Плотина осталось 54 трактата; Порфирій собралъ ихъ и распредѣлилъ въ шести книгахъ Эннеадъ, по девяти въ каждой.

скаго ученія, дальними духовными потомками Симона и Сатурнила [1]). Ихъ главами были Адельфій и Аквилинъ.

Подобно гностикамъ, у Аммонія и Плотина была своя система религіознаго міровоззрѣнія, и хотя ее сперва преподавали подъ покровомъ нѣкоторой тайны, она вскорѣ получила значительную извѣстность, Благодаря неоплатонизму эллинизмъ пріобрѣлъ, наконецъ, теологію. Правда, въ нее вошло много стараго: Пиѳагоръ, Зенонъ, Аристотель и Платонъ, въ особенности Платонъ, считались въ числѣ предковъ школы; ихъ сочиненія составляли для нея нѣчто въ родѣ Библіи, священнаго писанія, матеріала для толкованій. Филонъ также долженъ былъ отчасти повліять на образованіе новой религіозной системы, хотя школа на него и не ссылалась. Но фактъ тотъ, что она имѣетъ весьма ясно выраженныя черты сходства со старымъ іудейскимъ учителемъ.

Есть три формы Божественнаго бытія, вытекающія другъ отъ друга, нисходящія отъ отвлеченнаго къ конкретному, отъ простого къ сложному, отъ безусловнаго совершенства къ несовершенному въ разныхъ степеняхъ. Въ основаніи всего находится Сущее само въ себѣ, лишенное свойствъ и не поддающееся опредѣленіямъ, невыразимое, непостижимое. Все бытіе, какое есть въ мірѣ, исходитъ отъ него; такимъ образомъ, всѣ существа въ немъ, и оно составляетъ все бытіе каждаго существа. Вторую степень занимаетъ Разумъ (νοῦς), который составляетъ въ то же время Постижимое, образъ Высшаго Существа, доступный познанію, но безусловной простоты. Это—первообразъ всѣхъ другихъ существъ. Затѣмъ слѣдуетъ Душа (ψυχή), которая исходитъ отъ Разума, какъ тотъ въ свою очередь отъ Бытія въ себѣ. Душа оживляетъ міръ; слѣдовательно, она доступна разнообразію; она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ отдѣльныя души. Видимый міръ происходитъ отъ нея; часть душъ заключена въ немъ въ индивидуальныхъ тѣлахъ. Къ несчастью, между составными частями міра нѣтъ гармоніи, и душа не господствуетъ надъ тѣломъ; отсюда—все неустройство міра.

Бытіе, которое, принимая осязательныя и разнообразныя формы, становилось все болѣе несовершеннымъ, должно быть вновь

1) Объ этомъ см. статью C. Schmidt'a *Plotins Stellung zum Gnosticismus und kirchlichen Christenthum* въ *Texte u. Untersuchungen*, t. XX fasc. IV.— Одинъ изъ самыхъ почитаемыхъ въ неоплатоновской школѣ учителей, пиѳагореецъ Нуменій, называлъ Платона „аттическимъ Моисеемъ“; ученикъ Плотина Амелій сочувственно отзывался о прологѣ въ Евангеліи отъ Іоанна (Euseb. *Praep. ev.* IX, 6; XI, 18, 19).

возвращено къ совершенству. Это усиліе вернуться къ нему начинается съ добродѣтели: сперва идетъ добродѣтель обычная, гражданская (πολιτική), украшающая душу, но недостаточная для ея освобожденія; затѣмъ, аскетизмъ, очищающій и возвращающій душу къ добру. Очищенная такимъ путемъ душа можетъ достигнуть области Разума усиліемъ своего ума. Что же касается Бытія въ себѣ, то съ нимъ можно вступить въ общеніе только путемъ экстаза, такъ какъ оно недоступно уму. Экстазъ можно вызвать въ себѣ и во время его постичь Бога. Но это удается рѣдко. Въ теченіе шести лѣтъ, которыя Порфирій провелъ около Плотина, этотъ послѣдній только четыре раза входилъ въ такое непосредственное общеніе съ Божествомъ. Самому Порфирію это удалось всего разъ въ жизни.

Вся эта система проникнута религіознымъ духомъ, но съ перваго взгляда трудно понять, какъ она можетъ быть связана съ политеизмомъ и съ греческимъ культомъ. Плотинъ, который самъ удовлетворялся своей философской религіей, сумѣлъ однако уладить дѣло. Истиннымъ, единымъ истиннымъ Богомъ является Сущее въ себѣ, но Νοῦς, Разумъ, уже составляетъ второго бога; мысли (λόγοι), сознаваемыя имъ,—тоже божества; таковы же небесныя свѣтила и т. д. Въ общемъ для толпы старый міръ боговъ остался, только надъ нимъ надстроили одинъ или два этажа. Все перетолковывалось символически,—миѳологія, культъ, идолы, гаданія, даже магія.

Эта нижняя часть системы, эти уступки понятіямъ и обычаямъ стараго культа, должно-быть, были введены послѣ Плотина. Ямвлихъ въ началѣ IV вѣка превратилъ это ученіе въ своего рода науку теургіи. Въ такомъ видѣ оно дожило до Юліана.

Въ своей совокупности неоплатонизмъ представляетъ послѣднее усиліе греческой философіи объяснить міровыя тайны, и это усиліе носитъ религіозный отпечатокъ какъ по мистикѣ, лежащей въ основаніи всей системы, такъ и по ея приспособленію къ традиціоннымъ вѣрованіямъ. Чѣмъ Филонъ три вѣка передъ тѣмъ былъ для іудейства, тѣмъ Плотинъ сталъ для эллинизма. Филонъ показалъ, что можно быть въ одно и то же время іудеемъ по вѣрѣ и философомъ; Плотинъ свелъ къ мистицизму старую греческую философію; онъ какъ бы обратилъ ее въ своего рода религію, а религію сдѣлалъ предметомъ, достойнымъ мыслителей.

Эти послѣдніе съ жаромъ ухватились за новое міровоззрѣніе. Многимъ людямъ оно должно было казаться полезнымъ соперникомъ христіанству. Но этотъ языческій гносисъ былъ скорѣе годенъ для подрыва христіанскихъ гностическихъ сектъ, чѣмъ могъ серьезно угрожать православному христіанству. Богъ Плотина былъ слишкомъ далекъ и недоступенъ для человѣка; сочиненія древнихъ и новыхъ философовъ, какъ орудія пропаганды, не могли равняться со священной исторіей; жизнеописанія Плотина, которыхъ появилось нѣсколько, не выдерживали сравненія съ евангеліями. Платонизмъ остался предметомъ роскоши. Церковь не обратила на него никакого вниманія. Она продолжала свои нападки на языческихъ идоловъ и жертвы, приносимыя имъ, не заглядывая глубже, чтобы видѣть, нѣтъ ли въ основѣ ихъ какой-нибудь философіи. Впрочемъ не все въ воззрѣніяхъ Плотина подлежало осужденію; христіанскіе мыслители въ IV вѣкѣ и позднѣе часто пользовались ими. Если нетвердаго въ христіанскихъ убѣжденіяхъ Юліана новая философія отвлекла отъ церкви, то блаженному Августину она оказала противоположную услугу. Чрезъ посредство послѣдняго и чрезъ подложнаго Діонисія Ареопагита она проникла широкой волной въ средневѣковое богословіе.

Но вернемся къ ея первымъ шагамъ. Еще ранѣе кончины Плотина Порфирій удалился въ Лилибею въ Сициліи для поправленія здоровья. Тамъ онъ составилъ Эннеады и написалъ свои 15 книгъ противъ христіанъ,—самое значительное изъ всего, что было въ древности написано противъ христіанства. По сравненіи съ эпохой Цельза послѣднее уже сильно развилось во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ философскомъ. Оно дало міру Оригена. Порфирій знавалъ великаго христіанскаго учителя, знакомъ былъ и съ его трудами. Ему небезызвѣстно было также, что Περὶ ἀρχῶν не представлялъ точнаго выраженія церковнаго ученія. Догматы о твореніи и кончинѣ міра, о воплощеніи и воскресеніи, какъ ихъ понимала великая церковь, совершенно не соотвѣтствовали пантеизму новой школы. Съ другой стороны, въ священномъ писаніи, въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, греческій умъ всегда могъ найти пищу для критики. По просьбѣ своего учителя Порфирій уже ломалъ копья въ спорахъ противъ нѣкоторыхъ книгъ, яко-бы зороастровыхъ видѣній, на которыя гностики опирались во время преній. Теперь онъ напалъ на христіанскія книги. До насъ дошли только отрывки его полемики. Изъятое изъ обращенія христіанскими императорами, сочиненіе Порфирія исчезло, и, по странному совпаденію, утрачены даже написанныя на него Меѳодіемъ, Евсевіемъ, Аполлинаріемъ и Филосторгіемъ опроверженія. Впрочемъ нѣсколько стра-

ницъ его сохранились въ *Апокритикѣ* Макарія Магнета, оттого ли, что этотъ авторъ выписалъ ихъ прямо изъ сочиненія Порфирія, или оттого, что они впослѣдствіи были вставлены туда чужой рукой. То немногое, что до насъ дошло, достаточно даетъ понятіе о сжатой безпощадной критикѣ плотинова ученика. Онъ не ко всему относится отрицательно. Онъ нападаетъ не на Христа, къ которому, напротивъ, питаетъ большое уваженіе [1]), а на евангелистовъ и въ особенности на ап. Павла, къ которому чувствуетъ чрезвычайную антипатію. Онъ прекрасно видитъ, въ чемъ христіанство могло бы быть согласовано съ эллинской мудростью,—напр., въ вопросѣ объ единствѣ божества, единовластіи Бога, въ приравненіи ангеловъ къ низшимъ божествамъ, въ почитаніи храмовъ и церквей.

Книга Порфирія надѣлала много шума. Надо было опровергать ее безъ промедленія. За это взялись Меѳодій, писатель-епископъ Олимпа въ Ликіи, и трудолюбивый Евсевій Кесарійскій. Но они не помѣшали успѣху книги, и пока были еще образованные язычники, они всегда выдвигали ее противъ христіанства [2]).

Порфирій дожилъ до 304 г., подаривъ міру много религіозно-философскихъ сочиненій. Его противниковъ - христіанъ правительство въ ту пору объявило врагами имперіи и приступило къ борьбѣ противъ нихъ совсѣмъ инымъ оружіемъ, чѣмъ онъ.

3. Манихейство.

Въ концѣ III вѣка казалось, какъ-будто всѣ важнѣйшія древнія религіи сговорились ополчиться противъ все растущаго успѣха христіанства. Вокругъ Митры, Солнца и Цибелы тѣсно сплотились всѣ виды культовъ и мистерій, какіе только произвела римская Азія. Эллинизмъ обратилъ свою философію на подпорку своей миѳологіи и обратно. Какъ-будто этого не было довольно: изъ Персіи появилась новая религія. Передъ своей окончательной

[1]) Euseb. *Demonst. evang.*, III, 7; ср. August. *De civ. Dei* XIX, 23.

[2]) При всемъ томъ Порфирій оставилъ довольно почтенную память даже у церковныхъ писателей. Послѣдніе очень не долюбливали его и имѣли на то свои основанія. Св. Іеронимъ посылалъ ему всѣ ругательства, какія только способенъ былъ придумать его злой языкъ, а ихъ было немало: безстыдникъ, сумасшедшій, сикофантъ, клеветникъ, бѣшеная собака и т. д. Бл. Августинъ говоритъ о немъ (*De civ. Dei* XIX, 22, 23), совсѣмъ другимъ тономъ. Введеніе (Isagoge) Порфирія къ категоріямъ Аристотеля стало въ средніе вѣка основнымъ руководствомъ.

смертью старый Вавилонъ въ своемъ разложеніи далъ послѣдній и могущественный отпрыскъ,—манихейство [1]).

Мани [2]), родоначальникъ этого движенія, родился около Ктезифона, зимней резиденціи парѳянскихъ царей, въ 215 или 216 г. Отецъ его, Фâтакъ-Бâбакъ, былъ родомъ изъ Экбатаны въ Мидіи (нынѣ Гамаданъ); мать его принадлежала къ царствовавшей тогда династіи Арсанидовъ. Фâтакъ (Πατέκιος) въ молодыхъ годахъ увѣровалъ въ ученіе могтазиловъ, баптистской секты, родственной нынѣшнимъ мандаитамъ и распространенной по нижнему теченію Евфрата; онъ перебрался на житье къ сектантамъ, захвативъ съ собой сына. Расказываютъ, будто сынъ уже 12 лѣтъ получилъ откровеніе новаго ученія, которое онъ впрочемъ объявилъ лишь гораздо позднѣе. Свою проповѣдь онъ началъ въ 243 году въ царской столицѣ во время празднествъ коронованія Сапора I.

Мани открыто выступилъ какъ посланникъ Божій, на котораго возложено возвѣстить людямъ правду, какъ Будда въ Индіи, Зороастръ въ Персіи и Іисусъ на Западѣ. Но успѣхъ его былъ невеликъ. Маздейское духовенство и слышать не хотѣло о новизнѣ, которая угрожала опасностью зороастровой религіи. Что же ка-

[1]) Лучшій источникъ для знакомства съ происхожденіемъ манихейства и его ученіемъ—*Fihrist*, произведеніе араба Абульфарага, оконченное въ Багдадѣ въ 988 г. (издано въ 1871 г. въ Лейпцигѣ Flügel'емъ); тамъ приведено множество выдержекъ изъ древнѣйшихъ манихейскихъ произведеній. Оттуда же черпали свои свѣдѣнія другіе позднѣйшіе арабскіе и персидскіе писатели. Афраатъ (*Hom.*, 2) и св. Ефремъ говорятъ о манихействѣ; но самый важный сирійскій изслѣдователь его—Ѳедоръ Баръ-Хони (IX вѣка), который тоже приводитъ подлинныя манихейскія писанія. См. его книгу, озаглавленную *Eskolion* у Pognon'a: *Inscriptions mandaites*, Paris, 1899. — Евсевій (Ц. И., VII, 31), говоритъ лишь два слова о манихействѣ. Позднѣйшіе латинскіе и греческіе писатели почти все заимствуютъ изъ Дѣяній Архелая, подложнаго діалога, составленнаго около 320 года на сирійскомъ языкѣ какимъ-нибудь эдесскимъ духовнымъ лицомъ, затѣмъ переведеннаго по-гречески, а съ греческаго на латинскій. Произведенія бл. Августина, направленныя противъ манихейства, имѣютъ особую цѣнность: авторъ въ теченіе девяти лѣтъ принадлежалъ къ манихейской сектѣ, правда, къ разряду *внимающихъ*, т. е. оглашенныхъ, которымъ не открывали всѣхъ тайнъ, но онъ все же освѣдомленъ обо многомъ. И еще приходится принимать въ расчетъ, что африканское манихейство въ концѣ IV вѣка должно было воспринять много христіанскаго, чуждаго его первоначальному строю. Лучшія изложенія ученія см. у Flügel'я—*Mani, seine Lehre und seine Schriften* (1862.), у Kessler'a – *Untersuchungen zur Genesis des manichaeische Religionssystems* (1876.) и статью Kessler'a о *Мани* въ Энциклопедіи Гаука.

[2]) Греческое начертаніе этого имени Μάνης; по-латыни говорили также *Manichaeus*,—такъ называлъ его и бл. Августинъ. Сходство имени Μάνης со словомъ μανείς (безумецъ), конечно, дало поводъ къ остротамъ противниковъ.

сается царя Сапора, онъ отнесся къ нему такъ, что Мани вынужденъ былъ покинуть отечество. Много лѣтъ прожилъ онъ внѣ Персіи, на сѣверѣ и востокѣ. Чрезъ него самого, либо чрезъ его учениковъ его вѣра быстро распространилась въ Хорассонѣ, Туранѣ (Туркестанѣ), Китаѣ и Индіи; она нашла много приверженцевъ даже въ предѣлахъ Персіи.

Вернувшись въ Ктезифонъ послѣ 30-лѣтняго изгнанія, Мани обратилъ въ свою вѣру брата Сапора, Пероза, который устроилъ ему свиданіе съ царемъ. Сапоръ обѣщалъ разрѣшить существованіе его общины и даже подалъ ему надежду на свое обращеніе. Однако подъ вліяніемъ жрецовъ огня произошелъ поворотъ въ его настроеніи: Мани былъ заключенъ въ тюрьму. Выпущенный послѣ смерти Сапора (272 г.), онъ оставался на свободѣ въ теченіе очень недолгаго царствованія Гормизда. Царь Бахрâмъ приказалъ вновь бросить его въ тюрьму. Въ 276 или 277 году пророкъ былъ распятъ въ Гундезапурѣ, близъ Сузъ. Съ его трупа содрали кожу, набили ее соломой и повѣсили на однихъ изъ городскихъ воротъ, которыя долго носили потомъ названіе воротъ Мани. Съ тѣхъ поръ манихеи подверглись жестокимъ гоненіямъ.

Мученическая смерть основателя не остановила успѣховъ новой религіи. Съ этого времени она начинаетъ распространяться къ западу и захватывать предѣлы римской имперіи. Евсевій въ своей Хроникѣ [1]) относитъ къ четвертому году царствованія Проба (279—280) появленіе Манеса, т. е. манихейской проповѣди, на западъ отъ Персіи.

Въ римскихъ странахъ манихейство вскорѣ осложнилось новыми элементами, которые могли связать его съ христіанствомъ, столь распространеннымъ въ Сиріи и сосѣднихъ областяхъ. Евсевій уже зналъ, что манихеи выдавали своего пророка за Параклета (Утѣшителя), обѣтованнаго въ евангеліи, и что они окружали его группой изъ 12 апостоловъ. Но это—второстепенныя подробности. Манихейство вовсе не христіанская ересь, незаконный отпрыскъ евангелія; оно—настоящая новая религія. И это не какая-нибудь національная вѣра: она возстала противъ оффиціальной религіи персидскаго государства, зороастризма, или маздеизма, еще раньше, чѣмъ стала отвращать отъ старыхъ вѣрованій буддистовъ въ Индіи и христіанъ въ римской имперіи. Это—религія, стремящаяся ко всемірному господству. Вотъ ея ученіе [1]).

[1]) Въ своей Церковной Исторіи (VII, 31) онъ удостовѣряетъ, что занесенное изъ Персіи манихейство было уже очень распространено; надо помнить, что онъ писалъ въ первые годы IV столѣтія.

Въ мірѣ есть двѣ сущности, по существу другъ-другу противоположныя,—Свѣтъ и Мракъ. Онѣ представляются двумя царствами. Въ первомъ изъ нихъ царствуетъ Верховный Богъ, отъ котораго исходятъ лучами десять или двѣнадцать добродѣтелей,—Любовь, Вѣра, Мудрость, Благость и т. д. Въ этомъ царствѣ есть небо и земля, и то и другая лучезарныя. Подъ нимъ находится царство Мрака, лишенное Бога и неба, но имѣющее землю. Тамъ обитаетъ Сатана со своими демонами, составляющими его свиту, такъ же какъ лучезарные эоны—свиту Бога свѣта.

Оба царства соприкасаются одной изъ своихъ сторонъ, и здѣсь-то между ними ведется война. Однажды Сатанѣ удалось захватить лучезарную землю. Тогда Богъ Духомъ породилъ изъ правой стороны своего существа (сизигія) новое существо, первобытнаго Человѣка, и послалъ его на борьбу съ Сатаной. Послѣдній одолѣваетъ въ первую минуту. Богъ приходитъ первому Человѣку на помощь со своими ангелами и заглаждаетъ его пораженіе. Сатана изгнанъ. Но первобытный Человѣкъ пробылъ нѣкоторое время въ власти Сатаны, и тотъ похитилъ у него нѣсколько частицъ свѣта. Отсюда произошла смѣсь свѣтлыхъ и темныхъ элементовъ, и эта смѣсь преемственно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Первобытный Человѣкъ противодѣйствуетъ распространенію зла, но что сдѣлано, то сдѣлано.

Изъ этихъ уже готовыхъ смѣшанныхъ элементовъ Богъ сотворилъ нынѣшній міръ, соединеніе добра и зла. Онъ обнимаетъ цѣлый рядъ небесъ, управляемыхъ свѣтлыми ангелами (эонами). Солнце и луна имѣютъ въ себѣ наименьше примѣси мрака. На первомъ живетъ первобытный Человѣкъ, на другой—его сизигія, Матерь Свѣта. Въ то время какъ міръ есть дѣло рукъ Божіихъ, правда, созданное изъ несовершенныхъ элементовъ, человѣкъ—созданіе Сатаны и его приспѣшниковъ. Сатана вложилъ въ отца рода человѣческаго, Адама, всѣ частицы свѣта, какія успѣлъ похитить; Ева создана такимъ же путемъ, но въ ней гораздо меньше этихъ частицъ; она—искусительница, орудіе погибели. Каинъ и Авель—плоды ея связи съ самимъ Сатаной, Сиѳъ же—дѣйствитель-

[1]) Я излагаю здѣсь только главныя черты. Манихейская миѳологія такъ же богата приключеніями, какъ древняя вавилонская, съ которой она имѣетъ нѣчто общее.

ный сынъ этой первой человѣческой четы. Вскорѣ онъ сталъ предметомъ ненависти своей матери, козни которой впрочемъ разстраиваются. Ева, Каинъ и Авель подпадаютъ подъ власть ада; напротивъ, Адамъ и Сиѳъ послѣ смерти вознесены въ царство свѣта.

Такимъ образомъ, человѣчество раздирается борьбой двухъ элементовъ, неодинаково соединенныхъ въ мужчинѣ и въ женщинѣ. Заключенный въ нихъ свѣтъ [1]) стремится освободиться; демоны стараются удержать его въ плѣну страстями, заблужденіями, ложными религіями, между прочимъ ученіемъ Моисея и пророковъ, въ то время какъ духи свѣта помогаютъ ему освобождаться. Первое условіе освобожденія—познаніе истиннаго строя міра. Ради этого появлялись посланники Божіи: Ной, Авраамъ, Зороастръ, Будда, Іисусъ. Но подъ именемъ Іисуса здѣсь надо подразумѣвать Іисуса безстрастнаго (*Iesus impatibilis*), небеснаго эона, который съ самаго начала пришелъ на помощь Адаму и поддерживалъ его въ борьбѣ противъ Евы и Сатаны, а не историческую личность Іисуса, еврейскаго лжемессію, вдохновленнаго діаволомъ. Изъ посланниковъ Божіихъ Мани—послѣдній и самый совершенный.

По мѣрѣ того какъ частицы свѣта выдѣляются изъ человѣчества, онѣ поднимаются по зодіаку [2]) и лунѣ къ солнцу. Оттуда, очистившись окончательно, онѣ достигаютъ самого царства Свѣта. Тѣла и вмѣстѣ съ нимъ души тѣхъ, кто не принадлежитъ къ избраннымъ, остаются въ царствѣ Мрака. Кончина міра наступитъ, когда всѣ частицы свѣта вернутся къ своему источнику.

Изъ такого ученія о человѣчествѣ вытекаетъ, что каждый бываетъ добрымъ или злымъ отъ природы, смотря по тому, въ какой пропорціи въ немъ смѣшаны элементы мрака и свѣта. Единственная мораль, какую можно отсюда вывести, это—строгій аскетизмъ. Цѣль жизни—не допустить порчи свѣтлыхъ частицъ, которыми можетъ владѣть каждый, помогать имъ выдѣляться и уничтожать или обезсиливать остальныя. Чувственному міру объявляется война. Послѣдователь Мани отмѣченъ тремя печатями,—устъ, руки и лона. Первая налагаетъ запрещеніе на нечистыя рѣчи, на животную пищу и на употребленіе вина. Что касается растеній, то ихъ до-

---

1) Его-то и называли западные манихеи *Iesus patibilis* (способный къ страданію Іисусъ).

2) Зодіакъ—средній поясъ неба, по которому совершается годовое движеніе солнца; дѣлится на двѣнадцать созвѣздій по числу мѣсяцевъ. Прим. перев.

зволено ѣсть, но не убивать; поэтому слѣдуетъ предоставлять другимъ рвать плоды или травы, предназначаемые въ пищу. Печать руки запрещаетъ прикосновеніе къ нечистымъ предметамъ; печать лона—половыя сношенія даже въ бракѣ. Часто соблюдается постъ, въ среднемъ по одному дню на каждые четыре, а также каждое воскресенье. Молиться нужно четыре раза въ день, обращаясь къ солнцу, къ лунѣ или къ полярной звѣздѣ.

Такой аскетизмъ, очевидно, превышаетъ силы обыкновеннаго человѣка, да онъ и соблюдается только небольшимъ числомъ *Избранныхъ*, которые въ сущности единственные настоящіе манихеи. Народная масса въ манихействѣ, или т. н. *внимающіе*, могутъ жить, какъ всѣ люди. Избранные помогаютъ ихъ спасенію, а они берутъ на себя содержаніе этихъ избранныхъ. Въ манихейскомъ обществѣ послѣдніе соотвѣтствуютъ монахамъ, исповѣдникамъ, святымъ. Однако и надъ ними есть іерархія: пресвитеры, епископы числомъ 72, наконецъ, 12 учителей; изъ нихъ одинъ—глава ихъ, нѣчто въ родѣ манихейскаго папы; онъ долженъ былъ жить и дѣйствительно часто живалъ въ Вавилонѣ.

Культъ былъ очень простъ; онъ состоялъ почти весь изъ молитвъ и пѣнія. Въ мартѣ праздновался день Бѣма въ память смерти Мани. Ставили богато украшенный престолъ, къ которому вели пять ступеней,—символъ пяти степеней іерархіи: внимающіе, избранные, пресвитеры, епископы, учители; на него никто не садился, но всѣ только преклонялись передъ нимъ ницъ.

Во всѣхъ этихъ ученіяхъ и обрядахъ—много разнообразныхъ элементовъ, и не всѣ ихъ комбинаціи являются новыми. Мани недаромъ жилъ такъ долго съ отцомъ среди могтазиловъ. Священная книга ихъ потомковъ [1]), современныхъ мандаитовъ, показываетъ, что въ ученіи этихъ баптистовъ произошло сліяніе древнихъ вавилонскихъ легендъ съ библейскими ученіями. Вѣроятно, въ теченіе II вѣка среди обломковъ древней халдейской цивилизаціи возникло странное христіанство, напоминающее секты офитовъ и въ особенности элкезаизмъ [2]). Евреи были очень многочисленны въ этихъ

---

1) Сокровище (*Ginzâ*), или Великая книга (*Sidrâ rabbâ*), или книга Адама, изд. Петерманна, Берлинъ, 1867 г. О мандаитахъ см. въ особенности статью Кесслера въ Энциклопедіи Гаука.

2) Мани, повидимому, не былъ хорошо знакомъ съ православнымъ христіанствомъ. Не мѣшаетъ замѣтить важное мѣсто, какое онъ отводитъ патріарху Сиѳу. Въ этомъ онъ сходится съ гностиками офитскаго толка.

краяхъ. Мани, какъ и мандаиты, проповѣдуетъ полный, субстанціальный, вѣчный дуализмъ [1]). Его небесныя существа многими чертами напоминаютъ вавилонскихъ боговъ и героевъ, Эа, Мардука, Гильгамеса и др. Поклоненіе свѣту могло быть заимствовано изъ иранскихъ вѣрованій. Изъ Библіи взято много именъ. Въ отличіе отъ гностическихъ сектъ, которыя всегда во главѣ ставили Іисуса, Мани не обращаетъ никакого вниманія на евангеліе. Онъ самъ—провозвѣстникъ откровенія и учитель.

Послѣ него осталось нѣсколько сочиненій, уничтоженныхъ впослѣдствіи христіанскими, маздейскими и мусульманскими властями. Фихристъ содержитъ перечень семи: Тайны, Великаны, Правила для внимающихъ, Шâпуракâнъ, Живительный, Прагматейя, Евангеліе. Послѣднее было написано по-персидски (на пехлевійскомъ нарѣчіи), остальныя—по-арамейски. На нѣкоторыя изъ нихъ ссылаются христіане, писавшіе опроверженія на нихъ, въ особенности авторъ Дѣяній Архелая и св. Августинъ. Одно изъ сочиненій Августина посвящено опроверженію *Epistola Fundamenti* содержаніе котораго тождественно съ „Правилами для внимающихъ". „Евангеліе" не имѣетъ ничего общаго съ христіанскимъ евангеліемъ, кромѣ имени. Кромѣ этихъ книгъ было собрано довольно большое количество писемъ самого Мани, либо его ближайшихъ преемниковъ [2]).

Намъ незачѣмъ слѣдить здѣсь за успѣхами новой секты ни на Востокѣ, гдѣ, несмотря на гоненія, ее продолжали проповѣдывать до монгольскаго нашествія, ни даже на Западѣ, гдѣ она возрождалась нѣсколько разъ и, запрещенная какъ государствомъ, такъ и церковью, въ теченіе десяти вѣковъ не переставала тревожить ихъ обоихъ. Что стоитъ здѣсь отмѣтить, это поразительный пріемъ, какой нашла на римской почвѣ религія, заимствованная у наслѣдственнаго врага. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Мани Евсевій былъ чрезвычайно взволнованъ ея успѣхомъ. Около того же времени (296 г.) императоръ Діоклетіанъ грозилъ [3]) манихеямъ самыми суровыми карами: сожженіемъ для главарей, смертной казнью для остальныхъ, кромѣ *honestiores*, которымъ предстояли каторжныя работы въ рудникахъ Фено или Проконнезы; всѣмъ вообще грозило лишеніе имущества. Наконецъ, книги ихъ подлежали сожженію.

[1]) Въ персидской религіи Ариманъ, какъ и нашъ сатана,—только падшее твореніе. Единый истинный Богъ—Ормуздъ.

[2]) Фабрицій,—*Bibl. gr.*, t. VII, fasc. 2. p. 311,—собралъ дошедшіе до насъ отрывки ихъ.

[3]) *Cod. Gregor.*, IV, 4. Указъ написанъ на имя проконсула Африки Юліана и данъ въ Александріи, гдѣ Діоклетіанъ былъ только два раза, въ 296 и 302 годахъ. Я считаю послѣдній изъ этихъ годовъ менѣе вѣроятнымъ для указа, чѣмъ первый.

Подвергшись такому гоненію, манихейская секта вынуждена была скрываться и усвоить себѣ пріемы тайнаго общества. Когда христіанство сдѣлалось господствующей религіей въ имперіи, манихеи притворились христіанами и притомъ православными, пользуясь языкомъ и обычаями великой церкви и кое-какъ связывая ихъ со своими правилами.

Можно было думать, что, распространяясь такъ быстро къ западу, манихейство поглотитъ послѣдніе остатки гностическихъ ересей II вѣка. Связанный со старинными сирійскими сектами своимъ дуализмомъ и нравственными правилами, а можетъ-быть и какимъ-нибудь историческимъ отношеніемъ, онъ какъ-разъ годился имъ въ преемники. Однако поглощеніе не было полнымъ; въ концѣ IV вѣка оставалось, въ особенности въ Египтѣ, еще много мелкихъ группъ, упорно державшихся офитскихъ ученій и разбиравшихся въ безобразныхъ писаніяхъ, образчикъ которыхъ намъ сохранила Πίστις Σοφία. Несмотря на все это, эти люди были христіанами; Іисусъ оставался для нихъ Господомъ и Спасителемъ; ихъ нелегко было бы убѣдить въ томъ, что Онъ—слуга діавола. Болѣе значительные и менѣе удаленные отъ православія вардесаниты и маркіониты также не поддались манихейству; они долго еще держались въ Сиріи и Месопотаміи. Въ IV вѣкѣ было еще много вардесанитовъ въ Эдессѣ; въ слѣдующемъ столѣтіи кирскому епископу Θеодориту удалось обратить въ православіе въ одной только своей епархіи до 10000 маркіонитовъ. Послѣдніе послѣдователи гностицизма въ гораздо большемъ числѣ присоединились къ православной церкви, чѣмъ къ манихейству.

4. Іудейство.

Что касается евреевъ [1]), то ихъ вражда къ христіанству, столь же старая, какъ оно само, становилась все болѣе непримиримой. Въ концѣ-концовъ они оправились отъ бѣдствій, обрушившихся на этотъ народъ отъ царствованія Нерона до Адріана. Избіенія, которыми они поплатились въ концѣ царствованія Траяна за свои

[1]) Объ этомъ см. уже цитованную книгу Schürer'a: *Geschichte des jüdischen Volkes*, 4 ed., t. I, ss. 113—138 и 642—704

мятежи въ Египтѣ, Киренѣ, на о. Кипрѣ и въ Месопотаміи, конечно, уменьшили въ этихъ мѣстахъ значеніе ихъ общинъ. То же произошло и въ Іудеѣ послѣ войны Веспасіана и въ особенности послѣ пораженія Баръ-Кохеба (135 г.). Евреи вынуждены были покинуть страну; имъ запрещалось даже приближаться къ развалинамъ Іерусалима и къ колоніи Эліи, воздвигнутой на мѣстѣ святого города. Еще другія колоніи были основаны по Іудеѣ и Самаріи: Неаполь, Эммаусъ (впослѣдствіи Никополь), Діосполь, Елевѳерополь. Страна Іуды и Ефрема окончательно переходила отъ потомковъ Іакова къ сынамъ Эдомовымъ [1]).

„Остатки Израиля“ собрались въ западномъ углу Іудеи, въ Ямніи (Явне), мѣстечкѣ на палестинскомъ приморьѣ южнѣе Іоппе. Среди ихъ тогдашнихъ вождей называютъ Іоахана-бен-Саккаи и Гамаліила Младшаго. Благодаря терпимости правителей области имъ удалось кое-какъ организоваться. Саддукейская аристократія погибла во время возстанія; слабые остатки ея бѣжали въ дальніе края, въ страны месопотамскія, гдѣ еще были іудейскіе или іудействующіе государи. Храмъ былъ разрушенъ; священники, и левиты, какіе уцѣлѣли, вскорѣ вымерли. Остались только фарисеи и книжники, т. е. учители Закона. Этимъ послѣднимъ выпало на долю руководство общиной уже не политическое, а чисто-религіозное. Прежній главный органъ политической жизни, синедріонъ, уже не могъ быть возстановленъ. Несмотря на то былъ совѣтъ, которому давали иногда это старое имя; въ этомъ совѣтѣ былъ предсѣдатель, который съ теченіемъ времени пріобрѣлъ вѣсъ и былъ болѣе или менѣе оффиціально признанъ подъ именемъ патріарха. Какъ и въ другихъ еврейскихъ колоніяхъ, главы общины разбирали гражданскія тяжбы членовъ ея; что же касается уголовныхъ дѣлъ, то они иногда присваивали себѣ право судить и ихъ. Эта организація содержалась на пожертвованія евреевъ всѣхъ странъ. Уполномоченные, носившие титулъ *апостоловъ*, ѣздили за сборомъ ихъ и въ то же время производили что-то вродѣ ревизіи.

Религіозная жизнь стала очень замкнутой. Эпоха либеральныхъ евреевъ, заигрывающихъ съ эллинизмомъ и съ правительствомъ, прошла—и безвозвратно. За одобреніемъ другихъ народовъ больше не гонятся; тѣмъ болѣе не стараются привлекать прозелитовъ. Въ этомъ отношеніи предоставляютъ свободу дѣйствій „назареямъ“.

---

[1]) Въ эти времена имя Эдома служило евреямъ при помощи игры словъ для обозначенія Рима и римлянъ.

Евреи ушли въ себя, погрузились въ обожаніе своего Закона; лучшимъ утѣшеніемъ для нихъ было точно соблюдать его во всѣхъ мелочахъ. Конечно, уже невозможно стало выполнять его во всемъ объемѣ; но кто знаетъ, не возстановится ли когда-нибудь разрушенный культъ, не воскреснетъ ли Храмъ изъ развалинъ [1])? Покамѣстъ оставалось достаточно правилъ, доступныхъ выполненію, чтобы было къ чему прилѣпиться со всею вѣрностью и дать религіозной жизни на каждый день опредѣленное содержаніе.

Законъ составлялъ все. Энтузіазмъ, вызываемый имъ, канонисты выражали въ своихъ толкованіяхъ на него. Работа книжниковъ продолжалась и въ изгнаніи. Въ Лиддѣ (Діосполѣ), неподалеку отъ Ямніи, появилась очень вліятельная раввинская школа. Около половины II вѣка ея мѣсто заняла тиверіадская.

Туда же въ Тиверіаду перебрался и высшій національный совѣтъ со своимъ главой: здѣсь пребывали въ теченіе III и IV столѣтій іудейскіе патріархи. Галилея въ это время вновь покрылась цвѣтущими еврейскими колоніями: въ числѣ ихъ памятники упоминаютъ о Капернаумѣ, Сепфорисѣ, Діокесаріи, Тиверіадѣ, Назаретѣ; вся евангельская страна была покрыта синагогами, развалины которыхъ видны еще до сихъ поръ [2]). Тамъ были составлены первые сборники толкованій на Законъ. Древнѣйшій дошедшій до насъ, Мишна, относится къ концу II вѣка. Онъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 2000 изреченій или отвѣтовъ извѣстнѣйшихъ раввиновъ отъ Іоанана-бен-Саккаи до Святого Іуды, современника Марка Аврелія и Коммода. Іуда считается авторомъ Мишны [3]). Этотъ юридическій сборникъ скоро пріобрѣлъ значительный авторитетъ; онъ наравнѣ съ Закономъ сталъ предметомъ споровъ и породилъ два новыхъ сборника толкованій: одинъ, составленный въ Галилеѣ въ довольно позднюю пору IV вѣка, называется Іерусалимскимъ Талмудомъ; другой, возникшій въ слѣдующемъ столѣтіи въ еврейскихъ школахъ персидскаго царства, извѣстенъ подъ именемъ Вавилонскаго Талмуда [4]).

---

[1]) Апокалипсисы Варуха и Эздры, написанные при жизни поколѣнія, слѣдовавшаго за гибелью Іерусалима, возвѣщали возстановленіе Израиля вскорѣ. Объ этихъ книгахъ см. Schürer, *op. cit.*, t. III, 223 и сл.

[2]) Объ этихъ колоніяхъ см. любопытные разсказы св. Епифанія, *Haer.*, 30.

[3]) Нѣсколько болѣе поздній сборникъ,—*Тосефта*,—не получилъ того каноническаго авторитета, которымъ пользуется у евреевъ Мишна.

[4]) Въ Талмудахъ надо отличать *Мишну*, съ одной стороны, общую имъ всѣмъ и составляющую самый текстъ Талмуда, и, съ другой стороны, *Гемару*, т. е. толкованія на этотъ текстъ, различныя въ каждомъ изъ Талмудовъ.

Внѣ этого палестинскаго центра и вдали отъ религіозныхъ властей, которыя заступили мѣсто упраздненнаго священническаго сословія, *Діаспора* (іудейское разсѣяніе) продолжала расширяться безъ помощи прозелитизма однимъ только естественнымъ приростомъ населенія. По этому поводу разъ даже возникли довольно серьезныя затрудненія. Обрѣзаніе было запрещено Адріаномъ. Но евреямъ было невозможно подчиняться такому запрещенію. Ихъ сопротивленіе выразилось въ новыхъ возстаніяхъ, такъ что Антонинъ отмѣнилъ запрещеніе и ограничился только тѣмъ, что запретилъ обрѣзать кого-либо, кромѣ еврейскихъ дѣтей, что было подтверждено потомъ Северомъ.

Такимъ образомъ, римскій законъ самъ содѣйствовалъ замкнутости евреевъ; но такъ какъ въ терпимости онъ имъ все-таки не отказывалъ, то они распространялись все болѣе и болѣе, занимаясь низшими должностями и мелкой торговлей. Въ IV столѣтіи они встрѣчались вездѣ. Епископовъ безпокоили ихъ сношенія съ христіанами, порою склонными принимать участіе въ ихъ празднествахъ и исполнять ихъ обряды [1]).

Писатели продолжали опровергать ихъ, какъ въ былое время Аристонъ и св. Іустинъ. Это все тотъ же споръ: христіане хотятъ доказать истинность Евангелія Ветхимъ Завѣтомъ и раздражаются, когда евреи отвергаютъ ихъ символическія толкованія или даже оспариваютъ ихъ ссылки.

Въ предшествующее время было гречески-образованное іудейство, способное поддерживать подобные споры; это—то іудейство, для котораго былъ сдѣланъ переводъ LXX. Переводъ этотъ въ II вѣкѣ уступилъ мѣсто болѣе буквальнымъ, ибо потерялъ довѣріе вслѣдствіе того употребленія, какое онъ получилъ въ рукахъ христіанъ. Переводъ Ѳеодотіона представляетъ исправленный по принятому тогда въ Палестинѣ еврейскому тексту переводъ LXX; Акила совсѣмъ заново перевелъ его съ чрезвычайной, отталкивающей мелочной точностью. Такимъ образомъ, спорщики могли противопоставлять одинъ переводъ другому. Въ концѣ-концовъ однако эллинизмъ былъ окончательно вытѣсненъ; евреи предали забвенію труды Акилы и Ѳеодотіона такъ же, какъ раньше отвернулись отъ перевода LXX, и въ своемъ богослуженіи стали ограничиваться однимъ еврейскимъ текстомъ.

1) Эльвирскій соборъ около 300 г. запретилъ христіанамъ ѣсть вмѣстѣ съ евреями и давать имъ благословлять урожай (кан. 49 и 50).

Языческіе культы древніе и новые, туземные и ввезенные изъ далекихъ странъ, мистическія философскія системы, новорожденныя религіи, ветхій іудаизмъ,—вотъ силы, которыя въ концѣ III вѣка противодѣйствовали христіанству. Была еще одна, страшнѣе по виду, но не всегда враждебная сила,—римская государственная власть. Этой послѣдней суждено было испытать пораженіе и стать слугой побѣдоноснаго Евангелія. Однако этотъ переворотъ совершился только послѣ страшной борьбы, къ которой мы теперь и перейдемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе .... I—III

Предисловіе къ русскому переводу .... V—XII

I. Римская Имперія, какъ родина христіанства 1

II. Первобытная церковь въ Іерусалимѣ 8

III. Антіохія и миссіонерство апостола Павла 14

IV. Христіанство апостольскихъ временъ 24

V. Происхожденіе Римской церкви 35

VI. Первыя ереси 44

VII. Епископская власть 56

VIII. Христіанство и государство 64

IX. Распаденіе іудействующаго христіанства 77

X. Произведеніе христіанской литературы 88

XI. Гносисъ и Маркіонизмъ 102

1. Симонъ и простонародный гносисъ 104

2. Валентинъ, Василидъ, Карпократъ 109

3. Гностическое ученіе 116

4. Маркіонъ 121

5. Церковь и Гносисъ 124

XII. Распространеніе и апологія христіанства во II вѣкѣ 130

XIII. Римская церковь отъ Нерона до Коммода 143

XIV. Мѣстныя церкви во II вѣкѣ 169

XV. Монтанизмъ 180

XVI. Вопросъ о праздновании Пасхи 191

XVII. Распри въ Римѣ.—Ипполитъ 196

XVIII. Христіанская александрійская школа 219

XIX Церковь и государство въ III вѣкѣ 241

1. Эпоха Северовъ 242

2. Гоненія Деція (250—251) 246

3. Гоненіе Валеріана 251

4. Общинная собственность христіанскихъ церквей 255

XX. Христіанская Африка и римская церковь въ половинѣ III вѣка.—Кипріанъ 261

1. Африканскія области 261

2. Появленіе христіанства.—Тертулліанъ 264

3. Св. Кипріанъ и гоненія Деція 267

4. Новаціанскій расколъ 274

5. Споръ о крещеніи 282

Стр.

XXI. Христіанство на Востокѣ до Деція.................................. 291
1. Горныя страны Малой Азіи 291
2. Антіохія.. 298
3. Эдесса.. 302
4. Южная Сирія... 306
XXII. Павелъ Самосатскій.. 312
XXIII Діонисій Александрійскій.. 319
XXIV. Восточное Богословіе послѣ Оригена и Павла Самосатскаго.......... 330
XXV. Христіанскіе нравы и обряды.. 337
XXVI. Христіанская община... 352
XXVII. Противники христіанства въ концѣ III вѣка........................ 362
1. Культъ Митры.. 363
2. Неоплатонизмъ... 367
3. Манихейство... 372
4. Іудейство... 379